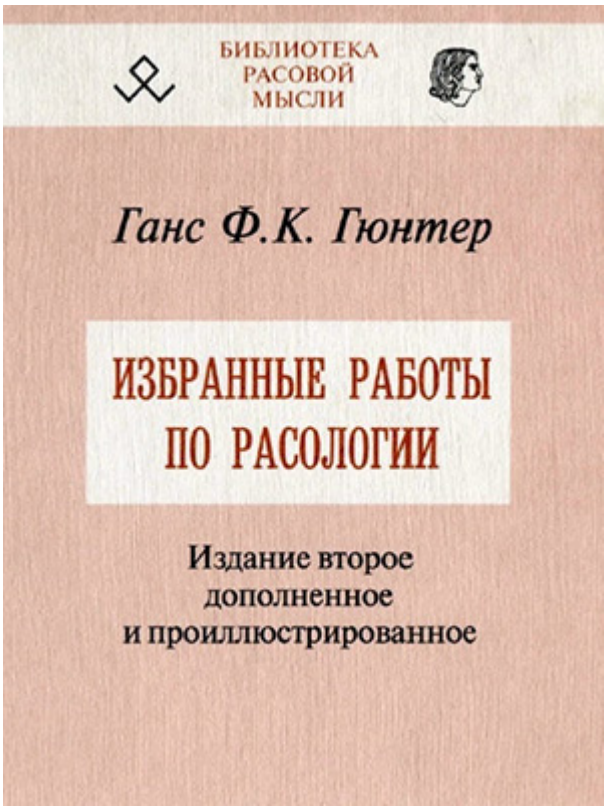
Ганс Ф.К. Гюнтер

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО РАСОЛОГИИ



Ганс Ф.К. Гюнтер Избранные работы по расологии. Изд. 2 доп. и проилл. Перевод с нем. А.М. Иванова. Предисловие Вл. Авдеева, АН. Иванова, Юр. Ригера. Серия «Библиотека расовой мысли». – М.: Белые альвы, 2005. – 576 с.: илл. ISBN 5-7619-0215-X

Данное издание ставит своей целью ознакомление русского читателя с трудами некогда самого известного немецкого расового теоретика Ганса Ф.К. Гюнтера (1891-1968). Научная беспристрастность, широта кругозора, изящество стиля и в то же время доступность формы работ снискали ему славу самого массового и популярного пропагандиста расовых идей. Его книги расходились огромными тиражами и при Веймарской Республике, и в Третьем Рейхе, и в послевоенной Федеративной Германии, а также в других странах. Несколько поколений немцев, от домашних хозяек до профессоров, постигали основы расовой теории в его изложении.

Будучи горячим и бескомпромиссным сторонником единства белого мира и одним из основоположников европейского неоязычества, Ганс Ф.К. Гюнтер на основе научных знаний предсказал крах «блицкрига» немецкой армии на Восточном фронте, чем вызвал неодобрение официальных идеологических кругов Третьего Рейха, за что был осужден на забвение. До сих пор доктрину нордической расовой философии во всем мире связывают с именем Ганса Ф.К. Гюнтера. Его взгляды особенно актуальны для современной России.

Второе издание включает четыре новых раздела и подборку иллюстраций Ганса Ф.К. Гюнтера.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами философии, психологии, истории и культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Ганс Ф.К. Гюнтер – пророк нордической расы

Предисловие ко второму русскому изданию

Нордическая идея

1. Пробуждение нордической идеи. Мировоззренческие основы нордической идеи

2. Злоупотребление расовой идеей и ее неправильное понимание. Обвинения в адрес нордической идеи

3. Нордическое движение и суть нордической идеи

4. О «ценности» человеческих рас

5. Раса, смешение рас и цивилизация

Расология немецкого народа

1. Расология и общее образование

2. Об истории расологии и смежных наук

3. Названия европейских рас

4. Физические признаки нордической расы

5. Физические признаки западной (средиземноморской) расы

6. Физические признаки динарской расы

7. Физические признаки восточной (альпийской) расы

8. Физические признаки восточно-балтийской расы
9. Физические признаки фальской (дальской) расы
10. Прочие физические признаки. Судетская раса
11. Психические качества нордической расы
12. Психические качества западной (средиземноморской) расы
13. Психические качества динарской расы
14. Психические качества восточной (альпийской) расы
15. Психические качества восточно-балтийской расы
16. Психические качества фальской (дальской) расы

Приложение к «Расологии немецкого народа»

Краткая расология Европы

1. Распределение европейских рас на территории Европы
2. Нордическая раса в истории
3. Нордический идеал – итог антропологического взгляда на историю

Нордическая раса среди индоевропейцев Азии и вопрос о прародине и расовом происхождении индоевропейцев

1. Прародина Иранцев
2. Индийцы
3. Белуджи и афганцы
4. Персы
5. Таджики, галеши и другие остатки иранцев вне Персии
6. Саки
7. Нордическая примесь в родах центрально-азиатских вождей
8. Нордическая примесь в Восточной Азии
9. Тохары
10. Армяне
11. Резюме

Расовая история эллинского и римского народов

Расовая история эллинского народа

Расовая история римского народа

Что такое нордический расовый тип

Антропологический фотоальбом, сост. Гансом Ф.К. Гюнтером

Раса и стиль

1. Кое-что о форме и содержании. Пример Дюрера
2. Нордическая и западная «форма» в поведении людей
3. Восточный и восточно-балтийский отказ от «формы» в поведении
4. Восточная и восточно-балтийская суть и искусстве
5. Искусство, возникшее из нордической сути
6. Западная душа и ее влияние на художественные образы
7. Динарские художественные формы
8. Творения и влияния переднеазиатской души

Религиозность нордического типа

Народ и государство в их отношении к наследственности и отбору

Выбор супружеской пары для счастья в браке и улучшения наследственности

Введение. Неправильный выбор супружеских пар как одна из главных причин распада браков в наше время

Разводы

Выбор супружеских пар как процесс отбора

Выбор супружеской пары по идеальным качествам

Часть 1. Выбор супружеской пары для счастья в браке

Брачный возраст

Разница в возрасте между мужем и женой

Прослойка и сословие

Биологический уровень и природное равенство

Значение физической красоты с точки зрения законов жизни

Пробуждение и воспитание чувства красоты

Идеальный образ при выборе супружеской пары и красота

Влияния, мешающие правильному выбору

Как мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга.
Противоположные и сходные черты характеров

Различные учения о взаимном дополнении

Идеал способного, благородного и красивого человека

Люди, которые не должны вступать в брак

Люди, к которым нужно относиться с осторожностью,
и люди, с которыми не следует вступать в брак

Часть 2. Выбор супружеской пары
для получения здорового потомства

Применение учения о наследственности в целях отбора

Как избежать брака с наследственно неполноценными людьми

Оценка наследственности семьи и отдельной личности

Оценка средней наследственной ценности семьи

Брак с наследницами

Браки между родственниками

Предотвращение брачного родства наследственно здоровых семей
с наследственно больными людьми

Обмен свидетельствами о здоровье перед обручением

Наследственность и воспитание

Наследственность и среда

Предисловие к 4-му изданию

Новое понимание значения семьи в Германии

Необходимость руководящего слоя для государства

Humanitas

Исчезновение талантов в Европе

ГАНС Ф.К. ГЮНТЕР – ПРОРОК НОРДИЧЕСКОЙ РАСЫ

«Я предупредил тебя, случайность, и отгородился от всякого твоего тайного проникновения. Ни тебе, ни другому какому обстоятельству мы не выдадим себя».

Эпикур

«Лишь низменные натуры руководствуются в своих поступках чем-то, что находится вне их самих».

Серен Кьеркегор

Не все эпохи благоприятны одновременно для удовлетворения любви к науке и к Родине. Времена и страны проживания соревнуются, разрывая духовный мир великих ученых, в своем стремлении оставить исторической личности что-то одно. К этому нехитрому выводу можно прийти, изучая практически любую биографию великого ученого. XX век и вовсе превратил в подлинную пытку сочетание мантии профессора с лавровым венком триумфатора. Деятель науки, вознамерившийся отдать свои дарования на службу нации, все чаще объявляется ангажированным, или хуже того – продавшимся, а подлинный патриотизм все чаще изображается пристанищем дремучих мракобесов, коснеющих в предрассудках. «Свободен от оценки», – эта крылатая фраза сделалась уже своего рода гимном современного погрязшего в пучине «общечеловеческих ценностей» ученого мира, в котором желание безвозмездно преподнести озарение в дар своему народу вызывает неудовольствие со стороны грантодателей. Теперь мысли, обвешанной ярлыками академических регалий, надлежит быть товаром, сбываемым торговцами невольничьей наукой. Искренность в среде ученых последнего времени поддается исследованию только методами археологии и палеолингвистики.

Последний национальный рыцарь национальной науки – так можно было бы кратко охарактеризовать Ганса Ф. К. Гюнтера – выдающегося немецкого расового теоретика и религиозного реформатора, человека, усилиями которого немецкая расовая школа заняла доминирующее положение в мире, а духовное движение за обновление нордической расы приобрело массовый и респектабельный характер.

Свидетель двух грандиозных подъемов Германии, а также двух сокрушительных ее поражений, сочетавшихся с непременным оскорблением всего немецкого, он, в силу своей природной скромности, унес с собой в могилу шрамы от тех

несбывшихся надежд и горьких разочарований. Будучи явлением всецело своей национальной культуры, он тем не менее добился и международного признания, ибо не только личные впечатления и даже не описание специфики немецкой души он отшлифовал в своих трудах до филигранности. Нет, он расшифровал архетипический язык всей белой расы, вскрыв обилие смыслов и символов в каждом казалось бы пустячном бытовом явлении. Он буквально оживил опыт предков методами современной ему науки, толкуя магию наследственности, и этим каждого сделал сопричастным ко всей глубине истории своего народа.

Обладая изысканным литературным стилем и оперируя при этом образами, доступными пониманию каждого, он превратил расовую теорию в неотъемлемую часть мировоззрения обычного немца. Мало того, он низвел ее до уровня атрибута домашнего убранства, функциональная необходимость которого понимается уже инстинктивно, как нечто само собою разумеющееся. Переворот, совершенный им в умах современников, был грандиозным и ни с чем несравнимым. Казалось, что открывшемуся простору мысли не будет конца, но жизнь внесла свои коррективы.

Начало пути

Ганс Фридрих Карл Гюнтер (таково его полное имя) родился 16 февраля 1891 года во Фрейбурге. Его отец Карл Вильгельм был потомственным музыкантом, семья которого происходила из окрестностей города Дессау (Саксония-Ангальт). Среди немецких скрипичных мастеров четверо были из известного рода Гюнтеров. Именно это наследственное дарование по линии отца – профессионального скрипача – передалось и сыну, который на протяжении всей своей долгой творческой карьеры отличался утонченным эстетическим вкусом, благодаря чему его философские обобщения были столь образными и запоминающимися. Второе важное качество, унаследованное им от отца, – аристократизм мышления в сочетании с нордическим чувством дистанции.

Мать Гюнтера Матильда Катарина Агнес, урожденная Кропф, была родом из Штутгарта, где жило несколько поколений ее семьи. По этой линии прослеживается отдаленная связь с семьей матери Кеплера, великого астронома и еретика.

Таким образом, будущий главный расовый теоретик времен Веймарской Республики и Третьего Рейха соединил в себе наследственные таланты предков в виде музыкального дарования, работоспособности, тяги к точным наукам, вселенским обобщениям, а также природный такт, удивительным образом уживающийся с бунтарским темпераментом первооткрывателя. Даже пропорции этих даро-

ваний, соединившихся в его крови, были сугубо немецкими, ибо всего было в меру.

Гюнтер учился в родном Фрейбурге и получил аттестат зрелости в 1910 году. Очень рано он обнаружил ярко выраженную склонность к языкознанию, а затем уже в старших классах выучил венгерский язык и сделал доклад об агглютинативной природе этого языка. В университетские годы он расширил свои познания изучением алтайских и финно-угорских языков, наряду с индоевропейскими, которые частично изучал в Париже, затем уделил особое внимание турецкому и сдал специальный экзамен по латыни.

При этом чужой язык всегда привлекал его как выражение души народа. В словарном запасе, стиле построения предложений, способе соединения мыслей язык облекает в форму свою духовную суть, так что перевод мифов или поэм на другой язык – это всегда более или менее удачная попытка передать отношение к миру и Богам, которое у каждой расы свое. Именно через изучение неиндоевропейских языков Гюнтер и пытался постичь душу другой, «азиатской» расы. Таким образом, посвятив себя гуманитарным наукам, он, в отличие от прочих гуманитариев, очень рано для себя осознал, что для понимания всего «духовного» в человеке необходимо, в первую очередь, изучать самого человека, как часть органической природы. Очевидные различия в строении языков открыли ему всю фатальную глубину различий между расами, что в конце концов и привело юного филолога к необходимости углубленного изучения естественных наук, тем более, что биологию в то время во Фрейбургском университете преподавал Август Вейсман.

В 1914 году, перед самым началом Первой мировой войны, Гюнтер защитил диссертацию «Об источниках народной книги о Фортунате и его сыновьях» – романтическом, полусказочном собрании авантюрных историй эпохи средневековья. Переиздав эту работу отдельной книгой, он таким образом и заработал свои первые деньги. Но в этот момент разразилась война. Гюнтер записался добровольцем, но сразу же на фронте заболел тяжелым суставным ревматизмом и потому был комиссован из армии. Однако, подобно Ницше, он стал санитаром и прослужил им до января 1919 года.

Этот год стал чрезвычайно тяжелым для Германии, которая была буквально раздавлена и унижена союзниками. Она потеряла армию, флот, огромные территории, включая все заморские колонии, а баснословная по величине контрибуция должна была ввергнуть в нищету целые поколения немцев. С крахом Второго Рейха в одночасье канули в лету и традиционные немецкие консервативные ценности. Знаменитый «Закат Европы» Освальда Шпенглера, вышедший

как раз после окончания войны, был одним из многих симптоматических явлений той поры, когда рухнула вера в прошлое и надежды на будущее.

Носилки с окровавленными и кричащими от боли солдатами, выносимыми с поля боя на протяжении четырех с лишним лет всеевропейской бойни, не могли не оставить следа в душе санитара Ганса Ф. К. Гюнтера, так же как во время франко-прусской войны 1870 года это переживание всколыхнуло душу другого санитара – Фридриха Ницше. Результат известен: мир получил двух выдающихся мыслителей. По какому-то необъяснимому метафизическому закону сохранения массы страданий, количество горя миллионов вновь сконцентрировалось и отчеканилось в душе одной личности, изменив ее духовный статус.

1919 год – Германии навязывается унизительный Версальский договор, и Гюнтер в это время тоже переживает свой «внутренний Версаль»: он официально выходит из протестантской церкви и начинает писать свою первую программную работу «Рыцарь, Смерть и Дьявол. Героическая мысль», которая вышла в 1920-ом. Это и явилось его, Гюнтера, «переоценкой всех ценностей». Книга была напечатана в Мюнхене крупнейшим немецким издателем патриотической ориентации Юлиусом Фридрихом Леманом.

Поскольку книга Гюнтера называлась так же, как и знаменитая картина Альбрехта Дюрера, она уже одним этим действовала на коллективное расовое подсознание немецкого народа, на «архетип», если пользоваться термином К. Г. Юнга, и неизбежно вызывала встречную реакцию. Эти три магических слова предопределили дальнейший успех Гюнтера.

Он писал в своем сочинении: «Впервые в мировой истории мы, люди, поняли причины величия и упадка народов. На основе этих знаний можно создать новый порядок в государстве и в личной жизни каждого человека. В этом уникальность нашей современной ситуации, когда возможно новое начало, если это начало найдет своих героев. Это начало, старая истина, ключ к мировой истории и мужественная готовность строить на научной основе с чувством глубокой ответственности – всем этим должно стать для нас знание героической нордической расы, которой совершены все великие подвиги».

Гюнтер открыл для себя и приобщился к движущему миром принципу «наследственного неравенства людей» как в законотворчестве и философии, политэкономии и взглядах на искусство, так и в медицине, педагогике и истории, короче, в любой научной области, – ибо это и есть единственная основа, на которой только и может строиться новая шкала высших ценностей. Осознание и усвоение «расового вопроса» либо попытка обойти его или объявить бессмыслицей – вот критическая точка расхождения между отживающими свой век учеными,

зацикленными на среде, сиюминутных ценностях, умственных спекуляциях и интернациональных идеях об этом или потустороннем мире, и теми, для кого, подобно Гюнтеру, жизненная сила расы обрела ценность «высшего критерия».

Таким образом, расовый вопрос помещает нас в фокус всех мировоззренческих споров, тогда как для либеральной науки XIX века он попросту не существовал как «беспредметный». Но при освещении расового вопроса речь идет не о предметах, не о вещах, а о людях, оценивающих любую вещь или явление исходя из своих наследственных задатков. Расовая теория поэтому указывает, что именно реальные люди, способные благодаря расе, унаследованной от предков, к определенным формам действия и мышления, творят политику и историю, а не какие-то абстрактные «эпохи», «влияния среды» и «методы воспитания...»

Гюнтер пророчествовал: «Голос крови каждого должен подсказать ему, что расовые различия обуславливают принципиальные различия сущности, поэтому никогда не может быть равенства рас по сущности, одаренности и целям (...) Каждая отдельная раса должна иначе думать и поступать, должна иначе желать и хотеть, чем все другие расы. Одни и те же выражения одного языка для людей разных рас должны иметь разное значение».

Гюнтер буквально перебросил мост из эпохи «горизонтального мышления», эпохи «среды» и «духа в себе» в «новое время», в эпоху «вертикального мышления», ибо очевидные факторы расового бытия проявились в жизни целого воевавшего поколения. Пройдя сквозь алхимическую реторту ужасов войны, какой еще не знала «добрая старая Европа», новое поколение рано поседевших мальчиков само стало кристаллизоваться вокруг новой системы ценностей. Блестящие по форме и проникновенные по сути образы и обобщения Гюнтера выполнили функцию недостающего химического реактива, способного ускорять течение необратимых процессов:

«XIX век занимался меблировкой душевных пустот; способность к какой-либо творческой духовной деятельности была утрачена, так как из тысячи методов нельзя создать единую духовную силу. Оставалось лишь заниматься воровством для заполнения пустот; творения былых эпох самым гнусным образом присваивались, чтобы изобразить богатство. Это сказалось на всех областях современной жизни, от архитектуры (целые улицы наших больших городов превратились в выставки стилей всех времен и народов) до философии, которая стала «эклектичной» и собирала мысли всех эпох и стран, от Индии до Америки, для соединения их в немощные «системы». Подражали японским гравюрам по дереву, подражали готическим мастерам, объявили образцом Эль Греко, на самом же деле художники с расшатанными нервами рисовали вещи, которые выдавали за вспышки художественных страстей; одним словом, душу меблировали прошлым

и экзотическими штучками. Художники работали во всех стилях, а эстеты вели себя еще постыдней: они занимались постоянными перестановками краденой мебели в своих душах согласно последней моде. Мы отреклись от высокой языческой цивилизации эпохи викингов, как отреклись от несравненного нордического звериного орнамента в пользу менее ценных южных форм».

Но Гюнтер не был бы автором книги о героической идее, если бы ограничился одними сетованиями. Он хотел обозначить новую точку отсчета во всех областях и привлечь каждого немца к этому новому началу.

«Герой воспринимает жизнь как рискованное предприятие и видит в нем свою задачу. Этим все сказано, он будит льва своей судьбы – только у героя есть судьба. Он совершает подвиги не ради награды или ликования толпы, а для того, чтобы оставаться верным самому себе. (...) Творческая ненависть Клейста, Бисмарка, любого героя в тысячу раз ценней так называемого человеколюбия современности, этого больничного блаженства паралитиков. (...) Ненависть – это смысл души. Нет целого без смысла, а человек должен быть целым. Все страсти даны нам для воспитания, и правильная ненависть может воспитать благородного человека, не знающего расслабленности и усталости. (...) Герой должен вырвать веру в себя из когтей дьявола после ожесточенной битвы. (...) Если вы хотите знать, что значит жить героическим духом, быть полным творческих сил, познакомьтесь со структурой наших языков. Их называют индоевропейскими. Это языки народов нордической крови. (...) Искусство – это также прежде всего сотворение своей судьбы».

Новое в героической идее Гюнтера заключалось в том, что он видел героя не только в физической силе и солдатской выправке, но делал основой своего учения арийское единство тела и души и понимал героя так, как понимали его древние греки, а на высшей стадии своего развития – все нордические народы: как человека, в котором гармонично сочетаются сила и искусство, борьба и праздник, здоровье и великодушие, глубина восприятия и свежесть.

Этот взгляд на саму проблему героического был совершенно чужд XIX веку, для которого воспитание и среда значили все. Преступниками и гениями с этой точки зрения не рождались, а становились под влиянием среды. Вечное блаженство и счастье всего мира, как предполагалось, должны были быть достигнуты посредством обучения и воспитания. Расовое мышление, не раздумывая, выбросило все эти химеры на свалку истории. После многовекового забвения оно вновь было открыто арийскими мыслителями, подобными Гюнтеру, и начало распространяться, выходя за пределы антропологических институтов и лабораторий. Оно вышло на бой с действительностью, которая ненавидела расовую идею, не считала ее истинной и не хотела ее понять. Средневековый, а позднее

либерально-просветительский страх перед жизнью повлек за собой болезненное разделение природы и духовности. Расовая же идея, наоборот, исходила из естественного единства тела и души.

Либерализм с его идеалами просвещения и равенства непонятно кого с кем, под видом «объективной науки» канонизировал универсальную «вещь в себе». Гюнтер и философы его поколения посредством расовой идеи безжалостно растоптали заблуждения тех, кто думал, будто существует истина, обязательная для всех народов и рас. К ужасу космополитов, пацифистов и догматиков от потустороннего мира они открыто провозгласили, что масштабы ценностей и возможности понимания наследственно различны, и для каждого народа истинно только то, что служит его расово-биологическому совершенствованию, то есть вечности его крови и духа. Расовые теоретики показали, что не бывает истин, не зависящих от ценностей, которые в науке считаются «само собою разумеющимися», потому что полноценный арийский человек сам познает их с помощью своих чувств.

Крах науки, выродившейся от беспрестанного витания в пустотах общечеловеческих ценностей, был неминуем, и Гюнтер со всей решительностью указал на это. Кровь предка-бунтаря и астронома Кеплера дала себя знать.

Первый успех

В том же 1920 году в двух номерах журнала «Дойчландс Эрнойерунг» была напечатана юношеская драма Гюнтера «Уход Ганса Бальденвега», позже переизданная отдельной книгой. Идея этой пьесы – разрыв героя со Священной Римской империей немецкой нации и ее чужеродными мировоззренческими узами и призыв к борьбе за свободную от всяких чуждых догм Германскую империю нордической крови. В этой пьесе противостоят монах, для которого добро и зло измеряются только догматами его церкви, и немецкий солдат-студент, который доверяет только голосу своей крови и свободной совести. Этот голос, в объединенном образе кайзера и Бога Одина, символически вещает ему через заключенную в его крови традицию. Для монаха, воспитанного в духе церкви, этот образ мысли неприемлем.

Кроме того, Гюнтер писал в юности и стихи, также изданные отдельной книгой в 1925 году Леманом – издателем, открывшим эту восходящую звезду. О том, какое значение для Германии и для будущего белой расы имело сотрудничество Гюнтера и Лемана, сам Гюнтер написал в некрологе после смерти издателя 24 марта 1935 года:

«Я послал ему в 1920 году свою первую книгу, юношескую работу «Рыцарь, Смерть и Дьявол», которую он в нынешнем, 1935 году, издал в четвертый раз. Тогда у него пробудилось желание встретиться и с автором. Он пригласил меня в свой дом в Мюнхене. Я познакомился с ним и его издательством. В моей книге о расовом вопросе говорилось в духе идей великого Гобино и затрагивался расовый состав немецкого народа. Во время двухдневной экскурсии в Альпы Юлиус Фридрих Леман постепенно изложил мне свой план: не могу ли я написать для его издательства «Расологию немецкого народа», и одновременно обсудил вопрос, каким образом я мог бы освободиться на несколько лет от своей профессиональной деятельности, чтобы целиком посвятить себя написанию книги. По дороге Леман часто спрашивал меня о расовых признаках встречных крестьян и путников и внимательно слушал мои объяснения. Как я понял позже, это была проверка.

По возвращении с экскурсии мы посетили двух известных евгенистов, живших недалеко от Мюнхена, – Альфреда Плетца и Фрица Ленца. Леман заставил меня вести беседы с ними и опять слушал. Я до сих пор помню, как Ленц – ныне берлинский профессор – спрашивал мое мнение по вопросу о «наследовании приобретенных свойств», и как неловко я ему отвечал – сегодня я поставил бы своему студенту двойку за такие ответы. Но в целом Леман остался доволен моим поведением и не передумал даже после того, как известные «специалисты» предостерегли его от меня и от задачи, которая казалась им «невозможной». Как деловой человек Леман в данном случае не обманулся – спрос на книгу был большой, хотя я сегодня вынужден признать правоту специалистов, критиковавших ее первые издания. Позднейшие издания и другие мои книги, выпущенные издательством Лемана, получили уже более мягкую оценку».

Они оба оправдали надежды друг друга: Юлиус Фридрих Леман (1864-1935) с самого начала был поражен живой наблюдательностью, цепкостью ума и даром наглядных обобщений молодого ученого, который на глаз точно улавливал десятки расовых признаков человека, оценивал их вклад в общую наследственность и безошибочно выводил доминанту, согласно которой данного индивида можно было отнести к тому или иному типу. Антропология, физиология и психология какого-либо субъекта буквально препарировались пластами под аналитическим скальпелем Гюнтера, превращая живого человека в ходячее пособие по изучению расологии, а наглядность и доходчивость объяснений лектора довершали этот курс биологического тайноведения, который еще не имел аналогов в науке. В своей первой книге Гюнтер справедливо писал: «В нашей среде царит прискорбное невежество по части расовых различий и расовой структуры нашего народа. Почти во всех научных трудах продолжают путать расу и язык, расу и вероисповедание, расу и государство».

Согласно воспоминаниям Бруно Курта Шульца – главного редактора расового журнала «Фольк унд Рассе» и руководителя расового отдела главного расово-колонизационного ведомства СС – Леман и Гюнтер уведомили о своем замысле также и уважаемого профессора антропологии с мировым именем Ойгена Фишера (1874-1967), но тот лишь иронически ответил, что восхищается их мужеством, но сам, будучи авторитетом в этой области, на такое бы не решился. Но и это не заставило авторов грандиозного проекта отказаться от него. Гюнтер, согласно договоренности, ушел из школы, в которой работал по возвращении с фронта, и два года жил на субсидии издателя. Он ездил в командировки: в Венский антропологический институт, а также в Дрезденский музей зоологии и этнографии, где с ним тесно сотрудничал руководитель антропологического отдела профессор Берн-хард Штрук.

И вот летом 1922 года книга была готова. Но Гюнтер по-прежнему в глазах специалистов оставался «дилетантом» и человеком со стороны, даже по ее выходе в свет осенью того же года. Кроме этого были и мнения известных людей. От их имени Леман писал Гюнтеру 8 декабря 1922 года:

«Уважаемый господин доктор! Пользуясь несколькими днями недомогания, я спокойно прочел Вашу книгу от начала до конца. Я целиком присоединяюсь к мнению Людендорфа. Может быть, в деталях Вы кое-где и погрешили против школьной науки, но книга в целом – великолепна. Она первоклассна по форме, а по содержанию столь целесообразно и системно изложена, что станет благословением для многих тысяч, надеюсь, сотен тысяч немцев.

И меня порой одолевали сомнения, способны ли Вы написать такую книгу, не обладая необходимыми специальными знаниями. Но сегодня я благодарю Бога за то, что у меня верный инстинкт, что меня не смутили возражения моих друзей-ученых, я продолжал держаться за Вас и дал Вам закончить работу».

«Расология немецкого народа» моментально сделалась бестселлером, и второе ее издание вышло в свет уже через 34 (!!!) дня после первого. В условиях подобного ажиотажа, естественно, возникали самые разнообразные мнения по поводу этой книги. Газета «Лютераришер Хандвайзер» писала: «Гюнтер милостиво соглашается не видеть в католицизме доказательство неполноценности, но он считает протестантизм, религией, присущей нордической расе. Он не знает, что длинноногие нордические люди с волосами соломенного цвета отсутствуют на картинах многих художников из Южной Германии».

Не составит труда предположить, какой отзыв дала газета «Израелитишес Фамилиенблатт», а «Нойе Цюрхер Цайтунг» писала о «легкомыслии и бесцеремонности, с которыми самые смутные гипотезы и пожелания антропологической

фантасмагории истории выдаются за научные факты и используются для разработки культурно-зоологической программы ренордизации».

В то время одним из ведущих и признанных расовых теоретиков был Хаустон Стюарт Чемберлен (1855-1927) и он, тяжело больной, писал Леману 3 ноября 1922 года из Байрейта:

«Дорогой и уважаемый господин Леман! Воистину, Вы неутомимый даритель! Но Ваша последняя посылка осчастливила меня настолько, что я без преувеличения могу сказать: я благодарен Провидению за то, что дожил до появления книги Ганса Гюнтера. Это настоящий прогресс на пути к просвещению. Хотя мне трудно читать – я не могу перелистывать страницы книги и мои веки все время слипаются – я уже основательно проработал ее до половины: это показывает, насколько она меня увлекла. Я признаю правоту автора даже в тех случаях, когда он меня не вполне убедил, потому что именно так нужно подходить к проблеме и ставить ориентиры. Этот метод убедителен сам по себе. Не нравятся мне названия «восточная» и «западная» раса, потому что Восток и Запад – везде и нигде, и получается настоящая путаница, когда мы обнаруживаем восточную расу на дальнем Западе, а западную на Востоке. Этот упрек не относится к термину «нордическая раса», так как Север понимается здесь в абсолютном смысле. Название «динарская раса» звучит более живо, чем «восточная» и «западная» – я очень рекомендовал бы давать именно такие имена. Кстати, во многих местах, если читать внимательно, возникает масса загадок, даже при описании динарцев, характер которых обрисован столь четко. Удивительно, что Вам удалось при нынешних обстоятельствах собрать столь богатый иллюстративный материал. Слава Вам и господину Гюнтеру!»

Герой Первой мировой войны и один из пионеров возрождения язычества в Германии генерал Эрих Людендорф (1865-1937) писал о той же работе: «Я редко читал какую-либо книгу с таким напряжением. Она захватывает и учит. Пусть эта книга пойдет на пользу немецкому народу и сделает наконец понятным для правящих кругов значение расы для масс немецкого народа».

У многих имя Людендорфа ассоциируется с именем Гитлера, поскольку оба они стояли во главе мюнхенского «пивного путча» в 1923 году. Но немногие знают, что в 1933 году давно разочаровавшийся в Гитлере Людендорф предостерегал президента Гинденбурга на правах старого друга, что Гитлера нельзя назначать канцлером, ибо этот человек приведет Германию к страшной катастрофе.

Отвергая наскоки злопыхателей, Леман учитывал профессиональную критику, а также политическую точку зрения, согласно которой расология должна объединять, а не разъединять. Гюнтера упрекали в том, что он разрушает единство

немецкого народа, особенно необходимое после войны. Леман считал, что этот упрек легко отвести, указав на то, что нордическая раса является главной составной частью немецкого народа и очень мало немцев, у которых нет более или менее значительного процента нордической крови.

Но именно для «профанов», а не узких «специалистов» книга оказалась столь нужной. Второе издание ее вышло в декабре 1922, третье – в 1923, шестое – в 1924, девятое – в 1926, двенадцатое – в 1928, четырнадцатое – в 1930, шестнадцатое – в 1933. Таким образом, суммарный тираж к 1942 году достиг 124 тысяч экземпляров. В 1929 году вышел в свет и популярный вариант книги «Краткая расология немецкого народа», тираж которого к 1942 году достиг 295 тысяч экземпляров. В 1944 году общий тираж книг Ганса Ф. К. Гюнтера перевалил за полмиллиона, причем 420 тысяч, то есть более 3/4, приходилось на оба варианта «Расологии», что и позволило ему в результате стать самым популярным расовым теоретиком Германии.

Однако, безусловно, причины беспрецедентного успеха этой книги нужно искать не только в индивидуальном даровании автора, но и в массовом спросе на расовую литературу, возникшем именно в послевоенный период, когда целое поколение европейцев по обе стороны фронтов оказалось лишенным классических ценностей белого человека. В образовавшийся вакуум устремилось множество низменных философских идей и доктрин, и получилось так, что не только Германия, но и весь Запад облюбовал для себя расовые теории, разумеется различно понимаемые в каждой отдельно взятой стране, а Восток в это время погрузился в пучину классовых теорий марксизма. О причинах этого сложного философско-политического явления Вы можете подробнее узнать в нашем предисловии к книге «Политическая антропология» Людвига Вольтмана, выпущенной ранее в книжной серии «Библиотека расовой мысли».

Исторический фактор

Чтобы понять объективные причины успеха книги Гюнтера, нужно вкратце рассмотреть историю вопроса.

Расовая теория как самостоятельное философское направление возникла в середине XIX века благодаря усилиям Жозефа Артюра де Гобино во Франции и Густава Фридриха Клемма в Германии. Естественно, что в то время это была еще весьма романтическая умозрительная дисциплина, и лишь на рубеже XIX и XX веков, с началом эпохи замечательных открытий в области биологии наследственности, положение начинает кардинально меняться. Все самые смелые высказывания представителей первой плеяды расовых теоретиков, казавшиеся

просвещенной публике не более чем умственной экзотикой нескольких ученых-отшельников, вдруг у всех на глазах стали превращаться в строгие научные постулаты. Эффект был ошарашивающим: возникла мода на расовую теорию. Но даже и тогда это очередное поветрие не дало бы столь массовых результатов, не появись в нужное время и в нужном месте такой человек, как Юлиус Фридрих Леман, который в деле становления расовой теории сыграл роль, аналогичную роли апостола Павла в создании христианской церкви. Ибо именно с подачи этого национально мыслящего книгоиздателя расовая теория перекочевала из великосветских салонов в дома простых людей, а крупный национальный капитал, поддержанный среднестатистической буржуазией, выполнил роль мотора в развитии новой общественно-политической тенденции. Идеалы либерализма и просвещения, доставшиеся в наследство XIX веку от франкмасонских философов Великой французской революции, были изуродованы картечью на полях Первой мировой войны, что блестяще описал Гюнтер в своей юношеской книге «Рыцарь, Смерть и Дьявол». Причинно-следственные связи исторического процесса нашли свое воплощение в конкретных персоналиях, идеологи и пропагандисты увидели друг друга.

1900 год стал поистине судьбоносным для расовой теории, ибо были заново открыты законы наследственности Грегора Менделя, установлены группы крови, а крупнейшая сталелитейная фирма Круппа, прекрасно чувствуя конъюнктуру, объявила конкурс на лучшую теоретическую работу о влиянии эволюционной теории на политико-правовое законодательство государств. Приза в 30000 рейхсмарок, учрежденного фирмой, хватило для того, чтобы повернуть ход мировой истории так же, как однажды хватило фискальной платы в тридцать серебрянников, чтобы создать полновесный христианский миф.

В самом начале XX века Леман познакомился с мюнхенским ученым-гигиенистом, тайным советником Максом фон Грубером (1853-1927), который обратил его внимание на практическую сторону демографической политики. Грубер изучал причины ужасающего снижения рождаемости. На Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1911 году под руководством Грубера и психиатра Эрнста Рюдина (1874-1952) возник особый отдел **расовой гигиены**, и в издательстве Лемана вышел выставочный каталог «Размножение, наследственность, расовая гигиена». Этот каталог стал началом расово-гигиенического отдела издательства «Юлиус Фридрих Леман Ферлаг». За ним в 1914 году последовал доклад Грубера о причинах снижения рождаемости. В этой работе была ссылка на молодого сотрудника Грубера доктора Фрица Ленца. Леман через Грубера познакомился с Ленцем, и тот показал ему книгу американского географа Уильяма Рипли «Расы Европы» (1900). Леман моментально загорелся этой идеей, ибо был крайне недоволен тем, что такая книга вышла не в Европе и не в Германии. Но Ленц отклонил предложение Лемана написать для

него такую книгу, так как он хотел всецело посвятить себя изучению наследственности и расовой гигиене. Этот план пришлось отложить на послевоенное время.

Из письма Фрица Ленца Леману от 25 декабря 1915 года:

«Я теперь составил себе представление о расовых различиях между украинцами и московитами. У украинцев больше альпийской и динарской крови, у московитов – нордической и монгольской. Это различие довольно велико. В расовом отношении московиты ближе к германцам. У меня есть целая серия изображений, которые это подтверждают. Украинцы большей частью небольшого роста, темные и круглоголовые без монгольских черт. Московиты высокого роста, светловолосые и голубоглазые, но у них часто встречается монгольская форма скул, носа и глаз. Этому есть историческое объяснение. Московия первоначально была областью колонизации Великого княжества Киевского. Ранее там жили финские народы преимущественно нордического типа с небольшой монгольской примесью. Поэтому основная масса великороссов и белорусов – финского происхождения и вследствие этого ближе к северным немцам, тогда как украинцы ближе к южным немцам».

Здесь необходимо добавить, что представления немецких антропологов о великороссах были весьма превратными. Как показали позднейшие исследования советских ученых, в частности В. П. Алексеева, «финский субстрат нельзя считать основным компонентом в сложении русской народности – на протяжении II тысячелетия н.э. он почти полностью растворился».

Юлиус Фридрих Леман видел все многообразие и всю многоцветность мира. Издав богато иллюстрированную книгу о флоре Центральной Европы, он захотел издать такую же книгу о разнообразии человеческих типов. Накануне Первой мировой войны эта идея была чем-то неслыханно новым, ибо тогда провозглашалось равенство всех, имеющих человеческий облик. Благодаря занятиям вопросами наследственности его представления о разнообразии людей становились все более четкими, и идея описать человеческие расы в книге с большим количеством иллюстраций захватывала его все больше. Еще до войны он пожертвовал Антропологическому обществу и Обществу расовой гигиены 3000 рейхсмарок на конкурс с целью сбора изображений чисто германского расового типа. Такая книга, как он писал 12 октября 1917 года Х. Ст. Чемберлену, должна «сделать подрастающее поколение более внимательным к расовым особенностям». После отказа профессора Ленца издателю нелегко было найти другого автора. Ведущие антропологи того времени Леману не нравились, ибо его не устраивал их чисто описательный безоценочный подход.

Только в 1920 году, когда он познакомился с молодым филологом из Фрейбурга Гансом Ф. К. Гюнтером, идея стала обретать конкретные формы. Гюнтер не был антропологом, он пришел из языкознания и всегда подчеркивал, что язык не является расовым признаком. Тогда он еще не занимался антропологическими измерениями, но весьма зорко подмечал различия среди немцев и пытался систематизировать эти различия. Лемана несказанно воодушевила книга Гюнтера «Рыцарь, Смерть и Дьявол», но Леман непременно хотел, чтобы был добавлен раздел о расах. Гюнтер сделал это, использовав статью Ленца «Нордическая раса в смешении с нашими восточными соседями» из журнала «Остойропеише Цукунфт». Эта работа очень понравилась Леману. Последовало личное знакомство, и во время прогулки по баварским горам в процессе экзаменовки с пристрастием план «Расологии немецкого народа» обрел конкретные черты. Гюнтер собрал с помощью Лемана большое количество иллюстраций, занялся изучением трудов по антропологии, освоил антропометрические методы измерений и в результате написал свою замечательную книгу.

Новизна метода

В этой книге доходчивым образным языком было изложено все, что немецкий народ должен знать об основах своего физического и духовного бытия. Хотя уже столетиями существовала наука антропология, которая измеряла черепа и кости, изучала наследственность и многое знала о населении самых отдаленных уголков Земли, но это учение не могло снабдить свой собственный народ необходимыми в борьбе за существование знаниями о его расовом составе и его изменениях. Обладая множеством частных знаний, профессиональные антропологи были беспомощны перед лицом самой жизни. Естествоиспытатели занимались отдельными химическими, физическими, биологическими и механическими процессами в природе и считали, что должны заниматься только «материей», а история, политика и цивилизация не их дело, это область гуманитарных наук. Гуманитарные же науки в это время громоздили одну гипотезу на другую, один воздушный замок на другой, строили абстрактные конструкции в пространстве, совершенно не думая о естественных основах национального духа, о людях и их разной природной одаренности в разных расах. Это считалось уже делом естественных наук. Таким образом, имело место разделение, доходившее временами до абсурда.

Именно эту пропасть, разделявшую естественные и гуманитарные науки, отчасти по молодости, отчасти, может быть, и по незнанию трудностей вознамерился преодолеть талантливый «дилетант» Гюнтер, ибо все известные «профессионалы» спасовали. Он всего лишь рассказал соотечественникам простым, но точным немецким языком о том, что он считал самым важным для будущего своего

народа, раскрыл людям глаза и научил их видеть расовые различия, такие же, как различия пород животных и растений в природе. Получив изначально гуманитарное образование, Гюнтер самостоятельно изучил естественные науки о человеческой природе, необходимые для оценки человеческой деятельности в любой сфере. Овладев этими знаниями, он вновь обратился к области компетенции гуманитарных наук во имя восстановления гармоничной целостности мировоззрения.

Только благодаря воссоединению души и тела в одно целое, по аналогии с учением великого древнегреческого философа Платона, Гюнтеру удалось повлиять на немецкую антропологию, как проникновенно об этом писал Леман:

«Благодаря деятельности Гюнтера немецкая антропология была освобождена из застывшей формы, в которой она находилась несколько десятилетий. Если раньше немецкие антропологические институты посвящали себя почти исключительно изучению экзотических народов, от эскимосов до готтентотов, то Гюнтер произвел переворот в общественном мнении».

Таково революционное значение его книги. «Старая академическая наука», после того как ее грубая и никчемная ругань в адрес Гюнтера не возымела должного результата, изменила тактику и стала как ни в чем ни бывало доказывать, будто у Гюнтера нет ничего оригинального, ничего нового, будто все это было давно известно. Позже то же самое говорили о «Мифе XX века» Альфреда Розенберга. Нельзя сказать, что классификация человеческих рас, данная Гюнтером, более правильна, чем, например, система И. Е. Деникера, о котором речь пойдет позже. Х. Ст. Чемберлен справедливо отмечал, что ряд названий рас Гюнтер выбрал неудачно. Но его новшество было в том, что он на основе хаотично разбросанных знаний впервые создал рельефные образы расовых типов. Профессор Ойген Фишер писал о работе Гюнтера:

«Каждый, кто работает над расовыми проблемами Европы, должен внимательно изучить эту книгу; она содержит множество новых даже для антропологов оригинальных наблюдений и результатов. С чисто научной точки зрения эта книга очень интересна и плодотворна благодаря четкости утверждений, обширности материала и затронутых проблем, из которых многие поставлены впервые». Фриц Ленц, более известный взвешенностью и осторожностью своих оценок, считал, что «Расология немецкого народа» – «лучшее собрание расовых образцов Центральной Европы». И по поводу 12-ого издания книги он отмечал: «Эта книга становится все более ценной даже для специалистов». А Леман, крайне удовлетворенный успехом книги, утверждал: «Его идеи «дозрели» сегодня до университетского уровня, и известные ученые тепло приветствуют того, кого некогда поносили как «филолога-дилетанта».

В своей «Расологии» Гюнтер, прежде всего, дал четкое определение понятия «раса» и отграничил его от понятий народа, языковой семьи, конфессии, государства и т. п. – эти понятия, к сожалению, до сих пор продолжают путать даже специалисты.

Он постоянно утверждал, что нет ни «германской», ни «славянской», ни «арийской», ни «семитской» рас, что все это лингвистические термины: «Раса – это единая группа людей, отличающаяся от других групп особым, присущим ей сочетанием физических признаков и психических свойств и всегда воспроизводит только себе подобных».

При описании рас Гюнтер избегал непонятных иностранных терминов, а старался увязать название каждой расы с местом ее происхождения. В первом издании были описаны нордическая, западная, восточная и динарская расы, в шестом к ним была добавлена восточно-балтийская, а в двенадцатом – фальская и судетская.

До сих пор классификация рас, данная Гюнтером, остается наиболее четкой и обоснованной с научной точки зрения. О принципах измерений, методах и цифрах, которые в старой антропологии играли ключевую роль, Гюнтер считал нужным сообщать лишь самое необходимое, чтобы не затемнить основную мысль обилием частностей. А главная мысль во всех работах Гюнтера была одной и той же: воспитание культуры видеть и наблюдать, что было принципиально новым.

За всеми наблюдениями расовых форм в работах Гюнтера стоит конкретное знание – и это вновь его очередное оригинальное достижение, ибо старая антропология совершенно не интересовалась знанием того, что определенные внешние формы наследственно связаны с определенными духовными и психическими свойствами и чертами характера. И хотя, в соответствии с законами Менделя, при сильном расовом смешении признаки могут наследоваться раздельно, у несмешанных рас они неразрывны, как горючий материал с цветом и видом пламени. Из этого следует, что с конкретными расами связаны конкретные же культуры, а также политические и исторические события, и что, наконец, при замещении одной расы другой, образ мыслей и стиль поведения населения страны неизбежно меняются в лучшую или худшую сторону.

Наряду с внешним описанием каждой расы Гюнтер дал их психические характеристики, что позволило увидеть в совершенно новом свете весь мир вокруг себя, политику и историю, прошлое и будущее. Его усилиями расология превратилась в ключ к мировой истории.

Многие, в том числе и сам профессор Ойген Фишер, удивлялись успеху книги и завидовали автору. Фишер, впрочем, честно признавал, что не может сравниться с Гюнтером по блеску изложения, хотя и оправдывался тем, что связан путами научности и не может писать беспрепятственно все, что хочет. Он подчеркивал тогда: «Расовая теория Гюнтера была, с одной стороны, чисто описательной, а с другой стороны, – что было в ней особенно новым – расово-психологической». Известный гамбургский антрополог Вальтер Шейдт также назвал метод Гюнтера «художественным описанием расовой истории». В это же время в среде расовых теоретиков у него появляется шутливое прозвище «Рассен-Гюнтер», что означает «Расовый Гюнтер».

«Расология немецкого народа» была затем продолжена работой «Расология Европы», описанием расологии греков и римлян и расологии еврейского народа. Таким образом первый значительный успех нового метода был закреплен целой галереей описаний национальных характеров, что и доказало его универсальность. Гюнтер утверждал: «Постепенно все больше людей убеждается в том, сколь мало значит окружающая среда в жизни отдельных людей и народов. Гораздо большее значение имеют наследственные задатки».

Но подлинная слава пришла к нему именно тогда, когда он создал всеобъемлющую политическую расовую идеологию.

Становление мастера

Несмотря на успех, Гюнтер продолжал вести скромный и уединенный образ жизни и пополнять свои знания. В частности, в этот период жизни он сблизился в Бреслау с известным антропологом и специалистом по расовой гигиене Теодором Моллисоном (1874-1952). Но вскоре в Дрездене у него завязалась тесная дружба с норвежской студенткой Магген Блом, изучавшей музыку. Гюнтер, сам обладавший безупречным музыкальным вкусом, увлекся девушкой и весной 1923 года переехал вместе с нею в ее родной город Шиен, столицу норвежской провинции Телемарк. Шиен был также родным городом Ибсена. В июле состоялась свадьба. Гюнтер был счастлив в браке, у него родились две дочери: Ингрид и Сигрун. В Шиене он оставался до осени 1925 года, а потом переселился в Упсалу, где находился знаменитый Шведский Государственный институт расовой биологии. Его руководитель профессор Герман Лундборг (1868-1943) – крупнейший шведский расовый теоретик – и раньше помогал Гюнтеру в работе, а теперь платил ему из личных средств как научному сотруднику, и, кроме того, предоставил в его распоряжение богатейшие библиотеки этого института и самые последние специальные журналы. По его же просьбе Гюнтер прочел в Упсальском университете несколько лекций по антропологии. В это же время

произошло и знакомство с этнологом Рольфом Норденстренгом. В 1927 году Ганс Ф. К. Гюнтер поселился с семьей на острове Лидинье в бухте Стокгольма. В общей сложности он провел в Скандинавии шесть с половиной лет, которые позднее считал самыми счастливыми в своей жизни.

К этому времени относится написание книг «Расология Европы», вышедшей осенью 1924 года и вскоре переведенной на шведский и английский языки, а также – «Нордическая идея среди немцев», изданной в июле 1925 года. Тогда же вышел и сборник его юношеских, еще довоенных стихов «Песни о судьбе». В стихотворении «Полководец» герой завещает после смерти натянуть его кожу на барабан, чтобы и тогда звать солдат в атаку. Весной 1926 года была опубликована книга «Аристократия и раса», осенью того же года – «Раса и стиль», а в 1927 году в соавторстве с профессором Ойгеном Фишером – «Немецкие головы нордической расы». В 1928 была издана книга «Платон, как хранитель жизни», а затем работа «Расовая история эллинского и римского народов». В 1929 выходят в свет «Расология еврейского народа» и «популярный» Гюнтер – вариант маленького дешевого издания «Расологии немецкого народа» для каждого. Таким образом, семейное счастье сопровождалось в его жизни всплеском необычайной творческой плодотворности, но гонораров за массовые издания все равно не хватало, а к лету 1928 года материальное положение Гюнтера стало столь печальным, что он не смог более позволить себе содержать собственное жилье и вынужден был жить у друзей.

Единомышленники и раньше уговаривали Гюнтера вернуться на родину в интересах набирающего силу расового движения, но экономический кризис 1929 года в корне изменил жизнь философа. Гюнтер переезжает с семьей в Дрезден, где его друг Вильгельм Хартнакке (1878-1952), будущий министр народного образования Саксонии в 1933-35 гг., устроил его с весны 1930 года на полставки в местную реальную гимназию на должность учителя-сменщика, чтобы оставалось время для научной работы.

В 1930 году Гюнтер через своего друга Пауля Шульце-Наумбурга (1864-1949) познакомился с рядом руководителей Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), которая победила на выборах в Тюрингии. Министром внутренних дел и народного образования этой земли стал Вильгельм Фрик, который первым начал менять положение дел в плане официальной пропаганды научной расовой теории. Несмотря на протесты либеральной профессуры, правительство Тюрингии специальным распоряжением от 14 мая 1930 года учредило в Иенском университете кафедру социальной антропологии и назначило Гюнтера профессором этой кафедры.

Молодое национал-социалистическое движение возвысило человека, который в глазах руководителей университета был «посторонним» и «самоучкой». Гюнтер, согласно намерениям его покровителей, должен был противопоставить либеральной космополитической системе ценностей новую биологическую систему морали нордической расы.

Символично, что это событие произошло в университете, студенты которого после наполеоновских войн подняли бунт против реакции; столь же символично, что Гюнтер пришел на факультет, где до этого Эрнст Геккель вел столь же революционную борьбу за развитие органического мировоззрения на базе дарвиновского учения.

Руководители университета единогласно выступили против попытки внедрить в их избранный круг «писателя». Ученые мужи сочли познания Гюнтера в области филологии и доисторической эпохи «несерьезными». Признавая, что он как человек достоин уважения, они, тем не менее, констатировали у него отсутствие «научной школы», необходимой для преподавания антропологии, расологии и евгеники. В трудах Гюнтера академические профессора не нашли «оригинальных научных идей».

Однако 15 ноября 1930 года профессор Ганс Ф. К. Гюнтер прочел свою вступительную лекцию на тему «Причины расового упадка немецкого народа после великого переселения народов». На лекции лично присутствовал Адольф Гитлер. Зал был переполнен. После лекции, пока Гюнтер с гостями обедали в отеле, внезапно появился Герман Геринг и обратился к собравшейся перед университетом толпе с хвалебной речью в адрес Гюнтера. Вечером восторженные студенты устроили факельное шествие перед домом нового профессора. Успех был абсолютным, из-за чего враждебные газеты пришли просто в неистовство. «Покушение на науку», «Кафедра антисемитизма» – таковы были заголовки их статей на следующий день, а Гюнтера в этих статьях называли не иначе как «фанатичным невежей».

Мастерски спланированная в средствах массовой информации травля вылилась в покушение на его жизнь. В ночь с 10 на 11 мая 1931 года Гюнтер возвращался вместе с женой с собрания партии, на которое был приглашен. Местность, где они жили, была довольно безлюдной, поэтому супруги забеспокоились, когда обнаружили увязавшуюся за ними темную личность. Едва Гюнтер начал открывать ключом ворота сада, как раздались выстрелы. Профессор смело бросился на нападавшего, но тот продолжал стрелять. Слыша крики жены о помощи, Гюнтер подбежал к ней, думая, что она ранена, тем временем нападавший скрылся. Сам Гюнтер был ранен в руку и доставлен в хирургическую клинику. Рана оказалась серьезной и потребовала длительного лечения.

Однако полиция сумела схватить преступника. Им оказался восемнадцатилетний безработный житель Вены Карл Даннбауэр, который имел задание убить Альфреда Розенберга, но, потеряв его в толпе выходивших с собрания партии, он, не долго думая, переключился на Гюнтера.

Оправившись от полученного ранения, расолог, тем не менее, продолжил работу с прежней интенсивностью. В апреле 1933 года вышла его брошюра «Народ и государство в их отношении к наследственности и отбору», посвященная министру Фрику, а в сентябре того же года – книга «Нордическая раса среди индогерманцев Азии». В апреле 1934 была напечатана посвященная Розенбергу работа об опасности скопления населения в городах и в том же месяце – «Религиозность нордического типа», а весной 1935 года – книга «Происхождение и расовая история германцев».

С приходом Гитлера к власти положение Гюнтера изменилось. Его враг Фриц Меркеншлягер, автор издевательской брошюры «Боги» герои и Гюнтер» (1927), был брошен по личному указанию Рихарда Вальтера Даррэ (1895-1953) в концлагерь. Противник нордической идеи антрополог Карл Заллер был изгнан в 1935 году из Геттингенского университета, где он был приват-доцентом. Книги обоих этих авторов были запрещены.

На партийном съезде 11 сентября 1935 года Розенберг вручил Гюнтеру как первому лауреату премию НСДАП в области науки и подчеркнул в своей речи, что Гюнтер «заложил духовные основы борьбы нашего движения и законодательства III Рейха».

В последующие годы Гюнтер получил медаль Рудольфа Вирхова от Берлинского общества этнологии и антропологии, которое возглавлял Ойген Фишер, и был избран в руководство Немецкого философского общества. По случаю 50-летия (16 февраля 1941 года) Гюнтер был награжден медалью Гете и золотым партийным значком. Кроме того, с 1933 года он вошел в Совет по демографии и расовой политике, находившийся в подчинении Фрика.

При этом следует особо отметить, что Ганс Ф. К. Гюнтер в этот период приобрел мировую известность. Ни один немецкий расовый теоретик не имел такой известности за рубежом. Именно ему и было поручено принимать в 1934 году американскую делегацию расологов во главе с Лотропом Стоддардом в Институте антропологии Кайзера Вильгельма. Не без чувства определенной зависти к стремительно возрастающему авторитету коллеги, профессор Ойген Фишер публично заявил на одном выступлении: «Сегодня в мире лучше всего расовую теорию знают только два человека: Гюнтер и я. Гюнтер более известен как пропагандист».

В 1935 году Гюнтер покинул Иенский университет и стал профессором расологии, этнобиологии и сельской социологии Берлинского университета и одновременно руководителем расового института в Далеме. Но в 1939 году он вернулся в родной город, где преподавал, пока Фрейбургский институт не был разрушен осенью 1944 года во время бомбардировок англо-американской авиации.

Меж тем успех «Расологии немецкого народа» Гюнтера был потрясающим. Череда изданий, выходивших одно за другим, пробудила, интерес к расовой теории по всей Германии и среди всех слоев населения, поэтому было решено начать издавать специальный профильный журнал. Но финансовые трудности не позволяли в течение нескольких лет осуществить этот проект, и только в 1926 году появился первый номер журнала «Фольк унд Рассе», редактором которого стал известный гамбургский антрополог Вальтер Шейдт. В августе 1927 года руководство журналом взяли на себя профессор Отто Рехе (1879-1966) и доктор Ганс Цейсс, однако последнего на этом посту позднее заменил доктор Бруно Курт Шульц.

В начале журнал выходил раз в квартал, но с июля 1933 года он становится ежемесячным, а его тираж за короткое время возрастает с одной тысячи до 12000 экземпляров. В издательский совет вошли Генрих Гиммлер, Рихард Вальтер Даррэ (1895-1953), профессор Карл Астель, профессор Вальтер Гросс (1904-1945), доктор Артур Гютт. Профессору Рехе трудно было руководить журналом из Лейпцига, и тогда его единоличным редактором стал Б. К. Шульц.

Ганс Ф. К. Гюнтер активно сотрудничал с этим изданием, а также с новым «Журналом расовой физиологии», который был основан в 1928 при участии профессора Рехе и являлся официальным органом Немецкого общества исследования групп крови.

Кроме того, известны его контакты с журналом «Обновление Германии», первый номер которого вышел еще в апреле 1917 года под руководством доктора Эриха Кюна и соиздателя – Х. Ст. Чемберлена, а также с фундаментальным изданием «Архив фюр Рассен – унд Гезелльшафтсбиологи» Немецкого общества расовой гигиены, возглавляемым основателями этого направления профессорами Альфредом Плетцом (1860-1940) и Вильгельмом Шальмайером (1857-1919). В этом академическом издании, помимо западных звезд первой величины, таких, как немецкий психолог Эмиль Крепелин, немецкий биолог Эрвин Баур, шведский расолог Герман Лундборг (1868-1943) и норвежский расовый гигиенист Йон Альфред Мьеэн (1860-1939), активно пропагандировались и работы советских ученых – Н. К. Кольцова, М. В. Волоцкого, Ю. А. Филипченко, В. Н. Тимофеева-Ресовского, В. М. Бехтерева.

Под воздействием идей Гюнтера был также создан журнал «Рассе», редакторами которого стали Михаэль Хеш и Курт Холлер. Талантливый расолог Людвиг Фердинанд Клаусс (1892-1974) использовал основные принципы расово-психологического описания народов, разработанные Гюнтером, и сформулировал уникальную концепцию «расовой души», в соответствии с которой стилистика душевного переживания каждого народа всецело обуславливается доминирующей в нем расой. Его книги также ждал огромный успех. «Нордическая душа» вышла тиражом 36 тысяч экземпляров, а «Раса и душа» – тиражом в 80 тысяч. Профессор Рудольф Пфаллер издал книгу «Расовые ядра», а доктор Фриц Ланге, аналогично используя описательный метод Гюнтера, развил его методику в своей монографии «Язык человеческого лица». Рихард Эйхенауэр, используя богатейшую ниву классической музыкальной культуры, также продолжил идеи своего учителя в книге «Музыка и раса», а Зигфрид Каднер написал сочинение «Раса и юмор». Наконец, профессор Пауль Шульце-Наумбург создал две прекрасные книги «Искусство и раса» и «Нордическая красота». Изобразительные искусства, поэзия, музыка, словесность, национальный танец, оформление ландшафта – следы расы без труда угадываются всюду, нужно только уметь видеть. И эта простая мысль Гюнтера была понята и оценена по достоинству.

Универсальный метод Гюнтера нашел, таким образом, свое воплощение даже в таких специальных областях, как правоведение, педагогика, аграрная политика и многих других. В 1929 году книгоиздатель Леман впервые вступил в контакт со знаменитым гейдельбергским физиком, лауреатом Нобелевской премии профессором Филиппом Ленардом (1862-1947). Гюнтер и здесь не растерялся, ибо, испытав на себе самом проницательность и упорство Лемана и убедившись в его исключительных человеческих и профессиональных качествах, он предложил тому обратиться к известному физику с предложением написать книгу «Великие естествоиспытатели», чтобы проанализировать биографии гениев науки с расовой точки зрения. Идея была одобрена, в результате чего свет увидела одна из самых популярных книг по истории науки, также неоднократно переиздававшаяся. Ленард добросовестно изучил биографии величайших естествоиспытателей с античных времен вплоть до новейшей истории и их портреты и пришел к однозначному выводу, что вся европейская наука создана людьми преимущественно нордической крови. Таким образом, филолог по образованию Ганс Ф. К. Гюнтер послужил провозвестником создания обширной методологии науки на расовой основе, чем восстановил утраченный баланс между гуманитарными и естественными науками в рамках единого расового мировоззрения. Это был настоящий переворот в естествознании, увы, не замеченный общественностью, ибо политические реалии того времени способствовали развитию лишь военных прикладных тем. Чуждый всяких политических амбиций, Гюнтер в условиях назревавшей Второй мировой войны как автор отошел на второй, а

потом и на третий план. Еще недавно модную расологию потеснили насущные проблемы государства, объявившего войну всему свету. Характерно, что одна из ранних статей Гюнтера так и называлась «Нордическая скромность». Безусловно, он писал это о себе и своем расовом типе, которому он соответствовал всю жизнь, невзирая на причуды политической конъюнктуры.

Нордическая идея

Еще в своей первой работе «Рыцарь, Смерть и Дьявол» Гюнтер, на основе впечатлений, вынесенных с полей сражений, где представители белой расы истово и самозабвенно уничтожали себе подобных, сделал вывод, который проходил красной нитью через всю его философскую концепцию. «Если бы люди чисто нордической крови, будь то русские или итальянцы, будь то англичане, немцы, французы, испанцы и скандинавы; если бы люди нордической расы сумели выступить сплоченно, независимо от языков, сословий, цивилизаций во всех частях света, как это умеет делать еврейская раса, то история всего Запада и Нового света была бы иной и господство нордической расы диктовало бы Земле героические законы».

Это гениальное и одновременно простое по форме умозаключение наглядно свидетельствует как о глубине, так и о силе мысли Гюнтера. Национальные обиды Германии вкупе с личными переживаниями не замутнили в нем природный разум архетипа, не искалечили его дух и не превратили в озлобленного на мир узколобого шовиниста. Национальная и индивидуальная закалка придали ему новое качество – мудреца, способного видеть поверх социальных и государственных границ, поверх шаблонов и стереотипов, но способного проецировать генетический опыт всей расы в привычные и драгоценные для каждого ее представителя образы. Одного таланта для этого недостаточно, здесь нужна еще и воля Провидения, капризного и взыскательного. Казалось, что сами древнегерманские Боги и Герои Вальгаллы улыбнулись этому скромному филологу, доверив возглашать публично священные истины нордической крови.

Гюнтер понимал нордическую идею прежде всего как рассмотренную с естественно-научной, биологической и расово-политической точек зрения философскую систему. Есть множество досконально знающих расологию естествоиспытателей, которые могут подробно описать жизнь животных и растений, но не могут предсказать будущее своего народа и четко изложить нордическую идею.

Хотя можно считать доказанным, что люди наследственно различны в зависимости от рас, нельзя устанавливать ценностные различия между этими расами, это варварство – так считает либеральная антропология. Соглашаясь с самим фак-

том наследственных различий, она панически боится дать им этико-философскую оценку. Само слово «неравноценность» для классических антропологов звучит как апофеоз ереси, и поэтому в их глазах Гюнтер совершил преступление против человечества и против науки, объявив нордическую расу самой ценной, а ее сохранение и умножение – самой важной стратегической задачей для всего немецкого народа.

Любовь к собственному народу в сочетании с любовью к науке – неразрешимая задача для классического антрополога и чтобы избежать прилюдной гражданской ответственности, он скорее предпочтет зарыться в костных останках ископаемых дикарей, чем принести свои знания на алтарь служения родине. Идеалы просвещения стерилизовали науку, и Гюнтер выступил против такого положения дел, считая его недопустимым и даже преступным.

В заключительной главе «Расологии немецкого народа» он писал, что в немецком народе нордическая кровь должна быть желательной, а ненордическая – менее желательной. Такое же разделение проводило и американское законодательство об иммигрантах начала XX века, когда негров и индейцев стерилизовали без суда и следствия. Но при этом без ограничений принимали из-за океана людей нордической расы. Никаких изменений и поправок к «самой демократической» конституции «самой демократической» страны США до сих пор в этой связи принято не было, хотя расовая ситуация там изменилась самым кардинальным образом. Очевидно, что эта «демократия» в плане размножения людей допускает любые толкования в зависимости от политической конъюнктуры.

Но расовая политика Германии первой половины XX века, которую до сих пор не ругал только ленивый, и совершенно аналогичная политика США, которую никто не осмеливается критиковать из соображений «корректности», была направлена не против отдельных представителей ненордических рас, а против увеличения процента ненордической крови, таким образом призывая защитить более ценную нордическую расу, как создательницу культуры, цивилизации и государственности. Основанные на реальных данных демографии, биологии и криминалистики, эти меры имели сугубо прагматический характер и были направлены на стабилизацию всего государственного организма. Это факт, установленный учением о наследственности, что ценность отдельного существа, как такового, отлична от его ценности как расового производителя. Многие люди, физически слабые, ущербные или с плохой наследственностью, дали мировой культуре множество достижений в области созидания духовных ценностей, но при этом было бы лучше, если бы они не оставляли потомков.

Разумные представители нордической расы выступают не против отдельных представителей ненордических рас, но против их размножения в лоне народа, основу которого составляет именно нордический расовый субстрат.

Такая логика, почему-то называемая расистской, была единственно возможной еще пятьдесят лет назад в судах всех цивилизованных государств. Сегодня абстрактный человек является высшей ценностью, в то время как тогда ею был реальный человек – носитель расы, нации, культуры, социума, религии.

Гюнтер любил цитировать слова крупнейшего еврейского политика Вальтера Ратенау, сказанные им еще в 1908 году:

«Задача будущего времени – заново создать вымирающие благородные расы, в которых нуждается мир. Нужно вступить на путь, на который некогда вступила сама природа – на путь нордификации. Грядет новая романтика, романтика расы. Она прославит чистую нордическую кровь и установит новые понятия добродетели и порока».

Лишь благодаря тому, что Гюнтер знал естественные законы развития рас и отбора так же хорошо, как языки и факты мировой истории, он сумел доказать истинность того, что до него уже говорили Гобино и Вольтман: что древние роды, творившие историю от Индии и Персии, Греции и Рима до Франции, Германии и России, были нордической крови. Именно этой идеей пронизано большинство его книг, в которых он неопровержимо доказывал, что с исчезновением этой высшей расы, с переориентацией на идеал другой, более низкой, расы неизбежно снижалось значение прежде великих культуросозидающих народов, пока они совсем не исчезали под натиском торгашей и паразитов, выпивавших без остатка их драгоценную нордическую кровь. Великий французский расовый теоретик, Жорж Ваше де Лапуж (1855-1936) в этой связи писал: «В природе дурная кровь охотится за благородной, также как нечестные деньги охотятся за честными».

Гюнтер окончательно развенчал ложную идею о существовании так называемых «духовных рас». Надежда на продолжение духовной жизни нордических по происхождению народов после исчезновения в них нордической крови, которая и является носительницей нордического духа, – совершенно алогична по своей сути. То, что всякие «эзотерики и оккультисты» и прочие «спасители человечества» понимают под «духовной расой», не имеет с расой ничего общего. Это лишь частный случай спекулятивного мировоззрения, внушаемый доверчивой аудитории шарлатанами от «теории среды».

Нет духа, который может существовать сам по себе, есть только достижения, идеи и характерные черты стиля, которые могут передаваться через века носителями одной и той же наследственной массы и только ими. Самый возвышенный и могучий дух утрачивает свое бессмертие в тот момент, когда умирает последний потомок расы, которая была его носителем.

К образованию новой расы никогда не может привести всеобщее смешение, а только строгий отбор по определенному эталону красоты и масштабу ценностей. Для нордической расы этим эталоном и масштабом может быть только живой реальный человек нордической расы, а не восточный базарный меняла, прикрывающий свое мошенничество проповедью вселенской любви. Блеск никчемной мишуры никогда не затмит ясные черты живого идеала для человека нордической расы, если он будет ревниво блюсти чистоту своей крови.

Либерализм мобилизует всю свою «духовную» мощь, обвешанную побрякушками «общечеловеческих ценностей», лишь затем, чтобы на всех уровнях обосновать понятие «нормы» – некоей усредненной величины. Но где можно увидеть эту самую среднюю величину между африканским каннибалом, азиатским работорговцем и варяжским рыцарем? Из чего смастерить этот самый чаемый «либеральными гуру» эталон?

Гюнтер писал: «Народ не может стремиться к среднему. Стремление и напряжение тела и духа вызывает только героический образ, образ здорового, прекрасного и ведущего за собой человека». Основной же лейтмотив его нордической идеи таков: «Сделать все, чтобы в Германии повысилась рождаемость нордической расы, которой еще только предстоит создать среду, в которой она сможет увидеть выражение своей души. Только нордический человек может преодолеть «декаданс». Не расовый характер, а расовая воля – мера всех вещей».

Позднее в своей книге «Нордическая идея» (1925) он дал более четкое определение, согласно которому, это «идея образцовости нордического человека для отбора в народах на нордической основе». Как о ее политическом воплощении он уже говорил о «паннордической идее», для осуществления которой считал необходимым политическое объединение всех народов, имеющих весомый процент нордической крови, или как минимум их дружеское друг к другу отношение. Поэтому следует отметить, что когда сегодня говорят о расовых теориях, якобы разжигающих рознь и ненависть, то подменяют саму суть вопроса, пользуясь доверчивостью масс, обеспокоенных фантомами «поднимающего голову фашизма». Расовая теория с самого начала и создавалась именно как биологическая философия, предназначенная для нейтрализации политико-социологических концепций национализма. Закономерное единство народов, имеющих общность расово-биологического происхождения, было ее целью.

Кроме того, нордическая идея никогда не обосновывалась Гюнтером лишь одними идеалистическими реалиями. Она имела признанное в академической среде естественнонаучное обоснование.

Сегодня это выглядит как исторический курьез, но подлинный факт состоит в том, что в основе официальной расовой классификации Третьего Рейха лежала в неизмененном виде систематика русского расолога французского происхождения Иосифа Егоровича Деникера (1852-1918). Причем сам Гюнтер во всех своих книгах и публичных выступлениях не считал нужным скрывать этот факт от политического руководства Германии, даже в разгар войны с Россией. В своей книге «Человеческие расы» (1900), вышедшей на русском и французском языках, Деникер использовал классификацию на основе шести основных рас и двадцати подрас. Вначале Гюнтер и Фишер, а затем и все расовые теоретики Третьего Рейха, возглавляемые «Расово-политическим управлением НСДАП» в лице профессора Вальтера Гросса (1904-1945), приняли эту систематику. Но этого мало, потому что сам термин «нордическая раса», являвшийся своего рода сакральным понятием национал-социализма, был впервые введен в употребление и обоснован именно «русским расологом Деникером», что вначале утверждал Гюнтер, а затем и все политическое руководство Третьего Рейха. Деникер писал в своей книге: «Длинноголовую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать **нордической**, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76-79); кожа розовато-белая; лицо удлиненное, нос – выдающийся, прямой».

Но самое поразительное заключается в том, что данная расовая классификация вместе с определением понятия «нордическая раса» была взята на вооружение и советской антропологической школой, что официально подтверждено в Большой советской энциклопедии 1955 года выпуска. Мы настоятельно порекомендовали бы потренироваться в объяснении этого крамольного социально-исторического факта официальным «антифашистам» и прочим «правозащитникам».

Религиозность нордического типа

На протяжении всей своей жизни Гюнтер, несмотря на видимую популярность, оставался по сути одиноким. О характере претензий к нему профессиональных антропологов мы уже говорили, но и гуманитарии считали его чужаком и «материалистом», потому что, по их мнению, он вместе с Платоном, Ницше и Гобино учил не «метафизической», то есть максимально оторванной от действительно-

сти и от природы, философии, заимствованной с Востока, а мудрости жизни и героизму мышления, которые находятся в гармонии с вечными законами природы Севера. И до Гюнтера многие «еретики от науки» не укладывались в прокрустово ложе средневекового, а затем и либерального «общественного мнения». Гюнтеру посчастливилось преодолеть это сопротивление только потому, что он одинаково хорошо владел как естественными, так и гуманитарными науками. Его предшественники-бунтари были обречены на провал, так как одни из них были гуманитариями и имели только идеи, но не опирались на непреложные законы природы. Другие, естествоиспытатели, также не могли добиться успеха, ибо, всецело ориентируясь на узкую «специальную» науку, они или не желали, или не могли увидеть ее общественно-политического приложения. Таким образом, естественные законы жизни оказывались, с одной стороны, в забвении как «варварские», а с другой, – как несущественные перед лицом «чистой» науки.

И тогда Гюнтер призвал в свидетели великого философа прошлого, который проповедовал арийское целостное мировоззрение до того, как христианские миссионеры в угоду моде на Восток расщепили тело и душу.

Этим мыслителем был Платон.

В своей работе «Платон как хранитель жизни» Гюнтер писал: «Профессора философии редко оценивают по достоинству мысли Платона о наследственности и отборе, но многие из них сознательно или бессознательно придерживаются софистического мнения, будто добродетели можно научить; многие из них и теперь, через 2000 лет после Платона, воображают, будто человечество можно усовершенствовать путем образования. Это заблуждение особенно характерно для преподавателей, которые уверены, что только они могут правильно судить о Платоне, Канте и Шопенгауэре».

В другом месте Гюнтер доказывал беспочвенность постоянных обвинений расовой идеи в материализме: «Недооценка заботы о здоровой наследственности как «животного» устремления не должна вводить нас в заблуждение. Философский смысл греческому слову «идея» придал Платон, он был основателем идеализма и всю жизнь пытался раскрыть суть идей и их иерархию. И тот же самый Платон как идеалист думал об отборе».

В другой своей работе «Народ и государство в их отношении к наследственности и отбору» он развивал эти же мысли евгенического характера: «Мы не должны стесняться того, неприятного для многих образованных людей факта, что для человека в принципе действенны те же законы жизни, что и для животных. Это продолжает влиять средневековое разделение тела и души, плоти и духа, когда многие образованные люди презрительно говорят о евгенике как о

«скотоводстве». Я не считаю, что животные стоят настолько низко, что людей нельзя с ними сравнивать. Евгеника должна опираться на уважение ко всему живому в природе. Только понимание великих законов, которым подвержено все живое, позволит создать цивилизацию и культуру, которые будут искать средства улучшения наследственности людей».

Эту свою мысль об общей необходимости биологической ориентации всей культуры Гюнтер переносил также и на искусство, обозначая физическую основу идеала красоты. В своей работе, посвященной Платону, он указывал: «Платон знал, какие опасные и враждебные добродетельной жизни образы может создавать искусство. Поэтому он считал необходимым государственный контроль над искусством и художниками, особенно над музыкальным искусством (у эллинов сюда входили также танцы и часть поэзии), поскольку через него могут прокрасться влияния, разрушительные для человеческого поведения. Художник Платон не боялся высказывать такие взгляды; свобода искусства должна быть ограничена ради того, что выше всех искусств, того, что Платон считал предварительным условием любого великого искусства – здоровой, добродетельной жизни».

Особенности духовной организации той или иной расы, специфику ее выражения в пластических формах Гюнтер блестяще развил в своей работе «Раса и стиль». В противовес философам, выводившим суть цивилизационных преобразований из влияния «среды» и «эпохи», он всегда указывал, что на самом деле реальные люди и расы оставляют характерный расовый отпечаток на всех исторических реалиях. По Гюнтеру, «цивилизация и изменение цивилизации народа это, прежде всего, выражение конфликта представленных в этом народе расовых душ между собой и с окружающим миром». История – это всегда конфликт расовых признаков, поэтому «направление цивилизационной деятельности всегда зависит от доминирующей в данном народе расовой души, от той расовой души, которая после конфликта с другими представленными в данном народе расовыми душами завоевывает господство».

Метод Гюнтера, при помощи которого он анализирует историю, можно трактовать как расово-антропологический. Этот метод нашел свое законченное воплощение в работах «Расология эллинского и римского народов», «Индогерманцы Азии», а также «Происхождение и расовая история германцев», которые были основаны на богатейшем историческом, этнографическом и археологическом материале. Не обошел Гюнтер вниманием и современную ему систему образования, которую сравнивал с александрийской времен декаданса и денордизации и, напротив, всячески превозносил отрезвляющий дух самопознания, который культивировался в учебных заведениях древней Эллады. Академическая «универсальная» наука, по его мнению, давала лишь эрудицию без ориентиров.

Наконец, биологическое мышление способно обогатить и саму филологию, ибо до сих пор в школах зубрили латынь и греческий, нисколько не вникая в расовое родство этих народов и, как следствие, в общность их расовой судьбы. Расовая история, согласно убеждениям Гюнтера, должна была прояснить и укрепить знания, почерпнутые из классической филологии.

Революционные идеи Гюнтера охватывали государственное устройство, законодательство, науку, политику – вообще все тело цивилизации. Он выступал за внедрение господствующих в природе здоровых и разумных законов в законы государства, его правовые нормы и принципы воспитания. Как и Платон, он ратовал за отказ от искусственного сохранения больных детей и в качестве примера приводил подобную практику у древних германцев.

Гюнтер посягнул и на священный немецкий идеализм, который к тому времени считался чуть ли не главным достижением немецкой культуры в целом: «Печально и все более вредно для развития немецкого духа и немецкого государства, что философские учения, известные под общим названием «немецкого идеализма» – за исключением дарвинистских взглядов Канта – соответствуют ламаркистскому мышлению. Жаль, что этот немецкий идеализм «возвышал» дух, отделяя его от неполноценного тела, и верил в возможность обучения всех людей. Он остался духовной философией, но не стал философией жизни».

Только после того, как Гюнтер возвел величественное строение своего философского учения, он закономерно приступил и к разработке темы нордической религиозности, которая не имеет ничего общего с болезненными вывертами переднеазиатской души. Его книга «Религиозность нордического типа» описывает основы этой глубокой религиозности, относящейся к высшим духовным достижениям нордической расы с ее закрытостью от мира, но при этом с посюсторонностью, чувством родины и стремлением к благородству, отсутствием догм и непосредственной связью с Богами, с ее заботой о теле и чуждостью учениям о грехе и спасении, но более всего – с ее связью с вечными законами природы в обычаях и законах, мыслях и поведении.

В книге «Нордическая идея» он также искал веру, для которой «тело и чувства не есть нечто, влекущее к греху, – это ближневосточный дух, а которая облагораживает тело и душу как половины одной телесно-духовной сути, возвышение которой из поколения в поколение приведет к воплощению божественного духа в этом мире». В сочинениях Платона, этого последнего арийского героя духа до того, как Европу распяли на кресте неевропейских ценностей, Гюнтер увидел, что «эллин воспринимал себя как человека, который должен создавать ценности в божественной природе; средневековая же церковь учила, что человек может создавать ценности только против природы, которая представлялась ей

безбожной, низкой и влекущей к греху. Святым для средневековой церкви был тот, кто отрекался от природы; у эллинов же благородным был тот, для кого природа была ареной действия и призывом к прекрасному и доброму».

Всюду мы можем увидеть этот образ мыслей, где обнаружим следы былого господства нордической расы: в арийской Индии, в Персии Зороастра, у греков от Гомера до Платона, в Риме в ранний период его истории, в русских и немецких народных сказках, в Исландии и Норвегии эпохи саг. Древние арийцы воспринимали мир как божественный порядок: у индусов это была «рита», над которой надзирают Митра и Варуна, «хранители риты»; у персов – «аша» или «урто», у эллинов – «космос»; у италиков – «рацио»; у германцев – Мидгард. Человек живет в этом мировом порядке как член рода, который продолжается в упорядоченности зачатий, Богиней которых у эллинов была Гестия. У всех индоевропейских народов это символизируется почитанием священного домашнего очага. В мировом порядке эта божественная упорядоченность зачатий служит для сохранения дарованного Богами «расового наследия».

В индийской «Книге законов Ману» (X, 61) сохранилось представление об упорядоченности зачатий: «Королевство, в котором совершаются беспорядочные зачатия, быстро погибнет вместе со своими жителями». Отсюда происходит традиционное нордическое освящение половой жизни, ее сдержанность в проявлениях внешних форм, когда этот плодородный источник расходуется не на внешнее беснование восточных страстей, а на приумножение внутренней энергии расы, на концентрацию силы и глубины переживаний. Отсюда же проистекает почитание хозяйки дома как хранительницы расового наследия и культ божественных предков и, как следствие, – тщательный отбор супружеских пар.

Все это не укладывается в рожденные передне-азиатским расовым духом представления христианских апостолов о Земле как «юдоли плача», о потустороннем мире – как о настоящей родине, а о женщине – как о «сосуде греха» и о том, что безбрачие «во Христе» лучше брака.

Гюнтер так описывал эту борьбу между двумя мирами:

«Нам трудно понять величие индогерманской религиозности, потому что мы привыкли мерить религиозность неиндогерманскими по сути ценностями и формами выражения. Большинство наших критериев религиозности взято из явно неиндогерманской религиозной жизни, прежде всего, ближневосточной, и из средневекового христианства. Наши оценки индогерманской религиозности неизбежно хромают. Это все равно, как если бы мы пытались объяснить структуру индогерманских языков, пользуясь методами семитского языкознания. Мы привыкли видеть настоящую религиозность только в вере в потусторонний мир,

а религиозное отношение к этому миру кажется чем-то несовершенным, недоразвитым, в лучшем случае – предварительной ступенью перехода к более высоким ценностям. Так наши традиционные иудейско-христианские представления мешают нам понять величие индогерманской религиозности. Дело доходит до того, что и в сравнительном религиоведении индогерманские религиозные ценности с «чисто научной» точки зрения расцениваются как менее значительные, а ближневосточные духовные ценности выдаются за образец для оценки любой веры».

Гюнтер устанавливает собственный масштаб ценностей: «Да, индогерманцы «дети мира» в том смысле, что «этот» мир позволяет раскрыться во всем своем богатстве их почтительному отношению к Божеству. Почтительное проникновение в суть всех вещей окружающего мира и человеческой жизни: от этих порывов индогерманская религиозность постоянно уходит вширь, вглубь и ввысь».

На вопрос о необходимости спасения, который может задать каждый священник, Гюнтер ответил так: «Индогерманская религиозность никогда не вращалась вокруг смерти одного человека. Мировой порядок вне времени. Гибнут целые эпохи и целые земли – это не гибель мира и не наступление «Царства Божьего», ради которого люди уже сегодня должны отречься от мира и думать о своем последнем часе.

Пока благодаря борьбе людей на стороне своего Бога против сил, враждебных этому Богу, сохраняется разумный порядок, идея спасения для индогерманцев непонятна. Спасение от какого зла и для какой иной жизни? Мидгард не был злом, Утгард надо было защищать в борьбе, и лучшей жизни, чем жизнь в дружбе с Богом и в самоутверждении в разумном порядке, не могло быть. Так что спасение от чего и для чего? Для индогерманской религиозности идея спасения не имеет смысла».

Таким образом, налицо противоположности, между которыми невозможен компромисс, а только четкое разделение и противостояние: для каждого народа нордической крови есть только одно окончательное спасение – это пробуждение ради следования своему врожденному, расовому закону жизни. Это последний, самый глубокий, решающий пункт программы Нордической идеи, от выполнения которого зависит, по мысли Гюнтера, успех возрождения нордических народов.

Белокурый интернационал

По меткому замечанию гамбургского антрополога Вальтера Шейдта (1895- ?), все нордическое движение до 1933 года было «кружком Гюнтера». Осенью того же года индолог профессор Якоб Вильгельм Хауэр основал «Движение за немецкую веру», к которому Гюнтер сразу примкнул, а в Любеке возникло «Нордическое общество», почетным членом которого он также был избран.

Усилиями ученых, представлявших различные узкие дисциплины, стало оформляться самостоятельное научное направление – «нордистика», а расовый теоретик Фриц Ленц провозгласил создание «белокурого интернационала». Гюнтер в это же время начал говорить о «паннордической идее», то есть о реально воплотимом идеале политического сотрудничества родственных народов. Известный норвежский расовый теоретик Йон Альфред Мьеэн бросил тогда крылатую фразу: «От смешения нордические народы теряют все, не выигрывая ничего».

Но если другие философы меньшего масштаба разрабатывали отдельные частные аспекты нордической идеи, то Гюнтер сумел создать многоплановое синтетическое учение, в рамках которого были сняты методологические противоречия между гуманитарными и естественными науками. Невзирая на свой общепризнанный авторитет, он тем не менее никогда не вел себя, как восточный деспот, ибо допускал идеологические расхождения в среде соратников. С 1933 года нордическое движение стало официальным и было объявлено составной частью национал-социализма. Руководство НСДАП сохраняло с теоретиком нордизма тесные и сердечные отношения. Но при всем этом работы Гюнтера, Даррэ и Клаусса никогда не были канонизированы и издавались как частные издания. Обязательная же для всех членов партии расовая теория была изложена в работах руководителя основанного в 1933 году Расово-политического отдела НСДАП профессора Вальтера Гросса (1904-1945).

Гюнтер никогда не был «человеком, который дал идеи Гитлеру». Так называется книга, вышедшая в Германии в 1958 году, автор которой, Вильфред Дайм, утверждал, что главным поставщиком идей Гитлеру был венский оккультист Йорг Ланц фон Либенфельс (1874-1954). Познания фюрера в области расологии и технических наук относились ко времени Первой мировой войны. Известная книга «Миф XX века» Альфреда Розенберга – официального идеолога III Рейха – базировалась на трудах Хаустона Стюарта Чемберлена, к которому Гитлер тоже относился скептически. Оккультизм в среде руководства III Рейха, подчас не имевшего высшего образования, выполнял функцию «объективной науки». Вопреки массовому современному мнению, в СС изучали не антропологию, а некую мистическую историю древних германцев. Гюнтер, сохраняя подлинно научную беспристрастность, имел смелость публично утверждать: «Нордиче-

ское движение всегда будет беспощадно бороться с всякими фантазиями на германские темы». Он открыто полемизировал на диспутах с официальными партийными пропагандистами, называя их измышления на расовые темы «бессмыслицей». В первые годы существования III Рейха в печати появилось множество эпигонских книг по расовому вопросу, которые, по мнению Гюнтера, производили такое впечатление, будто их авторы уже жили в древние времена и лишь благодаря счастливому метемпсихозу вновь возродились.

Поначалу руководство партии закрывало глаза на такое поведение Гюнтера, но постепенно положение дел стало меняться.

Об общей причине неуспеха нордического движения в Германии тех лет, пожалуй, наиболее верно высказался современный французский исследователь Жан Мабир, согласно мнению которого в руководстве национал-социалистической партии был очень велик процент выходцев из Южной Германии, где нордическая раса представлена очень слабо, а процент представителей нордической крови был крайне незначительным. Именно южные немцы из числа руководителей, которые не могли похвастаться белокурыми волосами и голубыми глазами, первыми забили тревогу, обвинив Гюнтера в том, что «он разрушает моральное единство нации, противопоставляя южным немцам северных». На это Гюнтеру пришлось ответить, что он сам происходит из Южной Германии и его внешность также далека от идеала «белокурой бестии».

Когда Гитлер праздновал свое 50-летие, члены «Нордического общества», хотя и назвали его великим немецким государственным деятелем, не решились, однако, обратиться к нему как к своему соратнику. Уже в 1934 году появились реальные сомнения в том, действительно ли нордическое движение и национал-социализм едины в своих положительных целях.

Факт остается фактом: расовая теория национал-социализма, ограниченная узкошовинистическими пангерманскими идеями, вылилась в бесперспективный антисемитизм. И действительно, в «Майн Кампф» лишь на нескольких страницах говорится об арийцах и на протяжении всей книги – о евреях. Ни в одной книге идеологов нордического движения ничего подобного никогда не наблюдалось. Внешнеполитическая программа, изложенная в «Майн Кампф», также разительно отличается от пропагандистских идей Гюнтера, Ленца, Клаусса и Даррэ. В политической антропологии существует спор о том, что выше: нация или раса. Национал-социализм, ограничив себя в плане политической биологии, сам загнал себя в тупик. Гюнтер всегда возражал против отождествления паннордической идеи со старым пангерманизмом – формой немецкого империализма, целью которого была аннексия соседних государств и присоединение их германского населения к Империи. Гюнтер принципиально осуждал это как

«злоупотребление расовой идеей». Национал-социализм желал увеличения количества населения, а Гюнтер и нордическое движение желали улучшения качества расы. При видимом сходстве, создаваемом усилиями политических демагогов, эти идеалы разделяла пропасть.

Третьему Рейху часто ставят в вину расизм и расовые теории, но это грандиозная мистификация, ибо узконациональный германский шовинизм не имел ничего общего с подлинно расовой идеологией. Мы говорили выше о тиражах книг Гюнтера в Германии, но сопоставьте это с общей численностью населения в тот период, и Вы без труда обнаружите, что популярность его была явно недостаточной. А теперь соотнесите эти данные с мультимиллионными тиражами классиков марксизма-ленинизма по ту сторону идеологического фронта и миллиардными (!!!) в случае распространения маоистской литературы в Китае, и Вы легко поймете, что все басни о «мощной идеологической машине нацистской пропаганды» сильно преувеличены. Если Вы откроете, к примеру, главный идеологический журнал НСДАП «Национал-социалистише монатсхефте», издававшийся под редакцией Альфреда Розенберга, то без труда увидите, что он разительно отличается от передовиц сакраментальных изданий «Коммуниста» и «Правды» в Советской России. За время существования журнала портрет фюрера появлялся на его страницах всего лишь дважды. В первый раз по случаю прихода к власти, и второй по случаю пятидесятилетия, ибо большего сей тоталитарный владыка не мог себе позволить даже в полностью подконтрольном издании. Остальное печатное пространство занимали добросовестные аналитические работы по политологии, искусствоведению и философии, а также репродукции классической немецкой живописи, изобилующей красотами Германии и изображениями «белокурых немецких Гретхен», миролюбиво занятых домашним шитьем. **И ни одной антирусской публикации**, лишь справедливое бичевание «азиатского иудеобольшивизма».

«Нацистский расизм» – это миф для тех, кто никогда не держал ни одного первоисточника на эту тему в руках. Глава расового ведомства НСДАП Вальтер Гросс в открытой партийной прессе настаивал на том, что никаких «высших» и «низших» рас не существует, кроме того, указывал, что, упирая на нордическую тематику, нужно быть максимально сдержанным и корректным, чтобы не оскорбить такой достойный народ, как японцы. Поэтому в вину Третьему Рейху нужно ставить не злоупотребление расовой теорией, а, напротив, ее игнорирование, недооценку и искажение.

Нордический идеал, воспетый Гюнтером, очень быстро сделался модой после 1933 года. Чувствуя поддержку правительства, Гюнтер выступил с инициативой о всеобщей нордизации Германии, так чтобы она могла соответствовать по расовым критериям его любимой Швеции. Усилиями пропаганды Скандинавия по-

началу изображалась как земной рай идеальных белокурых людей нордической расы. Но опьянение скоро прошло, и политическая конъюнктура, замешанная на «немецких фантазиях», взяла верх.

Уже 5 июня 1934 года Альфред Розенберг записал в своем дневнике: «Скандинавы слишком хорошо жили, они стали сытыми и ленивыми. Викинги уплыли, бюргеры остались. Только трудная судьба может снова сделать бунтарской старую кровь». С 1936 года в подобном духе стали высказываться публично, безответная любовь национал-социалистов к скандинавам превратилась в презрение, даже ненависть. Именно в этом году Михаэль Хеш со страниц журнала «Рассе» публично заявил, что среди нордических народов возобладали неполноценные элементы и произошла своего рода «духовная денордизация». Но в Швеции нордическим считали именно то, что отрицали в Третьем Рейхе: свободу волеизъявления в форме выборов. Поэтому Германия с ее диктаторским режимом не годилась в глашатаи чистой нордической идеи. На все упреки Германии Скандинавия ответила нордически сдержанно: «Граница Севера – южная Дания».

Общеизвестным фактом является то, что в 1939 году у Гитлера не было никакого плана войны, он появился лишь весной 1940 года. И в начале блицкрига в самом сердце Европы, особенно после оккупации Дании и Норвегии, о всякой нордической идее можно было забыть: официальная пропаганда национал-социализма поставила знак равенства между понятиями «германский» и «нордический». Таким образом из-за этой ошибки в области естественнонаучной систематики был поставлен крест на одном из самых авантюрных политических проектов еще в начале его осуществления. Кроме того, место расологии заняла геополитика. Борьба рас была подменена упрощенным дуалистическим толкованием противостояния суши и моря.

26 марта 1941 года на очередном партийном съезде приветствовали Гюнтера и наградили золотым партийным значком по случаю его пятидесятилетия. Но весь расовый вопрос в речах выступающих свелся к еврейскому вопросу, а гауляйтер Якоб Шпрегер подчеркнул, что хотя Гюнтер и является передовым борцом за расовую идею, но лишь в качестве предшественника самой правильной на свете расовой идеи – национал-социалистической. Это означало окончательную корректировку идеологии Рейха и отказ от паннордической идеи.

Когда началась агрессия против Советского Союза, Гитлер в публичной речи заявил, что раз де Россия находится под властью евреев, то нападение на нее не является «преступлением против родственной крови».

В противовес этому Ганс Ф. К. Гюнтер впервые в мировой военной теории применил к неприятельскому государству анализ на расовой основе, а не традиционный политико-экономический, который практиковали до этого. В основу прогнозирования стратегии войны он положил не экономический и политический потенциал государства, а расово-биологический. Убедительно доказывая, что поскольку в европейской части СССР до 30 процентов населения являются чистыми носителями нордической крови, никакой блицкриг невозможен, потому что русский солдат будет драться с упорством и выносливостью солдата немецкого даже тогда, когда положение безнадежно. Анализ психических качеств народа на основе его расового состава, как мы помним, является уникальным достижением метода Гюнтера, и он лишний раз доказал свою правоту, предсказав, что будет, за много месяцев до первых отрезвляющих реляций немецких генералов с Восточного фронта. Кроме того, военный союз с монголоидной Японией также вызвал его недоумение и скепсис, которые он не считал нужным скрывать.

Расология помогла Третьему Рейху появиться, а геополитика помогла ему погибнуть, и Гюнтер это понял первым. Не пространство, а раса творит историю.

Эти открытые выступления Гюнтера были восприняты в высших эшелонах власти как акт неповиновения и личного оскорбления фюрера, нанесенный в судьбоносный час борьбы с гидрой «мирового иудеобольшевизма». О всяком официальном признании можно было забыть, все публичные восхваления и заслуги были преданы забвению. Создатель расовой теории Третьего Рейха угодил в опалу.

Верный своему расовому идеалу и чувству долга ученый вернулся к преподаванию в родном Фрейбурге и писательской деятельности. В 1941 году вышла его книга, посвященная проблеме урбанизации и вырождения расы в крупных городах. «Народы рождаются в деревнях, а умирают в городах», – эта простая мысль как нельзя лучше отражает суть социально-биологических процессов, происходящих в современном цивилизованном обществе. Тогда же появилась его фундаментальная работа по вопросам прикладной евгеники «Выбор супружеской пары для счастья в браке и улучшения наследственности».

А дела его любимого детища – нордической идеи – шли все хуже и хуже. Был принят окончательный внешнеполитический курс на создание Великогерманского Рейха. Розенберг, еще заигрывавший поначалу с идеями Гюнтера, к середине войны открыто заявил, что норвежцам и датчанам отныне отказано участвовать в становлении нордического движения. А когда их процент в войсках СС пошел на убыль, и провалились все попытки создания марионеточных прави-

тельств, Розенберг публично заявил, что никаких расово-чистых нордических скандинавов нет вовсе, они попросту смешаны с лопарями.

Сходная система ценностей, основанная на ненаучной демагогии, затем возобладала и во всей Германии. Если в самом начале войны в точном соответствии с методами Гюнтера элитные войска СС комплектовали из двух процентов нордических новобранцев от общего числа призывников, то уже к середине войны в них оказались мобилизованными представители всех самых экзотических народностей, даже из числа тех, кто по официальным реестрам Гиммлера относились к «неевропейцам» и «недочеловекам». Исключение было сделано лишь для цыган и евреев, остальные же получили права на формирование спецподразделений по национальному признаку.

Весь драгоценный потенциал нордической крови немецких войск был выбит уже ко времени битвы на Курской дуге, что беспристрастно засвидетельствовано мобилизационными сводками Третьего Рейха, воспоминаниями полководцев, а также участниками современного поискового движения России, Украины и Белоруссии. По черепам и костям, находимым сегодня в лесах и болотах этих обширных территорий, можно провести статистически богатейшую и достоверную диагностику данного расового типа, в значительной степени уже окончательно и безвозвратно потерянного не только для самой Германии, но и для всего европейского генофонда.

Пусть военные историки всех стран сколь угодно долго спорят о том, кто виноват в развязывании Второй мировой войны на Восточном фронте. С расовой точки зрения правда одна, и она прозрачна. Ни Гитлер, ни Сталин не принадлежали по крови к нордической расе, но все свои политические амбиции они основывали именно на моральном духе и воинской доблести этой расы. Кроме как биопаразитизмом это назвать нельзя, но это уже сфера не военно-политической истории, а экологии и эволюционной паразитологии. Выступать в качестве настоящего лидера можно только представляя свою расу.

Точку зрения Сталина на расовый вопрос здесь анализировать вообще нет смысла, ибо она общеизвестна и обозначена самим его интернациональным титулом «отца народов». Что же касается Гитлера, то с ним тоже все не так сложно, как может показаться. Когда соратники по партии спрашивали у него разрешения на брак и прилагали фотографии норвежек и голландок, он выражал сомнение в чистоте расы германских народов европейского континента (кроме самих немцев, разумеется). Когда он, к тому же, увидел на улицах оккупированной Полтавы множество голубоглазых светловолосых женщин, его расовые убеждения окончательно поколебались и перепутались. Он был твердо убежден в неполноценности русских, а если неполноценные русские – люди нордиче-

ской расы, то теория высшей ценности нордической расы должна быть отнесена только к немцам и еще, может быть, к англичанам. Таким образом нордическое в сознании Гитлера сужалось до уровня немецкого. Но иначе и быть не могло в сознании ненордического человека. Гитлер говорил, что когда он сравнивал полтавских женщин с портретами норвежских и голландских невест, он находил, что такая «южная» примесь была бы лучше «северной».

Показателен и другой пример. Когда в сентябре 1942 года Гитлер давал инструкции командующему немецкими войсками в Дании, то наставлял: «Подходящий ли человек вождь датских национал-социалистов доктор Фриц Клаузен или нет, идет за ним большинство датского народа или нет – совершенно все равно. Мне нужно в Дании марионеточное правительство».

Смена акцентов в расовой идеологии Третьего Рейха и повлекла за собой поражение под Сталинградом. И никакие части СС, набранные из «кочевников Тамерлана», обряженных в турецкие фески, обклеенные свастиками и рунами, при виде которых кадровые немецкие офицеры приходили в ужас, не могли спасти положения. Победа на Восточном фронте, в точном соответствии с прогнозами Гюнтера, была одержана не в пользу геополитических умозрительных фантазий, а в пользу реального биологического инстинкта нордической расы. Советский маршал Баграмян, армянин по национальности, в период начала боев на Курской дуге лично отправлял с фронта части в тыл на переукомплектацию, если в них численность русских не достигала 50 процентов, ибо считал их небоеспособными. Он мыслил именно расово-биологическими категориями, ибо народ – это не разношерстное стадо, обернутое плакатами, но сакральное единство крови. Именно поэтому Сталин в первом своем публичном радиовыступлении перед советским народом по случаю начала войны впервые позволил себе такую неслыханную с интернациональной точки зрения роскошь, как обращение к своим «братьям и сестрам», чего он никогда не делал ни до, ни после. Тонким чутьем представителя другой расы он почувствовал, что и его личное существование в данный момент зиждется только на биологическом приспособлении не к иллюзорной общности «советский народ», а к биологической основе исторической общности – русский народ, сформированной на базе нордической расы. «Отец народов» снизошел до детей, выбрав тех, которые вывезут, невзирая ни на какие унижения. А это биологическая стратегия поведения паразита в чистом виде, и ни один политолог из числа военных историков не посмеет оспаривать этот факт.

Но все подобные ухищрения «больших политиков» уже объяснил скромный филолог, профессор Ганс Ф. К. Гюнтер, как всегда спокойно встряхнувший в своем воображении колбу с кровью, которую он мысленно выпустил из целых народов

и отдельных людей, чтобы метким взглядом зафиксировать сухой культурный и политический остаток.

Бремя белого человека

Когда в высшем руководстве Третьего Рейха наконец осознали, что Гюнтер прав, то в отношении него началась закономерная реакция подлой людской ненависти и мести.

В 1942-1943 годах он работал над большой книгой, которой дал название «Внебрачные дети с точки зрения науки о наследственности». Осенью 1943 книга была готова к печати, однако внезапно возникло препятствие на пути ее издания со стороны Министерства пропаганды. Это было неслыханно, ибо под запрет попала новая работа основоположника расовой теории Третьего Рейха. Вальтер Гросс пытался заступиться за Гюнтера, но безуспешно. Летом 1944 года к мнению Министерства пропаганды присоединился сам Мартин Борман. Гросс посылал многочисленные запросы о причинах запрета, но получал уклончивые ответы. Наконец сам Гюнтер обратился к верховному партийному судье Буху, но тот был тестем Бормана. Круг замкнулся. При всех внешних почестях к 1944 году положение Гюнтера сделалось столь же неопределенным и даже подчас беспомощным, как и в 1930 году, когда он был нищ и гоним. Как истинный провидец, своим собственным общественным положением он словно предрекал дальнейшее направление развития системы, в которую был погружен волею обстоятельств. Вряд ли нужно пояснять, что многие вожди Третьего Рейха в данной работе углядели искусное орудие, с помощью которого можно осуществить подкоп под их собственные биографии. Кроме того, в высших эшелонах власти ввиду крупных потерь на фронтах созрела идея легализации многоженства, способного, по мысли Бормана, залатать демографические дыры на теле режима. Как добропорядочный семьянин, Гюнтер выступил против этой затеи, объявив незаконнорожденных детей нежелательными, чем окончательно подорвал теоретическую базу существования детища Гиммлера – общества «Лебенсборн», в рамках которого все настоящие немецкие женщины должны были беспрекословно рожать детей от чистокровных офицеров СС. Но вся беда состояла в том, что последних к тому времени уже почти не осталось, о чем своевременно также указывал Гюнтер. Так что новых «грехов», накопленных помимо старых, оказалось более чем достаточно для уже открытой опалы.

Последняя статья этого периода, опубликованная в журнале «Рассе», была посвящена Ойгену Фишеру. Когда в ноябре 1944 года Фрейбург разбомбили, Гюнтер с женой и дочерями перебрался в Тюрингию, где их приютил на своей вилле в Веймаре его друг Пауль Шульце-Наумбург. Незадолго до краха Гюнтер прочел

лекцию в офицерском госпитале о значении наследственности и отбора и о мерах, необходимых для улучшения немецкого народа.

В апреле 1945 года в Тюрингию вошли американцы и заняли виллу Шульце-Наумбурга. Гюнтер, как и другие жители Веймара, несколько недель работал в концлагере Бухенвальд. Когда стало известно, что Тюрингия войдет в советскую зону, Гюнтер с семьей вернулся во Фрейбург. Там за ним уже охотились французские власти, и до сих пор остается тайной, чем он им так не угодил.

Три года Гюнтер провел во французском концлагере без суда и следствия. Французские оккупационные власти не знали, что с ним делать, и считали «немного сумасшедшим». Наконец 8 августа 1949 года суд третьей инстанции вынес приговор об освобождении, гласивший, что Гюнтер «всегда действовал в рамках международной науки и никогда не участвовал в травле евреев». Парадокс состоит в том, что главный расолог Третьего рейха никогда не был членом НСДАП, хотя и был награжден золотым партийным значком.

Запрет на его публицистическую деятельность наложен не был, и он сразу же приступил к работе. К этому было и другое основание, ибо новая власть лишила его всех источников к существованию, отобрав у него кафедру и все научные регалии.

Кстати, когда в 1933 году началась так называемая «национал-социалистическая диктатура», только 10 процентов профессоров потеряли свои должности, но никто из них не был арестован, их просто отправили на пенсию с полагающимся денежным содержанием. Так что истые борцы с Гитлером ушли на покой за его счет. А вот когда в 1945 году последовало «демократическое освобождение», свои должности потеряли уже 40 процентов немецких профессоров, причем все они потеряли пенсии, а многие были арестованы. Эти «прелести» демократической травли испытал на себе и Гюнтер.

В 1951 году он выпускает третье переиздание книги «Выбор супружеской пары для счастья в браке и улучшения наследственности». В этом же году вышло и третье переиздание его работы «Формы и история брака», впервые изданной в 1940-м.

Кроме этих переизданий, Гюнтер в 1952 году опубликовал под псевдонимом Генрих Аккерман книгу «Иисус, его миссия и отношение к ней на Западе». В ней Гюнтер попытался выявить историческую правду об Иисусе, развенчивая миф о его якобы «арийском происхождении», который в свое время поддерживал Х. Ст. Чемберлен. Еще в 1919 году Гюнтер вышел из лона христианской

церкви, а с 1933 года читал лекции для членов «Движения за немецкую веру» и активно интересовался нехристианскими религиями.

Второе издание книги об Иисусе вышло в 1968 году. Той же теме была посвящена работа под названием «Искажение и толкование миссии Иисуса», которую он опубликовал в 1961 году, также под псевдонимом Генрих Аккерман. Эти его сочинения печатало издательство Франца фон Бебенбурга в Пеле (Верхняя Бавария), занимавшегося в основном распространением религиоведческих трудов Матильды Людендорф – жены генерала Людендорфа.

В 1953 году Американское общество генетики человека выбрало Ганса Ф. К. Гюнтера своим членом-корреспондентом, что свидетельствовало о международном признании, хотя и весьма запоздалом. Он был по-прежнему единственным немецким расовым теоретиком, который имел связи и известность среди иностранных специалистов.

Свои ранние расологические исследования он развил в двух фундаментальных работах, основой для которых стала вышедшая еще в 1922 году «Расовая история эллинского и римского народов». Именно из этого небольшого описания и родились затем две объемистые книги «История жизни эллинского народа» (первое издание в 1956 году, второе в 1965) и «История жизни римского народа» (первое издание в 1957 году, второе в 1966).

Под псевдонимом Людвиг Винтер он опубликовал в 1959 году книгу «Исчезновение талантов в Европе», посвященную вопросам евгеники. В 1965 году вышло второе издание его работы «Крестьянская вера» (первое издание в 1942). Основой этой книги послужил раздел большого труда «Крестьянство как форма жизни и общества» (1939). Гюнтер, не теряя интереса к расологии, занимался также вопросами урбанизации и сохранения крестьянства, в котором он видел основу государства, поэтому его кафедра во Фрейбурге и называлась кафедрой расологии и деревенской социологии. Первая работа на эту тему относилась еще к 1934 году и называлась «Урбанизация, ее опасность для народа и государства с точки зрения биологии и социологии».

В 1963 вышло уже шестое переиздание брошюры «Религиозность нордического типа» (первое издание в 1934). После смерти Гюнтера вышло седьмое переиздание этой работы (1989). Она была наконец переведена на английский и итальянский языки, а книга о формах и истории брака – на итальянский и французский. Также после его смерти вышло второе издание книги «Нордическая раса у индогерманцев Азии» с дополнениями, выполненными Юргеном Шпанутом. Книга о выборе супружеских пар после его смерти также была еще раз опубликована без изменений. В 1967 году вышел сборник «Наследственность и

среда», представлявший собой практически четвертое переиздание сборника «Создание правящей знати путем родового воспитания» (1936).

Последняя книга Гюнтера «Мои впечатления об Адольфе Гитлере» – сочетание очень субъективных впечатлений от встреч с Гитлером с общими рассуждениями на политические темы. Поскольку он был совершенно аполитичным человеком, эти его рассуждения – скорее зеркальное отражение личности самого Гюнтера, чем объективное мнение о Гитлере и государстве того времени.

Гюнтер остался одиночкой: он не любил массовость, и идея народного сообщества, которая играла решающую роль в Третьем Рейхе, была ему совершенно чужда. После 1945 года Гюнтер давал такую оценку национал-социализму: еще до прихода к власти, с 1930 года это политическое движение по настоянию Гитлера развивалось в направлении завистливо-социалистического охлократического режима, целью которого было принизить всех немцев до уровня общих одинаковых привычек. Социализм в любой его форме, в том числе и в форме национал-социализма, считал Гюнтер, стремительней всего развивает в каждом человеке зависть. Это переднеазиатское по происхождению движение, основанное на уравниловке, противно самой сути нордического человека с его аристократическим, врожденным «пафосом дистанции», как это метко назвал Ницше.

В 1966 году скончалась жена Гюнтера, и это добавило взглядам философа пессимизма. Он видел, что становится все меньше талантов, что нордическая раса исчезает как в процентном соотношении с другими расами, так и по абсолютным показателям из-за сильного снижения рождаемости и межрасового смешения. Его поведение в этот период жизни характеризовал своего рода стоицизм; он считал, что нордическая раса переживает упадок, и последние нордические люди, должны стоически вести себя в этой ситуации. Разумеется, для такого взгляда на жизненную ситуацию были объективные причины, но решающую роль играли убывающие с возрастом силы и утрата способности к воодушевлению. Но Гюнтер не полностью утерял надежду, и об этом свидетельствует совет, данный им за несколько лет до смерти «Движению за немецкую веру»: не забывать и другие нордические народы, не ограничиваясь только немецким. Его провидческое наставление в полной мере относится и к русскому народу, который он всегда считал подлинно нордическим в своей основе.

Ганс Ф. К. Гюнтер скончался 25 сентября 1968 года в возрасте семидесяти семи лет в своем родном и любимом городе Фрейбурге. Доктор Вильгельм Куссеров, который тогда возглавлял «Движение за немецкую веру», произнес на его похоронах прочувствованную речь.

Гюнтер как никто другой в последнем столетии пробудил и распространил в немецком народе расовую идею, которая затем переросла и эти границы, сделавшись достоянием всей белой расы. Не в последнюю очередь благодаря ему немецкая антропология заняла ведущее положение в мире в первой половине XX века. Осознавая необходимость собственной, а не принесенной из передней Азии, религиозной точки зрения, а также значение крестьянства для здоровой государственности, он обозначил и другие важные аспекты, которые должен принять во внимание каждый, кто думает об обновлении своего народа. Гюнтер был одним из величайших ученых последнего столетия, который, соединив данные из многих областей, создал в процессе своих исследований всеобъемлющую и убедительную картину мировой истории на расовой основе. Его моральный облик также являет собой пример, достойный восхищения и подражания, ибо это образец принципиальности даже в эпоху, когда беспринципность сделалась синонимом прогрессивности.

После войны Ойген Фишер так оправдывал перед потомками Гюнтера и его главную книгу «Расология немецкого народа»:

«Люди сегодня не имеют понятия об успехе книги Гюнтера. При этом не следует забывать, что тогда никто не думал о так называемом расизме национал-социализма – его просто не было. Независимо от этого успеха среди читательской массы, книга привлекла к себе большое внимание и в научных кругах, в том числе за рубежом. Далее должна была последовать всесторонняя критика и проверка деталей. К сожалению, развитие пошло иным путем. Национал-социализм присвоил себе результаты его исследований в утрированном виде и его книга стала предметом политических злоупотреблений. Любой профан мог рассуждать о расах и полагать, что по нескольким признакам, таким как светлые волосы, высокий рост, длинный череп, можно квалифицированно судить о расе каждого человека. Многие представители других наук тоже предавались подобным бесчинствам. Такова трагическая судьба произведений Гюнтера, но вины автора в этом нет. Хотя у него много научных ошибок, которые требуют научной критики, упор на основополагающее значение расы для исторических достижений народов – это по меньшей мере научная теория, содержание которой нужно спокойно анализировать. Несправедливо делать Гюнтера ответственным за преступное злоупотребление национал-социалистами результатами его исследований».

Современный крупнейший «новый правый» философ Роберт Стойкерс из Бельгии на страницах журнала «Вулуар», июль-сентябрь 1993 года, писал: «Гюнтер был платоником по своей методике, индивидуалистом в скандинавском смысле слова, ученым-одиночкой, который испытывал отвращение к национал-социалистическому коллективизму. Его книги о Платоне, об индоевропейской

религиозности, о Гитлере, демагогию которого он осуждал, доказывают, что он не имел ничего общего с нацизмом. Гюнтеру не было предъявлено никаких обвинений».

Наиболее лаконично сформулировал заслуги немецкого ученого великий итальянский философ Юлиус Эвола в своей книге «Миф крови», по мнению которого, «Гюнтеру удалось создать нерасистскую концепцию расы».

Примечание к первому русскому изданию

О существовании крупнейшего немецкого расового теоретика и самобытного философа Ганса Ф. К. Гюнтера мы в России узнали совсем недавно, одновременно с прочими компонентами общей демократизации общества. Первым источником для нас стала замечательная книга Армина Молера «Консервативная революция в Германии 1918-1932», представляющая собой компендиум биографической и источниковедческой информации по обозначенной теме. Само слово «расология» было еще не известно у нас в стране, и потому за разъяснениями мы обратились к известному немецкому патриоту и большому другу России, публицисту и историку господину Вольфгангу Штрауссу. Он с большим энтузиазмом согласился помогать нам прививать это экзотическое растение, имя которому – расовая теория, – на русской почве. Вскоре результаты нашего русско-немецкого расологического «мичуринства» дали первые плоды – неподдельный интерес со стороны отечественного читателя. Посему, пользуясь случаем, мы спешим выразить благодарность господину Вольфгангу Штрауссу за его подлинно провиденциальную роль в этом проекте.

Далее, когда русские публикации по расовой проблеме стали приобретать целенаправленность, а работа с первоисточниками приобрела систематизированный характер, наше внимание случайно привлек современный немецкий журнал «Нойе антропологи», издаваемый в Гамбурге. Удивительно, ведь в Германии под страхом драконовской цензуры все серьезные публикации на эту тему запрещены. Это также подхлестнуло наше желание связаться с немецкими братьями по духу.

Вторым человеком, выполнившим роль крестного отца «русской гюнтерианы», суждено было стать следующему нашему немецкому другу – главе правительства Пруссии в изгнании – господину доктору Ригольфу Хеннигу, которому мы также выражаем самую искреннюю признательность за оказанную помощь.

Пользуясь своим статусом и огромными связями, он без особого труда изыскал шанс познакомить нас с адвокатом из Гамбурга господином Юргеном Ригером –

главным редактором журналов «Нойе антропологи» и «Ди нордише цайтунг», а также учеником и продолжателем идей Ганса Ф. К. Гюнтера как в части расологии, так и в части нордического движения. О большем везении нельзя было и мечтать, ибо, казалось, сами Боги Вальгаллы покровительствуют нам: до такой степени мягко, быстро и доброжелательно все происходило.

Мы очень быстро получили адрес господина Ригера: по всем законам высшего дипломатического этикета – с ксерокопией рекомендательного письма, направленного ему господином Хеннигом. Реакция первого была весьма оживленной и позитивной, ибо он и понятия не имел, что в России что-либо знают о классической немецкой расологии. Однако наша настойчивость в совокупности с уже накопленной к тому времени эрудицией не оставили у него никакого сомнения в том, что настало время собираться в Россию, чтобы воочию посмотреть на невесть откуда взявшихся двух русских «самозваных гюнтероведов».

В сентябре 1999 года его визит состоялся. Консенсус между западной и восточной ветвями расологии нордической расы был найден на редкость легко, что и подтвердило базовую идею Гюнтера: близкие в расово-биологическом отношении народы обречены иметь близкие же судьбы. Русская и немецкая точки зрения по всему спектру расологических проблем оказались практически идентичными. Идея первого русского издания родилась сама собою, тут же возникла и дерзкая мысль предпослать ему совместное русско-немецкое предисловие. Ибо господин Ригер очень быстро понял, что русская сторона даже несколько лучше него осведомлена обо всех нюансах жизни Гюнтера из официальных источников Третьего Рейха, за что, конечно, отдельная благодарность «славным» органам НКВД, безо всякого разбора в 1945 году вывозившим вагоны «крамольной» трофейной литературы в наши библиотеки. Это далеко не первый в мировой истории пример, когда интеллектуальное достояние побежденных, в качестве военной награды переходя в руки победителей, со временем преображало и изменяло духовный облик последних. Именно данная сохранность базы первоисточников и обусловила правопреемственность нордической расологии.

На нашей торжественной встрече в Москве обе стороны с удовольствием констатировали, что Ганс Ф. К. Гюнтер – беспрекословный авторитет и учитель для всех людей нордической расы, независимо от их культурной и языковой принадлежности. Гюнтер, как мы помним, завещал уделять равное внимание всем народам нашей нордической крови, избегая любых форм шовинизма, губительного для расового единства.

Данным первым русским изданием мы и постарались исполнить его волю. Мы рассчитываем, что этим дело не ограничится, и труды Ганса Ф. К. Гюнтера приобретут такое же право жительства на наших книжных полках, как и книги Шо-

пенгауэра и Ницше, давно сделавшихся любимыми русскими авторами. В любом случае время все расставит по своим местам, ибо лучшие образчики немецкой философской мысли всегда находили свое беспрепятственное признание в России. А наша скромная миссия состоит лишь в том, чтобы разглядеть эти знаки времени, дабы исполнить его предначертания. Мы с удовольствием отмечаем, что книги Генриха Риккерта, Георга Зиммеля, Вильгельма Виндельбандта и других стали привычными в наших книжных магазинах, осуществлены первые издания Конрада Лоренца. Трудно найти в магазинах академический отдел философии, где не встретишь ни одного издания Мартина Хайдеггера. И это притом, что он вступил в НСДАП на следующий же день после прихода к власти Гитлера. А Ганс Ф. К. Гюнтер никогда в этой партии не состоял, хотя и был одно время обласкан режимом. Пропаганда его учения, поэтому основывается нами не на соображениях мнимой «политкорректности», но на глубоком знании материала.

Мы верим, что подлинный бум «русской гюнтерианы» не за горами.

Так же не без чувства гордости мы сообщаем, что это «первая в мире» полная биография великого немецкого философа, изданная к тому же «на русском языке».

Одним словом, читайте и наслаждайтесь – это расовая теория высшего качества в трактовке Ганса Ф. К. Гюнтера – пророка нордической расы.

P.S. В конце своего визита в Москву господин Юрген Ригер одарил нас подлинной реликвией – томиком «Расологии Европы», пережившим одну из массовых бомбардировок Германии. На книге сохранились следы от огня и воды при пожаротушении.

Так по всем законам инициации состоялся акт передачи правопреемственности нордической расовой теории. Русский миф крови пробужден.

8.08.2000—15.10.2000

Владимир Авдеев (Россия)
Анатолий Иванов (Россия)
Юрген Ригер (Германия)

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для меня большая радость, что книга Ганса Ф.К. Гюнтера, так быстро после своего первого появления, выходит вторым изданием. Это показывает, что в России полностью осознают ее значение. Я могу себе представить, что многие русские сейчас испытывают то же, что испытал я, когда тридцать лет назад читал «Расологию немецкого народа». У меня будто пелена упала с глаз, я понял, почему я чувствую и думаю одно, а другие люди ведут себя иначе. Эта книга стала для меня основой моего представления о людях. Раса открылась мне в качестве вечной ценности. Человек может изменить веру. Он может переехать в другую страну, воспринять чужой язык и, таким образом, сменить «народность». Он может менять политические воззрения, переходить из одной партии в другую. Но его расовая принадлежность останется неизменной, раса – это константа, то, что в жизни нельзя изменить. Даже если человек сменил свои политические взгляды, он будет вести себя так же, как и раньше: он будет жестко отстаивать свою точку зрения, или наоборот, оставаться в тени, не желая бросаться в глаза.

Мы хотим продолжить жизнь в своих детях и внуках. Но это удастся только в том случае, если мы будем искать себе партнера, похожего на нас. Тогда наши потомки будут такими же, как мы физически и духовно. И только так мы выполним свой долг перед нашей расой.

Через осознание понятия расы я, конечно, изменил свое представление о понятии народа. Людвиг Вольтман показал, что в прошлом среди романских народов было много выдающихся людей, принадлежавших к нордической расе, но сейчас они почти исчезли. Из-за языкового родства я искал контакта с представителями германских народов, поддерживал связи, призывал к взаимопониманию, так как среди них еще оставалась большая доля людей нордическо-фальской расы.

Именно из книг Гюнтера я узнал, что в расовом отношении северные праславяне не отличались от германцев, и что антропологически нет различий между скелетом из германских «полей погребений» и скелетом из древних захоронений со славянским инвентарем. К этому прибавилось также переселение варягов. Думать о современном антропологическом составе славянских народов не приходило в голову из-за противостояния Востока и Запада, почти военных отношений между «западным миром» с одной стороны и «коммунистическим восточным блоком» с другой, «железного занавеса», из-за этих причин не было повода изучать антропологию славян. Я был удивлен, когда на соревнованиях по парусному спорту в Гамбурге увидел на русском учебном судне, помимо не-

скольких темноволосых, только белокурых членов экипажа с очевидной нордической внешностью, но я подумал, что советские власти специально отобрали такой состав, чтобы показать миру, насколько «древнеевропейским» является их народ. Лишь когда я по приглашению посетил Москву и Санкт-Петербург, то понял, что не было никакого умышленного отбора. Крупные города всегда притягивают людей из разных стран, и коренное население зачастую теряется на этом фоне, но, несмотря на это, в обоих мегаполисах сегодня очень много белых и нордических людей, даже больше, чем в Гетеборге, Гамбурге, Мюнхене, Лондоне, Париже или Нью-Йорке. Из-за «железного занавеса» и последующей экономической разрухи переселение чужих рас из развивающихся стран в Россию стало непривлекательным, и крупные города России смогли сохраниться в первоначальном виде.

Однажды Адольф Гитлер во время войны даже пошутил, что, мол, много говорят о «нордизации» немецкого народа, а тут, когда видишь столько голубоглазых блондинов, можно скорее говорить об «овосточивании». Очевидно, что среди русских большое количество людей нордического и фальского типа. В процентном отношении оно очень велико.

Это огромное преимущество русского народа. Но оно не означает, что можно успокоиться и сказать: у нас все в порядке, мы не должны придавать расовым вопросам никакого значения. Темные народы демонстрируют чудовищный демографический взрыв, тогда как у белых показатель рождаемости не достаточен даже для того, чтобы выжить, не говоря уже о том, чтобы обеспечить такой же прирост населения, как и у цветных народов. С каждым поколением численность немецкого и русского народов уменьшается. Но свято место пусто не бывает, и если народ сокращается, то на его территорию будут вторгаться чужаки. Зачастую закрыть границы бывает уже слишком поздно, и рост рождаемости приехавших изменяет состав населения. Двести лет назад в Косово жили почти одни сербы, но десять лет назад из-за разного уровня рождаемости там проживало уже 90 процентов албанцев. В Сибирь переселяется множество китайцев, так что можно предвидеть, что китайское население там станет многочисленнее русского.

Но регулирование численности – это лишь одна сторона демографической политики. Другая сторона заключается в том, что на Западе расоненавистнические СМИ (телевидение, радио, пресса) мешают людям быть расово-сознательными. Борис Беккер женился на мулатке и произвел на свет соответствующих детей, и все ликуют по этому поводу, нежно хвалят его детей, их фотографии печатают все газеты. Но ни в одном журнале вы не увидите фотографии детей Михаэля Шумахера, который женился на нордической женщине. Если при выборе супруги(а) не быть расово-сознательным, то придется смириться с исчезновением

нордическо-фальской расы, так как люди этого типа составляют меньшинство по всему миру, а темный цвет доминирует при смешении. Благодаря русскому влиянию в Евразии и британскому господству над цветными народами, нордические люди воспринимались как «господа», и до сих пор для цветного мужчины или цветной женщины привлекателен брак с представителем господствовавшей ранее расы, чтобы повысить свой статус. Это может ускорить процесс смешения. Ученые ЮНЕСКО предполагают, что в 2112 родится последний белокурый ребенок, возможно, это будет девочка в Финляндии.

Поэтому чтобы раса, которая не только зачастую влияла на мировую историю, но и достигла несомненных успехов в области науки, искусства, культуры, не вымерла, необходимо пробудить расовую сознательность в народах, среди которых еще остались представители нордическо-фальского типа. Перелом может наступить только в том случае, если в этих странах будет снят запрет на расовые исследования.

И в этом миссия России! Поскольку наука в Советском Союзе была под присмотром, свободное исследование подвергалось давлению, особенно в области генетики, сегодняшние русские голодны до знаний, они хотят знать правду и не позволят ограничивать себя запретами. Поэтому я не сомневаюсь, что сегодня расовый вопрос открыто обсуждается в научных кругах России, что «еретические» взгляды защищаются, и для мыслящих людей расология приобретает все большее значение. В России сокрыт ключ к сохранению нордическо-фальской расы на всем земном шаре, и поэтому с огромной радостью я наблюдаю за укреплением расовой мысли в России!

Что еще следует отметить, так это увеличение рождаемости. Мне известно, что в России существует серьезный квартирный вопрос, но он не должен заставлять людей ждать «лучших времен». Гамбург был сильно разрушен и опустошен бомбардировками союзников, и я сам первые десять лет жизни прожил в четырехкомнатной квартире, в которой две комнаты занимали мои дедушка и бабушка и их сиделка (у бабушки был сильный ревматизм), одна была приемной моего отца (он был врачом), в коридоре ждали пациенты, а последняя комната служила мне, моему брату и родителям спальней, гостиной и столовой одновременно. Если бы мои родители тянули с планированием детей до «более подходящей квартиры», то меня бы не было. Русские люди должны иметь мужество заводить детей!

В заключении я хочу выразить восхищение тем, что благодаря Владимиру Авдееву я получил связи с патриотическими силами в России. Я надеюсь, что плодом сотрудничества обоих народов станет взаимопонимание и дружба, которые не

позволят впредь вспыхнуть злосчастным войнам, как в прошлом, между двумя величайшими народами Европы.

Гамбург, 03.08.2004
Юрген Ригер

НОРДИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Ю. Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен-Берлин, 1927

1. Пробуждение нордической идеи. Мировоззренческие основы нордической идеи

Нордическая идея начала осознавать себя в 1853-55 годах, когда граф Артюр **Гобино (1816-82)** опубликовал свой «Очерк о неравенстве человеческих рас», труд, в котором впервые было указано на значение нордической расы в жизни народов, говорящих на индоевропейских языках. (Поскольку этот труд из-за его большого объема многие не читали, мы рекомендуем краткие изложения основных идей Гобино. На значение работ Гобино указывает Шеман в своей книге «Расовые труды Гобино», 1910.) Для расовой идеи, особенно для нордической идеи Гобино остается «великим предшественником» (Ойген Фишер).

Поэтому всегда нужно помнить о человеке, который практически спас имя и идеи Гобино от забвения и показал их значение. Людвиг **Шеман (р. 1852 г.)** имел право назвать часть своей автобиографии, вышедшей в 1925 г. «Поход за Гобино». В 1894 г. Шеман основал Общество Гобино и в 1919 г. подвел итоги его 25-летнего существования. В 1898-1901 годах на немецком языке вышел переведенный Шеманом главный труд Гобино, который оказал сильное влияние.

На переломе веков началось возрождение расовой идеи и осознание ее как нордической идеи, новой идеи, выходящей за рамки мира идей XIX века. Именно нордическая идея встретила упорное сопротивление всех идейных масс и массовых идей, задававших тон в XIX веке. Неравенство человеческих рас, на которое впервые указал в 1845 г. Густав Фридрих **Клемм** в своей книге «Распространение активной человеческой расы по земному шару» и которое потом доказал Гобино, было учением, совершенно противоположным духу XIX века. «Природное равенство» всех людей из книг Руссо перекочевало в «Декларацию прав человека» французской революции и в Декларацию независимости США и превратилось в неоспоримый символ веры. XIX век сделал человека продуктом среды. Еще в 1860 году Бокль (1821-62) сводил физические и психические

свойства отдельных людей и народов почти исключительно к влияниям среды, а Джон Стюарт Милль (1806-73) называл «пошлыми» попытки выявить врожденные природные различия между людьми. Учение Руссо о равенстве и учение Гобино о неравенстве еще долго будут противостоять друг другу. И нужен переворот в мировоззрении, чтобы люди поняли, сколь «пошло» делать человека продуктом среды.

Учение о неравенстве подкрепили к концу XIX века этнографические и исторические исследования, которые противопоставили рационалистическим представлениям эпохи Просвещения о едином «роде разумных существ» все многообразие рас и народов, причем были показаны и их глубокие психические различия.

В 1883 г. Карл **Пенка** выпустил «Origines ariacae», а в 1886г. «Происхождение арийцев». В этих работах он опроверг господствовавшее тогда мнение о происхождении «арийцев», (т.е. народов, говорящих на индоевропейских языках) из Азии. Он доказал, что их прародиной была Северо-Западная Европа, а первоначальным расовым типом – нордический. Независимо от Пенки к тем же выводам пришел Людвиг **Вильзер (1850-1923)** в своей книге «Происхождение немцев» (1885 г.).

Но в этих работах ничего не говорилось о ненордических компонентах европейских народов. Первые работы на эту тему – «Расы и народы Земли» русского расолога **Деникера** (1898-99) и «Расы Европы» американского расолога **Рипли** (1899).

На переломе веков вышла книга Хаустона Стюарта **Чемберлена** «Основы XIX столетия», оказавшая влияние на самые широкие круги, и книга «Ариец и его общественная роль» Жоржа Ваше де **Лапужа** (обе в 1899 г.). Тогда же Отто **Аммон (1842-1915)** закончил свои начатые в 1885 г. исследования и выпустил «Антропологию баденцев», а до этого – «Естественный отбор среди людей» (1893) и «Общественный порядок и его естественные основы» (1895) – книгу, которая стала вехой в истории расовой гигиены. Расовая идея и понимание значения нордической расы объединяли его, как пишет его дочь в его краткой биографии, с Шеманом и Лапужем. Он первым в Германии указал на значение работ Гальтона. Расовая идея свела его с Л. Вильзером и Людвигом **Вольтманом (1871-1907)**.

В 1901 году вышла книга «Варуна. Закон подъема и упадка жизни в истории народов» Виллибальда **Хенчеля**, в которой положения расовой теории и расовой гигиены доказывались на примерах из истории народов. В 1904 г. вышла книга Вильзера «Германцы», в 1903 г. «Политическая антропология» Вольтма-

на, в 1905 и 1907 годах его же «Германцы и Ренессанс в Италии» и «Германцы во Франции». Вольтман основал «Политико-антропологический журнал», который просуществовал до 1922 года. В начале века венгр фон **Уйфалви** опубликовал в специальных журналах на французском и немецком языках свои исследования о роли нордической расы в жизни индийского, персидского, греческого и македонского народов. В 1905-06 гг. вышла книга «Европейская расология» Карла **Рёзе**. Его вывод: «Нордическая расовая составляющая немецкого народа является главной носительницей его духовной силы».

На пользу расовым исследованиям пошло то, что этнография на переломе веков занялась, наконец, самой Европой. В 1898 г. вышла «Немецкая этнография» Э. Г. Мейера. Помощь им оказало и языкознание. Адальберт Кун еще в 1845 г. пытался с помощью лингвистических средств найти ответ на вопрос о прародине индоевропейцев. В 1859 г. Август Шлейхер в своем «Немецком языке», сравнивая индоевропейские языки, пытался создать образ «пранарода». Но обоснованные ответы на эти вопросы удалось найти лишь на переломе веков. В 1902 г. Маттеус **Мух** выпустил книгу «Родина индогерманцев в свете доисторических исследований». Этот языковед впервые предположил, что прародиной индоевропейских племен была Северная Германия. В 1905-07 гг. Герман Хирт в своем труде «Индогерманцы» передвинул ее к Балтийскому морю. Как Мух, так и Хирт указывали при этом на нордическую расу как на первоначальное ядро индоевропейцев. В 1908 г. появились книги «Боги германцев и их саги о богах» фон дер Лейена и переведенная с датского «Нордическая духовная жизнь» Акселя Ольрика. Все больше осознавалось значение доисторических исследований. В 1909 г. Густав Коссинна создал специальное общество для занятия этими исследованиями.

Внимание расовым вопросам традиционно уделяли евреи. В 1908 году, когда еще немногие немцы знали о расовых исследованиях, **еврей** Вальтер **Ратенау** указывал в своих «Размышлениях» на выводы из этих исследований, совпадающие с нордической идеей. Ратенау писал уже тогда: «Задача грядущих времен – возрождение вымирающих или истощенных благородных рас, которые нужны миру. Нужно вступить на путь, на который уже вступила сама природа, – на путь **«нордификации»**. «Грядет **новая романтика** – **романтика расы**. Она будет прославлять чистую нордическую кровь и создаст новые представления о добродетели и пороке».

В вышедшей в 1904 году книге Эльзенханса «Расовая теория Канта и ее непреходящее значение» говорилось, что идея расовой сущности особенно близка современному кругу интересов, что расовый вопрос для историков стал одним из важнейших факторов. Столь сильное влияние оказали перевод Шемана и книга Чемберлена. Наука о наследственности поставила идеи Гобино на науч-

ную основу. В 1891 году Вильгельм **Шалльмайер (1857-1919)**, не зная работ Гальтона, выпустил книгу «О грозящем физическом вырождении», но он исходил из представлений о наследственности, обоснованных Ламарком (1774-1829).

Символично, что на переломе веков законы наследственности, открытые Иоганном Менделем (1822-84), заново открыли независимо друг от друга де Фриз, Корренс и Чермак. Тогда же начали свое действие и идеи, которые высказал в своих «Основах расовой гигиены» (1895) Альфред **Плётц**, переработавший идеи «отца евгеники» Фрэнсиса Гальтона (1822-1911). Плётц основал в 1904 г. «Архив расовой и общественной биологии» (которым сегодня руководят он и Ленц), а в 1905 году – Немецкое и Международное общество расовой гигиены. Он писал тогда: «Мы должны чувствовать себя рыцарями жизни, прекрасной и мощной жизни, из которой возникает все земное счастье и победоносное устремление которой ввысь только и дает нам надежды на будущее, на золотой век, который люди относили в прошлое».

В 1904 г. вышла книга Гротьяна «Социальная гигиена и проблема вырождения», в 1903 г. – «Наследственность и отбор» Шалльмайера. Следует отметить, что **Шалльмайер** был **противником нордической идеи**. При его сильной наклонности к социализму в его социал-демократической форме каждое выступление за нордическую расу казалось ему «реакционным аристократизмом». У Шалльмайера была явная антипатия к нордической сути и симпатия к китайской. Он считал, что **китайская цивилизация** создает наиболее благоприятные предпосылки для расовой гигиены. В 4-м издании его книги содержится такой пассаж: «Создание для нордической расы особо благоприятных условий по сравнению с другими расовыми элементами немецкого народа не входит в евгеническую программу…»

«Наследственность и отбор» Шалльмайера была важнейшей работой в области евгеники до 1922 года, когда вышли «Основы учения о человеческой наследственности и расовой гигиены» Баура, Фишера и Ленца…

…Так еще до начала нашего века прокладывал себе дорогу идейный мир будущего. Для него проблема «улучшения человека», которую прошлый век пытался решать посредством образования и улучшения среды, обусловлена наследственными задатками и отбором. Если XIX век верил в «прогресс человечества» согласно решениям парламентского большинства, то для XX века возвышение человека возможно только в результате умножения ценных наследственных задатков… XX век должен произвести переоценку понятия «образование» и «воспитание». Со времени упадка древней Греции, эллинистической, александрийской эпохи, не было другого, столь же «образованного» столетия, как XIX век,

и не было эпохи, все «идеалы» которой потерпели бы столь жалкий крах. О ее воспитании можно судить по ее плодам – по самим людям. Достаточно сравнить западных европейцев начала и конца XIX века. Гёте это предвидел, но действительность превзошла его ожидания. Он предсказывал, что свобода превратится в сплошной произвол. Любое образование и воспитание – XIX век этого не учел – должно быть в конечном счете направлено на то, чтобы держать человека в повиновении. А XIX век имел точно такие же представления об образовании, которые погубили Элладу: софизм, отрицание всех ценностей, безграничная свобода отдельной личности, которую в XIX веке назовут «индивидуализмом». У софистов это выражалось в тезисе «Человек – мера всех вещей».

XX век должен иначе понимать образование и воспитание. Дух XIX века справедливо называли механистическим; этому духу нужно противопоставить новое, органическое понимание жизни. Первым указал на это **Холле**: в 1911 году он написал, что на смену веку техники идет век биологии. А Геббель еще в 1843 году рекомендовал: «Было бы хорошо, если бы человек больше занимался своей естественной историей, чем историей своих деяний».

Механистическим было мышление XIX века, который рассматривал индивидуализм как высшее достижение человеческого духа. Новая эпоха требует от человека полной ответственности перед прошлыми и будущими поколениями. Он может настолько испортить свое тело и душу, что загрязнит исходящий от него поток жизни или вообще будет не в состоянии передать эстафету жизни, как говорил Платон…

Целью воспитания не должно быть усвоение тех или иных знаний… цель воспитания – сам человек и его возвышение. Перед концом века образование превратилось либо в самоцель, наслаждение, искусство для искусства, либо в средство достижения индивидуальных целей («знание – сила»). Люди прятались от настоящей жизни в искусственную и кончалось это печально, как в «Портрете Дориана Грея». Другие хотели подчинить себе жизнь, стать господами и использовали образование как оружие в «борьбе за существование» – так они называли борьбу за власть и значение и называли неправильно: они побеждали как личности, поднимались по социальной лестнице, но в борьбе за существование решающее значение имеет рождаемость, а здесь-то эти «победители» как раз и проигрывали, а побеждали «пролетарии». Это становилось серьезной угрозой для жизни народов, как признавал евгеник и **социал-демократ** Гротьян («Снижение и регулирование рождаемости», 1921 г.): «Нынешнее состояние, при котором высшие слои пополняются не столько за счет собственного размножения, сколько за счет притока из низших слоев, со временем приведет к тому, что нация обеднеет людьми способными, одаренными, с сильной волей».

Образование XIX века способствовало подъему отдельных лиц из низших слоев, но параллельно с этим все ниже становились цифры рождаемости у лучших представителей всех слоев.

XX век задает вопрос, не был ли хваленый «прогресс» XIX века на самом деле регрессом, и можно ли называть «культурой» то, что убивает в народах их лучшие наследственные качества?

XIX век разрушил старые мифы и воздвиг вместо них фабрики и магазины, банки и учреждения, набитые сотнями чиновников. Метания людей между ними сначала назывались «свободной игрой сил», потом заговорили о «Евангелии труда». Но труд стал бессмысленным, потому что он из года в год истощал наследственные силы и приносил пользу не всем людям, а только банкирам. Тучи эгоизма становились все темней, образ человека – «подобие Божье» – все отвратительней, и это называлось «культурой»!

Гельдерлин еще в начале XIX века (в стихотворении «Архипелаг») показал всю бессмысленность и бесплодность подобной суеты:

Увы! Блуждает во мраке, живет словно в Орке
Без Бога наш род. Сам себя понукая,
Слышит лишь шум заводской и работает, как сумасшедший,
Не отдыхая, но из года в году все бесплодней
Трудится нищий и все ж остается по-прежнему нищим.

25 августа 1900 г. умер Ницше. В 1889 году он сломался в борьбе за образ нового человека (см. Гильдебрандт. «Вагнер и Ницше. Их борьба против XIX века». 1924 г.). Он видел смысл всей цивилизации в возвышении человека. «К человеку снова и снова влечет меня моя пылкая творческая воля» («Так говорил Заратустра»). Вся его воля к возвышению человека воплотилась в его мечте о «сверхчеловеке», которая его и надломила. Его дух был устремлен в новый век и к нему прислушивались все те, кто не был, подобно «образованным филистерам», как называл их Ницше, доволен образованием и прогрессом XIX века. Ницше душило отвращение, когда он ощущал запах вырождения («декаданса»), исходящий изо всех пор эпохи…

В истории возвышения человека путем отбора Ницше занимает место между Дарвином и Менделем. Многие его взгляды стали возможными благодаря учению Дарвина, а работы Менделя показали несовершенство многих его взглядов (см. Э. Кирхнер. Учение Ницше в свете расовой гигиены. «Archiv fur Rassen-und Gesellschaftsbiologie», т. 17, вып. 4, 1926 г.). Хотя многие детали учения Ницше нуждаются в уточнениях, непреходящее значение сохраняют его убежденность

в усиливающемся загнивании Запада и его призыв к «Великому здоровью». По мере умолкания воплей вокруг Ницше все более четко вырисовывается его образ на фоне прошлого века, тем выше поднимается он над пустотой немецкой духовной жизни. Это была вторая воистину творческая личность после Фридриха Геббеля. От Геббеля через Ницше ведет путь в будущее, путь духовной жизни, которому в биологических науках соответствует путь от Дарвина через Гальтона и Менделя.

Геббель осознавал необходимость явления Ницше, когда писал: «Истинно значительный человек не может родиться в эпоху, которая делает для него невозможным проявление его великих сил. Тусклый, обессиливающий, пустой век – самое подходящее время для выполнения им своей миссии» (Дневник, 13.4.1837). Все ясней должно становиться, что всякий прогресс наук и искусств превращается в пустую игру, если одновременно вырождается сам человек. Так же относился к «прогрессу» и Ницше. Он писал: «Что значит все наше искусство, если у нас исчезло высшее искусство – искусство праздников!» Настоящие праздники возможны только в обществе совершенных людей. Нынешние «праздники» показывают, насколько искажен образ человека нашего времени. Красота тела и души воспринимается как редкость.

Общество совершенных людей невозможно в эпоху расовой мешанины, оно может быть создано только при единодушном устремлении к одинаковому идеалу человека. Лучших из немцев, Гете и Шиллера, Гельдерлина и Ницше не случайно влекла к себе древня Греция. Это была не «романтика», а сознание того, что бытие любого народа всегда может иметь лишь один смысл: возвышение человека.

«Письма об эстетическом воспитании человека» Шиллера призывали воспитывать не умение наслаждаться произведениями искусства, а цельность и умение воплощать «живые образы». Целью воспитания должен быть совершенный человек. Классическим воплощением идеала была для него древняя Греция. Целью Шиллера было не «всеобщее образование». Он говорил: «Главное значение произведений греческого искусства заключается в том, что они учат нас, что когда-то были люди, способные творить такие вещи». Для сторонников нордической идеи речь идет об образцах для отбора. И не к образованию, а к жизни, подобной жизни древних греков, взывал Гельдерлин: он мечтал о героях.

XIX век отошел от этого стремления к цельности. Свое убожество он пытался скрыть, насмехаясь над «идеологами» прошлого. Прошлое для века, слепо верящего в прогресс, всегда было неполноценным. Томас **Карлейль** (1795-1881), которого нордическое движение очень уважает, всеми силами боролся против тенденции своего века, но этот век душил и таких сильных людей как он.

В Германии после победы в войне 1870-71 годов и экономического подъема были люди, которые думали об особой миссии, а не о «счастье». После того, как в 1924 году впервые были изданы полностью «Письма к немецкому народу» Пауля де **Лагарда** (1827-91), стало ясно, каким учителем и пророком мог бы стать Лагард, если бы прошлый век захотел его услышать.

В 1900 году вышла книга, которая во многом приближалась к нордической идее. Она называлась «Рембрандт как воспитатель». Имя автора указано не было. Книга вызвала сенсацию. Пытались открыть, кто автор, прослеживали сильное влияние, с одной стороны, Ницше, а с другой – Лагарда, даже приписывали авторство Лагарду. Но автором оказался Юлиус **Лангбен** (1851-1907). Достойным памятником ему стала его биография, написанная его другом, бенедиктинским монахом Ниссеном «Рембрандтовский немец» (1926).

Эта биография показывает, что Лангбен был близок к тому, чтобы признать нордическое начало не только как духовное направление, но и в расовом смысле определенных физических и психических наследственных задатков. Лангбен всюду видел проявление расового начала, он искал духовные ценности, целиком относящиеся к духовному миру нордической расы. Его книга означала разрыв с вырождением XIX века. Лангбен хотел помочь немецкому духу, духу всех германоязычных народов вновь обрести самого себя. «Народность» Лангбена означала комплекс физических и психических свойств определенного типа. Он искал взаимосвязь между определенными психическими наследственными задатками и определенным наследственным внешним обликом. Он верил, что немецкую жизнь обновят жители Нижней Саксонии. Он мечтал о союзе германоязычных народов, лидером которого будет перспективная «северо-западная раса».

Противоречие в жизни и учении Лангбена заключается в том, что он, с одной стороны, всегда подчеркивал значение народа, а с другой, пытался совместить с этим ницшеанский аристократизм. Его демократические убеждения вступали в спор с аристократическими. Но нордическое общество всегда было обществом отдельных личностей, которые стремились стать тем, что Ницше называл аристократией. Нордическая раса всегда была расой, способной выделить из своей среды аристократию, даже из крестьян или бедняков. Лангбен призывал обновить немецкий народ меньшинство немецкой молодежи как «аристократическую партию в высшем смысле слова».

Из нордической сути проистекали и его государственные установки. Он считал необходимой «третью реформацию» и понимал под этим возврат к наследственным ценностям нордической души. Его идеи о «социальной аристократии» перекликаются с идеями Платона. Но Лангбен не дошел до такого глубокого по-

нимания жизненных процессов, как поздний Платон. Он не понял идею отбора. В Лангбене еще оставалось слишком много от **романтика**, слишком много ностальгии по прошлому. Подобно многим северно-германским романтикам, он перешел в **католицизм**…

В 1893 году вышла, также анонимно, основанная на идеях Ницше книга Александра **Тилле** «Служение народу. О социал-аристократах». Знали Лангбен и Тилле друг друга или пришли независимо друг от друга к одной и той же терминологии, но идея носилась в воздухе. Тилле прямо возводил ее к Платону. В 1895 г. Тилле выпустил книгу «От Дарвина до Ницше» с тезисом: «В будущем нравственным будет считаться то, что не противоречит благу расы». Это была попытка по крайней мере призвать к переоценке ценностей с биологической точки зрения, примета переворота в мировоззрении. Будь Лангбен меньше романтиком, этот призыв мог бы исходить от него.

На переломе веков повсюду пробуждался новый дух. Это выражалось и в движении за трезвость, имевшем более или менее четкие представления о наследственности и пагубном влиянии на нее алкоголизма. В 1897 г. Карл Фишер основал движение «Перелетные птицы», в чем выразились душевные силы тогдашней молодежи. Молодежное движение было прежде всего проявлением нордической расовой души. С жизни был сброшен слой мусора, насыпанный XIX веком. Но расовые инстинкты выражались в молодежном движении еще бессознательно.

Сознательно расовой и германской была направленность союза **«Митгарт»**. Его основал в 1906 г. Виллибальд **Хенчель**. То, что он тогда называл «германской» расой, соответствует тому, что мы сегодня называем нордической расой. Союз Митгарт видел «путь к обновлению германской расы» в устранении из процесса размножения мужчин с ненордическими и неполноценными наследственными задатками. В поэтической форме цели этого союза изложил Герлах. Союз не соглашался с тезисом Ленца: «Обязательной предпосылкой расово-гигиенической политики является сохранение брака и семьи». Формы брака, которые предлагал Митгарт, были неприемлемыми для большинства людей. Путь союза Митгарт был лишь одним из возможных путей к нордизации немецкого народа. Союз много сделал для пробуждения расового сознания. Он издавал журнал «Дер Хютер» («Хранитель»). Из всех аналогичных союзов он один достиг известности до мировой войны. Другие такие же группы не говорили вслух о значении нордической расы, так как боялись внести раскол в немецкий народ…

Расовая идея начала распространяться после войны, а в последние годы пробудилась нордическая идея. В молодежном движении были и противоположные

течения, например, группа «Мир и человечество», которую в 1913 году возглавил Винекен, но в том же году Ленц прочел молодежи доклад «Расовые ценности в эллинской философии».

Потом разразилась мировая война. Это был тот антиотбор, о котором писал шведский писатель Роберт Ларссон. Он коснулся, прежде всего, нордической расы.

Послевоенное поколение снова вспомнило об идее новой аристократии: «О, мои братья, я жалую вас в новую аристократию, что показываю вам: вы должны стать созидателями и воспитателями, – сеятелями будущего, – поистине, не в аристократию, что могли бы купить вы, как торгаши, золотом торгашей; ибо мало ценности во всем том, что имеет свою цену.

Не то, откуда вы идете, пусть составит отныне вашу честь, а то, куда вы идете! Ваша воля и ваши шаги, идущие дальше вас самих, – пусть будет отныне вашей честью!»…

«Страну ваших детей должны вы любить: эта любовь да будет вашим новым аристократизмом, – страну, еще не открытую, лежащую в самых далеких морях! И пусть ищут и ищут ее ваши корабли!

Своими детьми должны вы искупить то, что вы дети своих отцов: все прошлое должны вы спасти этим путем! Эту новую скрижаль ставлю я над вами!»

(Ницше. «Так говорил Заратустра»).

Так отдельные представители послевоенной молодежи обрели твердую почву под ногами, оперевшись на законы жизни. Настало время воплощения новых идей начала века. Когда Ойген Фишер в 1910 году говорил об убывании нордической крови в Италии, Испании и Португалии, за которыми последует Франция, а потом настанет очередь Германии, из его слов не было сделано никаких практических выводов. Не было еще четких представлений о сути представленных в западных народах рас. Эти четкие представления стали постепенно распространяться после войны и нашли отклик среди молодежи.

Остался один путь – путь обновления и возвышения человека… Над развалинами забрезжила надежда.

Эту надежду постарался погасить последний характерный представитель XIX века – Освальд **Шпенглер**. Он заговорил о «закате Европы». Он описал все те «закаты», причины которых объяснил Гобино. Название его книги навеяно

названием книги Зеека «История заката античного мира», из которой Шпенглер мог бы узнать, как раса и смешение рас, наследственность и отбор определяют судьбы народов. Но Шпенглер духовно принадлежит XIX веку. «Век естествознания» приучил людей прошлого повсюду видеть «неизбежное развитие» и объяснять его механистическим способом. Шпенглер полагал, будто он мыслит «органически», перенося «неизбежное развитие» в историю и одновременно объясняя «механику культурного процесса». Однако то, что Шпенглер называл своим «морфологическим мышлением», справедливо будет отнести к описанной им «магической культуре» Востока, к «ограниченной мировой пещере магического времени», к области цифровой мистики и астрологии. Ленцу тоже бросилось в глаза, что Шпенглер лишь некоторыми сторонами своей души принадлежит к «фаустовскому» (нордическому) миру, а другими – к магическому (переднеазиатско-ориентальному). Из-за своего, говоря стилем XIX века, «культурно-механического» мировоззрения Шпенглер презрительно называл учение о наследственности «догмой», а занятие биологией считал пустой тратой времени. Гильдебрандт и Ленц уже достаточно сказали об отношении Шпенглера к расовой теории и евгенике.

При своих взглядах Шпенглер мог рисовать прекрасные картины прошлой жизни, описывать «механику развития» ряда цивилизаций и даже говорить о «закате Европы», угрозу которого за полвека до него осознал Гобино. Но Шпенглер, в отличие от Гобино, не знает о причинах упадка народов и поэтому вряд ли годится в пророки будущего. Хотя последние книги Шпенглера «Новое строительство Германской империи» и «Политические обязанности немецкой молодежи» (1924 г.) заслуживают положительной оценки, необходимо преодолеть воззрения Шпенглера и заменить их расовым взглядом на историю в духе Гобино.

Но опровергать противоположные воззрения нужно не письменно, а своей жизнью. Главное – перевес людей нордического типа по показателям рождаемости среди немецкого народа.

Помрачение XIX века достигло своей кульминации в «Закате Европы» Шпенглера. Западной молодежи якобы «органическим», а на самом деле «культурно-механическим» способом доказывают, что от нее и от всех грядущих западных поколений не может больше произойти никакая цивилизация (культура). Время цивилизации для Запада кончилось, и если где-нибудь еще возникнет цивилизация, то не на Западе, а на Востоке Европы.

Но при расовом взгляде на Восточную Европу мы увидим, что там господствует восточно-балтийская расовая душа, не способная к принятию решений и не любящая четких форм. Еще Гобино опровергал мнение, будто Восток Европы со-

храняет творческие возможности. «Это все красивые мечты. **Славяне** – одно из **самых древних**, самых **изношенных**, большей частью **смешанных и выродившихся семейств**. Они исчерпали себя еще раньше кельтов». Творческой силой в Восточной Европе с доисторических времен были волны нордических народов, которые образовывали господствовавшие слои, а восточно-балтийская раса – низший слой.

Но даже если бы цивилизация (культура), с которой Шпенглер связывает понятие «Запад», действительно пришла к своему концу – со шпенглеровским «Западом» это вполне может случиться – и этот «Запад» погибнет, то молодежь, приверженная нордической идее, никогда не принадлежала к этому «Западу» и не чувствовала ответственности за его гибель. Возникающая с начала века цивилизация, первенцы которой – сторонники нордической идеи («Мы – ничто, то, что мы ищем – все» – Гельдерлин), этот новый дух, который ищет своего воплощения, никогда не был духом «Запада», это дух цивилизации, которая последует за «закатом Европы». Нордическая идея определяет свою цивилизацию не термином «Запад» («Абендланд»), а термином «Нордланд». Нордическая идея это больше не «западная» идея в смысле Шпенглера.

Послевоенная молодежь, которая начинает сплачиваться в нордическом движении, достаточно отважна, чтобы вырваться за барьеры «Запада». «Пусть до сих пор все великие цивилизации индоевропейских народов гибли, мы хотим стать первым противоположным примером, новым началом». Эта отвага позволила преодолеть судьбу «Запада».

Нордическое движение среди немцев выросло из расовой теории, из осознания значения нордической расы для жизни индоевропейских народов (начиная с Гобино), из осознания обусловленности нордической кровью сути немцев, из понимания того, что подъем или упадок немецкой цивилизации связан с увеличением или уменьшением процента нордической крови… Но нордическая идея, в отличие от характерных для XIX века «мировоззрений», которым были неизвестны «пределы образования естественнонаучных терминов», не является мировоззрением, построенным на естественнонаучных познаниях. **Мировоззрение не следует основывать на одной науке**, ни на естествознании в целом, ни на его отдельных отраслях, таких как расология и теория наследственности.

С помощью расологии как отдельной науки нельзя опровергнуть «метафизическое» произведение, такое как книга Шпенглера. В «Расологии немецкого народа» дана лишь оценка Шпенглера. Расовые исследования развивались сначала на естественнонаучном, потом на историческом поле. Но для естествознания как науки характерно, что оно объясняет явления, но не оценивает их. С помощью естествознания или другой отдельной науки нельзя дать оценку

Шпенглера. Для такой оценки нужно самому подняться на «метафизическую», мировоззренческую высоту. Но **нордическая идея** это **выражение мировоззрения**, но **не само** мировоззрение. Это в XIX веке «мировоззрения» основывались на естественнонаучных познаниях.

Нордическая идея это выражение мировоззрения, для которого **возвышение человека** является **божественной заповедью**.

Гальтон выражал надежду, что когда-нибудь евгеника будет признана составной частью религии, проявлением благочестия. Евгеника сама не может стать религией, но хотела бы развиться в такую форму богопочитания, которая выражалась бы в воле к возвышению человека, видела бы в этом божественную заповедь. (Католическая церковь поняла это, о чем свидетельствует распространение евгенических знаний среди народа патером Муккерманом и основанным им журналом «Кинд унд Фольк». Протестанты проигрывают католикам по показателям рождаемости). Есть люди, которые говорят, будто ничего нельзя предпринимать против вырождения народов, будто отбор «в руце Божьей». Для новых представлений о Боге такие утверждения будут кощунственными. Согласно этим представлениям, надо быть «совершенными, как совершенен Отец наш небесный». Разве это не призыв к совершенствованию человеческой сути? При увеличении числа неполноценных наследственных задатков богопознание станет менее чистым. Если Бог-дух и ему надо молиться в духе истины, то укрепление духа – божественная воля, а возвышение человека – божественная заповедь, но средства этого возвышения заложены в природе.

Сторонники этого мировоззрения и нордической идеи с радостью усвоили научные достижения начала века, в том числе и достижения естественных наук. Но, когда речь идет об оценке таких произведений, как книга Шпенглера, то они опираются, не на свои естественнонаучные взгляды, а на свои убеждения, которые относятся к цивилизации (культуре) после заката Европы.

Нордическая идея понимает, как и Шпенглер, вырождение и денордизацию, вызвавшие гибель великих индоевропейских цивилизаций, как «метафизический поворот к смерти». Естественные науки нашли средства защиты от этих «метафизических болезней». Но большего естественные науки дать не могут. Нордическая идея пользуется достижениями естественных наук, но сама не относится к их числу. Она стремится соединить дух молодежи со своим духом «Великого здоровья». Дух это альфа и омега, если душу народа нужно исцелить от «метафизической болезни». Для духа нордического движения характерна, прежде всего, воля к тому, что можно назвать «метафизическим здоровьем», воля молодежи эпохи после «заката Европы». Тогда станут реальностью слова, сказанные когда-то графиней Витгенштейн Гобино – непонятому, оклеветанному, за-

молчанному – который видел великие эпохи нордической расы только в прошлом: «Вы думаете, что Вы – человек прошлого, но я твердо убеждена, что Вы – человек будущего».

2. Злоупотребление расовой идеей и ее неправильное понимание Обвинения в адрес нордической идеи

Против нордической идеи, т.е. идеи, согласно которой здоровый нордический человек является образцом для отбора среди немецкого народа, более или менее пылкие ее противники выдвигали более или менее веские возражения, исходя при этом первоначально из ее сравнения с прежними формами выражения «расовой идеи». Но нордическую идею по ее сути и форме выражения следует отличать от различных форм выражения «расовой идеи» былых времен. Нельзя больше допускать, чтобы на нордическую идею переносились упреки, которыми осыпали прежние формы выражения расовой идеи. Утверждали, например, будто подчеркивание расового начала означает «увековечивание ненависти и войны» и натравливание одного слоя народа на другой, будто оно подрывает «гуманность» и посягает на «права человека», препятствует взаимопониманию между народами и в конечном счете всегда выливается в прославление собственного народа.

Такие упреки расовой идее в ее прежних формах были более или менее оправданы, но ниже мы покажем, что некоторые из этих прежних форм ее выражения противоположны нордической идее. При этом нельзя упрекать их в плохом знании расовых явлений, которые и при современном уровне развития расологии исследованы лишь частично.

Провозвестником идей Гобино можно назвать графа Анри де Буленвилье (1658-1722), который от изучения родословного дерева своего древнего рода перешел к изучению истории вообще и оставил ряд рукописей, изданных после его смерти его друзьями. В 1727 г. в Гааге было напечатано главное его произведение «Исторические воспоминания о прежних правительствах Франции». Буленвилье одним из первых осознал значение завоевания Галлии франками для возникновения французской знати. На значение этого завоевания для всего французского народа указал еще в 1573 г. французский легист Отман (1524-90) в своей работе «Франкогаллия», пожалуй, самом раннем исследовании расовых взаимосвязей. Отман противопоставлял абсолютизму демократию франков. Буленвилье защищал королевскую власть и подводил под нее расовую основу; он считал, что от франков происходит только знать. Он выделил ее в особую «франкскую расу», а прочие сословия считал потомками покоренных франками галлов и римлян. Отсюда он выводил историческое наследственное право знати на

господство. Он выступал и против абсолютизма, лишившего знать ее господствующего положения, и против буржуазии, которая начинала требовать равных прав для всех сословий. Средние века были его идеалом. Разделение страны на множество феодальных уделов он считал самой свободной формой государства, образцом государства. Идеи Буленвилье нашли широкий отклик среди знати: многие еще помнили, что абсолютизм лишил их предков государственной власти.

Как видим, Буленвилье очень близко подошел к правильному пониманию расовых взаимосвязей, но его идеи замутнялись политической целью. Всех тогдашних носителей дворянских титулов он объединил в «расу», не задумываясь о том, что народный слой, который должен представлять собой расу, должен иметь единый физический и психический облик во всех своих элементах. Если бы Буленвилье задался вопросом о физических и психических чертах своей «франкской расы», он нашел бы у многих носителей дворянских титулов очень мало «франкского», а у крестьян и буржуа, наоборот, обнаружились бы чисто «франкские» черты. Нельзя было тогда и нельзя сегодня использовать расовую теорию в интересах определенного сословия или слоя…

Точно так же как Буленвилье использовал расовую идею или то, что он за нее принимал, в борьбе сословий, аббат Сьейес (судя по портретам, принадлежавший к нордической расе) обратил неясные догадки в области расологии против знати своей страны, обратил против нее идеи графа Буленвилье, объявил ее расово чуждой частью народа, которая должна вернуться в свои «франкские леса», чтобы французский народ стал расово чистым и состоял только из потомков галлов и римлян. «Третье сословие не должно бояться вспоминать о былых временах. Оно должно взять за исходную точку год, предшествовавший завоеванию». Происхождение от галлов и римлян ничуть не хуже происхождения от «дикарей, вышедших из лесов и болот Германии». Так зачатки расовой теории стали одной из мелодий в увертюре к революции.

В действительности французской революцией руководили люди нордического типа, которые выступили в союзе с выродками всех рас против других людей того же типа. Результат был тот же, что и при всех войнах и переворотах в Европе – антиотбор нордической крови во всех слоях населения. Нельзя было тогда и нельзя сегодня, уподобляясь Сьейесу, использовать расовые идеи для борьбы против какого-либо слоя народа. Если бы Сьейес имел более четкие представления о сущности расы и о признаках определенных рас, он понял бы, что сам принадлежит к расе «дикарей из лесов и болот Германии», как и многие другие вожди 3-го сословия, тогда как многие аристократы мало походили на «франкских завоевателей». Для того, кто видит, что при любой борьбе за власть и идейной борьбе нордическая кровь всегда играет главную роль с обе-

их сторон и при войнах между государствами и разными слоями населения прежде всего проливается именно она, расовая идея не может быть идеей силового решения конфликтов, по крайней мере тогда, когда эта идея одновременно направлена на стимулирование развития той расы, которая была и остается ведущей во всех народах Европы и во всех слоях этих народов, – нордической расы.

В период между 1814 и 1820 гг. на споры между разными партиями во Франции повлияли частично националистические, частично расовые взгляды графа де Монлозье (1755-1833). В своей работе «О французской монархии со времени ее установления до наших дней» (1814) Монлозье предложил в качестве оружия консервативной партии идеи Буленвилье в несколько иной редакции. В ответ историк Гизо написал работу «О правительстве Франции со времени Реставрации до нынешнего правительства», причем Гизо возражал графу Монлозье теми же тезисами, что и Сьейес – графу Буленвилье. К борьбе против идей графа Монлозье примкнул и другой историк – Огюстен Тьерри. Если бы Монлозье имел более четкие представления о расах, он распознал бы в своем противнике Гизо человека нордической расы, каковым он выглядит на своих портретах, а Гизо понял бы, что сам принадлежит к тому расовому слою, против которого сражается. Что же касается Тьерри, то его фамилия происходит от германского имени Дитрих, что указывает на его происхождение от того самого слоя завоевателей, значение которого он всячески старался принизить…

С этих времен тянутся повторяемые до сих пор обвинения, будто расовая идея не что иное как средство оскорбления противника при внутриполитических разборках. Этот упрек делался и делается и в адрес Гобино. Но труды Гобино знаменовали собой поворотный пункт и для неправильного понимания расовой теории, и для злоупотребления ею. Он сделал расовую идею более ясной и заложил основы нордической идеи. Но вскоре термины Гобино «германская» и «арийская раса» породили новое неправильное понимание и злоупотребление, как бывает всегда, когда названия рас являются одновременно названиями народов. Это не вина Гобино: он внес достаточную ясность, и его нельзя судить по меркам нашего времени.

Когда на переломе веков благодаря переводу Шеманом трудов Гобино и благодаря «Основам» Чемберлена начала распространяться расовая идея, заговорили о значении «арийской» расы, особо выделяя внутри нее германцев или «германскую расу». Поскольку, когда появляется новая идея, большинство людей сначала интересуется, против кого она направлена, «арийской расе», считавшейся высшей, была противопоставлена «семитская раса», рассматривавшаяся как неполноценная; высшей «германской расе» противопоставлялись неполноценные «романская» или «славянская» расы. Это были простые деле-

ния, которые легко можно было обратить против других рас и народов, причем многие и не пытались посмотреть на самих себя с расовой точки зрения.

Отвергая все «романское» или «славянское», особенно все «семитское», т.е., прежде всего, еврейское, немцы нимало не заботились о правильном выборе супружеских пар – считалось, что все немцы – «арийцы», «германцы» – и о том, сколько детей у той или иной части населения, т.е. не заботились об **отборе** среди немецкого народа. Не учитывалось также, что **нет общезначимого масштаба ценности народов и рас**, т.е. **раса не имеет высшей ценности сама по себе и не может называть другие неполноценными**, расы можно оценивать только с точки зрения определенной цивилизации.

Таким образом, если расовую теорию до Гобино использовали в конфликтах между сословиями, то после Гобино – в конфликтах между народами. Но в конфликтах между народами расовой идеей злоупотребляли и до Гобино.

Еще в XVI веке во Франции возникло мнение, что французский народ происходит от кельтов. Эта «кельтская идея» получила особое распространение при Людовике XIV, так как служила историческим обоснованием захвата земель по Рейну. Из франков сделали кельтское племя, прародину которого нужно вернуть. В кельтов превратили также вандалов, бургундов, герулов и даже гуннов. Эпоха французской революции и Наполеона I принесла с собой новое оживление кельтской идеи. Ею вдохновлялся наполеоновский генерал Латур д'Овернь. Она играла важную роль в «друидизме» Жорж Санд и в «кельтских собраниях», которые устраивал Ренан. В своей книге «Кельты и евреи» (1899 г.) Толлер сделал кельтом Гомера, а Барду приписал усиление мощи США тому, что в них якобы преобладает кельтская кровь. Когда выдающийся французский антрополог Брока (1824-80) неправильно назвал «кельтским типом» расу, которая сегодня называется альпийской или восточной, французские политические писатели снова устремили свои взоры на Рейн…

Как во Франции злоупотребляли и злоупотребляют понятием «кельтской расы», так и в Германии злоупотребляли в политических целях идеями Гобино и Чемберлена. Пример – вышедшая в 1905 г. книга И.Л. Раймера «Пангерманская Германия», которая требовала разгрома соседних государств и включения их германского населения в Германскую империю. По каким расовым признакам распознавать это «германское» население и нет ли в самой Германской империи «негерманских» жителей – эти вопросы остались без ответа… Неудачные термины Гобино и Чемберлена «арийская» и «германская» раса привели к смешению понятий «народ» и «раса». Сейер в своей книге против Гобино «Граф Гобино и исторические арийцы» (1903) имел право сказать о многих немецких читателях Гобино: «Обычно они используют его учение не в интересах арийцев

или европейцев, руководящего слоя всех цивилизованных народов Земли, а для возвеличения германцев христианской эпохи и, прежде всего, современных бюргеров Германской империи». Гобино говорил о «германцах» в расовом смысле слова, многие его германские читатели понимают под этим весь народ, говорящий на немецком языке. Шеман предостерегал («Расовые труды Гобино», 1910, с. 409): «Не может быть никакого сомнения в том, что в духе Гобино более широкое понимание германизма, и Гобино не отвечает за то, что отдельные нации или личности приспосабливают его учение для злободневных политических нужд. Руководящие качества нордических людей, которые Гобино находил у всех западных народов, отдельные немцы «ради злободневных политических нужд» перенесли на всех немцев: неясные расовые представления неловко связали с политическими планами на будущее Германской империи».

Руководители государств, враждебных Германии, воспользовались подобными выражениями «расовой идеи» и ложно понятым «пангерманизмом» с тем большим удовольствием, поскольку знали, что руководители Германской империи сами не очень склонны к расовым идеям. На злоупотребление расовой идеей, которое проистекает из смешения понятий народа и расы, и сегодня указывают ее противники, обвиняющие расовую идею в разжигании вражды между народами. Сейер написал целую серию работ под общим названием «Философия империализма». Хотя нордическая идея исходит из того, что любой толкающий к войне империализм западного народа таит в себе угрозу истребления самых талантливых и самых нордических элементов, хотя именно нордическая идея призывает к взаимопониманию народов, особенно германоязычных, ее противники не перестают повторять устаревшие обвинения.

Гобино не замалчивали бы так на его Родине, если бы он не назвал расу, значение которой он первым осознал, «германской». Это название породило путаницу как во Франции, так и в Германии, смешение языковой и расовой принадлежности. Французы не хотят ничего слышать о значении расы, которая называется «германской», немцы видят в любом германоязычном представителя «германской расы»; на том же смешении основано и понятие о «романской» и «славянской» расах.

Но и название «германская раса» или, как чаще говорят в Англии «тевтонская раса», не пробудило в германоязычных народах никаких стимулов к объединению и взаимопониманию. Так что «разделяющие народы течения», ответственность за которые возлагают на расовую идею, гораздо глубже и шире, и расовая идея **пока не может установить плотину на их пути**. Политические писатели Англии и Германии, которые что-то слышали о «германской» или «тевтонской» расе, пытаются представить другой народ как можно более «негерманским». Англичане утверждают, что тевтонская раса в Германии давно ис-

треблена, и среди немцев преобладают люди не с нордическими чертами, а с чертами восточно-балтийской или даже центрально-азиатской расы.

Таким же образом немецкие журналисты во время войны утверждали, что неправильно называть англичан «двоюродными братьями» немцев: в Англии сегодня почти не осталось «германской» крови, современные англичане в подавляющем большинстве принадлежат к «кельтской» расе и тем самым расово близки французам. Так взаимно подрывались расовые идеи в народах, которые Гобино относил к «германской расе». На полях битв народы Запада взаимно подрывали и свою расовую силу. Антиотбор мировой войны привел к истреблению нордической крови у всех народов, участвовавших в войне.

Когда после войны начали проясняться представления о расах, вместе с нордической идеей пробудилось и мнение, выраженное Ленцем: «Сознание общности нордической расы ведет к примирению народов, а не к их разделению». «Время интернационала блондинов еще не пришло. Но тот, кто упирая на предполагаемые расовые различия разжигает ненависть между нациями, говорящими на разных языках, тот еще не понял и не пережил трагическую судьбу нашей расы». Шалльмайер опасался, что подчеркивание значения нордической расы будет разделять народы. Но мировая война ужасным образом напомнила о том, что все войны между народами, говорящими на индогерманских языках, оплачивались и будут оплачиваться, прежде всего, кровью нордической расы. Выгоду от мировой войны получил международный ростовщический капитал, принадлежащий, главным образом, переднеазиатской расе.

Если бы среди германоязычных народов было распространено «германское» расовое сознание, никогда не разразилась бы мировая война. Но, вероятно, антиотбор нордической крови западных народов был необходим для пробуждения расового сознания. Не случайно прояснение расовых представлений до уровня нордической идеи произошло в Германии и Северной Америке именно в послевоенные годы.

К этому прояснению постепенно вели расовые исследования с начала века: в результате все представления о принадлежности немцев к «арийской» или «германской» расе, а евреев – к «семитской» расе должны быть отброшены…

Было уточнено само понятие «раса», поэтому и нужно отказаться от представлений об «арийской расе». Сегодня языковеды еще называют иногда индоиранскую ветвь индоевропейских языков «арийской», но отходят от этого названия, потому что термин «арийский» был слишком многозначным и им злоупотребляли. Слово «арийский» превратилось в штамп. Раньше языковеды иногда называли все индоевропейские языки «арийскими», потом стали говорить о народах,

говорящих на «арийских» (т.е. индоевропейских) языках, как об «арийских народах» или «арийцах» и даже объединять их все в одну «арийскую расу», хотя они сильно отличаются друг от друга и физически, и психически. Таким образом, не различали языковую и расовую принадлежность. Народы одной расы или, правильней, одной расовой смеси могут говорить на разных языках, а народы, говорящие на одном языке отличаться друг от друга в расовом отношении. Но самое главное: **народы это всегда расовые смеси и никогда не раса**.

Нет никакой «арийской расы», хотя все народы, говорящие на «арийских» (правильней «индоевропейских») языках, унаследовали их от племен одной и той же нордической расы. Нет и «германской расы», хотя все германоязычные народы унаследовали свои языки от германцев эпохи переселения народов, которые тоже, в основном, принадлежали к нордической расе.

Нет и «семитской расы», а есть различные, отличающиеся друг от друга в расовом отношении народы, говорящие на семитских языках. К этим народам относят и евреев, которые в наше время в Палестине возрождают свой семитский язык. Расу, которая первоначально говорила на семитских языках, расологи называют ориентальной, но именно эта раса, преобладающая, например, среди бедуинов, слабо представлена среди евреев, во всяком случае, гораздо меньше, чем преобладающая среди них переднеазиатская раса.

С учетом этих уточненных представлений следует присмотреться повнимательней, что за «расовая идея» постепенно распространялась в немецком народе с начала века. «Германцем» в соответствии с ней мог называться каждый, кто принадлежит к германоязычному народу. Но термин «германцы» не имеет отношения к расологии. Когда началось изучение с расовой точки зрения самих европейских народов, из множества смесей удалось выделить чистые расовые типы. Европу населяют **пять рас:** нордическая, западная (средиземноморская), восточная (альпийская), динарская и восточно-балтийская. Они представлены почти во всех народах Европы, только в разных пропорциях. Так что нельзя больше говорить о германцах, романцах и славянах как о расах. Тем не менее, продолжают выпускаться атласы с картой «Расы Европы» именно с таким делением. Эти карты нужно подписывать «Языковые группы Европы». Германцы, романцы, славяне – термины языкознания и этнографии, но не расологии. Но пройдет еще какое-то время, прежде чем те, кто читал Гобино и Чемберлена, уяснят для себя, что такое «раса».

Поворот от устаревших представлений об «арийцах», «германцах» и «семитах» к современной расовой терминологии должен внести в расовую идею новое содержание и придать ей более верное направление. Сюда относится ряд новых

представлений о наследственном составе и направлении отбора в конкретных случаях, выработанных в результате изучения наследственности и создания на этой базе расовой гигиены. Расовая идея обрела, наконец, твердую почву. До сих пор расовая идея была для многих идеей, направленной **против** других рас, теперь это идея, работающая на ту из пяти европейских рас, которая имеет наибольшую ценность для цивилизаций индоевропейских народов: нордическую расу. Так расовая идея становится нордической идеей. Это результат понимания значения нордической расы для жизни германоязычных народов. Здоровый нордический человек становится образцом для отбора среди немецкого народа. Необходимо стимулировать размножение людей именно нордического типа.

Если раньше расовая идея была обращена вовне и направлена на защиту от «неарийской» или «негерманской» крови, то нордическая идея направлена на свой народ. Она показывает, какое направление отбора следует считать желательным, а какое вредным. Расовая идея в ее прежних формах порождала у многих спокойное самодовольство: люди чувствовали себя представителями «арийской» или «германской» расы, которая считалась высшей. Они не задумывались о разных показателях рождаемости среди разных слоев населения, о «германизации» многодетных инородных частей населения, если только это не были «семиты».

Когда начала распространяться нордическая идея, т.е. в послевоенные годы, забеспокоились именно те, кто гордился своим «арийством». Термины языкознания перестали использоваться как расовые. Среди германоязычных и индоевропейских народов представлено много рас.

Расовая идея в ее прежних формах окружала рвом свой народ и другие родственные ему по языку народы: по эту сторону все расово близкие, по ту – чужеродные. Для нордической идеи все германоязычные народы объединяет их принадлежность к нордической расе. Но ее девиз: «Познай самого себя». Она показывает образец для отбора среди немецкого народа. И все те, кто гордился своим «арийством» – поскольку почти каждый немец, каждый европеец, вообще каждый человек не может выводить все свои наследственные задатки от одной единственной расы – могут посмотреть, насколько они далеки от идеала. Многие увидят, что их тип не очень-то нордический. Так что расовый разлом проходит не по границе немецкого языка или германских языков, а через каждого немца, через каждого германоязычного.

Если граф Буленвилье и граф Монлозье видели в собственном народе два разных слоя, а после Гобино и не по вине самого Гобино расовая идея часто направлялась против других народов, придавая этим народам четкие расовые

очертания, то после 1900 года нордическая идея снова начала смотреть на народы изнутри, но не для того, чтобы разделять их слои, а для того, чтобы призвать всех нордических людей независимо от этноса, слоя, вероисповедания и т.п. к увеличению числа детей нордического типа со здоровой наследственностью. Как сказал Гильдебрандт («Норма и вырождение человека», 1923), вопрос о распаде внутреннего ядра нации важней приобретения или потери целых провинций. Нордическая идея стремится к тому, чтобы среди немцев рождалось больше детей нордического типа, а ее внешняя цель – взаимопонимание народов, прежде всего германоязычных. Вся критика прежних форм выражения расовой идеи в случае с нордической идеей теряет свой смысл, но те же самые ставшие бессмысленными выпады будут еще долго повторяться.

Поскольку до взаимопонимания всех нордических народов еще далеко, нордическая идея ориентирована прежде всего на собственный народ. В связи с этим противники расовой идеи обвиняют ее в том, будто она «разрушает народ», проводит разделительную черту: с одной стороны нордические, а с другой – ненордические немцы. Но эта стрела пролетает мимо цели, поскольку в действительности все совершенно иначе: расовый разлом проходит не через немецкий народ, а почти через каждого немца. И каждый немец должен сделать для себя выбор: признавать нордического человека за образец для отбора или нет.

Нордическая идея не вносит раскол в немецкий народ. В Германии число людей **чисто** нордического типа сравнительно невелико, но столь же невелико и число людей без нордической примеси. Невозможно создать объединение всех ненордических немцев, поскольку они принадлежат к разным лагерям, вероисповеданиям и партиям, враждующим между собой.

Противникам нордической идеи приходится ориентироваться на реально существующие различия между отдельными частями немецкого народа. Название «нордическая раса», предложенное русским расологом Деникером в 1898-99 гг. дало повод представить нордическую идею как оскорбительную для южных немцев. И действительно, выпады против нордической идеи исходят от людей, которые настолько мало знакомы с расологией, что понимают «нордическое» в смысле «северно-германского» или «скандинавского» и утверждают потом, что нордическая идея направлена на возвеличение пруссаков, норвежцев или шведов. Подобные подозрения можно оставить без возражений, потому что у таких противников отсутствует первое предварительное условие для дискуссии: они не знают, о чем говорят.

Серьезней нужно отнестись к тем, кто исходит из того факта, что в пределах распространения немецкого языка нордические черты населения постепенно

убывают с Северо-Запада к Востоку и к Югу. Несомненно, германские племена отличались друг от друга пропорциями представленных в Германии рас. Так на юго-западе Германии отсутствует восточно-балтийская примесь, которая проявляется на северо-востоке. Обратная картина наблюдается в случае с альпийской примесью. На северо-западе Германии почти целиком отсутствует динарская примесь, весьма заметная на юго-западе. Но общим для всех германских племен является примесь нордической расы, поэтому нордическая идея направлена не на подчеркивание расовых различий между севером и югом Германии, а на изучение расовых различий внутри каждого племени, даже каждой деревни, чтобы была сознана расовая обусловленность жизни немецкого народа и проложен путь к идее его единства на основе общей принадлежности всех его частей к нордической расе. Если север Германии отличается от юга тем, что на севере к нордической крови примешано больше восточно-балтийской, а на юге – динарской и альпийской, то нордическая кровь представлена и там, и там. Их объединяет также духовный мир, сердцевина которого – нордическая душа. Как в книге Баура-Фишера-Ленца, так и в «Расологии немецкого народа» подчеркивается идея единства всех немцев. И если в Баварии кто-то воспринимает нордическую идею как преследующую определенную цель, то нужно рассеивать это недоверие. Нордическая идея не заключает в себе ничего оскорбительного для Южной Германии. К тому же многие из тех, кто указывал в своих книгах на значение нордической расы, сами южно-германского происхождения. Отто Аммон был баденец, Ойген Фишер и Л.Ф. Клаусс тоже баденцы. Густав Крайчек, автор «Расологии немецкого народа, особенно жителей восточно-альпийского региона» (1923) – австриец. Автор «Расологии немецкого народа» и «Расологии Европы» – баденец. Нордическое движение началось именно в Южной Германии. В статье «Способствует ли современный спорт сохранению расы?» Гшвендтнер приводит данные опроса, проведенного среди австрийских гимнастов и гимнасток. Все они хотели бы выбрать в супруги человека нордического типа.

Противники нордической идеи делают упор на том, что Южная Германия дала немецкому народу в целом. Но и в «Расологии немецкого народа» прославляется героизм баварцев, равно как и их достижения в музыке. Героический дух свойственен как динарской, так и нордической расе, и обе они представлены в Баварии, причем преобладает динарская, особо одаренная в музыкальном отношении.

Нордическая идея смотрит на достижения южных немцев с такой же гордостью, как и ее противники. На портретах творческих людей из Южной Германии видно, что у них преобладают нордические черты. Это указывает на «незаменимое значение нордической расы» (Ленц). Если бы те, кто с недоверием относятся к

нордической идее, присмотрелись к портретам швабских поэтов и мыслителей, они убедились бы в значении нордической расы.

В доказательство творческих качеств альпийской расы указывают, вслед за де Кандолем, на большое число швейцарцев – членов берлинской, лондонской и парижской академий, как будто в Швейцарии живет только эта раса. Но именно в Швейцарии мне бросилось в глаза преобладание динарских и нордических черт в высших сословиях. Если собрать портреты великих швейцарцев и сравнить их со средним типом швейцарского народа, то подтвердится правильность слов Ленца, приведенных выше, как и повсеместно в Центральной, Западной и Северной Европе.

Трудно понять, как нордическая идея может разлагать народ, если она подчеркивает значение расы, которая воплощает в себе творческое начало всего немецкого народа… Она не может разделять немецкий народ, как это делают политические партии, раздувающие классовый антагонизм. Ей больше по сердцу, если у здоровой пары нордических рабочих будет больше детей, чем у ненордических аристократов или богачей. Она не может разделять немецкий народ, как это делают вероисповедания, воздвигающие барьеры между немцами. Нордическое движение не будет пользоваться теми же средствами, что и церкви и партии, оно заинтересовано только в более высокой рождаемости у нордических немцев – это никому не повредит. Сегодня у ненордических немцев больше детей, чем у нордических, у католиков больше, чем у протестантов. Нужно брать пример с католиков.

Возражения против нордической идеи показывают, что она приводит людей в смятение своей новизной. Люди всегда стараются найти для новых идей определенное место среди других, уже привычных. Но с идеей ренордизации этого сделать нельзя, она ориентирована на совершенно новый порядок и требует радикального переобучения. Эта идея вызывает беспокойство у тех, кто привык к действительно тревожному расколу в жизни нашего народа, к нетерпимости церквей и партий.

В чем состоит особенность нордической идеи?

Если расовая гигиена показывает средства увеличения ценных наследственных задатков вообще, т.е. предназначена для всех народов и всех рас, нордическая идея ориентирована на увеличение ценных наследственных задатков лишь одной расы, представленной в немецком народе, – нордической, на прекращение антиотбора нордической крови и изменение этой тенденции на противоположную. Пока по рождаемости побеждают ненордические расы; нордическая раса должна вступить в состязание с ними.

В период упадка Древней Греции и Рима были люди, которые указывали на последствия снижения рождаемости, Римское государство принимало даже законы для ее стимулирования, но законы бессильны, если в народе нет стремления к оздоровлению. Римское законодательство даже ускорило упадок, создав благоприятные условия для «пролетариев», т.е. прослойки людей, которые не платили налогов, а только поставляли государству детей (proles). Это были низы больших городов гибнущей Империи, большей частью вольноотпущенники, многие из них африканского и азиатского происхождения. Но именно бездетность пролетариев могла бы еще на какое-то время отдалить «гибель античного мира». Рим служит примером того, какой **не должна быть** забота о здоровой наследственности. Второй пример – современная Франция.

Законодательство США – первый положительный пример государственной заботы о здоровой наследственности. В Германии до законов дело еще не дошло, но в просвещении широких кругов за последние годы достигнут большой прогресс, прежде всего, благодаря выходу труда Баура-Фишера-Ленца «Основы учения о человеческой наследственности и расовой гигиены» (1927 г. – 3-е издание)… Стимулирование размножения людей со здоровой наследственностью без учета их расовой принадлежности не встретит сопротивления, но когда речь зайдет об определенной расе, найдется много противников.

Вряд ли удастся сделать стимулирование размножения нордической расы делом всего народа, но если широкие круги встанут на защиту нордической расы, это уже будет большое достижение. Только часть народа сможет последовать призыву, чтобы нордическая раса имела больше детей, чем другие расы, но этого достаточно…

Суть нордической идеи – в творческом отборе и только в отборе. Она обращена ко всем здоровым, нордическим немцам. Отбор и число детей среди них нужно контролировать, бедным семьям оказывать помощь, чтобы они могли обзавестись детьми и т.д. …Только этим людям нужно объяснять значение нордической расы, не нужны ни массовые митинги, ни пропагандистские фильмы, ни плакаты на стенах – вообще не нужно думать о «широкой общественности». Нордическую идею нужно утверждать образом жизни ее сторонников. Их подозревают в том, что они вынашивают план государственных мер по защите нордической расы. Но это неправда, будто они считают важнейшей задачей государства и общества воздействие на плодовитость определенных расовых составляющих народа. Ленц указывал, что предпочтение, оказываемое государством одному определенному типу немецкого народа, могло бы повлечь за собой серьезные недоразумения, и подчеркивал, что государственная политика в области расовой гигиены должна быть направлена на сохранение всех рас. О том же говорилось в «Расологии немецкого народа». Нордическая идея рассчитана на сво-

бодный союз нордически мыслящих немцев для защиты нордической расы. Точно так же рабочие объединяются для защиты своих интересов в профсоюзы.

Этот призыв к взаимопомощи нордических немцев трактуют как унижение ненордических немцев. Когда говорят, что увеличение процента ненордической крови менее желательно, а увеличение процента нордической крови желательно, это подают так, будто «нежелательными элементами» объявляются сами ненордические немцы.

Возражение будет таким. Нордическая идея не направлена против отдельных ненордических людей, она направлена против увеличения процента ненордической крови. Ее цель – защита нордической крови от исчезновения. Теория наследственности учит, что «ценность индивидуума как такового отлична от его ценности как производителя» (Сименс). Было много физически слабых людей, которые подарили немецкому народу высокие духовные ценности, но лучше бы они не оставляли потомства. Их ценность как личностей отлична от их ценности как производителей, но это не умаляет их ценность как личностей. Ни один умный человек не станет меньше уважать отдельного ненордического человека, если его размножение в нордическом народе менее желательно, чем размножение здоровых нордических людей. Никогда сознание ценности нордической расы для немецкого народа не будет обращено против отдельного человека, но нужно четко различать желательное и менее желательное деторождение. Нужно сделать все для того, чтобы в Германии рождалось больше нордических детей.

3. Нордическое движение и суть нордической идеи

Когда речь заходит о героях как об образцах для отбора, у многих возникают смешные представления об этом: одни полагают, что в соответствии с этим образцом должны рождаться борцы-спортсмены или бряцающие оружием воины, в воображении других возникают доисторические богатыри или рыцари – искатели приключений. Но в данном случае слово «герой» означает всего лишь совершенного человека чистой крови, воля которого направлена на возвышение человеческой жизни и на проверку самого себя в борьбе за такое возвышение. К достижению этого идеала ведут разные пути.

Нордическая идея обращена не в прошлое, где перед ней маячат образы героев, а в будущее, к более возвышенной жизни тела и души. Таким образом, совершенно **неверным** является толкование нордической идеи как **«романтической»**. Но, поскольку такое ложное толкование (при поверхностном знакомстве с нордической идеей) имеет место, и поскольку в кругах, культивирующих **«германский»** дух, которые иногда путают с нордическим движением, и в са-

мом деле много «романтики», необходимо более подробно остановиться на деятельности нордического движения и сути нордической идеи.

Сторонники нордической идеи с почтением относятся ко всем памятникам древнейшей истории индоевропейских народов: к мудрости индийских Вед, к религии Заратустры, к искусству и философии эллинов, к римскому государству и праву и, прежде всего, к памятникам древнегерманской цивилизации. «Люди, с которыми знакомит нас древненордическая литература, закалены в борьбе и нужде, и даже женщины и подростки являют собой образцы спокойной твердости». Образы исландских саг «говорят нам, немцам военного и послевоенного времени, больше, чем Гретхен и Кетхен» (Неккель. «Древненордическая литература». 1923).

Именно **чувство реальности**, которое было подлинно нордической чертой древних германцев, предохраняет нордическое движение от **«фантазий на германские темы»**, которым периодически предаются в Германии определенные круги. Признаком отдельных групп, не сведущих или мало сведущих в расовых вопросах, но заботящихся о «германской» сути, является то, что они не задумываются над тем, что настоящая любовь к германскому началу меньше всего может выражаться в **громких криках фанатиков и безвкусной рекламе**. Такие группы носятся с **бредовыми фантазиями**, вроде выдумок Гвидо фон **Листа** и его «учеников», касающихся общества особо посвященных **«арманов»**, о которых, как говорит **Шеман**, «никто никогда не слышал и которые никогда не существовали» (Расовые труды Гобино, 1910, с. 201). Есть много других свидетельств исторического и лингвистического **невежества**, которые могут лишь оттолкнуть специалиста по германским древностям, так много здесь не выдерживающего критики, перегибов, путаницы, в конечном счете просто **нездорового**. Для науки все это просто оскорбительно и в конце концов будет выставлено на посмешище, но **игры с нелепостями для «особо посвященных»** продолжают привлекать умы отдельных людей с соответствующей предрасположенностью. Еще не скоро исчезнут группы, в которых, говоря словами Шемана «за германцев выдают гальванизированных тевтонов, пытаются оживить забытые германские мифы и образы, отмершие названия и символы». Мы увидим еще много сумасшедших толкований наскальных изображений, «праязыков» и рун, которые будут распространяться в кругах фантазеров на германские темы. Нордическое движение должно **безжалостно отбросить всю эту бессмыслицу**, отбросить все эти крикливые фантазии на германские темы, все эти игры с древнегерманскими, древненордическими именами (причем часто путают единственное и множественное число, ошибаются в склонении и правописании), все эти попытки оживления отмерших, относящихся к совершенно иному этапу развития цивилизации обрядов (которые часто понимаются неправильно), все эти названия из Эдды или других древненордических памят-

ников, все эти смехотворные вещи, порожденные бесплодной германской романтикой. **Нордическая идея обращена в будущее, а не в прошлое**. Свои критерии она берет из своей воли к стимулированию притока здоровой крови нордической расы. Она стремится к «Великому здоровью» (Ницше), а этой цели можно достичь лишь живя собственной жизнью, а не копируя прошлое.

О древнегерманском мире в «германских» кругах распространяется так много недостоверных сведений, что я очень жалею, что до сих пор не переведена на немецкий язык книга датчанина Вильгельма **Грёнбека**, дающая самые глубокие представления об этом мире. Можно сказать, что Грёнбек действительно проник в древнегерманскую душу, и его работа тем ценней, что он не скрывает, какая пропасть отделяет нас от древнегерманского мира. На нордическую идею работают также книга Хоопа «Реальный лексикон германских древностей» (к сожалению, в ряде мест уже устаревшая), изданный Ноллау сборник «Германское возрождение» (1926 г.) и книга «Группа народов готйод» (1926) датчанина Гудмунда Шютте. Нордическое движение всегда будет сверять свой курс с древнегерманским миром, для тех же, кто не очень силен в древнегерманских языках и германских древностях, было бы лучше **не касаться их лет десять**, а не раздувать то, что они поняли лишь наполовину, в бесплодных фантазиях. Нордическая идея всегда будет **безжалостно отбрасывать фантазии на германские темы**, несовместимые с той любовью к германскому миру, которая присуща нордическому движению.

Столь же решительно нордическое движение, которое выставляет нордическую расу в качестве образца, должно воздерживаться от пустых восторгов белокурыми людьми, белокуростью и т.п. Люди, сведущие в расологии, знают, что **многие темноволосые и темноглазые личности** являются более нордическими, чем многие голубоглазые блондины; к тому же среди людей **восточно-балтийской расы** многие имеют светлые волосы и глаза. Это уже причина для того, чтобы не восторгаться блондинами. Но главное возражение будет таким: подобное воскурение фимиама блондинам приводит к тому, что многие теряют четкие представления о смысле нордической идеи. Для многих блондинов нордическая идея в результате превращается в свою противоположность: не они служат нордической идее, сознавая повышенную ответственность, а нордическая идея служит им: они преломляют через призму своей «белокурости» свет нордической идеи и направляют его на собственные головы, чтобы предстать в особом сиянии. **Такие «белокурые люди» кончают бесплодным зазнайством** и в конечном счете **вредят нордическому делу**. Его противникам легко будет превратить подобные заблуждения в анекдот, хоть и дешевый, но от этого не менее вредный.

К счастью, такого рода культ «белокурости» имеет место только в мелких группировках, которые здоровые люди быстро покидают. В нордических группах с серьезными устремлениями не терпят тех, кто **чванится своими нордическими признаками**. Тот, кто при споре с противником пользуется не профессиональными аргументами, а ссылается на отдельные расовые признаки, показывает слабость своих позиций и свое неумение правильно подбирать доказательства. Тот, кто использует свою «белокурость» для повышения собственной значимости, доказывает лишь отсутствие у него тех душевных качеств, которые каждая нордическая группа должна требовать от своих членов. Об этих духовных качествах нордической расы, к которым относятся благородная сдержанность, холодная деловитость, умеренность и самообладание даже при яростной полемике нужно знать так же, как и о нордических внешних чертах. Спокойная целеустремленность и решительное спокойствие при действиях, а не восторги белокурostью, болтовня о германцах, маскарады и второстепенные мелочи являются залогом успеха.

Высказываются опасения, что подчеркивание ценности нордической расы для немецкого народа пробудит в людях с нордическими чертами высокомерие и тщеславие. В противовес этому необходимо подчеркнуть, что подобные качества у отдельных людей прямо противоположны смыслу нордической идеи. Только проявляя высшее мужество отдельный человек может соответствовать задаче, которая стоит перед нордической расой при нынешнем, во всех отношениях отчаянном положении. Отдельные люди больше не принадлежат самим себе, они должны оставить индивидуалистическую точку зрения, чтобы сосредоточить все силы на сохранении рода. Вот тогда это люди нордической расы, которые сегодня только усилием своей воли могут помешать вымиранию их расы. Нордический человек меньше всего принадлежит самому себе, он должен думать обо всей своей расе и об обновлении своего народа, если он понял, какое значение имеет нордическая раса для его народа. Особую задачу перед каждым нордическим человеком ставит его кровь. Если нордическому человеку больше дано, то с него больше и спросится. **Нордическая кровь обязывает**. Он должен телом и душой выражать ценность своей расы.

Вы слыхали, что нравится Богу,
приходите и повинуйтесь,
будьте семенем нового мира,
он желает священной весны.
(Уланд. Священная весна)

С учетом задачи, стоящей перед нордическими людьми, любая склонность к хвастовству нордической кровью заслуживает презрения.

Гордость жителей Нижней Саксонии, самой нордической земли Германии, будет оправдана лишь тогда, когда эта земля займет первое место по показателям рождаемости. Жизнь нордического человека должна быть примером, свидетельствующим в пользу его расы.

Перед лицом такой задачи недопустимо хвастаться своей кровью или (что вдвойне смехотворно) предаваться фантазиям на германские темы, **«германской романтике»**. Нордическая идея обращена в будущее, а не в прошлое.

Поэтому не ей адресован упрек (брошенный Зольгером в статье «Консервативная расовая политика»), справедливый по отношению ко многим «германским» кругам с нечеткими расовыми представлениями: «Есть опасность, что односторонний идеал воина, который показывает нам трагическое искусство саг эпохи переселения народов и саг о викингах будет выдаваться за нордический идеал вообще. Но развитие народа не может основываться на одних воинах. Рядом с ними непременно должны находиться крестьяне, художественный идеал которых лишен трагизма, а символ веры – «если они не умерли, то еще живут». Победоносная атака войска и уход крестьян за растениями – две формы героизма, которые только вместе составляют полный расовый идеал».

Но таковы же убеждения и сторонников нордической идеи. К сведению Зольгера: в исландских сагах крестьянин и воин часто соединяются в одном лице. Нордическое движение делает особый упор на крестьянах.

Создается впечатление, что Зольгер недостаточно хорошо знает древнегерманский мир. Он изображается как мир непрерывных кровавых войн, мести, разрушения и бряцания оружием. Германские племена изображаются как нигде не задерживающиеся орды, драчливые и воинственные. И нордическую идею тоже рисуют себе по образу подобных представлений.

Откуда же взялись эти широко распространенные ложные представления о древнегерманском мире? Может быть, из тех времен, когда в него вторглось христианство, когда корни германской нравственности были им подорваны, а христианская нравственность еще не укрепилась. Этот подрыв нравственных основ повлек за собой ужасы меровингской эпохи Франкского королевства, противоречащие как германской так и христианской нравственности события в период войн между разными норвежскими родами в XII веке и в эпоху Стурлунгов в Исландии в XII веке. При более глубоком анализе древнегерманской языческой жизни наряду с воинственностью обнаруживаются «черты миролюбия, терпимости, радости чужим талантам и чувство меры и достоинства» (Неккель, цит. соч.). Впечатление непрерывных странствований оказывается поверхностным. «В действительности периоды покоя между кочевьями длились гораздо

дольше, чем сами кочевья. Например, готы столетиями занимались земледелием и скотоводством в низовьях Вислы, прежде чем двинулись дальше, в Южную Россию. Там, правда, соблазны городов вовлекли их в длительные войны. Но когда была завоевана Италия, снова наступил мир».

Впечатление непрерывных войн обманчиво. Была даже поговорка: Мир питает, война съедает. Чем дальше мы углубляемся в германские источники, тем больше убеждаемся, что языческие германцы были не менее миролюбивы, чем современные вестфальские крестьяне. Уже тогда умели ценить мир и дружбу и понимали, какие страдания приносят долгие распри. Но мир любой ценой и дружба с кем попало – это не только не было идеалом, это вообще было невообразимо (Неккель. Древнегерманская культура, 1925). Идеальный германец выглядел так: «Щедрый, смелый, бесстрашный, дружелюбный, свирепый к врагам, верный друзьям, откровенный со всеми» (Грёнбек).

Исходя из этих правильных представлений о древних германцах, нордическая идея создает свой образ германца. При этом она осознает, какая пропасть (не только в расовом отношении, но, прежде всего, в плане цивилизации, необходимого в наше время мировоззрения) отделяет современность от будущего, которое еще предстоит сделать нордическим, и от древнегерманского мира.

Грёнбек пишет о древних германцах: «Это были мужественные люди, но непригодные для современной жизни. Их цивилизация имела совершенно иной центр, нежели наша. У ней были своя красота, но она была связана с такими формами самоутверждения, которые в нашем мире не выдержали бы конкуренции с более мощными силами».

Подчеркивая несовместимость нашего настоящего и будущего с древнегерманским миром, Грёнбек как и Зольгер близко подходит к нордической идее. Он, как и мы, считает, что нам ближе мир раннего эллинизма.

Прежде всего, нужно со всей ясностью сказать: **нордическая идея это не романтика**, это направленная в будущее воля к оздоровлению, воля, которая черпает силы из собственного источника, а не из резервуаров, заполненных прошлой жизнью. Не возрождение прошлого – невозможная цель, которую преследует вся «романтика» – главное в нордической идее, а **возвышение жизни**. Нынешнее поколение может только его подготовить, только начать. «Мы – ничто, то, что мы ищем – все» (Гёльдерлин)…

В XIX веке много думали о том, что сделать для улучшения ситуации, и додумались до того, что решением большинства можно найти лучшие средства укрепления расшатавшегося мира. Но парламентские споры совершенно бессмыслен-

ны, если, пока они идут, становится все больше неполноценных наследственных задатков, продолжается вырождение и ускоряется антиотбор нордической составляющей народа (денордизация). В лице **Гальтона** нордическое движение чтит человека, который первым осознал, что **не среда**, а **наследственность** является определяющей силой в жизни народов, и поэтому ситуацию могут улучшить не меры, а люди (как он говорил, «men, not measures»). Это было возрождением идеи Платона: самым способным нужно дать возможность иметь как можно больше детей, наследственно неполноценных по возможности исключить из процесса продолжения рода.

Нордическая идея это идея действия, ориентированного на будущее, и нет ничего более далекого от нее, чем **«романтика»**. Главное для нее – воплощение благородного начала. Ее несет идейный поток, из которого черпал великий Платон и который внушил Ницше мечту о сверхчеловеке.

Нордическая идея это **не материализм**, она осознает себя как **дух, который хочет создать собственное тело**, но материал для этого тела он вынужден искать в окружающем его мире. Нордическая идея это дух, который хочет предстать в самом благородном теле, отсюда идея выведения породы, идея Платона.

«Ты спрашиваешь о человеке, природа? Ты жалобно плачешь, как струны инструмента, на которых играет только ветер, брат случая, потому что музыкант, который заказал инструмент, умер? Они придут, твои люди, природа! Помолодевший народ омолодит и тебя, и ты будешь выглядеть, как его невеста, и древний союз духов обновится вместе с тобой» (Гельдерлин, «Гиперион»).

Нордическое движение исходит из духа, но не теряет в духе, оно вторгается в действительность и без «романтического» страха перед современной жизнью ставит вопрос об условиях наследственного возвышения человека.

Возвышение отдельной личности оно видит в соответствующих нордической сути особенностях тела и души, возвышение рода – в отборе, возвышение народа – в увеличении числа детей у здоровых, талантливых нордических людей.

Благородному трудно найти свое физическое воплощение. Все образование XIX века здесь не поможет: оно не наследуется. Образование не дает ценных наследственных задатков. Для нордической идеи отбор важней образования. Мир XIX века был поколеблен открытием законов наследственности и рухнул в результате антиотбора…

… У многих народов были великие люди, идеи которых могли бы стать основой для создания цивилизации, но не было тех, кто мог бы воплотить их идеи в

жизнь. Платон – пример того, как великому человеку может не хватать **народа**, на наследственных задатках которых еще можно было бы что-нибудь построить. Эллины его времени выродились. И сегодня не хватает не идей, а людей, которые могли бы их воплотить.

Гете говорил, то истина давно найдена. Нордическая идея сзывает людей, которые могли бы воплотить многие старые истины. Ситуация может измениться только вместе с людьми, точнее, ее могут изменить только изменившиеся люди.

Почему постоянно не хватает тех, кто мог бы воплотить великие идеи в жизнь? Потому что такие люди делаются из иного наследственного материала, чем «подавляющее большинство» их соплеменников, потому что «сплоченное большинство» (Ибсен) по своим духовным качествам неспособно понять великие идеи тех, кто живет среди него. Те, кто может воплотить великие идеи, должны быть той же крови, что и лучшие. Если в одном народе представлены несколько рас и одна из них – творческая, понятно, что другие расы **не хотят** воспринимать творческие идеи и будут отвергать их, если в крови всех слоев населения не будет достаточного процента крови творческой расы. Нордическая идея хочет создать предпосылки для воплощения великих идей, добившись увеличения этого процента.

Только из духовных наследственных предпосылок расы может возникнуть правильное понимание великих идей, а правильное понимание – условие воплощения. Нордическое движение готовит наследственную почву, в которой семена великих идей впервые смогут принести плоды сторицей. У лучших представителей индоевропейских народов в результате денордизации плодоносная почва выдергивается из-под ног как раз тогда, когда у них рождаются идеи, пригодные для создания великой цивилизации…

… В религии Заратустры или в учении Платона постоянно ищут «недостатки», в силу которых эти учения были побеждены или вытеснены другими. При расовом подходе «недостатки» нужно искать не у Заратустры или Платона, а в мире, который окружал этих великих людей, и в мире последующих поколений. Эти миры оказывались не на высоте, потому что становилось все меньше ценных наследственных задатков.

Задача нордического движения – сделать так, чтобы немецкий народ не подвел своих великих людей так, как позднеэллинский народ подвел Платона.

4. О «ценности» человеческих рас

Выбор в пользу нордической расы (как задающей направление отбору среди немецкого народа) вытекает для сторонников нордической идеи из сравнения ценности представленных в немецком народе рас. В «Расологии немецкого народа» из пяти таких рас особенно ценной названа нордическая раса, представленная в той или иной степени во всех германских племенах. В приложении к этой книге говорится о пагубном влиянии еврейского духа на жизнь немецкого народа и о пагубности смешения немецкой крови с еврейской. Теперь я хотел бы уточнить, что «немецкая кровь» это коктейль из крови разных рас, а в «еврейской крови» преобладает переднеазиатская.

Указание на разную ценность рас вызвало болезненную реакцию со стороны противников расовой идеи, что делает необходимым пояснение: что означает слово «ценность» применительно к расам.

Термин «раса» заимствован из естествознания. Но с точки зрения этой науки недопустимо говорить о ценности явлений. Все ценности зиждутся на человеческих оценках. Вмешиваясь в события, человек называет одно хорошим, другое – плохим, одно – ценным, другое – малоценным. А с точки зрения естествознания все явления одинаково ценны или одинаково не имеют ценности, точнее, оценки не свойственны естествознанию как таковому. Оно не может объявлять человеческую жизнь более ценной, чем жизнь болезнетворных бактерий. Но человек не только (для нордического движения – **не в первую очередь**) **природное**, но и **духовное существо**, которое рассматривает природу как цель для создания цивилизации. Любая цивилизация основывается на ценностях ее создателей. Человек находит свое завершение в ценностях.

Как только встает вопрос о цивилизации какого-либо народа, за ним сразу же неизбежно возникает второй вопрос о духовной сути представленных в этом народе рас, так как цивилизация (культура) это выражение взаимодействия различных духовных сил со средой и между собой.

Направление цивилизации в соответствии с этим всегда зависит от господствующей в народе расовой души (этим объясняются различия между цивилизациями отдельных индоевропейских народов – индийской, персидской, греческой, римской и рядом германских цивилизаций). Смена господствующей расы в народе приводит со временем к смене цивилизации. Традиция и воспитание могут еще какое-то время поддерживать духовное направление исчезающей расы. Отдельные расовые души могут в разные эпохи и при разных обстоятельствах в разной степени влиять на «дух времени». Но сутью истории народа всегда оста-

ется взаимодействие всех его расовых задатков с окружающей средой. Если исчезает определенная раса, изменяется направление цивилизации.

Цивилизация народа, расовый состав которого изменился, может на какое-то время утратить направление. Для Запада такой эпохой был XIX век, когда исчезла «устремленность», что отметил Гете: «До революции была всеобщая устремленность, после нее все стали чего-то требовать». Устремленность – признак цивилизации, в которой есть господствующая раса, разнобой требований – признак эпохи, когда направление утрачено и различные расовые души хаотично конфликтуют друг с другом, потому что господствовавшая раньше раса ослабела в результате смешения или антиотбора.

Вопрос о цивилизации неизбежно приводит нас к вопросу о господствующей в ней расе, которая придает цивилизации ее характерные черты, ее смысл и значение. То, что с точки зрения естествознания не имеет ценности, обретает особую ценность при изучении цивилизаций: ценность рас – в их творческом вкладе в определенную цивилизацию. **Ни одна раса на Земле не имеет ценности сама по себе**. О ценности расы всегда можно говорить только применительно к цивилизации. Ценность расы это всегда **ценность определенной расы для определенной цивилизации**.

Часто повторяется одна и та же **ошибка**: нордическую расу восхваляют как **«высшую»**, **«самую благородную»** как чуть ли не единственную создательницу цивилизации на Земле. Все это лишь **крики рыночных зазывал**. Для восточно-азиатской или африканской цивилизаций нашего времени примесь нордической (или любой другой чуждой) крови будет «неполноценной», так как ценность расы всегда познается лишь в соотношении с определенной цивилизацией, и нордическая кровь для африканских или азиатских цивилизаций будет разлагающим фактором. Нордическая идея говорит только о незаменимой ценности нордической крови для германоязычных народов. Для этих народов желательно увеличение процента нордической крови. Для них это «ценная» кровь, и нордическая идея призывает к защите нордической крови.

Из идеи незаменимой ценности нордической расы для немецкого народа вытекает отношение к столь злободневному сегодня **еврейскому вопросу**. Упрек многих евреев, будто их «расу» (правильней сказать – расовую смесь, так как среди евреев представлены несколько неевропейских рас) считают «неполноценной», адресован не нордической идее, так как в соответствии с ней **нет единого мерила ценности всех рас и народов**: каждый народ создает свои собственные ценности. Евреи для нордического движения неполноценны не сами по себе, а только с точки зрения нордически обусловленного наследственного фонда немецкого народа, как **нордический человек является и должен**

быть «неполноценным» с точки зрения наследственного фонда еврейского народа, в котором преобладает переднеазиатская раса. Представленные в еврейском народе переднеазиатская и ориентальная расы, если они будут примешивать в кровь немецкого народа, в которую и так примешаны компоненты других европейских рас, еще и неевропейскую кровь, настолько изменят ее состав, что в конечном счете образуется европейскоазиатско-африканское расовое болото, как в гниющей Римской империи и в отдельных кругах населения больших европейских городов.

Еврейская сторона обычно утверждает, что расово-мыслящие круги немецкого народа поступают совершенно несправедливо, отказываясь от кровного родства с евреями и в то же время принимая в свою среду лиц французского происхождения, таких как Шамиссо, Виллибальд Алексис, Гейбель и Фонтане, и целые семьи французских эмигрантов. У Канта, вероятно, были шотландские предки, у Клаузевица – польские, у Яна и Трейчке – чешские, фон Радовиц происходил из венгерской знати и т.д.

Но было бы бессмыслицей отвергать по расовым соображениям этих людей: они не вносили в расовую смесь немецкого народа новых примесей, а часто даже добавляли в нее нордическую кровь. Мы приветствуем иммиграцию здоровых нордических людей, особенно из Швеции и Норвегии, равно как и германизацию **мазурских родов**, так как мазурское население богато нордической кровью и дало Германии много известных людей.

В случае же с еврейским народом речь идет не о людях западного происхождения, а о народе, состоящем из неевропейских рас. Примеси этих рас могут изменить духовную ориентацию немецкого народа.

Самая серьезная опасность, исходящая от еврейства, этого «клина, забитого Азией в европейскую структуру», этого «нарушителя спокойствия» (М. Бубер), заключается в том, что евреи, чем верней они собственной сути, тем больше они стараются переориентировать немецкий народ на чуждые ему образцы. Во второй половине XIX века повсюду на Западе стал задавать тон дух, который способствует вырождению и ускоряет его. Этот «современный дух» особо одаренные евреи (Вейнингер, Гольдман) называют еврейским, а его невероятное влияние на западные народы объясняется господством евреев в прессе (Гольдштейн) и в финансовой сфере (Зомбарт, Форд).

… Четкий выбор нордического образца для немцев позволяет нордическому движению идти по пути оздоровления немецкого народа с такой же ответственностью, с какой **сионистское движение оздоравливает еврейский народ**. Подобно тому, как еврей-националист не потерпит в своей области ничего чуж-

дого, если он хочет создать свою цивилизацию, так и нордическое движение не потерпит евреев в своей области. Для немцев, обновляющих немецкую цивилизацию, действительно то же правило, что и для евреев, обновляющих еврейскую цивилизацию:

«Избегайте того, что не ваше, не терпите нарушения вашей внутренней гармонии» (Гете. «Годы странствий Вильгельма Майстера»). Ради своей цивилизации, мы не потерпим евреев среди нас, ибо как мы можем позволить им быть причастными к высшей культуре, корни которой они отрицают? Нордическая немецкая цивилизация должна быть для немцев такой же «высшей культурой», как для еврея – цивилизация, возникшая из еврейского духа. Любая цивилизация основана на ограничениях. Постепенно все ясней становится пророческое значение работы Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1874 г.).

Чем больше среди образованной немецкой и еврейской молодежи распространяются расовые знания, тем больше это способствует выяснению и сглаживанию противоречий между евреями и неевреями. Эти противоречия, когда к ним примешиваются религиозные и экономические проблемы, выливаются во взаимное поношение. Но корень еврейского вопроса можно увидеть только с этнической и расовой точки зрения.

Есть люди, которые упрекают представителей расовой теории в том, будто они возбуждают ненависть между народами. Но на самом деле германоязычные народы будут лучше понимать друг друга, если осознают свои общие расовые корни, а все народы поймут, что война это антиотбор. Гильдебрандт был прав: «Ненависть между народами разжигает именно невежество в расовых вопросах».

Так и в случае с противоречиями между евреями и неевреями. Чем больше знание расовых проблем и законов наследственности, тем профессиональней можно разрешать противоречия. Сионисты это поняли и учат еврейскую молодежь, что любое приспособление евреев к нееврейской среде это «постыдное повседневное самоотрицание и самоунижение». То же самое нужно сказать немцам: любое приспособление немцев к еврейскому духу это постыдное самоотрицание. По этой же причине нужно отвергнуть еврейский современный дух. С еврейской стороны уже проявляется понимание: нордическое движение называют **«асемитским»** в отличие от антисемитских движений, для которых расовый вопрос сводится к еврейскому вопросу. Нордическая идея это прежде всего идея увеличения процента нордической крови, она может быть направлена против других рас и народов лишь в том случае, если они мешают этому.

Гильдебрандт предлагает такое решение еврейского вопроса: «Симбиоз, духовное сообщество, без смешанных браков между евреями и неевреями». Такое сообщество мыслимо лишь в том случае, если как евреям, так и неевреям будет гарантировано свободное развитие их собственного духа. Но еврейский народ имеет мощные средства власти – деньги, банки, прессу, различные общества, с помощью которых они могут влиять на нееврейские народы в чуждом этим народам духе. У нееврейских народов нет таких средств, они вынуждены все время защищаться от еврейского духа, а не заниматься развитием своего. Пока эти народы не преодолеют «современный дух», предложенное Гильдебрандтом «духовное сообщество» немыслимо. Основой сообщества может быть только радость свободного роста обеих сторон. Предложение Гильдебрандта осуществимо, если евреи признают нордического человека за образец для немецкого народа.

«Стань тем, что ты есть», – это рожденное нордическим духом изречение греческого поэта Пиндара, который называл своих соплеменников «светловолосыми данайцами» (9-я Немейская ода), – ориентир для развития великих цивилизаций. Цивилизация для своего развития и утверждения должна оценивать, должна называть все возвышающее ее ценным, а все мешающее ей – неполноценным. **Все чужое** должно быть для нее **менее ценным, чем свое**.

Если цивилизация обратит взор на собственную жизнь, то для ее возвышения она опять должна оценивать, давать более высокую оценку своему творческому началу. Вопрос о цивилизации влечет за собой вопрос о ценности расы, так как **цивилизация** это **выражение духовной сути**, а **духовная суть расово обусловлена**.

Поэтому неверно утверждение Фечера в его брошюре «Основы расовой гигиены» (1924 г.), будто вопрос, какая из рас ценней, «это не научная задача, а только вопрос оценки, личной позиции». Этот вопрос, как уже было сказано, не может быть задачей естествознания. Расово-обусловленные явления выходят далеко за пределы ее сферы.

Гобино дал первый пример исследования значения расы для жизни народов как в истории, так и в природе. История, как наука, дающая оценки, должна принимать в расчет расовые силы. Рассуждения о ценности рас в ней уместны, но это не должны быть «личные позиции». Главное дело каждого народа и его вождей – следить за направлением своей цивилизации, используя достижения естественных наук. Нордическая идея возникает не из личных оценок, не из детской любви к светлым волосам и голубым глазам, а из анализа исторических законов жизни народов вообще и индоевропейских народов в частности. История должна давать оценки, и «установки» нордической идеи это следствие ее

взгляда на историю с точки зрения расологии и расовой гигиены. С этой точки зрения определяются и возможности обновления немецкой жизни.

Брошюра самого Фечера наполнена оценками, так как расовая гигиена это наука, дающая оценки. Естествознание всегда может лишь сказать, что есть, но никогда, что должно быть. Зато расовая гигиена четко говорит о более и менее ценных наследственных задатках. Эти оценки она не может почерпнуть из природы, это человеческие оценки с точки зрения цивилизации. Наследственные задатки, способствующие развитию цивилизации, обладают большой ценностью, чем те, которые тормозят ее развитие (Ленц). Нордическая идея дает оценки с той же точки зрения цивилизации, что и расовая гигиена.

5. Раса, смешение рас и цивилизация

О «ценности» нордической расы недавно заговорили опять, на этот раз в США. Там во время мировой войны все экипажи проходили проверку на способность к оценкам (не на уровень образования). При этом выходцы из Северо-Западной Европы (где преобладает нордическая раса) набрали больше всего пунктов, меньше – выходцы из Южной и Восточной Европы и меньше всех – негры.

«Ценность» нордической расы Гильдебрандт считает несомненной. Но он справедливо ставит вопрос: «Если нордическая раса является **творческой** сама по себе, то является ли она творческой именно **как чистая раса?»** И дает такой ответ: «История как будто доказывает противоположное. Высшая жизнь возникала там, где нордическая раса, хотя и была ведущей, **смешивалась** с другими и **заимствовала** у них культуру. И для Германии действительно то, чему учит мировая история. Сердце немецкой культуры – не расово чистый Север, а смешанные рейнские земли». О том, что центры духовной жизни образуются не среди расово чистого, а среди расово смешанного населения, указывал еще в 1857 г. французский анатом и расолог де Катрфаж.

Де Катрфаж и Гильдебрандт затронули основные вопросы возникновения великих цивилизаций. Аналогичные взгляды были высказаны в «Расологии немецкого народа»: «Я склонен предположить, что большинство всех взлетов цивилизаций произошло на базе наслоения друг на друга двух рас и сил, развившихся в результате взаимодействия ведущих и ведомых». «При каждом «закате» народа и цивилизации встает вопрос, не исчезла ли раса, господствовавшая в данном народе, и что это была за раса? Вполне вероятно, что значение нордической расы в жизни индоевропейских народов соответствует значению эфиопской расы в жизни многих африканских племен, особенно говорящих на хамитских языках».

Когда «сердце немецкой культуры» билось в рейнских землях, их население, в котором преобладала нордическая раса были не столько расово **смешанными**, сколько расово **расслоенными**. **Не** расовое **смешение** представляется мне важной причиной расцвета цивилизаций, а расовое **расслоение**. Однако за расовым расслоением всегда и везде следует расовое смешение. Это происходит в том случае, если высшему слою не свойственно особое чувство крови или оно утрачено.

Еще более поучителен пример боле высокого уровня цивилизации в рейнских землях по сравнению с менее высоким на средневековом немецком Севере. Даже самая чистая и самая творчески одаренная раса нуждается в **стимуле** для создания цивилизации. В рейнских землях процесс усвоения цивилизационного наследия греко-римского и христианского мира создавал некоторую напряженность, всегда являющуюся условием создания цивилизации. На севере Германии нужно было сначала создать среду, чтобы вообще была возможна цивилизация. Здесь имелся лучший расовый материал, но он еще нуждался в **отделке**. На Рейне, где почва была уже подготовлена к принятию зерен цивилизации, отделка того же расового материала произошла. Нордическая раса всегда проявляла **способность** к творчеству, но для самого творчества нужны стимулы. На эту взаимосвязь указывал Пенка: «Ценных **расовых задатков недостаточно** для развития высокой культуры. Только возникновение господствующего слоя и основание городов делают это возможным».

Стимулом может стать и новая среда, весьма отличная от той среды, из которой переселилось нордическое племя, где в результате отбора образовалась нордическая раса. Цивилизация любого индоевропейского народа – особый ответ нордического племени на вызов судьбы в лице завоеванной области и покоренного населения. Решающий и для творческой расы стимул возникает в результате расслоения рас: верхний слой – нордический, нижний – не нордический. Напряжение сильней, если **нижний слой** (лучший пример – **древняя Греция**) **сам уже создал высокую цивилизацию**, гораздо более развитую, чем у нордических пришельцев. Последние пришли в Грецию, не имея письменности; они строили деревянные избы; их цивилизация была еще в зачатке. Какие же мощные стимулы они получили, когда стали править нижним слоем, обладателем письменности и утонченной цивилизации! Эти стимулы развили огромные творческие силы: возникла нордически обусловленная эллинская цивилизация. Расовое расслоение было важной причиной ее возникновения, расовое смешение – его неизбежным следствием, еще одним – исчезновение творческого верхнего слоя нордической расы. Итогом стал «закат» эллинского мира в результате вырождения и денордизации. Был ли такой конец неизбежен? Фатальна ли такая судьба народов, как думает Шпенглер? До него так же думали де

Кандоль («История наук и ученых за два века», 1873) и Рибо («Наследственность», 1876), Нордическое движение дает на этот вопрос отрицательный ответ.

Предположение Гильдебрандта, что расовое смешение может стать причиной расцвета цивилизаций, **трудно опровергнуть**, потому что за расовым расслоением обычно быстро следует расовое смешение. Еще трудней, однако, опровергнуть тезис Гобино, что расовое смешение ведет к **распаду** цивилизаций. Оба вывода сделаны на основании наблюдений за судьбами народов. Нордическая идея должна объяснить противоречие между ними.

Для нордической идеи причина создания цивилизаций не расовое смешение, а расовое расслоение и лишь до тех пор, пока господствующий слой достаточно силен численно и в плане психического здоровья, чтобы служить образцом для всего народа. Если нордический слой слишком тонкий, многие его роды вырождаются или смешиваются с ненордическими родами. При исчезновении верхнего слоя в жизни народа наступает момент, когда идеал героя блекнет и рушится. Нижний слой пытается создать другой идеал, для чего ему нужно сначала разрушить цивилизацию, созданную на основе прежнего. Наступает **время без идеалов**, когда все подвергается сомнению и разложению, господствует релятивистский подход, силы исчерпывают себя во взаимном отрицании настолько, что «закат» становится неизбежным. Такой в Греции была эпоха софистов. Когда Платон преодолел их дух и захотел создать новые государственные идеалы, его народ был уже не способен к творчеству, и Платон остался в одиночестве. Ненордические расы, которые придали свои черты позднему эллинизму, были недостаточно способны к созданию цивилизации.

Расовое расслоение всегда создает цивилизацию, если господствующая раса творческая. Расовое смешение не представляет опасности, **пока в народе сохраняется ядро** чистой творческой расы. Но такое ядро чисто нордической расы сохранилось сегодня только в скандинавских народах. Если, как полагает Гильдебрандт, расовое смешение – причина создания цивилизаций, то в любом случае в расово смешанном народе должно быть достаточно чистой крови творческой расы, чтобы сама эта кровь не оказалась под угрозой в результате смешения, смешанный народ должен постоянно ее воспроизводить. Нельзя доводить смешение до исчезновения крови творческой расы. Если в смешанном народе сохраняется постоянная пропорция смешения рас и ядро чистой творческой расы, нет оснований для опасений. Но в западных народах из-за исчезновения нордической крови в результате антиотбора расовое смешение уже давно оказывает не созидательное, а разлагающе действие, что Гобино считал признаком того, что сегодня называют «закатом Европы». Если бы расовое смешение, как полагает Гильдебрандт, было причиной создания цивилизаций, то XIX век был бы в Западной Европе веком расцвета творческих сил во всех областях.

Стремление к чистоте нордической расы, к увеличению процента нордической крови в Германии долго еще не приведет к «слишком большой» расовой чистоте, как боятся некоторые; немцы не станут более нордическими, чем шведы. Первая задача нордического движения та же, что ставит и Гильдебрандт: создание идеала для немецкого народа. «Нужно создать образ нордического героя», – пишет Гильдебрандт, автор книги «Норма и вырождение человека» (1923)…

Расовый анализ шведского и норвежского народов в какой-то степени подтверждает предположения Гильдебрандта. На этом нужно остановиться, потому что и с этой стороны делают выпады против нордической идеи. Так иногда утверждают, что достижения Швеции и Норвегии, двух самых нордических стран, не столь велики, как следовало бы ожидать согласно идее о значении нордической расы. Мюнхенский журнал «Натур унд Культур» (май 1926) написал даже, что шведы «очень мало дали человеческой культуре». Может быть, нашлись читатели, которые этому поверили. Но не так легко сравнивать достижения Швеции и Норвегии с достижениями других стран. Следует учитывать, что в Германии, Англии или США нордических людей больше, чем в Швеции и Норвегии, если брать общую численность, а не проценты от всего населения, в Швеции и Норвегии весьма малочисленного. Шведский анатом и расолог **Бакман** писал: «Если мерить цивилизацию не абсолютным количеством творческих личностей, а относительным, то чистокровные народы Севера опередят народы всех других стран Европы».

Я долго жил в Швеции и Норвегии и могу утверждать, что народы этих стран в среднем более одарены и более способны к оценкам, чем любой другой европейский народ.

В Германии очень заметны различия в одаренности между верхними и нижними слоями населения, в Швеции и Норвегии все слои населения одарены примерно одинаково…

… Из Швеции и Норвегии всегда шел широкий поток эмиграции. В этих странах очень много людей с качествами руководителей, которые не находят применения этим качествам у себя на родине. В США живет почти столько же норвежцев, сколько в Норвегии. Газета «Канзас Сити Джорнал Пост» от 19 апреля 1923 г. напечатала большую статью «Шведы как американские граждане», в которой дана высокая оценка шведам, как гражданам высшего сорта…

… Несмотря на нынешнее миролюбие Швеции и Норвегии, их жители не утратили своих воинских качеств. Это доказали своим примером сотни шведских доб-

ровольцев, которые участвовали в гражданской войне в Финляндии на стороне «белых»…

… Та же самая нордическая раса выглядит в Германии или в Англии иначе, чем в скандинавских странах. Черты скандинавов мягче, дружелюбней, спокойней, а их собратьев по расе в странах, где жизнь более напряженная, а конкуренция более сильная – жестче, напряженней…

Германии понадобятся века, прежде чем ее население станет таким нордическим, как этого боятся те, кто утверждает, будто расовое смешение стимулирует развитие цивилизаций. Над немецким народом еще долго будет висеть **опасность** расового смешения, на которую указывал Гобино. Нордическое движение хочет сначала образовать **ядро** чистой нордической расы, а потом уже думать о том, не опасна ли «слишком большая» чистота. Для сохранения определенного уровня цивилизации индоевропейских народов в них должно постоянно наличествовать ядро нордической расы. Если это ядро исчезнет или будет уменьшаться, сломаются опоры этой цивилизации и ее «закат» станет неизбежным. Лучше, если народ обладает хорошими наследственными задатками к обучению, а не охвачен системой «всеобщего образования». Но хуже всего для народа, если его **система образования работает на разложение**, как **в эпохи без идеалов**…

Есть более глубокая основа для возникновения высоких, нордически обусловленных цивилизаций в Центральной, Западной и Южной Европе, и эта основа не указывает на расовое смешение как на **главную** причину возникновения этих цивилизаций. Гильдебрандт затронул вопрос о «тоске северного человека по югу», но он зашел слишком далеко, объясняя **только** этой тоской все переселения нордических племен на юг с доисторических времен. Устремление на юг это (не только, но и) устремление к высшим нормам жизни. Нордический человек почувствовал, что у себя, на севере, он не сможет достичь своего высшего смысла.

По Гильдебрандту, устремление на юг это неосознанная тяга к расовому смешению и к гибели. Да, это устремление к высшему развитию жизни, но это высшее развитие возможно только при расовом смешении – юг не был необитаемым. Устремление на юг это «метафизическое устремление» (Гильдебрандт).

Но устремление к высшему развитию жизни это нордическое качество. Оно воодушевляло нордических эллинов и сегодня воодушевляет нордическое движение, которое чтит и любит древнюю Грецию, особенно ее ранний период. Нордическая раса долго подвергалась жесткому отбору в суровых условиях своей прародины на северо-западе Европы. Этот отбор создал «фаустовский мир».

Как говорил Ницше, «тип становится твердым и сильным в условиях длительной борьбы с постоянно неблагоприятными внешними воздействиями». Эти суровые условия не оставляли места для радости, беззаботности и красоты.

Тот, кто знаком с жизнью рыбаков и моряков Северной Норвегии, может себе представить, как среда создавала расу. Условия на прародине нордической расы были еще более суровыми. На юге же нордические наследственные задатки были освобождены от необходимости повседневной борьбы со средой. Нордическая раса всегда с интересом вглядывалась в окружающий мир, но только на юге у нее появилось время для созерцания и она смогла получать радость от этого созерцания. Об этом говорит мудрость древней Индии и философия древней Греции. Только у эллинов появилось то, что мы называем их жизнерадостностью. Любовь к идее, платоновский Эрос, созерцательное воспарение к вершинам духа – все это стало возможным только в менее суровой среде. На нордической прародине этому соответствуют ярость против всего, что не есть идея, furor teutonicus при самоутверждении несмотря на неблагоприятные обстоятельства, amor fati. Но у древнего Севера и Эллады есть одно общее: это героическое начало.

И грекам, и германцам в равной мере свойственны идея судьбы, героическое движение навстречу судьбе. То же самое мы находим в римских добродетелях gravitas и virtus. Мужество в борьбе с роком это и есть для нордического человека **свобода**. Дейссен неправ, полагая, что в сути человека вообще понимание роли свободы в создании цивилизации. В соответствии с духовной сутью нордической расы эта идея представлена у трех философски наиболее одаренных народов нордического происхождения – у индусов, греков (Платон) и немцев (Кант).

То, что цивилизации южных индоевропейских народов обогнали в своем развитии народы Центральной и Северной Европы, а также факт распространения цивилизации из Передней Азии на запад и северо-запад (в Индии идею свободы поняли за 1000 лет до н.э., Платон развил ее в V-IV веке до н.э., а Кант – в XVIII веке н.э.) раньше объясняли более высокой одаренностью южных рас. На самом же деле это было результатом освобождения нордических племен на юге от бремени борьбы со средой. Здесь нордический человек смог вздохнуть свободно, оглядеться по сторонам и наконец в Греции обрести радость в развитии тела и души, которую люди часто приписывали богам, но боги представали в виде возвысившихся людей. Отсюда и разница между нордическими племенами, живущими на севере и на юге, между германцами и эллинами: «Одни черпали жизнь горстями, могли жить мгновениями, углубляться в горе и в радость, выражать свои переживания в словах, другие же не могли ограничиваться момен-

том и всегда смотрели в будущее. Одни жили человеческой жизнью, другие – жизнью рода».

В древней Греции и Риме, Индии и Персии нордические завоеватели господствовали над порабощенными аборигенами. Это освободило господствующий слой от повседневных забот. На севере эти люди были крестьянами и вели повседневную борьбу со средой. На юге они стали господами и смогли обратить все свои творческие силы на создание цивилизации. Они получили свободу для построения государства, физических упражнений, украшения своих домов и городов, организации праздников. Юг помог этому своей природой и услугами своих низших слоев. Творческие силы нордической расы, скованные на севере средой, были развязаны.

Таковы **основные причины** возникновения индийской, персидской, греческой и римской цивилизаций. Расовое смешение и антиотбор нордической расы были **последствиями** захирения нордической силы на юге…

РАСОЛОГИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Ю. Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен-Берлин 1942

1. Расология и общее образование

Немец со средним образованием сегодня еще не имеет знаний о расовом составе немецкого народа; как показывает опыт, этих знаний не найти и там, где следовало бы ожидать: в книгах по истории немецкого народа, в книгах об отдельных германских землях и племенах, о «древних германцах» и т.д.

До 1933 г. школа не давала знаний о расовых признаках и расовом происхождении собственного народа. Отсутствовали не только знания; что еще хуже, отсутствовало умение видеть многие вещи, о которых безошибочно можно судить по внешним чертам человека. Современный человек утратил наблюдательность. В этом повинно и естествознание, которое, следуя заветам Галилея, стремится свести все явления к математическим формулам. В результате теряется осязаемый образ явлений. В современном человеке нужно пробудить скульптора, чтобы он мог запомнить и воспроизвести форму головы, носа, губ, подбородка и т.д.

Наблюдательность нужно воспитывать. Меня всегда поражало, насколько плохо свидетели в суде описывают внешние особенности лица и тела. А ведь еще Гете говорил: «Облик человека это текст, в котором написано все, что о нем можно сказать».

Каждый, кто впервые слышит о европейских расах, о принципиальных различиях между ними или о том, что все европейские народы имеют смешанный расовый состав, сначала отнесется к этим сведениям с недоверием. И тем не менее, речь идет о различиях, бросающихся в глаза. Но люди привыкли, если перед ними не заведомый инородец, японец, негр или ярко выраженный еврей, видеть прежде всего представителя своего народа, сословия, племени, рода, даже общественного объединения или городского квартала и лишь потом замечать, блондин он или брюнет, высокий или малорослый, широко- или узколицый…

…Теория среды XIX века тоже способствовала отвлечению внимания от расовых явлений. Если при характерном для этого века образе мышления было возможно объяснить форму головы племени высотой местности, в которой оно обитает, или его образом жизни, это показывает, что еще совсем недавно наука сама затрудняла себе понимание расовых явлений. С 1900 года началась новая эпоха. Прошлая была эпохой историзма, даже историцизма, эпохой теории среды,

новая во всем видит внеисторическую суть вещей. Выразителем нашей эпохи в искусстве является экспрессионизм. Мы живем в эпоху, когда народы ищут в истории характерное, вневременное, чтобы поднять силы, которым они обязаны своим величием, из сферы бессознательного на сознательный уровень… «Люди хотят сделать сознательным бессознательное развитие национальной души; люди хотят укрепить и творчески реализовать специфические особенности кровно родственной группы; люди хотят сделать народные инстинкты более продуктивными, определив их тип». Так с удивительной прозорливостью и пониманием требований расовой жизни и расового возрождения пишет сионист Мартин Бубер в своей статье «Еврейское движение» (1916).

Прежде всего, нужно задать вопрос о самой сути расы. Что означает это название? Как следует определить этот термин?

Такое определение тем более необходимо, что во многих книгах, посвященных расовым проблемам, слово «раса» часто используется без предварительного четкого определения того, что следует понимать под «расой». Обилие толкований усугубляет путаницу (см. раздел «Неверное понимание расовой идеи и злоупотребление ею» в моей книге «Нордическая идея среди немцев»).

Знание расовых особенностей европейских народов не является составной частью т.н. общего образования. При слове «раса» на ум приходят, прежде всего, желтые, черные, «краснокожие» и т.п.

Применительно к Европе многие люди вспоминают термин «кавказская раса», используемый в старых научных книгах как синоним собственно европейской или «белой» расы, к которой принадлежат почти все европейцы. Со словами «кавказская раса» ассоциируется образ приличного бородатого человека с лицом не узким и не широким, со здоровым цветом лица и русыми волосами: так в старых книгах изображают представителя «кавказской расы»1 . И редко представления о расовых типах Европы бывают более ясными. Слово «раса» вызывает, самое большее, смутное представление о расовой чуждости живущих среди европейских народов евреев или о высоких, голубоглазых и светловолосых древних германцах, от которых якобы произошли все немцы, или о противоположности германцев и романцев или германцев и славян или об англосаксонских «двоюродных братьях» или о «кельтских аборигенах» – более четкого содержания слово «раса» не получает. Почти все эти представления в принципе ложны…

Особое внимание к расовым вопросам, традиционное знание, по крайней мере, собственных расовых особенностей встречается только у евреев…

Благодаря т.н. общему образованию путают расу и вероисповедание, расу и язык. Почти на всех известных картах, изображающих «человеческие расы Земли», показаны не расовые, а языковые общности, например, «индогерманцы», «хамиты», «семиты», «урало-алтайские народы» и т.д. В Европе говорят о германской, романской и славянской расах и становятся в тупик, когда видят перед собой, например, жителя Нормандии, т.е. француза, «романца», выглядящего, как германец – высокого, голубоглазого блондина или такого же русского или даже финна – ведь русские якобы принадлежат к «славянской расе», а финны к «финно-угорской». Или наоборот: типичным представителем «славянской расы» средний немец считает человека среднего роста с широким лицом и выступающими скулами, но с большой долей вероятности таких людей со «славянскими» чертами нередко можно встретить в Германии и не только на Востоке, где немецкий язык граничит со славянскими. «Романцев» обычно представляют себе черноволосыми, черноглазыми эмоциональными людьми, но такие есть и среди немцев. Бывают итальянцы, испанцы, французы, румыны и прочие «романцы», выглядящие, как «древние германцы». Много таких людей среди финнов, а также среди берберов, особенно кабилов, Северной Африки, говорящих на хамитских языках. Смешение языковой и расовой принадлежности ведет к путанице. **Есть германские, романские и славянские языки, но нет германской, романской или славянской расы. Язык и раса взаимосвязаны, эти связи нелегко открыть, но языковые границы никогда не являются расовыми и наоборот. Раса и народ не совпадают.** Еще более поверхностно смешение расы и гражданства. Нет итальянской, испанской, греческой или английской расы. Язык, гражданство, вероисповедание, народные обычаи, все эти вещи не имеют ничего общего с расой, точнее, не связаны с ней непосредственно. Гражданство – правовое понятие, народ – исторически-цивилизационное, раса – термин естествознания, термин описательной антропологии. Расовые исследования это, в первую очередь, изучение физических особенностей людей или отдельных человеческих групп. Народ включает в себя людей, имеющих один язык и одинаковые обычаи, государство – определенную сферу власти, раса – людей с одинаковыми физическими и психическими наследственными задатками. До сих пор расология обычно ограничивалась физическими признаками и редко делала попытки описать и психические. В данной книге такая попытка сделана.

Никогда нельзя упускать из вида границы употребления терминов. Большинство ошибок расовой теории и ее неправильного понимания проистекает из описанной выше путаницы. Повторим предупреждение, которое сделал французский расолог Топинар в 1889 г. на конференции антропологов всех стран: «Позвольте мне напомнить об одном из самых достоверных фактов общей антропологии, о котором напоминают недостаточно часто: о том, что понятия расы и народа не

имеют между собой ничего общего, что все народы Европы имеют примерно одни и те же расовые составляющие, только смешанные в разных пропорциях».

Термин «раса» может употребляться сначала только в связи с описанием физических признаков. Это, прежде всего, естественнонаучный термин. Расология, как и любая естественная наука, начинает с описания физических признаков, которые можно измерить, взвесить и выразить в цифрах. После этой чисто описательной работы, которая делает максимально ясным зримый образ расы, можно переходить к не менее важным исследованиям психического склада, характерного для каждой расы. То, что это второй этап работы, вовсе не значит, что он второстепенный. Физические и психические особенности расы должны быть одинаково важны для расологии. Я выбрал такую последовательность лишь потому, что для оценки психического склада группы людей нужно сначала четко представить себе ее физическое отличие от остальных.

Данная книга написана не затем, чтобы пополнить ряд специальных трудов на эту тему. Она призвана обострить наблюдательность, более того: пробудить понимание расовой обусловленности человеческой среды и истории.

Как определить понятие «раса»? Начнем с вопроса: каковы внешние проявления расы? Как возникают образы разных рас? Когда речь идет о желтой или о черной расе, все понятно, но как наука выделяет разные расовые типы в Европе?

Расолог, приехавший в Германию из-за рубежа, сначала пришел бы в замешательство. Ему, прежде всего, бросились бы в глаза блондины и он отнес бы их всех к одной расе. Но потом, наблюдая разные оттенки, он столкнулся бы с затруднением: где граница между светлым и каштановым цветом волос? Но и без учета этих оттенков: есть блондины высокие и низкорослые, с короткой и длинной головой, с голубыми и карими (хотя и реже) глазами, с мягкими и жесткими волосами. Означает ли каждая вариация особую расу? С учетом такого же разнообразия среди брюнетов получится бесчисленное количество рас. Но даже если этот расолог выделит ряд отдельных рас, со временем он к тому же обнаружит, что от брака двух темноволосых брахикефалов могут родиться светловолосые дети с длинными головами или один темноволосый короткоголовый и один светловолосый длинноголовый ребенок или дети переходных типов. **В расы следует объединять лишь такие группы людей, которые всегда воспроизводят себе подобных.**

Этот расолог быстрей сумел бы сориентироваться, если бы попал в область Европы со сравнительно однородным населением. В Швеции или Шлезвиг-Гольштейне он встретил бы особенно много высоких, светловолосых и голубо-

глазых людей с узкими, длинными головами, светлой кожей, мягкими волосами и рядом других особых признаков, в Альпах – низкорослых людей с каштановыми или черными волосами, с короткими, круглыми головами, плоским носом, желтовато-коричневой кожей и более жесткими волосами; в горах Албании, Боснии и Сербии, а также в австрийских Альпах – высоких, черноволосых людей с короткими головами и сильно выступающим носом и т.д. Тогда заезжий расолог быстрей создал бы классификацию, соответствующую действительной расовой картине Европы. Но в населении, живущем на территориях между названными областями, вышеописанные признаки смешаны.

Если пересечь Европу по линии от Шлезвиг-Гольштейна до Южной Италии, будет наблюдаться следующая картина: в небольшой области на северо-западе Германии, где преобладают высокие голубоглазые блондины-долихокефалы, население уже неоднородно, его меньшинство имеет более низкий рост и более темные волосы. Процент темноволосых людей увеличивается по мере продвижения на юг и становится все заметней к югу от Гарца. Очень разнообразно население Центральной Германии, где часто в одной семье разные признаки поразному распределяются среди детей. Такая же картина и в Южной Германии, но там все больше низкорослых, темноволосых брахикефалов; в ряде альпийских областей они преобладают. На севере Италии, в долине По, картина опять становится запутанной: здесь снова увеличивается число блондинов. К югу от Умбрии они исчезают, далее живут темноволосые брахи- и долихокефалы; последние постепенно становятся преобладающими.

Иные переходы наблюдаются в баварских Альпах и Тироле. Следуя оттуда в горные области Югославии и Албании, мы опять встретим там однородное население: высоких брахикефалов с выступающим носом. В Греции – опять мешанина.

Если двигаться из Германии на восток, будет увеличиваться число приземистых, широколицых блондинов, особенно часто встречающихся в ряде польских и русских областей.

Где же живут чистые расы? Неужели они составляют только меньшинство в пяти описанных областях? Можно ли считать особыми расами низкорослых блондинов-долихокефалов, высоких брюнетов-долихокефалов, широколицых людей с сильно выступающим носом или вообще нет никаких рас и все это лишь бессмысленная игра природы? У родителей-брюнетов рождаются дети-блондины, у высоких родителей – дети маленького роста.

Наличие пяти областей со сравнительно однородным населением еще не позволяет сделать выводы, не дают доказательств и раскопки доисторических и ис-

торических погребений, так что исследование европейских рас находится пока на начальном этапе. **Деникер** («Расы и народы Земли») в 1898-99 гг. еще не пришел к четкому различению чистых рас и смешанных популяций. Он насчитывал в Европе шесть основных и четыре вторичные расы. В вышедшем в 1926 г. после его смерти втором издании, к сожалению, не учтены результаты исследований после 1900 года. **Рипли** («Расы Европы», первое издание – 1899 г.) исходил из наличия трех европейских рас. Но результаты исследований показывают, что в Европе **пять** основных рас.

Кроме этих пяти основных рас можно тут и там найти более слабые или более сильные следы влияния других рас, особенно доисторических. Сильное влияние палеолитической кроманьонской расы прослеживается в Германии.

Но даже если бы при смешении рас, зашедшем еще дальше, чем сегодня, людей чистой расы вообще не было бы, даже если бы области сравнительно чистых рас исчезли в результате скрещивания, даже если бы картина распределения признаков везде казалась на первый взгляд одинаково пестрой, даже и тогда во многих случаях можно было бы проследить рассеянные в этой пестроте части чистых расовых типов и благодаря своеобразным корреляциям признаков составить представление о первоначальных чистых расовых типах.

Сбор данных о таких признаках, как рост, цвет волос, форма черепа и т.д. позволяет выявить определенные корреляции отдельных признаков, например, чем больше в населении темных глаз, тем больше темных волос и наоборот; чем выше рост, тем (за исключением Адриатики, ряда альпийских областей и Северо-Востока Европы) чаще встречаются светлые волосы и глаза; чем больше среди населения блондинов, тем больше длинноголовых (кроме Северо-Востока Европы). Темные волосы сочетаются в Германии с малым ростом, круглой головой и курносым носом.

Таким образом, сегодня, когда смешение рас не зашло еще слишком далеко, можно выявить определенные корреляции различных признаков и в конечном итоге – чистые расовые типы. Так как при скрещивании двух или более рас отдельные признаки наследуются раздельно друг от друга, корреляции не во всех случаях указывают на расы; они могут соответствовать часто встречающимся сочетаниям признаков двух или более рас.

На карте Англии области с населением самого высокого роста это также области самой светлой пигментации и самых длинных черепов. То же самое во Франции, но ее средиземноморское побережье – область низкого роста, темной пигментации и ярко выраженной долихокефалии, а между двумя длинноголовыми расами живет низкорослая, темная, короткоголовая раса. На Адриатике и в ряде

альпийских областей различаются два типа темноволосых брахикефалов: высокий с сильно выступающим носом и низкорослый курносый. На востоке Германии, балтийском побережье и в Польше встречаются два типа блондинов: высокие долихокефалы с узким лицом и узким носом и низкорослые брахикефалы с широким лицом и широким носом. Корреляции отдельных признаков позволяют в конечном итоге прийти к выводу о существовании **пяти** определенных европейских расовых типов.

После того, как определены основные признаки основных расовых типов Европы, можно перейти к другим признакам, таким как мягкость волос, форма века, рта, подбородка, ушей и т.д., которые лучше изучать в местах сохранения чистых расовых типов. Небольшие примеси слабо представленных рас, в частности, доисторических, считающихся «вымершими», могут быть настолько рассеяны, что по ним трудно составить четкое представление об исходном типе. Но явления наследственности можно объяснить только существованием определенных расовых типов. Поэтому глубокое знание расовых явлений и правильное решение спорных расовых проблем возможны только при знании законов наследственности.

Из всего вышесказанного наиболее целесообразным представляется следующее **определение расы**: раса это однородная группа людей, которая всегда воспроизводит себе подобных. «Однородная группа» означает, что данная группа по свойственному ей сочетанию физических признаков и душевных качеств отличается от любой другой. Теперь соединим вместе оба предложения:

Раса представляет собой группу людей, которая по свойственному ей сочетанию физических признаков и душевных качеств отличается от любой другой и всегда воспроизводит только себе подобных.

Крайне редко бывает, что такая группа живет как замкнутое целое, имеет одну веру, один язык и представляет собой один народ. Такими замкнутыми расовочистыми группами остаются сегодня отдельные племена эскимосов, такими были и вымершие тасманийцы. Повторим еще раз: народ и раса это разные вещи. Карты распространения народов, языков и рас не совпадают.

(Примечание. Если современный человек, с зоологической точки зрения, представляет собой единый вид, то отдельные расы следует считать подвидами (разновидностями). Но есть также основания считать сильно отличающиеся друг от друга по наследственной картине человеческие **расы отдельными видами**. Этот вопрос еще не выяснен окончательно).

Расология попадает в щекотливое положение, когда она объявляет большую часть европейцев гибридами. Это делает ее неудобной для «познания самого себя» наукой. Распространение знаний о расологии Европы особенно затруднено тем, что установленные этой наукой факты наталкиваются на всеобщие предрассудки и сопротивление. Результаты, достигнутые расологией, в повседневной жизни очень легко искажаются и в искаженном виде передаются дальше без критической оценки или применяются к отдельным случаям и часто тоже без критической оценки, как и отвергаются без нее. Расология для общественного сознания нечто совершенно иное, чем просто еще одна наука: она имеет дело с тем, что близко касается каждого человека и к чему каждый человек особенно чувствителен – с неизменными наследуемыми и передаваемыми по наследству физическими и психическими особенностями человека.

2. Об истории расологии и смежных наук

Древние ассирийцы, вавилоняне и египтяне хорошо умели подмечать расовые признаки. Они оставили изображения, на которых очень верно воспроизведены расовые особенности других народов. Это изображения евреев, негров, а также светловолосых голубоглазых племен. Попытки описания рас, точнее народов, в древней Греции предпринимали Геродот, Гиппократ и Аристотель, в Риме – Лукреций и Страбон. Но серьезный интерес к расовым явлениям совпал с великими географическими открытиями и с последующими веками. В XVIII веке появились люди, которые в солидных трудах систематизировали накопленные наблюдения, включили человека в животное царство и попытались классифицировать человеческие расы: швед Линней (1707-78) и француз Бюффон (1707-88). Линней также первым выделил нордическую расу, которую назвал «Homo europaeus». XVIII и XIX века принесли с собой новые открытия. Особое внимание уделялось тогда вопросу о моногенезе или полигенезе человеческих рас, т.е. ввиду больших различий между расами ставился вопрос, восходят ли расы к одной или нескольким исходным формам. **Гете**, например, принимал идею полигенеза. Сегодня наука больше склоняется к идее моногенеза.

Создателем современной антропологии был немец Иоганн Фридрих **Блюменбах** (1752-1840). Именно он дал описание расовых различий форм черепов и сделал попытку классификации человеческих рас. Но впервые признал расологию самостоятельной наукой и определил ее место среди других наук **Кант** в своей работе «О различных расах людей» (1775). Голландец Петер Кампер (1722-89) положил в основу своих исследований измерение «лицевого угла» и тем самым впервые ввел в расологию количественные показатели. Работы Ламарка (1744-1829) и Дарвина (1809-82) дали мощные стимулы развитию антропологии. В XIX веке в разных странах быстро стали создаваться одно за другим большие

Антропологические общества, многочисленные журналы которых сыграли очень важную роль в развитии науки. Столь же быстро появлялись один за другим труды по расологии европейских народов. Изучение исторических и доисторических рас позволило сделать важные выводы. Помощь со своей стороны оказала и археология: ученые научились различать каменный, бронзовый и железный век. Развивая методику измерений, швед Андерс **Рециус** (1796-1860), «отец краниометрии», впервые ввел деление черепов на «длинные» и «короткие» и на этой основе классифицировал человеческие расы (1840 г.). В 1842 г. он ввел в расологию первый указатель – соотношение длины и ширины черепа. Особые заслуги в развитии методики измерений имеет француз Поль Брока (1824-89), основатель Парижской антропологической школы. Произведенный им отбор наиболее важных измерений оказался целесообразным и был принят за основу. **В 1841 г.** «Записки Этнологического общества» (том 1) впервые высказали идею, которая сегодня определяет направление антропологических исследований: «В одном народе всегда представлены несколько рас; из этой смеси следует выделить чистые расовые типы». Но пришлось ждать новейшего времени, пока этот тезис, который повторил и Топинар (см. главу 1), плодотворно повлиял на расологию, хотя «общее образование» все еще продолжает путать народ и расу.

Началось расовое исследование целых европейских стран. В 1874-77 годах в Германии, Австрии, Швейцарии и Бельгии были проведены т.н. вирховские обследования школьников, названные по имени их инициатора, человека, который был пионером расовых исследований в Германии, – Рудольфа **Вирхова** (1821-1902). За ними последовали такие же обследования школьников в других странах. Так постепенно создавались основы для описания европейских рас. Книга Деникера «Расы и народы Земли» вышла в 1898-99 гг., «Расы Европы» Рипли с множеством карт и рисунков – в 1899 году. Предпосылкой были исследования по отдельным странам: в Италии их проводил Ливи, в Англии Беддоу, результаты по Германии описал Р. Вирхов, по Бельгии – Кетле, по Франции – Брока, Коллиньон и Топинар – всех не перечислить. К сожалению, в Германии остаются белые пятна, – меньше всего исследованы ее центральные и северные земли.

Мощную поддержку расологии оказало изучение наследственности. Путь был проложен еще Дарвином; его кузен Фрэнсис Гальтон (1822-1911), «отец евгеники», далеко продвинулся по этому пути, но главную роль сыграл зоолог Август Вейсман (1834-1914), который углубил знания процессов наследственности и учение которого получило подтверждение в результате повторного открытия в 1900 г. работ августинского священника Иоганна Менделя, относящихся к 1882-84 годам. «Как яркая комета открытие исследований Менделя после того, как сам исследователь давно умер, осветило небеса естественных наук и подхлест-

нуло биологию, заставив ее развить бурную деятельность… И теперь учение о наследственности из более или менее шатких предположений превратилось в точную науку» (Г.В. Сименс. Учение о наследственности, расовая гигиена и демографическая политика. 4-е издание. Мюнхен. 1930).

Расовая гигиена – неудачное название, поскольку эта наука не связана непосредственно с расовыми исследованиями. Эта наука исследует процессы отбора, процессы, которые происходят внутри каждого народа и могут вести к биологическому прогрессу или вырождению; она указывает пути наиболее благоприятного влияния на наследственные качества народа. Поскольку она изучает и расовые составляющие народа, намечается взаимодействие с расологией. Вильгельм Шалльмайер (1857-1919) и Альфред Плётц – вот имена, которые здесь следует назвать. Плётц основал в 1904 г. «Архив фюр Рассен-унд Гезелльшафтсбиологи», один из важнейших журналов по расологии и евгенике, а в 1905 г., Международное и Немецкое общество расовой гигиены. Понимание чрезвычайной важности изучения наследственности для жизни государства привело к тому, что Швеция первой среди европейских государств с согласия всех партий шведского Риксдага основала в 1921 г. Государственный исследовательский институт расовой биологии. 15 сентября 1927 г. в Берлине – Далеме был открыт Немецкий исследовательский институт антропологии, изучения человеческой наследственности и евгеники.

Результаты исследований в этих областях заставили переосмыслить многое и другие науки. Так историческая наука постепенно стала переходить к взгляду на историю с точки зрения расологии. Стали все больше понимать, что жизнь и история народов обусловлены расовым составом этих народов. Толчок этому новому и, как все новое, встреченному критикой и насмешками взгляду на историю дала работа графа Артюра Гобино (1816-82) «Очерк о неравенстве человеческих рас» (1853-55). О значении этого труда см. Шеман «Расовые труды Гобино, его пьесы, история и критика «Очерка о неравенстве человеческих рас»« (1910), того же автора «Гобино. Биография» (1-ый том – 1913, 2-й – 1916), и Клейнекке «Расовая теория Гобино» (1920). Гобино первым указал на значение нордической расы в жизни европейских народов и на то, что ее смешение с другими расами готовит то, что сегодня вслед за Шпенглером называют «закатом Европы». Но книга Гобино оставалась неизвестной широким кругам германской общественности, пока Шеман не выпустил ее немецкий перевод в 1898-1901 г.

Еще до появления книги Гобино, в 1845 году немец Густав Фридрих Клемм (1802-67) опубликовал книгу «Распространение активной человеческой расы по земному шару», в которой попытался по-новому взглянуть на историю. Важной вехой была также работа «Origines Ariacae», которую выпустил в 1883 г. ав-

стрийский исследователь Карл Пенка. Но общеевропейское распространение новая идея получила только благодаря труду Х.Ст. Чемберлена (1855-1927) «Основы XIX столетия» (1899). Хотя эта работа не была подлинно научной и повредила прогрессу расологии из-за своих противоречий с научной антропологией, она, вызвав ожесточенное сопротивление с одной стороны и бурные восторги с другой, впервые внесла расовую идею в сознание самых широких кругов, достоянием которых стал и расовый взгляд на историю. Можно согласиться с оценкой, которую дал этой книге антрополог Ойген Фишер: «Независимо от шаткого обоснования многих отдельных положений и произвольного изменения смысла некоторых устоявшихся терминов, автор создал смелую идейную конструкцию, имеющую, конечно, тысячи уязвимых точек, но ее ядро остается неуязвимым».

Но в 1896 г. уже вышла книга «Социальный отбор» графа Жоржа Ваше де Лапужа (р. 1854), первое научное изложение расового взгляда на историю, а в 1899 г. вторая книга того же автора на ту же тему – «Ариец и его социальная роль». В том же направлении работали Отто Амон (1842-1915), Вольтман (1871-1907), «научный продолжатель Гобино» (Шеман), Вильзер (1850-1923) и другие. Как видим, расовый взгляд на историю только начинает утверждаться, так что неизбежны ошибки, с одной стороны, недоверие и насмешки с другой. Антропологическую историю всегда «резко отвергали антропология и история, которые она хотела связать, искажали фантазеры-дилетанты, но при спокойном рассмотрении становится ясным, что в ней содержится зерно истины, за которым большое будущее» (Ойген Фишер).

Для обозначения направления исследований этого достаточно. Если т.н. спиритуалистический (идеалистический) взгляд на историю считает ее движущими силами духовные и нравственные идеи, а т.н. материалистический взгляд – окружающую среду, экономические и вообще материальные условия, то расовый взгляд видит такую силу в самом человеке, но человеке, принадлежащем к определенной расе, особый дух которой влияет на события в жизни народа, обусловленной этой расой. При одинаковых внешних условиях, при одинаковых экономических и общественных условиях каждая раса вырабатывала свои особые, только ей свойственные навыки, жила особой духовной жизнью и руководствовалась своими нравственными воззрениями.

3. Названия европейских рас

Пять основных европейских рас не всегда назывались одинаково разными исследователями, которые их описывали. В данной книге частично использованы новые названия. Я сохранил названия нордической и динарской рас. Они при-

няты довольно единодушно и указывают на нынешние главные области обитания этих рас. Новыми являются термины восточная, западная и фальская раса. Термин «восточно-балтийская раса» заимствован у Норденстренга. Из названий внеевропейских рас я выбрал наиболее употребительные.

Нордическая раса. Признаки: высокий рост, длинная голова, узкое лицо с выступающим подбородком, узкий нос с высоким основанием; мягкие, светлые волосы, глубоко поставленные светлые глаза, розовато-белая кожа. **Первым** назвал эту расу нордической **русский расолог Деникер**. У Рипли это тевтонская раса, у Линнея и Лапужа – «Homo europaeus», у Брока – кимрский тип, у Колльмана – долихолептная раса, у Вирхова – франкская, у Рециуса – германский тип, у Серджи – нордическая разновидность евро-африканского вида, у Чекановского – тип a, у Рехе – тип II.

Западная раса. Признаки: малый рост, длинная голова, узкое лицо, подбородок выступает меньше; узкий нос с высоким основанием, мягкие каштановые или черные волосы, глубоко посаженные темные глаза, коричневатая кожа. Деникер различает две разновидности: иберо-островную и прибрежную или атланто-средиземноморскую. У Серджи эта раса называется также евро-африканской. В трудах немецких авторов (в частности, у Л. Ф. Клаусса) встречается также название средиземная раса, но обычно ее вслед за Серджи называют средиземноморской. В научной классификации часто употребляется термин «Homo mediterraneus», у Серджи это средиземноморская разновидность евро-африканского вида, у Лапужа – Homo meridionalis. Английские исследователи раньше называли эту расу иберийской, французские и итальянские – лигурской. Я выбрал название «западная» раса, потому что оно лучше, чем «средиземноморская» указывает на нынешнюю и доисторическую область распространения этой расы. Название «средиземноморская» раса отвлекает наше внимание от того факта, что люди этой расы живут также в Шотландии, Южной Англии и Ирландии. Мое мнение о правильности этого выбора укрепила книга К. Шухардта «Древняя Европа», 2-е изд., Берлин, 1926, в которой на основании археологических находок он показал, как цивилизация, возникшая в Западной Европе на территории нынешних Англии, Испании и Франции, распространилась вдоль берегов Средиземного моря.

Динарская раса. Признаки: высокий рост, короткая голова, узкое лицо, крутой затылок, сильно выступающий нос, каштановые или черные волосы, карие глаза и коричневатая кожа. У Деникера эта раса называется динарской или адриатической, у фон Хёльдера – рето-сарматским или просто сарматским типом, у Чекановского это тип d. «Acrogonus» Лапужа имеет ряд сходных черт с этой расой. У Рипли и его последователей этой расы нет, они видят в ней особый вариант восточной расы. Название «адриатическая» подходит меньше, потому что

побережье Адриатического моря это также Италия и Северная Греция. Название «динарская», данное Деникером, не вводит в заблуждение и короче. Оно предпочтительней, потому что Динарские Альпы – область наибольшего сосредоточения этой расы.

Восточная раса. Признаки: низкий рост, короткая голова, широкое лицо с невыраженным подбородком; короткий, курносый нос с плоским основанием; жесткие каштановые или черные волосы; выпуклые, карие глаза; желтовато-коричневая кожа. У Деникера эта раса называется западной или севеннской, Рипли вслед за Лапужем называет ее альпийской. Брока употребляет термин «кельтский тип», некоторые французские и итальянские исследователи говорят о «кельто-славянском» типе. Фон Хёльдер называет его туранским, Беддоу – овернским, Серджи – евразийским. Вирхов выделял южно-немецкий брахикефальный тип, Рециус – ортогнатный брахикефальный тип; сегодня эту расу часто называют монголоидной и туранской, в латинской номенклатуре часто употребляется термин Лапужа «Homo alpinus». Рециус называл эту расу также **славянско-ретской**, Вильзер – просто круглоголовой. Тип w Мыдларского имеет общие черты с восточной расой.

Я выбрал название «восточная», потому что оно указывает на связь с Азией, но не такую связь, пробы причислять эту расу к монголоидам. Название «альпийская», по моему мнению, уводит на ложный путь: людей этой расы ищут только в Альпах, а это, большей частью, область смешения динарского и восточного типов. Предполагают даже, что эта раса возникла под влиянием среды. Но откуда «альпийские» люди в Голландии, Дании, Норвегии?

Восточную расу не надо путать с «восточно-европейской расой» Деникера или ориентальной расой.

Восточно-балтийская раса. Признаки: низкий рост, короткая голова, широкое лицо с невыраженным подбородком и широкой, массивной нижней челюстью, довольно широким, вогнутым носом с плоским основанием; жесткие, светлые волосы, слегка скошенные, выпуклые, светлые глаза, светлая кожа. Некоторые исследователи не выделяют эту расу, как особую, а считают ее лишь часто встречающейся миксовариацией признаков разных рас. Восточно-балтийскую расу иногда называют финской (Городченко, Силинич, Серджи), у Серджи это «Homo arcticus fennicus», у **Деникера** – **восточноевропейская раса**, у Рудольфа Пёха и Крайчека – восточная раса, русский расолог Бунак называет ее «балтийской». Это может привести к тому, что эту расу будут путать с народами, говорящими на балтийских языках (литовцами и латышами). Польский расолог Столыгво предложил для близко стоящего к восточно-балтийской расе типа, смешанной восточно-балтийско-нордической формы,

название «фанобрахикефалы». Я выбрал предложенное Норденстренгом название, соответствующее нынешней области распространения этой расы.

Нельзя употреблять в качестве названий рас названия народов, такие как тевтонская, франкская или германская для нордической расы, славянская или финская для восточно-балтийской расы и кельтская или южно-немецкая для восточной расы. Такие названия как туранская, сарматская и рето-сарматская тоже вводят в заблуждение. Хотя выяснено, что германцы, т.е. и франки, и тевтоны были народами нордической расы, все равно, названия народов использовать нельзя, иначе опять будут восприниматься как расовые различия между германцами и романцами, германцами и славянами и т.д. и на славянина или финна нордической расы будут смотреть с недоумением.

Фальская раса. Признаки: очень высокий рост, долихо- или мезокефалия, широкое лицо с выступающим подбородком и широкой нижней челюстью, нос средней (по европейским масштабам) ширины, светлые волосы, светлые (голубые или серые) глаза в низких глазницах, светлая кожа. Некоторые исследователи не выделяют эту расу как особую, а считают ее вариантом или результатом скрещивания нордической расы. Паудлер, Хенчель и Керн называют эту расу дальской (по местности Даларне в Швеции), Ленц – атлантической. Есть мнение, что фальская раса – реликт древней кроманьонской. Название «дальская» представляется мне неудачным, так как в Даларне всего 4,18% людей этого типа, что может быть результатом скрещивания нордической и восточно-балтийской рас.

Зато в Вестфалии этот тип бросается в глаза, поэтому я предпочитаю название «фальская раса». Вестфалия – та область Европы, где лучше всего сохранились остатки древней кроманьонской расы. Поскольку слово «фальский» как название племени больше не применяется, его можно использовать как название расы. Как и другие названия рас, оно указывает на область преобладания или (в данном случае) наилучшего сохранения определенной расы. Название «атлантическая раса» может вызвать путаницу с «атлантическими культурами» – термином, применяемым рядом этнографов (Фробениус, Вирт). К тому же в начале прошлого века это название использовал Дж. С. Причард (J.C. Prichard. Researches into the Physical History of Mankind. 3-е изд. 1837) для обозначения европейских и североафриканских народов преимущественно западной и хамитской (эфиопской) расы.

4. Физические признаки нордической расы

Фигура. Люди нордической расы высокие и стройные. Средний рост взрослых мужчин 1,75-1,76 м, нередко он достигает 1,90 м. И дело тут не в чрезмерной длине ног, как, например, у негров с верховьев Нила. По пропорции длины ног ко всей длине тела эта раса занимает как раз среднее положение между коротконогими монголоидами и некоторыми высокорослыми тропическими племенами. Высота седалища равна примерно 52-53% высоты тела.

Рост у людей нордической расы продолжается дольше всего, он может быть значительным и в период между 20 и 25 годами. В южной Италии он заканчивается раньше, чем в северной, в Бадене он за этот период меньше, чем в Швеции. Установлена взаимосвязь между достижением половой зрелости и завершением роста. Поскольку у людей нордической расы дольше период роста, половое созревание наступает позже.

Мужчины нордической расы кроме высокого роста отличаются широкими плечами и узкими бедрами. Стройность мужских бедер подчеркивается очень характерным для нордической расы признаком, т.н. античной тазовой складкой, мышечным утолщением, идущим от спинного хребта через бедро вперед и вниз. Эту расовую особенность любили подчеркивать древнегреческие скульпторы. Особое утолщение верхней части коленной чашки также представлено в Европе, главным образом, у нордической расы.

Расовой стройностью отличаются и нордические женщины, несмотря на женственные формы тела. Здесь наблюдается эффект т.н. ложной худобы: нордические женщины в одежде кажутся худыми несмотря на развитые женские формы.

Стройность проявляется в формах всех частей тела: шеи, рук, ног, бедер. Отношение длины рук к длине тела такое же как в случае с длиной ног: руки у людей нордической расы не такие короткие как у монголоидов и не такие длинные как у негроидов. Размах рук у людей нордической расы равен 94-97% длины тела. Кнооп установил эти цифры при исследовании нордического населения Нижней Саксонии; по его данным, чем длинней голова, тем больше этот показатель приближается к 94.

Художнику у людей нордической расы бросается в глаза свобода, присущая каждой части тела, каждому мускулу, будто они подчинятся своим особым законам формообразования при сохранении гармоничного целого.

Череп. Такой же стройностью, как и тело, отличаются формы черепа. У людей нордической расы длинный череп и узкое лицо. Средний черепной указатель около 74 (на голове живого человека это соответствует цифре 75-75,5). Ширина нордической головы относится к ее длине как 3:4. Многие исследователи доводят продольно-поперечный указатель для живых представителей нордической расы до 77,9, Деникер даже до 79. (В то время как Колльман берет за среднюю величину черепной указатель нордической расы 71,5, Ойген Фишер – 76-79.) Я полагаю, что головы или черепа с указателем до 79 можно считать нордическими, если у них выпуклый затылок, характерный для нордической расы. Вероятно, ширина головы и черепа нордической расы варьирует в большем диапазоне нежели тот, который ограничен указателем менее 75. В любом случае долихокефалия нордической расы ближе к мезокефалии, чем ярко выраженная долихокефалия негров или эскимосов.

Ширина нордического лица относится к длине как 10:9, но частым бывает и соотношение 10:10. Можно сказать, что лицевой указатель нордической расы выше 90. Длинноголовость – в сочетании с узколицестью делают форму головы такой, что ее можно заключить в прямоугольник. Эта форма бросается в глаза у нордических людей с короткими волосами или лысых, особенно при поворотах головы. Если круглая голова при повороте не меняет форму – шар выглядит одинаково со всех сторон – то при повороте нордической головы особенно бросаются в глаза две длинные боковые плоскости. Если разделить голову при виде сбоку на два участка, один перед, другой за ушами, мы увидим, что нордическая голова развивается в длину, в основном, за ушами. Затылок, как уже говорилось, выпуклый. Если длинноголового человека поставить у стены, его затылок соприкоснется с ней, а у круглоголовых между его затылком и стеной останется промежуток. Нордический череп отличается сравнительно небольшой высотой участка за ушами, так что можно говорить о плоской форме этого черепа (у детей, однако, этот признак не выражен). Для нордической (и динарской) рас характерен сильно выступающий затылочный бугор. Сугубо нордическая черта – отросток височной кости. Если область за ушами у других европейских рас сравнительно плоская, у нордической расы там прощупывается заметное возвышение.

Черты нордического лица в профиль ярко выражены. Лоб с наклоном назад, глаза глубоко посажены, нос более или менее выступает. Челюсти и зубы расположены почти вертикально. Особенно резко выступает подбородок. Наличие трех выступающих частей производит впечатление агрессивности. Когда художник хочет выразить в чертах лица качества вождя, смелость, силу воли, он всегда рисует более или менее нордическую (или нордически-динарскую или нордически-фальскую) голову.

Анфас обращают на себя внимание узкий лоб, мало изогнутые брови, узкая спинка носа, узкий, угловатый подбородок. Голова в области висков сужена, будто ее с двух сторон сжимали в тисках.

Такому общему впечатлению способствуют и формы отдельных костей черепа и мягких частей лица. Убегающий назад лоб сочетается с заметными надбровными дугами и глабеллой (утолщением над переносицей). Эти признаки меньше выражены у женщин и у молодых людей. Глазницы имеют форму продолговатого эллипса или четырехугольника.

Очень важная черта лица – скулы. У нордической расы они не очень заметны, потому что повернуты вбок и расположены почти вертикально.

Отдельные расы различаются по форме носа. У нордической расы нос узкий, начинающийся с переносицы, так что часто нет видимой границы между ним и лбом («греческий нос»). В профиль он иногда прямой, иногда изогнутый наружу. Встречаются также вогнутые носы и носы, немного изогнутые наружу в нижней трети (частая форма в Швеции). Если нордический нос изогнут, он обычно описывает плавную дугу. Это скорее крючковатый или ястребиный нос, чем орлиный (изогнутый в верхней части), как у динарской расы. Отношение длины (высоты) носа по сравнению с другими участками лица у нордической (и динарской) рас больше всего, у западной расы оно меньше, а у восточной и восточно-балтийской рас меньше всего. Ноздри расположены под острым углом. Нордический нос развивается из детского курносого носа к 25 годам. Носы женщин у всех рас шире. У нордической расы встречается и форма носа, которая в профиль выглядит прямой, но слегка волнистой. Сильно выступающий вперед нос у людей нордической расы, как, например, у норвежского полярника Амундсена, бывает обычно и особенно узким.

Узостью нордического лица обусловлены и больший изгиб роговицы глаз, и узость челюстей и тесное расположение зубов, причем клыки располагаются под углом. Сугубо нордическая черта – большие и длинные верхние передние резцы.

Мягкие части лица. Эти части не смазывают впечатление узкого лица. Кожный покров лица имеет равномерную толщину, веки не толстые, прорезь между ними горизонтальная, у наружных углов глаз немного скошена вниз. Кожа на скулах тонкая, круглые щеки не делают круглым лицо. Кайма губ очерчена нечетко. Сами губы обычно узкие, но не кажутся сжатыми, верхняя губа часто меньше выступает, чем нижняя. У нордических англичан часто встречается очень высокая вертикальная верхняя губа. Бороздка под носом четко выражен-

ная и узкая. Уши сравнительно маленькие, хотя у всех рас величина ушей сильно варьирует и уши у всех людей растут до старости.

Кожа. Цвет кожи у всех рас вызывается отложением пигмента. Меньше всего этому подвержены нордическая и фальская расы. Нордический цвет кожи – розовато-белый, цвет кожи восточно-балтийской расы – светлый с серо-желтым отливом. **Только нордическую расу можно называть «белой»** в собственном смысле слова, да и то это будет не совсем правильно – совершенно белая коже бывает только у трупа. Даже самая белая кожа всегда имеет желтоватый оттенок. Розовато-белой делает кожу просвечивающая сквозь нее кровь. Там, где просвечивают вены, видна «голубая кровь». Но такая светлая кожа даже в северо-западной Европе встречается реже, чем думают. К тому же цвет кожи одетого европейца – недостаточное свидетельство его расовых свойств. Многие европейцы, загорев, становятся похожими на египтян или индусов. Только кожа нордической расы устойчива к солнечным лучам: она сильно краснеет, как при ожогах, но через несколько дней покраснение исчезает.

Толщину кожи отдельных европейских рас не измеряли. Кожа нордической расы особенно нежная и, похоже, тонкая. Согласно римским писателям, кожа германцев более чувствительна к ранам. О нежности нордической кожи свидетельствует и ее прозрачность. Выражение «голубая кровь» указывало на расовое происхождение знати. Румянец на щеках, «кровь с молоком» – эти и тому подобные выражения говорят о нордическом происхождении европейского идеала красоты.

Даже соски у мужчин и женщин нордической расы розовые, а у других европейских рас – коричневые. Только у нордической расы действительно красные губы.

Так как в тропиках пигментация кожи – средство ее защиты, нордическая раса не приспособлена к жизни в тропиках. Влияние тропического климата на разные европейские расы показал американец Вудрафф в своей книге «Medical Ethnology» (1915). Он отметил весьма вредное влияние сильного солнечного излучения на нервную систему светлых европейцев.

Связано ли появление веснушек с нордической кровью, неизвестно. Веснушки часто появляются у рыжеволосых людей, но у них, в отличие от нордической расы, жирная кожа. Но я часто наблюдал веснушки и у людей нордической расы.

Более темные участки кожи, в отличие от других рас, у чистой нордической расы не встречаются.

Волосы. По сравнения с другими расами Земли, нордическую (а также западную и, прежде всего, динарскую) расы следует причислить к более волосатым. У людей нордической расы хорошо растут волосы на голове, у мужчин – борода, но волосяной покров тела более слабый.

Цвет и форма волос на голове – признаки, по которым различаются расы. В Германии наблюдается феномен, который до сих пор не получил удовлетворительного объяснения, – потемнение волос у взрослых в возрасте около 30 лет. Так что только по цвету волос взрослых можно судить о расовой принадлежности.

Захождение волос на лоб я часто наблюдал у евреев. Нередко оно и у динарской расы. У нордической расы это явление не встречается.

Цвет волос нордической расы светлый, с вариациями от белобрысых волос до желтоватых и золотистых, обычно с более или менее явным красноватым оттенком. Пепельные волосы, чаще встречающиеся на востоке Германии и в северо-восточной Европе, скорее признак восточно-балтийской расы. Светлый цвет волос повлиял на европейский идеал красоты. По описанию римлян, германские дети имели такой же цвет волос, как и седые старики.

Раньше спорили, можно ли считать рыжие волосы нордическим признаком. Они часто сочетаются с очень белой и нежной кожей. В рыжеволосых видели реликт особой расы. Часто отмечали их особый запах, сравнимый с козьим. Но особой расой их считать нельзя, рыжие волосы особенно распространены в ареале нордической расы. В восточной Германии и восточной Европе вообще рыжих меньше, чем в северо-западной Европе, т.е. для восточно-балтийской расы это явление не характерно.

Рыжеволосость теперь считают явлением вроде альбинизма, так как рыжеволосые, как и альбиносы встречаются во всех расах. Поэтому говорят об эритризме или рутилизме и не рассматривают рыжие волосы как расовый признак. Сравнительно много рыжих среди шотландцев и еврейских полукровок.

Волосы нордической расы менее жирные, чем у других европейских рас. Они гладкие или волнистые, тонкие, часто «как шелк». Кудрявыми волосы чаще бывают у детей нордической расы, чем у взрослых. Особенности нордических волос хорошо показывают изображения женщин на многих картинах Рубенса. Нордические волосы можно распознать по той легкости, с которой они развеваются на ветру. Тонкие нордические волосы менее прочны, они легче отрываются.

Результатом скрещивания могут быть жесткие, нередко курчавые (например, среди евреев) светлые волосы или темные волосы с нордической структурой. **Структура волос больше говорит о расовом происхождении, чем их цвет.** Светлые волосы восточно-балтийской расы толстые и жесткие.

Волосы бороды у мужчин нордической расы тоже светлые, часто более рыжеватые. Индра изображался с рыжей бородой, как и бог грома древних германцев, а император Барбаросса – любимый образ немецкого фольклора. Волосы бороды кудрявые, как на древнегреческих статуях. Форма бороды не исследована.

При скрещиваниях, даже при темных волосах на голове, часто сохраняется светлая или рыжая борода – это подметил еще Аристотель.

Цвет глаз. Речь идет о цвете радужной оболочки, зрачок у всех рас черный. Конъюнктива у нордической расы совершенно бесцветная и кажется белой. У более темных европейских рас она более мутная или желтоватая.

Радужная оболочка у нордической расы очень светлая, голубая или серая. Дети обычно рождаются с темно-синими или темно-серыми глазами.

Есть мнение, что серые глаза «не нордические», что это признак скрещивания или признак восточно-балтийской расы. Я не считаю, что нордической расе свойственны только голубые глаза, хотя среди нее действительно больше голубых глаз, а среди восточно-балтийской расы – серых. Можно считать серые глаза признаком скрещивания нордической расы с темными европейскими расами, так как, по данным Вирхова, число серых глаз увеличивается в Центральной Европе не только к востоку, но и к югу. Серые глаза чаще сочетаются с каштановыми волосами, чем со светлыми. При скрещиваниях бывает, что цвет глаз наследуется от темной расы, а яркость глаз – от светлой. Так получаются светло-карие и зеленые глаза.

У нордических людей цвет глаз часто меняется в зависимости от освещения и настроения. Когда свет падает спереди, глаза кажутся голубыми, а когда сбоку – серыми. Их цвет – нечто среднее между голубым и серым. Но, поскольку серый цвет – доминантный, можно считать голубые глаза «более нордическими».

Темно-синие глаза, как у евреев или еврейских полукровок, или непрозрачные матово-синие глаза это всегда глаза гибридов. Они нередко встречаются при скрещивании с восточной расой. Нордическим глазам присущ светящийся цвет. На картинах часто видно преломление света темным кольцом, окружающим радужную оболочку.

С этими свойствами нордических глаз связано то особое впечатление, которое они производят. Темные глаза осматриваются, нордические – присматриваются. В возбужденном состоянии взгляд нордических глаз становится «ужасным». Такой взгляд приписывали германцам Цезарь и Тацит. Контраст темного зрачка со светлым обрамлением, наряду с соответствующей мимикой, делают взгляд германца не только «ужасным», но и «острым», о чем писал тот же Цезарь. Это связано с тем, что зрачок в возбужденном состоянии расширяется. Именно светлым нордическим глазам возбужденные состояния (радость, упоение борьбой) придают особый блеск, они начинают излучать свет. Римским воинам в борьбе против германцев пришлось привыкать к их взгляду, чтобы не пугаться его. Цезарь пишет о галлах, что они не могли выдерживать дикий взгляд германцев. Хаген («Песнь о Нибелунгах») имел такой же ужасный взгляд. Это свойство народов нордической расы приписывали героям, что выражено в «Эдде». Только нордические глаза могут бросать ужасный взгляд, глаза других рас в состоянии возбуждения могут выглядеть зловещими, угрожающими, даже ядовитыми, но мужественный гнев могут выражать только нордические глаза. Обычное их выражение – решимость, но диапазон выражаемых ими чувств большой, от мягкости до твердой воли господина.

Общее впечатление от черт нордического лица Гобино удачно называет «несколько суховатым». Особенно у мужчин среднего возраста бросается в глаза эта холодность, жесткость и деловитость нордических черт лица.

5. Физические признаки западной (средиземноморской) расы

Фигура. Западная раса – по Серджи, самая красивая ветвь среди человеческих подвидов – низкорослая, средний рост мужчин 1,61 м. В Испании, где эта раса преобладает, средний рост выше, в южной Италии рост снижается до 1,55 м. Здесь могут сказываться примеси других рас, например, в Испании – ориентальной. Но западная фигура, несмотря на малый рост, не выглядит коренастой. Пропорции тела примерно такие же, как у нордической расы. Западные люди тоже стройные, но грациозно-стройные в отличие от стройных и сильных нордических людей. Можно предположить, что у западной расы длина ног несколько выше пропорциональной, но в целом соотношение размеров частей тела почти такое же, как у нордической расы. Люди западной расы раньше кончают расти, у них раньше наступает половое созревание, но и раньше чем у нордической расы старческий распад. Западные дети часто умны не по возрасту, а в нордических взрослых часто еще много ребяческого. У меня создалось впечатление, что и западные мужчины и женщины более женственны, чем нордические. У западных мужчин не столь мужественная фигура, плечи не такие широкие, бедра не такие узкие, выражение лица мягче. У западных женщин более

подчеркнуты женские формы, у них более широкие бедра. Отсюда, а также от примеси ориентальной расы частые указания на «тяжесть испанских бедер», отсюда же талант алжирских женщин к танцам живота.

Грациозностью отличаются как все тело, так и его отдельные части: шея, руки, ноги. В итоге создается впечатление очень живого, гибкого, легкого тела, впечатление, которое еще более усиливают движения людей этой расы и ее душевный склад.

Череп. Как и у нордической расы, у западной тоже длинный череп и узкое лицо. Западный череп в соответствии с меньшей длиной тела меньше нордического. Головной указатель западной расы 70-75. Долихокефалия выражена здесь еще сильней, чем у нордической расы. Отношение длины лица к его ширине примерно такое же, лицо узкое. Строение черепа тоже примерно такое же, только на западном черепе нет надбровных дуг и глабеллы, а участок черепа за ушами несколько выше, не такой плоский, как у нордической расы. Лоб черепа западной расы более крутой и низкий, он имеет скорее изгиб назад, чем наклон назад, и не такой угловатый, как у мужчин нордической расы. Область наиболее сильного выступания затылка на черепе западной расы выше, чем на черепе нордической, отсюда впечатление заостренности затылка.

Лицо в профиль кажется более мягким, в нем нет жесткости и смелости нордических черт лица. Этому впечатлению способствует и более крутой, немного выпуклый лоб и не столь выдающийся подбородок. Глаза в глубоких глазницах. Часто встречающаяся скошенная и выступающая вперед челюсть в западных областях Средиземноморья указывает на примесь негритянской крови. Нос отличается высокой переносицей, высокой спинкой, форма слегка вогнутая, но часто также прямая или изогнутая. Длина (высота) носа по сравнению с другими частями лица несколько меньше, чем у нордической расы. Часто лицо можно обрисовать эллиптической линией и оно становится похожим на то, которое мы уже воспринимаем как «семитское».

Анфас это лицо отличается от нордического немного округленным лбом и нечетко выраженным подбородком. Остальные пропорции лицевых костей те же. Брови более высокие, чем у нордической расы.

Что касается мягких частей лица, то нос более мясистый, ноздри расположены не под таким острым углом, как у нордической расы. Рот шире, губы утолщены. Тонкие губы среди европейских рас встречаются только у нордической и фальской. Общее впечатление от лица западного типа: мягкое, привлекательное.

Кожа. Западная раса имеет коричневатую кожу, мягкую, бархатистую. Цвет кожи распределяется равномерно. Эта кожа от загара может стать такой, что ее обладателя перестанут считать европейцем. Благодаря обилию пигмента кожа западной расы непрозрачна, «голубую кровь» нельзя больше видеть, равно как и то, что человек краснеет. Румянец на щеках не присущ западной расе. Выражение «кровь с молоком» здесь не годится. Кожа губ западной расы вишневого цвета. Благодаря тому, что ее кожа защищена пигментом, западная раса лучше приспособлена к жизни в тропиках.

Волосы. Цвет волос темно-каштановый или черный, структура сходна с нордической. Волнистые волосы идут не ровными волнами, а превращаются в настоящие локоны. Волосы более жирные.

Благодаря темной окраске брови кажутся более густыми. Волосяной покров тела сильней, чем у нордической расы. Ресницы гуще и длинней, чем у других европейских рас. У западных (и динарских) женщин бывает темный пушок над верхней губой.

Цвет глаз. Конъюнктива глаза имеет желтоватый оттенок, радужная оболочка каряя, часто темно-каряя, с бархатистым, теплым оттенком. Выражение глаз западного человека можно описать как веселое, часто как добродушное, но часто и как дерзкое и хитроумное. «Смех, взгляд, мимика выражают грацию, жизнерадостность и подлинную красоту», – такова оценка итальянского расолога Серджи. Но можно говорить об особом выражении глаз только нордической расы, так как нордический глаз имеет три градации яркости и темный зрачок резко отличается от светлого окружения, тогда как при темных глазах зрачок и радужная оболочка легко сливаются в один темный фон, который ничего не выражает. То, что у темноглазых рас называют выражением глаз, это общее впечатление от самих глаз и глазниц.

6. Физические признаки динарской расы

Рост. Динарская раса – высокорослая. Люди самого высокого роста в Европе это динарцы и нордические обитатели Шотландии и Скандинавии. Средний рост мужчин – около 1,74 м. Пропорции тела динарской расы сходны с нордическими. Шея короче или толще, суставы не такие тонкие, руки более короткие. Короткие руки бросились мне в глаза на изображениях албанских воинов, в основном, динарской расы. Полнота тела – как у нордической расы. Обе расы высокие и стройные.

Многие динарские женщины отличаются шириной костей, что не характерно для женщин других рас. Особый признак динарской расы – длинные и узкие ногти на больших пальцах рук.

Череп. Динарская раса короткоголовая и узколицая. Черепной указатель в среднем 85-87, лицевой – 90-93. Такое сочетание короткой головы с узким лицом позволяет сразу же распознать динарский череп. Динарскую форму головы непривычный наблюдатель воспринимает как «высокую». Короткоголовость динарской расы легко отличить от короткоголовости восточной и восточно-балтийской рас, так как головной указатель динарской расы высок потому, что сравнительно мал продольный диаметр головы, тогда как головной указатель восточной и восточно-балтийской рас высок потому, что сравнительно велик поперечный диаметр. Динарская голова именно короткая, восточная и восточно-балтийская – круглая или широкая. Черепные указатели этих рас близки, но эти цифры мало говорят о **пропорциях форм** черепа. В случае динарской расы высокий головной указатель обусловлен короткой формой головы. Затылок не выступает и выглядит как обрубленный.

Узколицесть динарской расы редко сочетается с таким же узким лбом. Динарский лоб шире нордического, как вся часть черепа выше глаз. У нордической и западной рас эта часть черепа такая же узкая, как лицо.

При взгляде сбоку динарская голова кажется «высокой». Это обусловлено сочетанием длинного лица с короткой головой. Кажется, будто голова возвышается над вертикалью, являющейся продолжением носа, как холм. Затылок динарского черепа можно назвать плоским или крутым. Черепа с высоким указателем в альпийской области делятся на два типа: плоскозатылочные и выпуклозатылочные (Тольдт. К соматологии тирольцев). Первые черепа – динарские, вторые – восточные и восточно-балтийские, а также смешанные формы нордической или западной расы.

Если динарский череп при взгляде сбоку разделить посередине по вертикали, то особенно короткой окажется часть за ушами. Довольно сильно выражен затылочный бугор, который можно прощупать на голове живого человека.

Очертания лица в профиль четко отличаются от очертаний других рас. Лоб наклонен назад, как у нордической расы, но не настолько далеко, как у нее. Надбровные дуги не столь сильно выражены как у нордической расы и отличны по форме. У нордической расы они имеют вид волнистых выступов, у динарской – линии, изогнутой внутрь, так что самая высокая часть похожа на конек крыши.

Нос с высокой переносицей сильно выступает вперед, часто изгибаясь вниз под прямым углом, так что получается настоящий «орлиный нос». У **динарской** и **переднеазиатской** рас **носы выступают сильней всего** среди рас земного шара. При взгляде сбоку видна носовая перегородка. Рот грубо очерчен, губы толще и шире, чем у других европейских рас. Высокая нижняя челюсть отличает динарскую расу от нордической, равно как и формы лба и носа. Часто создается впечатление, будто нижние резцы выдвигают нижнюю губу вперед. Но здесь главную роль играют не кости: мягкие части нижней губы толще, чем у других европейских рас. Часто рот и подбородок динарских людей принимают форму вроде той, которая передается по наследству в роду Габсбургов, «Габсбургская нижняя челюсть» и «Габсбургская нижняя губа», по крайней мере, частично обусловлены динарской кровью. Динарская нижняя челюсть придает всему лицу грубое выражение. У нордической расы линия нижней челюсти идет от уха круто вниз, описывает угол и дальше идет почти по прямой вперед к подбородку, у динарской она идет от уха вниз не так круто, а скорее вперед, так что ее угол меньше подчеркнут, создается впечатление, будто нижняя челюсть идет от уха к подбородку почти по прямой. Угол, под которым сходятся линии нижней челюсти, кажется у динарской расы более тупым. Именно эти очертания нижней челюсти придают динарскому лицу грубое выражение. Такое удлинение нижней челюсти наблюдается у всех рас как возрастное, у динарской же – как расовое явление.

Спереди лицо также выглядит грубым. Нордическое лицо можно назвать скорее «узким», динарское – скорее «длинным». Характерен более широкий, меньше наклоненный назад и высокий лоб. У динарской расы лобные бугры сохраняются и у взрослых. Они есть у детей всех рас, но у других европейских рас они обычно с возрастом исчезают, а у динарской остаются. Другая особенность динарских черепов – небольшое возвышение, идущее по середине лба вертикально вниз. У детей лобная кость еще разделена на две половины швом, который срастается на первом-втором году жизни и исчезает; в отдельных случаях (в Европе их 12%) он сохраняется. У динарской расы на месте этого шва образуется утолщение.

Брови немного изогнуты, глаза кажутся большими, скулы не выступают. Нос книзу становится мясистым, толстым, что также придает лицу грубое выражение. Он длинней нордического носа. Если нос динарского человека и в нижней части остается узким, то в южной Европе можно говорить о западной, в центральной – о нордической примеси. Среди динарских народов довольно часто встречаются кривые носы. Губы широкие по сравнению с узкими губами нордической расы. Подбородок высокий, широкий и круглый, он «утяжеляет» лицо.

Черты лица динарских женщин часто слишком грубые, мужеподобные.

Мягкие части лица создают впечатление, будто кожа у динарской расы толще, чем у нордической. Нос и губы мясистые. Вся нижняя половина лица более мясистая, чем у других европейских рас. У мужчин резко выражена складка, ведущая от крыльев носа к углам рта. С возрастом образуются мешки под глазами, как у пьяниц.

Нередко встречающаяся особенность динарской расы – верхнее веко без складки. Уши, по крайней мере, у мужчин, велики по сравнению с ушами других рас.

Кожа – коричневатая, «южно-европейская».

Волосы. Волосяной покров тела у динарской расы более сильный, чем у других европейских рас. Волосы на голове темно-каштановые или черные, чаще кудрявые, чем прямые. Шеффельт обнаружил, что в Баварии и Австрии, т.е. преимущественно динарских областях, преобладают тонкие волосы. Борода растет сильно, брови густые. У женщин бывает темный пушок над верхней губой.

Цвет глаз. Динарские глаза темно-карие, часто настолько, что их можно называть черными. Общее впечатление – упрямая, грубая сила и самоуверенность.

Динарскую расу считают ветвью т.н. **переднеазиатской** расы или, по крайней мере, очень близкой к этой расе, которую называют также арменоидной, алародийской, каппадокийской, протоармянской, хеттской и таврической (Рехе). Последняя была широко представлена в хеттском народе, а сегодня – в армянском. Многие не разделяют эти расы, а говорят об одной расе, возникшей на Кавказе, в Сербии и в альпийских долинах Австрии. Другие, как например, Ойген **Фишер**, разделяют их, но рассматривают как **«расы-сестры»**. Автор того же мнения.

Прежде всего эти расы различаются ростом. Динарские люди – стройные, высокие, переднеазиатские (арменоидные) – среднего роста, коренастые. Поскольку речь идет о двух разных комплексах признаков, можно говорить о двух расах. Но если различия касаются лишь немногих признаков, две группы можно объединить в одно целое. Для него еще не нашли подходящего названия (предлагается «кавказская раса», потому что там ее прародина), а когда найдут, можно будет говорить о динарской и переднеазиатской ветвях этой расы.

Но ряд черт различает эти расы, притом не только рост; есть и особенности в строении черепа переднеазиатской расы. У ней выпуклая крышка черепа, высшей точкой которой является макушка; ко лбу крышка черепа снижается. Лицо шире, глаза больше выдвинуты вперед, скулы не горизонтальны, а слегка наклонены вперед, губы мясистые. Очень часто в профиль виден убегающий

назад подбородок. Верхняя губа выступает над нижней, нижняя над подбородком, что особенно заметно на фоне сильно выступающего носа. Переднеазиатский подбородок короче и ниже. У переднеазиатской расы нет характерного для динарской строения мягких частей губ. Если динарское лицо выглядит грубым, то переднеазиатское – хитрым.

Переднеазиатский нос выступает еще сильней, чем динарский, но он скорее свисает вперед, чем выдается вперед. Часто лоб и нос образуют одну линию, брови срастаются. Женщины переднеазиатской расы склонны к образованию второго подбородка, у мужчин очень волосатое тело. Для обоих полов характерны жировые отложения сзади на шее.

Переднеазиатскую кровь восприняли, прежде всего, евреи. Поэтому европейцы людей переднеазиатской расы обычно принимают за евреев, иногда и на динарские лица смотрят как на еврейские.

7. Физические признаки восточной (альпийской) расы

Рост. Во всей фигуре, вплоть до деталей строения тела, проявляется абсолютное отличие от нордической и западной расы. Средний рост мужчин в среднем 1,63 м. Рост заканчивается рано, рано начинается и старческий распад. Люди восточной расы часто имеют такой же рост, как и люди западной расы. Но если их поставить рядом, сразу же бросятся в глаза различия. Люди западной расы – маленького роста, люди восточной расы приземистые, коренастые. Их фигура кажется широкой, особенно по сравнению с людьми западной расы, и гораздо более тяжеловесной. Если у людей западной расы ноги сравнительно длинные, то у людей восточной расы – сравнительно короткие. Если человек восточной (или восточно-балтийской расы) встанет на четвереньки, его линия спины будет почти горизонтальной, а у человека нордической, западной или динарской расы она будет понижаться к голове.

Слово «коренастость» определяет облик этой расы в целом. Широкая, короткая голова сидит на короткой, мало подвижной шее и часто имеет т.н. «бычий затылок». Особенности женских форм тела у женщин восточной расы не подчеркнуты, у обоих полов нечетко выражены линии плеч и бедер. Торс выглядит массивным, грудь и живот имеют тенденцию принимать форму бочки.

Массивный торс сидит на массивных, коротких ногах с очень широкими бедрами. Размах рук по сравнению с ростом у восточной расы больше из-за коротких ног. Он равен 101-104% роста. Пальцы короче, на верхней части рук бывают жировые отложения. Все и везде широкое: пальцы, колени, пятки. Суставы

толще. У женщин восточной расы бывают жировые отложения на шее сзади на седалище.

Рипли определяет общее впечатление от фигуры восточного человека как тяжелую основательность. У женщин восточной расы часто бывает узкий таз, что вызывает затруднения при родах.

Череп. У восточной расы короткий череп и широкое лицо. Черепной указатель в среднем около 88. Ширина черепа относится к его длине в пропорции 9:10. Форму восточного черепа можно определить как круглую или широкую. Черепной указатель восточной (и восточно-балтийской) рас велик из-за большой ширины черепа, динарской – из-за очень короткого продольного диаметра.

Восточное лицо широкое. Ширина лица относится к его длине как 10:7 или 10:8, т.е. лицевой указатель заходит за 80, голова производит впечатление шарообразной, лицо анфас выглядит «как полная луна».

Голова выглядит круглой и сверху, и сзади. Если голову в профиль разделить на две части, одну перед ушами, другую за ушами, то, в отличие от длинноголовых рас, большая часть длины придется на участок перед ушами, а участок за ушами отличается своей высотой. Нордическая и западная головы кажутся сравнительно низкими, восточная (и динарская) – высокими. Теменные кости у короткоголовых рас Европы короче, чем у длинноголовых. Затылок не выступает. Затылочный бугор отсутствует. При взгляде сверху видно, что скуловые кости слева и справа выступают. В Европе это особенность восточной и еще более – восточно-балтийской рас. Теменная кость – с бугром (у всех рас такой бугор наблюдается только у детей). Женские черепа почти не отличаются от мужских.

Лицо в профиль притупленное, лоб крутой, выпуклый, надбровные дуги не выражены. Глазницы плоские, переносица глубокая и плоская, нос выступает мало, обычно слегка вогнутый, иногда прямой, но всегда тупой. Восточная и восточно-балтийская расы имеют самую маленькую длину (высоту) носа среди всех европейских рас. Но восточный нос редко столь же широк, как восточно-балтийский, и в отличие от него редко бывает вздернут. Подбородок невыраженный, круглый. Выражение лица можно назвать нерешительным. Впечатление такое, что черты лица как бы приспосабливались к черепу, тогда как у ранее описанных рас они как бы возникали из черепа.

Анфас бросается в глаза ширина лба и своеобразные круглые шишки по бокам лба. Восточную расу называют круглолобой. Брови с круглым изгибом, глазницы круглые и широкие, расстояние между зрачками больше, изгиб роговицы глаз меньше. Скуловые кости широкие, скулы немного скошены вниз. Средняя

часть лица имеет такую же ширину, как и верхняя. Зубы расставлены с большими промежутками, поэтому заболевания зубов вдвое реже, чем при их плотном расположении. Карта **зубных заболеваний** во Франции показывает, что эти заболевания наиболее распространены в тех частях страны, где преобладает **нордическая раса**. Зубы восточной расы раскусывают, зубы других европейских рас надкусывают.

Щеки анфас выглядят плоскими. Лица описанных узколицых рас скошены со стороны щек относительно вертикали, проведенной через центр лица, – у восточной расы этого не наблюдается, отсюда застывшее выражение лица. Часто это лицо имеет форму квадрата.

Мягкие части. Кожный покров головы более толстый, жировые отложения в крайних случаях образуют на щеках нечто вроде подушечек. Но, по моим наблюдениям, такие жировые отложения чаще и сильней у детей, чем у взрослых. Из-за этих отложений глаза кажутся распухшими. Кажется, что они меньше и слегка скошены.

Крылья носа расположены над верхней губой более плоско, чем у ранее описанных рас, ноздри образуют тупой угол.

Отличает восточную расу от других европейских рас (кроме восточно-балтийской и судетской) более широкая бороздка между носом и ртом. Г. Пёх приписывает восточной и восточно-балтийской расам широкие уши с вытянутыми мочками, а также длинную и прямую верхнюю губу.

Полные щеки у людей восточной расы часто свисают. Это делает лицо еще более широким и придает ему в старости отталкивающее выражение. Восточная раса имеет тенденцию к образованию второго подбородка.

Кожа. Кожа восточной расы кажется толще, чем у других европейских рас, но измерения не проводились. Внешне она выглядит какой-то мертвой. Кожа, как и у западной расы, темная, но с желтоватым оттенком. Даже если кожа светлая, розоватый оттенок не появляется. Кажется, будто кровь в нее не поступает. В старости кожа лица становится очень морщинистой.

Волосы. Волосяной покров тела сильней, чем у нордической расы. Волосы на голове не отрастают такими длинными, борода более редкая. Волосы толще: это характерная черта населения Шварцвальда и Граубюндена. По структуре волосы жесткие, но не такие жесткие, как у центрально-азиатских рас. Их нелегко уложить на голове. Цвет волос каштановый или черный. Жесткие и толстые волосы восточной расы легко отличить от столь же темных волос западной расы.

Цвет глаз. Конъюнктива желтоватая, радужная оболочка каряя, но более холодного оттенка, чем у западной расы. Выражение глаз у этих рас очень разное: у одной веселое, у другой – мрачное.

Среди восточной расы в германоязычной области – в Силезии и немецкой части Чехии, и вне Германии – в чешской части Чехии и на **Украине** встречается разновидность, несколько отличающаяся от описанного ране типа более широкими и высокими глазными прорезями, сильней выступающим носом и более решительным выражением лица. Примесь этого типа мог иметь силезский поэт Опиц, еще заметней она у силезского поэта Грифиуса и Гофмана фон Гофмансвальдау.

8. Физические признаки восточно-балтийской расы

Фигура. По пропорциям тела восточно-балтийская раса сходна с восточной, только производит более сильное впечатление. Речь идет о ширококостных, низкорослых сильных людях. Мужчины отличаются большой шириной плеч. У лиц обоих полов грубое телосложение. Обычно это люди с сильными мускулами. Средний рост несколько выше, чем у восточной расы, но вряд ли он превышает у мужчин 1,64 м. По полноте тела эта раса ближе всего к восточной.

Все части тела грубые и коренастые: широкая, короткая шея, короткие руки и пальцы, короткие, толстые икры. Впечатление приземистости усиливает тяжелая и большая голова. Люди восточно-балтийской расы созревают поздно. На черепах 18-20-летних людей Рециус не обнаружил половых признаков. Но для восточно-балтийской расы характерно и раннее старение. Великороссы, преимущественно восточно-балтийского типа или с его сильной примесью, 40-летних людей часто считают уже стариками.

Череп. По сравнению с ростом большой и тяжелый череп не такой круглый, как у восточной расы. Хотя восточно-балтийская раса тоже короткоголовая и широколицая, ее черепа более грубые, костистые, тяжелые и, прежде всего, более угловатые, чем восточные. Они имеют больше утолщений и бугров. Но более всего характерна для восточно-балтийской расы большая по сравнению с мозговой частью лицевая часть черепа. Черепной указатель немного меньше, чем у восточной расы, восточно-балтийские черепа (как и центрально-азиатские) менее короткие. Несмотря на большую ширину черепа, указатель меньше потому, что восточно-балтийский череп более выпуклый на затылке, чем восточный. Этот череп имеет широкий лоб с буграми. Ширина особенно заметна в верхней части лба. При взгляде сверху скуловые кости заметны больше, чем у восточной расы, но меньше, чем у центрально-азиатской.

В профиль заметна массивность лицевой части, особенно нижней челюсти, даже у женщин. Лицо выше, чем у восточной расы. Угол нижней челюсти больше, чем у других рас, приближается к прямому углу. Лоб не такой гладкий и круглый, как у восточной расы, с наклоном назад, но не таким большим, как у нордической расы. Переносица более плоская, чем у восточной расы, но нос больше выступает в средней и нижней части. Спинка носа вогнутая, нос в нижней части вздернут (И в профиль, и анфас нос восточно-балтийской расы имеет самую некрасивую форму из всех носов европейских рас). Подбородок уходит назад и еще менее выражен, чем у восточной расы. Особенно бросается в глаза массивность нижней челюсти.

Грубость черт видна и анфас. От других европейских рас эту отличают массивная и широкая нижняя челюсть и безобразный нос. Лоб более плоский, чем у восточной расы, и широкий. Брови немного изогнуты вверх. Обращает на себя внимание сравнительно большое расстояние между внутренними углами глаз. Нос обычно имеет довольно широкую и плоскую переносицу и настолько расширяется книзу, что по западным понятиям о красоте он «безобразен». Ноздри взаимно расположены под тупым углом. Нижняя часть носа более мясистая, чем у восточной расы. Нос у восточно-балтийской расы вздернут больше, чем у других европейских рас, за исключением судетской.

Скуловые кости массивней, чем у других рас, и слегка наклонены наружу вниз, поэтому больше выделяются, чем у других рас Европы. Благодаря ширине скуловых костей восточно-балтийское лицо выглядит широким, как восточное, хотя оно выше. Лицевой указатель выше, чем у восточной расы, в среднем 85. Выступание челюстей заметно и при взгляде спереди (по Рециусу, это указывает на прогнатизм). Продолжением широкого восточно-балтийского лица является массивная и широкая нижняя челюсть, короткая и высокая, что отличает ее от нижних челюстей ранее описанных рас Европы. Нижняя часть лица образует треугольник, стороны которого сходятся на подбородке под очень тупым углом.

Мягкие части восточно-балтийского лица не делают его формы такими круглыми, как у восточного лица. Кожа кажется сильней натянутой. Ширина лица в области щек определяется не жировыми отложениями, а шириной нижней челюсти. Сильно выражены складки от крыльев носа к углам рта. Рот шире, чем у других европейских рас, за исключением фальской.

Глаза кажутся маленькими из-за сравнительно коротких и низких прорезей, которые немного поднимаются у наружных концов. Так что создается впечатление косых, даже «монгольских» глаз.

Кожа светлая, но без розоватого оттенка нордической кожи, а скорее с серым оттенком, который может стать настолько сильным, что кожа перестанет восприниматься как светлая. Эта кожа может быть и «оливково-серой» (Рециус). Загар делает эту кожу лишь немного более темной.

Волосы. Волосы на голове жесткие, светлые, но их можно отличать от нордических светлых волос, которые обычно имеют золотистый или рыжеватый оттенок, а восточно-балтийские волосы – серый оттенок. Нордическую расу можно назвать золотисто-светлой, восточно-балтийскую – пепельно-светлой. Больше всего сближаются по цвету волосы этих двух светлых рас у детей.

Цвет глаз – светлый, редко собственно голубой, обычно водянисто-голубой или как у «чуди белоглазой». Часто встречаются серые глаза. Но эти глаза не светятся, как глаза нордической расы, и взгляд не такой открытый, как у нее. Трудно говорить о выражении глаз расы, отличающейся частой сменой настроений: обычно оно угрюмое, но более суровое, чем у восточной расы.

9. Физические признаки фальской (дальской) расы

Эту расу нельзя причислить к основным расам современной Европы, хотя она четко выражена в ряде мест северо-западной Европы и на Канарских островах. Одни считают ее реликтом палеолитического населения Европы, другие – разновидностью нордической расы.

Фальская раса отличается высоким ростом, фальские мужчины на несколько сантиметров выше нордических, но люди этой расы не стройные, а похожие на шкаф. Общее впечатление – впечатление тяжести: тяжелая головка на короткой шее сидит на широких, почти горизонтальных плечах, бедра тоже широкие и у мужчин. Руки и ноги, их суставы – широкие и тяжелые.

Широкое лицо сочетается с долихо- и мезокефалией. Нордическая голова при взгляде сверху имеет форму эллипса, фальская – форму клина, область за ушами – самая широкая. Лицевая часть массивная и широкая. Скулы широкие, лицо сравнительно низкое, нос короткий.

В профиль фальская голова имеет менее высокий и более крутой лоб, чем сильней наклоненный назад нордический. Заметней переход ото лба к крышке черепа, имеются лобные бугры. Характерно уплотнение лобной кости над глазницами. Надбровных дуг нет, утолщение проходит над обеими глазницами и переносицей, как у неандертальцев или современных австралийцев.

Глаза глубоко посажены и кажутся маленькими, переносица углублена, нос выступает сильней, чем у восточной расы, но меньше, чем у нордической. Высота (длина) носа меньше, чем у нордической расы. Нос прямой или слегка изогнутый, с тупым концом, у женщин он похож на нос мужчин восточной расы. Рот широкий.

Нижняя челюсть массивная, подбородок более грубый, чем у нордической расы. Черепная крышка еще более плоская. Затылок выступает сильней, чем у нордической и западной рас, но он, как и вся голова, более угловатый.

Анфас особенно заметно, что лицо низкое. Если голова лысая, видно, что теменные кости образуют купол, которого нет у других длинноголовых рас. Лоб уже средней части лица. Брови густые, почти прямые. Глаза сидят глубоко и кажутся маленькими. Расстояние между внутренними углами глаз больше, чем у других европейских рас, за исключением восточно-балтийской. Часто правый глаз виден лучше, чем левый, и кажется «больше». Скуловые кости фальской расы отодвинуты выше и дальше назад, чем у центрально-азиатской и восточно-балтийской рас. Нос шире и короче нордического, имеет более широкую спинку, кончик носа часто бывает опущен. Крылья носа толстые и тоже опущены. Рот широкий, губы тонкие. Нижняя челюсть широкая и массивная, с широким подбородком, шея короткая.

Складки от крыльев носа к краям губ появляются уже у молодых людей, равно как и складка над переносицей. Вообще сильна тенденция к образованию морщин. Раньше, чем у других рас, появляются морщины на лбу.

Кожа розовато-светлая, у молодых людей на лице более румяная, чем у нордической расы. Кожа всего тела более толстая.

Волосы на голове более плотные и жесткие, чем у нордической расы, реже прямые, чаще волнистые. Сохраняются до глубокой старости дольше, чем у других европейских рас. Волосы светлые, с более сильной, чем у нордической расы, тенденцией к рыжеватым тонам.

Глаза светлые, но скорее серые, чем голубые.

10. Прочие физические признаки. Судетская раса

Разумеется, и строение мускулов имеет расовые различия. Мне кажется, например, что мышцы лица восточной и восточно-балтийской рас имеют иную струк-

туру, нежели у узколицых европейских рас: они шире и расположены так, что сильней влияют на черты лица, например, при смехе. У других рас натяжение окружающих мышц меньше влияет на форму носа.

Следует также обратить внимание на отдельные явления, которые, хотя и наблюдаются, до сих пор не соотнесены ни с какой определенной расой. Сюда относится форма глазного века, которую называют «патологической», т.н. **эпикантус**. Он особенно часто встречается у **мюнхенских детей**, но у взрослых он обычно исчезает. Речь идет о пленке, соединяющей верхнее и нижнее веко у внутреннего угла глаза и образующей складку, которая может закрыть ресницы верхнего века.

Это явление родственно «монгольской складке». Узкие глаза центрально-азиатской расы отличаются своеобразной формой верхнего века. Название «монгольская» кажется мне неудачным, потому что такую же складку верхнего века имеют африканские готтентоты и на протяжении первых 18 месяцев жизни **25% детей в Центральной Европе**. Я не удивлюсь, если окажется что такая складка чаще всего встречается у восточной, восточно-балтийской и судетской рас, но **исследований на этот счет нет**. Если верно, что такая складка чаще встречается в России, этот факт можно приписать влиянию одной из трех названных рас. Древс, наблюдая такие складки у **баварских детей**, установил, что они почти всегда сочетаются с широкой, вдавленной переносицей. На **Украине** «монгольская складка», которую часто не отличить от эпикантуса, встречается у 50% детей и 2% взрослых. Там установлена корреляция этой складки с брахикефалией.

Другой вид складки верхнего века, в противоположность эпикантусу, появляется в старости. Это связано с дряблостью кожной ткани. Такая складка образуется на наружном углу глаза. Ее можно видеть на нордических и фальских лицах, причем на последних и в молодые годы. Заметна она и на портретах старого Бисмарка.

В связи с эпикантусом следует упомянуть и другое явление, присущее центрально-азиатской расе. В Китае, Японии, среди американских индейцев и эскимосов дети часто рождаются с темно-синим пятном у копчика, которое исчезает через 5-10 лет. Его называют «монгольским пятном», что не совсем точно. Да, его имеют 100% японских детей, но оно встречается и в Европе, хотя и редко (например, в Болгарии 0,6%). Но главное, оказалось, что такое пятно имеют и 80% негритянских детей…

С доисторических времен в Европу одна за другой просачивались струи азиатской крови, чем можно объяснить появление там «монгольского пятна», не свя-

зывая восточную, восточно-балтийскую и судетскую расы с центрально-азиатской расой.

Примесь центрально-азиатской крови в Германии, прежде всего в восточной части ареала немецкого языка, несомненна. Встречаются люди промежуточного типа между европейской восточной расой и центрально-азиатской расой. Восточная и восточно-балтийская раса по многим признакам ближе к центрально-азиатской расе, чем другие европейские расы. Некоторые даже не видели различий между центрально-азиатской и **восточной** расами, и называли последнюю **«монголоидной»** или **«туранской»**.

Тип, получаемый при скрещивании европейских рас с центрально-азиатской, отличается от восточной расы следующими признаками: фигура более стройная, плечи более узкие, особенно у женщин. Члены более тонкие, часто вся фигура выглядит детской. Голова никогда не бывает «квадратной», как у восточной расы, лоб не такой крутой и широкий, нижняя часть лица более узкая, но скулы сильно выступают. Крышка черепа более выпуклая. Нос более мясистый и широкий. Борода у мужчин растет слабо.

Смешанный тип может скрывать под собой черты расы, которую Рехе назвал **судетской**, а польский расолог Чекановский **«дославянской»**, так как люди этого типа тысячи лет назад жили на тех землях, которые потом заселили **славяне** (преимущественно, **нордического типа**). Рехе выделил судетскую расу по находкам неолитического периода. Шифф различает два типа среди широколицего и короткоголового населения Чехии. К востоку головы становятся менее короткими, а носы – более широкими, к западу, наоборот, головы короче, а носы более узкие. Название «судетская раса» Рехе выбрал удачно. Шейдт назвал неолитические формы этой расы «восточногерманскими брахикефалами». Сегодня эта раса распространена в Польше, Силезии и Чехии, доходит до Эстонии, России и Лаузица, а вместе с польскими рабочими – до рейнской промышленной области, и лучше всего называть ее «судетской», если только считать ее расой, а не результатом скрещивания с центрально-азиатской расой.

Рехе так описывает черты своей судетской расы: малый рост – у мужчин около 1,60 м, сравнительно небольшая голова, мезо- и брахикефалия, но форма головы не шаро-, а яйцеобразная, затылок слегка выпуклый, выступающие скулы, крутой, низкий лоб, широкий, плоский нос, выступающие челюсти, темный цвет кожи, волос и глаз.

К. Ф. Мюллер и М. Шпрингер, проведя расовые исследования детей, назвали скрещивание нордической расы с монголоидной «неудачной игрой природы»,

поскольку оно порождает «душевную дисгармонию». Возможно, среди этих детей были дети с судетской или восточно-балтийской примесью.

Есть «аномалии, причины которых неизвестны» (Ленц) и которые нельзя связывать с влиянием центрально-азиатской расы. Это т.н. монголизм или монголоидная идиотия. Речь идет о слабоумных детях, которые внешне выглядят карикатурой на монголоидный тип. Первым описал эту болезнь Лэнгдон Даун.

Несомненно, центрально-азиатская кровь проникала в Европу. Судетская раса, похоже, находилась в непосредственном контакте с центрально-азиатской. Но это не единственная чужая кровь, проникшая в Европу. Много чужой крови в еврейской расовой смеси. Но независимо от еврейских примесей в Европе можно встретить людей, которые не укладываются в расовый облик европейских рас.

Нередко встречаются курчавые люди. В чем причина этого явления? Во многих случаях речь идет о том, что в учении о наследственности называется идиовариациями или мутациями, т.е. о таких явлениях, когда по не известным до сих пор причинам у отдельных людей возникает новый признак. Продолжающееся скрещивание делает исследование этих явлений почти невозможным. Во многих случаях появление курчавых волос объясняется примесью негритянской крови, но иногда речь может идти о влиянии доисторических европейских рас, отдельные наследственные признаки которых в результате доисторических скрещиваний дошли до нас…

11. Психические качества нордической расы

Если бы человеческие расы были неодинаковы только по своим физическим наследственным признакам, то изучение расовых явлений имело бы гораздо меньшее значение. Психическое наследственное неравенство человеческих рас обуславливает бросающиеся в глаза различия в поведении и действиях отдельных людей и народов, а также в реакции разных людей или групп людей на внешние события.

Те, кто возражает на это, что разница в поведении людей и народов обусловлена не только расовыми наследственными задатками, но также традициями и воспитанием, не учитывают, что и традиции, и направленность воспитания в свою очередь обусловлены людьми и их расовыми наследственными задатками. Традиция при расовых изменениях в народе может еще какое-то время сохранять духовную ориентацию исчезающей в данном народе расы. Кроме того, в народе в разные времена могут с разной силой проявляться его отдельные ра-

совые составляющие. Историю народа можно трактовать как конфликт его наследственных задатков с окружающим миром. При таком конфликте отдельные расовые души народа, образующие в совокупности «душу народа», не всегда развиваются одинаково интенсивно.

То, что определенные душевные черты обычно связаны с определенными физическими признаками, подсознательно знает почти каждый, и почти каждый человек убежден, что эти черты наследуются. Почти каждый судит о других людях на основе своего накопленного в подсознании опыта, свидетельствующего о взаимосвязи психических черт и физических признаков. «Все молчаливо исходят из принципа, что внешний вид каждого человека выражает его суть, и это правильно. Трудность заключается в том, чтобы определить, в какой степени способности являются врожденными, а в какой благоприобретенными» (Шопенгауэр). У Шекспира можно встретить фразу: «Я увидел его душу на его лице». К.Ф. Мюллер пишет в книге «Рабочее движение и демографическая проблема» (1927): «В одной промышленной области Центральной Германии с сильной текучестью рабочей силы профсоюзные работники рассказали мне, что они могут с большой долей вероятности распознать по лицу неизвестного им рабочего его ценность для организации и даже партийную принадлежность…». В каждой рекламе, в каждом предвыборном плакате в изображениях людей проявляется подсознательное знание расовой психологии. Выводы физиогномики большей частью совпадают с выводами расологов о разных психических качествах отдельных рас…

Ценные указания на расовое своеобразие дает Беддоу в своей книге «The Races of Britain» (1885). Он описывает жителей областей, где преобладает нордическая, восточная или западная раса. Ярче всего нордические качества проявляются у йоркширцев. Это проницательность, правдивость, выдержка, сила воли, прилежание, здравый смысл, честность, любовь к комфорту, порядку и чистоте, а также к обильной еде, недоверие к рыночным зазывалам, эгоистичная суровость, музыкальность, склонность к занятиям ремеслами, коммерцией, а также наукой; недостаточная сила воображения, иногда поспешные выводы, что противоречит «германской склонности все основательно обдумывать».

Мак Лин описывает нордического человека как «рассудительного и холодного, недоверчивого и с трудом поддающегося убеждению. На его наблюдательность не влияют волнение или предрассудки. Хорошая ориентация на местности выражается в способностях к геометрии, астрономии и мореплаванию. Справедливость в суждениях определяется не тем, что он справедливей людей других рас, просто он действительно любит истину и не любит поддаваться эмоциям. Отличается преданностью, но не в такой степени, как кельты, и, хотя менее возбудим, не столь склонен к раскаянию или прощению. Выше всего ставит соб-

ственную свободу и ради нее готов переносить любые трудности и опасности. Часто довольно суров, но почти всегда обходителен. Твердо придерживаясь своего мнения, уважает мнение других. Любит высокое и возвышенное, но склонен высмеивать чудесное и таинственное. Не теряет врожденного чувства юмора даже в опасных ситуациях. Его твердость и уверенность в себе не могут поколебать ни страдания, ни смерть».

Арбо описывает поведение людей в нордических областях Норвегии: «Особенно сильно стремление к чистоте, как в доме, так и к душевной чистоте. Эти люди очень гостеприимны, они производят впечатление достойных доверия и надежных. Женщина у них занимает более высокое положение… Они отличаются аристократичностью внешнего облика и мышления, гордятся своими предками, родовыми преданиями и знанием своих родословных. Ведут себя с чувством собственного достоинства, обычно сдержанно». Черты шведского народного духа, не умалчивая о его теневых сторонах, описывает в своей изданной в 1911 г. книге Сундберг.

Основными психическими качествами нордической расы я считаю способность к оценкам, правдивость и энергичность. С первым из них связаны чувство справедливости, тенденция к обособлению, недоверие к красноречию и к духу массы, подозрительность, чувство реальности, недоверие к чужакам и верность тем, кто сочтен достойным доверия. С этим же связана и непримиримость к злокозненным врагам.

Нордический человек может трезво смотреть на самого себя. Он склонен к замкнутости в повседневной жизни, к обособлению племени от государства. Замкнутость делает его немногословным и часто жестким. Часто ему недостает «человеческого тепла». Его холодная рассудочность может показаться оскорбительной. Нордический человек мало заботится о том, чтобы нравиться другим; ему присущи высокая мера ответственности и совесть. Сам будучи деловым, он требует того же и от окружающих. Им движет чувство долга, которое может сделать его безжалостным к другим. Участливая доброта ему не свойственна.

Индивидуализм нордического человека часто ослабляет и семейные узы; он и на своих близких смотрит рассудочно. Семейное чувство у него слабей, чем у людей других европейских стран, зато чувство принадлежности к общине, племени и т.п. сильней, чем у них, за исключением, может быть, фальской и динарской рас. Племя нордическому человеку ближе, чем государство. Однако в высшем своем развитии нордическая раса и только она выдвигает крупных государственных деятелей. Нижнюю Саксонию, землю, где сильней всего преобладает нордическая раса, Трейчке назвал «землей государственных голов». Глав-

ной чертой уроженцев Нижней Саксонии Бисмарк считал «стремление к достижимому».

Эмоциональным нордического человека назвать нельзя. Экзальтация для него неприятна. Сексуальные стремления он проявляет более сдержанно и избирательно, чем люди других европейских рас. «В половой жизни германцы были холодными как ни один другой народ», – говорит знаток германских древностей Андреас Хейслер… Среди нордических людей больше «бездушных», чем внешне проявляющих свои эмоции. Холодный расчет преобладает у них над беспокойной агрессивностью.

Нордический человек – «matter of fact», как говорит английская пословица. В борьбе за свое дело он может быть, если можно так выразиться, деловито страстным. Обладая чувством справедливости, он проявляет рыцарские качества. «Деловитую страстность» мы встречаем и в нордическом искусстве, наиболее яркий пример – музыка Баха.

«Бесстрастность», необходимую для правильной оценки, соблюдающее дистанцию спокойствие, характерное для нордических крестьян, можно приписать вслед за Рипли «недостаточной силе воображения», но я бы говорил в данном случае об ее меньшей возбудимости, а не о «недостаточности» и, прежде всего, о более тесной связи всех представлений с действительностью. В представителях нордической расы мне часто бросается в глаза холодная сила воображения: образы сменяются один другим более плавно, но имеют четкие очертания… Этой холодности соответствует и меньшая способность нордической расы к сочувствию и меньшее знание людей. Последнее Сундберг считает главной чертой шведов. **Нордическая раса лучше понимает животных, чем других людей.** Нордический (и еще чаще фальский) человек менее общителен, чем люди других европейских рас.

Нордический человек стремится скрыть свою оценку за сдержанным поведением и вежливой холодностью и скорее проявит свой ум, чем душу. Душевные порывы он часто скрывает за внешней жесткостью. Но меньшая способность к сочувствию и менее возбудимая сила воображения не означают меньшей художественной одаренности. Наоборот, более спокойная деятельность нордического духа обуславливает высшие выражения его духовной жизни. Люди темных европейских рас **осматриваются вокруг**, нордические люди **вглядываются**. Эта черта проявляется в искусстве древней Греции, в особой научной одаренности нордической расы, в ее любви к природе, к животным. Нордический человек – талантливый рассказчик.

Чувство справедливости нордической расы мощно проявляется в образе Михаэля Кольхааса у Клейста. Этот нордический герой после того, как его судьба решена, действует на свой страх и риск, но с неизменной деловитостью. Западный человек в том же положении яростно стремился бы отомстить, восточный и восточно-балтийский покорился бы судьбе и ждал бы случая для мести. Для нордического человека свобода это также освобождение от власти собственных настроений. Его стремление к свободе это не политический лозунг, а воплощение принципа «мой дом – моя крепость». Свобода для него означает жизнь согласно собственным принципам, но эти принципы возникают не под настроением, а в результате обдуманных решений.

У отдельных нордических людей эти качества своеобразно сочетаются с легкомыслием, с беззаботностью, пример чего – гетевский Эгмонт. Безрассудная смелость приводила к гибели отдельных нордических людей и целые племена. Эта черта не раз проявлялась в истории народов нордической расы. Но все же это черта скорее отдельных людей, чем расы. «Нордический человек меньше всего живет моментом, он превосходит все расы по твердости воли и предусмотрительности, инстинкты он подчиняет дальним целям» (Ленц). Нордический человек это, прежде всего, организатор.

Если исследовать частоту появления творчески одаренных людей в отдельных расах, то нордическая раса особенно богата ими. Новейшие исследования подтверждают то, что французский расолог **Лапуж** писал о нордической расе еще в 1888 г.: «Почти все великие люди принадлежали к ней, даже если они частично имели черты народов совершенно иных рас, и я не удивлюсь, если свет, который распространяли некоторые другие расы, окажется свидетельством наличия примеси светловолосых долихокефалов в их инертной массе, скрытого во тьме времен. Светлая, длинноголовая раса составляла господствующий класс в Египте, Халдее и Ассирии. С Индией и Персией дело ясное, а возможно и в древнем Китае было то же самое. Эта раса играла главную роль в греко-римской цивилизации, а в наше время значение народов полностью пропорционально количеству длинноголовых блондинов в их господствующих слоях. К этой расе принадлежали галлы и франки, которые создали Францию во всем ее блеске; такие же люди в Германии вдохнули жизнь в массы и увлекли их за собой».

Однако одно лишь исследование достижений не может быть основанием для оценки нордической расы в целом. Необходимы исследования таких корреляций в повседневной жизни, как профессия и рост, профессия и форма головы и т.д. Такие социально-антропологические исследования проведены в Германии, Англии, Швейцарии, Франции и Америке. Установлено, что высшие классы ростом выше низших. Таковы данные по Швейцарии. Высокий рост указывает на

нордическую, динарскую и фальскую кровь. Проведя измерения на нескольких тысячах трупов, анатом и антрополог Пфицнер из Страсбурга пришел к выводу: «Высокий интеллект преобладает у людей выше среднего роста, с более развитой затылочной частью головы». Влияние среды здесь не при чем.

Антропологам известен тот факт, что в дешевых лавках не продаются шляпы больших размеров. Один этот факт указывает на расовое расслоение. Ничефоро обнаружил, что у людей низших сословий более широкие скулы и нижние челюсти, что указывает на примесь восточной и восточно-балтийской крови. Он же сравнил рабочих и студентов одного возраста и установил, что у рабочих голова короче. Бертильон во Франции и Гоулд в США установили, что лицевой угол у образованных людей больше, чем у людей из низших слоев. Художники, изображая людей из народа, всегда рисуют их с широкими, курносыми носами.

В работе К. Рёзе «О европейской расологии» описаны результаты исследований одаренности, проводившихся в Дрездене. Согласно этим результатам, унтерофицеры более нордические, чем солдаты, штабные офицеры более нордические, чем прочие офицеры, преподаватели высших школ одного города более долихокефальны, чем офицеры местного гарнизона и т.д. Рабочие завода, на котором требуются люди высокой квалификации, имели более длинные черепа, чем остальное население. Лапуж в Ренне получил такие же результаты: у студентов головы не такие короткие, как у остального населения. Рёзе следующим образом сформулировал свои выводы (по данным на 1900 год):

«Чем выше место и чем оно лучше оплачивается, тем больше и длинней голова и выше рост».

«Люди, выдающиеся в духовном плане, отличаются обычно большим ростом, чем население в среднем, и имеют более длинные головы больших размеров».

«Нордическая расовая составляющая немецкого народа – главный носитель его духовной силы».

«Высшие слои населения имеют больше нордической крови, чем немецкий народ в целом».

Таким образом, расы распределяются не только по горизонтали, по областям и странам, но и по вертикали – по сословиям.

Нет народов чистой расы; в Европе нет народа, который не был бы результатом расового смешения. Может быть, на всей Земле все высшие цивилизации созданы в результате подчинения местной расы пришлой, господствующей ра-

сой и любой упадок народа и цивилизации (культуры) обусловлен вымиранием творческого слоя этого народа. И в современной Европе низшие сословия имеют в среднем меньше всего, а высшие в среднем – больше всего нордической крови.

Книга Аммона «Естественный отбор у человека» (1893) заставляет сделать еще один вывод: жизнь в городах, особенно в больших городах, означает медленную расовую смерть нордической расы. Это связано с такими явлениями, как жестокая конкуренция, поздние браки, ограничение числа детей, плохие жилищные условия и т.п.

Социально-антропологические исследования выявляют руководящие качества нордической расы. В каждом народе нордическая раса скапливается в высших слоях. То же самое наблюдается в руководстве низших слоев. Как подчеркивает К.Ф. Мюллер в своей статье «Раса и социализм» («Зюддойче Монатсхефте», июль 1927), «публикуемое издательством «Форвертс» иллюстрированное приложение «Фольк унд Цайт» на протяжении нескольких лет напечатало длинную галерею портретов старых, заслуженных борцов социалистического движения. Удивительно, как много среди них типично нордических голов. На съезде профсоюза текстильщиц я насчитал 75-80% блондинок. Еще заметней руководящая роль нордической крови в немецком рабочем движении согласно антропологическим наблюдениям слушателей полугодичных курсов социалистической народной школы, куда съезжаются со всех концов Германии молодые будущие рабочие вожаки. Хотя более половины из них с юга Германии, 54% имеют основные признаки нордической и еще 18% – нордическую примесь. Евреев всего 4%…

… Руководящий дух нордической расы делает людей этой расы и хорошими военачальниками. В России попытались воспитать командиров из бедных нордической кровью слоев населения. Но, как писала газета «Берлинер Тагеблатт» от 8 января 1922 г. на Съезде Советов, состоявшемся в декабре 1921 г. Троцкий сделал очень любопытное заявление. В военные школы принимали только детей рабочих и крестьян, но воспитание из них командиров затруднял тот факт, что у них не было «сознания господ», которым дети из «буржуазных семей» обладали от природы, и развить это сознание трудно. В Европе оно обусловлено нордической кровью. В этой связи уместно привести описание нордической сути, которое дал **Лапуж**:

«Долихокефал имеет большие потребности и непрерывно работает, чтобы их удовлетворить. Он лучше умеет приобретать богатства, чем сохранять их, он легко накапливает их и легко теряет. Будучи предприимчивым, он отваживается на все и его смелость приносит ему небывалые успехи. Он ведет борьбу ради

борьбы, но никогда без задней мысли о выгоде. Каждая земля принадлежит ему и весь мир его родина. Его ум может вознестись высоко и варьирует у отдельных людей от тяжелой основательности до творческого духа. Для него нет ничего немыслимого, нет ничего, на что бы он не отважился, а раз он захотел, значит, сделал. Логично, что он никогда не удовлетворяется пустыми словами. Прогресс – его сильнейшая потребность. По религии он протестант. От государства он требует лишь, чтобы оно уважало его деятельность, и скорее стремится выдвинуться сам, чем подавить других. Он издалека чует свою выгоду, а также выгоду для своего народа и своей расы и смело готовит их к высшему предназначению. Он верит, что скоро станет бесспорным хозяином Земли, и его безграничная смелость, познавательная способность и сознание принадлежности к своей расе дают ему большие надежды на успех».

Это описание не означает, что границы протестантского вероисповедания точно совпадают с границами расы, что нет католиков нордической расы – утверждение Лапужа легко опровергает карта распространения рас в его собственной стране. Лапуж хотел сказать, что нордический человек стремится к духовной свободе, хочет иметь свое мнение по всем вопросам, поэтому его легко сделать протестантом. Примечательно, что «еретические», «предреформационные» движения захватывали романоязычные народы там, где еще сохранилось много нордической крови. Можно сказать, что нордический человек в своей религиозной жизни более холоден, чем люди фальской и восточной расы, он менее склонен к мистике. Примерами могут служить вера древних греков и германская религиозность, какой ее описал Куммер в книге «Гибель Мидгарда» (1927). Нордический человек не проявляет религиозного рвения, под религиозной вывеской он часто маскирует политические цели…

«Прогресс», к которому, по Лапужу, стремится нордический человек, не следует понимать в смысле политического лозунга. Человек нордической расы всегда стремится выйти как можно дальше за пределы привычного окружения. В эпоху, когда политический «прогресс» стал лозунгом большинства, нордический человек опять пойдет против течения и предпочтет остаться один: в ведомой толпе он, в отличие от восточного и восточно-балтийского человека, чувствует себя неуютно. Свобода в сочетании с всеобщей уравниловкой – не для него.

Описание Лапужа неверно лишь в одном, но принципиально важном пункте, касающемся нордического расового сознания. В Европе расовое сознание есть только у евреев.

Еще Линней в своем описании «Homo europeus», нордического человека, отмечал его предприимчивость. Это качество гонит нордических крестьянских сыновей из села в город. Это происходит во всех странах с заметным процентом

нордической крови. Когда иммигранты из разных народов собираются в одной стране, как в Северной и Южной Америке, наверху, как правило, оказываются представители тех народов, у которых больше всего нордической крови.

Каково положение внутри отдельных народов, таково оно и в международном плане: ведущие народы Земли это народы с наибольшим процентом нордической крови. Даже малочисленные скандинавские народы дали больше выдающихся людей, чем те народы Восточной и Южной Европы, в которых нордической крови осталось мало.

Рёзе отметил, наблюдая за школьниками: «Долихокефалы самые способные, но и самые ленивые». Но это не лень, а скорее характерное нордическое детское легкомыслие. Нордический ученик больше ребенок, чем восточный. Но так обстоит дело в младших классах, а в старших уже сказывается духовное превосходство нордических учеников.

«Не в характере нордической расы монотонно, бессмысленно собирать мед. Нордический долихокефал работает скорее импульсами, периоды крайнего напряжения сил чередуются у него с периодами расслабления или полного бездействия. Если германец вынужден работать непрерывно, не имея возможности периодически отдыхать, он быстро выдыхается. Нордическая раса позже всех завершила свое духовное развитие. Те, кто к ней принадлежит, – поздно созревающие плоды, преимущества которых проявляются, как правило, только по возмужании» (Рёзе).

Одэн исследовал происхождение известных писателей Франции («Происхождение великих людей», 1895). Есть также исследование о происхождении лауреатов премии парижского салона живописи. Оба исследования (карты к ним дает Рипли) важны по той причине, что они проводились без какой-либо связи с расологией. Но их результаты совпадают с расологическими картами: области с преобладанием восточной расы бедны выдающимися людьми. Родиной крупных писателей и замечательных художников Франции являются, главным образом, области, где население имеет более высокий рост, более длинный череп и более светлую пигментацию, иными словами, области преобладания нордической расы, где когда-то селились готы, франки, норманны и бургунды. Линия от Шербура до Женевы делит Францию на северную часть, богатую выдающимися людьми, и южную, бедную ими. Во французской «Энциклопедии» 1751 г. о Нормандии сказано: «Это та провинция королевства, которая дала больше всего высокоодаренных и способных к науке людей». Одэн также установил, что из тысячи выдающихся людей Франции, происхождение которых он исследовал, 78,5 % вышли из знати, служилого сословия и людей свободных профессий с высшим образованием, т.е. из слоев, наиболее богатых нордической кровью.

Исходя из этих наблюдений, **Вольтман** приступил к исследованиям, результаты которых он изложил в своих книгах «Германцы и Ренессанс в Италии» (1905) и «Германцы во Франции» (1907).

Исходя из наблюдений за группами иммигрантов, законодатели США пришли к различению желательных и нежелательных иммигрантов. Нежелательными считаются иммигранты из юго-восточной, а желательными – из северо-западной Европы, т.е. той части Европы, где преобладает нордическая раса.

Нельзя не упомянуть и о такой особенности нордической расы, как широта ее духовного диапазона, способность «охватывать высочайшее и глубочайшее» (Гете). Возможности других европейских рас в этом отношении меньше, меньше всего – у западной расы (?). Нордическая раса велика как в творчестве и героизме, так и в преступлениях.

Нордическая раса отличается склонностью к самоубийству. На карте Франции наибольшее число самоубийств совпадает с местами преобладания нордической расы. Примерно то же наблюдается в Англии и Германии.

Отдельные расы различаются и по своим преступлениям. В Америке негры совершают гораздо больше преступлений, чем белые, выходцы из южных и восточных стран Европы больше, чем выходцы из ее северо-западных стран. Еще Ломброзо указывал, что в Европе убийства – реже всего среди германоязычных народов, а чаще всего среди романоязычных, причем в Италии оно чаще на юге и островах, где преобладает западная (средиземноморская) раса, чем в других частях страны, где преобладает восточная (альпийская) раса с динарской и нордической примесью.

В Германии частота преступлений на северо-западе, где преобладает нордическое и фальское население, гораздо меньше, чем на востоке и юге. По всей Европе число преступлений увеличивается с севера на юг. В северной Италии и северной Франции больше разводов и самоубийств, чем в южных частях этих стран. Бертильон пишет, что на юге споры быстро переходят в обмен ругательствами и ударами, а на севере их регулирует суд. Но жители юга после взрыва эмоций быстро снова успокаиваются, а крестьяне Нормандии или Шампани более злопамятны.

Нордической расе свойственно «большее уважение к личности и собственности» (Плётц), «самообладание, предусмотрительность, самоуважение и уважение к жизни и собственности других» (Ленц). В нордических областях преступлений меньше и потому, что нордический человек не мелочен. Но прежде всего его спасает его предусмотрительность.

Во всей нордической расе, как и в отдельных нордических людях, созерцательный покой, чувствительная сердечность так же возможны, как и жажда действия, холодный расчет, насмешливое презрение и неумолимая жестокость. Борьба в душе человека нордической расы может быть самой ожесточенной, душевное напряжение – самым сильным, ощущение жизни – самым полным. Крайности столь резко выражены, что трудно дать описание среднего представителя нордической расы. Для нее характерны чрезмерность, избыток физических и духовных сил, непрерывная работа мысли, которая вынуждает нордического человека к все новым и новым действиям. Он любит меряться силами. В других европейских расах не встречается столь страстная, чистая и самоотверженная преданность духовным ценностям.

Ни в одной расе противоположность мужчины и женщины не обозначена столь четко, как в нордической.

Нелегко определить, каковы особые дарования нордической расы. Я бы назвал предпринимательство, завоевание, войну, государственное искусство, а также склонность к научному мышлению (причем скорее естественнонаучному, чем гуманитарному), изобразительному искусству и философии. Особо одарена она и поэтически. Кельтские и германские древности свидетельствуют о музыкальной одаренности. Но в области художественного творчества у нордической расы на первом месте поэтическое, архитектурное и изобразительное искусство, а музыка – на втором (у динарской расы она на первом). На бурное развитие немецкой музыки оказали влияние как нордическая, так и динарская кровь, особенно их смеси. Англия же со временем стала «страной без музыки».

Наконец, еще одно качество нордического человека – чистоплотность. Не случайно немцы изобрели мыло и щетку для волос. В отличие от нордических людей восточные люди нечистоплотны.

Подлинно нордическая черта – любовь к физическим упражнениям. Нордические люди любят работу на свежем воздухе. Среди профессий, связанных с такой работой, преобладают люди нордического типа, тогда как восточных людей очень мало.

12. Психические качества западной (средиземноморской) расы

Среди немцев эта раса представлена мало – всего 2%, да и то большей частью в смеси. Областей, где эта раса преобладает, в Германии нет.

Английские исследователи отмечают такие характерные черты западной расы: эмоциональная речь, красноречивость, живой и подвижный ум, – чувства быстро находят свое выражение в обильном потоке слов; способность быстро схватывать суть дела и неспособность к четким оценкам. «Живой ум, которому вредит недостаток постоянства и терпения» (Мэтью Арнольд). Западный человек быстро испытывает душевный подъем и столь же быстро впадает в уныние: часто одно следует за другим. Часто из-за своей горячности он нарывается на неприятности, но столь же легко избегает их благодаря своей ловкости и изворотливости. В своих оценках он скорее руководствуется чувством, чем разумом. «Он всегда готов возмутиться против реальности» (Генри Мартин), им всегда движет его легковозбудимый дух.

Мы наблюдаем эти черты у испанцев, французов со средиземноморского побережья, южных итальянцев, а также у ирландцев. Суть западного человека – эмоциональность и динамичность психики. Все силы души у него больше направлены на внешний мир, а у нордического человека – на внутренний. Поэтому западный человек сильней подвержен внешним впечатлениям, он любит яркие краски. Отсюда же его любопытство и жажда перемен; из-за менее содержательной внутренней жизни он постоянно нуждается во внешних впечатлениях. Духу нордического человека соответствуют его любимые цвета (у женщин чувство цвета развито более сильно), которые он предпочитает и в одежде, в украшениях, в интерьере квартиры, при выборе произведений искусства, – синий (голубой) и светло-зеленый. Любимые цвета западной расы – красный и желтый. В области искусства Делакруа и Жерико (последний – смешанных нордически-западных кровей, глаза голубые, волосы светлые) проявляют, на мой взгляд, западное чувство цвета, в Испании подлинно западным художником является Сулоага. Нелегко назвать других западных художников. Например, во Франции, за исключением Делакруа, все наиболее значительные художники большей частью нордической крови. То же можно сказать об Италии, особенно об Италии эпохи Возрождения, и о великом испанском искусстве (см. упомянутые книги **Вольтмана**), хотя, понятно, и художники этих стран часто могли иметь небольшие примеси западной крови. Что касается музыки, то почти все великие итальянские композиторы – нордического или нордически-динарского происхождения, зато испанские и южно-итальянские народные песни показывают западного человека таким, как он описан выше: легким, подвижным, страстным, веселым.

Страстность и подвижность – из-за этих свойств глубина нордического духа остается чуждой западному человеку. Он легче всего воспринимает радости жизни, а нордического человека волнуют проблемы жизни. Для западного человека жизнь это игра, для нордического – задача, к которой нужно подойти со всей серьезностью. Нордический человек может быть собственным судьей, за-

падный всегда – собственный защитник. Угрызения совести – явление нордическое (и фальское); Гамлет и Макбет чужды западным и восточным людям. Угрызения совести людей восточно-балтийской расы отличаются от нордических тем, что они растянуты, запутаны и не приводят ни к какому решению. Западный человек всегда с любопытством следит за тем, как кто-нибудь, впавший в грех, будет выпутываться. Характерно испанское уменьшительное слово «пекадильо» – «грешок» – оно выражает лукавое отношение западного человека к собственной совести. Его не интересует человек, осуждающий сам себя; его интересует человек, выпутывающийся из трудной ситуации, озорник, который в конечном счете смеется над своими преследователями, над доверчивыми дураками, над обманутыми, над судом и соседями. Вполне в западном духе образ плута: таков Фигаро в «Севильском цирюльнике» Россини (Фигаро Моцарта совсем другой); отсюда же такие образы как Жиль Блаз и герой Додэ, Тартарен из Тараскона.

И в образе Одиссея (Гомер в одном месте называет его черноволосым) сказываются наряду с нордическими также западные черты или смесь западных и переднеазиатских черт. По этому можно судить, что «Одиссея» возникла позже «Илиады», нордического героического эпоса.

Не случайно, говоря здесь о западной расе, мы не можем указать ни на одну общеизвестную историческую фигуру как на характерного представителя западной расы. Эта раса выдвигает людей, которые благодаря своему живому уму, веселому темпераменту, ловкости и общительности кажутся нордическому человеку богато одаренными от природы. Западный человек более общителен, чем нордический. Ему свойственны гостеприимство и вежливость, он очень любит свою семью и детей, подает милостыню нищим. Особые качества западной расы бросаются в глаза, но она не рождает выдающихся людей. Не следует думать, что Россини принадлежал к западной расе, он был (по Вольтману) высоким голубоглазым блондином. Даже Делакруа (кареглазого и темноволосого) нельзя безоговорочно причислить к западной расе – он для нее слишком высок. Роберт Бернс имел западные черты лица, темные волосы и глаза, но тоже был высокого роста. Бизе, который так хорошо выразил в музыке западную суть, был ростом выше среднего, светловолосый и светлоглазый. Говорят, он был полуевреем. Западной расе, при всех ее языковых изысках, недостает творческой силы. Ее дух, как и тело – легкий, танцующий, невесомый. Дух борьбы, душевная глубина, угрызения совести и самоубийство чужды западному человеку.

Еще Ломброзо обратил внимание на то, что области Италии с преимущественно западным населением, такие как Калабрия или Сардиния, дают мало высокоодаренных людей (родившийся в Абруццах философ Б. Кроче – светлоглазый

блондин). Северные итальянцы, меньше смешанные с западной расой, – более одаренные.

Люди высших слоев в тех областях Италии, где преобладает западная раса, менее длинноголовые; тем же отличаются учителя испанских высших школ от окружающего населения…

В Италии на населенном западной расой юге более распространены венерические болезни. Западной расе присуща гипертрофированная сексуальность. Т.н. «галльский дух» впитал в себя много от западной расы и имеет мало общего с чисто кельтским духом… Строгий, деловитый и ясный «латинский гений», в отличие от «галльского духа» – наследие нордической расы.

Западный человек восхищается плутами и склонен к адюльтеру. Совесть его не беспокоит, обманутый муж – предмет для осмеяния. Настоящие, нордические кельты видят, как и Р. Вагнер, в короле Марке в саге о Тристане трагическую фигуру, а западный «галльский дух» превращает этого короля в посмешище. Нордическим французам, таким как Флобер или Ромэн Роллан, этот дух чужд.

В прошлом племена западной расы были матриархальными. Люди западной расы также склонны к жестокости, они любят мучить животных. Кроме того, они ленивы. Они хотят меньше напрягаться и больше наслаждаться. Работая, они думают больше о себе, чем о деле.

Люди западной расы – отменные ораторы. Когда они произносят речь, в этом принимает участие все их тело. Во Франции можно видеть и слышать проповедников, которые по владению языком заткнут за пояс любого немецкого оратора, а по жестикуляции – любого немецкого актера. Врожденные ораторские способности у нордической расы редки, у западной – очень распространены.

Западному человеку чужд дух протестантизма. В протестантизме нет ярких красок, жестов, ораторства, нет многоцветия католических небес. Но и нордический католицизм Вестфалии или динарский католицизм Верхней Баварии и Тироля – нечто совершено иное, нежели ирландский или южно-итальянский католицизм западной расы. В южном католицизме с доисторических времен сохранилась западная форма верований, более матриархальная, более сексуальная и радостная (см. книгу Киназа «Аполлон и Дионис», Мюнхен, 1927).

Вера западного человека не укоренена так глубоко в совести, как вера нордического человека. Она служит выражением благодарности за жизнь. Вера нордического человека может быть потрясена, если он вступит в конфликт с Богом; у западного человека бывают часы ярости против Бога и мира, когда его крас-

норечие выражается в проклятиях всех видов, но после этого он снова легко обретает равновесие. Может быть, у него короткая память и поэтому он легко примиряется.

У западного человека, как и у нордического, развито чувство чести, но оно утрированное и показное. Западный человек не считает бесчестным солгать. Он обладает большей силой воображения, чем человек нордической расы. Сдержанность нордического человека его раздражает.

Цифры преступности выше в тех областях Италии, где преобладает западная раса. Ничефоро описывает одну такую область на Сардинии. В политике западный человек склонен к анархии, заговорам и бандитизму. Примеры – ирландские шинфейнеры, итальянские каморра и мафия, а также итальянское масонство. На выборах западное население Франции, Уэльса и Ирландии охотно голосует за «радикалов».

Об особенностях расовой души можно судить как по религиозной, так и по политической жизни. К.Ф. Мюллер показал это на примере социалистических партий в своей книге «Рабочее движение и демографическая проблема» (1927): «Достаточно сравнить происходящее в примерно одинаковых экономических условиях и, тем не менее, столь принципиально различное развитие рабочего движения на Скандинавском и Пиренейском полуостровах. В первом случае мы имеем трезвое, зрелое, гордое движение нордического рабочего класса через реформы к повышению уровня жизни, во втором – неспособность к подобной организации, истерические вспышки, театральные жесты, синдикалистские методы борьбы».

Нордический человек кажется западному скучным, тяжеловесным и в целом чужим. Нордический человек часто немного презирает западного, хотя иногда и восхищается им, но сторонится от него и мало на него полагается. Духовная дистанция велика, тем не менее возможны длительные, сердечные отношения между представителями этих рас. Браки между ними могут дать неуравновешенное потомство.

Нордический человек часто испытывает тягу к западному образу жизни. Он склонен к романтике, и его всегда тянуло на юг, в радостный мир западной расы. Пример этого – заметки Ницше об опере Бизе «Кармен» (примесь динарской крови у Ницше была незначительной). Это было стремлением стать таким же легким, подвижным, веселым, не отягченным никакими угрызениями совести и никакой ответственностью, как западный человек. Немцы и англичане испытывали эту тягу на юг и ошибочно видели этот юг в древней Греции. Они искали мир, сутью своей связанный с западной расой, но этот мир оставался недости-

жимым для нордической расы, суть которой была иной. Расовые границы отводят каждой расе более или менее четко очерченную духовную область, вне которой для нее возможно только уничтожение своей собственной сути.

13. Психические качества динарской расы

Динарские люди имеют совершенно иной психический склад. Те, кто наблюдал австрийскую армию во время мировой войны, отличают надежность, храбрость, гордость и чувство чести этих людей. Немецкие крестьяне Каринтии, Штирии, Тироля и южной Баварии, высокие, короткоголовые, узколицые, с орлиными носами и мощной фигурой, живут рядом с людьми восточной расы, но существенно отличаются от них. Риль в своей «Естественной истории народа» (том 1, 1856), описывая жителей Верхней Баварии, людей с «грубой, мощной фигурой», с «несомненным художественным инстинктом», неотесанных и неуклюжих, бессознательно изображал динарскую расу. Грубая, воинственная сила характерна для преимущественно динарских албанцев, на это в свое время обратил внимание Байрон.

Динарского человека отличает особое чувство чести и любовь к родному краю. Преимущественно динарские жители Каринтии были единственными немцами, которые после общего краха в 1918 году взялись за оружие, чтобы защитить свою родину от врага. Любовь к родине и гордость ею отличают людей динарской расы во всех народах, в которых она представлена. Динарские крестьяне Тироля составили костяк борцов против Наполеона и на памятниках в австрийских Альпах мы видим динарские лица. Тоска по родине особенно свойственна динарцам. В России этим особенно отличаются украинцы, и **Украина** – преимущественно **динарская область**. Авантюрист Казанова упоминает о неутешной тоске по родине преимущественно динарских словенцев; он и сам был склонен к ностальгии и, судя по его портретам, имел динарскую примесь.

Несомненно, динарская кровь определяет то особое чувство собственного достоинства, которое отличает крестьян альпийских областей Германии и Австрии. Сильная примесь динарской крови отдаляет баварцев от северных немцев. Кровь восточной расы, перемешанная с нордической, скорее способствовала преодолению различий между северными немцами, с одной стороны, и баварцами и австрийцами, с другой.

Динарские люди гордятся своим своеобразием, блюдут традиционные обычаи. В австрийских Альпах жители каждой долины имеют свой диалект, свои особенности строительства домов, свои обычаи. Творческое своеобразие отличает эти местности от тех, где преобладает восточная раса. Для преимущественно ди-

нарского населения **Украины** характерны красочные костюмы, украшения домов и предметов домашнего обихода, уход за садами, любовь к своим песням – все это черты динарской души.

Динарской расе, как и нордической, свойственны воинственные наклонности и способности. О преимущественно динарских **черногорцах** говорят, что они любят свою родину, что они выносливые, смелые, «прирожденные солдаты». Прекрасными солдатами были в мировую войну также французские и итальянские горцы.

Наблюдатели отмечают у динарской расы и ее коммерческие способности. Люди этой расы легковозбудимы, быстро впадают в гнев. Это связано с гипертрофированным чувством чести и повышенной чувствительностью, ничтожный повод может быть воспринят как оскорбление. В преимущественно динарских юго-восточных областях Германии много людей осуждено за нанесение тяжких телесных повреждений. Но, несмотря на вспышки гнева, динарской расе свойственно добродушие. Грубость сочетается у людей этой расы с сентиментальностью. Динарский человек обычно хороший знаток людей, он умеет подметить их смешные стороны и метко описать их в словах. Немецкие диалекты динарских областей особенно богаты шутливыми словами и поговорками. Динарские люди склонны к изучению других народов, они тонко чувствуют природу.

Динарская раса кажется мне по сравнению с нордической, более простой, возможности ее развития ограничены. Прежде всего, она менее предусмотрительна. У нее нет душевной тонкости и смелости мысли нордической расы. Динарская душа довольствуется немногими впечатлениями. В динарской расе нередко встречаются такие люди, которых называют «людьми настроения».

Динарский тип – способный и жизнерадостный, с чувством юмора и склонностью к дракам. Общительность динарской расы грубая и шумная. Основные ее черты – грубая сила и прямота.

Люди динарской расы любят роскошества и высокопарные слова. Многие их действия и слова носят на себе печать экзальтации. Все приподнятое, избыточное, пленительное в искусстве барокко – выражение динарской души, я писал об этом в книге «Раса и стиль» (1926). Динарские люди – хорошие актеры. Их актерские качества проявляются и в повседневной жизни, они любят изображать «простосердечных детей природы», за что их любят люди других рас и что помогает им преуспевать.

Динарская раса имеет особый музыкальный дар, и не случайно композиторы часто имеют динарские черты. Примеры – Паганини, Тартини, Керубини, Шо-

пен, Верди, Берлиоз, у немцев – Гайдн, Моцарт, Вебер, Лист, Вагнер, Корнелиус и Брукнер. И не случайно народная песня в Германии жива именно в динарских областях. Любимые краски динарской расы – темно-зеленая и красно-коричневая.

По духовной одаренности я бы поставил динарскую расу (вместе с фальской) на второе место среди европейских рас. Даже когда у великих людей Европы заметна примесь ненордической крови, чаще это примесь динарской (или фальской), чем восточной или западной расы.

Наблюдения за студентами Венского университета заставляет меня предположить, что динарская раса не испытывает такой тяги к научной деятельности как нордическая. Австрийские студенты кажутся мне более нордическими, чисто динарские черты встречаются среди них редко. Зато нордически-динарская смесь – нередкое явление среди образованных людей Швейцарии, южной Баварии и Австрии. В Италии сравнительно много студентов принадлежит к динарской расе. Согласно исследованиям Ливи, студенты во всей Италии в среднем выше ростом, чем крестьяне, и преобладающая форма носа у них – орлиный. Это признаки динарской расы.

* * *

Психические качества т.н. переднеазиатской (арменоидной) расы, «сестры» динарской расы, сильно отличаются от ее психических качеств. Психические различия кажутся мне в данном случае большими, чем физические. «Народы преимущественно арменоидной расы, такие как армяне, греки, евреи отличаются особым талантом к торговле, умом и способностью проникать в души других людей» (Ленц). Переднеазиатская раса имеет также особый музыкальный дар. Она склонна к жестокости, причем к расчетливой жестокости, об этом свидетельствует история народов Передней Азии. Подробное описание переднеазиатской расовой души см. в книге Клаусса «О душе и облике рас и народов» (Мюнхен, 1928).

Штиль в книге «Наши враги» (Штутгарт, 1916) описывает впечатление от армянских военнопленных, преимущественно людей переднеазиатского типа: «Они не столько предприимчивы, сколько сдержанно осторожны, в них не столько гордой веры в себя. Сколько хитрых расчетов, – об этом говорят их внешние черты».

14. Психические качества восточной (альпийской) расы

Испанский ученый, изучавший восточную расу, которая живет в Испании довольно компактно в горах северо-западного побережья, отмечает ее замкнутость и угрюмую неприветливость по отношению к чужим. Швейцарцы восточной расы, по отзыву Рипли, равнодушны и терпеливы. Во всех странах восточный человек проявляет терпеливое прилежание и очень привязан к своей семье и своему месту жительства. Это удобный сосед и спокойный подданный. «Это оседлый тип, который редко мигрирует, разве что из-за допущенной по отношению к нему большой несправедливости. Там, где он поселился, он держится за свое наследственное владение, несмотря на все неудачи. Если он переселяется в город, то обычно возвращается на родину, чтобы провести там в покое свои последние дни» (Рипли). Некоторые считают это возвращение на родину восточных людей причиной того, что в городах Бадена население более длинноголовое. Такое возвращение на родину типично для Франции: счастье французского рантье – воплощение желаний восточного человека.

Маклин в «Anthropological Review IV», 1866, описывает свои впечатления от восточной расы в местах, где она, вероятно, имеет западную примесь. Короткоголовых, широколицых и низкорослых жителей Западной Ирландии и Гебридских островов он называет «типом Санчо Пансы»; они «эмоциональны, в возбужденном состоянии вспыльчивы, лукавы, жадны до денег, бережливы, хотя живут в бедности. Трудолюбивы, когда точно знают, что дело принесет им доход, в противном случае апатичны и ленивы».

Сопоставим эту характеристику с той, которую дает **Лапуж**: «Брахикефал – человек трезвый, работящий, бережливый, осторожный. Нельзя отказать ему в мужестве, но воинственных наклонностей он не проявляет. Он любит земледелие и привязан к своему клочку земли. Он человек не без способностей, но редко по-настоящему одаренный. Он ставит перед собой очень ограниченные цели и терпеливо работает над их осуществлением. Он очень недоверчив, но его легко увлечь словами, смысла которых он не понимает. Это человек традиции, т.н. здравый ум. Прогресс ему не нужен, он хочет быть, как все, обожает единообразие. По религии он католик, от государства он ждет только подачек и его единственное желание – сравнять все выдающееся, потребности выдвинуться самому у него нет. Он очень хорошо понимает свою краткосрочную выгоду, а также выгоду для своей семьи и своего окружения, но масштабами всей страны он не мыслит».

В областях Норвегии с сильной восточной примесью Арбо нашел людей «более низкой культуры, менее чистоплотных, мрачных и менее гостеприимных. Жен-

щины надрываются, занимаясь всем, а их мужья бездельничают… Здесь нет аристократизма, царит демократическое единообразие, все равны».

Главные качества восточных людей – созерцательность, стяжательство и бездушие. Благородство – не та ценность, к которой стремится восточная душа. Ее ценность – спокойная и уютная обывательская жизнь. Золя в своих «Ругон-Макарах» называет родоначальника, садовника Ругона «тяжеловесным и невозмутимым». Это французские эпитеты для людей восточной расы. Восточному человеку не свойственны великодушие и душевные порывы, это мещанин, думающий только о себе, своей семье, деньгах и созерцательном покое, мещанин не по принадлежности к определенному сословию, а по своей сути.

Бездушие, эгоизм и работоспособность, мелочность, а также деловая семейная сплоченность людей восточной расы, их способность существовать в любых условиях, их осторожность, упорство, ум, оперирующий привычными категориями, их мещанство – вот черты, благодаря которым восточный человек часто больше процветает в буржуазной, особенно мелкобуржуазной жизни городов, чем люди других рас. У них не бывает столько планов, как у нордических людей, и такой экзальтации, как у динарцев. Реже, чем люди других европейских рас, восточные люди пребывают в хорошем настроении. «Они не понимают шуток. Они думают, что над ними издеваются» (Арбо). Англичане, американцы, шведы и датчане сами смеются над карикатурами на них, чехи, поляки, литовцы, эстонцы и югославы чувствуют себя оскорбленными. Восточный человек гораздо тесней, чем люди других европейских рас, связан с ближайшими предметами и целями, даль его не влечет. Он лучше понимает привычную, повседневную жизнь. Если брать область живописи, то очень много от восточной сути в картинах Ганса Тома.

Восточный человек в сельских условиях любит свой клочок земли, в городских – тепло своего тесного, замкнутого мирка. Он всегда старается сочетать приятное с полезным. Работает он равномерно, качество его труда среднее. «Брахикефалы далеки от чисто научных устремлений, которым долихокефалы, движимые жаждой знаний, отдаются всем своим существом; но брахикефалы не упускают из вида практическую выгоду от новых изобретений, и часто бескорыстные долихокефалы становятся экономически зависимыми от брахикефалов» (Аммон. Естественный отбор у человека. 1893). Но «практичность» восточного человека всегда мелочна.

Восточный человек образует вместе со своей семьей замкнутую, самодостаточную группу. Одиночество нордического человека ему чуждо, он тесно связан со своей семьей и людьми того же типа. С ними он в приятных отношениях и постороннему человеку кажется «душевным». Сборища завсегдатаев в немецких

пивных это сугубо восточное явление. В состоянии опьянения динарский человек бурно радуется жизни, нордический – груб и неукротим, а восточный – «само дружелюбие, доходящее до назойливой ласковости» (Арбо). В семьях восточных людей не бывает бурных ссор. Ни у кого семейное чувство не бывает столь сильным и теплым, как у восточной расы, но уже деревня – слишком много для его кругозора, не говоря об округе и тем более стране. Он не испытывает потребности в расширении связей. Хотя он ярко выраженный коллективист, его коллектив это узкий круг, в котором царят уют и тепло.

Поэтому в религиозной жизни он склонен к образованию небольших групп для культивирования особых форм религиозности. Государственная церковь кажется ему недостаточно благочестивой, он образует вместе с себе подобными нечто вроде секты, религиозная жизнь которой отличается спокойствием и теплотой, мечтательностью и задумчивостью, но часто также тупым самодовольством. Это явление наблюдается в юго-западной Норвегии, где сильна восточная примесь, а также в ряде протестантских местностей в южной Германии (в католицизме сектантство не поощряется).

Восточный человек не имеет воинственных наклонностей и неохотно идет в солдаты. Но при надлежащем командовании восточные люди столь же хороши в обороне, как нордические и динарские – в наступлении.

Не совсем верно называть восточных людей консерваторами в политическом смысле. Они в любой стране примыкают к той партии, идеи которой наиболее широко распространены и наиболее привычны. У крайних партий меньше всего восточных избирателей. В настоящее время духу восточной расы ближе всего либералы и социал-демократы. Но восточная раса – всегда ведомая раса.

Восточную расу трудно привести в движение, но, единожды сдвинутая, она может оказать сильное давление. Восточные люди склонны к массовости и уравниловке, их духу соответствует идея равенства. «Их склонность к демократическому учению о равенстве основана на том, что они сами ни в коем случае не хотят подниматься выше среднего уровня и испытывают к великому, которое они не могут понять, неприязнь если не ненависть» (Аммон). Похоже, идея равенства всех людей свойственна, прежде всего, широколицым и короткоголовым азиатам, от которых, может быть, произошли восточная и восточно-балтийская расы. Во всяком случае, для обеих этих рас характерно то чувство, которое Ницше называл «ressentiment» (злобная зависть), а Л.Ф. Клаусс – ненавистью к высшему. Восточная раса, как правило, отвергает необычное ради среднего. О сравнительно небольшом числе людей восточного и восточно-балтийского типа среди выдающихся людей Европы свидетельствует и исследование форм носа великих людей, которое провел Вудс («Journal of Heredity»,

том 12, 1921). По его словам, «лишь очень редко мы встречаем великого человека с маленьким или коротким носом».

Многим восточным людям присуща, обычно подсознательная, неприязнь, часто даже злобная зависть по отношению к людям других рас, которые нарушают их спокойную жизнь. Отсюда бросающаяся в глаза угрюмость восточных людей при общении с людьми других рас, их подозрительность и лукавство. Восточные люди неоткровенны, упрямы, коварны, ворчливы. Они не любят чужое, новое и необычное.

Но даже в борьбе за любезное ее сердцу «равенство всех людей» восточная раса нуждается в вождях, обычно принадлежащих к другой расе. Французскую революцию можно считать массовым явлением восточного и западного типа, но среди ее вождей преобладали нордические люди. Можно считать большевизм восточно-балтийским, восточным и центально-азиатским движением, но среди ее вождей до сих пор преобладали евреи, преимущественно переднеазиатской расы. Все движения восточной расы вынуждены искать вождей иной крови.

Восточный человек обычно миролюбив, он избегает ссор. Он никогда не бывает столь упрям и принципиален, как нордический человек, он ищет сходства, а не различия, ищет пути к примирению. В присутствии нордического человека он чувствует себя неуютно. Он более «практичен» и действует целенаправленно, обдуманно и осторожно даже в том возрасте, когда нордический человек еще делает глупости по молодости.

Любовь западного человека – страстная, нордического – глубокая, часто выражающая его мировоззрение, любовь восточного человека – суховатая или приторная (на чужой взгляд). Браки между восточными мужчинами и женщинами весьма прочны, брак мужчины иной расы с восточной женщиной часто превращается для него в муку, мужчина становится все более молчаливым и равнодушным; брак восточного мужчины с женщиной иной расы делает ее озлобленной или, при слабой натуре, – страдалицей.

Любимые цвета восточной расы – фиолетовый и коричневый.

Даже ребенком восточный человек выглядит более взрослым, чем нордический ребенок, но он никогда и не остается так долго молодым, как нордический человек. Он рано становится опытным, проявляет знание людей, раньше намечает себе определенные цели. Восточные дети – прилежные ученики, восточные женщины находят побочный заработок и помогают своим мужьям больше, чем женщины других европейских рас.

В целом образ восточной расы получается не очень привлекательным, хотя без ее участия индустриализация Центральной Европы была бы немыслимой. Но сравнение производится с точки зрения других рас. Если бы существовала особая восточная цивилизация (а то что ее нет, весьма показательно), оценка была бы совсем иной.

15. Психические качества восточно-балтийской расы

Психические качества восточно-балтийских или преимущественно восточно-балтийских людей описал Густав Рециус на примере тавастов, части финнов, у которых преобладает восточно-балтийская раса с нордической примесью. Я взял многое из его описания, но по ряду пунктов вынужден от него решительно отмежеваться. Духовную суть восточно-балтийской расы описал также Норденстренг, но, мне кажется, он больше описывает финнов, восточнобалтийско-нордическую смесь, а не саму восточно-балтийскую расу. Лучше всего духовную суть восточно-балтийской расы можно узнать на примере **великорусского** населения. Вот описание поведения русских крестьян, взятое из «Моих университетов» **М. Горького:**

«Это были, в сущности, добродушные животные. Любого из них легко можно было заставить смеяться детским смехом, любой из них мог с детским легковерием слушать рассказы о поисках счастья или о подвигах. Все, что пробуждало мечты о возможности легкой жизни по своему хотению, было дорого этим диковинным душам. Но когда они сбивались в серую толпу при встречах в городе или в портовом кабаке, они забывали все свои хорошие качества и наряжались, как попы, в одеяния лжи и притворства. Они начинали выказывать собачью преданность сильным, и тогда на них было противно смотреть. Или вдруг их охватывала волчья ярость, шерсть у них вставала дыбом, они скалили зубы и дико выли, готовые к драке. В такие моменты было неприятно на них смотреть, так как они могли разнести ту же церковь, в которую еще накануне вечером ходили кроткие и смиренные, как ягнята в загон».

Восточный человек людям других рас кажется поначалу молчаливым, серьезным, даже унылым и мечтательным, малоподвижным и неспособным к воодушевлению. «Он очень скупо выражает свои чувства, если это не раздражение или ненависть» (Норденстренг). Кажется, этот человек довольствуется малым. Но при более доверительном знакомстве обнаруживается гораздо более сложная картина. При доверительном общении молчаливый восточно-балтийский человек может стать очень разговорчивым. «Когда он развязывает язык, он становится чрезмерно многословен» (Норденстренг). За кажущимся довольством своей бедной жизнью нередко обнаруживается безграничное недоволь-

ство, которое обычно не проявляется просто из-за неспособности принимать решения. Эмоциональная жизнь восточно-балтийского человека весьма бурная, его внимание постоянно отвлекается от конкретного предмета и конкретного занятия. «Он охотно отдается своей силе воображения и не обращает внимания на окружающую действительность» (там же). Восточно-балтийский человек легко становится фантазером, он может жить в мире призраков, возникших в его мозгу, говорить при доверительных беседах многословно и вдохновенно, даже с лихорадочным вдохновением. В экзальтации он строит неясные планы и готов фанатично проводить их в жизнь. Однако разговоры восточно-балтийского человека, первоначально направленные на определенную цель, могут очень быстро стать бесцельными, хотя всяческие планы продолжают разрабатываться до деталей. В этом сказывается сила воображения, которая никогда не создает четких образов.

Нордический человек кажется восточно-балтийскому холодным, сухим, бесчувственным и расчетливым, потому что нордическая сила воображения, несмотря на смелый полет мысли, всегда возвращается к действительности3.

Нордическая сила воображения более архитектоничная, восточно-балтийская – более музыкальная. Но главный признак восточно-балтийской расы – неспособность к принятию решений. Отсюда и взгляд на преступников как на «несчастных людей».

Недовольство может овладеть людьми восточной расы, они начнут рьяно воплощать в жизнь какие-нибудь идеи и навязывать их другим, но все равно так и не решат, что для них хорошо, а что плохо.

Творческая одаренность восточно-балтийской расы проявляется прежде всего в музыке и литературе. Сила воображения сочетается с хорошим знанием людей и умением их описывать, причем часто в мрачных тонах – вспомним русские романы – и с особой тягой к унизительно-смехотворному, странному и гротескному. При всем внешнем реализме и часто убедительном описании характеров в восточно-балтийской литературе всегда присутствует нечто запутанное, авантюрное, нереальное, одновременно озлобленное и растерянное. Восточно-балтийского человека тянет к колдовству, к спиритизму, потому что душа его никогда не может довольствоваться реальностью. Он все время ищет какого-то «спасения». Поэтому среди восточно-балтийского населения процветают разные секты, отсюда же навязчивая любовь к ближним. Люди восточно-балтийской расы, как и восточные, – но общество для восточно-балтийского человека становится чем-то мистическим.

Восточно-балтийского человека тянет к общению, он старается проникнуть в духовную жизнь других и при этом сам в духовном плане охотно раздевается перед ними догола. Его можно было бы назвать «прирожденным психологом», если бы его описания людей были более ясными. Многие восточно-балтийские люди обладают актерским даром. Музыка восточно-балтийской расы тяготеет к расплывчатым, протяжным мелодиям.

Восточно-балтийский человек всегда готов помочь ближнему и гостеприимен. Он верен своим друзьям. Одиночества он не любит, предпочитает общество и некритично воспринимает общепринятые идеи. Он очень терпелив. Восточно-балтийские люди мыслят масштабами всей страны, поэтому руководителям государства легко использовать их для своих целей.

С точки зрения восточно-балтийского человека, «все в руце Божьей». Он фаталист и очень вынослив в труде. Если он не способен к целенаправленному, обдуманному действию, то он может упорно работать. В делах веры и политики он при всем своем фатализме склонен к фанатизму и нетерпимости.

В отношениях с чужими восточно-балтийский человек всегда сдержан и осторожен, поэтому он часто кажется коварным и лживым. Во всяком случае легко вызвать у него недоверие. Он завистлив и мстителен, умеет рассчитывать планы мести и выжидать подходящей возможности, чтобы отомстить. Он груб с женщинами и груб вообще. На востоке Германии, где сильна примесь восточно-балтийской расы, велико число преступлений, таких как нанесение тяжелых увечий и кражи.

У восточно-балтийского человека чувства легко переходят в противоположные, вообще у него быстро меняются настроения. От необузданной ярости он может быстро перейти к миролюбивой сентиментальности, от упрямства к раскаянию и самоосуждению, от растерянности к зазнайству, от вялости к озлобленности. Столь же своеобразно сочетание преданности ближним и безграничного миролюбия с завистливым эгоизмом и лукавством в одном и том же человеке. Характерна также тяга к расточительству у разбогатевших восточно-балтийских людей. Вообще восточно-балтийская душа стремится к крайним пределам, к безмерному. Тусклая повседневная жизнь вдруг прерывается взрывом страстей. Восточно-балтийские мыслители легко впадают либо в рационализм (пример – Иван Карамазов), либо в мистицизм.

Восточно-балтийскому человеку редко удается сохранить богатство. Он может неделями тупо работать, а потом весело выбросить заработанные деньги, причем в пьяном виде он необуздан и может впасть в слепую разрушительную

ярость. Вообще восточно-балтийские люди не очень чистоплотны. У богатых это сочетается с любовью к роскоши.

По умственной одаренности восточно-балтийская раса выше восточной и несомненно выше западной. Восточно-балтийский человек соображает медленней, но, в конечном счете, все понимает правильно, его ум менее острый, но более гибкий и изобретательный. То, что восточно-балтийская одаренность не достигает нордического уровня, и неспособность этой расы к принятию решений проявляется в том, что в России и Финляндии, как и везде где преобладает восточно-балтийская раса, руководящий слой преимущественно нордический.

Что касается особого дара к изучению иностранных языков, который иногда приписывают восточно-балтийским людям, то я не согласен с этим мнением.

Как видим, образ восточно-балтийской расы таков, что он напоминает нам персонажей русских романов. И это не случайно, так как русские романы родились в народе с сильной восточно-балтийской примесью, и у таких людей, как Достоевский, эта примесь заметна и в физических, и в психических чертах.

16. Психические качества фальской (дальской) расы

Ленц не находит у фальской расы такой же тяги вдаль, как у нордической; она больше привязана к своей родине. Он считает фальских людей еще более надежными, чем нордические, и интравертными. Еще меньше, чем нордический, фальский человек способен сочувствовать другим людям. Его отличают замкнутость и упрямство, у него больше таланта к архитектуре и изобразительным искусствам, чем к музыке и риторике. Это скорее ударная сила под руководством нордических людей, чем сама руководящая сила, хотя у ряда величайших немецких вождей была сильная примесь светловолосой богатырской расы, например, у Бисмарка и Гинденбурга (к этому же типу следует отнести Вашингтона и Бьернсона).

По описанию Керна, фальский человек скрытен, но дружелюбен. Он обидчив и не терпит чужого превосходства. Он по-медвежьи груб и хитер, более силен в обороне, чем в наступлении, в нем больше трезвого расчета, чем смелости, больше любви к свободе, чем желания господствовать.

Таким образом, речь идет о тяжеловесной, мало подвижной расе. Люди этой расы никогда не бывают легкомысленными и безумно храбрыми, как нордические. Они более терпеливо сносят несправедливость по отношению к ним, чем нордические люди. В самом характере фальских людей заложено стремление

быть верными и надежными. Из них выходят хорошие стражи порядка. Ряд «капитанов экономики» рейнско-вестфальской промышленной области также принадлежит к этому типу.

Хотя фальский человек при первом знакомстве уклончив и недоверчив, то позже, когда отношения становятся близкими, выясняется, что это более теплый и добродушный человек, чем нордический. Таков же он и в своей религиозной жизни. Фальский тип часто встречается в Нижней Саксонии. Если нордический человек и в религиозной жизни больше проявляет свою волю, то фальский – свою сердечность. Нордический человек более смел, фальский более глубок. Нордический человек больше падок на новое, он творец новых идей, прежде всего, в естественных науках, технике и государственной жизни: фальский – упорен до упрямства. Он может отгородиться от других людей и чужих мыслей с железным упорством, которое внешне может выглядеть как долготерпение.

Именно среди фальской расы часто встречаются люди, которые ничего не забывают. Фальские люди охотно помогают другим, даже если их об этом не просят, но сами не любят, чтобы им помогали. В них есть нечто первобытное. Их можно принять за потомков великанов доисторических времен.

В немецком народе фальская раса больше всего представлена среди крестьян, особенно среди гроссбауэров, а также среди помещиков. Может быть, это главная причина сохранения в чистоте фальской расы со времен ее предшественников – кроманьонцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ К «РАСОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО НАРОДА»

Раса и язык

… Глубокое изучение индоевропейских языков и их общего своеобразия, даже если бы не было никаких расологических, археологических и прочих открытий, одно уже дало бы возможность четко описать духовное своеобразие соответствующей этим языкам расы. В 1-м разделе данной книги было показано, что раса и язык не всегда совпадают. Историческое развитие привело к тому, что в одном случае нордический народ утратил свой язык, а в другом нордический высший слой навязал индоевропейский язык народу другой расы. Только в самом начале распространения нордической расы раса и язык нордического народа были одного типа и происхождения. С расой, с расово обусловленным формированием речевого аппарата, связана в конечном счете, если народ утратил свой язык, только манера говорить, расово обусловленное **произношение**. По тому, как народ, утративший свой язык, произносит звуки воспринятого им

чужого языка, можно узнать его расовую принадлежность. Например, один и тот же язык будет звучать по-разному в устах широколицых и узколицых людей. На эти мельчайшие нюансы произношения следует обращать внимание во всех тех случаях, когда имели место расовые миграции, завоевания и т.д. Эти нюансы могут быть свидетельством расовой трансформации. Можно предположить, что племена нордической расы, пока они занимали замкнутую территорию на своей прародине и были расово чистыми, не имели диалектических различий.

Был один индоевропейский праязык. Индийские и иранские слова, обозначающие медь, совпадают с латинскими и германскими, так что можно предположить, что в медном веке между индоевропейскими племенами еще сохранялись соседские отношения. Первое разделение праязыка на диалекты, а именно на группы «кентум» и «сатем», могло произойти в III тысячелетии до н.э. Каждый индоевропейский язык следует понимать как особый ответ нордического племени на вопросы, которые ставили перед ними та или иная завоеванная область и покоренное население.

Каждый индоевропейский язык это компромисс между духом нордического языка и языковым влиянием ненордического туземного населения…

Дух завоевания, деятельности и смелости отражается в формообразовании и структуре индоевропейских языков. Один пример: Науман назвал **изобретение глагола** «одним из главных духовных деяний индоевропейских народов» («Краткий исторический синтаксис немецкого языка», 1915).

Понять, каково значение изобретения глагола, лучше всего помогает сравнение финно-угорских и алтайских языков, т.е. языков соответственно восточно-балтийской и центрально-азиатской расы, с индоевропейскими языками, языками нордической расы. Окажется, что в этих языках **глагола**, собственно говоря, **нет**. Форма выражения в индоевропейских языках вербальная: «Я наказываю (ты наказываешь, он наказывает) собаку». В финно-угорских и алтайских языках та же мысль выражается номинально: «Мое (твое, его) собаки – наказание (имеется)». Нордический человек ощущает себя действующим лицом, центрально-азиатский – определяет действие. «Мое дерева – видение» выражает менее напряженное восприятие, чем индоевропейское: «Я вижу дерево». Характерно, что даже в сфере почти бездеятельного восприятия человек, говорящий на индоевропейских языках, все же чувствует себя действующим лицом, тогда как человек, говорящий на финно-угорских и алтайских языках, даже для описания собственной деятельности находит в языке только выражения, определяющие процесс. Это принципиальное различие можно проследить вплоть до деталей.

Энергия нордической расы проявляется уже в ее языках: вторжение духа в мировые явления – вот причина изобретения индоевропейского глагола. Мы говорим: «Люди приходят». В восточно-балтийских и центрально-азиатских языках это звучит как «Прихождение людей». Хотя в этих языках из корня слова и прибавляемых слогов (видение – мое, видение – твое и т.д.) в конечном счете образуется нечто вроде глагола, то, что мы принимаем за личные окончания (как «гоню», «гонишь», «гонит»), всего лишь притяжательные суффиксы. В тех случаях, когда в индоевропейских языках спрягается глагол, эти суффиксы используются для склонения основного слова по падежам. Они выражают то, что в индоевропейских языках выражают предлоги (в доме = дома – внутри, в моем доме = дома – моего – внутри, стол, который находится внутри моего дома = дома – моего – внутри – находящийся – стол). Поэтому эти языки называются **агглютинирующими** (склеивающими).

Это очень важно для расологического анализа, потому что можно себе представить, что изначальным языком **восточной расы** был язык агглютинирующего типа. С этим языком восточная раса и пришла в Европу. Дух агглютинирующего языка соответствует созерцательному характеру восточной расы.

Следующий вопрос: не испытали ли языки нордической расы динарские, западные или восточные влияния? Мы уже частично ответили на этот вопрос, указав, что возникновение принципиальных различий между индоевропейскими языками это вообще результат компромисса с чуждым окружением. При этом речь еще не идет о расовом смешении: одно лишь переживание чуждой среды уже отражается на языке.

Было бы хорошо, если бы языкознание нашло в каждом индоевропейском языке следы влияния чуждого духа уже в древние времена. Тогда, может быть, стало бы понятным, сколь **значительные потери и изменения** претерпел **английский язык** из-за ощутимой примеси западной крови в английском народе. Но при этом нельзя забывать что в английском языке сохранились германские языковые особенности, утраченные другими германскими языками.

На древнеиндийский язык уже повлияли формы алтайских языков, а новоиндийские языки по своей структуре сблизились с дравидскими.

При каждом изменении языка языкознание будущего должно учитывать и расовые влияния. Не случайно современные армянский и персидский языки, на которых сегодня говорят, главным образом, народы переднеазиатской расы, отдалились от древнеармянского и древнеперсидского в направлении сближения со структурой кавказских языков – языков переднеазиатской расы. Карстенс («Германцы», 1928) допускает влияние финского и эстонского языков на диа-

лекты шведов, живущих на восточном побережье Балтийского моря. Расология в таких случаях должна задавать вопрос, идет ли речь только о влиянии одного языка на другой или уже о результатах расового скрещивания, в данном случае – скрещивания с **восточно-балтийской расы**, которая первоначально говорила на **финно-угорских языках**.

Следовало бы также задаться вопросом, не является ли сохранение в немецком языке более богатых по сравнению с другими германскими языками форм склонения и спряжения сильной примесью консервативной фальской (кроманьонской) расы?

Еще один факт истории языка, который также можно было бы объяснить с расовой точки зрения, – т.н. германский фонетический сдвиг (его называют также первым). В результате этого изменения звуков, которое произошло около 500 г. до н.э., германские языки как особая группа четко отделилась от других индоевропейских языков. После него каждой индоевропейской согласной p, t, k стали соответствовать германские f, ф (произносится как английское th) и h, а согласным b, d, g – p, t, k.

Вопрос о причинах этого задавался не раз и со времен Якоба Гримма на него давались противоречивые ответы, даже такие, которые объясняли его жизнью прагерманского народа в горах (Г. Мейер и Коллиц). Удовлетворительного или хотя бы общепринятого объяснения нет до сих пор. Но причиной могло быть столкновение в доисторические времена нордической и фальской (кроманьонской) рас. Именно то племя, в котором фальская примесь сильней всего, могло стать очагом названного фонетического сдвига. Такая гипотеза кажется заманчивой, однако ей противоречит тот факт, что контакт нордической и фальской рас произошел гораздо раньше 500 г. до н.э.

Мне кажется, вопрос можно поставить иначе: почему у других, не германских народов, фонетический сдвиг не произошел? Ответ может быть таким: эти народы оторвались от своей прародины и поселились среди племен, влияние которых затормозило фонетические изменения. Главная характерная особенность первого (как и второго) фонетического сдвига – возникновение фрикативов на месте конечных согласных. Для их произношения нужны более сильные легкие. Поскольку второй фонетический сдвиг, который произошел в V в н.э. и разделил немецкий язык на верхне- и нижненемецкий, отличался теми же чертами, например, начальные p, t, k превратились в pf, z, ch, выясняется, что на немецкой и вообще нордической прародине долго сохранялась тенденция к таким фонетическим сдвигам. Примечательно что при втором, т.н. верхненемецком фонетическом сдвиге, в стороне от новшеств осталась Нижняя Саксония,

где сильней всего фальская примесь, тогда как в датском языке и сегодня заметна тенденция к сдвигам, как в древневерхненемецком.

Тенденция к сдвигу в том же направлении, к усилению придыхания, наблюдается и в ряде негерманских языков. В древнеиранском p, t, k превратились в f, ф, ch, такие же сдвиги произошли в ряде индийских диалектов и в цыганском языке, в кельтских языках и в армянском языке. В италийских диалектах, оскском и умбрском, в середине слова «k» и «p» перед «t» превратились в «h» и «f» (Octavius – Uhtavius, scriptae – skriftas). Уже bh, gh, dh древних индусов указывают на сильное придыхание, и весьма вероятно, что в греческом и латинском p, t и k тоже произносились с сильным придыханием. То, что во всех этих негерманских языках не проявилось тенденции к фонетическим сдвигам, можно объяснить тем, что для окружающих народов, преимущественно **западной расы**, придыхание было чуждым. Известно, что во французском p, t и k произносятся без придыхания: сказывается западная примесь. В латинском h рано стало немым, в кельтских языках «f» превратилось в «h»; испанский язык смешанного народа кельтиберов также превратил свое f в h, которое позже стало немым.

Все это лишь попытка толкования, предстоит выяснить еще много деталей. Например, нужно как можно быстрей поставить вопрос, почему германские народы после первого фонетического сдвига стали делать ударение в словах на первом слоге в отличие от других индоевропейских народов, которые сохранили свободное ударение (литовцы, сербы). Однако следы ударения на первом слоге сохранились и в кельтских языках (в ирландском); похоже, было оно и в очень древнем латинском.

Второй, верхненемецкий фонетический сдвиг продолжил то, что начал первый. Он исходил от алеманского племени, когда оно еще не жило там, где живет теперь. Сегодня немецкие диалекты распределяются так, что можно подумать, будто из алеманской Швейцарии фонетический сдвиг пошел на север. Влияние фальской расы в данном случае предположить нельзя, однако второй сдвиг произошел в том же направлении, что и первый.

Нашлись ученые, которые объясняют первый и второй фонетические сдвиги **заимствованием** германцами **языка негерманского народа**. Такую гипотезу высказали Зигмунд Фейст и Браун. Согласно теории этих лингвистов, которая противоречит всем известным фактам, **германцы**, которые **первоначально говорили на неиндоевропейском языке**, заимствовали свой индоевропейский язык от народа, пришедшего **с Востока**, произвели потом в этом чуждом им языке сначала первый фонетический сдвиг, а позже, продолжает Фейст, в южной Германии подверглись таким языковым влияниям, что язык германских

племен испытал второй фонетический сдвиг. Лингвист Бехагель считает эту теорию несостоятельной (История немецкого языка, 1916). Народ, который был достаточно мощным, чтобы навязать германцам ко времени первого фонетического сдвига свой язык, должен был оставить какие-то следы в виде погребений, изменений стиля, но таких следов нет. Фейст, говоря о верхненемецком фонетическом сдвиге, исходил из современного распределения рас в Германии согласно картам Рипли и не учел, что в раннем средневековье население южной Германии было столь же нордическим, как сегодня на ее севере. Восточная и динарская расы стали занимать эти места в позднем средневековье.

Влияние динарской расы сказывается в том, что в греческом и кельтских языках «s» в некоторых позициях либо превращается в «h», либо совсем исчезает. Названия мест с залежами соли содержат слово «халль» – вариант индоевропейского «саль». От северной Греции до южной Баварии и Швейцарии динарская раса со времен неолита влияла на языки этих мест, а под влиянием родственной ей переднеазиатской расы и в древнеперсидском s перешло в h.

Изменения в немецких диалектах в IX-XI вв. я также объясняю влиянием динарской расы. Они происходят в направлении, противоположном двум первым фонетическим сдвигам. Так фрикативы снова стали взрывными (ф®d). Эти изменения начались в Баварии, где, судя по погребениям, раньше всего появились брахикефалы. Австрия и Бавария рано подверглись сильному влиянию восточной и динарской рас.

Динарское влияние проявилось, вероятно, и в т.н. дифтонгизации, явлении, начавшемся в XIII в. в области баварско-австрийских диалектов. Кроме немецкого языка это явление затронуло также чешский. В английском дифтонгизация также шла с юга на север, но там, конечно, никакого влияния динарской расы не было.

Для произношения определенных звуков динарская форма рта и челюсти лучше приспособлена, чем нордическая.

В зону влияния восточно-балтийской расы входят Дания и юго-западная Норвегия. В IX-X вв. в датском языке k, t и p в середине слова стали звонкими g, d и b.

Но не только произношение расы или расовое смешение влияет на заимствованный язык, но и духовный склад расы. Этим объясняется быстрое обособление отдельных индоевропейских языков и их дальнейшее расхождение, а также частично – распад языка на диалекты.

Наблюдается значительное различие между богатством, выразительностью и способностью к образованию неологизмов между швабскими диалектами долины Неккара, где преобладает нордическая раса, и бедностью диалектов верхнего Шварцвальда, области восточной расы. Следует обратить внимание и на назализацию гласных в баварских, франкских и швабских диалектах: не есть ли это восточное или восточно-динарское явление? Назализация есть во французском и польском, а нордические жители северной Германии, Скандинавии и Англии неспособны произносить назализованные звуки.

Диалекты можно толковать как отклонения от исходной формы языка, вызванные расовыми смешениями. Так можно считать, что баварский диалект возник в области преобладания динарской расы, алеманский – в области с сильной примесью восточной расы, а швабский – в нордической области. Карты распространения диалектов совпадают с картами распространения различных форм домов.

Однако не только диалекты одного языка, но и отдельные языки Европы можно считать выражением расовых особенностей народов Европы. Разве не выражает гибкость **испанского** языка лучше всего суть **западной расы**? Разве не соответствует итальянский язык с его более грубой, но зато доброй силой смеси западной, динарской и восточной рас? И разве не соответствует сицилианский диалект, столь отличный от итальянского языка, опять-таки чистой западной расе?

Если проследить процесс образования романских языков из т.н. вульгарной латыни, то мы увидим, что он воспроизводит процесс образования самих индоевропейских языков в доисторическую эпоху. Языковедам всегда бросались в глаза языковые новообразования, которые в начале нашей эры отличали и германские языки, и вульгарную латынь. Языкознание не могло объяснить эти совпадения. С точки зрения расологии ясно, что в двух языках выражался дух одной расы. Так и в латинском, и в немецком языках примерно в одно и то же время вместе с глаголом стали употребляться личные местоимения. В период между 350 и 750 г. в вульгарной латыни и в германских языках складывается описательная форма прошедшего времени со вспомогательным глаголом «иметь», а также описательная страдательная форма. В одном направлении развивалась и фонетика. В V и VI веках и в галльской вульгарной латыни, и в германских языках в результате редукции окончаний двусложные слова становятся односложными, а трехсложные – двусложными.

С усиленным притоком германской, преимущественно нордической крови в эпоху великого переселения народов из вульгарной латыни развиваются отдельные романские языки. Примечательно, что именно в период с VII по X век на

территории нынешней Франции происходят фонетические явления, в результате которых возникают особые французский и провансальский языки (древнейший памятник французского языка датируется 842 годом). На структуру и дух романских языков наложила свой отпечаток раса, к которой принадлежали германские племена. Основу современного итальянского языка заложил Данте, человек преимущественно нордического типа.

Если бы никогда не было ни завоеваний, ни миграций, то каждая раса имела бы свой особый язык. Расслоение рас в отдельных народах приводит к тому, что первоначально ясные отношения между расой и языком затемняются, приводит к утрате порабощенными слоями своего языка. Если, например, в Восточной Азии, мы имеем два вида языков, агглютинирующие алтайские и односложный китайский, мы должны сделать вывод, что ранее здесь существовали две расы. Можно представить себе, что отдельные большие языковые семьи Земли возникли в рамках групп людей, развившихся в расы в условиях изоляции в результате отбора. У них язык и раса совпадали. Широкие контакты с другими такими группами запутали впоследствии отношения между расой и языком, и сегодня нужны глубокие исследования, чтобы разобраться в этой путанице и показать, какая форма языка присуща определенной расе.

Похоже, что изначальными языками восточно-балтийской расы были финно-угорские, а динарской – кавказские языки переднеазиатской расы. Изначальные языки **западной расы** следует искать в более широком кругу, который охватывает индоевропейские и семито-хамитские языки. В этом кругу контактировали друг с другом: нордическая раса и индоевропейские языки; западная раса и изначальные языки народов этой расы (пиктов, иберов, лигуров); ориентальная раса и семитские языки; эфиопская раса и хамитские языки. Только в пределах круга этих четырех стройных, длинноголовых, узколицых и узконосых и мягковолосых рас возникли языки, имеющие грамматический род. Языки негритянской расы были, вероятно, односложными. Таким образом, отдельные народы западной расы дважды меняли свою языковую принадлежность, как, например, этруски, которые сначала утратили свой язык и перешли на язык, принесенный людьми переднеазиатской расы, а потом утратили и его, перейдя на индоевропейский язык италиков (римлян). Баски утратили свой изначальный язык западной расы, но до сих пор сохранили заимствованный кавказский язык переднеазиатской расы.

* * *

В заключение этого раздела я не могу не упомянуть об одной устаревшей лингвистической гипотезе, за которую языковеды до сих пор упорно держатся, а именно, гипотезе о происхождении индоевропейских языков из Азии. Эти языки якобы распространились с Памира. Эта гипотеза возникла в начале XIX века вследствие знакомства с языком древних индусов. В нем, поскольку древнейший памятник этого языка, Веды, датируются II тысячелетием до н.э., увидели индоевропейский праязык или, по крайней мере, язык, наиболее близкий к нему. Только несовершенство тогдашнего языкознания сделало возможной такую гипотезу. К этому примешивались ветхозаветные представления о происхождении всей человеческой цивилизации из Азии. Думали о Месопотамии, о других областях Азии и, в конечном счете, остановились на Памире.

Под влиянием этих идей лингвистов и исследователи доисторического периода, археологи и антропологи стали искать там прародину индоевропейцев, и когда Серджи доказал, что восточная раса проникла в неолите через Альпы в Италию, он заявил, что это была миграция италиков, т.е. индоевропейцев. Однако непредвзятые антропологи, по мере все новых находок, все меньше соглашались с мнением языковедов. **Брока** высмеивал возникшее противоречие: «Откуда происходят европейские расы? Из Европы. Откуда происходят европейские языки? Из Азии».

В то время как обнаруживались все новые свидетельства происхождения всех цивилизаций индоевропейских народов из центральной и северо-западной Европы, языкознание оставалось при своих ложных взглядах. Но наконец и чисто лингвистическим путем было установлено, что греческий язык во многих отношениях древней древнеиндийского, а ближе всего к индоевропейскому праязыку **литовский** язык. Это позволило и правильней определить прародину индоевропейцев. Ею была центрально-европейская область от Балтийского до Северного морей.

Задача языкознания – путем сравнения индоевропейских языков создать грамматику языка нордической расы. Грамматики отдельных языков должны быть ее ответвлениями. При этом нужно исходить из идеи, прообраза, по которому создавались индоевропейские (нордические) языки. Если создание этих языков было ответом на судьбоносные вопросы, вставшие перед племенами нордической расы, то из общего духа всех этих ответов можно будет составить себе ясное представление о духе нордического языка. Пока языкознание слишком много внимания уделяет морфологии и фонетике, а конечная задача – понять нордическую расовую душу, которая творчески раскрывается во всех индоевропейских языках.

Ясная и четкая структура древних индоевропейских языков показывает нам, что ходячие представления, будто народы древности обязательно должны были говорить на самых примитивных языках, подражая крикам животных, весьма далеки от истины. Весьма сомнительно, действительно ли имел место «прогресс» в **духовном** освоении мира человеком. Раса, создавшая индоевропейские языки, должна была отличаться величием духа. То, что некоторые языковеды называют прогрессом языка, можно считать его регрессом и вырождением по мере утраты народами духовных способностей вместе с утратой нордической крови.

Пусть это мнение покажется односторонним, но изучение истории индоевропейских языков убеждает в том, что молодежь нужно знакомить не только с греческим и латинским, но и древненемецким, древнеанглийским, древнеисландским языком и притом вовсе не для накопления эрудиции, а для воспитания мужественного отношения к жизни. Если мы, немцы, осознаем роль нордической расы в создании древних языков, то занятие этими языками будет не долом ученых, а проблемой самопознания.

КРАТКАЯ РАСОЛОГИЯ ЕВРОПЫ

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1925.

1. Распределение европейских рас на территории Европы

Жители **Британских островов** нигде не имеют такой светлой пигментации, как жители северо-западной Германии, и такой темной пигментации, как жители южной Франции. Светлая пигментация населения уменьшается в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Сравнительно темную пигментацию имеет в Англии население всей области к югу от линии Ливерпуль-Манчестер и к западу от 2° долготы, т.е. примерно Манчестер-Борнмут. Внутри этой области только в Уилтшире и на востоке графства Сомерсет пигментация более светлая, всего темней она на п-ове Корнуэлл и в южной половине Уэльса. Расположенные в центре Англии графства Нортгемптон, Хантингдон, Бедфорд, Бекингэм и Хартфорд отличаются темной пигментацией населения. Сравнительная темная она и у жителей горной части Шотландии к югу от Каледонского канала (северная Шотландия – нордическая), особенно темная – в Инвернессе. Аргилле и южной Шотландии к западу от линии Глазго-Карлайл. Ирландия имеет население более темной пигментации за исключением графств Лимерик и Типперэри. Самая темная она на юге (Керри, Корк, Уотерфорд), на западе и севере (Оль-

стер и Коннот). По данным Беддоу, сильную западную примесь имеет население западной части графства Голуэй в Конноте.

Темная пигментация населения перечисленных областей Британских островов обусловлена кровью западной и восточной рас: динарская примесь на Британских островах мало заметна, несколько заметней она на Корнуэлле, в графстве Мерионет (Уэльс), в Кимберленде и, прежде всего, – в области Ферт-оф-Форт, где 25% населения – брахикефалы. Население Корнуэлла преимущественно западной расы, но часто оно имеет черты лица, напоминающие «семитские». Более заметную примесь восточной расы имеет Уэльс, а также Девон и западная часть графства Сомерсет. Сильная примесь восточной расы сказывается и на жителях перечисленных графств центральной Англии, но на Чилтернских холмах между Оксфордом и Кембриджем снова усиливается примесь западной расы. Восточный тип чаще встречается в северо-западной Ирландии, западной Шотландии и на Гебридах. Но сильней всего примесь западной расы в Ирландии. Более низкие головные указатели и высокие лицевые указатели на всех Британских островах, прежде всего, в южной Англии и Ирландии, это признаки нордической и западной рас. Можно дать такое распределение: горная западная Шотландия – восточно-нордическая смесь, Уэльс, Дорсет, Девон, западный Сомерсет и северо-западная Ирландия – смесь восточной, нордической и западной рас, Корнуэлл и Ирландия за исключением ее северо-западной части – западно-нордическая или нордически-западная смесь. Шетландские острова населены людьми нордической расы как и Гебридские (с небольшой примесью восточной расы). На Лонг-Айленде еще не так давно на темноволосых людей смотрели с презрением. В целом на Британских островах, включая области с темной пигментацией населения, нордическая примесь значительна. Примерный расклад: **55-60% нордической крови, 30% западной** и 10% восточной.

Своеобразная и еще недостаточно объясненная черта – высокий средний рост жителей Британских островов, включая темно пигментированных. Действовали ли в данном случае особые условия отбора? Или смешение рас стимулирует (временно) рост гибридов? Нордический слой в Англии сохранился в большей чистоте, чем в Германии.

Во **Франции** область преобладания нордической расы простирается с севера от побережья до Шампани, к югу от населенных преимущественно людьми восточной расы Арденн и пересекает центральную Францию, причем процент нордической крови все время убывает по направлению к Лиможу. В одном месте в эту область врезается восточная раса – от гор Морван до Орлеана. На побережье Нормандии преобладает нордическая раса, как и на побережье Бретани, внутренние области которой заняты восточной расой.

Областью преобладания восточной расы во Франции является весь Восток, хотя Вогезский лес отличается сильной динарской примесью. Восточная раса заселяет возвышенности – Лангр, горы Морван, Кот д'Ор, а также Овернь и Севенны, откуда восточное влияние прослеживается в юго-западном направлении до Пиренеев. Альпийские области Франции – смешанные, восточно-динарские. Французские исследователи отмечают сходство между жителями Оверни и Бретани, а Топинар встречал в Бретани людей «азиатского» типа (население южнобретонского города Пон ль'Аббе сравнивают с монголами).

Западная раса преобладает на побережье Средиземного моря, в нижней и средней части долины Роны, а в смешанном виде – в долине Соны до Шалона. Она преобладает также на юго-западном побережье Франции до Жиронды, особенно в Медоке и Сентонже. Примесь западной расы есть во всей Франции и Бельгии, включая Фландрию.

В районе Периге длинноголовость сочетается с широколицестью. Рипли приписывает эти черты палеолитической кроманьонской расе. Но я предполагаю в этом районе и сильную примесь западной расы.

Плёти оценивает долю **нордической крови** во Франции на уровне **25%**, 50% приходятся вместе на восточную и динарскую расы и еще 25% – на западную.

В валлонской части **Бельгии** преобладает восточная раса, но кое-где, прежде всего, в ряде кварталов Брюсселя заметна западная примесь. Это влияние не только доисторического населения, но и испанской оккупации страны. Фландрия – преимущественно нордическая область с более сильной восточной и более слабой западной примесью. Фламандско-валлонская языковая граница это одновременно граница между областями с преобладанием нордической и восточной расы.

Германия и другие страны немецкого языка будут описаны здесь лишь вкратце, поскольку на эту тему есть специальная работа. Области наибольшего преобладания нордической расы – северо-западная Германия и северная Голландия, особенно те области, где распространен нижнесаксонский диалект. Отсюда процент нордической крови убывает к югу, юго-западу и востоку. К востоку от Одера (за исключением побережья Балтийского моря до Вислы) нельзя больше говорить о преобладании нордической расы. Равно как и к югу от Майна (за исключением долин больших рек).

Северо-восточная Германия, особенно Восточная Пруссия, это область самой сильной примеси восточно-балтийской расы (но не ее преобладания). Примесь этой расы заметна во всей восточной части области распространения немецкого

языка, особенно в Саксонии и Нижней Австрии. К западу от линии Киль-Инсбрук эта примесь мало заметна.

Примесь динарской расы сильней всего во всей области баварского диалекта. В южной Баварии и Австрии можно говорить о преобладании динарской расы, усиливающемся по мере приближения к юго-восточной границе немецкого языка. Но примесь ее прослеживается и до его западной границы, причем в Восточной Швейцарии, Южном Бадене и Эльзасе опять можно говорить о преобладании динарской расы. За линию Майна на север она не заходит.

Примесь крови восточной расы сильней всего в юго-западной Германии; в Шварцвальде, Западной Швейцарии, горных областях Вюртемберга и центральной Баварии эта раса преобладает. Ее более или менее сильные примеси прослеживаются во всей области распространения немецкого языка, сильнее – вдоль границы немецкого и французского языков и в Верхней Силезии.

Примесь крови западной расы здесь невелика, заметней она в Западной Швейцарии и Восточных Альпах, в Рейнланд-Пфальце и долине Мозеля. Долю **нордической крови** в немецком народе можно оценить на уровне **50-55%**. Но нордическая кровь в Германии более равномерно распределена во всем народе, чем в Англии, где она сосредоточена в высших слоях.

Испания населена почти исключительно людьми западной расы, так что ее можно считать расово однородной страной. Восточная раса встречается только в северо-западных и астурийско-кантабрийских горах, особенно вокруг Овьедо, вплоть до северной границы Португалии. Есть и нордическая примесь: Плётц оценивает ее, как и восточную, на уровне 15%. Жители Каталонии гордятся своей «готской» кровью. Нордическая примесь еще заметней в горах Сьерра де Бехар (северо-западная Испания), в Галисии, среди мараготов в Леоне и по всей Испании – в высших сословиях. Переднеазиатская примесь проявляется на южном побережье Испании (за исключением Кадиса) от Гранады до Севильи. Небольшая примесь ориентальной расы не очень заметна, потому что эта раса близка по типу к западной расе.

Баски говорят на языке, родственные связи которого не установлены. Винклер сближает его с кавказскими языками переднеазиатской расы. Сами баски народ в расовом отношении смешанный. Во Франции это смесь восточной и западной рас, в Испании перевешивает западная раса, но здесь довольно велика и примесь нордической крови: среди горных басков нередко встречаются блондины со светлыми глазами.

В **Португалии**, как и в Испании, преобладает западная раса. Восточной крови здесь больше нет, нордической очень мало, она есть в прибрежных городах. Зато велика примесь негритянской крови, что отличает португальцев в расовом отношении от испанцев, людей западной расы. Из-за этой примеси негры видят в португальцах почти что себе подобных и уважают их гораздо меньше, чем других европейцев. Говорящие на языке суахели различают «европейцев» и «португальцев».

Северная половина **Италии** это смесь восточной и динарской рас с небольшой нордической и западной примесью, а южная – область западной расы с небольшой переднеазиатской и негритянской примесью. Динарская раса вторгается в Италию из восточных Альп по северо-восточному побережью от Венеции до Романьи, убывая по мере смешивания. Восточная раса убывает в числе с севера и северо-запада до Рима, где начинается Италия западной расы. Область вокруг Лукки – островок западной расы среди брахикефалов севера Италии. Сильна примесь западной расы и на всем лигурийском побережье. **Нордическая** примесь – может быть, 15 % всего итальянского народа, заметней всего в Пьемонте, Милане и Венеции, но она проявляется и во всей альпийской области и в северных Апеннинах, даже во Флоренции. В Тоскане и Умбрии можно еще встретить людей более светлой пигментации; особенно часто голубоглазые блондины встречаются в округе Перуджа. Странно, что блондины в Северной Италии чаще встречаются на высоте более 400 м.

В область преобладания западной расы входят острова Сицилия, Сардиния и французская Корсика. Юг Италии более однороден в расовом отношении. Переднеазиатская примесь заметна на юге в Салерно и Бари, а на Сицилии – в Сиракузах и Агридженто. На Сицилии есть и небольшая примесь ориентальной расы. Светлые волосы еще встречаются в бывших лангобардских областях вокруг Беневенто. На Мальте 1% блондинов, в Цуррико на Мальте их больше. Кроме них бросается в глаза также более сильная переднеазиатская примесь среди населения Мальты, которое принадлежит, в основном, к западной расе.

Области, населенные словенцами, хорватами, сербами, черногорцами и албанцами это области наибольшего преобладания динарской расы. Но среди этих народов заметны и примеси других рас: кровь западной расы проникала с побережья Средиземного моря, восточно-балтийской – из восточной Европы. Нордическую кровь занесли разные народы нордического происхождения. У южных албанцев нордическая примесь сильней, у сербов она такая же, как у словенцев. Албанские поселенцы занесли динарскую кровь в Калабрию (с небольшой нордической примесью).

Норвегия до областей, населенных саамами (народ центрально-азиатской расы с восточно-балтийской и нордической примесью), страна преимущественно нордическая. Примесь центрально-азиатской крови есть как в Норвегии, так и в Швеции и у несаамского населения. Примесь восточной расы есть на островах западного побережья между Бергеном и Тронхеймом и в области между Согне-фьордом и Норд-фьордом. Но больше всего она на юго-западном и южном побережье Норвегии (Хёугесунн – Ставангер – Кристиансанн). На всем западе Норвегии есть очень небольшая западная примесь – возможно, результат древних связей с Англией и Шотландией (с пиктами). Самое чистое нордическое население Норвегии живет в Остертале и Судбраннетале. Восточно-балтийская раса преобладает в лесистой местности Трюссил на шведской границе; Рипли описывает тамошних жителей как «монголоидов». Но речь идет о восточно-балтийских переселенцах из Финляндии (кванах).

Люди своеобразного типа живут у Согне-фьорда: темноволосые мезо- и брахикефалы среднего и низкого роста с «южным» темпераментом в речи и движениях, весьма воинственные. Возможно, в этой замкнутой области в результате отбора (из западной, восточной и нордической составляющих) возник наследуемый комплекс признаков, а может быть, речь идет о расе неизвестного происхождения. Норвегия с ее замкнутыми долинами сохраняет племенные различия и среди нордического населения. Часто все жители таких долин принадлежат к немногим семьям. В Тюдалене (округ Тронхейм), по-моему, сохранилась даже кроманьонская раса.

Швеция, за исключением областей, населенных саамами и финнами, **самая чистая нордическая страна** вообще. На крайнем юге заметна примесь восточной расы, в остальном Швеция – расово однородная страна, точно так же, как Испания – страна западной расы. Нордическая раса в наиболее чистом виде представлена вокруг озера Веттерн, в Емтланде и в Даларна. Это области наибольшей чистоты нордической расы на Земле. Понятно, почему именно там ищут прародину нордической расы.

В результате связей с Финляндией в Швецию попало много восточно-балтийской крови, а в Финляндию – много нордической. В Швеции 13% брахикефалов. Доля нордической крови в шведском народе – свыше 80%, в Норвегии – 75-80%.

Дания в целом не такая чисто нордическая страна и ее нельзя сравнивать со Швецией и Норвегией. Самая нордическая область Дании – Ютландия. На датских островах примесь восточной расы столь велика, что в целом население Дании выглядит менее нордическим, чем жители других скандинавских стран и Шлезвиг-Гольштейна.

Исландия – страна преимущественно нордическая, но и там есть примесь восточной и восточно-балтийской рас. Скальд Эгил (900-982) смеялся над своим плоским носом и своими темными волосами.

Восток Европы представляет собой постепенный переход от смешанных расовых типов Центральной Европы к восточно-балтийским, переднеазиатским и центрально-азиатским областям. Подобно тому, как азиатский растительный и животный мир начинается далеко к западу от Уральских гор и реки Урал, так уже на юге Европейской части России и на Балканском полуострове начинает меняться картина народов. Появляются и становятся все чаще люди центрально-азиатского и переднеазиатского расового происхождения. Для северо-востока Европы характерно преобладание восточно-балтийской расы. Для юго-востока – разнообразные переходы восточно-балтийской расы в центрально-азиатскую и переднеазиатскую. При сходстве восточно-балтийских и центрально-азиатских физических признаков часто трудно провести четкую границу между этими расами.

В пределах этой – если смотреть с севера на юг – сначала нордически-восточно-балтийской и нордически-восточной, потом восточно-восточно-балтийской, динарско-восточно-балтийской, западно-восточно-балтийской и, наконец, переднеазиатско-восточно-балтийской области есть и исключения. Литовцы и латыши – преимущественно нордические народы с сильной восточно-балтийской примесью, эстонцы тоже. Великорусские области, примыкающие к Прибалтике, также преимущественно нордические. Нордическая кровь проявляется, прежде всего, по течению Вислы, еще больше – по течению Западной Двины и в Южной Волыни. К югу и к востоку она постепенно исчезает, ее место в соответствующем объеме занимает восточно-балтийская кровь и наконец, начинаются области с наиболее сильной центрально-азиатской примесью. Однако в областях, где распространен **русский** язык, долю **нордической** крови можно оценивать на уровне 35-40%. В Польше к востоку еще быстрей уменьшается процент нордической крови и увеличивается процент восточно-балтийской, восточной и центрально-азиатской. Средний рост поляков ниже из-за большого числа евреев (16% населения). Сравнительно много нордической крови на севере Польши.

Финский народ преимущественно нордический на юго-западе и юге Финляндии, но там верхний слой составляют шведы. К северу и востоку начинаются восточно-балтийские области Финляндии.

78% финнов имеют светлые глаза. Большинство кареглазых (их 10%) встречается в северной Финляндии среди финского племени кванов, которые восприняли центрально-азиатскую кровь от саамов. Наиболее восточно-балтийским,

хотя и с нордической примесью, является финское племя тавастов, живущее в центральной Финляндии.

Остается неизвестным, смесью каких рас являются карелы. В противоположность тавастам они более стройные, среднего роста, многие из них имеют каштановые, вьющиеся волосы, коричневатую кожу, более узкое лицо и более длинный нос. И по своему поведению карелы выделяются среди других финских племен: они веселей, разговорчивей, решительней, хотя и менее стойки. Они предупредительны и благодаря своим манерам производят впечатление более благородных (такими их описывает Рециус). Смесью каких рас они являются? Их пытаются связать с **«рязанским типом»**, о котором речь пойдет ниже. Может быть, сыграли роль особые условия отбора, которые благоприятствовали наследованию комплекса признаков, ставшего результатом скрещивания.

На севере России живут саамские племена, на северо-востоке – ближайшие родственники финнов, как и они, племена восточно-балтийской расы. Ханты и манси представляют собой смесь восточно-балтийской расы с **«рязанским типом»**. Саамы – народ центрально-азиатской расы с довольно большой примесью восточно-балтийской крови.

Таким образом, среди эстонцев, ливов и особенно среди финнов часто встречаются люди нордической расы, говорящие на финских языках. С другой стороны, на русском, индоевропейском языке говорит много восточно-балтийских людей и людей, которые по крови скорее принадлежат к Азии, чем к Европе. Расовая и языковая принадлежность особенно резко расходятся на востоке Европы.

В Центральной и Северо-Западной России (может быть, за исключением примыкающих к Прибалтике более нордических областей) в целом преобладает восточно-балтийская раса. Около 80% местных жителей имеют светлые глаза, при этом лишь 13% – головной указатель ниже 80. К югу доля восточно-балтийской расы постепенно убывает, но ее примесь еще заметна и в юго-восточной Европе. В южной России 40% светлоглазых блондинов, но их светлая пигментация – не нордического происхождения. Более или менее сильная примесь центрально-азиатской крови наблюдается на всем востоке Европы. Особенно заметна она в Ярославской области.

Западная и северная **Украина** это опять область динарской расы, особенно Харьковская, Полтавская, Киевская и Черниговская области. На западе эта область доходит до Волыни, на востоке – до Волги. В Подолии преобладает динарско-восточная смесь, в Галиции процент восточной расы увеличивается, чем дальше на запад, тем больше. Жители Карпат – смесь восточной и динарской рас, на дуге Карпат и Трансильванских Альп к ним добавляются восточно-

балтийская и нордическая примеси. **Венгры** первоначально принадлежали к восточно-балтийской расе, но их внешний облик сильно изменился после их переселения в Европу из-за примеси восточной, динарской и нордической крови. Балканы и их отроги заселены людьми восточной расы или ее гибридами с динарской расой, Балканский полуостров – смесью западной, переднеазиатской и динарской рас. Область, где динарская раса представлена в наиболее чистом виде, простирается от долины реки Вардар до Салоник. Динарская примесь имеется и на Крите. Но во всей юго-восточной Европе динарская и переднеазиатская кровь сосуществуют и четких границ между ними нет. Среди румын и болгар, живущих в долине Дуная, преобладает **западная раса** с небольшой примесью динарской. Болгары, народ центрально-азиатского происхождения, после переселения в Европу изменили свой внешний облик, смешавшись, главным образом, с западной расой. То же самое произошло с турками, но они смешались с переднеазиатской расой. Западная раса с ее длинными черепами заходит от устья Дуная в Молдавию и на юг Украины, отдельные лица этой расы встречаются и северней, на Украине и в Польше. Похоже, что в Польше примесь западной расы была когда-то более сильной.

Среди великорусского народа особо следует выделить область более низкорослых, мезокефальных, темноволосых и кареглазых людей к югу и юго-западу от Москвы, в **Рязанской** и **Тамбовской** областях. Этот тип прослеживается и далее на северо-восток, среди мари, удмуртов, хантов и манси. Можно ли считать, что этот «протофинский» или **рязанский тип** возник под влиянием западной расы? С внешним обликом западной расы не согласуются плоские и широкие лбы людей этого типа и их скошенные наружу скулы. Это скорее азиатские черты. Но в этих местах бросается в глаза ярко выраженная мезокефалия (головной указатель 76-79), что в брахикефальном окружении указывает на примесь длинноголовой расы.

На **Кавказе**, где в целом преобладает переднеазиатская раса, сталкиваются европейские и азиатские группы. Рыцарский народ осетин, потомки алан, отличается более высоким ростом, среди них 30% блондинов со светлыми глазами. При их иранском языке это неудивительно. Еще больше светлоглазых блондинов – 60% – среди курдов Каракуша и Нимруд-Дага. Они тоже говорят на иранском языке.

В **Северной Африке** еще встречаются большие области, в которых преобладает население западной расы, на всем северном побережье от Египта до Марокко и от Марокко к югу, включая острова. Но во всех этих областях ощущается также примесь ориентальной, негритянской и (прежде всего в Алжире и Марокко) переднеазиатской расы. Западная кровь проникла и вверх по Нилу. Западные черты отличают жителей островов Средиземного моря наряду с более сильной

переднеазиатской и более слабой негритянской примесью. На Крите в горах примесь переднеазиатской расы сильней, чем на равнине.

2. Нордическая раса в истории

В XIX веке шли долгие споры о том, где следует искать прародину народов, говорящих на индоевропейских языках. Сегодня стало понятно, что речь идет о прародине правящих классов этих народов. Она находится не в Азии, а на северо-западе Европы (Мух. Родина индогерманцев. 1902).

После выхода в свет книги Муха открылись многие новые факты, указывающие на северо-запад Европы как на прародину племен нордической расы. Р. Латэм (1812-88) первым из филологов признал Европу в 1851 г. прародиной индоевропейских народов. Высокоразвитая культура распространилась в неолите с северо-запада Европы до Альп, Балкан, Греции и южной России, в бронзовом веке перешла через Альпы, опять дошла до Греции, Причерноморья и Передней Азии. Возможно, волны нордических племен одна за другой захлестывали бассейн Дуная, оттесняя преобладавших там динарцев в двух направлениях – в нынешнюю Югославию и на северо-запад Украины.

С конца каменного века среди нордических племен распространился обычай трупосожжения. У них были определенные религиозные верования, правовые и моральные концепции, свой календарь.

Мегалитические памятники, похоже, были созданы одной или несколькими волнами нордических племен, которые время от времени устанавливали свое господство над средиземноморскими народами. Шухардт, на мой взгляд, ошибочно приписывает мегалиты западноевропейской культуре. В дольменах Алжира находят скелеты высоких, длинноголовых людей, а в Эфиопии и сегодня встречаются люди со светлыми волосами и глазами. Потомками одной из нордических волн могут быть берберы и кабилы – среди последних процент блондинов – от одной пятой до одной трети.

С распространением нордических племен началась и дифференциация их языков. Это произошло в III тысячелетии до н.э.

На Ближний Восток нордическую кровь занесли амориты, смешавшиеся с евреями. Они вторглись в Малую Азию и страны Эгейского моря около 1500 г. до н.э. и через Палестину дошли до Египта. На египетских рисунках той эпохи изображены люди нордического типа. Тем же путем в VII веке до н.э. прошли

скифы. И сегодня тип со светлыми волосами и глазами часто встречается, в первую очередь, среди друзов.

Среди филистимлян, как и среди ахейцев, высший класс принадлежал к нордической расе, а низший – к средиземноморской.

Рок раздоров тяготел над нордической расой. В Троянской войне нордическая аристократия эллинов сражалась против нордической аристократии фригийцев и других племен; персы воевали против мидийцев и греков, кельты против римлян, германцы против кельтов. И во всех европейских войнах, вплоть до Первой мировой, больше всего проливалось именно нордической крови.

Внимание ученых, занятых поисками следов нордических племен, привлекли саки (скифы). Древние авторы находили их похожими на кельтов и германцев. Аланы, по описаниям, имели нордическую внешность. Среди их потомков, осетин, 30% блондинов. Особенно много скифской крови сохранилось у афганцев. Ее влияние обнаруживается даже среди обских угров и татар.

Китайские хроники до 200 г. до н.э. описывают живущих в Синьцзяне усуней как народ со светлыми волосами и глазами. Сравнительно недавно в этом регионе были открыты надписи на тохарском языке, принадлежащем к индоевропейской семье.

Примесь нордической крови заметна среди высших классов даже в Китае. Волны нордических племен именуемых киммерийцами и родственных фракийцам, перешли в VII веке до н.э. Кавказский хребет. Одновременно фригийские племена нордического происхождения достигли Армянского плато с запада. Эти две нордические волны образовали правящий класс среди армян. Туземное население не было индоевропейским. Армянский язык – особенно яркий пример того, как переднеазиатские низшие классы армян совершенно изменили индоевропейский язык в соответствии со своей языковой психологией в направлении кавказских языков, на которых первоначально говорили все народы переднеазиатской расы. Это влияние больше проявилось в фонетике, чем в лексике. Сегодня примесь нордической крови в Армении почти не прослеживается, среди армян преобладает переднеазиатская раса.

Нордические предки индусов перешли через Кавказский хребет около 1700 г. до н.э. Долгое время до этого они были тесно связаны с персами и говорили на одном арийском языке. И индусы, и персы шли одним путем – из южной России через Кавказ. Предполагается, что индо-персидские племена долго жили на юго-востоке Европы, потому что в финно-угорских языках много очень древних индоиранских заимствований. Зоной контактов была южная Россия.

В Армении индо-персидские племена встретились с хеттами. Именно в Армении индусы около 1400 г. до н.э. впервые выступают как отдельное племя под самоназванием «хари». В древних индийских сказаниях боги и герои всегда «хари» – светловолосые. В Ведах и в Авесте упоминается праздник зимнего солнцестояния, что можно объяснить только североевропейским происхождением.

Туземное население Индии было темнокожим, малорослым и «безносым». Индийское слово «варна» (каста) обозначает «цвет». И сегодня самая светлая кожа у индусов высших каст. Но Ригведа еще не знает каст, а только два расовых класса (около 1200 г. до н.э.). Касты впервые упоминаются лишь 300-400 лет спустя, когда в результате расового смешения возникли промежуточные типы.

Похоже, индусы знали об опасностях расового смешения. Строгая система кастовых правил препятствовала сближению между нордическими властителями и аборигенами. Законы Ману запрещают смешение каст и содержат много важных евгенических предписаний. Долгое время расовое смешение удавалось удерживать в рамках. О предубеждении против переднеазиатской расы (которая доходила до Индии) свидетельствует индийская поговорка «Человек со сросшимися бровями – злой». Когда раса была еще сравнительно чистой, были созданы героический эпос, философия брахманизма и шедевры поэзии. Творения индийского духа заслуживают глубокого изучения и всегда вызывали у нас энтузиазм. Х.С. Чемберлен указал на важность индийской мысли для нас в своей небольшой работе «Арийское мировоззрение» (1917г.).

Появление буддизма, учения совершенно ненордического по своей духовной сути, нанесло первый удар по расовой дисциплине, последствия которого были непоправимыми. Возникший в области, лишь редко населенной индусами нордической крови и распространяемый ненордическими миссионерами буддизм порвал со старыми, наследуемыми вместе с кровью традициями нордических индусов и подменил чистую раннюю индийскую философию сомнительным учением о спасении, адресованным людям всех каст и рас. Буддизм подрывал раннюю индийскую мудрость, проповедуя дух отречения. По словам великого индийского мыслителя Шанкары, буддизм проявил себя только в «бесконечном многословии и ненависти к роду человеческому».

В буддизме не было конструктивных идей, он мог только искажать созданное брахманизмом. На смену учению о жизненной гармонии пришло отрицание жизни. Требуя отказа от половой жизни, брака и собственности, буддизм способствовал исчезновению нордической крови, потому что именно люди нордической расы принимали его всерьез.

В исчезновении нордического элемента в Индии важную роль сыграл и климат. Негативный отбор и расовое смешение привели к упадку индийской культуры. Новый приток нордической крови принесло вторжение скифских племен в 120 г. до н.э. В Индо-Скифском царстве возродилась индийская поэзия. В нем творил величайший индийский поэт Калидаса.

Последующие вторжения кочевников привели к победе в Индии азиатских расовых элементов. Но в VI веке н.э. еще проявляла себя нордическая кровь (искусство Аджанты). Сегодня в Индии редко встретишь светлокожих людей; больше всего их среди северо-западных племен, среди сикхов и индусов высших каст.

Население современной Индии сохранило арийский язык, но не арийскую кровь. Физически оно представляет собой смесь нескольких темных рас. Их влияние сказалось и на языке, особенно на синтаксисе.

В древнем Иране неутихающая внутренняя борьба между персами и мидийцами способствовала исчезновению нордического правящего класса с обеих сторон.

Политическая система персов была такой же, какую мы находим в древние времена у всех народов с нордическим правящим классом.

В конце VII – начале VI века до н.э. среди персов появилась великая личность – Заратустра, который придал новую форму традиционной религии. Это было первым сознательным актом религиозного творчества в истории, до Будды и еврейских пророков. Впервые всему мировому процессу и государству было придано этическое значение, и человек занимал определенную позицию в этой этической системе.

Маздеизм важен для понимания нордического духа, он показывает нордическую сущность в ее персидской форме… Маздеизм – самое возвышенное религиозное творение, когда-либо созданное народами нордического происхождения, а Заратустра – один из самых великих сынов этих народов. Внутренний моральный конфликт человека нигде не понят более глубоко, чем в маздеизме, никогда перед человечеством не ставили более возвышенной цели.

Чем больше изучают маздеизм, тем яснее видно истинное величие персов и их культуры. Персия стоит наравне с Грецией и Римом, а морально превосходит их. Первым указал на это Гобино.

Законы и обычаи древних персов показывают их нордическую природу. Судя по их характерным чертам, персы были более нордическим народом, чем эллины.

В состав Персидского царства вошли области, густонаселенные переднеазиатской и ориентальной расой. Правление Кира II было мягким, завоеванным народам оставлялась известная доля независимости, и это было началом смешения рас и исчезновения нордического правящего класса. В жизни всех народов под нордическим правлением империализм всегда приводил к упадку и смерти в результате истощения нордической части народа.

Около 400 г. до н.э. в религию персов снова стали проникать ненордические верования – культ Митры и особенно Анахиты, родственный по духу культам Астарты и Кибелы у семитских народов и Афродиты у греков в более поздний период. По мере вымирания нордического элемента среди персов и эллинов возобладал дух переднеазиатской расы или ее смеси с ориентальной расой.

Арабская литература в Средние века была, большей частью, делом персов, писавших по-арабски. Исламская архитектура заимствована большей частью из персидских источников. Не случайно суфизм возник именно в Персии. Ислам, как и все семитские формы религии, всегда казался нордической душе сухим и безжизненным.

В эпоху Сасанидов в персидском народе стала преобладать кровь переднеазиатской и ориентальной рас, особенно первой. Персидский язык также стал видоизменяться в сторону сближения с кавказскими языками.

Сегодня в Иране светлые волосы и глаза нередки среди старых благородных семей, особенно в области между Ширазом и Исфаханом. Среди курдов блондины все еще составляют более половины населения Нимруддага и Каракуша. Средний головной указатель западных курдов 75. Светлые волосы и глаза нередко встречаются среди памирских племен, но особенно часто – среди афганцев.

Подобно тому, как подъем и упадок индийской и персидской культур были связаны с распространением и исчезновением нордического правящего класса, развивалась и история Греции.

Прародиной греков считается территория нынешней Венгрии. Первоначально греки были светловолосым народом. Такими изображает Гомер своих любимых героев, такими были, по описаниям, спартанские и беотийские женщины.

В Греции до прихода нордических племен преобладала средиземноморская раса, но уже с сильной динарской и переднеазиатской примесью. Многие названия местностей в Греции – не индоевропейские. В религии греков сохранились фигуры донордических времен, такие как Посейдон, которого Гомер называет

черноволосым, и Гефест. Всю т.н. микенскую культуру Шухардт (Древняя Европа, 1919) считает смесью средиземноморской и нордической культур.

Героические сказания греков отражают память о нордической расе. Авангардом нордических племен были ионийцы, эолийцы и ахейцы, второй волной было нашествие дорийцев. Пришельцы принесли с собой патриархат, сменивший местный матриархат. Средиземноморскую веру в то, что душа умершего уходит к богам, сменила нордическая вера в мрачное прибежище мертвых, Гадес. Лишь позже средиземноморская вера начала контрнаступление из тех мест, куда не дошли нордические племена. Постепенно из мира нордических правителей и покоренных средиземноморцев родилась та удивительная смесь форм, которую мы знаем как «счастливый» греческий мир. Но верхний слой эллинской идеологии сохранял нордическую природу. Ранние эпохи всех народов под нордическим правлением это героические эпохи, которые потом воспевались в великих героических поэмах, объединенным общим героическим идеалом, из чего можно сделать вывод, что они принадлежат одной расе, которую можно назвать героической расой.

Греческий тип красоты был абсолютно нордическим. Гомер и Гесиод изображают богов и героев светловолосыми, голубоглазыми и высокими. Черные волосы у Гомера – отличительная черта неэллинов. Троянец Гектор – черноволосый. Греческие скульптуры всегда воспроизводят чисто нордический тип. Даже в описании населения Греции, принадлежащем еврейскому врачу и софисту Адамантию (V век н.э.), отмечаются его нордические черты.

Но уже с древних времен кровь брахикефальных рас, в частности, переднеазиатской, просачивалась в Грецию с Балкан, из Малой Азии и с Крита. Черты Сократа указывают на примесь альпийской (?) крови. Альпийские люди казались грекам комичными, равно как и переднеазиатские. Сохранились их карикатурные статуэтки, утрирующие типы, противоположные нордическому и средиземноморскому.

Греческую историю можно представить как процесс взаимодействия между духом нордического высшего класса и покоренных племен. Расовая структура четко прослеживается в конституции Спарты с ее строгим делением на три класса: спартиатов (дорических господ), периэков (потомков ахейцев) и илотов (средиземноморцев). С помощью евгенических мер спартанцы пытались сохранить силу нордического правящего класса. Плутарх говорит, что спартанцы были первыми, кто старался улучшить породу не только собак и лошадей, но и людей. Спартанцы считали себя единственными чистокровными эллинами. Красота спартанских женщин вошла в поговорку. Нордический дух Спартанского государства проявлялся еще и в том, что в консервативной Спарте женщины

имели больше прав и влияния, чем в демократических греческих государствах. У Гомера женщины обладают большей свободой, чем в сильно денордизированных Афинах эпохи Перикла.

Евгенические идеалы, отраженные в законах Ликурга, подрывались новыми теориями, делавшими упор на индивидуальности. Времена Платона уже были периодом денордизации и вырождения. Буддизм в древней Индии также отрывал отдельную личность от общества. Упадок культуры, основанной нордическими племенами, всегда начинался с теорий «просвещения» и «индивидуализма». В Афинах эпохи упадка эти теории были проникнуты духом переднеазиатской расы.

Расовая структура Афинского государства была не столь четко выражена, как в Спарте, но все же прослеживается в эпоху царей. Упадок и Афин, и Спарты был связан с истощением крови нордической расы. Как только богатство ставится выше происхождения, это признак начала смешения рас. Ненордические выскочки, разбогатев, обретают все большую власть в государстве. Этот процесс отражен в законах Солона, а тирана Писистрата привели к власти ненордические элементы. Это уже свидетельствует об изменении соотношения сил между расами. Особенно много нордической крови пролилось в междоусобных войнах между греческими государствами.

Великий Платон был аристократом по происхождению, но он видел конец. В своих «Законах» он предлагал для спасения Афинского государства чрезвычайные евгенические меры на манер древней Спарты, но было уже слишком поздно. Ленц предполагает, что вымирание нордической расы объясняется еще и тем, что она не обладает таким иммунитетом к малярии, как южные расы. Но смертельный удар греческому народу, как считает Ленц, нанес контроль рождаемости.

Места представителей высшего класса все больше занимали выходцы из низов и иммигранты, главным образом, переднеазиатской расы. Полибий во II веке до н.э. уже называл своих соотечественников «выродившимися, жаждущими наслаждений нищими без веры и без надежды на лучшее будущее».

Первым получил значительную примесь переднеазиатской крови Крит. Жители этого острова отличались такими неприятными чертами, как вероломство, тщеславие, продажность, завистливость. С Крита же распространялся гомосексуализм. Среди этрусков (смесь средиземноморской и переднеазиатской рас) также были распространены педерастия и любовь к роскоши. Жизнь в Греции эпохи эллинизма приобретала все больше и больше восточный характер.

В IV веке до н.э. в Греции еще преобладала долихокефалия, но позже наблюдается сильный приток переднеазиатской крови. Римлянин Манилий в эпоху Августа уже причислял греков к «цветным народам».

Греция созрела для гибели. Но «интересно отметить, что греческие государства, в которых преобладал нордический элемент, пережили другие государства. Афины пали раньше Спарты, а Фивы пережили их обоих. Все великие мыслители и художники Греции жили до македонского завоевания» (М. Грант. Гибель великой расы, 1921). Эпоха эллинизма была уже периодом денордизации.

В Македонии правящий класс сохранял чистоту нордической крови в большей степени, чем в остальной Греции. Александр Македонский принадлежал к нордическому типу. Названной особенностью Македонии объясняется ее гегемония над Грецией.

В древней Греции смешивались нордическая, средиземноморская, динарская и переднеазиатская кровь, современная Греция это смесь средиземноморской, переднеазиатской, динарской и ориентальной крови.

Римляне тоже были нордического происхождения. Свайные поселения 2000 г. до н.э. в Северной Италии принадлежали народу, пришедшему из-за Альп. Но в составе этого народа были и долихо- и брахикефалы.

Настоящие италики пришли в Италию в конце бронзового века из центральной Германии. Филологи, сближающие италийские, кельтские и германские языки с греческим, предполагают, что зоной контакта была Чехия. Кречмер выводит италиков из области между верховьями Дуная и Восточными Альпами.

Нордические пришельцы были немногочисленными по сравнению с ненордическим коренным населением Италии. Но именно они определили черты римского типа. Римляне имели более нордический характер, чем эллины.

В легендах о царском периоде сохранилась память о борьбе первых нордических пришельцев с этрусками за власть над Италией. Похоже, в этрусском народе возобладали переднеазиатские и альпийские элементы; поздние этруски отличались чисто восточной чувственностью, и римляне называли их «жирными этрусками».

Древнейшая римская конституция дает нам, подобно спартанской, четкую картину классового разделения на расовой основе. Патриции это латинские и сабинские племена нордических завоевателей, плебеи были потомками средизем-

номорских лигуро-иберских племен, но уже с примесью альпийской, динарской и переднеазиатской рас. Есть признаки того, что у плебеев был матриархат.

Гражданская дисциплина и воинские обычаи древних римлян напоминают нордическую культуру Исландии X-XI веков. Римляне с недоверием относились к покоренным народам. Пословица «Не доверяй черноволосым!», которую приводит Гораций, восходит к древним временам, когда остро воспринимался контраст между нордической и средиземноморской расами.

Законы 12 таблиц предусматривали евгенические меры, но позже они перестали быть обязательными. О них вспомнили лишь в эпоху денордизации и вырождения.

Первые серьезные сдвиги в расовом разделении произошли при республике. Уступки взбунтовавшимся плебеям стали началом расового смешения. В 445 г. до н.э. были разрешены браки между патрициями и плебеями.

Истинно нордическим типом и внешне, и по духу был Катон-старший. Но уже в его времена нордическая кровь стала убывать. Этот процесс усугубили Пунические и гражданские войны. С расширением империи нордический слой становился все более тонким. Исчезновение крестьянства в результате импорта зерна из колоний нанесло самый сильный удар по расовой мощи Рима (как позже Англии).

Вместе с Республикой погибли и последние люди, воплощавшие в себе нордическую природу, – Брут и Кассий, аристократы, которые убили Цезаря, вождя «народа», т.е. городских масс из низших слоев. Но, несмотря на смерть Цезаря, его монархический идеал одержал победу над республиканским, потому что сам Цезарь, как государственный деятель, намного превосходил всех прочих. Основанная им Империя, по мере расовых изменений, все больше обретала черты восточного деспотизма и кончила тем, что превратилась в роскошную мантию, наброшенную на разлагающийся мир.

На смену расовому конфликту между патрициями и плебеями в эпоху Империи пришел конфликт между богатыми и бедными. Возник новый высший класс из нуворишей, выходцев из низов, финансовых спекулянтов, любителей показной роскоши. Они сеяли в обществе семена морального разложения. Гибель Римской империи началась с Италии. Рождаемость сокращалась, зато по мере ввоза рабов усиливался приток восточной крови. Параллельно с денордизацией шло вырождение, черты которого так заметны на скульптурах поздней Империи. Кровь сотен тысяч рабов со всех концов света превратила Римскую империю в расовую клоаку. Все расовые барьеры были сломаны, когда все свободные жи-

тели Империи получили в 212 г. римское гражданство по эдикту Каракаллы, сына африканца и сирийки, ярко выраженного преступного дегенерата.

Немногим благородным людям оставалось только сохранять спокойствие и честь посреди всеобщего разложения и упадка. Духовной опорой для них стал стоицизм. Но поздний стоицизм отражал настроения людей, которые наблюдают за катастрофой без каких-либо надежд. Эти люди высокого духа не чувствовали больше никаких связей со своим народом. Они только пытались соединить вместе всех благородных людей тогдашнего мира.

Но идеал красоты и в поздней Империи оставался нордическим.

Римские бюсты до II века н.э. были крашеными. Но неизвестно, были ли оригиналы такими же светлыми, как их изображения. Большинство населения ко времени рождения Христа представляло собой смесь средиземноморской, альпийской и динарской рас. Цезарь, который сам был высоким, отмечает, что римляне ниже ростом, чем галлы, а Страбон, описывая бриттское племя коритавов, говорит, что юноши этого племени гораздо выше римлян. В армии Римской империи были солдаты ростом 1 м 48 см. Римских аристократов можно было распознать по светлым волосам, а богачи с темными волосами старались скрывать их под париками или красить.

Одного швейцарского исследователя поразило, что Марк Антоний, Цезарь, Гальба, Веспасиан и Траян имели такие же очертания головы, какие он наблюдал у себя в Швейцарии и назвал «высокогорной формой» (теперь их называют нордическим типом). Август, согласно Светонию, был очень светлым. Многие императоры эпохи упадка были «варварской» крови. Первым настоящим германцем на троне цезарей был Максимин Фракиец, сын гота и аланки. Нордические черты имел и Валентиниан I. В римской армии было много германских наемников, которые позже осели в Италии и внесли туда свежую струю нордической крови. Это на какое-то время замедлило гибель Империи.

Но настоящие римско-нордические творческие силы иссякли. Империя продолжала катиться к гибели и, в конце концов, рухнула. То, что еще называлось римским народом, превратилось в расовую клоаку. Это была смесь доримской средиземноморской расы с народами разных рас, говорившими на семитских языках. Сюда добавлялись наемники негритянских кровей из Африки, сильной была примесь альпийской и динарской рас. В эту клоаку и попало христианство.

Христианство сначала было религией низших классов Римской империи, которым политические идеалы свободных римлян были столь же чужды, как и сво-

бодная мысль и художественное творчество греков. Его происхождение и кровь его первых последователей делали его более близким к ориентальному, чем к нордическому мировоззрению. Законы первого христианского императора Константина были направлены против древних евгенических мер.

Важность расового фактора для жизни народа особенно ясно видна на примере римлян. Зеек в своей «Истории упадка античного мира» (1910), используя данные антропологии и евгеники, приходит к выводу, что, говоря о причинах падения Рима, никогда не называют главную: умственное и физическое вырождение расы. Дизраэли сказал, что раса это ключ к истории, единственная истина, и что раса, которая неосмотрительно смешивает свою кровь с другими, погибнет. В Индии кастовые законы долго сохраняли расовое разделение, в Греции и Риме оно ощущалось не столь остро и исчезло раньше. Везде, где иссякает нордическая кровь, умирает культура. Античный мир погиб не только потому, что иссякли его творческие силы – не было сил даже на то, чтобы просто сохранить уже созданную культуру.

После конкретных примеров наметим общую схему. Социальные и политические формы изменяются после того, как нордические народы покидают свою прародину. Если они попадают в незаселенную область и сохраняют свою расовую чистоту, возникает своего рода народное правление из наиболее уважаемых людей нескольких племен. При таких условиях лучше всего подходит республиканская система, как у исландцев. Но когда нордическое племя продвигается по чужой стране, подчиняя себе народы других рас, возникает правящая аристократия.

Когда нордические племена оседают, начинается процесс формирования особых народов. Высший класс больше не чувствует себя чужим, а составляет аристократию определенного народа, точнее, ряда племен. Объединение таких племен в государство, в один народ под властью одного царя, это второй этап развития общества. Два расовых класса сливаются в один народ, ощущающий себя единым целым. Нордические римляне (патриции) смотрят на нордических кельтов как на врагов и защищают от них средиземноморцев и альпийцев (плебеев). Так начинается слияние рас. Пока сохраняется четкое социальное расслоение, длится героическая эпоха в жизни каждого народа, находящегося под нордическим влиянием. Героизм является высшим законом. Отдельная личность думает не столько о себе, сколько о чести рода и племени, следуя заповедям верности себе и друзьям, защиты своего народа. Восхваляются великодушие, благородство ума, любовь к истине, уверенность в себе.

Но слияние высшего класса с низшим в один народ создает возможности расового смешения. Низшие слои требуют себе все больше прав и постепенно осу-

ществляется переход к «демократии», но теперь она выглядит иначе, чем в чисто нордических регионах. Теперь эта форма правления означает власть масс, которые не терпят ничего выдающегося, масс, которыми управляют агитаторы и деньги ненордических нуворишей. Капитализм – признак изменившихся расовых условий, он ускоряет исчезновение нордического высшего класса. Прав был греческий поэт Феогнид: «Богатство уничтожает расу».

Для расолога очень важно, что нувориш обращает на себя внимание и делает себя смешным. Когда ненордический человек становится богатым, он подражает нордическому высшему классу, но делает это карикатурно. Момент появления таких людей знаменует собой расовые изменения. С этого момента ускоряется упадок народа. Все становится продажным – государство, аристократические титулы. Идеи прежнего высшего класса становятся смешными для народа, который сам меняется: героическая эпоха остается в далеком прошлом. Возрождаются обычаи коренных, ненордических народов. Изменяется мораль: классовое разделение уступает место безграничной свободе, но надо всем царит нувориш. Деревни пустеют, города растут. Расовый хаос рождает толпу больших городов, людей, живущих без цели, подверженных любым влияниям. Поздний Рим – яркий пример этого.

Меняется принцип отбора. Идет охота не за девушками из талантливых семей, а за богатыми наследницами, даже если они наследуют и самые худшие болезни. Бегство от ответственности за будущее нации позволяет вырастать таким детям, которых раньше убивали. Иногда в такие эпохи вырождение идет столь быстрыми темпами, что народ совершенно изменяется за очень короткое время. Власть денег может сознательно выращивать выродившуюся толпу для своих целей; большие массы по своей природе очень падки на денежные подачки.

В финансовом мире городов Греции и Рима периода упадка часто встречаются люди с переднеазиатскими чертами. Переднеазиатская раса обладает особым талантом к коммерции. К этой расе принадлежит большинство евреев.

Конец Греции и Рима отмечен тем, что нужны были выдающиеся люди, а их не было: нордическая кровь иссякла. Невидимо правили финансисты, массовое сознание становилось все более вырожденческим, народ – все более расово смешанным. Вымирали целые регионы. Радовались только рабы. Тысячи людей уходили в монахи, отворачиваясь от этого разлагающегося мира. И конец наступил.

Такова судьба всех народов, в которых по мере их развития исчезал нордический элемент. Этот процесс протекал быстрей в среде народов навсегда оторвавшихся от своей нордической прародины.

Вывод: любой упадок индоевропейского народа всегда связан с тем, что иссякла кровь творческой нордической расы.

Теперь много говорят о книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». В этой книге Шпенглер исследовал все признаки упадка великих культур, но не увидел причину – исчезновение нордической крови. Поэтому следует рассмотреть тезисы Шпенглера с точки зрения расологии.

Шпенглер считает бесплодным т.н. антропологический метод в истории, но его мнение основано на неправильной интерпретации.

По Шпенглеру, греческая душа жила вне истории, вне какой-либо концепции времени, «как символ первостепенного значения, не имеющий параллелей в истории искусства»; он считает, что доисторические греки «внезапно возвратились» от каменного к деревянному зодчеству. Далее он пишет: «Во времена Гомера, как и во времена Вед, имел место внезапный переход от погребения к трупосожжению, материальных причин чего не обнаружено». Шпенглер упускает из вида, что самовыражалась не одна и та же «душа». Он упускает из вида, что нордические (арийские) завоеватели, придя в Индию в ведические, а в Грецию в гомеровские времена, «внезапно» принесли с собой свои нордические обряды в страны, где они потом развивали свою «душу». Они принесли с собой трупосожжение, общее для всех нордических народов, и деревянное зодчество, характерное до сих пор для северных скандинавов. Таким образом, Шпенглер не видит в исторических явлениях расового фактора. При расовом взгляде на историю нельзя говорить о старении всего греческого или римского народа, а также о «новом жизнеощущении», возникающем тогда или потом. Выродившийся народ уже давно не был тем нордическим греческим народом, образы которого скульпторы высекали в мраморе. Выродившийся Рим уже давно не был тем нордическим Римом, который основал мировую империю. «Новое жизнеощущение» всегда было присуще смешанному населению, которое и в «поздние времена» жило той же нетворческой массовой жизнью, что и раньше. И любой «упадок» в истории всегда вызывался тем, что иссякала кровь творческой расы.

Когда мы говорим об индоевропейском народе, что он «состарился», мы должны понимать под этим только одно: в нем иссякла кровь творческого высшего класса. До Шпенглера Брейзиг (Этапы и законы мировой истории. 1905) уже указал на сходство греческой, римской и германской истории. По его мнению, греки в 500 году до н.э. находились на том же «этапе», что и римляне в 330 году до н.э. и немцы в 1500 году. Но Брейзиг, как и Шпенглер не видел, что такая «синхронность» в истории индоевропейских народов является результатом того, что степень денордизации была той же самой.

Однако первым писателем, который выдвинул концепцию «этапов» в жизни наций был (если не считать римского писателя Варрона) итальянский философ Вико (1688-1744), а идею «упадка» Запада первым выдвинул граф Гобино.

3. Нордический идеал – итог антропологического взгляда на историю

Если вырождение (т.е. резкое усиление негативных наследственных тенденций) и денордизация (т.е. исчезновение нордической крови) привели к упадку азиатские и южно-европейские народы, говорящие на индоевропейских языках, и если вырождение и денордизация теперь, в свою очередь, грозят упадком тем народам, которые говорят на германских языках, то ясно видна задача, которую необходимо решить, если еще в достаточной мере сохранилась способность здраво рассуждать: прогресс германских народов может быть обеспечен только путем усиления ценных и здоровых наследственных тенденций, а также нордической крови. Работы евгеников показывают, каким образом можно достичь усиления ценных наследственных тенденций, поэтому здесь будет рассмотрен только вопрос об обновлении нордического элемента.

Французский граф Артюр де Гобино (1816-82) первым указал в своем труде «Очерк о неравенстве человеческих рас» (1853-55) на значение нордической расы для жизни народов. Граф Гобино также первым увидел, что вследствие смешения нордической расы с другими расами открывается путь к тому, что сегодня с легкой руки Шпенглера называется «закатом Европы». Личность Гобино как исследователя и поэта описана в книге Шемана (2 тома, 1913 и 1916), и благодаря Шеману, который основал в 1894 г. Общество Гобино, чтобы развивать его идеи, и перевел книгу Гобино (перевод издан в 1898-1901 гг.), имя Гобино и основы нордического идеала, которые он заложил, не канули в забвение. Огромное значение труда Гобино для истории и культуры наших дней показано Шеманом в его книге «Расовая теория Гобино» (1910 г.)1.

Ясно, что труды Гобино по расовому вопросу, написанные до того, как исследования в этой области дали ощутимые результаты, сегодня несостоятельны во многих своих деталях, но основная их мысль остается в силе. С точки зрения расовой науки мы можем согласиться с мнением о трудах Гобино, выраженным антропологом Ойгеном Фишером: «Расовый идеал должен проложить себе дорогу и проложит ее, пусть не в той форме, которую придал ему Гобино, но в том же направлении. Он был великим предшественником».

На грани веков, когда появился перевод Шемана, увеличился интерес к расовым вопросам. В это же время, в 1899 г. вышел труд, который впервые внедрил расовый, нордический идеал в сознание широкого круга людей благодаря энту-

зиазму автора и той оппозиции, которую он вызвал. Речь идет о книге «Основы XIX столетия» Х.С. Чемберлена (р. в 1855 г.), тогда англичанина, теперь немца. Об этой книге с точки зрения расовой науки мы тоже можем сказать словами Ойгена Фишера: «Невзирая на слабое обоснование многих деталей и смелый пересмотр даже давно устоявшихся концепций ради своих целей, что, разумеется, дает тысячи поводов для критики, подлинная суть устоит против критики».

Со времени работ Гобино и Чемберлена многие исследователи в области естественных и общественных наук постарались пролить больше света на расовые вопросы, так что сегодня не только подтверждена суть теории Гобино и Чемберлена, но и завоеваны новые территории для идеала нордической расы. Обретает форму новый взгляд на историю, расовая историческая точка зрения.

Нордический расовый идеал естественно привлекает больше внимания среди тех народов, которые сегодня еще сохраняют сильную, а ряд из них даже преобладающую струю нордической крови, т.е. среди германоязычных народов Европы и Северной Америки. Вряд ли идеи Гобино придутся ко двору среди народов, говорящих на романских языках, хотя первая научная работа, написанная с расовой исторической точки «Ариец и его социальная роль» (1899 г.), принадлежит французу – ее автор – Жорж Ваше де Лапуж. Но, похоже, денордизация зашла слишком далеко и во Франции. Вряд ли расовые вопросы привлекут особое внимание и среди славянских народов.

Но среди всех, кто познакомился с теорией Гобино, многих она глубоко затронула. К концу XIX века можно было даже говорить о растущем интересе к расовым вопросам, но еще не о распространении ясных идей. Продолжают использоваться термины Гобино и Чемберлена, и то и дело наталкиваешься на призывы сохранить чистоту «германской» или (у Лапужа) «арийской» крови.

Таким образом, остается широко открытой дверь к смешиванию расы и народа или расовой и языковой принадлежности, и четкое определение целей невозможно. До сих пор отсутствует знание концепции «расы» и расового состава германских и индоевропейских народов, т.е. народов, говорящих соответственно на германских и индоевропейских языках. До сих пор не учитывается должным образом расовый идиотип (наследственная формация) нордического человека как создателя ценностей, характерных для культуры индоевропейских («арийских») и германских народов. Расовая антропология Европы не могла быть написана во времена Гобино. Требовались еще многие детальные исследования.

Не хватает еще многого. Гобино, как и его современники, не знал о важности отбора для жизни народов. Нордическая раса может прийти в упадок и без смешения с другими расами, если она будет проигрывать им в соревновании по рождаемости, если число браков в ней будет меньше, возраст вступающих в брак – выше. Кроме слов об «уникальном значении нордической расы» (Ленц) необходимо и знание законов наследственности и отбора, а это знание начинает оказывать все большее влияние на представителей разных народов.

Моперциус и Кант первыми указали на важность отбора для живых существ, но впервые значение отбора начало действительно осознаваться, когда «Происхождение видов» Дарвина положило начало современной биологии. Концепция отбора оказала влияние на взгляды на судьбы народов. Двоюродный брат Дарвина Фрэнсис Гальтон (1822-1911), «отец евгеники», первым увидел это. Он первым показал, что не окружающая среда, а наследственность является решающим фактором для всех живых существ, в том числе и для человека, и наметил контуры теории евгеники, указав, что улучшение народа возможно только при существенном усилении более высоких наследственных свойств. Но прошло 40 лет, прежде чем значение Гальтона было правильно понято, и его труды принесли плоды.

Гальтон не мог подкрепить свои взгляды научной теорией наследственности, которая была создана в общих чертах Иоганном Менделем (1822-84), августинским монахом из Брно (в монашестве – Грегор), дело жизни которого, после того как оно заново было открыто в 1900 г. оказало столь глубокое влияние, что в результате все новых и новых исследований сегодня возникла всеобъемлющая наука о наследственности.

Благодаря этим исследованиям учение Гобино обрело более глубокий смысл и новую силу при поддержке науки о наследственности, евгеники, расовой теории: родилось нордическое движение. Это произошло в тех странах, где в жилах народа еще текло достаточно нордической крови, чтобы вновь мог родиться нордический идеал. Для пропаганды этого идеала был основан ряд обществ в Германии, США и в других странах.

Хотя в Германии нордический идеал проповедовался дольше, чем в других странах, из-за того, что его пропагандисты были расколоты на мелкие группы, он не нашел такого широкого распространения, как в США, где книги Гранта и Стоддарда имели шумный успех, книга Гранта благодаря его расовым теориям и предостережению об угрозе вымирания великой нордической расы, а книги Стоддарда благодаря предостережениям против «желтой» и «черной» опасности извне, от народов, находящихся под нордическим владычеством, и против вырождения, которое угрожает этим народам изнутри из-за усиления негатив-

ных наследственных тенденций. Высокий уровень исследований в области евгеники, которая в США стала чем-то вроде патриотической науки, создали прочную научную основу для трудов Гранта и Стоддарда и благодатную почву для распространения расовых и евгенических теорий. Кроме того, они получили поддержку сверху и от части прессы. Президент Гардинг в публичной речи 26 октября 1921 г. подчеркнул важность книги Стоддарда «Цветной прилив», а Конгресс, усвоив взгляды Гранта, принял законы об иммиграции, благоприятные для иммигрантов из северо-западной Европы и ставящие барьер на пути нежелательных иммигрантов из южной и восточной Европы. Иммиграция из Азии и иммиграция нежелательных элементов вообще была запрещена. Сам Грант был выбран вице-президентом Лиги ограничения иммиграции. Будем надеяться, что нынешние законы об иммиграции это только первый шаг к еще более решительным расовым и евгеническим законам. В США есть возможность исследовать европейские расы и расовые смеси с точки зрения их гражданских достоинств, и значение нордической расы не замедлит обнаружиться. Ведущие государственные деятели осознали значение этой расы и публично делятся своими знаниями3.

В США в наши дни имеет место важное изменение: Европа как источник эмиграции больше не рассматривается в свете государств или народов, а в свете рас. Насколько Германия в этом отношении удивляет Америку, видно из того, что эмигранты из Германии ценятся выше эмигрантов из всех других европейских стран.

Опасность денордизации признана многими американцами после выхода книги Гранта. Среди нордических американцев англосаксонского происхождения создаются такие организации как «Нордическая гвардия», среди американцев германского происхождения – такие как Нордическая арийская федерация и т.п. Некоторые нордически мыслящие американцы объединяются в кооперативы, чтобы постепенно завоевать экономическую независимость от крупного ненордического капитала. Похоже, что нордическая часть американцев начала предпринимать весьма эффективные шаги по сохранению и усилению нордической крови. Однако нужно лучшее понимание важности увеличения рождаемости для этих целей.

Если вспомнить о том, что нордический идеал пустил корни в Германии в конце века, от нас не укроется, что нордические устремления в нашей стране не отличаются таким единством и целенаправленностью, как в США. Однако мы не можем не учитывать тяжелые экономические условия, в которых находятся немецкие последователи нордического идеала, в большинстве своем принадлежащие к среднему классу, условия, которые постоянно создают препятствия для этого идеала, но частично причины заключаются и в самой немецкой нату-

ре, в склонности раскалываться на мелкие замкнутые группы, каждая со своей «точкой зрения». По причине этого раскола «общества защиты нордической расы» в Германии можно рассматривать только как начало интереса к расовым вопросам, и мы вынуждены согласиться с Плётцем, когда он говорит об этих «обществах защиты» что они гораздо малочисленней и менее влиятельны, чем еврейские общества. И в самом деле: мы не можем пока говорить ни о каком «влиянии» нордического идеала.

Однако усилия в этом направлении не следует недооценивать. Они свидетельствуют о пробуждении интереса к расовым вопросам. Молодежь, вдохновленная нордическим идеалом, уже много сделала для распространения своих взглядов даже в тяжелых условиях сегодняшней Германии и несмотря на нужду в деньгах. Начало может быть скромным, но глубокие изменения полны значения. «Индивидуализму», который столь ценился в XIX веке и все еще громко прославляется вчерашним поколением, приходит конец. Упор на индивидуальность каждого человека, который до вчерашнего дня делался под лозунгом «будь самим собой», ныне ставится под сомнение и даже отвергается новым поколением. Когда я писал эту книгу, мне прислали программу «Молодежной нордической ассоциации», в которой я нашел следующее положение: «Мы будем постоянно помнить о том, что для того, чтобы наша раса не погибла, важно не только выбрать себе нордическую пару, но прежде всего с помощью нашего брака помочь нашей расе одержать победу по деторождаемости».

До недавних дней подобный взгляд на жизнь не встретил бы понимания, а для вчерашнего поколения он непонятен и сегодня. Нынешний век начался под знаком идеи «естественного равенства всех людей», индивидуализма и культа личности. Когда мы сегодня бросаем взгляд назад, нас удивляет, сколь долго держались биологически несостоятельные теории Века просвещения и Руссо, которые даже сегодня определяют отношение к жизни огромных масс, хотя такие люди как Фихте и Карлейль давно уже преодолели эти взгляды. Но и дискредитированные, идеи равенства и индивидуализма все еще держатся, так как они соответствуют инстинктам века вырождения и денордизации, или по крайней мере надеются удержаться и извлекать выгоду из особенностей этого века. Если, не обращая внимания на определения современных политических теорий, мы эмпирически исследуем господствующие идеи западных народов относительно природы нации, мы обнаружим, что под нацией понимается всего лишь сумма ныне живущих граждан данного государства. Мы обнаружим далее, что цель государства – всего лишь удовлетворение повседневных потребностей этой суммы индивидуумов или той суммы, которая сформировала большинство. Максимально возможное «счастье» для индивидуумов завоевывается решениями большинства.

Расовый и евгенический образ мыслей рождает иные идеи об истинной природе народа. Народ рассматривается как сообщество с общей судьбой прошлых, нынешнего и будущих поколений, сообщество с одной судьбой, ответственное перед прошлым и будущим нации, перед будущими поколениями. Поколение народа, живущее в данное время, рассматривается при нордическом идеале как сообщество, которое стремится к сохранению нордической природы данного народа во все большей чистоте. Но в этом сообществе с едиными целями самые тяжелые обязанности берут на себя люди нордического типа. «О мои братья, я жалую вас в новую аристократию: вы должны стать созидателями и воспитателями, сеятелями будущего» (Ницше. Так говорил Заратустра).

Стремление, которое можно наблюдать среди молодежи, к «органической» философии жизни, т.е. философии, исходящей от народа и родной страны, связанной с законами жизни и противоположной всякому индивидуализму, должна, в конце концов, связать эту молодежь с жизнью родины и своего народа. Германцы ощущали эту связь во все времена, родственные связи были основой их жизни, взгляды древних германцев на жизнь находились в такой гармонии с законами жизни, что усиливали расовые и евгенические качества германцев. С исчезновением этого взгляда на жизнь в Средние века был нанесен ущерб и расе, и здоровой наследственности. И нордическое движение будет всегда искать образцы для духовного руководства в древнегерманском мире, который был чистым выражением нордической природы.

Среди германоязычных народов нордический идеал сохраняет постоянную связь с народными традициями, идущими от германских предков, нордическая внешность и природа которых все еще в памяти у многих. Вся время проявляются необъяснимые поверья и расовое подсознание; это видно из того факта, что в Германии высокий, светловолосый и голубоглазый человек считается «настоящим немцем», а по данным службы усыновления бездетные пары чаще предпочитают светловолосых и голубоглазых, а не темноволосых детей. Нордический идеал без труда усваивается германскими народами, потому что у них здоровье, способности, ум и красота более или менее сознательно ассоциируются с нордическим типом. Таким образом, нордический идеал становится идеалом единства: общим для всех частей немецкого народа, хотя они могут иметь примеси других рас и отличаться одна без другой, является нордическая кровь. Общим для северной и южной Англии, хотя на юге есть сильная средиземноморская примесь, является нордическая кровь. И следует особо отметить, что в тех частях ареала немецкого языка, где целиком преобладает динарская раса, в частности, в Австрии, укрепляется нордический идеал и формируются союзы людей, главным образом, нордического типа.

Таким образом, есть надежда на союз германоязычных народов. У этих народов, несмотря на примеси других рас, есть одно общее – нордическая кровь. Если они воспримут нордический идеал, это будет идеал гармонии и мира. Нет лучшей основы мира между ведущими народами, чем пробуждение расового сознания германоязычных народов. Во время первой мировой войны Грант писал, что это была, по сути, гражданская война и сравнивал ее по разрушительному для расы эффекту с Пелопоннесской войной между двумя ведущими эллинскими племенами. Люди с нордическим мышлением среди германо-язычных народов должны стремиться обрести такое влияние на правительства и общественное мнение, чтобы гибельная для нордической крови война, подобная первой мировой, стала бы впредь невозможной… Нордический идеал должен переродиться в общенордический идеал, который одновременно станет идеалом священного мира между германоязычными народами.

В современной и тем более в завтрашней войне не может больше идти речь о «цене победы»: ее обязательно перевесит анти-отбор, неизбежно связанный с любой войной. Для тех, кто понимает это, представляется крайне сомнительным, чтобы даже самый благоприятный политический результат войны можно было бы называть «победой», если плодами этой «победы» воспользуются те элементы нации, которые благодаря своим наследственным качествам проскользнут сквозь ячейки сита современной войны. Настоящими жертвами любой будущей войны между великими державами, как у побежденных, так и у «победителей» будут классы, наследственно способные к войне и к самопожертвованию. И одна из задач последователей нордического идеала – внушить это своим народам и правительствам.

Если столь сильное политическое влияние нордического идеала кажется сегодня слишком смелым предсказанием, однако задача нордического возрождения представляется очевидной в свете истории индоевропейских народов под нордическим руководством, поскольку это самый естественный идеал, который может приостановить упадок, угрожающий сегодня германо-язычным народам. Против этого идеала не может быть возражений, с учетом нынешней ситуации этих народов, описанной в 1910 г. Ойгеном Фишером следующим образом: «Сегодня в Италии, Испании и Португалии германская кровь, нордическая раса уже исчезла. Результат – упадок и утрата международного значения. Франция следующей ощутит на себе правильность этого тезиса, а потом, без всякого сомнения, наступит и наша очередь, если дела будут продолжать идти так, как они идут сегодня». За этим высказыванием последовал ужасный анти-отбор первой мировой войны.

С учетом этой ситуации, проблема заключается в том, как остановить денордизацию и какими средствами достичь нордического возрождения, как добиться

того, чтобы люди нордического или хотя бы частично нордического типа раньше вступали в брак и имели большие семьи? Этот вопрос затрагивает физическую сторону жизни. Как возбудить дух ответственности и преданности расовым целям в мире эгоизма, вырождения и беспредельного «индивидуализма»? Этот вопрос затрагивает духовную сторону жизни.

Если этот вопрос мыслящие представители германоязычных народов считают жизненно важным для своих народов, то они должны стремиться к тому, чтобы внедрить в умы людей нордического типа, независимо от класса, дух расовой ответственности и объединить всю нацию единством целей. Неограниченное расовое смешение сделало современных людей физически и духовно шаткими и неспособными к принятию решений. Нет больше идеала физической красоты и духовной мощи, чтобы можно было воззвать к живой энергии, как в прежние времена. Если отбор внутри народа не может быть направлен к осознанному или неосознанному идеалу, то его способность подняться на более высокий уровень будет слабей и слабей, и это кончится переменой направления, в дело вступят менее творческие расы с негативными наследственными тенденциями. Каждому народу уготовано особое направление развития, свой особый путь избирательного прогресса. Для германоязычных народов целью может быть только физический и духовный образ нордической расы. В этом смысле нордическая раса, пользуясь выражением Канта, дана нам не как дар, а как задача. И в этом смысле, если мы говорим о нордическом идеале среди немцев, мы тем самым говорим о нордическом типе как об образце для отбора среди немецкого народа и показываем, что задача нордического движения это возрождение целой культуры.

Вопрос не в том, в какой мере нордическими являемся мы, ныне живущие люди, а в том, хватит ли у нас храбрости, чтобы подготовить мир для будущих поколений, очистив себя в расовом и евгеническом отношении. Денордизация индоевропейских народов всегда длится столетиями; воля людей с нордическим мышлением должна перекинуть мост через столетия. Когда речь идет об отборе, нужно учитывать множество поколений, и современные люди с нордическим мышлением могут ожидать на протяжении своей жизни лишь одну награду за свои труды: сознание собственной смелости. Расовая теория и исследования в области наследственности придают силу новой аристократии, молодежи, которая, стремясь к высоким целям, как Фауст, следует призывам из сфер, выходящих за пределы индивидуальной жизни.

Поскольку это движение не стремится к выгодам, оно всегда будет движением меньшинства. Но дух любой эпохи всегда формируется только меньшинством, в том числе и дух той эпохи масс, в которую мы живем. Нордическое движение в конечном счете стремится определить дух эпохи, и не только этот дух, исходя

из самого себя. Если оно не будет уповать на эту надежду, то бессмысленно и бесцельно думать так, как Гобино.

НОРДИЧЕСКАЯ РАСА СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ АЗИИ И ВОПРОС О ПРАРОДИНЕ И РАСОВОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Ю.Ф.Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1934

1. Прародина индоиранцев

…В данной книге речь пойдет только о племенах и народах, которые можно назвать «индоевропейскими» в полном лингвистически-этнографическом смысле этого слова, первоначально – только с учетом их языковой, а не расовой принадлежности.

Индийцы, мидийцы, персы и родственные им племенные группы имеют разную историческую, даже разную расово-историческую судьбу и жили в разных условиях, но их можно вывести от одного индоиранского пранарода с одной прародины в Юго-Восточной Европе, хотя это вовсе не значит, что этот «пранарод» действительно был **одним** народом. Скорее это были слабо связанные родовые союзы неолитического периода, которые оставались таким же и при последующих миграциях.

Лингвисты помещают прародину индоиранцев на среднее течение Дуная (Кречмер) или в район от устья Дуная до Южной России (Иогансон); с ними согласны и специалисты по доисторическому периоду. Возможно, часть предков индоиранцев и других неолитических племен постепенно перемещалась со среднего течения Дуная к его устью и далее. В причерноморские области Южной России. Они сами называли себя «ариями». Индийцы, мидийцы, персы и родственные им народы составляют «арийскую» группу индоевропейцев, и тем, кто хочет употреблять это слово в научном смысле, я бы рекомендовал иметь при этом в виду только индоиранцев.

Языковеды раньше часто называли все индоевропейские языки «арийскими», а сегодня так обычно называют только их индоиранскую ветвь. Расология и этнография в начальный период своего развития часто называли (**не существующую**) «белую» или «кавказскую» расу «арийской», а позже и народы, говорящие на индоевропейских языках, «арийскими», а нордическую расу – «арийской». Это постоянно вносило путаницу, так как раньше не очень различали языковую и расовую принадлежность, народ и расу. Так что сегодня термин «арийский» в науке непригоден (кроме лингвистики). При противопоставлении

«арийцев» «семитам» опять-таки путают языковую и расовую принадлежность, так как на семитских языках говорят народы разного расового происхождения.

В персидских сказаниях упоминается «прародина ариев» (арьянам веджо). В «Законах Ману» (I, 67) говорится, что солнце полгода движется к северу, а полгода – к югу. Это описание условий на прародине ариев, а не в Индии.

Бал Гангадхар Тилак в своей книге «Арктическая родина в Ведах» (Бомбей, 1903 г.) попытался, ссылаясь на подобные упоминания, доказать происхождение индийцев из Северной Европы, и один увлеченный этими идеями индиец даже приехал накануне Мировой войны в Швецию в поисках своей прародины.

В Авесте и Ведах содержатся воспоминания о празднике зимнего солнцеворота (на них первым обратил внимание Хиллебрандт)… В I главе Видевдата (часть Авесты) говорится о прародине Ариев, что зима там длилась десять месяцев, а лето – только два. Возможно, именно таким был в неолите климат в Центральной Европе.

Неолитические группы, бывшие предками индоиранцев, отделились от остальных индоевропейцев примерно около 2500 г. до н.э. и в последующие века образовали особую группу (т.н. группу сатем). Эта группа сохраняла относительное единство в период между 2000 и 1600 г. до н.э. Отдельные племена откочевали из Южной России уже в XVI веке до н.э. Так как именно тогда индоиранские имена появляются в Месопотамии и особенно в Сирии.

Основная часть индоиранских племен несколько столетий оставалась в Южной России. Многие тамошние географические названия объясняются с помощью индийских и иранских корней.

Специалисты по доисторическому периоду выводят индоиранцев из круга энеолитической культуры крашеной керамики (Дунай-Балканы). Крашеная керамика была восточным вариантом многообразных форм большого круга ленточной керамики, который охватывал всю область от Балкан до Днепра с заходами в Центральную Европу, до среднего течения Рейна. Центр этого круга следует искать в долине Дуная. Отсюда вышли кельты и италики, фракийцы и эллины, а из круга крашеной керамики – индоевропейские племена Азии.

В обычае окрашивать глиняные сосуды, возможно, сказалось влияние Передней Азии. Культура крашеной керамики в свою очередь распадается на отдельные группы. Племена – носители этой культуры занимались мотыжным земледелием.

В позднем неолите, около 2500г. до н.э. в области крашеной и ленточной керамики вторгаются племена из области саксоно-тюрингской шнуровой керамики и мегалитической керамики Северо-Западной Германии, которые через Силезию и Галицию достигают Южной России. Но племена саксоно-тюрингской шнуровой керамики это **ядро индоевропейцев**, чистокровная неолитическая группа нордической расы, создатели и первые распространители индоевропейских языков. Они образовывали господствующие слои, а порабощенные племена перенимали у них язык. Так произошла индоевропеизация области крашеной керамики: здесь возникла индоиранская ветвь. Нордический верхний слой наложился в ней на племена ленточной керамики, но они по своему расовому составу не были совершенно чуждыми племенам шнуровой керамики. Я предполагаю, что они представляли собой смесь нордической, средиземноморской и альпийской рас.

Что же касается области мегалитической керамики, то для нее была характерна смесь фальской и нордической рас с преобладанием фальской.

Формы крашеной керамики проникли в Малую Азию, через Кавказ – в Персию, Индию и Северо-Западный Китай.

Кавказ был прародиной брахикефальной переднеазиатской расы. Но уже в неолите сюда хлынула волна долихокефалов из Южной России.

Уже в энеолите племена шнуровой керамики образовали господствующий слой на Оке и средней Волге (фатьяновская культура). Как пишет Менгин («Мировая история каменного века», 1931, с.531) окрашенные костяки из южнорусских курганов принадлежат к нордической расе.

Нансен («Преданный народ», 1928, с. 244-245) сообщает о 500 могильниках на озере Севан, относящихся к бронзовому веку. В них преобладают долихокефалы. Таким было тамошнее население до 1500г. до н.э., а потом снова возобладали брахикефалы. Но Нансен ошибочно думает, что речь идет о захоронениях древних армян – армяне появились здесь лишь в 600 г. до н.э.

Раньше индоиранцев через Кавказ перевалили другие индоевропейские племена. Например, касситы жили в Западном Иране уже около 2000г. до н.э.

В позднем неолите и в бронзовом веке долихокефальные формы были сильней представлены на Кавказе, чем сегодня.

Разделение индоиранцев на отдельные народы произошло между 2000 и 1600 г. до н.э.

2. Индийцы

Раньше считали, что арии вторглись в Индию около 2000 г. до н.э. потом передвинули это событие на несколько веков позже (Хирт, Коссинна). Вероятно, это произошло в XV-XIV веках до н.э. Спорят и о путях их прихода: через Кавказ или через Среднюю Азию? Я предполагаю, что они шла обоими путями, через Кавказ – несомненно. Само слово «Кавказ» объясняется из индийских языков как «ледяной блеск».

Из Южной России индоиранцы ушли около 1500г.до н.э. Тогда же туда и в Малую Азию стали проникать из Юго-Восточной Европы, из области крашеной керамики, другие индоевропейские племена: фракийцы, фригийцы, мидийцы, армяне, саки. К числу этих племен принадлежали также троянцы и филистимляне.

К времена миграции Ариев относятся самые древние части Ригведы. В них описана природа скорее Афганистана, чем Индии.

Впервые арии упоминаются в надписях в Богазкее в Малой Азии (около 1400 г. до н.э.) как «хари» («светловолосые») – позже это слово стало эпитетом богов и героев. Высший бог Индра изображался с рыжей бородой, как германский Тор, и именовался «хари-кеша» (светловолосый) или просто «хари».

Это название – ценное свидетельство для расологии, оно явно подчеркивало расовое отличие Ариев от темноволосого населения Малой Азии. Но оно не удивит тех, кто убежден, что каждый индоевропейский народ имеет нордическое ядро.

Даже в живописи раджпутов в XVIII веке бог Шива изображался со светлой кожей и золотистыми волосами, а его смертная возлюбленная Парвати – с темной кожей и черными волосами. Вот как долго сохранялось представление о высшей расе!

Завоевание Индии

За пределами Северо-Западной Индии Арии составляли лишь тонкий верхний слой, все более тонкий по мере продвижения на восток и на юг. К югу от реки Нарбада их расовое наследие уже не прослеживается. В Индии утвердился их язык, но не их раса. Смешение с туземцами началось уже в долине Ганга. Там существовала развитая цивилизация, и семьи завоевателей по политическим причинам роднились с семьями местных царьков. Индоевропейские племена стали господствующими не благодаря своей численности, вооружению или бо-

лее высокой культуре, а **только благодаря наследственным качествам расы господ.**

Вторгшиеся арии не были скотоводами-кочевниками, как думали раньше; они занимались и земледелием, и скотоводством. Это были крестьяне-войны…

Ригведа описывает Ариев эпохи завоевания как жизнерадостных воинов, охочих до пьянки, наподобие древних германцев. Бог Индра имеет такие же черты крестьянина-воина, какими германские саги наделяют бога Тора. Позже воины стали более утонченными, превратились в рыцарей, какими их изображает «Махабхарата».

Ведические боги ранней эпохи это образы, соответствующие миру представлений нордической расовой души. Они столь же резко отличались от мрачных и похотливых богов туземного населения Индии, как патриархальные олимпийские боги эллинов от матриархальных божеств доэллинского населения Греции.

Арии, как и все индоевропейцы, были коневодами и сражались на боевых колесницах. В Вавилонии еще в эпоху Хаммурапи не знали лошадей. Они появились в Передней Азии вместе с индоевропейскими племенами. Народы, говорившие на семитских и кавказских языках, первоначально не знали лошадей, а знали только ослов.

Развитие коневодства у индоевропейцев используется как доказательство их кочевого образа жизни и степного происхождения… Некоторые сторонники теории «культурных кругов» хотят видеть в индоевропейцах доисторических соседей «протоалтайцев», вместе с которыми они образовали «скотоводческий культурный круг». Одновременно прародина индоевропейцев переносится в Западную Азию или южнорусские степи.

В соответствии с этим в индоевропейцах группы «сатем» видят скотоводческие племена, а сочетание скотоводства и земледелия приписывают только индоевропейцам группы «кентум», причем добавляют, что земледелию они научились только у туземного населения Европы. С моей точки зрения, такое разделение противоречит фактам. Все индоевропейцы группы «сатем» тоже первоначально были земледельцами, и лишь позже отдельные племена стали кочевыми.

Заимствование ряда качеств кочевников не было результатом непосредственного контакта с азиатскими племенами. В роли посредников выступали восточноевропейские племена, говорившие на финно-угорских языках и принадлежавшие в основном, к восточно-балтийской расе.

Флор («Домашние животные и культуры кочевников», Вена, 1930, с. 203) предполагает, что индоевропейцы заимствовали лошадь как домашнее животное из круга культуры гребенчатой керамики (Восточная Европа и Сибирь, область возникновения финно-угорского «пранарода»). Зоной контакта могли быть южнорусские степи.

У всех индоевропейцев лошадь приобрела особое значение как жертвенное животное, как, кстати, и у некоторых племен Центральной Азии.

Нельзя расценивать как свидетельство изначально кочевого образа жизни индоевропейцев и разведение ими крупного рогатого скота. Этот скот был необходим для плужного земледелия, и его стали разводить гораздо раньше, чем лошадей.

Господствующие слои всех индоевропейских народов сохраняли крестьянский менталитет: римские патриции презирали любой труд, не связанный с сельских хозяйством как неблагородный, а спартиаты не могли быть полноправными гражданами без наследственного земельного надела. Торговля считалась позорной как для спартиатов и патрициев, так и для брахманов…

Лошади в климате индии не выжили, как и европейские породы крупного рогатого скота.

Свастика, которую арии принесли со своей прародины, из Юго-Восточной Европы, именно у них стала популярным символом счастья, особенно позже у буддистов. Слово происходит от санскритского «су асти» – «это хорошо». Свастика впервые появляется в области крашеной керамики (Дунай-Балканы) в эпоху энсолита. Оттуда ее занесли в Сузы и в Трою. В бронзовом веке свастика постепенно распространяется среди всех индоевропейских народов, может быть, как символ солнца, а у семитов ее нигде не было (в Палестину ее занесли филистимляне).

Расовые особенности ариев в эпоху завоевания ими Индии

Вряд ли среди ариев, осевших в Пенджабе, преобладали люди нордической расы. Эта раса смешалась при проходе через область крашеной керамики с местным, в основном, темноволосым населением. Чистые «хари» не дошли до Пенджаба.

Туземцев Индии Ригведа называет «чернокожими» («Кришна варна») или «безносыми» («анас») – явное указание на плоские носы дравидов. Примечательно,

что и в Греции доэллинские божества, например Посейдон, изображались темными в противоположность светлым олимпийским богам.

Сами арии называли себя «белыми друзьями» Индры. Подчеркивалось также, что у Ариев более длинный нос, чем у их чернокожих противников.

О светлых волосах и рыжей бороде Индры уже говорилось. Бог огня Агни и бог солнца Сурья тоже назывались «златовласыми», как в «Махабхарате» – Вишну и Шива. Богиня утренней зари Ушас описывается как «розовоперстая Эос» эллинов или римская Аврора.

С другой стороны, сохранилось описание старой ведьмы со сросшимися бровями (типичный признак переднеазиатской расы, довольно широко представленной в современной Индии), плоский нос и выступающие зубы (прогнатизм).

Раннее кастовое законодательство и забота о здоровой наследственности

Кастовое законодательство было попыткой пришельцев сохранить свой тип. Первоначально не было каст, а было лишь два расовых слоя. Сначала высший слой разделился на три слоя, а четвертое составляли неарии, шудры. Это разделение возникло к концу II тысячелетия до н.э.

Касты появились лишь 300-400 лет спустя. Они не выросли из сословий, а были с самого начала объявлены элементами божественного порядка. Слово «варна» обозначает «цвет». Сначала было лишь два цвета – арийский и неарийский. В эпоху Брахманов их число увеличилось, что отражало разные степени расового смешения.

Кастовое законодательство было попыткой предотвратить это смешение. Такие же барьеры существовали в Спарте между спартиатами, с одной стороны, и периэками и илотами, с другой, а в Риме – между патрициями и плебеями. В последующие века это сословное разделение все более утрачивало свой расовый смысл. Но и сегодня в Индии считают, что, чем светлей человек, к тем более высокой касте он принадлежит. Нордического Э. Геккеля во время его путешествия по Индии постоянно спрашивали, к какой необыкновенно высокой касте он принадлежит.

Характерно, что сословное расслоение с образованием военной знати распространилось на всю Древнюю Индию из Бенгалии, т.е. из той области, где потомки Ариев составляли лишь очень тонкий правящий слой. Точно так же средневековое рыцарство как сословие вышло из Испании, где тонкий правящий слой

составляли потомки готов и свевов. В Германии такое сословное разделение не имело смысла.

Брахманы. Став высшей кастой, особенно стремились сохранить свою «расовую чистоту», но их возвышение над другими было уже признаком исчезновения индоевропейского духа.

Идея выделения духовенства в особое сословие всегда была среди индоевропейских народов результатом влияния духа переднеазиатской расы. То же можно сказать о магах в древней Мидии и Персии и о кельтских друидах, появление которых среди кельтов свидетельствовало о начавшемся засорении чужеродными расовыми элементами.

Но обособление брахманов позволило им больше чем другим сохранить свою расовую чистоту. У них и сегодня более светлая кожа, но тем же самым отличается и воинская каста раджпутов. Однако брахманы и раджпуты вместе составляют сегодня лишь 2-3% населения Индии.

Прореха кастового законодательства заключалась в том, что оно допускало женитьбу на женщинах из более низкой касты. Арийским воинам не хватало женщин и они женились на туземках. В результате их потомство становилось все более темным и утрачивало дух своих предков, с которыми современных индусов связывает только язык.

Проявления нордической расовой души мы видим в богатырях Ригведы и в рыцарях «Махабхараты». Индоевропейской была и любовь к поединкам между вождями двух враждующих армий. Как и у всех индоевропейцев, бездетность у Ариев считалась несчастьем.

Индийские арии, как и все индоевропейцы, проявляли заботу о здоровой наследственности, т.е. евгеника была у них в чести. «Законы Ману», записанные в первые века нашей эры, содержат гораздо более древние, частично неверно понятые предписания на этот счет… Они советуют не заключать браки с представительницами семей, в которых нет мужских потомков, с мужчинами с очень волосатым телом (признак переднеазиатской расы), а также с лицами, склонными к различным болезням. Слабоумные не имели права вступать в брак. Дети от связи ария с женщиной-шудрой записывались в касту шудр.

Негативное отношение к смешанным бракам основывалось на опыте. Строгий кастовый порядок смягчался верой в переселение душ, может быть, заимствованной у доарийского населения.

Но в дальней перспективе кастовый порядок не мог помешать расовому смешению. Скрещивание подрывало государство снизу. Из долины Ганга распространялась брахманско-индуистская культура, отличная от индоарийской, которую все больше подминали под себя туземные, доарийские элементы.

Распад индоарийской общности

Крах индоарийской сути произошел при преемниках Ашоки (263-226 г. до н.э.). Расцвет т.н. индийской мистики был не развитием героической религиозности древних Ариев, которых больше интересовал этот мир, а облагороженным вариантом суеверий дравидских племен. Веру в связанных с природой богов, из которой легко мог развиться как монотеизм, так и пантеизм, заменил сковывающий человеческую душу анимизм, светлых богов, иногда под теми же именами, заменили темные силы. Так произошло, например, с Шивой. Место религиозности заняла магия, санскрит стал мертвым языком.

Индийская йога первоначально была методикой самодисциплины, характерной для нордической расовой души, определяющей для всех индоевропейских народов. Дух настоящих индоевропейцев – жизнеутверждающий. С идеей самодисциплины, лежавшей в основе древнеарийской йоги, доарийский дух связал мнение, будто человек, воспитывая свою волю с помощью физических упражнений, может развить в себе сверхчеловеческую силу духа.

Позже особые общины йогов превратили йогу в учение об умерщвлении чувств, наиболее близкое по духу переднеазиатской расе.

Часто приходится читать историю подъема веры индоевропейских народов к духовным высотам и ее упадка, но при этом обычно не указывают причины подобных взлетов и падений – состояния, в которых находится раса – создательница веры. В Греции происходило то же самое, что и в Индии – этот процесс истолковал с расовой точки зрения Кюнаст в своей книге «Аполлон и Дионис» (1927г.).

Разложению способствовал и климат Индии, к которому выходцы из Европы мало приспособлены. Сегодня это испытывают на себе англичане. Часть наследственных задатков нордической расы лучше всего сохраняют гибриды с туземными расами, получившие от них необходимую приспособленность. Утраты коснулись прежде всего, нордической **пигментации**, нордические **формы** сохранились лучше.

Климат влиял и на психику ариев. Изнуряющая влажная жара действовала на нее мучительно. Это описано многими европейцами.

Отсюда усталость от жизни, бегство в потусторонний мир.

Буддизм

Буддизм я тоже понимаю как явление нордического расового духа в тропическом индийском климате. Учение Будды это уход не приспособленного к такой среде духа во внутренний мир посредством «отрешенности», но это можно объяснить болезнью индоарийской души, а не считать проявлением центральноазиатской расовой души (Клаус описывает эту душу «туранской» расы как «отрешенный тип»). При анализе буддизма нельзя забывать, что жизнь должна представляться «страданием» особенно тому, кто по своему происхождению не был приспособлен к индийскому климату, а Будда был из индоарийского рода.

В индийской философии брахманизма и в героических эпосах еще проявляется нордический дух. В буддизме сохранилось еще многое из этого духовного наследия, лишь немногое в нем ново и свойственно только ему, но он превратил героизм действия в героизм страдания. Мировоззрение арийцев было жизнеутверждающим, а буддизм проповедовал отказ от брака и от размножения.

Буддизм это враждебность больной нордической души к жизни. Это разложение, но разложение нордической сути. Это не учение о спасении по «милости» извне, а самоосвобождение, спасение своими силами. Это учение для благородных одиночек, но именно одиночек, оторванных от своих корней.

Буддизм дела упор на отдельном человеке, независимо от его происхождения, подобно космополитической философии позднего эллинизма или стоицизму…

В китайских сказаниях о Будде говорится, что у него была очень светлая кожа и голубые глаза. Но высказывается предположение, что у него была и монголоидная примесь. В буддизме с самого начала было что-то соответствующее восприятию народов Центральной Азии.

Индоарийская Индия просуществовала около тысячи лет, с 1400 до 400 года до н.э.

Исчезновение остатков нордической расы в Индии

Если судить по индийской скульптуре, то в ней уже с III века до н.э. преобладают ненордические образы. Описание индийцев той эпохи оставил греческий

писатель Ктесий. В основном это были низкорослые, темнокожие и плосконосые люди дравидского типии, но среди них встречались и совершенно белые.

С IV века до н.э. в Индии начинают усиленно заниматься проблемами сексуальной жизни, подобно тому как в Риме в эпоху его прогрессирующей денордизации Овидий писал «Arsw amandi». Индоевропейское уважение к телу и к чувствам приняло гипертрофированные формы. Это тоже было явлением разложения.

Индоскифы

Освежение арийской крови принесли с собой т.н. индоскифы, которые основали мощное государство в Северо-Западной Индии, существовавшее со 120 г. до н.э. до 400 г. н.э. Его называют также «Кушанским».

Тогда же произошло возрождение древнеиндийской поэзии (поэмы Калидасы).

Индоскифы принадлежали к тем светловолосым и голубоглазым племенам, которые населяли тогда всю Центральную Азию вплоть до Китая и были известны под названиями сков и массагетов. Но наряду с нордическими чертами у них прослеживаются и черты переднеазиатской расы.

Монгольское господство уничтожило последние расовые следы арийской Индии. Нынешние индийцы – индийцы только по языку.

Следы нордической расы в современной Индии ее пограничных областях

Эти следы надлежит искать, прежде всего, в высших кастах, особенно в Северо-Западной Индии, в ее горных областях (Кашмир, Пенджаб, Раджпутана). Заметна нордическая примесь среди сикхов. Граф Кейзерлинг пишет, что саамы благородные типы он встретил среди раджпутов.

Следы нордической расы можно заметить по всей Индии среди брахманов. О высоте касты можно судить также по ширине носа: чем он шире, тем ниже каста. Брахманы в среднем на 6-9 см выше остального населения, а них более светлая кожа и более узкие лица и носы, волосы – каштановые.

Блондины встречаются даже среди сингалезов на Цейлоне, хотя очень редко. Но лучше всего этот тип сохранился в горах, где климат не такой убийственный – в Кашмире и в других областях Гималаев.

Следы нордической расы среди племен Памира и Гиндукуша

Эти следы обнаруживаются у ближайших родственников индийцев дардов, которые живут в горах к востоку и северо-востоку от округа Читрал, и у близких к ним по языку читрали, а также среди жителей афганского Бадахшана.

Из неарийских горных племен можно назвать балти, лахули и ладакхи, живущие в верховьях Инда племена, близкие по языку и по расе к тибетцам.

Ближайшие родственники индоарийцев – племена, живущие на Гиндукуше, на афгано-индийской границе, которые мусульмане называют «кафирами», т.е. «неверными». В этой изолированной области кафиры сохранили многие черты древних Ариев, чему благоприятствует и местный климат.

Индийцы на Яве

Во времена нашего Средневековья князья из Северной Индии господствовали на Яве. Индийская примесь сохранилась на островах Ява, Бали, Ломбок, Суматра и Борнео.

Лоло

Этот народ живет в китайских провинциях Сычуань и Юннань. Его высший слой почему-то называется «черной костью», а низший – «белой», хотя это не соответствует их физическим признакам. Их внешний вид называют «полуарийским».

Языки и народы современной Индии

Лингвисты говорят о новоиндийских языках, что их синтаксис заставляет сомневаться, можно ли еще причислять их к индоевропейским языкам. Их фонетика тоже отклонилась от индоевропейской.

Темнокожую расу, которая населяла Индию в палеолите и неолите, барон фон Эйкштедт называет «веддоиндной».

Племена с более или менее заметной примесью «палео-монголоидной» (фон Эйкштедт) расы живут в Непале. Заметная примесь переднеазиатской расы встречается в Северо-Западной Индии.

Негроидная примесь в «индо-меланоидном» (фон Эйкштедт) варианте и другие доисторические расовые связи прослеживаются в области т.н. «афро-азиатских» языков и языка мунда, главным образом, на востоке полуострова.

3. Белуджи и афганцы

Белуджи говорят на языке западно-иранской группы, но среди них живут брахуи, дравидоязычный народ с явно негроидной примесью, и они смешиваются друг с другом. Белуджи – брахикефалы с длинным изогнутым носом и очень волосатым телом. Блондины средин них лишь один человек из 200.

Язык афганцев принадлежит к восточно-иранской группе, наиболее близкой к индийской. Внешне многие афганцы сходны с пенджабцами.

Согласно Кину, афганцы имеют головной указатель 79, узкое лицо, темные волосы и глаза, но нередко встречаются и светлые.

В районе Хайберского перевала живет воинственное племя афридиев, которые сами себя не считают афганцами.

Афганские племена – воинственные кочевники, искусные всадники. Они господствуют над другими народами Афганистана. Их описывают как людей смелых и гостеприимных, но недоверчивых и алчных.

Эльфинстон перечисляет достоинства афганцев: свободолюбие, открытость, мужество, смелость, воздержанность, прилежание, рассудительность. Ведут они себя не так оживленно, как персы. Их недостатки: мстительность, завистливость, алчность, разбойничьи наклонности и упрямство. Такой букет вполне соответствует смеси ориентальной, переднеазиатской и нордической расы.

Волосы у афганцев обычно черные, кожа более светлая на западе страны и более темная на востоке, и именно на западе сильнее всего проявляются описанные достоинства афганцев, которые по крайней мере частично, представляют собой черты нордической души. Лорд Эльфинстон писал, что не знает в Азии народа, который имел бы меньше пороков.

Это относится, прежде всего к более светлым западным афганцам. А у восточных афганцев светлые глаза считаются некрасивыми.

Штиль описывает афганцев, попавших во время Мировой войны в немецкий плен, и отмечает, что многие из них выглядели так, словно они родились в крестьянской семье где-нибудь в Северной Германии.

Норвежский лингвист Моргенштерне подчеркивает тот факт, что афганцы в отличие от других восточных людей сидят на стульях, а не на корточках: эту манеру принесли с собой в Южную Европу и Переднюю Азию индоевропейцы.

Афганцы сами чувствуют свое отличие от окружающих народов. Один афганец, встретив среди киргизов французского путешественника Капю, приветствовал его: «Салам алейкум, брат!» Капю тоже воспринял этого афганца как европейца.

Афганские племена враждуют друг с другом и между ними часто бывают кровавые стычки. Когда Эльфинстон спросил об этом афганцев и посоветовал им обзавестись королем, он получил ответ: «Пусть лучше вражда и кровь, только не верховный правитель». Так мог бы ответить какой-нибудь барон германского происхождения во франкской Франции.

Афганцы – пример индоевропейского господствующего слоя. Во времена Якоба Грима такими представляли себе индоевропейцев вообще: воинами-кочевниками. Но это состояние не могло быть изначальным, так как именно иранская группа индоевропейцев сначала имела характерные черты воинов-крестьян, мировоззрение которых нашло свое выражение в маздеизме. Отрыв афганцев от земли был вызван теми условиями, в которых они оказались.

4. Персы

Как уже говорилось, индоиранцы разбились на две группы в период между 2000 и 1600 г. до н.э. в южнорусских степях. Появление персов в районе озера Урмия зафиксировано в ассирийских надписях лишь около 900 года до н.э.

Персы во времена их миграции

Персы пришли в Иран вслед за мидийцами, их ближайшими родственниками, которые потом растворились среди персов, но долго еще сохраняли особое племенное сознание. Как сообщает Геродот, мидийцы раньше называли себя «ариями».

Прослеживая пути миграции иранцев, следует отметить, что персидские породы лошадей происходят из Центральной и Северо-Западной Европы, а не из степей Юго-Восточной Европы и Западной Азии.

Персы чувствовали свое расовое отличие от туземцев Ирана, но браки с ними не были запрещены.

Персы пришли в Иран не как воины-кочевники, а как воины-крестьяне. Это следует подчеркнуть во избежание неверных представлений об индоевропейцах…

Среди индоевропейцев глубоко укоренилось убеждение в «свободе и равенстве» глав семей между собой, но оно не имело ничего общего с учеными теориями 18-го – 19-го веков. У индоевропейцев оно имело аристократический характер, а в прошлом веке их употребляли применительно к массам, не учитывая при этом, что народы Запад состоят не только из потомков свободных индоевропейцев древней Европы, но и из потомков рабов этих индоевропейцев, людей иных рас…

По словам Геродота, персы считали главными достоинствами храбрость и многодетность.

Персы в эпоху основания их царства

Сначала персы-арийцы делились на три сословия, священников, воинов и крестьян. Потом к ним добавилось четвертое – ремесленники, возможно, потомки покоренного доиранского населения. Появление духовенства как особого сословия следует расценивать так же, как брахманизм в Индии.

При Кире II Персидское царство превратилось в великую державу, подчинив себе области. Где преобладала либо переднеазиатская, либо ориентальная раса, либо их смесь. Народное самосознание персов приобрело в эту эпоху возвышенных характер благодаря маздеизму.

Маздеизм

Культура древних персов – особенно хороший пример происхождения народа и его веры из духа нордической расы. Религиозность эллинов гомеровской эпохи и древних германцев того же происхождения, что и персидский маздеизм…

Маздеизм Заратустры был первой религией, которая придала всему мирозданию, государственному устройству и жизни людей нравственное значение, включила самих людей в мировые процессы как их соучастников, способных решать: за Бога или против него. Это была первая религия с чертами теологии. Именно в этом можно усматривать, поскольку у эллинов и германцев с их непосредственной религиозностью «теологические» наклонности отсутствовали, влияние переднеазиатской расовой души, которой так дороги «откровения» и догмы. Именно эти «теологические» составные части маздеизма оказали глубокое влияние на иудаизм и христианство.

Индоевропейцам чужды более присущая позднему, чем первоначальному маздеизму идея спасения. Она характерна для переднеазиатской расовой души, которую Клаус потому и назвал «типом, нуждающимся в спасении». Эта идея проявляется также везде, где преобладает восточно-балтийская раса или есть ее примесь. С Востока и из Восточной Европы на Запад приходят все новые и новые варианты этой идеи. Идея спасения и представление о Спасителе сильнее выражены в позднем маздеизме. Но Рейценштейн («Иранская мистерия спасения», 1921) показал, что это результат чужого влияния, следствие занятия персами Вавилонии и Сирии, областей, где преобладает переднеазиатская раса. В первоначальном маздеизме это влияние не было определяющим.

Непосредственно из индоевропейского духа Заратустра почерпнул уважение к мировому божественному порядку… Нордическая раса по своей сути с древних времен была «расой, устанавливающей мировой порядок» в противовес хаосу. Такое представление о мировом порядке среди всех народов земли присуще только индоевропейцам.

Заратустра сознательно исходит из этого индоевропейского представления. Маздеизм называют «самой высоконравственной мировой концепцией», и с этим можно согласиться с одной лишь оговоркой: речь не может идти о нравственности «вообще», а только о нравственности определенной расы. Добавим, что Заратустра воспринимал мировой порядок гораздо естественней, чем Фихте…

В своем понимании нравственности Заратустра исходил из народных персидских представлений. В Вопросах веры персы, как и эллины, были совершенно самостоятельны.

…Но в сущности Ахура Мазды как Бога мирового порядка заключалась и определенная опасность для дальнейшей судьбы персов: он мог превратиться в Бога всех народов Земли, генотеизм мог превратиться с монотеизм. И Ахура Мазда в итоге стал всемирным Богом огромного царства Ахеменидов с его разными

народами, языками и смешанными расами, в «империалистически» понимаемого Бога персидской знати…

Конечная победа Бога над его противником готовится благодаря содействию людей в борьбе против Зла. К этой борьбе ежедневно призывал маздеизм, а отнюдь не к восточному «непротивлению»…

Царство Ахеменидов было ярко выраженным аристократическим государством… Что же касается воздействия маздеизма, то нас особенно интересует то, что затрагивало жизнь персидского народа, процессы отбора. Этот вопрос рассмотрел В. Шульц в своей книге «Арийская расовая гигиена в религии древних персов».

Маздеизм запрещал посты и безбрачие – именно то, что наиболее свято для народов переднеазиатской расы, – как помехи жизни… Когда перс приходил в рай, ангелы спрашивали у него, оставил ли он заместителя среди людей, и если оказывалось, что нет, его в рай не пускали.

Речь при этом шла не только о количестве детей, но и об их наследственных качествах. Детей с уродствами убивали вскоре после рождения – этот обычай сохранялся у персов вплоть до наших Средних веков.

Маздеизм – самая великолепная жизнеутверждающая форма веры индоевропейских крестьян-воинов. Именно его противоположность иному духу народов Передней Азии позволила маздеизму достичь таких высот мысли.

Если учитывать самые древние части Авесты, остается непонятным, как можно приписывать если не всем индоевропейцам, то хотя бы группе «сатем» кочевой образ жизни. В этой священной книге очень много говорится о земледелии, о богатых урожаях…

Религиозности всех индоевропейцев всегда были чуждыми прозелитизм и нетерпимость. В этом выражается нордическое чувство дистанции между людьми. Для нордической расовой души неприлично вмешиваться в духовную жизнь других людей. При всей благородной гордости своей маздеистской верой. Дарий уважал и другие верования в своем царстве. Примечательно, что только при Сасанидах, под влиянием духовенства, в Персии начались преследования инаковерующих.

Описания физических признаков древних персов

Геродот описывает персов как высоких и сильных, гордых людей. По словам Плутарха, персидские женщины были высокими и красивыми. Александр Македонский просил своих воинов не бояться их высоких противников.

Когда греческие и римские авторы называли кого-то «красивым», они ориентировались на свои скульптурные образцы, у которых преобладали нордические черты.

Плутарх сообщает, что у персов ястребиный нос считался красивым, потому что такой нос был у их самого любимого царя Кира. Подобные носы редко встречаются среди людей нордической и переднеазиатской расы, зато чаще – у гибридов этих рас.

Персидские воины, изображенные в цвете на т.н. саркофаге Александра, почти все принадлежат к нордической расе или у них преобладают ее черты. Но по сравнению с нордическими чертами македонцев, черты персов более тонкие. Этому соответствует и сообщение Геродота о более тонких черепах персов.

Между эллинами и македонцами, с одной стороны, и персами, с другой, не существовало расовой неприязни. В «Персах» Эсхила мать царя видит во сне двух женщин, персиянку и гречанку, «сестер одной крови». В Аргосе Персей считался общим предком аргивян и династии Ахеменидов. И не случайно Александр Македонский переженил своих воинов на благородных персиянках на грандиозной коллективной свадьбе в 324 г. до н.э. Женщин с «варварской» внешностью македонцы бы отвергли.

Распад царства Ахеменидов и разложение древнеперсидского духа

Во времена походов Александра Македонского ядро персов было преимущественно нордическим. Уйфалви изучил расовую историю персов и считает, что персы до VI века до н.э. были преимущественно нордическими, а в период между III и VII веками нашей эры даже их правящий слой постепенно утратил нордические черты.

Денордизация персов происходила по мере распространения их власти на неперсидские области и их смешения с покоренными народами. Представители правящего слоя гибли в войнах, так что имел место антиотбор.

В царстве Ахеменидов различали персов по языку и персов по крови. В надписи на гробнице Дария I подчеркнуто, что он «перс, сын перса, ариец из арийского племени».

Исчезновение персов-арийцев вело и к изменению верований. Уже около 400 г. до н.э. в маздеизм проникают доперсидские верования в виде культа Митры.

Митра, как древний индоевропейский бог, проник и в Римскую империю, где его особенно почитали в войсках. Диоклетиан объявил Митру покровителем Империи. Вместе с Митрой вернулась в Европу и свастика.

Явлением разложения был культ Анахиты, одной из богинь плодородия с соответствующими духу переднеазиатской расы чертами Иштар (Астарты), Кибелы и позднегреческой Афродите, а также чертами богинь ванов (в ослабленной форме).

Культ Анахиты выродился, приняв формы, развратные с арийской точки зрения и священные с точки зрения переднеазиатской расовой души. Во всей области преобладания этой расы с доисторических времен имело место «семитское совмещение святилища с борделем» (Ольденбург). Храмовая проституция, экстатические праздники – все это признаки влияния переднеазиатской расовой души, что сказалось также на культе Сабазия у фракийцев и культе Диониса в поздней Греции. Душа переднеазиатской расы ощущает разрыв между душой и телом, чего никогда не ощущает чистый индоевропеец… Вопрос об отношениях между душой и телом для индоевропейцев вообще не «вопрос», во всяком случае, он их не мучает, они занимаются им лишь тогда, когда его поднимают представители других рас. Люди переднеазиатской расы могут быть либо исключительно «плотскими», либо исключительно «духовными».

Появление таких форм богослужения, как культ Анахиты, был признаком прогрессирующей денордизации персов. Происходило выхолащивание жизнеутверждающей нравственности маздеизма, упор переносился с рода на отдельную личность.

Персы в эпоху Сасанидов

Династия Сасанидов правила с 226 по 651 г. Персы того времени представляли собой смесь нордической и переднеазиатской рас. Аммиан Марцеллин, который сопровождал императора Юлиана в походе на Восток, изображает персов как людей хилых, темнокожих, со сросшимися бровями и густой бородой (признаки переднеазиатской расы), вялых и расслабленных. Если бы все персы были такими, Сасаниды не смогли бы с таким народом создать империю…

Мнение Запад о древних персах до новейшего времени определялось рассказами греков, которые относились к персам свысока. Гобино, который был французским посланником в Персии, в своей «Истории персов» (1869г.) впервые открыл персов для западной исторической науки во всем их величии и показал, что в нравственно отношении персы были выше греков… В наших школах и вузах надо изучать персов, как одно из самых благородных проявлений индоевропейского начала, особенно их религию.

Персы в эпоху западного Средневековья

Т.н. «арабская философия» Средних веков представляет собой, большей частью, эллинское духовное наследие, воспринятое и переработанное персами, писавшими по-арабски. Ориентальная раса, в наиболее чистом виде представленная среди бедуинов, отличается ограниченностью мышления, поэтому и арабская поэзия сводится к лирике. Ориентальной расе не свойственно мифологическое мышлении, столь характерное для индоевропейцев. Поэтому народы ориентальной расы неспособны к философии в западном смысле слова, так что не следует удивляться, что «арабская» философия это, в основном, произведения персидских мыслителей, писавших на арабском языке.

Более того: вся арабская средневековая литература – творение персов, писавших по-арабски; «арабскую медицину» создавали, главным образом, персидские врачи. Из Персии получила свои стимулы архитектура ислама. Запрет ислама на изображение людей и животных в Персии не соблюдался.

Не случайно суфизм, мистика ислама, возник в Персии, в провинции Хорасан. Ислам, как и все семитские формы религии, казался индоевропейцам окаменелым, сухим и неудовлетворительным. Суфизм попытался его обогатить, внести в него мифологическое мышление. Так суфизм стал «пантеистически окрашенной мистикой ислама».

Суфизм испытал влияния индоарийского духовного наследия, буддийских идей, реликтов маздеизма и религии Мани, в которой сохранилось еще много индоевропейского, а также неоплатонизма.

Как движение сопротивления чуждому персам в исламе можно воспринимать и шиизм.

Нордический расовый дух проявился и в средневековой персидской поэзии. «Шахнамэ» Фирдоуси стоит в том же ряду, что и «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Илиада» и «Махабхарата».

Расовые особенности персов эпохи западного Средневековья

С приходом арабов в Иране увеличилась примесь ориентальной расы. С исчезновением нордической расы сильно увеличился и процент переднеазиатской. Новоперсидский язык отклонился от индоевропейских в сторону кавказских языков, исконных зыков переднеазиатской расы.

Арабы ценили персиянок. Они говорили: «Кто хочет иметь талантливых детей, пусть возьмет себе в жены персиянку». Нов о многих областях Ирана арабы встретили людей ниже себя. Так население Хузистана отличалось желтоватой кожей, широкой, плоской головой и редкими волосами, что заставляет подозревать примесь центрально-азиатской расы. Есть она и у бахтиаров.

Арабы обратили внимание, что цвет кожи в Персии тем светлей, чем дальше отъезжаешь от Тигра.

Маленькие, очень темные люди с низкими лбами и толстыми губами встречаются на юге в районе Дисфула – возможно, налицо примесь пигмеев.

Физические признаки современных персов и остатки нордической расы среди них

Современные персы – смесь ориентальной и переднеазиатской рас с примесями центрально-азиатской и нордической рас.

В 1800 году один английский путешественник встретил в Ширазе еще много блондинок. Другой англичанин отметил, что цвет кожи персов варьирует от темно-оливкового до близкого к северно-европейскому.

Шиндлер в 1879 г. описал двух вождей луров как людей с голубыми глазами и светлыми бородами. Но, по свидетельству одного персидского врача, во всей Персии лишь около 2% блондинов. Поскольку в Персии верят, что шайтаны приходят с севера, блондинов народ в Персии называет шайтанами.

Фон Лушан пишет, что блондины нередко встречаются между Ширазом и Исфаханом.

В Ширазе нет худшего ругательства, чем «черный».

Психические черты современных персов

Гобино прославлял персов-арийцев, но очень низко оценивал современных персов, которых хорошо знал, как лжецов, обманщиков, воров и педерастов. Но не все, кто знаком с Персией, согласны с такой оценкой.

В современных персах чувствуется какая-то угнетенность. Может быть, это объясняется тайным отторжением расово чуждого им ислама. Персы несут на себе груз невидимого рока и стали унылым, сломленным нардом, отказавшимся от проявления собственной сути.

Остатки персов-арийцев вне Персии: парсы и курды

Эмиль Шмидт описывает два типа среди парсов: один с узким и высоким лицом, орлиным носом, выступающим подбородком и густой бородой – смесь переднеазиатской, ориентальной и нордической рас, второй – с более широким лицом, округлой нижней частью лица, более широким носом и толстыми губами, который часто выглядит как «семитский», ассиро-вавилонский. В нем уже нет никакой нордической примеси.

Оба типа брахикефальны, их кожа светлей, чем у окружающих индийцев. Головной указатель, по Уйфальви, равен 82.

Другой остаток персов-арийцев это курды. Нордическая примесь сохранилась у них в большей степени, чем у современных персов.

Ханыков находит курдов похожими на афганцев, а Поляк пишет даже, что их можно принять за немцев. Швейцер-Лерхенфельд также подтверждает, что внешний вид курдов можно назвать нордическим.

Головной указатель у разных курдских племен разный, от 75 до 86,5.

Фон Лушан насчитал среди курдов, живущих к западу от озера Ван 62,5% блондинов. Но долихокефалию можно объяснить не только нордической примесью.

Заборовский считает, что светловолосые курды, в которых он видит потомков мидийцев, как и светловолосые осетины происходят от неолитического долихокефального населения Южной Россия. Фон Лушан полагает, что курды первоначально все были светловолосыми и потемнели лишь в результате смешения.

Часть курдов внешне напоминает древних иранцев, мидийцев и персов.

Ряд курдских племен, подобно афганцам, оторвались от земли и стали кочевниками.

Самым знаменитым курдом был султан Саладин. Может быть, курдских предков имел и светловолосый турецкий султан Орхан Гази (1326-59).

5. Таджики, галеши и другие остатки иранцев вне Персии

Галешей не очень отличают у таджиков; иногда их называют «горными таджиками». Таджики, в основном, темноволосые, приземистые, широколицые брахикефалы. Это смесь переднеазиатской и центрально-азиатской рас. Небольшая нордическая примесь заметна лишь в ряде мелких групп и у отдельных людей.

Галеши представляют собой смесь нескольких брахикефальных рас и как минимум одной долихокефальной – нордической.

6. Саки

Понятие «саки» остается неопределенным. Саков не всегда отличают от скифов, да этого, может быть, и не следует делать. Лучше всего использовать общее понятие «саки», а скифов считать европейскими саками.

В этом смысле саки – племена, жившие в доисторические времена на просторах от Венгрии до Синьцзяна. Им принадлежали предметы бронзового века, найденные в районе Минусинска. Обычно эти находки называют «скифскими».

Азиатские саки переняли кочевой образ жизни у центрально-азиатских племен, с которыми они смешались…

В Хотане (южный Синьцзян) преобладает центрально-азиатская раса, но можно предположить наличие переднеазиатской и нордической примеси. Последнюю могли занести светловолосые саки или тохары.

Приход саков в Азию можно датировать концом бронзового века.

Киммерийцы, которые напали на Вавилон, тоже были сакским племенем. Часть саков вместе с хеттами вторглась в Малую Азию около 1200 г. до н.э.

Присутствие саков в Сибири доказано находками, относящимися к концу бронзового века. Примерно с V века до н.э. сотни зеркал, т.н. «скифские медные

котлы» и предметы со «скифским животным орнаментом» появляются во многих местах Южной Сибири вплоть до Тувы.

Этот животный орнамент прослеживается в латенской культуре Центральной Европы и в искусстве готов.

Район Минусинска поддерживал в конце бронзового века постоянные связи с Южной Россией. Бронзовый век в чистом виде длился здесь до начала нашей эры. Сакское население верховьев Енисея было оседлым, земледельческим народом. Позже оно смешалось с вторгшимися племенами центрально-азиатской расы.

В районе Минусинска находятся родовые погребения саков, т.н. скифские курганы, а сакские боевые топоры находят вплоть до верховьев Ангары и до Верхней Тунгуски.

По данным Заборовского, в курганах Западной Сибири преобладают брахикефальные черепа, но встречаются и долихокефальные. Бакстон («Народы Азии», 1925) из 96 черепов, найденных в курганах бронзового века, относит 42 долихокефальных к «протонордическому» Тиму. При этом следует отметить, что среди тувинцев и сегодня сохранилась нордическая примесь.

Расовые особенности сакских племен

Из описаний европейских саков, скифов, у древних авторов следует, что они были светловолосыми и походили на кельтов и германцев, но встречались и саки «монголоидного» типа. Уже довольно рано могло произойти смешение саков с тюркскими племенами, которым саки поставляли вождей.

Исходная область азиатских саков вероятно находилась между Каспийским и Аральским морями, горами Северного Ирана и Алтаем. Из сакских племен этого региона известны массагеты и аланы. Последних Аммиан Марцеллин описывает как людей высокого роста со светлыми волосами. Позже аланы вернулись в Южную Россию. Часть их пошла на Кавказ (предки осетин), другая во II веке н.э. – на нижний Дунай. Оттуда гунны вытеснили алан в Венгрию, где они слились с расово близкими им германскими племенами, которые внешне и по характеру отличаются от казахов и узбеков.

Саки служили наемниками в персидской армии и составляли ее ядро. Они сражались при Марафоне, при Фермопилах, при Платее и Гавгамелях. Сакские племена составляли часть парфян, вероятно, лучшую.

Усуни

К сакам принадлежали, вероятно, и усуни, о которых рассказывают китайские летописи. Они жили в восточной части бассейна реки Тарим. Согласно описаниям китайских путешественников, у этого народа были рыжие волосы и голубые глаза.

Юэчжи

Так китайцы называли сакские племена, дальше всех продвинувшиеся на Восток, возможно, до самого Тихого океана.

Юэчжи в конце бронзового века пришли с запад в Казахстан. Часть их в III веке до н.э. проникла в Синьцзян и дошла до излучины Хуанхэ. Китайские летописи сообщают, что в 170 г. до н.э. гунны разбили юэчжи и вытеснили их из этих областей. После этого юэчжи разделились . Малые юэчжи ушли в Тибет, а Большие уничтожили македонское царство в Бактрии, а в I веке н.э. распространили свою власть на Индию. При царе Канишке они приняли буддизм и завоевали Тохаристан и Кашгар.

Бельц, один из лучших знатоков расологии Японии, бывший личный врач микадо, возводил к юэчжи некоторую «европейскую» примесь среди японцев, особенно среди высших сословий.

«Белые гунны»

Китайские историки причисляют «белых гуннов» к Большим юэчжи. Другое их название – эфталиты. Византийский историк Прокопий писал, что «белые гунны» не имели ничего общего с остальными гуннами. Они, в частности, не были кочевниками. В 450 г. н.э. орды белых гуннов вторглись в Индию. Позже они смешались с тюрками.

Динлины

Китайские летописи упоминают светловолосый и голубоглазый народ динлинов, живший во II веке до н.э. в Южной Сибири, на Енисее, Оби и Иртыше. Возможно, эти светловолосые киргизы создали тюркскую письменность Северной Азии.

Согласно китайским описаниям, динлины были очень энергичными людьми высокого роста со светлой кожей, рыжеватыми волосами и зеленоватыми глазами.

Черные волосы и темные глаза считались у них признаком китайского происхождения.

Позже китайцы причисляли этот народ к уйгурам. Тогда тюрки-уйгуры в 758 г. подчинили эти светловолосые племена, они назвали их киргизами. Впоследствии они растворились в монголоидных племенах.

Китайцы знали в XIII веке и светловолосых тунгусов, которых они набирали в армию и использовали в авангарде. Это тоже могли быть потомки саков.

Расовые следы саков в Центральной Азии

Если верно, что саки нордического происхождения растворились среди киргизов, то следует ожидать, что у киргизов есть хотя бы остатки примеси нордической расы. И они действительно есть, особенно у мужчин, тогда как у женщин преобладают признаки центрально-азиатской (монголоидной) расы. То же самое наблюдается и при смешении рас в Европе: у мужчин преобладают нордические признаки, у женщин – альпийские.

Каррузерс отметил и различил в поведении киргизов и монголов, хотя приписал их соответственно влиянию ислама и буддизма. Но каждый народ переделывает принесенную ему извне религию на свой лад. Различие, на которое обратил внимание Каррузерс, является скорее врожденным, чем благоприобретенным. У киргизов еще сказываются наследственные задатки саков.

У киргизов и у калмыков знать «белая кость», заметно отличается от остального народа, «черной кости».

Наличие остатков саков можно предполагать и среди тувинцев. Они делятся на «черных» и «желтых». Среди желтых тувинцев половина блондинов.

По мнению Каррузерса, тувинцы представляют собой расовую смесь. Одни из них имеют вполне «европейский» облик, другие – вполне «монгольский».

И среди бурят можно еще распознать более светлую примесь.

Если юэчжи дошли до китайской провинции Ганьсу, они должны были оставить здесь свои следы. И людей особого типа видел здесь еще Марко Поло.

Сакские роды, вероятно, стали частью знати в Северном Китае.

Можно предположить, что таким было и происхождение семьи китайского мудреца Конфуция. Эта семья принадлежала к северокитайской военной знати. Отец Конфуция отличился как храбрый военачальник.

Первоначальное учение Конфуция противопоставляет людей благородного и обычного типа. Оно уделяет много внимания государству. Второй великий китайский мудрец Лао-цзы в большей степени «азиат», он учил людей удаляться от мира и, в частности, от государства. В возврате Лао-цзы к основе мира, которую он называет «Великой Матерью», заметно влияние духа матриархальных культур, а в учении Конфуция – влияние индоевропейского духа. Даосизм распространялся из Южного Китая.

Мэн-цзы, ученик Конфуция, тоже происходил из северокитайской знати, но он был настоящим «азиатом» и «китайцем» по своей сути.

Осетины

Название «осетины» – грузинское, сами себя они называют «ирон».

Осетинский язык испытал переднеазиатское влияние – 34 его звука полностью совпадают со звуками грузинского языка.

Древнеосетинские мужские черепа долихокефальны, женские – брахикефальны.

Многие осетины имеют светлые волосы и глаза. Гакстагаузен нашел их похожими на шведов, что неудивительно: осетины – смесь нордической и переднеазиатской рас, а швабы – нордической и альпийской.

7. Нордическая примесь в родах центрально-азиатских вождей

Не у всех этих вождей такая примесь была. Например, Аттила, судя по описанию историка готов Иордана, явно был человеком центрально-азиатской расы. Зато в роду Чингис-хана была примесь светлой расы. Его родоначальницу предание называет «красивой аланкой». По ее словам, она забеременела от божественного существа в образе человека со светлым лицом и золотыми волосами.

Потомков этой женщины называли «бурждигинами», т.е. «голубоглазыми». Сам Чингис-хан удивлялся, почему у его внука Хубилая темные волосы. Чингисхан был высокого роста, светлокожий, с зелеными или серо-голубыми глазами и рыжеватой бородой.

Форст-Батталья в своей книге «Тайна крови» (1932г.) попытался доказать, будто Вильгельм II вел свой род от Чингисхана. Но в его генеалогии есть одно слабое звено: историки сомневаются, что русский царь Павел I был сыном Петра III, его настоящим отцом считают полковника Салтыкова.

О хане Батые немецкий монах Рубрук пишет, что он был похож на Жана де Бомона, нормандского дворянина, который командовал французским флотом во время высадки Людовика IX в Египте.

Хубилай, по описанию Марко Поло, был человеком среднего роста, пропорционально сложенным, со светлым лицом.

Тамерлан был человеком высокого роста с розово-белой кожей и светлыми волосами, с большой головой и высоким лбом. Он ненавидел ложь и всегда хотел знать правду, пусть даже неприятную.

Руководящий слой тюркских племен, которые основали в Индии империю Великих моголов, также мог иметь небольшую нордическую примесь. Внук императора Акбара шах Джахан и его преемник Аурангзеб имели совершенно не монгольскую внешность.

Тоже самое можно сказать и о турках-османах, которые в XI веке смешались с туркменскими племенами, в которых растворились остатки персов-арийцев и саков. Отсюда, возможно, светлые волосы у упомянутого Орхана Гази.

Истощение силы тюрков и монголов можно объяснить вымиранием среди них руководящих родов нордического происхождения.

8. Нордическая примесь в Восточной Азии

Китайские и японские, корейские и маньчжурские благородные семьи отличаются от остального народа более высоким ростом, стройностью, более узкими лицами с менее выступающими скулами, более узкими и длинными носами, выступающим подбородком и тенденцией к долихокефалии.

Бельц называет этот тип «манчжурско-корейским». Он встречал много таких людей в Северном Китае и в Корее, в более утонченном варианте – в Японии, но там только в высшем слое. В Японии различают благородный тип хосю и тип сацума (палеомонголоиды Эйкштедта).

Сходный с европейским тип фон Зибольд нашел среди корейцев, а Гютцлаф счел, что китайское население Тяньцзина выглядит менее «азиатским».

У людей, изображенных на древнекитайских фарфоровых изделиях, бросаются в глаза некитайские черты, которые можно принять за нордические или переднеазиатские.

Среди маньчжур в конце XVIII века Барроу встречал людей со светлой кожей, каштановыми волосами, голубыми глазами и прямыми или изогнутыми носами.

Если изучить портреты японских государственных деятелей, полководцев и флотоводцев, то у многих из них бросится в глаза их «неяпонская» внешность.

В 1906 году высоких, узколицых блондинов обнаружили среди народа яо, живущего в горах китайской провинции Гуандун. Может быть, это потомки юэчжи, которых китайцы вытеснили из долины Хуанхэ.

В связи с этими миграциями индоевропейских племен встает вопрос о происхождении и основах китайской культуры. Одни считают китайцев автохтонами, другие – пришлым народом. Французский китаист Терръен де Лакупери (1845-94), усмотрев взаимосвязи между вавилонской и древнекитайской культурами, выдвинул гипотезу о миграции из Элама голубоглазого народа, который заложил основы китайской культуры. Более обоснована гипотеза Рихтгофена о миграции пракитайцев из бассейна Тарима.

Для решения спора необходимо раздельно исследовать происхождение основных расовых компонентов китайского народа, происхождение китайского языка, культуры и правящих родов в разные периоды китайской истории. С точки зрения этнографии и лингвистики можно говорить об автохтонности китайцев, об их прародине в Южном Китае. Китайская же государственность зародилась в Северном Китае – южные китайцы склонны к мятежам.

Швед Андерсон показал, что древнейшая китайская культура имела много общего с древнеевропейской. Крашеная керамика трипольской формы достигла Северо-Западного Китая.

Г. Шмидт полагает, что можно уже теперь утверждать, что древнейшие культуры Китая и Японии – европейского происхождения.

Еще раньше саков группы племена из Центральной и Юго-Восточной Европы, индоевропейцы эпохи неолита или бронзового века, могли достичь Северного Китая, проложив путь сакам.

Раньше считали, что свастика попала из Индии в Китай, а потом в Японию вместе с буддизмом. Сегодня можно задаться вопросом, не принесли ли ее с собой саки из области ленточной керамики. На одной японской картине показаны свастики на щитах команды монгольских кораблей, которые Хубилай-хан послал из Китая в Японию.

9. Тохары

Следы тохаров были найдены в начале XX века в Синьцзяне, в районе городов Турфан и Куча. Оказалось, что там некогда мирно сосуществовали два народа разной веры, говорившие на разных языках, диалектах индоевропейского языка, названного «тохарским». Диалект А в Турфане отличался от диалекта В в Куче. Зиг считает, что вариант В – особый индоевропейский язык, а не диалект тохарского.

Неожиданным для лингвистов было то, что оба диалекта принадлежали не к группе «сатем», а к группе кентум и были ближе всего к кельто-италийским языкам. Похоже, племена группы «сатем» по пути из Центральной Европы в Азию следовали за тохарами, миграция которых относится к эпохе неолита.

Пратохаров выводят из области крашеной керамики. Менгин видит в них господствующий слой т.н. «украинской культуры»… Возможно, тохары были расово близки с саками: у них были общие обычаи и одежда.

Когда тохары пришли в Синьцзян? Менгин полагает, что именно тохары могли принести в Китай стиль ян-шао, форму керамики, которую он датирует 1500 г. до н.э. Губерт Шмидт считает, что эту культуру можно выводить из дунайско-балканской области.

Ряд исследователей причисляет тохаров к юэчжи. Но юэчжи это саки, а тохаров, как народ группы «кентум», нельзя относить к сакам.

Римляне слышали о народе серов, который они считали изготовителями шелка. Возможно, речь шла о тохарах, но они не были изготовителями, а лишь посредниками в торговле шелком. Римляне в I веке н.э. знали от индийских послов, что серы – народ высокого роста, со светлыми волосами и голубыми глазами.

В 760 г. началось завоевание Синьцзяна уйгурами. В это время исчезает тохарский язык, но не расовые черты тохаров.

Клаач исследовал немногие черепа, найденные в Турфане. Четыре из них, в основном, монголоидные, но с примесью долихокефальной расы. Два черепа Клаач назвал «индоскифскими» и сравнивал их с кроманьонскими.

Примесь у тохаров фальской расы, развившейся из кроманьонской, не должна удивлять, так как тохары отделились от кельто-итало-германской группы народов, одним из расовых компонентов которой была фальская раса (из знаменитых римлян к ней принадлежали Помпей, Веспасиан и Тит). Так что среди тохаров могла быть представлена не только нордическая, но и фальская раса, в отличие от всех описанных нами ранее случаев.

О физических чертах тохаров можно судить по настенной живописи, найденной в буддийском монастыре в Турфане. На этих изображениях можно видеть людей со светлыми и рыжеватыми волосами, с голубыми и зелеными глазами, с узкими лицами и носами. Но, судя по манере изображения, художники, которые писали эти картины, сами принадлежали к центрально-азиатской расе.

Русский исследователь Грум-Гржимайло сам встречал в оазисе Турфан высоких, красивых людей с каштановыми волосами и светлыми, большей частью голубыми глазами.

Сегодня уже трудно определить, является ли нордическая примесь в Синьцзяне (за исключением Турфана) остатком тохаров или других индоевропейских племен. Но эта примесь есть также в Хотане, к западу от озера Лоб-нор.

Небольшую примесь нордической расы саки или тохары занести также в Тибет.

10. Армяне

С низовьев Дуная в Малую Азию пришли индоевропейские племена мизийцев, вифинцев, фригийцев, а также троянцы, которые появились здесь около 2000 г. до н.э. и представляли собой смесь фракийских и фригийских племен. Господствующим слоем стали хетты. В основном это был народ переднеазиатской расы, но сохранилось изображение длинноголового и светловолосого хеттского царя.

С низовьев Дуная пришли и филистимляне, которые позже усвоил семитский язык, ближайшие родственники эллинов и македонцев.

В конце II тысячелетия до н.э. в Малую Азию вторглись новые орды фригийцев. От них и произошли армяне. Одно из фригийских племен, может быть, смешан-

ное с киммерийцами, отделилось от остальных и около 600 г. до н.э. достигло Армянского нагорья, где оно образовало господствующий слой.

Название «армяне» было дано этому народу мидийцами, сами себя армяне называют «хаик», т.е. «господа». В этой же области жили халды, вероятно, народ переднеазиатской расы, говоривший на одном из кавказских языков. Халды образовали низший слой армян и усвоили их язык.

Согласно описанию Моисея Хоренского, у праотца армян Хаика были серые глаза, а у Тиграна I – светлые волосы и серые глаза.

Бунак исследовал армянские черепа, относящиеся к железному веку. Они сильно отличаются от современных армянских форм. Это были длинные черепа с длинными лицами и носами, которые Бунак сближает с нордическими. По мнению армянских ученых, долихокефалия преобладали в Армении до 1500 г. до н.э., а потом начала распространяться и в итоге возобладала брахикефалия.

Когда читаешь историю армянского народа, создается впечатление, что среди всех индоевропейских народов армяне и в самый ранний период имели наименьшую примесь нордической расы. Правящий слой «хаик» был очень тонким и сравнительно быстро исчез.

Столетиями армянским народом руководила знать, которая в эпоху Сасанидов смешалась с персидской знатью. Армянские эмигранты играли важную роль в Византии, где были и императоры-армяне.

О современных армянах говорят, что они не могут ни править, ни подчиняться, но при этом не учитывается то положение, в котором находится армянский народ. Современные армяне относятся к числу тех кавказских народов, среди которых сильнее всего преобладает переднеазиатская раса.

Словарный состав и синтаксис армянского языка, в основном, индоевропейские, но его фонетика сближается с грузинской, т.е. с фонетикой языка переднеазиатской расы.

11. Резюме

Расовая история индоевропейских народов показывает, что основу и этих народов составили, главным образом, племена нордической расы. И в этом случае вопрос о происхождении индоевропейцев связан с вопросом о происхождении

нордической расы. Расовая примесь, общая для **всех** индоевропейских народов, это примесь нордической расы.

Взаимосвязь этих двух вопросов показали Коссинна, Шухардт, Чайлд, Шпрокхоф и Менгин. В качестве исходной области ряда индоевропейских народов выявляется область дунайской ленточной керамики, куда в позднем неолите вторглись племена из области саксоно-тюрингской шнуровой керамики. Эти племена составили ядро индоевропейских народов и одновременно – ядро нордических господствующих слоев. На Дунае они дали толчок к образованию кельтской общности, принеся расово смешанным племенам ленточной керамики индоевропейский язык, а на Майне – италийской общности. Черты, общие для италиков и кельтов (и тохаров) можно проследить до Унетицкой культуры

В Восточной Европе, от Одера до Венгрии, племена шнуровой керамики заложили основы иллирийской общности. Потомками иллирийцев по языку и частично по крови являются албанцы. Иллирийцы – западная ветвь группы «сатем».

Продвижение племен шнуровой керамики на северо-восток привело к образованию балтийской группы, а в Центральной России способствовало формированию славянства.

Из области крашеной керамики вышли индоиранские племена. Данные языка свидетельствуют о доисторических связях между иранцами и славянами.

В Южной Скандинавии, с ядром на датских островах, образовалась германская общность. Она возникла из мегалитического населения Северо-Западной Европы, смеси фальской и нордической рас, ютландских племен боевых топоров и нордических племен шнуровой керамики.

Мы не утверждает, что нордическая раса в древней Европе существовала **только** в области саксоно-тюрингской шнуровой керамики. В неолите ее примесь была и среди племен ленточной и мегалитической керамики. Нордические племена начали свои завоевания до того периода, с которого древние европейские группы можно называть «индоевропейскими» – это название применимо только к племенам шнуровой керамики. За 6000 лет до нашей эры нордические племена распространяются от Швеции до Египта, куда вторая нордическая волна доходит около 3500 г. до н.э.

В палеолите нордические формы черепов встречаются, большей частью, на востоке Центральной Европы…

Лингвистические данные не противоречат данным расологии. Сравнение словарного фонда индоевропейских языков позволяет описать «прародину» индоевропейцев. Это область, где частыми были снег, лед и дождь, где на небе царила Большая Медведица, где были горы, леса и реки, но не было больших озер и моря. Там водились медведи, волки, лисы, бобры, зайцы, кабаны, гуси, утки и перепела. Были приручены собака, овца, крупный рогатый скот и лошадь. Не случайно нет общего названия рыбы. Индоевропейцы знали медовый напиток, а следовательно и пчел. В лесах росли хвойные деревья и березы, у ручьев – ивы. Из зерновых была известна, как минимум, рожь.

Все эти черты ландшафта, флоры и фауны совпадают как со средой возникновения нордической расы в послеледниковый период, так и с неолитической средой саксоно-тюрингских племен шнуровой керамики.

С учетом всего этого странно, что сегодня, как и сто лет назад, отдельные ученые изображают индоевропейцев кочевниками и выводят их из Азии или Юго-Восточной Европы, как шведский лингвист Шарпантье, немецкий специалист по доисторическому периоду Вале и немецкий лингвист Гюнтерт.

В частности, сторонники теории «культурных кругов» считают, что прародина индоевропейцев находилась «где-то на Востоке» и они были соседями «центрально-азиатских скотоводческих племен»

Вопрос о происхождении индоевропейцев нельзя отделять от вопроса о происхождении нордической расы, а она возникла не в Азии инее в Юго-Восточной Европе, а в Центральной Европе. Это мнение разделяет и Рехе. Альпийскую расу, основные физические признаки которой совпадают с признаками центрально-азиатской и восточно-балтийской рас, легко можно вывести из Азии (как делают Топинар, Заборовский, Рипли, Пик, Кристиан, Буль, Шейдт, Рехе, Мартин), а нордическую нельзя.

Барон фон Эйкштедт («Расология и расовая история человечества», 1933г.) допускает возникновение нордической или «протонордической» расы в Азии миграцию этих «протонордических» людей из Южной Сибири в Европу в конце мадленского периода. В Европе из этих «протонордических» людей, после того, как они в тарденуазе продвинулись из Восточной Европы на запад и на север, развились нордические индоевропейцы.

Но нельзя рассматривать азиатских блондинов как автохтонов, даже если Азия и была областью возникновения человека и образовании древнейших рас и даже если отдельные европейские палеолитические расы, как альпийскую, можно выводить из Азии, потому что часть рас европейского позднего палеолита, если

не все они – автохтоны Европы и от них произошли долихокефальные неолитические европейские расы.

Кроме того, азиатские блондины, частью несомненно, частью предположительно – остатки индоевропейских племен группы «сатем», главным образом, саков, т.е. попали в Азию сравнительно поздно.

Фон Эйкштедт считает «протонордическим» народом даже тохаров, связанных своими корнями с кельто-италийским кругом индоевропейских народов!

Гипотеза Эйкштедта не подтверждается не только лингвистикой: нет никаких данных и о предполагаемых им миграциях из Азии в мадленский и тарденуазский периоды… Возможная миграция альпийской расы в мезолите была тихим проникновением, не имела характер завоевания и не внесла ничего существенного в культуру древней Европы.

Сторонники восточной теории никак не могут локализовать азиатскую прародину индоевропейцев. Это признает и Вале.

Если бы индоевропейцы пришли с востока, они знали бы давно прирученных там ослов, но в их языках нет общего названия этого животного.

Обнаружение тохаров дало новый стимул теории азиатского происхождения индоевропейцев. К ней начал склоняться даже Эдуард Мейер. Но установление связей тохарского языка с италийскими, кельтскими и германскими поставило все снова на свои места.

Шухардт и Менгин указывают на Тюрингию как на исходную область древнейших индоевропейцев… Первым отверг азиатскую теорию в 1862 г. английский лингвист Латам, а первым указал на Германию как на прародину индоевропейцев еврейский лингвист Лазарь Гейгер в 1871 г.

Сторонники теории «культурных кругов» пытались объявить индоевропейцев изначальными кочевниками… До выхода книги Дарре «Крестьянство как источник жизни нордической расы» (1-е изд. 1929, 2-е изд. 1933) казалось будто корни древне-европейского земледелия следует искать в области обитания фальской расы и фальско-нордических мегалитических племен. Но этому предположению противоречило то, что земледельцами были индоевропейцы группы «сатем», у которых нет следов фальской расы…

Сторонники теории «культурных кругов» представляют себе в качестве завоевателей и господ только воинственных кочевников, а земледельцев – только в

качестве покоренных. Последним они приписывают матриархальные порядки, а кочевникам – патриархат. Этим сторонникам теории «культурных кругов» трудно представить себе патриархальное и воинственное индоевропейское крестьянство. Символами его силы были боевые колесницы и урожай зерна.

Этим благородным крестьянством созданы все высшие ценности индоевропейских народов. Даже чужеродному духу чистые индоевропейцы придают благородную форму. Но если этот чужеродный дух действует в неизмененном виде, это служит свидетельством начавшегося или уже далеко зашедшего разложения индоевропейских народов. Но это разложение каждый раз бывает связано с вымиранием и смешением нордических родов этих индоевропейских народов. Индоевропейцам для сохранения их благородного величия всегда надо опираться на мощное ядро нордической расы.

РАСОВАЯ ИСТОРИЯ ЭЛЛИНСКОГО И РИМСКОГО НАРОДОВ

Ю.Ф.Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1929

Из предисловия (1928). Данная книга написана с тем намерением, чтобы даже несведущий в области истории и расологии читатель мог получить максимально ясное и полное представление о тех биологических процессах, которые скрываются за известной нам греческой и римской историей.

Расовая история эллинского народа

В 1842 году английский писатель Бульвер (лорд Литтон) высказал в своем романе «Занони» мнение, что эллины были нордического происхождения, а их правящие слои были светловолосыми и голубоглазыми. В 1844 г. вышла книга Германа Мюллера «Нордические греки и доисторическое значение Северо-Западной Европы», в которой эллины тоже выводились из Северо-Западной Европы, конкретно, с Британских островов. Тогда все это воспринималось как выдумки, но сегодня признано, что у этих авторов было зерно истины. Одни из самых авторитетных историков, Ю. Белох пишет в «Греческой истории» (1912, т. I): «Как и родственные им индоевропейские племена, особенно их соседи фракийцы, греки тоже были изначально светловолосой расой». «Гомер награждает светлыми волосами своих любимых героев, светловолосыми были лаконские девушки, которых воспел Алкман в своих «парфениях», и беотийские женщины еще в III в. Были в большинстве своем светловолосыми».

Прародиной эллинов, возможно, была нынешняя Восточная Венгрия. В неолите эллины вместе с кельтами, италиками, фракийцами и фригийцами входили в культурный круг т.н. ленточной керамики…

Давно уже отмечалось сходство между германцами и эллинами в развитом у них чувстве природы, которое отличает народы центрально- и северно-европейского происхождения от народов южно-европейского происхождения.

Вместе с германцами, италиками и кельтами эллины входят в т.н. группу «кентум», а фракийцы, армяне, персы, индийцы и славяне – в группу «сатем». Центральная и Северо-Западная Европа была той областью, где из палеолитической шанселядской расы, как полагает Рехе, или из смеси шанселядской и ориньякской рас, как полагаю я, образовалась нордическая раса, которая создала индоевропейские языки. Шухардт указывает на Тюрингию, область т.н. шнуровой керамики, как на прародину индоевропейских племен, но это скорее был лишь центр более обширной области, откуда эти племена как завоеватели разошлись во все стороны.

Но эллины не были первой волной народов нордического происхождения, достигшей Греции. Кремер различает в Греции три слоя населения: 1) неиндоевропейский, 2) протоиндоевропейский – эпоха крито-минойской культуры и 3) индоевропейский эллинский. Кто были «протоиндоевропейцы», Кремер не уточняет. Возможно, это были иллирийские племена, в основном, нордической расы, которые образовали тонкий правящий слой и в Греции… Возможно также, что эти племена дольше сохранялись в нынешней Албании и в прилегающих областях Югославии, чем в самой Греции.

Если прародиной эллинов была Восточная Венгрия, то становится понятным эллинское название северного ветра «борей», первоначально означавшее «горный ветер» (соответственно «гипербореи» – «те, кто живут за горами»). Борей был северным ветром, дувшим с Карпат. Воспоминания о прародине еще долго сохранялись у эллинов. Страбон помещает место упокоения Кроноса на родину Борея. Геродот упоминает снежную родину дорийцев. Богов и богинь, таких как Латона и ее дети, Аполлон и Артемида, считали выходцами из страны сказочных гипербореев, которую помещали где-то за Карпатами. Год гипербореев состоял лишь из одного дня и одной ночи. На Делос прибывали посланцы от гипербореев и «светловолосых аримаспов», как называл их Каллимах в своем «Делосском гимне»…

Сегодня уже можно проследить пути миграции эллинов в Грецию. Сначала они должны были выйти к Черному морю с запада – только тогда понятно, почему «море» называлось у них «таласса», т.е. «восход».

По мнению Швейцера, первая волна индоевропейцев достигла Греции еще в каменном веке, а вторая, более нордическая, – тысячу лет спустя, в конце бронзового века.

Лингвистика различает три слоя греческих диалектов: самый ранний – ионийский, второй – ахейско-эолийский и третий – дорийский. Им соответствуют три главных волны миграции.

Миграция ионийцев теряется во тьме времен. Возможно, она произошла за 2000 лет до н.э. Не следует представлять ее себе как внезапное вторжение огромных орд – скорее проникновение шло постепенно, веками, ибо это было не нашествие кочевников, а переселение крестьян, которые везли с собой на телегах, запряженных быками, даже свиней. Более точно можно датировать миграцию ахейцев и эолийцев: они пришли в 1400-1300 г. до н.э. с низовьев Дуная и вытеснили ионийцев с Пелопоннеса в Аттику, откуда те потом заселили острова Эгейского моря и противоположное побережье Малой Азии. Сила ахейцев была такова, что Хеттскому царству приходилось с ними считаться. Ахейцы создали т.н. микенскую культуру. Они захватили и Крит и упоминаются в «Одиссее» как господствующее там племя. В конце XIII в. до н.э. они взяли штурмом царский дворец в Кноссе. В те же времена египетские летописи упоминают о набегах т.н. «народов моря», представители которых изображаются светловолосыми и голубоглазыми. Очевидно, среди них были и ахейцы.

Ахейцы были столь могущественными, что Гомер часто всех эллинов называет «ахейцами». Троянская война относится примерно к 1200 г. до н.э.

Ахейские роды составляли сравнительно тонкий высший слой преимущественно нордической расы, который господствовал над низшими ненордическими слоями.

Когда ахейцы вторглись в Грецию как бесписьменные племена, они нашли там высокоразвитую культуру, народ, который имел письменность, жил в едином богатом царстве, хоронил своих мертвых и использовал на войне для защиты длинные щиты (греч. «сакос»). Ахейцы управлялись племенными вождями, сжигали своих мертвых и носили панцири, поножи и небольшие круглые щиты («аспис»). Микенская культура была смешанной, отсюда и смешанное вооружение гомеровских героев. Ахилла и Аякса, с одной стороны, Гектора и Сарпедона, с другой. Ахейцы принесли с собой в Грецию почитание олимпийских богов; боги т.н. минойской культуры были совсем иными…

Около 1100 г. до н.э. произошла последняя большая миграция дорийских племен, среди которых позже особо выдвинулись спартанцы. Согласно греческой

традиции, нашествие Гераклидов, т.е. дорийцев, произошло через 80 лет после падения Трои. Геродот сообщает, что дорийцы сначала жили в Македонии, и считает, что македонцы и дорийцы первоначально были одним народом. В Фессалии они подчинили себе эолийцев, но позже усвоили их диалект.

Дорийцы создали т.н. культуру дипилонов. Шухардт указывает на ее северное происхождение: остроконечные крыши домов делались с учетом возможного снегопада.

В этот период Греция более плотно населяется людьми нордического происхождения, чем в микенскую эпоху. Эолийцы и ахейцы к тому времени уже подверглись денордизации. У ахейцев была более высокая культура, но не было больше наследственной способности к сопротивлению. На Пелопоннесе спартанцы подчинили ахейцев и те образовали слой периэков, людей свободных, но платящих дань.

Дорийцы пришли позже других, поэтому в их диалекте сохранились самые древние формы греческого языка, на него меньше всего повлиял дух языка ненордического населения. Спартанцы дольше всего употребляли в пищу просо, почему и прослыли в Греции «едоками пшенной каши».

Белох считает, что эллины пришли с Моравы, притока Дуная. «Эллада», общее название Греции, первоначально было названием одной местности в Южной Фессалии. В Греции эллины встретили туземное население, которое они обычно называли «пеласгами». Острова Эгейского моря заселяли кары и лелеги, племена малоазиатского происхождения. Эллины частично вытеснили, частично поработили догреческое население. От него сохранились многочисленные топонимы, частично напоминающие малоазиатские, с окончаниями «-исс» и «-инф».

Геродот вспоминает о том времени, когда у его народа еще не было рабов. Расслоение произошло на расовой основе. До эллинов в Греции жили племена, в основном, средиземноморской расы с переднеазиатской примесью. Среди черепов т.н. минойской эпохи долихокефальные черепа средиземноморского типа составляют около 55%, брахикефальные переднеазиатского типа – около 10% и смешанные формы – около 35%. Эллинам туземцы казались низкорослыми и темнокожими людьми. На эогейско-критских изображениях доэллинской эпохи преобладает средиземноморский тип. Э. Смит полагает, что название «финикийцы» было лишь позже перенесено на жителей Ливана, а первоначально оно означало «краснокожие» – так эллины называли туземное население Греции, а самих себя – «пелопами», т.е. «бледнолицыми».

Эллины сжигали трупы, поэтому их черепа не сохранились, но о них можно судить по найденный шлемам: они рассчитаны на долихокефалов с большой головой, а средиземноморцы были тоже долихокефалами, но маленького роста.

Рехе обращает внимание на одно лишь греческое слово «ирис» означающее радугу: ни одни народ с карими глазами не мог сравнить цвет своих глаз с радугой, это могли сделать лишь люди со светлыми глазами.

Можно представить себе, что эллины на своем пути из Центральной Европы пробивались через области, где тогда уже была сильна примесь динарской расы. Та что вторгшиеся в Грецию эллины принадлежали, в основном, к нордической расе, но имели небольшую динарскую примесь.

Боги и герои в «Илиаде» и «Одиссее» изображаются светловолосыми. Афина именуется «синеглазой», Деметра – «светловолосой», Афродита – «золотоволосой», из нереид светлые волосы имеет Амафея, из героев – Ахилл, Менелай и Мелеагр, из женщин – Елена, Брисеида и Агамеда, а враг, троянец Гектор, наоборот, черноволосый. У Одиссея волосы в одном месте названы светлыми, а в другом – темными. Особенно подробно описана красота Елены. Все ее черты – нордические. «Розовоперстая Эос», такие имена как Галатея и Левкотея указывают на те же черты.

Зато Посейдон в «Одиссее» назван темноволосым и темноглазым. Это доэллинский бог, равно как Арес и Гефест. Шухардт относит Посейдона к «полуживотным демонам древнего Средиземноморья». На фронтоне Парфенона изображена победа Афины над Посейдоном в борьбе за Аттику. Светловолосая Пенелопа сродни древнегерманским женским образам, прежде всего, по своим душевным качествам.

Гесиод тоже изображает богов и героев светловолосыми. Ариадна у него тоже светловолосая.

Кропе светлой пигментации у богов и героев подчеркивается их высокий рост. Устойчивое сочетание «прекрасный и большой» (калос кай мегас) часто употребляет не только Гомер, но и Геродот, софисты и Лукиан. Аристотель также считал высокий рост неотъемлемым признаком красоты.

«Илиада» знает лишь двух людей с курчавыми темными волосами, представителей низшего слоя неэллинского происхождения: это Эврибат, глашатай Одиссея, и Терсит, которого называют «первым греческим демагогом» – позже число людей этого типа постоянно увеличивалось и они становились все более наглы-

ми. Фукидид сравнивал с Терситом своего современника Клеона. Особо подчеркивал Гомер необычную «остроконечную» (фоксос) форму головы Терсита.

Спартанский поэт Алкман (около 650 г. до н.э.) воспевал золотые с серебряным отливом волосы своей родственницы Агесихоры. В гимнах фиванца Пиндара (500-450 гг. до н.э.) эллины еще предстают преимущественно нордическим народом. Он, продолжая гомеровскую традицию, воспевает синеокую Афину и златовласого Аполлона, называет светловолосыми Вакха и харит, но у него впервые называются темноволосыми (иоплокос) и традиционные греческие образы, такие как мызы и Эвадна. Но, когда Пиндар в 9-й Немейской оде называет эллинов «светловолосыми данайцами», эти слова могли относиться только к эллинам из высших слоев. Гиппократу принадлежит наблюдение, что у голубоглазых родителей рождаются голубоглазые дети, – значит, в его время голубые глаза еще не были редкостью.

Некоторые сомневаются, верно ли переводят греческие слова, обозначающие разные цвета. Но слова «хрисос» (золото) и «пир» (огонь) совершенно недвусмысленно обозначают золотой и рыжий цвет. Остается обсудить только слово «ксанфос», которое обычно употребляется, когда речь идет о светлых волосах.

В «Илиаде» четко говорится, что «ксанфос» это цвет спелых колосьев, Пиндар обозначает этим словом цвет львиной шкуры, а Аристотель употребляет этот эпитет применительно к огню и солнцу, так же называются реки, воды которых несут ил, иногда желтоватую, песчаную почву.

Но светлые волосы и голубые глаза – признаки не только нордической, но также фальской и восточно-балтийской рас. Последняя в Греции не прослеживается, разве что у Сократа есть отдельные черты альпийской и восточно-балтийской рас. Нет никаких следов и фальской расы. Значит, остается только нордическая.

Когда эллинское изобразительное искусство изображало богов и богинь, героев и легендарных женщин, оно неповторимым образом передавало физические черты и духовные качества нордического человека, но именно «человека», а не мужчины и не женщины. Это характерно для эллинского искусства и заставляет вспомнить идею греческой философии, что искусство призвано придать форму идеалу совершенного человека, а не заниматься конкретными мужчинами или женщинами. Еще А.В. Шлегелю бросилось в глаза, что Гера, Афина и Артемида при всей своей женственности имеют в себе нечто мужское, а боги, в том числе и Аполлон, при всей своей мужественности – примесь чего-то женского. Вспомним рассказ Платона об андрогине, две разделенные половинки которого ищут друг друга. Об этих идеальных представлениях эллинов всегда следует пом-

нить, когда мы имеем перед собой произведения их изобразительного искусства, рожденные свободной фантазией. И если их боги и герои больше «люди», чем мужчины, и если у них отсутствуют отдельные черты нордических мужчин, то дело не в реально существовавшем расовом типе, а в идеальных представлениях эллинов о совершенном человеке. Но когда художник изображал реальных людей, у них снова проявлялись мужественные нордические черты.

Но творения свободной фантазии показывают, что свой идеал прекрасного и героического человека эллинский художник мог воплотить только в образах людей нордической расы: с них он лепил богов и героев. Ненордические черты служили для изображения всего смехотворного, отвратительного, варварского или людей низших слоев. Греческие скульптуры окрашивались, и на волосах скульптур эпохи Греко-персидских войн сохранились остатки желтой или красноватой краски, а на глазах – остатки фона для изображения светлых глаз. Сочетание светлых волос и голубых глаз встречается и на терракотовых статуэтках из Танагры (IV век до н.э.). Когда же изображали рабов и представителей низших слоев, волосы и глаза красили в темный цвет.

Уже часто отмечали, что люди с теми же чертами, что и в произведениях эллинского искусства, сегодня чаще встречаются в Северо-Западной Европе, чем в Греции или в Южной Европе вообще. Лангбену бросилось в глаза, что «среди всех человеческих рас и племен, населяющих ныне Землю, только среди жителей Нижней Германии еще часто встречается тот благородный мужественный тип с четкими контурами и спокойным взглядом с густой бородой и слабо выступающими губами, который в искусстве представлен Зевсом Фидия». «Этот тип лица часто встречается у образованных и богатых англичан и у немецких и нижнесаксонских крестьян». Если бы Лангбен бывал в Швеции и Норвегии, он встретил бы еще более частый там тип Коры Праксителя.

В целом через эллинское искусство, включая миниатюры и ремесленные изделия, проходит более или менее явная расовая двойственность: высокое искусство было ориентировано на нордический тип, а миниатюры и ремесленные изделия нередко отклонялись от него в сторону средиземноморской а может быть, еще больше – ориентальной расы. Это можно объяснить расовым составом тех и других художников. Среди ремесленников было много инородцев (метеков) и рабов, нередко носивших такие имена как Колх, Скиф, Лидиец, Бриг, Сикан. У них были свои расовые идеалы.

Когда эллины хотели изобразить людей низкого сословия и варварского происхождения, их изображали низкорослыми, с круглыми широкими головами и лицами, приплюснутыми носами или с изогнутыми носами и мясистыми губами пе-

реднеазиатской расы, с курчавыми, черными волосами, короткой шеей и темной кожей.

Известная скульптура «Мальчик, вынимающий занозу» с ее нордическими чертами, была спародирована во II веке до н.: точно в такой же позе был изображен низкорослый, широколицый, плосконосый и толстогубый дурачок. Трагическим маскам придавали строго нордические черты, а комическим – черты альпийской расы, так же, как изображениям сатиров и силенов. Многим бюстам Сократа умышленно придавали черты сатира.

Ксенофон описывает Сократа как приземистого человека, широкоплечего, с толстой шеей и свисающим брюхом (возможно, у Сократа кроме расовых черт были и следы перенесенного в детстве рахита). Ненордическими были и психические черты этого чудака, у которого отсутствовали чувство дистанции, сдержанность и благородство: он обращался на улице с вопросами к незнакомым людям, встревал в чужой разговор (Ратенау, однако, заходит слишком далеко, отрицая хотя и ненордическое, но несомненное душевное величие Сократа: «Трагикомедия духа – подчинение Платона влиянию Сократа. Рыцарственного светловолосого фантазера учил морали смугловатый туземец, которому удалось подавить свои дурные инстинкты с помощью необыкновенной энергии и интеллекта. Это Зигфрид, которого обращает в истинную веру ставший благочестивым Миме»). Если отвлечься от поэтического образа, созданного Платоном, останется лишь морализирующий обыватель, облагороженный психический тип альпийской расы. Интересно с расологической точки зрения, что современники усматривали противоречие между духом Сократа и его телом: они не ожидали, что в таком теле появится такой дух. Когда софист и физиогномик Зопир однажды встретил в Афинах Сократа, которого не знал, он сказал, что это похотливый человек инертного ума. Сократ, узнав об этом, сказал, что у него в самом деле есть эти качества, но он преодолел их с помощью разума.

Физиогномика развилась в Греции тогда, когда из-за расового смешения людей стало трудно распознавать по их внешнему виду. Рассказывают, что Пифагор принимал учеников только после физиогномической проверки.

Физические признаки Сократа особенно бросались в глаза, так как альпийская раса, к которой следует отнести Сократа, встречалась в Греции сравнительно редко. Увеличение черепного указателя эллинов было связано с все большим распространением переднеазиатской расы. О примеси этой расы можно говорить уже у Одиссея, не вполне нордического героя с рядом переднеазиатских черт, особенно с его «хитроумностью».

* * *

Историю эллинской культуры можно описывать как конфликт нордического и ненордического духа. С эллинами в Грецию пришел нордический тип построек мегарон – деревянных построек. Их самые ранние храмы тоже были деревянными и поэтому не сохранились. С ними пришел и патриархат, но матриархальные представления подспудно сохранялись и снова дали о себе знать по мере денордизации эллинских племен. Веру средиземноморской расы в уход души к богам Лии на Блаженные острова сменила вера эллинов в мрачное царство мертвых Гадес (германский Хель). Постепенно из этих двух мировоззрений образовалась счастливая смесь, которую с эпохи гуманизма более или менее обоснованно называют «светлым и радостным» эллинским миром.

Верхний слой эллинского мировоззрения: гомеровские боги, эллинская наука и философия до Платона и Аристотеля, эллинское искусство до IV века до н.э. – представляют собой проявления нордической сути в особой форме применительно к местным условиям.

Мифы о богах и героях сохраняют нордические черты, но в мире богов, как пишет Кюнаст, только Зевс, Афина, Аполлон, Артемида и Гестия собственно нордические боги, а Посейдон, Арес, Гермес, Дионис, Деметра, Гера, Гефест и Афродита – доэллинские, говоря языком расологии – средиземноморские и переднеазиатские боги.

Характерная нордическая черта – героические женские образы. Пенелопа – нордический образ VII века до н.э. В «Молящих о защите « Эсхила Данай поучает своих дочерей во вполне нордическом духе.

Афина изображалась во всеоружии, как валькирия. Эллинские скульпторы любили обращаться к образам амазонок. В 510 году до н.э. Телесилла, поэтесса, автор боевых песен, возглавила женщин Аргоса при защите города от спартанцев. В храме Афродиты Аргосе была статуя Телесиллы со шлемом на голове.

Все народы с нордическим руководящим слоем создавали на заре своей истории героическую поэзию.

Расологическое исследование эллинской религии предпринял Кюнаст в своей книге «Аполлон и Дионис. Нордическое и ненордическое в религии греков» (1927). Кюнаст нашел решение, простое, как колумбово яйцо. А сколько было разных и неудовлетворительных толкований! Писали о «развитии» от «веры в демонов» до веры Гомера и о позднейшем «разложении» гомеровской веры. Кюнаст показал, что речь идет не об одной и той же вере одного и того же

народа, а о вере ненордического туземного населения Греции, эллинской вере, нордической по своей сути, и о растворении второй веры в первой. На третьем этапе этого развития снова проявляются матриархальные воззрения, характерные для первого. Кюнаст считает Аполлона главным представителем нордической веры, а Диониса – главным представителем средиземноморско-переднеазиатской веры.

Нордическая раса проявляет себя и в чертах эллинской веры как раса, которая устанавливает порядок и законы, преобразует хаос в Космос. Вольфганг Шульц показал, что понятие «осмысленного порядка» не встречается нигде за пределами круга индоевропейских народов…

Подобно тому, как веру, духовную жизнь и нравственность эллинов можно представит как конфликт между нордическим и ненордическим духом, так же можно описать и историю эллинских государств на примерах Спарты и Афин.

Население Спарты делилось на три класса. Высший составляли спартиаты, которые сами себя называли «равными». Возможно, это название подчеркивало не только их равноправие, но и расовое единство в противовес расовой смеси других классов.

Второй класс, периэки, были потомками сильно денордизированных ахейцев. Они считались спартанцами и могли участвовать в Олимпийских играх.

Третий класс, илоты, были порабощены еще ахейцами и принадлежали к средиземноморской расе или представляли собой смесь средиземноморской и переднеазиатской рас. Илоты, как и земля, были собственностью государства.

Спартиатам был запрещено заниматься торговлей и ремеслом, а периэки этим занимались и стали богаче спартиатов. Илотов регулярно исстреляли, чтобы сократить их численность. Спартанский полководец Брасид говорил: «Нас мало посреди множества врагов». Илоты подняли восстание в 464 г. до н.э., когда Спарта была разрушена землетрясением, и это восстание подавили лишь через 10 лет.

Браки между спартиатами и периэками были незаконными. Сыновья спартиатов от илотских женщин могли стать полноправными гражданами, пройдя спартанское воспитание, так что границы между расами уже были размытыми.

Законы Ликурга были бессознательной попыткой сохранить расовое расслоение и сознательным стремлением стимулировать здоровую наследственность. Брак

был обязательным для всех здоровых свободных мужчин. Многодетность поощрялась, бездетные браки расторгались.

Больных и уродливых детей уничтожали. «Так было лучше для самих этих детей и для государства», – пишет Плутарх и добавляет, что спартанцы первыми стали выводить лучшие породы и не только собак и лошадей, но и людей. В VI веке до н.э. Спарта была самым могущественным государством в Греции.

Но в IV веке до н.э. спартанцы выглядели сильней разве что по сравнению с Афинами, которые не заботились о здоровой наследственности. У дорических племен, особенно у спартанцев, сохранялась расовая гордость, они чувствовали себя единственными людьми чистой расы среди эллинов.

Женщины в консервативной Спарте имели больше прав и влияния, чем в демократических Афинах, как в гомеровский период они были более свободны и уважаемы, чем в Афинах при Перикле. В V веке до н.э. Бакхилид воспевал спартанских женщин и называл их при этом «светловолосыми лакедемонянками».

Но и Спарта не смогла избежать влияния тех учений, которые делали упор на отдельной личности и ее правах, а не на долге перед родом и государством. Но больше всего потрясли Спарту войны. На них гибли, главным образом, спартиаты. При Ликурге спартиаты могли поставить в войско 9000 человек, к временам Аристотеля это число сократилось до одной тысячи.

Судьба дорийского правящего слоя была решена, когда в начале IV в. до н.э. по закону Эпитадея стал возможным переход земли из государственной собственности в частную. В результате многие семьи спартиатов настолько обеднели, что потеряли свои гражданские права. Такие периоды знает история всех индоевропейских народов. Сохранение верхнего слоя нордической расы всегда связано с закреплением за семьями, принадлежащими к этому слою, земельных наделов.

Царь Агис IV (244-241г. до н.э.) попытался вернуть Спарту во времена Ликурга, но он не учел, что народ стал совершено другим по своим наследственным задаткам. Агис IV был свергнут и казнен. Неудачей закончилась и аналогичная попытка другого царя, Клеомена III.

После поражения в Битве при Селассии в 221 г. до н.э. Спарта была впервые в своей истории оккупирована другим государством – Македонией.

* * *

Расовую историю Афин уже описал де Лапуж в своей книге «Социальный отбор» (1896г). Расовая структура Афинского государства была не столь четкой, как в Спарте. В Афинах гораздо раньше стали рушиться барьеры между сословиями. Если в Спарте главной причиной исчезновения нордического правящего слоя были воины, то в Афинах наряду с «военным отбором» действовал и «социальный отбор», как говорит де Лапуж. Афиняне, вплоть до рабов, больше чувствовали себя одним народом, чем спартанцы. Правящий слой в Афинах не считал себя особой расой.

Нордическая раса лучше всего сохранилась среди афинской знати, эвпатридов. Второй слой, свободное крестьянство, тоже был мало смешан с ненордическим доэллинским населением, представителей которого следует искать, прежде всего, среди ремесленников, а также среди ввозимых из Малой Азии рабов, которых со временем становилось все больше, так что в Афинах в эпоху их «расцвета» рабы составляли большую часть населения.

В Афинах, как и во всех греческих полисах, за тяжкие преступления часто карали не только самого преступника, но и всю его семью. Еще во времена греко-персидских войн в Афинах предателя родины казнили вместе с женой и детьми. Это могло способствовать уничтожению неполноценных наследственных задатков. Но позже этим способом стали пользоваться для уничтожения политических противников, в результате чего стали уничтожать и ценные наследственные задатки.

Деление на три сословия сохранялось до принятия законов Драконта в 621-620 гг. до н.э. К тому времени многие мелкие крестьяне оказались в долгах и в рабстве у эвпатридов, которые, чтобы расколоть оппозицию их власти в обществе, пошли на признание равными себе тех, кто вошел в высший слой благодаря своему богатству, а не происхождению.

Мир между сословиями установил Солон, который аннулировал долги мелких крестьян. Сохранив крестьянское сословие Солон, один из великих государственных деятелей мировой истории, заложил основы могущества и творческих достижений Афин и отсрочил на долгое время исчезновение нордической расы в Аттике.

Но мир между сословиями был недолгим. В последующий период в Греции появляются т.н. тираны. Это были люди, ненавидевшие знать, хотя часто сами благородного происхождения. В эпоху тиранов, в VII-VI веках до н.э., в эллинских государствах уменьшались численность и влияние аристократических родов. Тираны были переходным этапом на пути к власти низов, к демократии. Одним из первых тиранов стал в Сикионе не то повар, не то пекарь Орфагор.

Тиран Кипсел в Коринфе ненавидел дорийскую знать и захватил власть с помощью низов. В эпоху тиранов были оборваны многие ценные наследственные линии. Тираны, добиваясь власти, разрешали «народу» грабить и убивать во имя справедливости – как сказал позже Фукидид, «красивыми словами прикрывали грязные цели». Во многих полисах Греции были тогда истреблены почти все знатные и богатые люди.

Юр в своей книге «Происхождение тирании» и Пик в книге «Бронзовый век и кельтский мир» (обе – 1922г.) уделили много внимания греческим тиранам. Они убедительно показали, что в Греции существовали тогда два расово различных типа властителей, тип царей и тип тиранов. «Цари» были представителями военной аристократии, а «тираны» – предпринимательских кругов.

Описание этих двух типов у Юра и Пика соответствует описанию двух расовых душ: нордического типа господ по рождению и переднеазиатского типа господ благодаря богатству и искусному использованию ситуации. Вследствие расового смешения тираны могли выходить из знати и относиться к типу «царей». Для расовой истории важно появление в этот период народных вождей переднеазиатского типа. С этим связана и любовь многих тиранов к роскоши.

Афины попали под власть тирана Писистрата, одного из самых благородных среди тиранов, в котором смешивались типы «царя» и «тирана». Он заложил основы морского могущества и гегемонии Афин в Греции, покровительствовал архитекторам и поэтам, поддерживал крестьян и беднейшие слои. Период его правления был периодом мира и процветания. Но «царем» Писистрат не был, у него проявлялись и переднеазиатские черты. Это был энергичный человек и искусный оратор, первоначально – вождь диакриев, бедных горцев из Северной Аттики, по всей видимости, ненордического слоя населения. Его путь к власти не был путем «царя» – он начал с инсценировки покушения на самого себя, добился, чтобы ему дали охрану и, увеличив ее численность, захватил с ее помощью власть. Старик Солон укорял афинян, что они поверили «соблазнительным» словам. Но через всю историю эллинов и римлян проходит череда ораторов, использовавших эти «соблазнительные» для людей средиземноморского типа слова. В наши дни подобные же примеры дают итальянские и французские государственные деятели.

Клисфен, победивший в борьбе за власть после смерти Писистрата, хотел окончательно уничтожить привилегии знати. Вместо четырех племен (фил) аттического народа он учредил 10 новых по территориальному признаку. Клисфен ввел также остракизм, жертвой которого стал он сам и такие люди, как Фемистокл, Аристид и Кимон. Остракизм просуществовал до 417 г. до н.э.

Но Клисфен защищал мелкое крестьянство, ту часть народа, которая победила персов при Марафоне. Период между греко-персидскими войнами и македонским завоеванием принято считать эпохой «расцвета» эллинской жизни, но именно тогда эллины братоубийственной войной привели к гибели свою свободу и культуру.

После греко-персидских войн в Аттике практически не осталось крестьянства. Многие сыновья крестьян отправлялись служить наемниками.

В 479 г. эллинская свобода была спасена от персов, а в 431 г. эллины начали самоистребление, развязав Пелопоннесскую войну (431-404 г. до н.э.).

В Афинах к тому времени воцарилась такая «демократия» из-за которой Фукидид провел 20 лет вне родного города, Фемистокл бежал к персам, Мильтиад умер в тюрьме, Фидий в изгнании, а Сократ был приговорен к смерти…

После смерти Перикла к власти в Афинах пришел кожевник Клеон, обладавший ораторским талантом, который производил впечатление на оторванную от корней городскую массу. Его воинственность можно сравнить с поведением Клемансо во время Мировой войны. Предшественником афинской демократии был Терсит, а ее законченным выражением – Клеон…

Когда Греция попала под власть македонцев, в ней жило население, которое, хотя и говорило по-гречески, не имело больше почти ничего общего с древними эллинами.

В период между окончанием Пелопоннесской войны и утратой эллинской свободы в Греции больше не было выдающихся людей: если они и рождались, то не могли проявить себя. Все в Греции стало мелким. Изменились и внешний тип людей, и их психика. IV век до н.э. был эпохой упадка как эллинского искусства, так и эллинской философии.

Эллинские племена стали бедны людьми с высококачественными наследственными задатками не только вследствие войн исчезновения крестьянства, но и вследствие нравственного разложения…

В прошлом у эллинов, как и у всех индоевропейских народов было много детей, хотя еще Гесиод давал крестьянам опасный совет иметь лишь одного сына, чтобы не дробить надел. Но крестьяне последовали этому совету лишь после того, как греко-персидские войны оторвали их от земли…

В гомеровскую эпоху женщина была свободной и уважаемой, как позже только в Спарте. Отличительной чертой эллинского искусства до V века до н.э. была идеализация женщины, прежде всего, как матери. С IV века искусство стало прославлять гетер. Замужние женщины по мере исчезновения нордической расы все больше теряли свою свободу, а гетеры становились все более свободными. Гетера Ласфенея была ученицей Платона, гетера Леонтион – ученицей Эпикура.

Гетера Фрина – с нее, возможно, слеплена книдская Афродита Праксителя – была обвинена в святотатстве, но оправдана, когда защитник обнажил ее перед судом, чтобы ее красота говорила сама за себя. В ее честь воздвигали статуи.

Как сегодня в больших городах Запада опасности такого «почитания» подвергаются, прежде всего, женщины нордической расы (вспомним название «Джентльмены предпочитают блондинок»), так было и в Афинах. У знаменитой Аспазии преобладали нордические черты.

Эллины перестали противопоставлять себя варварам. Софист Антифон, противник Сократа, учил: «От природы все, эллины и варвары, созданы одинаковыми».

После завоевания Греции македонцами эллины вообще утратили всякое расовое самосознание. По мере того, как греческий язык становился мировым, расовое понятие «эллины» растворялось в ученом понятии «эллинизм». Религии переднеазиатского происхождения ускоряли это растворение. Элевсинские мистерии задолго до христианства были открыты для всех сословий, свободных и рабов, мужчин и женщин, всех людей вообще, независимо от их расы и происхождения.

Афины подрывались снизу множеством рабов, большей частью, из Малой Азии. Многих рабов отпускали на свободу. Так Афины превращались в город без афинян. Культ Афродиты способствовал беспорядочному расовому смешению.

Этот культ все больше принимал формы, характерные для переднеазиатской расовой души, подобно культам Иштар (Астарты) и Кибелы у семитских народов. При храмах Афродиты существовали школы гетер.

К этому добавлялась однополая любовь. Еще во времена Платона она считалась непристойной, теперь же была в моде именно потому, что он нее не рождались дети. Она распространялась с Крита.

Крит из всех грекоязычных областей имел самую древнюю и самую сильную примесь переднеазиатской расы. В государственном строе и нравах Крита заметней всего проявлялись ненордические черты. На Крите особенно часто встречались особенности, характерные для всей государственной жизни позднеэллинистической эпохи, вследствие чего поздние эллины представляются менее нордическими, чем персы и римляне: вероломство, бесчестие, продажность и зависть. Белох тоже видит причину этого в расовом смещении с туземным населением Греции. Это предположение подкрепляется тем, что подобные черты впервые появляются на Крите, мало затронутом влиянием нордической расы. Примечательно, что и среди средиземноморско-переднеазиатских этрусков была распространена любовь к мальчикам и роскошь у богачей, как в выродившейся денордизированной Греции, особенно среди эллинов Сицилии.

С предостережениями выступил великий Платон. Его отец происходил из аттического царского рода, а одним из предков его матери был Солон. Платон, по сути своей, был нордическим человеком, хотя и с динарской примесью. Платон не только отдавал предпочтение дорийцам, но и знал толк в лошадях и собаках хорошей породы. Но Платон не выражал взгляды окружавшей его знати, его душевное благородство было таким же, как у людей нордической расы всех сословий. В своем «Государстве» и особенно в «Законах» он проявил необыкновенное понимание того, что сегодня известно нам как законы наследственности и отбора. Он хотел остановить разложение, опираясь на законы Ликурга. Скорбя о поражении Афин, он выражал парадоксальную идею, что философию надо искать скорее в Спарте, чем в Афинах. Но Платон сам понимал, что он родился слишком поздно. Тем не менее, его произведения – одно из последних свидетельств нордического духа эллинов и тех, кто знает расовые взаимосвязи, не удивит совпадение его взглядов с взглядами индийцев и немцев. Дойсен общепонятно показал это в небольшой работе «Веданта и платонизм в свете философии Канта» (1922г.).

Но еще с софистов началось заражение эллинской философии духом переднеазиатской расы, которой свойственно сталкивать одно понятие с другим, подвергать сомнению и в итоге ниспровергать старые истины. Признаком разложения эллинской мысли было уже разделение софистами всего духовного мира на «природное» и «человеческое». В результате эллины потеряли самих себя, прониклись совершенно чуждым им духом. При этом сама эта эпоха мнила себя эпохой просвещения и освобождения, прогрессом по сравнению со сковывавшим личность проклятым прошлым. Софисты дали стимул индивидуализму всех позднейших времен, поставив во главу угла уникальность личности и ее права.

Вера и философия поздних эллинов все больше удалялись от «благородного жизнеутверждения» (Кюнаст» нордических эллинов и распадались на два тече-

ния, «неблагородное жизнеутверждение» и «отрицание этого мира и бегство от него в потусторонний мир» (Кюнаст). Это два варианта развития психики переднеазиатской расы. Место нордической веры в Аполлона заняли переднеазиатские мистерии с их чувством греховности, посвящениями, святынями, крещениями, освященными блюдами и напитками, с их спасителями, пророками и сыновьями девственниц. Чтивший свое тело эллин ранней эпохи превратился или в презирающего свое тело как нечто грязное и греховное посвященного разных мистерий, либо в раба своих инстинктов, якобы поклоняющегося Дионису и Афродите. Одни египетский жрец, беседуя с Солоном, сравнил греков с детьми. Если бы он увидел поздних греков, он сравнил бы их со старцами.

Так возник «эллинизм», эпоха бесплодного подражания древним эллинам или искажения их наследия. Гальтон писал, что Аттика в период с 530 по 430 г. до н.э., когда в ней было всего около 90 тысяч свободных людей, породила минимум 14 величайших творцов, а когда инородцы (метеки) и вольноотпущенники смешались в ней с туземцами и стали полноправными гражданами – ни одного. При этом великие люди происходили в большинстве своем из высших слоев, наиболее богаты нордической кровью, а в более позднюю эпоху – из северных племен, македонцев или фракийцев, еще сохранявших тогда более сильную нордическую примесь (среди предков Фукидида возможно были фракийцы, Фемистокл вероятно, а Аристотель и Антисфен несомненно родились от фракийских матерей, Полигнот и Демокрит также могли иметь фракийских предков)…

По найденным эллинским черепам пока мало что можно сказать о расовом составе населения древней Греции. Высший слой долго сохранял трупосожжение, а когда он перешел к погребению, эллинские племена были уже сильно денордизированы и имели к тому же множество рабов. Лапуж считает, что вероятность найти череп свободного эллина – 1:15. Преобладающие долихокефальные черепа могут принадлежать людям как нордической, так и средиземноморской расы – разница лишь в размерах. В общем, тенденция шла в сторону усиления мезо- и брахикефалии.

Череп эллина, относящийся к эпохе греко-персидских войн, который хранится в Монпелье, по мнению Лапужа, ничем не отличается от нордических галльских или готских черепов. Таков же череп, якобы принадлежащий Софоклу.

Исчезновению нордической расы в Греции, как и в Италии, способствовал также непривычный для нее климат. Подмечено, что в Малой Азии в жару чаще заболевают и умирают светловолосые, чем темноволосые дети… Трудно себе представить, что в историческую эпоху среди эллинов было еще много людей чисто или преимущественно нордического типа.

Но слабая примесь нордической расы сохранялась до эпохи упадка. Поэты, скульпторы и художники продолжали изображать богов и героев светловолосыми. Даже Медею, дочь хотя и варварского, но царя, они могли представить себе только светловолосой. Сам Эврипид, судя по статуям, человек нордического типа, согласно преданию, был веснушчатым, что возможно только при светлой коже…

Феокрит в III веке до н.э. упоминает блондинов среди своих друзей. Блондином был и македонский царь Птолемей. Сам Феокрит, возможно, был динарского типа, если бюст, который раньше считали его бюстом, действительно изображает его, что маловероятно.

Аристотель упоминает о потемнении волос, но отмечает, что при этом волосы бороды часто остаются рыжеватыми… Светлые волосы он считал признаком самообладания и мужества. Дикеарх писал во II веке до н.э. о женщинах Фив, что у них светлые волосы.

Как у всех нордических народов в поздние эпохи, в высших слоях Греции тоже возникла мода красить волосы в светлый цвет (начиная с V века до н.э.). Это делал, в частности, македонский полководец Деметрий Полиоркет. Черные волосы, особенно курчавые, считались признаком трусости и коварства.

Во времена Августа римляне относили эллинов к темноволосым народам, в отличие от кельтов и германцев. Но еще в IV веке н.э. еврейский врач и софист Адамантий описывал эллинов, сохранивших древний тип, как людей со светлой кожей и светлыми волосами, но Адамантий лишь списал с ошибками утраченное сочинение физиогномика Полемона Илионского (около 100 г. н.э.), который и сам, возможно, пользовался более древними источниками. Во всяком случае во времена Адамантия блондины и люди высокого роста стали в Греции редкостью.

Раньше всего ненордический идеал красоты встречается в стихотворениях, приписываемых Анакреону (около 550 г. до н.э.). Большинство из них написано гораздо позже и несет на себе явный отпечаток средиземноморской расы. Идеал красоты в них – сочетание черных волос, светлой кожи и синих глаз.

Люди нордического типа, соответствующие древнему эллинскому идеалу красоты, к началу нашей эры в Греции почти исчезли. Упомянутый Дикеарх отличал ненордический, необразованный слой «аттиков», «любопытных болтунов», от высшего слоя настоящих афинян. Только преимущественно нордический высший слой и мог носить эллинскую одежду: для этого требовались сдержанность и самообладание нордической расы. Считалось неприличным делать много лишних движений, и даже ораторы должны были вести себя так, чтобы складки

на их платье не приходили в беспорядок – такое требование не могли выдвинуть люди средиземноморской расы, для которых самообладание не было «высшим даром богов».

Тип «афинян» почти вымер и возобладали «аттики», когда римляне во II веке до н.э. ближе познакомились с населением Греции и научились его презирать. Место эллина занял римский «грекулус», образованный раб. Это был, как пишет Ювенал, «учитель языка, оратор, геометр, художник, банщик, авгур, акробат, врач, маг-мастер на все руки».

Еще Исократ и Фукидид приписывали своим соотечественникам такие качества как трусость, пустопорожнюю болтовню, вспыльчивость и крикливость, лукавство, вероломство и слепая партийная озлобленность. Упадок привел к вымиранию населения. Полибий около 150 г. до н.э. описывал обезлюдение Греции, опустевшие города, заброшенные земли, хотя в это время не было ни непрерывных войн, ни эпидемий. Люди стали тщеславными, алчными и инертными, они не хотели вступать в браки, а если вступали, то не хотели иметь детей. Полибий называл своих соотечественников «опустившимися, жадными до удовольствий попрошайками без веры и без надежды на лучшее будущее».

Денордизация и вырождение сделали свое дело.

Расовая история римского народа

Кречмер считает прародиной италиков область между низовьями Дуная и восточными Альпами, другие – Чехию и Западную Венгрию. Лингвистика доказала, что в рамках группы «кентум» италийские, кельтские и германские языки особенно близки друг к другу, так что эти народы первоначально должны были быть соседями, а италики и германцы долго ими оставались.

Миграция италийских племен в Италию началась около 2000 г. до н.э. К 1500 г. до н.э. они создали т.н. культуру террамар. Они практиковали трупосожжение, поэтому их черепа не сохранились, а покоренное ими туземное население представляло собой смесь альпийской и средиземноморской рас. Многие из террамар (свайных построек) имели такую же форму, как позже римские военные лагеря и город Рим. Богослужение, возможно, совершалось на мостах, отсюда название верховных римских жрецов – «pontifex». Древнейшие поселения в районе Болоньи, возможно, принадлежали умбрам.

Вторая волна с Дуная была более мощной, чем первая. Она принесла с собой т.н. культуру Вилланова (около 1100 г. до н.э.).

Геродот упоминает еще в V веке до н.э. царство умбров в устье реки По. Но умбры и сабеллы за несколько столетий до этого уже продвинулись к Апеннинам. Культура Вилланова между По и Апеннинами была создана ими.

То место, где позже был основан Рим, заняли латинские племена и фалиски. Латинский диалект очень отличен от умбрского, поэтому их носители должны были разделиться уже давно. У италийских племен не было воспоминаний об общем происхождении, они враждовали друг с другом.

Туземное население Италии стояло на более низком уровне, чем италики. Те уже знали бронзу и железо, а в Италии они нашли каменный век. Туземное население отличалось низким ростом и хоронило своих покойников.

О древнейшей истории Рима известно мало, об истории других италийских племен еще меньше. У римлян с их трезвым умом не сохранилось героических песен о старых временах.

В середине IV века до н.э. вся Южная Италия была еще под властью умбро-сабелльских племен. Язык одного из них, оскский, был общим здесь наряду с греческим. Союзническая война 90-825 г. до н.э. была последней попыткой этой области вернуть себе самостоятельность. Лишь после этой войны латинский язык вытеснил здесь оскский. Ясно, что в ходе всех этих войн происходило взаимоистребление родов нордического происхождения.

Рим, согласно преданию, был основан 21 апреля 753 г. до н.э. Его основали крестьяне, потомки которых стали патрициями. Одни эти крестьянские роды и составляли первоначально народ (populus). Сами себя они называли квиритами, от слова, обозначающего бронзовое копье. Для защиты они использовали круглые щиты (parma) центрально-европейского происхождения. Роды будущих патрициев принадлежали, в основном, к нордической расе.

Кто были плебеи, не совсем ясно. Частично это могли быть пришлые торговцы и ремесленники, частично покоренное туземное население. Первоначально патриции и плебеи, очевидно, различались по расе: первые были потомками нордических завоевателей, а плебеи – потомками туземного населения, преимущественно средиземноморского, а в Северной Италии – с примесью альпийской расы.

Нибур первым высказала мысль, что сословия патрициев и плебеев образовались на расовой основе. Однако и патрициев не следует изображать чисто нордическими людьми. Вероятно, многие италийские племена еще во время перехода через восточные Альпы восприняли небольшую альпийскую примесь. Рим-

ские патриции, наряду с нордическими чертами, отличались также фальской тяжеловесностью и такими альпийскими чертами, как усердие, трудолюбие и бездушие. У нордических эллинов сказывалось влияние доисторической примеси динарской крови, что стимулировало нордическую смелость, а у древних римлян отклонение от нордической сути шло в сторону упорства и сухой рассудочности у правящего слоя, а у тех, кем правили – в сторону узкого простодушия и мелочности; и в том, и в другом случае речь шла о чертах альпийской расы. Влияние переднеазиатской расы начало сказываться лишь позже. Произведения искусства, изображающие исторических римлян, появляются лишь во II веке до н.э.: они свидетельствуют о заметной альпийской и менее заметной фальской примеси.

Переднеазиатскую примесь патриции могли получить, приняв в свою среду знатные этрусские роды, имевшие более или менее сильную примесь этой расы, такие как Тарквинии, Волтурнии, Волумнии, Папирии, Коминии, Юнии и, может быть, Горации.

Следует напомнить, что Этрурия в VI веке до н.э. была сильным союзом городов-государств, и Рим попал в зависимость он нее. Этрусское влияние заметно сказалось на верованиях римлян. Три последних римских царя, очевидно, были этрусками, и царскую власть в Риме свергли вследствие их чужеродности.

Но расовое влияние этрусков не было глубоким, особенно в кругу римских родов нордического происхождения, и латинский язык был мало затронут этим влиянием. Можно предположить, что у высшего слоя этрусков тоже была нордическая примесь, поэтому для старых римских родов они не казались столь же расово чуждыми, как плебеи.

Происхождение плебса или его основной массы от доиталийского населения, преимущественно средиземноморской расы, подтверждается тем, что плебеи хоронили своих покойников, а патриции сжигали. Среди плебеев господствовали матриархальные отношения. У патрициев основой веры был культ предков. С их точки зрения, у плебеев не было отцов, а патриции – это те, кто может назвать своего отца. Так объяснял слово «патриций» Тит Ливий. Это было лингвистически неверно, но он хотел подчеркнуть матриархат плебеев в противоположность патриархату патрициев.

Разным было у патрициев и плебеев также отношение к браку. У патрициев заключение брака было священным актом, у плебеев же было две формы брака и обе чисто светские. Патриции считали, что плебеи живут «как дикие животные». Богиней плебеев была Церера. Кюнаст указывает на ненордическую суть ее культа и аналогичных культов Деметры, Исиды и Кибелы.

При переходе к республике власть сосредоточилась в сенате, который первоначально был собранием родовых старейшин. «Народ» сначала составляли только патриции, только они служили в войске, и слово «populus» первоначально обозначало «войско».

Римская республика имела ярко выраженный аристократический характер, но патрициям пришлось пойти на уступки плебеям, чтобы те не поддержали изгнанного царя. Постепенно плебеи добились полного равноправия. Но в ранний период республики еще сохранялся один, но очень эффективный барьер против расового смешения: браки между патрициями и плебеями были невозможны. Их разрешил только закон Канулея в 445 году до н.э., принятию которого патриции яростно сопротивлялись.

Моммзен, который, в отличие от Нибура, не видел расовую подоплеку конфликта между римскими сословиями, считал это сопротивление одним лишь проявлением сословной спеси. Он вообще враждебно относился к патрициям и был не в состоянии понять, как глубоко уходили в доисторическое прошлое индоевропейских народов корни неосознанного расового восприятия.

Но расовый состав самого плебса постепенно менялся вследствие причисления к нему италийских родов, имевших те же физические и психические черты, которые раньше были представлены только среди патрициев. Эти италики в своих родных местах сами были патрициями, а в плебеи их записали в Риме. Еще в республиканское время был известен плебейский род Флавиев, от слова «flavus» – «светловолосый», значит, светлые волосы были не только у патрициев. Из патрициев и благородных плебейских родов образовалась новая знать – нобилитет. Плебейские роды Катуллов и Метеллов ничем не уступали патрициям в рамках этого нового правящего слоя.

Образованием нобилитета в III веке до н.э. заканчивается ранний период расовой истории Рима, а с истребления этого нобилитета начинается ее последний период. В нобилитете еще преобладала нордическая кровь. Это сословие поставляло сенаторов. Аристократическую республику римского типа следует рассматривать как самую естественную форму государства, когда немногочисленный нордический слой властвует над ненордическим населением. Аналогичная форма в истории Англии имеет такую же расовую подоплеку.

Сенаторские семьи стремились воплощать в жизнь идеал настоящего римлянина. Рим возник на базе таких нордических ценностей, как мужество, смелость, рассудительность, самодисциплина, достойное поведение и благочестие, и погиб с их утратой.

Сенаторские семьи продолжали мыслить по-крестьянски, хотя и принадлежали к благородной расе. Отсюда презрение патрициев, а позже нобилей к торгашам. Сенат ранней республики Куленбек называет «собранием царей», «самой блестящей аристократией в мировой истории, если не считать Великий совет Венеции».

В Риме, как и в Элладе, нордическая раса проявила себя как раса, привносящая в мир порядок, но греки умели придавать законченную форму мрамору, а римляне – государству…

В постоянных войнах высший слой Рима нес потери, но пока римский народ оставался, в основном, крестьянским, эти потери быстро компенсировались. Так произошло после нашествия галлов в IV веке до н.э.

Сила Рима была в многодетных семьях. Римские крестьяне давали собственные имена лишь первым четырем детям, а последующим – порядковые номера: Квинт, Секст, Децим, причем имя «Децим» («десятый») не было редкостью.

В основе римского права лежало семейное право. Завещание с регулированием порядка наследования – чисто римское изобретение. Римляне осуждали браки между близкими родственниками. Законы 12 таблиц предписывали уничтожение новорожденных уродов. Еще Сенека писал об этом, как о разумной мере.

Если покоренные римлянами италийские племена обогатили нобилитет нордической кровью, то об этрусках этого сказать нельзя. Среди этрусков, похоже, все более преобладали переднеазиатская и альпийская расы. Римляне называли поздних этрусков «откормленными и жирными».

Но потери после Пунических войн возместить уже не удалось. Из старых патрицианских родов осталось не более двадцати. Тяжелые потери во время нашествия Ганнибала понесло и крестьянство.

Полибий называл победу над Ганнибалом кульминацией римской истории, но с нее же начался и внутренний упадок Рима, за которым последовал и внешний.

После этой победы Рим стал финансовым центром и потому притягательным для людей переднеазиатской расы. Быстро растущее богатство похоронило под собой древнеримские нравы. Люди стали более претенциозными. Поскольку все государственные должности были почетными и не оплачивались, на них стали претендовать одни богачи, которые покупали голоса избирателей, все более многочисленной городской массы. Эти расходы потом покрывались за счет ограбления провинций.

Началось сокращение числа крестьян и падение рождаемости. В крестьянской среде сохранялось больше всего нордической крови, особенно среди умбро-сабелльских племен, меньше пострадавших от войн, чем сам Рим и латинское племя.

Ввозилось много дешевого зерна и из-за этого разорялось крестьянство Италии. Оторванные от земли крестьяне уходили в Рим и становились платными избирателями, быстро поддаваясь разлагающему духу большого города. А владельцы латифундий все чаще заменяли труд местных крестьян трудом привозных рабов.

Хотя Рим победил Карфаген, но карфагенский торгашеский дух победил Рим. Римляне изучали карфагенский опыт управления латифундиями с работающими на них рабами. Привозные рабы стали в конечном счете предками большей части населения Италии. Изменялся не только расовый состав населения; происходило постепенное обезлюдивание даже самых плодородных областей…

Со II века до н.э. стало заметным и нравственное разложение в Риме и в его высшем слое. Брак перестал быть священным, увеличилось число разводов.

Однополая любовь распространялась из стран преимущественно переднеазиатской расы и из Египта. В Этрурии она давно уже была обычным делом, а в древнем Риме считалась преступлением. Но позже эта зараза захватила и Рим – настолько, что Марциал открыто этим хвастался, императоры Калигула и Комод содержали гаремы мальчиков, а император Вителлий сам вышел из таковых мальчиков.

Орудием духовного разложения стало и эллинистическое образование.

Старые нравы пытался возродить Катон, потомок крестьянского рода из Сабинских гор. Как пишет Плутарх, у него были рыжеватые волосы и голубые глаза. Столь же нордическими были и его душевные качества. Он презирал эллинистическое образование и боролся против него как против поверхностного дилетантства.

Сам Катон в юности занимался земледельческими работами вместе со своими рабами, но в старости он стал уже крупным землевладельцем и жил большей частью в Риме. Он уже не был человеком древнего Рима.

Данные о цвете волос и глаз Катона – первые сведения такого рода в римской истории. Когда Вергилий награждает светлыми волосами своих героев, в этом скорее видится влияние Гомера. У Овидия оно несомненно.

Римские скульптуры, изображающие реальных людей, показывают, однако, что во времена Катона в римском народе еще была заметная нордическая примесь. Сам Катон с неодобрением писал о том, что римлянки делают свои волосы светлыми. Это означает, что тогда уже произошло потемнение, но светлые волосы все еще считались признаком благородного происхождения. Когда Гораций писал: «Бойся черных, римлянин!», он вряд ли сам понимал расовый смысл этого выражения, восходящего к временам противостояния нордической и средиземноморской или альпийской рас. Древнеримские имена, указывающие на нордическую светловолосость, такие как Флав, Фульвий, Руф, Руфул, Руфин, а позже также Рутилий, равно как и родовые имена Флавий и Аганобард (рыжебородый), встречаются в большом количестве. Имена Альб и Альбин, как и греческие Левкий и Сулевк, указывают на очень светлые волосы или на очень светлую кожу ил на то и другое вместе, а имя Равилла – на серый цвет глаз. Имя Кассий Лонгин Равилла содержит также указание на высокий рост. Во многих областях Италии встречается имя Цезий. Римские поэты использовали этот эпитет при описании лучистых, прежде всего, голубых глаз с острым взглядом, отмеченным Цезарем у германцев.

Но позже все чаще встречаются случаи, когда один из родственников носит дополнительное имя «темный» («niger»), а другой – «светлый». Такие имена как Красс (толстый), Крисп (курчавый), Нигелл и Нигрин указывают на низкорослых людей с темными, курчавыми волосами. Из того, что римляне, познакомившись с населением Северной Африки, дали ему имя «мавров» (греч. маурос – темный), следует, что тогда они были гораздо светлей северных африканцев и светлей современных южных итальянцев, которые мало отличаются от них по пигментации, а северные африканцы это смесь средиземноморской, ориентальной и негроидной рас. В тех случаях, когда имена указывают на светлую пигментацию, речь идет, конечно, о нордической, а не о восточно-балтийской расе.

После эпохи Катона доля нордической крови постепенно убывала по мере превращения Рима в Мировую империю. Такова судьба всех мировых держав. С Римской империей случилось то же, что и с Персидской. Как сказал Монтескье: «Римляне, обрекая на гибель все народы, обрекли на гибель и самих себя». Любой империализм означает с расовой точки зрения истончение руководящего слоя и в итоге его разрыв. До сих пор ни одна мировая держава не могла руководствоваться расовой и расово-гигиенической точкой зрения.

Браки с «варварскими» женщинами были запрещены до IV века н.э. но сожительство с ними приводило к расовому смешению.

Братья Гракхи попытались возродить крестьянство в Италии, но не смогли этого сделать: они пришли слишком поздно. Новые крестьяне разорились, когда была

объявлена свободная продажа земли. Гай Гракх работал к тому же против собственных планов, когда он ввел в Риме продажу беднякам дешевого хлеба. Он этим уменьшил чисто тех, кто вообще хотел заниматься сельским хозяйством.

Позже сенат освободил все государственные земли Италии от налогов, но это не усилило, а еще более ослабило крестьянство. Латифундисты стали превращать свои земли в пустоши и парки, так как никакие налоги не заставляли их делать свои имения прибыльными. Многие крестьяне уезжали из Италии в провинции, где для крестьян были созданы более благоприятные условия.

Со времен Гая Гракха стало укрепляться новое сословие – всадники. Когда-то так назывались люди, которые шли на войну со своим конем, но таких после Пунических войн почти не осталось. Новое сословие всадников составили богатые выдвиженцы из низших слоев.

Гай Марий, представитель этого сословия, ненавидел аристократию и устроил ей кровавую баню, когда пришел к власти в Риме. Так был уничтожен невосполнимый генофонд. Судя по бюсту Мария, в этом человеке перемешивались черты фальской и альпийской рас.

Его противник Сулла принадлежал к старой аристократии. Согласно описанию Плутарха, у него были необыкновенно синие глаза и золотистые волосы. Тип Суллы – преимущественно нордический. Он отличался большой силой воли, решительностью и неразборчивостью в средствах. Подобные люди часто встречаются среди англосаксов. На террор Сулла ответил террором и опять к ущербу для собственного народа. Сулла мог ввести монархию, но он предпочитал аристократическую республику. Ему удалось восстановить относительный порядок.

В Сулле можно видеть тип, характерный для поздних периодов жизни народов нордической расы.

В результате гражданских войн в Риме был почти полностью уничтожен древнеримский тип. Он стал редкостью, исключением, а римский дух – духом вырождения и расового смешения. Нобилитет вымер или выродился, новым высшим слоем стали всадники. На место старого разделения, возникшего на расовой основе, пришло новое разделение на богатых и бедных.

Столетие до и после начала нашей эры можно считать эпохой угасания последних руководящих родов нордического происхождения. После правления Тиберия оставалось лишь патрицианских родов. Образ жизни всадников был одной из главных причин морального разложения. Пришло время, когда все в Риме стало продаваться. Как пишет Моммзен, государственные деятели продавали

государство, граждане – свою свободу, женщины – свою честь. Страна пустела, а население Рима росло. Сюда стягивался сброд со всего Средиземноморья, привлеченный бесплатными раздачами хлеба, сомнительными возможностями обогащения и зрелищами. «Основная масса государственных попрошаек… состояла из вольноотпущенников и бастардов всех рас» (Куленбек).

Опустошенные гражданской войной области снова заселялись, хотя не так плотно, как раньше, и не прежними жителями, а за счет ввоза рабов, который резко увеличился после Пунических войн. Число рабов у богатых землевладельцев доходило до 10000. Число рабов увеличивалось не вследствие их размножения, а вследствие ввоза новых рабов. Рабы доставлялись, в основном, с восточного побережья Средиземного моря, которое из-за этого совсем обезлюдело. Еще в 135 г. до н.э. сирийский раб Евн поднял большое восстание рабов на Сицилии.

В конечном счете римляне в их основной массе стали потомками ввезенных рабов. Отпуск рабов на волю практиковался столь широко, что в 8 г. н.э. его пришлось ограничивать законом. Поскольку численность населения сокращалась, его пополняли за счет потомства рабов. Рабынь, родивших трех детей, отпускали за это на волю. Часто бывало так, что дед был вольноотпущенником, нажившим состояние торговлей, отец становился всадником, а сын – сенатором.

Рыбы восточного происхождения особенно хорошо умели подольститься к своим господам, уловить их настроение, обделывать за них выгодные дела, за что их отпускали на волю. Типично восточное пресмыкательство перед власть имущими и жестокость дорвавшихся до власти выскочек, а также роскошества нуворишей, характерные черты переднеазиатской расы, чуждые самим римлянам, стали определять жизнь «римлян», пришедших к власти в Римской империи после исчезновения нобилитета. Раболепие сената перед выродками самых разных рас, ставшими императорами, сами эти императоры и их роскошества имеют прообразы на Востоке. К временам Нерона очень многие сенаторы и всадники, как пишет Тацит, были потомками рабов.

С притоком восточной крови менялись все воззрения и нравы. Тацит предвидел грядущую гибель денордизированной и выродившейся мировой империи.

Никаких препятствий на пути к расовому смешению больше не было. Аристократические семьи почти все вымерли, перестали быть примером в государственной жизни или сами стали больными и ущербными. Общество разделилось на горстку безродных богачей и массу таких же безродных бедняков. В городах росло число «пролетариев», т.е. неимущих, с которых государство не брало налогов, а ожидало от них лишь того, что они произведут «потомство» (proles).

При Марии войско военнообязанных римских граждан превратилось в войско профессиональных наемников, что означало разрыв с римской традицией. Наемники были, большей частью, выходцами из пролетарских слоев, т.е. из самых разных народов. Расовые метаморфозы превратили римлян в падких до наслаждений трусов. В Риме роскошествовали, а наемникам предоставляли защищать границы империи.

С исчезновением родов, способных управлять государством, аристократическая республика утратила свою опору. Ей на смену пришла «демократическая» империя.

Старая аристократия потерпела окончательное поражение в битве при Фарсале в 48 г. до н.э. Цезарь, ставший единовластным правителем, сам был из патрицианского рода. По описанию, он был высокий, худой, с очень светлой кожей и темными волосами и глазами. У него преобладали нордические черты. Он старался привлечь на свою сторону аристократию и миловал своих врагов. Но те оставались непримиримыми и убили его.

Его преемник Август был среднего роста, светловолосый, с серо-голубыми глазами. Но Римская империя постепенно выродилась в восточную деспотию.

Аристократия почти полностью исчезла. Уже в начале I века н.э. угасли роды Юлиев, Эмплиев, Клавдиев, Валериев, Корнелиев, Фабиев, Манлиев, Сульпициев, Юниев, Ливиев, Фульвиев, Лициниев, Пизонов и Темеллов, и Гортензии обнищали настолько, что их исключили из сословия. Дольше других сохранились Кальпурнии.

Цезарь ввел закон о назначении патрициев, но и эту новую аристократию истребили последующие императоры.

В Империи не осталось ни благородных родов, ни благородных семей – только благородные одиночки, которые нашли для себя прибежище в стоицизме. Стоицизм, по крайней мере, в его римской форме, можно считать духовной позицией нордического человека в условиях распада. Благородные люди могли только сохранять самообладание, хладнокровие («ничему не удивляться») и достоинство. Время всех других устремлений прошло. Стоицизм учил быть непоколебимым, что бы ни послала Судьба, и эта чисто нордическая черта в ту позднюю эпоху привлекала именно нордических людей. Это настроение выражено и в трактате Цицерона «Об обязанностях».

Ленц и Шеман считают, что стоицизм играл вредную с расовой точки зрения роль в римской истории, поскольку он проповедовал индивидуализм и космопо-

литизм. Они говорят, что человек стоиков это человек без рода и племени, без народа и расы, но они забывают при этом, что эпоха Римской империи была уже не тем временем, когда еще можно было делать упор на роде и племени, на народе и расе. Это была поздняя эпоха, когда отдельные люди с возвышенным образом мыслей не имели уже живой связи со своим народом, а во многих случаях даже со своими ближайшими кровными родственниками. Любовь к отечеству Тацита, предвидевшего его гибель, это выражение утратившего надежды чувства долга. Можно представить себе, что так же любил свое отечество Гобино. Там, где народ и раса разлагаются, где границы между расами стираются, естественно появление таких учений, как стоицизм, стремящихся к объединению последних благородных людей, не думая о том, что они наносят этим последний удар по связям отдельного человека с народом и расой. Позднеримский стоицизм был образом мыслей людей, которые без надежд ожидали гибели. Поэтому они были и против брака, против того, чтобы иметь детей.

Возродить крестьянство в Италии не удалось. Пролетарии и отставные солдаты предпочитали жить в городах, получать милостыню и продавать свои голоса. Ввоз рабов стал сокращаться. Место крестьян заняли мелкие арендаторы, за счет которых жили городские собственники земель. Высший слой представлял собой такую же смесь многих рас, что и низший, только в нем преобладали более расчетливые, хитрые и успешные в денежных делах элементы.

Американец Франк в своей большой работе «Расовое смешение в Римской империи» (1916) показал, что в начале эпохи императоров 90% нижних слоев были восточного происхождения, а весь высший слой заполнялся потомками вольноотпущенников. Не случайно, полагает Зеек («История гибели античного мира», 1922), почти все народы Римской империи имели «семитские черты», т.е. примесь народов, говорящих на семитских языках, смеси ориентальной и переднеазиатской рас. В надгробных надписях эпохи императоров все чаще встречаются неримские имена. Ежегодно получали римское гражданство 3-4 тысячи наемников самого разного происхождения.

Франк подчеркивает, что в эпоху Империи восточные культы распространялись вместе с восточной кровью.

Последние барьеры на пути к смешению народов и рас пали в 212 г. когда римское гражданство было предоставлено всем свободным жителям государства. Этот закон издал Каракалла, сын африканца Септимия Севера и сирийки, по описанию, маленький человек с курчавыми волосами, жестокий и трусливый. Он окружил себя германской стражей и сам ходил в германском платье и носил светлый парик.

Были многочисленны и имели большое влияние во всей империи, особенно в Александрии и Риме, также иудеи, смесь переднеазиатской и ориентальной рас. Об их влиянии писал еще Цицерон. Иудеи и сирийцы, принадлежавшие к одному расовому типу, разлагали империю. Многие императоры особенно к ним благоволили. Люди переднеазиатской расы – хорошие психологи, они умеют подлаживаться к власть имущим и давно научились ими управлять. Высказывается даже мнение, что Римскую империю разрушили не германцы, а иудеи.

Август пытался предотвратить сокращение населения с помощью законов об укреплении семьи, но разложение нравов оказалось сильнее законов. Нерва и Траян еще основывали учреждения для воспитания детей неимущих, но и это не помогло.

При заключении браков больше не обращали внимания на происхождение – играли роль только деньги. Август запретил сенаторам и их детям жениться на вольноотпущенницах, но Юстин (518-527) отменил этот закон в Восточной Римской империи.

Сокращение численности населения сказывалось и на политике. Преемники Траяна уже не могли вести завоевательные войны… Около 200 года население Рима несмотря на постоянный приток иноземцев уменьшилось наполовину по сравнению с эпохой Августа, а около 400 г. составляло 1/12 от достигнутого некогда максимума и продолжало уменьшаться.

К вымиранию нордической расы в эпоху Империи добавилось вырождение, т.е. увеличение количества неполноценных наследственных задатков во всех расах. Люди стали безобразными, что бывает при сочетании наследственных задатков сильно удаленных друг от друга рас. Об этом свидетельствуют скульптуры и описания.

Зеек отмечает, что с I века н.э. ни в одной сфере деятельности не возникло ни одной сколько-нибудь значительной новой идеи. Литература и искусство были бесплодно подражательными. Исключение составляла лишь одна сфера, религиозная, где как язычники, так и христиане смогли создать что-то новое. Но это новое было проникнуто не нордическим римским, а восточным духом. Тот процесс, который Кюнаст проследил у денордизированных эллинов, происходил и среди денордизированных римлян. В обоих случаях это было проявлением расовой души переднеазиатской расы. Наибольше влияние приобрели те языческие и христианские формы веры, которые проповедовали чуждые индоевропейцам восточные идеи бегства от мира и умерщвления плоти. Ясно, что этим идеям могли следовать лишь немногие. Самые стойкие из них принимали муче-

ническую смерть, трусы отрекались и продолжали жить и плодиться. Наследственная трусость стала признаком римлян времен упадка.

Но до полного вымирания нордической расы даже в эпоху Империи дело еще не дошло. Еще до появления германцев встречаются императоры и полководцы с нордическими чертами. Нордической считает Хис форму головы Марка Антония, Цезаря, Гальбы, Веспасиана и Траяна. О Цезаре и Августе мы уже говорили. Форма головы Гальбы скорее нордически-динарская, он был среднего роста, но с голубыми глазами. Калигула был человеком высокого роста, со светлой кожей, Нерон – среднего роста, блондин с голубыми глазами, как и его жена Поппея. Луций Вер, судя по бюстам, гибрид нордической и переднеазиатской рас, был блондином высокого роста, у Комода (такого же гибрида) были курчавые светлые волосы.

До II века н.э. римляне окрашивали статуи, но не следует думать, что эти краски соответствовали пигментации оригинала – их могли выбирать в соответствии с представлениями о благородном происхождении. Большинство населения уже во времена Цезаря представляло собой, в основном, смесь средиземноморской, переднеазиатской и альпийской рас, в Северной Италии – с динарской примесью. Цезарь отмечает, что римляне меньше ростом, чем галлы. Люди, изображения которых сохранились в Помпее, похожи на современных южных итальянцев.

Высокий рост и светлые волосы могли сохраняться среди аристократии. Черных волос стыдились – мы уже говорили о парике Каракаллы. Богатые выскочки покупали для себя и своих семей светлые волосы из Германии, чтобы иметь «благородную внешность». Другим средством была окраска волос.

Идеал красоты у поэтов отличался нордическими чертами. Гораций изображал богов и героев блондинами, хотя он сам, по собственному описанию, был маленьким, толстым, черноволосым и темноглазым, с низким лбом. Таким же было изображение богов и героев у Вергилия, человека высокого роста, с темной кожей, у смуглого Овидия (его второе имя Назон указывает на большой нос), у Ювенала, Катулла, Тибулла, Сенеки, Стация и Клавдиана. Но в этом они следовали эллинским образцам, чего нельзя сказать о тех случаях, когда описывались черты реальных лиц. Постоянный эпитет девушек почти у всех римских поэтов – «розово-белая» (candida), а такой цвет кожи характерен для нордической расы…

Эллинам и индийцам не нравились сросшиеся брови; римляне считали их, как и темный пушок на верхней губе у женщин (эта черта нередко встречается у средиземноморской и динарской рас) признаком страстности…

К тому времени, когда германцы начали служить в римской армии, светлые волосы и голубые глаза могли уже восприниматься как германские, а не римские, но поэты тем не менее продолжали их воспевать, как темноволосый Тибулл – свою светловолосую возлюбленную Делию. Апулей, будучи африканского происхождения, описывает сам себя как блондина высокого роста. Лица римских скульптур обычно имеют нордические черты: четкие контуры, выступающий подбородок, «римский нос», жесткое или смелое выражение.

Корреспондент одной мюнхенской газеты Альберт Капп после посещения неапольского музея в 1924 году с удивлением отметил «прусский характер» римских портретных бюстов. Нашел он среди них и пару «англичан».

Нордическая примесь прослеживается до самого конца римской истории. Погибший в борьбе за власть в 197 г. Альбин был человеком высокого роста с очень светлой кожей и курчавыми волосами, Диоклетиан – худым человеком высокого роста со светлой кожей и голубыми глазами. Галлиен был маленький, курносый и темноволосый, но он посыпал свои волосы золотой пудрой. У Юлиана «Отступника» были голубые глаза. Блондином был и один из последних римских императоров Майориан (457-461гг.).

Два римских императора сохранили и черты древнеримского характера – Траян и Деций. Не случайно у них обоих преобладает нордический тип.

У Траяна была и небольшая динарская примесь. Его называют «последним великим представителем древнеримского духа». Это был один из самых способных правителей Рима. Но уже при его преемниках выяснилось, что этот древнеримский дух был присущ только одному человеку, императору, а не народу.

В последний раз древнеримский дух проявился в Деци (249-251гг.). Он видел в христианстве угрозу государству и устроил первые гонения на христиан.

Первым германцем на троне Цезарей можно считать Максимина Фракийца (235-236гг.), сына гота и аланки, очень сильного человека огромного роста. Это был первый император не из сенаторов, а из крестьян. Чистыми германцами были франки, братья Магненций и Деценций (350-353гг.).

Но в императоры попадали и люди иного происхождения. Об африканце Септимии Севере, которые превратил Рим в восточную деспотию, Домашевский пишет, что «в нем пробудилась демоническая ненависть пунийцев, к которым он принадлежал по крови, не ослабевшая за несколько столетий, и он увенчал уничтожение римской власти в Империи восстановлением гробницы своего кумира Ганнибала в Вифинии. Он хотел натравить провинции на ненавистный

Рим». Он преследовал во всей Империи тех, кто выделялся образованием и богатством, ибо «глубоко была заложена в нем ненависть семита, который не знает ни жалости, ни пощады». Это его сын Каракалла сделал римскими гражданами всех свободных жителей Империи и уничтожил остатки старой и новой аристократии.

Свершено восточным по духу было правление императора Гелогабала (218-222гг.), который кроме переднеазиатской и ориентальной имел и негроидную примесь. Но необходимо учитывать, что это был выродок. Признаки вырождения проявлялись тогда в семьях римских императоров не меньше, чем в народе. Эрнст Мюллер, как психиатр, изучил сохранившиеся бюсты императоров и исторические источники. Он поставил диагноз «юношеское слабоумие» Тиберию и его внучатому племяннику Калигуле, просто слабоумие – его дяде Клавдию. У Нерона, внучатого племянника Клавдия, юношеское слабоумие возможно сочеталось с манией преследования. Домициан был сумасшедший, у Комода были симптомы юношеского слабоумия, у Гелиогабала – явные психические нарушения, Каракалла тоже был сумасшедший.

Республиканские декорации при всех императорах более или менее сохранялись. Август и Траян пытались даже привлечь сенат к более активному сотрудничеству и расширить его полномочия, но сенаторы были слишком трусливы. Диоклетиан первый законодательно оформил фактическое единоличное правление императора. Сенат был низведен до роли римского горсовета.

Было произведено также разделение военных и гражданских властей. Зеек обратил внимание на то, что гражданские посты занимали «кроткие римляне», а военные – «сильные варвары».

Этими «варварами» были, большей частью, германцы или их потомки, люди вроде Максимина Фракийца. Удивительно, что внутреннее разложение Рима, начавшееся после Пунических войн, не привело к быстрому краху, а длилось так долго – Империя проскрипела до середины V века. Историки приписывают это притоку германской силы в разлагающуюся Римскую империю.

Историю германцев в Римской империи изложил с расовой точки зрения Вольтман в книге «Германцы и Ренессанс в Италии» (1905). Цезарю помогли победить в гражданской войне германские вспомогательные войска: он первым отметил их боевые качества. К началу эпохи императоров рост в войсках снизился до 1,48 м, а к IV веку снова увеличился до 1,65 м, в гвардии даже до 1,72 м благодаря германским наемникам…

В IV веке начались миграции целых германских племен вместе с женщинами и детьми в пределы Империи. В 395-408 гг. германец, вандал Стилихон фактически правил Империей, пока не был убит по приказу императора Гонория. После его смерти вестготы захватили Рим. Позже Римом правил князь свевов Рикимер, а в 476 г. германец Одоакр сверг последнего римского императора.

Христианство тоже не могло спасти разлагающуюся Римскую империю. Первоначально оно было верой ее самых низших слоев, которым государственных образ мыслей свободных римлян был столь же чужд и ненавистен, как свободомыслие и творчество эллинов. Степень этой ненависти показал фон Пёльман в своей брошюре «Мировоззрение Тацита» (1914). Ранним христианам вследствие их расового состава были более близки переднеазиатские и ориентальные воззрения, идеи бегства от мира и аскетизма. Характерно, что, когда христианство стало государственной религией, был отменен закон времен Августа, каравший за безбрачие, – теперь безбрачие стало достоинством. Были устранены также препятствия для вступления в браки между христианами и иудеями, но при тогдашней расовой мешанине христианское население мало отличалось от еврейского народа…

…Значение расы и здоровой наследственности, значение направления отбора видны на примере римской истории столь же ясно, как на примере эллинов. Судьба обоих народов служит пояснением к словам английского государственного деятеля Дизраэли (лорда Биконсфильда), гордого своей расовой принадлежностью еврея: «Расовый вопрос – ключ к мировой истории» и «Раса это все»; нет иной истины, и обречена на гибель любая раса, которая беззаботно допускает смешение своей крови». Первым примером расологического, биологического подхода к истории можно назвать «Историю гибели античного мира» Зеека (1910г.), где объяснены причины этой «гибели». По мнению Зеека, главная причина – «духовный и физический упадок расы». Правильней сказать: физическое и духовное вырождение населения при одновременном вымирании нордической расы.

Слово «римляне» у германцев эпохи Великого переселения народов не случайно было ругательным; германцы презирали римлян так же, как римляне во II веке до н.э. презирали эллинов. Но ни германцы, ни римляне тех времен не могли знать, что те эллины и те римляне не были наследниками по **крови** тех, кто создал Элладу и Рим; они унаследовали от них лишь **язык**. Когда Кола ди Риенци (1313-54) выступил в роли «римского трибуна» и попытался возродить древний Рим, он забыл, как забывают и современные итальянцы, что происхождение и наследование языка это две разных вещи. Заблуждаются и те немцы, которые видят в нынешнем населении Германии в целом «германцев» в смысле физических и психических наследственных задатков. Но расовое различие

между нынешними итальянцами и римлянами все же гораздо больше, чем расовое различие между современными немцами и германцами эпохи Великого переселения народов.

«Гибель» эллинско-римской цивилизации была не только результатом истощения всех творческих сил уже в начале эпохи Империи; исчезла даже способность к сохранению уже созданных ранее культурных ценностей. В эпоху денордизации и вырождения было невозможно сохранить то, что было создано в творческую эпоху. Германскому миру средневекового Запад пришлось почти что заново создавать культуру в противовес гниющему расовому болоту Средиземноморья.

РАСА И СТИЛЬ

Мысли об их взаимосвязи в жизни и в духовной истории европейских народов, в частности, немецкого народа, 2-е изд. Леманс Ферлаг. Мюнхен 1927

Предисловие

В данной работе автор рассматривает вопрос расы и художественного стиля, а в заключение также вопрос расы и формы верований…

Работа обращена к тем, кто знаком с книгами автора по расовой теории. Тому, кто не имеет представления о физических и духовных формах пяти европейских рас, а также восточной и переднеазиатской рас, изложенное ниже будет непонятным… Эта книга ничего не скажет и тем, чье направление заставляет их «из принципа» отрицать влияние расовых душ на духовную историю, и еще меньше тем, кто вообще сомневается в существовании расы…

Когда писалась эта работа, автор получил книгу Л.Ф. Клаусса «Раса и душа», в которой речь как раз идет о расовых проявлениях в духовной жизни народов… Наши мысли во многом перекликаются.

Лидиньё, Швеция, октябрь 1926 г. Д-р Ганс Ф.К. Гюнтер

1. Кое-что о форме и содержании. Пример Дюрера

… Некоторые строго «германски» мыслящие искусствоведы (особенно Бенц) считают большим несчастьем для художественного развития народов к северу от Альп заимствование ими стиля итальянского Ренессанса. Заимствование чу-

жого стиля художниками, суть которых без чужого влияния развивалась бы в совершенно ином направлении, привело к упадку готики, стиля, который на протяжении нескольких веков был истинным выражением художественной воли народов к северу от Альп.

Дюрер позволил надломиться в себе готической художественной воле – или сознательно ее надломил? – и тем самым внес заметный вклад в упадок готики. Дюрер был нордически-динарского происхождения. Так, может, это его динарская кровь способствовала переходу из Северной Италии через Альпы южной художественной воли? Может быть. Но мне кажется, что его нордическая кровь, его «фаустовское» начало побудили его и к принятию Ренессанса, и к преодолению его. Значительность созданного в Италии он не мог не видеть, но сознавал, что соперничество с чужими творениями возвысит его самого. Желание Фауста «самому наслаждаться тем, что дано всему человечеству» вполне нордическое, «одновременно боль и блеск» нордической души (выражение Клейста). То, чего хотят строго «германски» мыслящие искусствоведы, которые видят в упадке готики только несчастье и предостережение, было бы сужением нордической сути. Датский писатель И. Иенсен, который постоянно пытался уловить суть нордического человека, сказал о нем, что он «носит даль в своей душе».

В эту даль стремился Дюрер, когда он увлекся Ренессансом. Такое поведение характерно для творцов нордической крови: отдаться, чтобы овладеть…

Мы, с сегодняшней точи зрения, видим еще и другое. Итальянский Ренессанс, хотя в нем выражался и дух западной расы, был также искусством, нордическим по сути. Душа западной, а иногда и динарской расы тоже проявились в Ренессансе, но то, что пронизывает великие творения Ренессанса, исходило из души нордической расы. Достаточно взглянуть на черты великих художников того времени (см. рисунки в книге Л. Вольтмана «Германцы и Ренессанс в Италии», 1905).

Донателло, чье творчество знаменует собой переход от средневекового (готического) искусства Италии к искусству Ренессанса, выражал нордическую суть в итальянском искусстве в усиленной, а не в ослабленной форме. «Суровыми и сильными» называют творения Донателло: эти слова больше соответствуют духовной сути нордической расы, чем какой-либо другой, представленной в тогдашней Италии. Ренессанс пробудил дух великих эллинов и римлян, дух, в иных формах воплощавший нордическую суть. Дюрером двигала нордическая, «фаустовская» (как стало модно говорить после Шпенглера) душа, которая разбила готику, чтобы создать новые творения. К нордической широте, которая господствует в готике, влияние Ренессанса добавило нордическую строгость.

Это было своего рода подчинение искусства законам (вещь опасная, которая под силу только великим). Дюрер и его время были настолько проникнуты закономерностями готического искусства, что перестали ощущать их как закономерности. Искусство Ренессанса дало новые законы. Это настолько привлекло Дюрера (он не был бы «фаустовским» человеком, если бы переживал иначе), что он иногда принимал расчет за особенно важную часть художественного оформления. Но он переступил через этот порог, потому что был достаточно силен. Другие художники немецкого корня разбились о Ренессанс. Но когда нужно дерзать, люди нордической сути всегда готовы идти вперед, падать, побеждать.

Что отличает нордическую готику от нордического Ренессанса с точки зрения расовой теории, это духовный мир, с которым обоим направлениям искусства приходилось работать. Если готика (как и схоластика) еще боролась за то, чтобы завоевать духовный мир христианства средиземноморских стран, т.е. христианства переднеазиатской, восточной и западной рас, для нордического искусства, и если готика в борьбе за эту неразрешимую задачу постоянно доходила до судорожных преувеличений, то в искусстве Ренессанса уже много было от «языческой» внутренней свободы, унаследованной от греко-римского, по сути своей нордического прообраза. Ренессанс в большей степени был искусством нордического направления, изображавшим нордическую духовную жизнь, чем готика, которой часто приходилось изображать чужую духовную жизнь или придавленную нордическую. Может быть, Дюрер почувствовал это и воспринял Ренессанс как избавление от судорог, как настрой на свободное выражение собственной жизни.

Другое отличие этих двух направлений с точки зрения расовой теории – круг, на который они были ориентированы. Готика – народное нордическое искусство, она могла быть уверенной, что ее нордическая суть будет понята широкими народными массами тех народов к северу от Альп, в которых тогда еще преобладала нордическая кровь. Искусство Ренессанса было адресовано только верхним слоям, главным образом, нордической расы – таково было соотношение рас в Италии в эпоху Возрождения. Вследствие этого, а также влияния западной расы искусство Ренессанса больше было обращено к разуму, к сознательному пониманию образованными людьми, чем к чувству. В этом нордический Ренессанс похож на нордический классицизм конца XVIII – начала XIX века. В условиях прогрессирующей денордизации всех западных народов классицизм мог находить понимание только в верхних слоях, еще сравнительно богатых нордической кровью.

Сегодня при продолжающейся денордизации возможны отдельные нордические художники, но не широкий и глубокий поток нордического искусства, ибо для

этого нужна прослойка понимающих. Нордическое искусство, подобное греческому, было бы возможно, если бы пробуждающееся в наши дни нордическое движение смогло созвать под свои знамена достаточное число понимающих.

Если в немецком народе еще достаточно нордической сути для художественного воплощения, то и в наше время (или позже) всему немецкому искусству удастся сделать то, что Дюрер сделал в одиночку: заменить пришедшие в упадок художественные формы германоязычных народов новыми формами, достойными передачи по наследству.

Это должно устранить разрыв между формой и содержанием. Этот разрыв может возникнуть только в результате расового смешения. Если еще сохранились компактно живущие чистые расы, они должны своеобразно выразить себя и в искусстве таким образом, чтобы для его искусствоведов стал бы бессмысленным спор о форме и содержании.

2. Нордическая и западная «форма» в поведении людей

Обзор Европы по расам, с учетом вопросов формы в самом широком смысле слова, вносит ясность и в вопрос о европейских цивилизациях (культурах) вообще. Выявляются несколько сквозных линий, которые мы сначала проследим в области форм человеческого поведения. Поведение людей в определенных регионах дает нам намеки на то, чего мы можем ожидать от местных художественных форм.

Бросается в глаза, что то, что обычно называется «хорошим поведением», доходит до самых низших слоев народа, главным образом, в регионах 1) где преобладает нордическая раса (Скандинавия, Северо-Западная Германия, Северо-Восточная Англия), 2) где смешиваются нордическая и западная расы (части Франции, Британские острова) и 3) где преобладает западная раса (страны Западного Средиземноморья, Южная Франция и части Ирландии).

Примером совершенного поведения для других народов служит английский высший слой (главным образом, нордической расы), а для многих – англичане вообще. Двум расам, которые смешались в английском народе без значительных примесей других европейских рас, свойственно особое внимание к поведению: нордической и западной. На взгляд не-западных людей в поведении западных людей наблюдается заметная наклонность к театральной игре, к позе. Не случайно при описании поведения западных людей я не могу найти немецкий эквивалент иностранного слова «поза». Если поведение западных людей характеризуется наклонностью к позе, то поведение людей нордической расы

отличается сдержанностью, которая людьми не-нордической расы воспринимается как чопорность. Но обеим расам присуще стремление к благородству поведения.

Жители Центральной Европы, когда они приезжают в Швецию или Норвегию, обычно ошибаются в оценке встречающихся им людей, ставя их на одну-две ступени выше в общественной иерархии по сравнению с их действительным положением. Вне зон преобладания нордической расы высшие слои богаче нордической кровью, чем народ в среднем, так что многие жители Центральной Европы могут принять, например, норвежскую служанку по ее виду и поведению за «даму»…

… Если в Центральной и Восточной Европе хорошее поведение больше связано с высшими, в среднем более богатыми нордической кровью слоями, то хорошее поведение во всех слоях встречается тем чаще, чем ближе мы подходим от Центральной к Северо-Западной Европе, ареалу самого сильного преобладания нордической расы, а по направлению к средиземноморским странам среди населения все больше наблюдается театральность поведения и наклонность к позированию. То же самое ощущает англичанин в Ирландии. Эти явления связаны с преобладанием западной расы…

… Часто приходится слышать высказывание, что народы, говорящие на романских языках, выражают уже в своем поведении, что им присуща «культура формы». Такую оценку можно объяснить тем, что наблюдатели, не принадлежащие к этим народам, обнаруживают уже в их повседневной жизни форму, которую они потом пытаются объяснить с помощью «культурных течений», форму, которая на самом деле, как и эти «культурные течения», рождается из духовной сути западной расы, представленной во всех народах, говорящих на романских языках, но не только на них.

Западный налет итальянской цивилизации заставляет и Муссолини, в котором западные черты не преобладают, принимать западные позы, по крайней мере, тогда, когда он обращается к западной душе итальянского народа.

Оценка «культура формы» применительно к народам, говорящим на романских языках, исходит от представителей тех народов, в которых более или менее преобладает нордическая раса, т.е. главным образом, народов, говорящих на германских языках. Нордическая раса на свой манер придает народам «форму», только иную форму, не западную. Таким образом, в Европе есть две расы, которым форма тела и души присуща в такой степени, что они в какой-то мере навязывают эту форму и людям других рас. Обычно этому уделяется слишком мало внимания, потому что нордическое поведение представляется многим

наблюдателям само собой разумеющимся. Но, как уже было показано, нордическая раса проявляет себя как раса формы тем заметней, чем больше она преобладает в населении. Чем более нордическим является население Центральной и Северо-Западной Европы, тем шире распространены правила хорошего поведения, вплоть до низших слоев. То же самое можно сказать о западной расе.

3. Восточный и восточно-балтийский отказ от «формы» в поведении

Чем дальше мы уходим по направлению к Центральной Европе и далее на Восток от областей с преобладанием западных и нордических расовых черт, тем заметней становится среди населения – за исключением высших слоев, более богатых нордической кровью, и областей, где преобладает динарская раса, – некая «бесформенность». Эту «бесформенность» можно было бы принять за «форму» восточной или восточно-балтийской расы, если бы эти расы могли дать образец поведения для населения, в котором они преобладают. Но восточная и восточно-балтийская расы по своей психической сути, с точки зрения рассматриваемых здесь вопросов, это такие расы, которые либо терпеливо перенимают, либо в большей или меньшей степени отвергают «форму», с какой бы стороны она ни пришла. В Центральной и Восточной Европе – в одних местах меньше, в других больше – отмечаются посторонними наблюдателями черты, которые можно охарактеризовать как «бесформенность поведения». До определенной степени в Центральной и Восточной Европе даже люди нордического типа, подобно восточным балтийцам, отвергают «форму»…

Люди нордического типа могут какое-то время чувствовать себя в «бесформенном» окружении вполне хорошо. Вместо «натянутости» и «сдержанности», которые они часто встречают у себя и себя подобных, они испытывают здесь нечто, что они воспринимают как особенную «душевность» или «уют», здесь можно «расслабиться», как во время отдыха. Люди нордического типа, которые живут в нордическом окружении, называют людей тех стран, где преобладает восточный тип, «милыми» или «комичными» (не в смысле «смешными», а в смысле «своеобразными»). Выбор подобных эпитетов свидетельствует об их неспособности проникнуть в чужую душу: нордическая раса вообще не отличается этой способностью. Люди западного типа воспринимают людей восточного типа (насколько я могу судить по высказываниям итальянцев, среди которых преобладает западный тип) как неприятных и даже отталкивающих.

В Центральной и Восточной Европе у многих местных жителей восточной или восточно-балтийской расы сложилось даже более или менее «бесформенное» мнение о том, что эти части Европы отделены от Юга и Запада ландшафтами, в которых господствует «форма». Многие немцы, путешествуя по Северо-

Западной и Западной Европе, начинают ощущать некую «бесформенность» у самих себя. В этих странах немцев тоже считают «бесформенными», частично по политическим мотивам, частично по искреннему убеждению. Я постоянно убеждался за границей, что немец, в котором преобладают нордические черты, обычно не воспринимается именно как немец, он не бросается в глаза. Зарубежное представление о немцах как о «бесформенных» объясняется тем, что в Северо-Западной и Западной Европе попадаются немцы без ярко выраженных нордических или западных черт. Расовое положение жителей Центральной Европы с точки зрения «формы» таково: в средиземноморских странах выражает себя придающая «форму» западная душа, в Восточном Средиземноморье к этому добавляется влияние тоже придающей «форму» ближневосточной расы. Во Франции западная форма распространилась на всю страну, в Северной Франции она взаимодействует с нордической формой, но ее влияние захватывает и области с восточным и динарским населением. В скандинавских странах господствует нордическая форма, «благородная» манера поведения наблюдается даже в низших слоях. В Англии в верхних слоях культивируется нордическое поведение, часто возводимое на уровень образца благовоспитанности, в нижних слоях взаимодействуют нордическое и западное влияние, причем заметно – в противоположность бедной нордической кровью Германии – насколько сильно со времен Чосера, с XIV века, влияет на весь народ четко сформулированный уже Чосером идеал джентльмена, подлинно нордический идеал.

Восточная и восточно-балтийская суть выделяются в нордической и западной цивилизациях своей «бесформенностью», т.е. отказом от форм, которые навязываются нордической или западной стороной или обеими вместе. Как минимум они дают себе волю в рамках этих форм.

Восточно-балтийская «бесформенность» обусловлена, прежде всего, любопытством людей восточно-балтийского типа, которое побуждает их к обстоятельному обсуждению душевных процессов, как своих собственных, так и других людей. Нордическому человеку непривычно, что восточно-балтийский человек нарушает дистанцию, он видит в этом даже некое душевное бесстыдство. Восточно-балтийские люди, которые в общении с другими переходят на все более доверительный уровень и доходят до того, что душевно раздеваются догола и указывают на детали этой наготы, которые и его собеседнику, и ему самому кажутся постыдными. Желание копаться в собственной или в чужой душе приводит к тому, что восточно-балтийская «бесформенность» выражается в причиняющем боль людям другого типа любопытстве, в своего рода ласковой навязчивости. К этому добавляются внезапные перемены настроения, так что поведение восточно-балтийского человека обычно производит впечатление постоянной неуравновешенности. Отсюда возможность перехода от симпатии к безудержной ненависти. Восточно-балтийский человек особенно «тяжел» при об-

щении с другими людьми, даже с людьми собственной расы, потому что для него особенно характерна неспособность проявлять то, что называется «тактом», чувствовать пределы между вещами и в отношениях между людьми.

Особенности восточно-балтийской «бесформенности» будут позже показаны в их выражении в духовной жизни. А сейчас еще несколько слов о восточной «бесформенности» в области человеческого поведения. Если восточно-балтийская бесформенность обусловлена беспокойной, почти никогда не находящей равновесия расовой душой, то восточная бесформенность – расовой душой, которая хочет жить спокойно и уютно, не нанося ущерба окружающим. Господин Пермандер из «Будденброков» Томаса Манна… мог бы быть хорошим примером восточного отвержения формы. Характерно, что в юмористических журналах людям, отличающимся невоспитанным поведением, всегда придают черты восточной расы. Образ «обывателя» в Германии никогда не ассоциируется с чертами нордического, динарского или западного человека. Достаточно указать на бесформенное поведение обывателя, чтобы вызвать в памяти наблюдательных людей образы людей восточного типа.

4. Восточная и восточно-балтийская суть в искусстве

Насколько трудно назвать известного художника чисто западной расы, настолько же трудно найти примеры чисто восточного искусства. Но восточная душа выражается в искусстве наряду с другими расовыми душами, благодаря чему можно определить направление ее самовыражения. Восточная суть выражается в искусстве, как и в поведении людей либо в отказе от «формы», либо в терпеливом заимствовании готовой формы. Пример первого – Оноре де Бальзак, второго – Готфрид Келлер. В произведениях Келлера так много унаследовано от великой немецкой литературы конца XVIII – начала XIX века, что его трудно причислить к творцам… Определенную бесформенность можно найти также у Жан-Поля и Готхельфа, во внешних чертах которых тоже нельзя не заметить восточный налет.

Этот налет выражается в ослаблении «формы», обусловленном восточной наклонностью к созерцательности. В искусстве она своей теплотой смягчает линии. Если нордическая раса «создана для того, чтобы всматриваться» (Гете), то восточная – чтобы созерцать. Если художник внешне имеет восточные черты, то он обычно проявляет и тенденции к созерцательности. Примеры этого: Лютер, Гете, Гебель, Штифтер, Готхельф, Келлер, Ганс Тома, Ганс Сакс, Жан-Поль, фон Швинд, Шпитцвег и др. У них более или менее заметна склонность к созерцательности, особенно в зрелые годы. Когда художник имеет такую склонность, образы у него получаются расслабленными (на нордический или западный

взгляд). Некоторая бесформенность обусловлена также восточным даром мягкого юмора. Если нордический юмор включает в себя элемент плутовства, примеры чего – исландские саги, сказки братьев Гримм на нижнесаксонском диалекте, Чосер, Бах, Геллерт, Бисмарк, Геббель, Раабе, Грот, Диккенс и Фонтане, а западный – к хитроумной игре, то восточный – к приятности, к беззлобной улыбке, к созданию «солнечного настроения». Это прослеживается даже у серьезного Бетховена, прежде всего в его «Пасторали»… наряду с ослаблением формы.

Восточное стремление к уюту и восточный мягкий юмор требуют для своего самовыражения именно того, что нордический и западный человек воспринимают как «бесформенность». Лучшие примеры этого в Германии – малоизвестные южно-немецкие писатели… Во французской литературе Рабле – уникальная смесь восточных черт с хитроумным юмором западной расы и смелой откровенностью нордической. В Англии Ричардсон и Гольдсмит проявляют восточную созерцательность и приятность, к чему примешивается восточное ослабление «формы». Но такие физические черты, как у этих двух писателей, в Англии встречаются редко; английская жизнь вообще мало склонна к созерцательности: восточная раса представлена в Англии очень мало. В Германии же, наоборот, примесь восточной расы настолько сильна, что обусловленная восточной сутью созерцательность часто считается особым достоинством.

Только восточным влиянием в Германии можно объяснить, что произведения Ганса Тома иногда воспринимаются как «подлинно немецкие». «Хор искусств никогда не выступает спокойно», – сказал Гете. Но это не относится к произведениям искусства, в которых выражена духовная суть восточной расы. У Тома так много восточной примеси, что многие его произведения «выступают спокойно». Тома сам говорит о «спокойном искусстве живописи» – это выражение больше характеризует искусство восточной души, чем нордической, западной, динарской или восточно-балтийской. При телесной и духовной близости восточной расы к азиатским не случайно, что по мнению Тома суть искусства лучше всего выражают слова одного китайского мудреца: «искусство это человеческое выражение довольства божественными творениями». Это восточное определение сути искусства более или менее верно характеризует произведения таких людей с восточной примесью, как Ганс Сакс, Гебель, Жан-Поль, Швинд, Шпитцвег, Готфрид Келлер. Недалек от этого и Гете. Но с приведенным выше мнением китайского мудреца не согласились бы Данте, Шекспир, Альфьери, Шиллер, Геббель, Флобер и Ницше. В своем более спокойном стиле Гельдерлин выразил суть искусства, какой она всегда представляется нордическому художнику, хотя нордическую суть можно было бы выразить еще более смело и мощно.

Нам надлежит среди господних бурь,
Поэтам, с непокрытой головой стоять
и молнии ловить своей рукой
И как небесный дар передавать народу в виде песен.
Ибо мы чисты сердцами, словно дети,
и невинны ладони наши,
Огонь Господень их обжечь не может.
В глубоком потрясении, сострадая
Господним мукам, все ж будет твердой вечная душа.

Нордическое искусство это всегда описание потрясения, испытанного при взгляде в глаза року, трагическое искусство. Формы его могут отличаться либо строгой ясностью, как у Хёлти или Гельдерлина, либо неумолимостью, как в исландских сагах, у Шекспира, Геббеля и Флобера.

Искусство Ганса Тома «выступает спокойно». Разумеется, Тома принадлежит к числу значительных явлений немецкой живописи. Многое он взял из наследия великих немецких художников – и у него наблюдается терпеливое заимствование форм, как у художников с восточной примесью. Но как «подлинно немецкого» Тома могут воспринимать лишь те, кому Геббель кажется «не-немецким», кто употребляет слово «немецкий» лишь как нечеткий собирательный термин, а не рассматривает Тома с расовой точки зрения как восточно-нордического по своей сути художника, который стремился быть немецким. Он действительно ориентировался на «подлинно немецкое» искусство, об этом свидетельствуют и его творения. Но столь же ясно, что они не могут восприниматься как «подлинно немецкие» теми, кого в истории немецкой духовной жизни считают достойными этого названия лишь те произведения, в которых отразился именно нордический дух. В работах Тома мы этого не видим.

Художники с восточной примесью часто либо угрюмы (таким был Готфрид Келлер в повседневной жизни), либо приятны и любезны, как Тома, либо проявляют и то, и другое качества вместе. Работа художника с восточной примесью обычно действует успокаивающе, умиротворяюще, работа нордического художника потрясает и стимулирует. Можно себе представить, как изобразил бы Тома сюжет известной гравюры Ретеля «Смерть как друг». Сам сюжет содержит в себе достаточно умиротворяющих моментов и картину легко можно сделать созерцательной – это будет желанным для восточной души. Но Ретель подал сюжет с такой нордической широтой и строгостью, что для созерцательности не остается места; с такой самодисциплиной восприятия, что сюжет больше потрясает, чем умиротворяет. Насколько далеки от потрясения работы Тома, как он даже сюжеты, которые могли бы быть потрясающими для нордического восприятия, делает успокаивающими и созерцательными, показывает его картина

«Влюбленная пара и смерть», которую можно сравнить с гравюрой Дюрера на ту же тему «Прогулка». У Дюрера неумолимость, у Тома – умиротворенность.

В книге «Расовая теория немецкого народа» я назвал характерной чертой души восточной расы «тепло узкого, замкнутого мирка». По картинам Тома можно видеть, как их создатель, в юношеских работах которого выражался нордический характер, потом все больше уходил от нордической широты в узкий, замкнутый мирок восточной души. С годами Тома становился все более восточным человеком, этот процесс можно проследить по его портретам. Восточное искусство любит изображать близкие вещи… и не случайно на картинах Тома часто бывает изображен даже внешне замкнутый мир: либо на них нарисована рама, либо обрамляющее окружение. Восточная душа, стремясь к самопознанию, окукливается: это показывает спокойная мистика Тома. Нордические творческие люди в своем стремлении к познанию стараются вырваться из самих себя.

Ретель и Геббель стремились к дальнему, Тома – к ближнему. Если наклонность к мистике сама по себе чаще встречается у людей с меньшим процентом нордической крови, то мистика Тома к тому же это спокойная, теплая мистика восточной души, а не суровая, холодная мистика нордической души, как у Майстера Экхарта, и не беспокойная, многопроблемная мистика Якоба Бёме. Тома и в словах, и на картинах проявляет восточную мистику окукливания, уюта, умиротворения, тогда как нордическая устремлена вдаль… Расслабленная, «солнечная» мечтательность восточного человека проявляется у Тома столь отчетливо и часто, что он может служить лучшим примером восточного по своей сути художника в современном немецком искусстве, поэтому о нем здесь так много говорится.

На больших картинах на темы нордических мифов образы и приключения из греческих и германских рассказов о богах и героях у Тома не потрясают, а делаются насколько это возможно уютными и интимными. Картины на мифические темы, представленные в художественной галерее в Карлсруэ, относятся к тем произведениям Тома, в которых наиболее четко воплощен художественный мир восточной души. По ним видно, насколько чужд Тома с его восточной расовой душой мифическим образам нордической души. Нордическое на этих картинах ослаблено, смягчено, утеплено, перенесено издалека поближе, потрясающее сделано утешительным, примиряющим, уютным.

В картинах Тома, изображающих рыцаря с драконом, выражена восточная душа, а в гравюре Дюрера «Рыцарь, смерть и Дьявол» и в скульптуре Донателло «Гаттамелата» герои изображены в нордическом духе. Статуя Коллеони работы Вероккио имеет в себе элемент позы, театральности, здесь нордическое смеша-

но с западным, а в статуе Шлютера «Великий курфюрст» – нордическое с динарским.

Склонность к восточной расслабленности проявляется и в том, что из пейзажей своей родины, Шварцвальда, он всегда выбирает для своих картин лишь те, на которые можно смотреть без напряжения...

… У Гете восточная наклонность к созерцательности и расслабленности больше проявлялась в повседневной жизни, в частности, в выборе любовниц, главным образом, из восточных христианок. Восточного происхождения была мать Гете. В творчестве Гете склонность к созерцательности всегда преобразовывалась нордической дисциплиной восприятия в ту «ясность», которую он сам так часто называл «классическим спокойствием» или «аполлонической сутью», что характерно для многих нордических художников, к чему стремился и Геббель в своей пьесе «Гиг и его кольцо». У Тома склонность к созерцательности не уравновешивается нордической дисциплиной восприятия… В содержании его работ восточная суть становилась все заметней, а у старого Тома она стала преобладающей. И в этом случае форма и содержание определяются расовым смешением. И та противоречивость, с которой Тома переделывал на восточный лад сюжеты нордических саг, объясняется расовым смешением… Эти противоречия сразу же обнаружит человек, в котором нет восточной примеси.

Этот анализ творчества Тома может (по расовым причинам) рассматриваться как низвержение его с пьедестала, потому что уклон от широты к узости, от потрясений к утешению, от строгости к расслабленности, от холода к теплу, что было описано как суть искусства Тома, для нашей нордической культуры может и должен считаться снижением от более ценного к менее ценному. Но восточная суть, когда она освобождается от нордического влияния и оценивает себя сама, может, наоборот, считать эту тенденцию позитивной.

Лицо нордического человека, когда он думает, отражает мысль, лицо восточного человека в эти моменты мечтательно. Среди восточных людей, даже с небольшой нордической примесью, встречаются т.н. «чудаки». Это либо мечтатели-резонеры, склонные к общению, либо замкнутые, погруженные в свои мысли мечтатели. К первой категории относился и Сократ. Художники с восточной примесью охотно изображают таких чудаков, при описании которых как раз и необходима «бесформенность». Примером этого служит Жан-Поль… Восточная мечтательность чувствуется также у Ганса Сакса, Шпитцвега, Ганса Тома, а если внимательней присмотреться – у Бетховена и Рембрандта. Нордическая мысль сквозит в известной прелюдии до-мажор Баха и знаменитой «Элегии, написанной на деревенском кладбище» Томаса Грея.

У Уланда и Мёрике, у которых физически превалирует нордический тип с восточной примесью, многие обнаруживают в отдельных стихотворениях несоответствие формы и содержания. Это обусловлено «чувством формы», которая отличала обоих названных поэтов (сказывалась нордическая наследственность). Они укладывали приятное или созерцательное восточное содержание в ухоженную, чистую, благородную форму и у них получается «слишком много формы»… И в данном случае анализ формы и содержания возможен только при учете расового смешения. Флобер в «Саламбо» и Мистраль в «Мирейо» тоже нашли правильные формы при описании ненордических форм духовной жизни, как ван Гог при изображении ненордических пейзажей Прованса.

Восточно-балтийская суть тоже выражается в отвержении формы. Однако следует учесть, что восточно-балтийская раса умеет каким-то образом оформлять свою бесформенность, превращать ее для себя в ценность. Восточно-балтийская раса сильнее всего представлена среди великороссов. В самом себе настоящий русский обычно любит то, что он называет «широкой натурой» (автор воспроизводит эти слова по-русски. Прим. пер.), беззаботный разгул, противопоставляемый «немецкой точности». Но эта пресловутая «немецкая точность» – нордически-восточная черта. Нордический человек точен, пунктуален, любит порядок и дисциплину, пока он может сочетать эти качества с широтой замысла. При восточной примеси точность превращается в педантизм, придирчивость и мелочность. Это подметили художники, которые обычно изображают учителей или бюрократов с нордически-восточными чертами. Восточно-балтийскую душу, равно как и физические признаки восточно-балтийской расы можно объяснить особенностями природы Восточной Европы, где в результате смешения близкородственных элементов образовалась эта раса. Простор равнинного ландшафта пробуждает в восточно-балтийской душе не устремление вдаль, издавна бывшее главной отличительной чертой нордического человека, а желание потеряться, раствориться, забыться, превратиться в ничто: это и есть «нигилизм». «Широкая натура» это свойство блуждающей, неопределенной расовой души, которая до последней возможности уклоняется от принятия каких-либо решений, предпочитает бесформенную ночь ясному дню и наслаждение покаянием – самодисциплине. Не случайно, что подобный нигилизм в немецкой духовной жизни – в примеси к преобладающей нордической сути – сильней всего проявляется у лиц смешанного нордическо-восточно-балтийского происхождения, таких как Шопенгауэр и Новалис («Гимны ночи»). И у «пессимиста» Эдуарда фон Гартмана можно подозревать наличие физических и духовных восточно-балтийских черт. Склонность Шопенгауэра к унижению женщины также свидетельствует о наличии у него ненордической примеси.

Это не значит, что подобные «пессимистические» черты и оценки женщин встречаются только у людей восточно-балтийского типа. Воззрения, возникаю-

щие из духовной сути одной расы охотно перенимаются до определенной степени людьми другой расы. Поэтому исследования наподобие нашего должны ограничиваться теми творческими людьми, произведения которых являются необходимым выражением их собственной духовной жизни. Чем меньше творческий дар, тем больше вероятность заимствования чужих форм выражения и чужого духа.

На просторе в том виде, в каком его ощущает восточно-балтийская душа, возможны блуждания души, которую «то к божеству в борьбе влечет, то к зверю», говоря словами немецкого поэта Демеля, в ком самом боролись нордическое и восточно-балтийское начала. Для восточно-балтийской сути и в искусстве характерно то копание в душе, которое иногда наблюдалось и у Демеля. Восточно-балтийская « бесформенность», обусловленная беспокойно-неудовлетворенными метаниями восточно-балтийской души и ее неспособностью к принятию решений, пробует, однако, придать бесформенному определенную форму. Это лучше всего выражается в русском романе и русской музыке. Эти попытки – боль и блеск восточно-балтийской души одновременно, если воспользоваться выражением Клейста. Есть особое польское определение состояния грусти и страстного желания «жаль», непереводимое на немецкий язык. В истории восточно-европейских народов с сильной примесью или преобладанием восточно-балтийской крови постоянно происходит так, что «формы» как в искусстве, так и в государственной жизни придаются извне и отвергаются изнутри. Это двойственное положение – судьба народов с преобладанием восточно-балтийской крови. Газетчики и «морфологи культуры» утверждают, будто эти народы принесут Европе «религиозное обновление». (Примечание. Против этих тезисов враждебно, неквалифицированно и с переднеазиатскими языковыми оборотами, но очень живо выступает автор, выпустивший в 1926, под псевдонимом «Сэр Галахад» книгу «Путеводитель для идиотов по русской литературе».) Восточно-балтийская душа всегда будет стремиться к «спасению», а под «спасением» она обычно понимает забвение всего, растворение всех форм и избавление от необходимости принимать решения. Народам с более сильной нордической примесью такая «идея спасения» не свойственна и не определяет формы их религии.

Даже в виде примеси к духовной сути других рас бесцельно блуждающая восточно-балтийская душа оказывает воздействие, как, например, в тяге к нереальному у художника Цвинчера, выражающейся не только в подборе красок, но и в выражениях лиц на портретах, или в бесцельной тоске и беспредметном воодушевлении, как на многих картинах Фидуса. Финский художник Галлен-Каллела, который считается создателем подлинно финского искусства, служит еще одним примером искусства с восточно-балтийским духовным влиянием. Его

картины сходны с картинами Фидуса. Те же влияния прослеживаются у норвежца Эдуарда Мунха в т.н. «молодежном стиле».

Композитор Хумпердинк, у которого внешне преобладают восточно-балтийские черты, в своей музыке этих черт не проявляет. Восточно-балтиец по внешности и по духу Лаубе (1806-89) по своему стилю похож на газетчика, который заимствует формы отовсюду… Пауль Шеербарт из Данцига (1863-1919), у которого тоже преобладали восточно-балтийские черты, наоборот, являет в своих книгах пример блуждающей нереальности, любезной для восточно-балтийской души. У Шеербарта наблюдается стремление к бесцельному блужданию в «космическом»… Один из героев Шеербарта выражает именно восточно-балтийское убеждение, когда говорит: «Именно сумятица – высшая радость жизни. Именно там, где нам не за кем больше следовать, начинается великое упоение… Наслаждение начинается там, где кончается ясность».

Литературоведы считают Шеербарта непосредственным предшественником экспрессионизма. А движущая сила экспрессионизма – переднеазиатская и восточно-балтийская душа.

5. Искусство, возникшее из нордической сути

Чего можно ожидать от рас, судя по их поведению, показывают взаимосвязи между расой и художественными формами. Великие творения, возникшие из нордической сути, не допускают раздельного анализа формы и содержания – или допускают, но для посторонних, главным образом, для искусствоведов переднеазиатской расы. В данном случае форма и содержание совпадают, так что сам вопрос о «форме и содержании» не имеет смысла. Гомер, греческие скульптуры эпохи расцвета греческого искусства, готические соборы (по крайней мере, к северу от Альп), произведения Данте, Баха, Альфиери, Гёльдерлина, Каспара-Давида Фридриха, Китса, Флобера, Ретеля, Мольтке, Геббеля и Дросте-Хюльсхофа – вот лишь немногие примеры нордического искусства у разных народов. Общая особенность великих творений нордического искусства – сильнейшая воля к прорыву в новые дали, обузданная холодной строгостью. Хороший пример – «Passacaglia C-moll» Баха. В этом его произведении нордическая строгость преобладает, но в увертюре к его «Страстям по Матфею» сочетаются оба вышеназванных качества, а хорал «О, агнец Божий», может быть, самый сильный пример нордической музыки. Когда Шекспир говорит, что поэт должен сочетать в себе страсть и рассудительность, а его Гамлет учит тому же актеров, он проявляет себя как нордический художник.

У Баха были и ненордические физические черты, но он чисто нордический художник. Бетховен стремился к чисто нордическим формам, но в его произведениях есть заметная ненордическая примесь, хотя он ближе подошел к нордической сути, нежели его физические черты приближались к нордическому типу. В произведениях Бетховена прорывается «темная» сила, часто настолько мощная, что она уже не может сдерживаться нордической строгостью. Можно сказать так: Бах был аристократом, а Бетховен стремился им быть. (Примечание. Бетховен хотел, чтобы «ван» в его фамилии считали за аристократическое «фон», хотя это не соответствовало действительности, и сердился, когда его притязания отказывались признавать. По убеждениям он был демократ-республиканец. Во время поездки Бетховена с Гете в Мариенбад проявилась расово обусловленная внешняя «бесформенность» Бетховена).

… Произведения Бетховена занимают «эксцентрическое» положение в кругу нордического искусства, но, большей частью, – внутри этого круга.

Самый нордический, хотя не самый великий немецкий поэт – Геббель; во французской литературе ему соответствует Флобер. Этого нормандца называли «настоящим викингом», и он сам однажды сказал о себе: «В глубине души я немец». Его великий роман «Мадам Бовари» – еще один пример сочетания нордической широты и строгости. Его описание гостей на свадьбе Бовари, их поведения выполнено в стиле исландских саг… Флобер проявлял даже чрезмерную сдержанность. Он запер свои чувства в клетку, как он сам признался в одном письме… Он вел отшельнический образ жизни в Руане…

Пример Флобера не должен наводить на мысль, будто в нордическом стиле только эпическое искусство, а лирика нордическому человеку чужда. Например, у шведов большой дар к стихотворной лирике. Пример нордической лирики – Гёльдерлин, во Франции – Ронсар, Дю Белле и Мюссе, в Англии – Спенсер, Шелли, Китс и Теннисон.

Какими бы глубокими и сильными не были чувства Гёльдерлина, он никогда не терял сдержанности, благородства. Этот светловолосый поэт производил сильное впечатление одним своим внешним видом. «Будто Аполлон прошел по залу», – вспоминает один из его друзей о встрече с ним… Гёльдерлин использовал трудные стихотворные формы греческой поэзии… Сугубо «германски» мыслящие литературоведы ставят его из-за этого вне «германского» искусства. Эти «ценители» не могут воспринимать стихи Гёльдерлина в отрыве от «классического образования», как свободные стихи, написанные именно в той форме, которая соответствовала переживаниям Гельдерлина, его духовному складу, и только «образованные люди» знают, что эта форма – греческого происхождения…

… Такие его поэмы как «Гиперион» показывают, что его любовь к древней Греции и нелюбовь к окружавшей его немецкой действительности были лишь ностальгией по самобытной немецкой культуре… «Будьте столь же благочестивы, как древние греки», – говорил он. Геракла, символ героического, он ставил рядом с Иисусом. Возможно, нордическое (осознаваемое им как греческое) бунтовало в нем против христианства в его восточном варианте, а помрачение разума было у него вызвано чувством вины перед древней Грецией, как символом правильной жизни…

… На переломе XIX-XX веков лирика стала развиваться в направлении, прямо противоположном нордическому. Она становится все более крикливой в выражении чувств (импрессионизм, экспрессионизм). В этом, как мне кажется, выражается душа переднеазиатской расы с ее самовозбуждением (в Европе это результат смешения с евреями) и душа восточно-балтийской расы, а также болезненная духовная жизнь других рас, живущих на Западе, которые могут до известной степени заимствовать формы у переднеазиатской и восточно-балтийской рас...

Нордическая сдержанность у Гёльдерлина доходила до робости. Нордический художник не может давать волю своим чувствам, какими бы сильными они ни были. У Бетховена и еще больше у Вагнера ненордическое влияние чувствуется особенно сильно, если сравнивать их музыку с музыкой Генделя и Глюка. Можно только представить себе, как Вагнер выразил бы тоску Орфея об Эвридике («Потерял я Эвридику»). Несомненно, со всем своим мастерством, но вряд ли с тем подлинно нордическим, благородным благоговением, в какое облек страдания Орфея Глюк. Гендель и Глюк – они тоже аристократы, а Бетховен только стремится стать аристократом. Им обоим свойственна благородная сдержанность, оба они, как люди чисто нордической сути, были бы оскорблены непосредственностью выражения необузданных чувств у Бетховена. Чем больше суть нордической души будет раскрываться для все более широких кругов немецкого народа, тем больше будет понятно, сколь многим мы обязаны нордической душе творчества Глюка. Глюка будут тогда больше почитать и любить, чем теперь.

Самый мощный немецкий поэт нордической сути – Фридрих Геббель (1813-1863). Это не самый великий немецкий поэт, но самый нордический. В его немецком языке богаче и сильней всего выразилась нордическая суть. Геббеля можно использовать как эталон: кому он чужд, у того не совсем нордическая душа. Геббель еще ближе, чем Флобер, к сказителям, создававшим саги. В его «Нибелунгах», «Ироде и Мариамне» есть места, которые могли бы стать частью исландской поэзии… Весь духовный мир нордической крови действует в драмах

Геббеля… Ненордическим людям Геббель кажется одновременно холодным и горячим, как детям снег, когда они берут его в руки…

Геббель не такой великий художник как Гете. Его слова не обладают такой звучностью, как у художников с динарской примесью, таких как Гете, Шиллер, Ламартин, Суинберн. Он не умел, как они, черпать вдохновение из настроения. Но именно люди динарской расы – «люди настроения». Нордическое настроение более суровое, у Геббеля это сказывается и на языке, который ненордические люди считают «чопорным», как и поведение нордических людей. Динарские люди считают, что у Геббеля «нет темперамента»…

… Геббель, не будучи величайшим немецким поэтом, допускал и художественные просчеты, доходящие до безвкусицы. Но нордический человек воспримет их, как Натали (в «Принце Хомбургском» Клейста) нарушение принцем дисциплины вследствие юношеской воинственности: «О, этот светловолосый, голубоглазый просчет!»

… То же самое можно сказать о Клейсте, но Клейст – неудачный пример. Расовая душа в нем была искажена болезненной предрасположенностью. Но и Клейст в «Михаэле Кольхаасе» и «Роберте Гюискаре» приближается к создателям саг.

… У Геббеля нордические люди выступают в произведениях нордического типа. То же самое можно сказать об основных образах «Илиады» (герой «Одиссеи» – нордически-передне-азиатская смесь. Когда он сидел, он был примерно одного роста с Менелаем, когда стоял – ниже Менелая. Его духовная суть свидетельствует о переднеазиатской примеси, как и его рост). Но нордические образы встречаются и при описании ненордической жизни, как у Флобера в «Саламбо». Здесь следует назвать и провансальские пейзажи чисто нордического ван Гога. Другой хороший пример – поэма «Мирейо» великого провансальца Мистраля, человека нордического типа. Мистраль описал жизнь провансальских крестьян и местные пейзажи с гомеровской серьезностью. О его взгляде на женщину можно сказать, как Райт говорит о Гомере («Феминизм в греческой литературе от Гомера до Аристотеля», Лондон, 1923), что это взгляд скандинавского типа. Если нордическая раса всегда была склонна к тому, чтобы возвышать, идеализировать женщину, то западная раса – к тому, чтобы видеть женщину такой, какова она есть, и при всей вызываемой ею любви и вожделении относиться к ней с недоверием. Там, где сильна примесь западной крови, это всегда проявляется в поэзии. (Примечание. Недоверие Стриндберга к женщине это недоверие человека нордически-восточно-балтийского происхождения, который всю жизнь метался между нордическим стремлением возвысить женщину и восточ-

но-балтийским самоуничижением. Стриндберг – самый яркий пример человека смешанной расы, в груди которого все время борются две души).

Не так обстоит дело с «Мирейо». Эту поэму можно назвать современным миннезангом, а Мистраля – наследником великих трубадуров его родины. В миннезанге, как и в «Мирейо», прослеживаются западные влияния, но великие миннезингеры переработали их в нордическом стиле. У трубадуров романоязычных народов тоже прослеживается смесь нордических и западных художественных форм, как у Мистраля. Его «Мирейо» – пример нордического творчества на провансальской почве, как «Vita nuova» Данте – на тосканской.

6. Западная душа и ее влияние на художественные образы

Примеры западных художественных форм нелегко выискать даже в истории народов, говорящих на романских языках.

Что прежде всего бросается в глаза незападному человеку в художественных формах западной расы? Нордический человек обычно не воспринимает «стиль» нордической расы в повседневной жизни и в искусстве как особую «форму», не осознает ее, зато цивилизация средиземноморских народов, а также Франции представляется ему «культурой формы». Обычно с этим связано и представление о «бессодержательной форме», о «чисто внешнем»…

Многие жители Центральной и особенно Восточной Европы любят хвастаться тем, что у них нет «внешних форм», зато больше «содержания». Они говорят о «доброй сердцевине в грубой оболочке», о «сердце», а не о «манерах». Это восточное отвержение формы, независимо от того, нордическая она или западная. Динарский человек воспринимает форму не так, он изменяет ее на свой манер.

В западном человеке людям других рас бросается в глаза «культура формы». Духовный мир западной расы (населения Ирландии, южной Англии и южной Франции, Испании, Италии, в меньшей степени – Греции) имеет форму, которая гораздо легче заимствуется, чем духовный мир нордической расы. Он в большей мере выражается в жестикуляции. Западную форму легче заимствовать еще и потому, что она больше коренится в разуме, а не в воле и восприятии, как у нордической расы.

Не только сходство ориентальной и западной рас облегчило французской цивилизации доступ в страны Восточного Средиземноморья. Знатоки этих стран уверяют, что их жителей привлекает французская «логика»… Западный и ориентальный дух не улавливают в творениях нордического духа определенную гибкость в сочетании с четкостью мысли. Нордический Альфиери казался его ита-

льянским соотечественникам темным и непонятным… Так западные и ориентальные люди часто воспринимают нордическое искусство. На их взгляд, в нем отсутствуют ясность, порядок, четкость, логика…

… Пример западного искусства – современный испанский художник Игнасио Сулоага. Его творчество – выражение западной души, которая воспринимает жизнь как спектакль. Персонажи на переднем плане картин Сулоаги позируют перед зрителями… Если в нордическом искусстве ландшафт связан с человеческими переживаниями, то в западном это кулисы на сцене. Поэтому и живопись Сулоаги часто отличается декоративностью. Западные люди считают только человека одушевленным существом, поэтому многих итальянцев удивляет, что иностранцы, путешествующие по Италии, так возмущаются местной привычкой мучить животных…

Можно сказать, что чем более одушевлен ландшафт, тем более нордическим является искусство… Для западного художника, в отличие от нордического, наибольшее напряжение существует не между ландшафтом и человеком, а между одним человеком и другим, а ландшафт – лишь фон…

… У Жерико и особенно у Делакруа западный дух выражается не только в выборе искрящихся красок, но и в выборе материала, напряженных, драматических моментов.

На английской цивилизации лежит столь сильный нордический отпечаток, что западная суть в ней проявляется не особенно четко. Примеры – Роберт Бернс и Томас Мур. Западное начало выражено в их творчестве сильно, но не в чистом виде…

Чисто формальные течения, такие как маньеризм в итальянской живописи, маринизм в итальянской, гонгоризм в испанской и эвфуизм в английской поэзии, всегда исходят из областей, где преобладает западная раса…

Хороший пример того, насколько художественные формы, возникшие из души одной расы, могут быть заимствованы художниками другой расы, – поэзия скальдов. В нордической поэзии различаются поэзия Эдды и поэзия скальдов. Первая считается чисто нордической, во второй звучат «наполовину чуждые нотки».

На поэзию скальдов повлияло заимствование форм из области, где в сильной степени представлена западная раса, – из Ирландии…

… Поэзия скальдов и германский животный орнамент всегда рассматривались как близко родственные явления…

… К представлениям чисто нордической цивилизации относится то, что слову не придаются те значение и важность, как в чисто западной цивилизации. Англичане находят в своей истории и цивилизации нечто «невысказанное», и в этом мы можем распознать нордическое начало в английской сути. Когда народ нордического происхождения придает значение слову, это признак прогрессирующей денордизации. Такое произошло с древними греками и римлянами… Не речи Цицерона образец чисто нордического оформления латинского языка, а «Записки о галльской войне» Цезаря… Чем западней народ, тем больше он возбуждается словами, тем больше его потребность в словах…

Любая поэзия, которую отличает сильная склонность к словесному искусству, развивается под западными влияниями, а иногда и под влияниями ориентальной расы. В поэзии народов этой расы (особенно арабов) часто господствует «чистая форма». Как в арабской музыке за звуковыми эффектами исчезает мелодия, так и арабская поэзия (особенно т.н. «макаме») имеет склонность к словесным изыскам, чему способствует чрезвычайное богатство арабского языка. Этот ориентальный дух повлиял и на испанскую архитектуру, особенно на ее декоративную форму. Для арабского искусства вообще характерна приверженность к традиции. Ориентальной расе присущ культ слова, буквальное воспроизведение старых пословиц и поговорок. «Так написано», – выражение ориентальной души. Для возникшего из нее ислама слово пророка священно. И когда Иисус противопоставляет написанному «А я говорю вам», это показывает, что ему по крови чужда душа ориентальной расы. Переднеазиатская раса противостоит «слову» ориентальной расы как раса, которой нравится сталкивать одно слово с другим. Переднеазиатской душе особенно близко «толкование» традиционных текстов…

Шпенглер очень метко назвал перевод Фауста «В начале было дело» вместо «В начале было слово» переводом «с магического на нордический». Фаусту нужно было вытеснить ориентальный «магический» дух нордическим.

Две расы придали западным цивилизациям «форму»: нордическая и западная. Это сказывается и в устройстве парков. Здесь различаются два стиля: «природный», нордический, и «архитектурный», западный. В первом случае создатель парка смотрит на него глазами художника, во втором – глазами архитектора. Бодлер совершенно не по-нордически ненавидел в парках именно «натуральность», «неподвижную растительность» и мечтал о парках из камней и металлов. Такие представления были и у древних египтян, смеси хамитов, западной расы и негров…

Парки, создаваемые западной расой, – искусственные творения расы, которая во всем следует рассудку… «Английский парк» – возрождение нордического парка.

7. Динарские художественные формы

Хотя трудно выделить чисто динарские формы на примерах известных произведений искусства, нетрудно указать на динарские отклонения от «формы». Когда примешивается динарская кровь, в форму всегда привносится нечто приподнятое… Этот способ выражения может возвыситься до пророческого. Примеры этого – нордически-динарские Платон, Шиллер, Вагнер и Ницше, а в Италии – Савонарола и Верди, а может быть и Паганини. Шиллер и Ницше часто показывают своим «возвышенным» языком, что им не всегда свойственно чувство действительности, характерное для нордической расы. У них у обоих меньше сдержанности и больше воодушевления, чем у чисто нордических художников. Нордическую дистанцированность Ницше возвел в «пафос дистанции». Нордическая раса не патетична.

«Патетическим» давно уже называют стиль барокко. Воздействие динарской сути отклоняет нордический стиль в том же направлении, в каком барокко отклоняется от Ренессанса. Динарская душа всегда делает форму надутой, драпированной, «барочной». Динарская душа «темпераментна». В искусстве это выражается в излишествах стиля, как у Вагнера. Лангбен в книге «Рембрандт как воспитатель» (1890) говорит о «заоблачном духе» швабов, указывая тем самым на духовную суть нордически-динарской смеси, которая особенно часто встречается именно в Швабии. Она проявилась в Шиллере и Гегеле…

… На немецкой почве больше всего примеров дают Бавария и Австрия…

… Динарская раса больше тяготеет к слову, тогда как нордической свойственно чувство невысказанного… Динарцы находят особенно много слов для выражения любви и ненависти. Наречия Юго-Восточной Германии особенно богаты речевыми оборотами. Можно сказать, что «баварский» диалект (в Баварии и Австрии) уже обуславливает наклонность к барокко, это барочный вариант немецкого языка. Язык поэтов, пишущих на этом диалекте, также относится к нордическому, нижнесаксонскому диалекту поэта Клауса Грота как барокко к готике.

Языкотворческие способности динарской души проявляются в высшей степени в богатстве и блеске языковых оборотов Шиллера и Ницше. Блестящему стилю этих авторов противостоит сжатый, нордический стиль Юлия Цезаря, исландских саг, «Эдды», Геббеля и Флобера…

… Я осмелюсь высказать предположение, что барокко по своему происхождению – динарское явление, нордически-динарское отклонение как от итальянско-нордического Ренессанса, так и от германско-нордической готики. Барокко это энергичный, сочный динарский «темперамент», выражение жизнерадостности динарской души, ее любви к богато декорированным зрелищам, сильным выражениям и здоровой сексуальности. Барокко чувственно, как динарский человек. Ни барокко, ни динарская душа не проявляют той сдержанности сексуальных инстинктов, какая характерна для «классического» искусства и нордической души.

Там, где «классическое» искусство стремится убеждать, барокко берет внезапностью, изобилием форм. «Классическое искусство это твердое спокойствие нордической души, барокко – динарское радостное возбуждение, разнузданность чувств.

Барокко «дионисично», как динарская душа. В тирольских «Йодлях» есть нечто дионисическое. Это распевы немецких племен динарской расы, их музыкальная «линия» – барочна. Если Диониса можно себе представить как динарско-нордического или переднеазиатски-нордического бога, то Аполлон – бог чисто нордический. Динарская раса отличается музыкальной одаренностью… не зря Ницше видел в музыке «дионисическое» начало…

В живописи эпохи барокко исключением был северный француз Пуссен. Такая же нордическая сдержанность и холодность характерна и для многих произведений голландского барокко… В немецкой архитектуре примером того же может служить церковь Фрауэнкирхе в Дрездене, творение Георга Бэра…

… Барокко ни в коем случае не «трезвое» и даже не «профессиональное» искусство. Там, где нордическое искусство хочет убедить, барокко стремится перекричать. Для этого используется богатый набор средств выражения, которые нагромождаются одно на другое. Переход от «классического» искусства к искусству барокко в XVI веке можно связать с притоком динарской крови в нордическое искусство…

… Миланский собор это готика, а готика – нордический стиль. Но в данном случае мы имеем дело с наполовину понятой готикой. Можно сказать, что западная душа отклонила нордические формы в направлении, которое с нордической точки зрения кажется «пустой формой»…

… Стиль барокко особенно развился в области от Рима до Центральной Германии, т.е. там, где динарская раса либо преобладает, либо представлена в зна-

чительной степени. Сюда относятся Швейцария, Южная Германия, Австрия и Чехия…

… Изобразительное искусство греков стремилось к «идеализации», что для искусства народов нордического происхождения всегда означает приближение к идеальному образу нордической расы…

… Экспрессионисты особенно ценят Греко. Но критянин Теотокопули по прозвищу «Эль Греко» – особенно хороший пример искусства переднеазиатской души с ее самонакачкой.

8. Творения и влияния переднеазиатской души

Переднеазиатская раса физически близка к динарской; сходны они и по психическому складу. Это не столько заметно в повседневном поведении, сколько в духовном творчестве при смешении нордической крови с динарской и переднеазиатской. Есть творения, которые можно назвать нордически-переднеазиатскими. Они возникли в занятой нордическими племенами Передней Азии. «Барокко» эллинистического искусства это переднеазиатское отклонение от нордической формы, а западное барокко – динарское отклонение от нее. У Скопаса, грека с острова Парос, впервые появляются «страсть и пафос», новые тона, которых не знал Пракситель, но которые стали сильней звучать в эллинизме. Но эллинизм, с точки зрения расовой теории, это цивилизация, в которой становилось все меньше нордических черт и все больше переднеазиатских. Пример – гробница Мавзола в Галикарнасе. Центры эллинистической цивилизации находились в областях с сильной переднеазиатской примесью – в египетской Александрии, сирийской Антиохии и малоазиатском Пергаме. Алтарь Зевса в Пергаме, созданный около 170 г. до н.э. – один из самых ярких примеров эллинистического «барокко» с типичными для переднеазиатской души деформациями нордических художественных форм. Для эллинистического искусства типичны также наклонность к сладострастию, бесстыдный показ любовных сцен. Эти черты всегда связаны с проникновением в цивилизацию переднеазиатского духа. Для своего выражения эти черты нуждаются в ином художественном оформлении, что нам и показывает история эллинистического искусства. Переднеазиат уходит в свои переживания, он наполовину движим ими, наполовину сам их стимулирует, как актер. Эта черта сказывается уже в культе Диониса у поздних греков и в буйных всплесках радости на празднике Св. Лазаря (бывшем празднике Адониса) у современных греков. Сильнее всего эта черта проявляется там, где преобладает переднеазиатская раса, например, в оплакивании мертвых у армян с вырыванием волос и биением себя в грудь. Существование в Армении профессиональных плакальщиц указывает на переднеазиат-

скую душу, на способность «заводить» самих себя. В индийской религии Кришны, в исламской мистике, в танцах дервишей, в искусстве Греко, в проповедях Лойолы, во многих картинах экспрессионистов переднеазиатская суть столь же ощутима, как у еврейских актеров, адвокатов, ораторов и проповедников.

Для переднеазиатской расы характерны актерство и музыкальность, менее развитые у ориентальной расы. Чувство собственного достоинства ориентальной расы, ее серьезность, иногда прорываемая вспышками страсти, чужды актерству и не поддаются влиянию музыки. Нет драматургии на семитских языках, музыку арабы заимствовали у персов. Как в европейском барокко проявляется актерско-музыкальная динарская расовая душа, так в эллинистическом искусстве – такая же передне-азиатская. Динарским «Страстям Господним» предшествовали переднеазиатские, персидские игры «тазийе», которые ежегодно проводились в память страданий и смерти Хуссейна, сына Али. Сюда же относятся и испанские пасхальные игры. Персидские «тазийе», похоже, были продолжением поздне-эллинистических мистерий, возникших из переднеазиатской души, а не из нордической. Нордическая душа ясней всего выразилась в культе Аполлона («Парсифаль» Вагнера тоже относится к «страстным действам» – сказалась динарская кровь композитора).

Европейское барокко Хаузенштейн называл «вечно азиатским», но его книга «О духе барокко» сама являет собой пример переднеазиатского самовозбуждения. Язык этой книги можно назвать переднеазиатским немецким… И динарская, и переднеазиатская душа вызывают в нордическом искусстве уклон в сторону «барокко».

Сходство динарской и переднеазиатской рас сказывается и в других чертах. От смешения с ними нордической крови рождаются великие провозвестники. Шиллер и Ницше в чем-то соответствуют Заратустре, Будде и Иисусу. О расовой принадлежности трех последних можно лишь строить предположения, но в маздеизме и христианстве, равно как и в буддизме, прослеживается нордически-переднеазиатский дух. Возможно, основатели этих религий были таких же смешанных кровей.

Смешанное происхождение Иисуса связано с расовым составом населения Галилеи того времени. Галилеяне, известные своей любовью к свободе и отвагой, были (как сегодня друзы) смешанным народом с переднеазиатскими, ориентальными, нордическими, а возможно и с западными компонентами. Нордическую кровь привнесли аморити и верхний слой хеттов. Евреи (иудеи) никогда не были в Галилее многочисленны. Маккавеи в 165 г. до н. вытеснили даже их из Галилеи. Галилеяне не могли выговаривать некоторые еврейские звуки. Евреи всегда считали Галилею «заграницей» и даже называли Иисуса-

галилеянина «самарянином» (Иоанн, 8, 48), что для них означало «чужак». Чуждым для них осталось и его учение. Все это указывает на расовые различия между галилеянами и иудеями. Точнее, это были разные расовые смеси. Духовные различия обусловили отклонение учения Иисуса иудеями: «Должно было быть в этой религии что-то, близкое свободному греческому духу», – говорит Гарнак, указывая тем самым на нордическую составляющую в христианстве. Для Иисуса и Будды было свойственно устремление ввысь, как до них Заратустре, а позже – великим нордически-динарским личностям. В наши дни нордически-переднеазиатский султан друзов Атраш, герой и святой одновременно, почитаемый не только своим народом, пример того, что может дать смесь этих кровей.

Примечательно, что именно в том поясе стран, где смешивались нордическая и переднеазиатская кровь, возникли великие религии. Гунтер Ипсен справедливо называет Юго-Восточную Европу и Западную Азию, область, где возникли сначала маздеизм, потом буддизм, потом еврейские пророчества, потом христианство и, наконец, ислам, порождение, главным образом, души ориентальной расы, а также мистерии позднего эллинизма, очагом «пророческого движения».

… Нордическая суть сильнее всего выражена в маздеизме. Переднеазиатский дух выражался в чувстве греховности, предчувствии конца света, жажде таинств, стремлении к духовной власти над общинами, но, прежде всего, в прозелитизме.

Нордический человек не станет проповедником. Его вера слишком уединенна, сдержанна, молчалива и проникнута благоговением. Примечательно, что индоевропейским народам в древние времена (когда в них сильней всего проявлялась нордическая кровь) была совершенно чужда мысль о проповеди своей веры другим народам… Проповедь среди «неверующих», идея «мировой религии», «идите и научите все народы» – все это проявления переднеазиатской души, впервые наблюдаемые в маздеизме. От проповедника требуется рвение, которое нордический человек воспринимает как чрезмерное, даже как бесстыдство. Проповеднику свойственно влезать в чужую душу, собирать вокруг себя учеников, переднеазиатской «пафос общины» – противоположность «пафосу дистанции» Ницше (нордически-динарский тип).

Когда задатки переднеазиатской души соединяются с нордической творческой силой и нордическим героизмом, появляются великие провозвестники. Самый нордический из них – Заратустра. Современному Востоку не хватает нордического влияния (исключения – Атраш, Кемаль-паша). Нордически-переднеазиатским можно назвать свойство великих восточных религий смотреть на весь мир как на божественную игру, в которой участвует и человек, рисовать

«порядок спасения», в котором Бог, Дьявол, спасители и человек играют свои роли для достижения конечной цели. Есть формы верований, в которых нордическое чувство трагического рока сочетается с переднеазиатским влезанием в духовные процессы, что свойственно Ордену иезуитов, основанному переднеазиатом Лойолой, а также с переднеазиатской возбудимостью актерской игрой – эти две «барочные» черты переднеазиатской души соответствуют барочным чертам динарской души. Великие спектакли божественного мирового порядка – сотворение мира, борьба добра и зла, грехопадение, спасение и страшный суд – описаны с такой образностью, что для этого переднеазиатской душе нужна была нордическая творческая сила в виде материала, чтобы могла возникнуть великие восточные религии. Такую же образность и напряженность привносит и динарская душа. Не случайно «страстные действа» встречаются именно в тех областях Германии, где преобладает динарская раса. Это тоже «барочная» черта…

Маздеизм создал весь тот запас образов, которые потом развивали иудаизм, христианство, эллинистический гносис и ислам, каждый на свой манер. Маздеизм дал и первый пример сознательно выстроенной «теологии», сознательного распространения своей веры и уверенности в ее правильности. В сочетании с представлениями души ориентальной расы это рождало нетерпение и обязанность сказать «слово». Ориентальная душа придала нордически-переднеазиатским верованиям убежденность в их единственной спасительности. Это видно в исламе. Ориентальная душа сообщала им также представление об участии в защите небесного с помощью ритуалов жертвоприношения и магии. Наоборот, представление о космическом спектакле чуждо ориентальной душе, о чем свидетельствует исламская поэзия. Так что нордически-переднеазиатские стимулы оказали слабое воздействие на ислам.

Чисто нордический проповедник веры немыслим (Р. Штейнер – не нордического типа, а смешанного с переднеазиатским или динарским). Нордическое отстраненное одиночество («индивидуализм»), чисто нордическая радость дистанции между людьми (древние германцы селились отдельными дворами, как в наше время шведы и норвежцы) исключают какое-либо проповедничество. Нордически-динарские типы, такие как Платон, Шиллер или Ницше, имели склонность к проповедничеству, но она у них постоянно обуздывалась нордическим сознанием того, что чем больше учеников, тем меньше учителей. Высшие моменты, которые переживает нордический человек, это моменты, когда он глядит в глаза «могущественной судьбе, которая возвышает человека, размалывая его» (Шиллер, «Тень Шекспира»). А высшие моменты, которые переживает чисто переднеазиатский человек, это наслаждение от власти над созданною им общиной.

Чисто переднеазиатским проповедником был Игнатий Лойола. Его «Духовные упражнения» – это инструкции, как накачивать самого себя. Переднеазиатскую тенденцию у Лойолы усиливал его помощник Поланко, еврей-католик. Среди первых вождей Ордена иезуитов было много переднеазиатов – Диего Лайнес, Педро Фабро, Паскасио Брут, Клаудио Хайо, Николас де Бобадилья. Они воспитали целую школу ревнителей веры, фанатиков, умевших находить поддающихся их воздействию людей. Власть над общиной – высшее наслаждение таких переднеазиатов, как Лойола. Шотландский вероучитель Джон Нокс тоже был фанатиком типа Лойолы. В его лице видны переднеазиатско-нордические черты. Сильный переднеазиатский отпечаток заметен на портретах Уильяма Бута (еврей?), основателя армии спасения. Ему, как и Лойоле, было свойственно стремление к непрерывному распространению своей веры – чисто переднеазиатская черта.

Ревнителем веры можно назвать и переднеазиата Сен-Симона. Для этого утопического социалиста социализм был «новым христианством». Для распространения своей веры он планировал создать Академию социальных наук и Энциклопедию. Средства для этого он пытался получить от спекуляций национализированным в результате Французской революции имуществом Но деньги разворовали его ученики. В последние годы его поддерживал еврейский банкир Олиндес Родригес. Сен-Симон умер в нужде, но его ученики продолжили проповедь «сен-симонизма», учения, которое благодаря заложенной в ней переднеазиатской душе быстро развилось в социалистический радикализм и мистицизм. Один из его учеников, бывший коммивояжер и банковский служащий Проспер Анфантен кончил тем, что объявил себя Мессией и Царем народов, провозгласил свободную любовь и «раскрепощение плоти».

Новый Мессия, выдвинутый теософскими кругами, индус Кришнамурти тоже имеет преобладающие переднеазиатские черты и похож на еврея-сефарда.

У нордически-динарского Кальвина можно найти те же черты в несколько ослабленном виде, но Кальвин ближе к нордическому типу. У Лютера не было переднеазиатской или нордически-динарской склонности к проповедничеству. Не было у него и воли к власти над общиной, как у Кальвина, не было и черт фанатика, агитатора, как у Павла, Лойолы, Бута и того же Кальвина. Для его религиозной жизни не была характерна самонакачка. Но Лютер, поскольку в нем была воплощена нордическая душа, не может служить примером нордического вероучителя. Чисто нордического вероучителя, как уже говорилось, не может быть. За такового можно считать датчанина Кьеркегора, а направление, занятое поисками «нордического христианства», может видеть в нем, несмотря на его душевную болезнь, наиболее значительную фигуру.

У Кьеркегора (как и у Клейста) расовая душа искажена болезнью. Тем не менее у Кьеркегора проявляются характерные черты нордической религиозности, поскольку у него речь идет о «личности и ее Боге», а не об исторических фактах, не о спасении, не о следовании заповедям. Вообще невозможно предположить, чтобы Кьеркегор занялся проповедью веры или управлял общиной. Он говорил только об отношении к прекрасному, доброму, истинному, святому, о возможных противоречиях между ними и о страхе перед выбором, когда приходится принимать индивидуальное решение. Таким образом, Кьеркегор идет к Богу путем, совершенно противоположным переднеазиатскому (например, исламской мистике). Там, где переднеазиат (это термин расовой теории, а не этнографии) хочет стать святым, нордический человек уходит в себя, пока не окажется один на один с Богом и не проверит себя и его в этом противостоянии. Он либо будет потрясен своей условностью перед лицом божественной безусловности, либо обретет покой в сопричастности к Богу.

Религиозность Кьеркегора называют «религиозным индивидуализмом», а идеи его последнего периода жизни – «христианским индивидуализмом». Весьма сомнительно, чтобы чисто нордический человек мог вести себя по отношению к священному иначе, нежели как отдельная личность. Нордическая религиозность Майстера Экхарта, если сделать из нее последовательные выводы, исключает существование какой бы то ни было церкви, равно как и религиозность Кьеркегора. Нордический человек только выясняет отношения личности к Богу, для него существует столько же особых отношений к Богу, сколько личностей. Есть индийский рассказ о буддийском мудреце, который помог одному брахману разобраться в отношениях человека к священному с помощью брахманского учения. Этому мудрецу и в голову не пришло «обратить» брахмана в буддизм. Это подлинно нордическая черта. В пьесе Клейста «Роберт Гюискар» один норманн говорит другим, смущенным одним его заявлением: «Я предоставляю вам самим подумать об этом». Это чисто нордическая фраза, каких много у Клейста. Это единственная линия поведения, возможная для нордического проповедника, единственный аргумент, который действует на нордического человека, невосприимчивого к влияниям, крикам рыночных зазывал и подстрекательству, для которого столь же характерна отмеченная Рипли («Расы Европы», 1900) «крутая независимость», как для ненордических рас Европы – падкость на всякого рода рекламу. Чем меньше в народе нордической крови, тем больше он восприимчив к «агитации». Об этом свидетельствует поздняя история Греции и Рима.

Девиз «Я предоставляю вам самим подумать об этом» никогда не даст власти над общинами, если эти общины состоят не из чисто нордических людей. Поэтому все западные церкви зиждутся на переднеазиатском или ориентальном духе. Там, где речь идет не о чисто нордических людях, там вера становится

делом фанатиков, там начинаются обращения, культ Писания и т.п. Для нордической личности и ее Бога места не остается…

… Создание церкви, идея, близкая Кальвину, чуждая Лютеру и противоречащая истинной религиозности, по Кьеркегору, может тем не менее понадобиться и для чисто нордической веры, если ей нужно защитить себя от других верований. Но создание церкви возможно лишь при наличии достаточного количества переднеазиатской крови, достаточного числа фанатиков, «прирожденных» руководителей церкви, одержимых волей к власти над общинами как Лойола. Можно сказать, что нордическая раса столь же пригодна для создания государства и руководства им, как переднеазиатская раса – для создания церкви и руководства ею. Там, где церковь достигает достаточной светской власти, к руководству ею тянутся как нордические, так и переднеазиатские люди. В истории средневекового папства есть ряд нордических фигур…

… Описанная Ольденбергом («Ведическая религия», 1917) «семитская амальгама святости и борделя» – типично переднеазиатская черта, возможная только у семитских народов, у которых на первоначальную ориентальную основу наложились переднеазиатские влияния. Храмовая проституция чужда нордическим народам, но близка переднеазиатским. Формы почитания Иштар в Вавилоне, Анахиты у поздних персов, Афродиты у поздних греков, Кибелы в эпоху эллинизма это формы переднеазиатской религиозности. Хафиз и другие персидские поэты выразили в стихах чувственно-сверхчувственные воспарения, а динарская кровь в жилах Гете подвигла его на создание «Западно-восточного дивана». У Хафиза невозможно различить, воспеваются ли в стихе сексуальные наслаждения и упоение вином или это лишь символы священного экстаза. «Пир» Платона и «Диван» Гете показывает, что такое соскальзывание в чувственно-сверхчувственное возможно и при нордически-динарской смеси и как раз характерно для барокко. Пример – «Экстаз Святой Терезы» Бернини.

Балансировать в такой пограничной зоне, как храмовая проституция или поэзия Хафиза, могут только высшие из переднеазиатов. Народы этой расы скатываются к сугубо чувственному или наоборот, к подавлению чувственного, к аскезе… Аскеза, монашество и унижение женщин пришли из Передней Азии и Египта и настолько основательно внедрились в переднеазиатское христианство, что на Маконском соборе в конце VII века один епископ всерьез поднимал вопрос, можно ли считать женщину человеком. В то же время Оксеррский собор запретил женщинам брать причастие голыми руками, чтобы не осквернить его. Это вполне в переднеазиатском духе… Ориентальная раса, как и нордическая первоначально глубоко уважала женщину. Это было характерно для ориентальных арабов до Мохаммеда и для самого Мохаммеда. Только когда арабы смешались с переднеазиатами, и в исламе фанатики стали развивать теории о греховности

всякой плоти и особенно женской сути, об умерщвлении плоти и женщине лишь как об источнике соблазна. В итоге миру ислама там, где он не подвергся другим расовым влияниям (как в суфизме), остался лишь выбор между подавлением чувств, с одной стороны, и необузданной чувственностью, с другой.

Два представления о божественной сути характерны для переднеазиатской души: боги и богини плодородия и спасители, искупители грехов, судьи мира… От шумеров и вавилонян до фригийцев и фракийцев мы имеем множество свидетельств о возникшем из переднеазиатской души культе плодородия. Волна таких верований докатилась и до древнегерманского Севера. Ваны германских верований это преобразованные в нордическом духе боги переднеазиатского происхождения. Только азы – чисто нордические боги. Ваны это боги земли, плодородия, мира, богатства и счастья, всего, что обожествляет переднеазиатская душа. К ванам относятся Нертус-Ньорд, Фригг, богиня – воплощение сладострастия, Фрейя, Неккель, Фулла, Гефион, Идун, Бальдер и Нанна. Насколько сильным было переднеазиатское влияние, видно из того, что культ Фрейи на скандинавском Севере сопровождался песнями, неприличными для нордического слуха.

Ван Бальдер – один из многочисленных спасителей переднеазиатского мира, образ, чуждый нордическому духу. Культ его и других ванов, проникший на германский Север из Юго-Восточной Европы, облегчил позже принятие христианства. И сегодня предпринимаются попытки доказать, что христианство и германство сходны по сути, исходя из образа Бальдура. Но чисто германскую, чисто нордическую суть следует искать только в азах. К этой сути гораздо ближе древнеиндийские боги Индра, Агни, Сома и Варуна, чем позднеиндийские Вишну и Шива, древнеперсидский Ахура-Мазда, чем позднеперсидский Митра, а у греков Аполлон гораздо ближе к ней, чем Дионис.

… Подведем итоги. Были выявлены взаимосвязи между расовыми душами и художественными формами, а также формами жизни, которые прослеживали уже Гобино в своем «Очерке о неравенстве человеческих рас» и Х.С. Чемберлен в «Основах XIX столетия». Пользуясь методами феноменологической философии, эти взаимосвязи исследовал Л.Ф. Клаусс в своих работах «Нордическая душа» (1923) и «Раса и душа» (1926). С исторической точки зрения рассмотрел эту проблему Эрбт в своей книге «Мировая история на расовой основе» (1925)…

Оскар Уайльд написал однажды (в «De profundis»): «Для художника экспрессия это вообще единственный способ понять мир». Исследование расовых душ в их воздействии на духовную историю и цивилизацию требует исторического подхода и способности к описанному Уайльдом художественному пониманию мира, а также знания физической и духовной сути рас, взаимодействующих в рамках

конкретной цивилизации. Такое исследование цивилизаций на основе расовой теории только сегодня становится возможным. Изучение рас не должно ограничиваться только физическими признаками, нужно выявить и духовную суть отдельных человеческих рас…

Исследование цивилизаций на основе расовой теории поможет мыслящим представителям отдельных народов понять, какое направление развития расовой души ведет к величию, а какое – к распаду народа.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НОРДИЧЕСКОГО ТИПА

5-е издание. 1943. Лейпциг-Берлин

«Свобода это когда ты можешь жить, как любо отважному сердцу; когда ты можешь жить по обычаям и законам твоих отцов; когда ты счастлив тем, чем были счастливы твои праотцы».

Э. М. Арндт. Катехизис немецкого воина. 1813.

Я хотел бы изложить несколько мыслей о религиозности индогерманцев, т.е. народов, говорящих на индогерманских языках, происходящих от одного ядра эпохи бронзового века, слой государственных и духовных руководителей которых принадлежал, в основном, к нордической расе. Точно так же, как сравнивая языки индийцев, персов, саков, армян, славян, балтов, греков, италийцев, кельтов и германцев, мы можем вывести их от общего индогерманского или праиндогерманского языка позднего неолита, так из предписаний и обычаев отдельных индогерманских народов мы можем сделать выводы о праиндогерманском понимании права, а сравнивая формы верований этих народов вывести из индогерманской сути особый тип религиозности, т.е. особый тип поведения индогерманских народов и отдельных лиц, к ним принадлежащих, по отношению к божественным силам.

Основные черты религии, первоначально свойственные всем народам, говорящим на индогерманских языках, дают в совокупности особую религиозность индогерманского типа, но одновременно – поскольку первоначально все индогерманские народы по-разному выражали дух нордической расы – особую религиозность, исходящую из нордической сути, из духовной сути нордической расы.

Мы должны быть рады, что, познавая нордическую по своей сути религиозность, обращаемся не только к формам верований германцев, о которых мы, к сожалению, имеем очень мало документальных свидетельств, притом относя-

щихся к тому времени, когда германские формы верований были уже более или менее смешаны с представлениями из мира верований Передней Азии, средиземноморских стран и кельтской Западной Европы, той кельтской Западной Европы, которая под влиянием друидов уже далеко отошла от индогерманской религиозности чисто нордического типа. Сколь многое в германском боге Одине (Водан, Вуотан) представляется нам не индогерманским и не характерно германским! Один со своей «смесью возвышенности и обмана» это не индогерманский и не германский образцовый бог, а его почитание не характеризуется чертами индогерманской и исконно германской религии. В этом боге есть нечто чужое, не нордическое.

Мы должны радоваться, когда обнаруживаем в формах верований других индогерманских народов черты, которые во многих деталях позволяют нам глубже проникнуть в суть первоначальной индогерманской религиозности. Особенно в верованиях древних индийцев, персов и эллинов можно обнаружить индогерманскую суть, которая необходима нам, чтобы мы могли получить достаточное представление о сути индогерманской религиозности. Только все эти формы верований – не забудем и италиков – вместе с германскими формами верований дадут нам более четкую картину нордической, индогерманской религии.

Я попытаюсь описать эту картину словесно в отдельных чертах. К сожалению, мои познания в этой области ограничены, я не религиовед, но я хочу из всех известных нам форм верований индогерманских народов вычленить их первоначальное ядро в самом чистом и самом богатом выражении. Таким образом, я не собираюсь отыскивать в этих верованиях т.н. «примитивные» черты и определять, можно ли вывести то или иное «более высокое» представление из «низшей» палеолитической магии или мезолитического анимизма. Я хочу показать высоты индогерманской религии в самых совершенных и характерных, самых чистых и богатых формах ее выражения, т.е. в самом свободном варианте ее развития, в котором еще с максимально возможной чистотой выражалась ее исконно индогерманская, т.е. согласно расовой теории нордическая суть. Когда я говорю о самом чистом выражении, я не имею в виду эпоху беспорядочного обилия разнообразных верований, когда у индогерманских народов к исконно нордическому примешалось чуждое, причем так, что его уже нельзя было отделить. Я полагаю, что чисто индогерманское в религиозной жизни получило у отдельных индогерманских племен богатое развитие уже в бронзовом веке, что путь к высотам индогерманской религиозности был проложен уже тогда. Затем последовали несколько столетий, примерно тысяча лет, и, по мере уменьшения доли нордической расы, чужеродный дух пронизал первоначальные верования индогерманцев, так что они перестали быть чистыми и остались примерно наполовину индогерманскими.

Я попытаюсь описать индогерманскую религию в ее богатом, но и максимально чистом выражении. По сути своей индогерманскую религиозность в ее чистом выражении можно проследить, например, в Элладе от Гомера до Пиндара и Эсхила, в эллинской поэзии того времени, строго говоря, только до Пиндара, т.е. до V века до н.э. Но и позже, особенно у Софокла и во многом образумившегося Платона снова преобладает индогерманская религиозность, но уже как религиозность отдельных людей, а не целого круга лучших представителей своего народа.

Так что я попытаюсь описать как религиозность индогерманцев лишь исконно индогерманскую составляющую верований, а не религиозность вообще, сохранившуюся у этих народов в языке, в искусстве, в повседневной жизни. Если мы будем называть индогерманской религиозностью все, что выражалось во все времена истории индогерманцев в их религиозной жизни, мы обнаружим почти все черты, которые можно найти у всех народов Земли, в том числе и у индогерманцев. Поэтому будет легко для тех форм выражения религиозности, которые я буду ниже описывать как не индогерманские, приводить примеры из религиозной жизни индогерманских народов, особенно в новое время, в эпоху денордизации, как называет ее расовая теория. То же, что я называю индогерманской религиозностью это всегда религиозность тех эпох истории индогерманских народов, когда душа нордической расы еще могла выражать себя достаточно мощно.

Я не хотел бы также относить к индогерманским верованиям все, что известно у отдельных индогерманских народов в форме магических верований или веры в духов. Все эти народы и племена были расово многослойными, причем слой государственных и духовных руководителей состоял из отборных родов, главным образом, нордической расы. Поэтому, вероятно, многое, что преподносится нам как индогерманские верования, в действительности является выражением религиозности низших слоев, усвоивших язык господ – индогерманцев. Говорят о «низшей мифологии» разных народов, но у тех же народов можно найти и черты «высшей мифологии». Часто бывает так, что низшая мифология не имеет ничего общего с высшей, одна из них принадлежит подчиненному слою, другая – руководящему слою данного народа.

В соответствии с происхождением индогерманских народов из высших слоев крестьянской аристократии патриархальных индогерманцев преимущественно нордической расы, подчинивших себе не нордическое население, корни индогерманской религиозности можно искать только в верованиях высших слоев. Это сказывается и в том, что индогерманская религиозность всегда непосредственно связана с убеждением в ценности происхождения, в неизменности

наследственной сути людей и в том, что знатное происхождение обязывает – как у Пиндара с его воистину эллинской религиозностью.

Поэтому, изучая религиозную историю всех индогерманских народов, следует выделять верхний слой традиционных верований, если мы хотим узнать суть исконно индогерманской религиозности. Поэтому, например, описание «праиндогерманской религии» в «Религиозной истории Европы» Клемена (том I, 1926) не может дать почти ничего для понимания индогерманской религиозности. Нельзя без оговорок использовать как равноценные свидетельства доисторические находки и исторические документы со всего ареала расселения индогерманских народов. Более половины того, что Клемен относит к праиндогерманским верованиям, я считаю представлениями низших слоев населения не нордической расы, усвоивших индогерманские языки.

Наоборот, многие формы религиозной жизни исламской Персии и христианской Европы можно считать выражением нордической, индогерманской религиозности. Иного и нельзя было ожидать на христианском Западе, так как наследственная суть всегда снова оживает внутри заимствованных религиозных форм. Даже у великих отцов церкви обоих христианских исповеданий сказывается индогерманская религиозность, они всегда давали возможность глубочайшей сути своей религиозности одержать победу над догматами. Многие черты индогерманской религиозности можно описать словами немецких поэтов нового времени. У Шекспира, Винкельмана, Гете, Шиллера, Гельдерлина, у Шелли, Байрона и Китса, у Геббеля, Готфрида Келлера и Шторма и во многих других случаях в литературе, философии и изобразительном искусстве западных народов можно найти примеры индогерманской религиозности. В немецком народе снова осознается значение «крови и почвы» и у молодежи пробуждается индогерманская религиозность.

Пока еще не удалось научно описать индогерманскую суть религиозной жизни. Есть более или менее хорошие описания форм верований отдельных индогерманских народов, но нет удовлетворительного описания индогерманской религиозности. Когда предпринимались попытки ее описать, к индогерманским верованиям обычно, сознательно или бессознательно, подходили с теми же мерками, что и к миру иудейско-христианских верований. Мы сами, как немцы, как германцы, как индогерманцы должны, наконец, понять индогерманскую религиозность, исходя из нее самой. Попытки такого понимания следует поощрять. Упрек, будто своеобразие былой религиозности можно понять и научно описать только исходя из наблюдений над окружающей религиозной средой, несостоятелен. Речь всегда идет о духовных выражениях того народного и расового круга, к которому принадлежит сам наблюдатель. Я не представляю себе, что смогу начать исследование своеобразия индогерманской религиозности при моих

скудных познаниях. Это вообще дерзость, что я, неспециалист, берусь рассуждать о столь великом предмете. Я могу лишь дать кое-какие стимулы. Для этого я и указал во введении, где я надеюсь найти богатое и чистое выражение арийской религиозности, а где нет.

Мое последующее изложение будет более эмоциональным, чем научным, и поэтому спорным. Я просто хочу рассказать, что я сам думаю по затронутым вопросам, которые волнуют меня с юности. Это лишь первый набросок впечатлений, полученных мною в процессе многолетнего знакомства с индогерманским миром.

Нам будет лучше всего начать с пояснения на нескольких контрпримерах, как индогерманская религиозность не выражается, чтобы позже понять, какие наиболее чистые и свободные формы выражения она любит. Я попытаюсь по возможности отвлечься от содержания веры отдельных индогерманских народов и ограничиться описанием характерных форм отношения индогерманцев к божественному, независимо от того, в каких образах это божественное представляется. Если пользоваться иностранными терминами, я хотел бы попытаться охарактеризовать не религию, а религиозность индогерманцев.

Прежде всего выясняется, что индогерманская религиозность не коренится ни в каком страхе, ни в страхе перед божеством, ни в страхе перед смертью. Изречение позднего римского поэта, будто богов создал человеческий страх (Стаций, «Фиваида») неприменимо к высшим достижениям индогерманской религиозности. «Страх Господень» не лежал в начале ни веры, ни мудрости, индогерманская религиозность всегда развивалась свободно.

Такой страх не мог возникнуть еще и потому, что индогерманцы не считали себя творениями божества и не воспринимали мир как творение с началом во времени. Для них мир был скорее вечным порядком, в котором как боги, так и люди имеют свое место, свое время и свою миссию. Идея творения – восточная, равно как и идея конца мира, Страшного суда и установления Царства Божия с преображением всякой твари. Но если человек не видел в мире творения, а в Боге – творца, там и не могло быть представления о себе как о твари, связанной волей творца, по крайней мере, оно не могло относиться к существенно важным формам проявления религиозности.

Еще меньше была в данном случае возможна религиозность, которая видела бы в человеке раба, а в Боге – господина. Верноподданническое, рабское отношение человека к Богу особенно характерно для религиозности семитских народов. Имена Ваал, Адон, Мелех, Раббат и другие все подчеркивают власть Бога как господина над склоняющимся перед ним человеком-рабом, его творением.

Для индогерманцев почитание бога, молитва божеству означали развитие достойных почета побуждений: римляне называли это «колере», эллины – «терапевейн». В семитских языках слово «молиться» восходит к корню «абад», что означает «быть рабом». Анна дарует Яхве, особому еврейскому богу, своего сына, сына его рабыни (1-я Самуила, 1,11). Давид называет себя рабом своего бога (2-я Самуила, 7, 18); то же делает Соломон (2-я Царств, 3, 6). Яхве вызывает «ужас» (2-я Моисея 23, 27; Исаия 8, 13). Индогерманцы никогда не воспринимали так своих богов.

И в христианстве поведение человека по отношению к Богу часто обозначается термином «смирение», религиозность сводится к осознанию себя «рабом Божьим». Это не по-индогермански, здесь сказывается влияние восточной религиозности. Не считая себя рабом Божьим, индогерманец обычно молится не на коленях, без земных поклонов, а стоя, с взглядом, направленным ввысь и с руками, простертыми вверх.

Индогерманец стоит перед Богом или богами как цельный человек, в полной мере сохранивший чувство чести. Религиозность, которая отнимает что-то у человека, чтобы умалить его перед всемогущим и гнетущим божеством, не индогерманская. Религиозность, которая обесценивает части мира и человека, унижает их, дает им грязные объяснения и влечет человека к неземным, нечеловеческим священным благам, – не настоящая индогерманская религиозность. Там, где «этот мир» принижается, а «тот свет» возвышается до уровня вечного блага, мы сходим с почвы индогерманской религиозности.

Поэтому нам так трудно осознать величие индогерманской религиозности, потому что мы привыкли прилагать к религиозности по сути своей не индогерманские ценности и формы выражения в качестве критериев. Большинство наших мерок религиозности имеют ярко выраженный не индогерманский характер, заимствованы, прежде всего, из восточной религиозной жизни, особенно из христианства средних веков и начала нового времени. От этого наши оценки индогерманской религиозности страдают в той же мере, в какой страдало бы языкознание, если бы мы пытались объяснять строение индогерманских языков с тех точек зрения, которые оправдали себя в семитологии. Мы привыкли видеть настоящую религиозность только в потусторонней религиозности, а в посюсторонней – если мы вообще способны понять ее суть – нечто несовершенное, недоразвитое или лишь первую ступень подъема к более высоким ценностям. Так заимствованные нами иудейско-христианские представления мешают нам понять величие индогерманской религиозности. Дело доходит до того, что и в сравнительном религиоведении индогерманские религиозные ценности «чисто научно» представляются ценностями меньшего значения, потому что авторы исследований на эту тему сделали для себя примером, образцом и критерием

любых религиозных ценностей восточные ценности. Но так никогда не понять величие и полноту индогерманского мира.

Тот, кто будет судить о религиозности по тому, насколько она обесценивает человека по сравнению с божеством; по тому, насколько сомнительным, обесцененным или даже порочным изображает она «этот» мир по сравнению с «тем»; по тому, видит ли она в человеке дуализм преходящего тела и бессмертной души, тому религиозность германцев покажется довольно убогой.

Боги, с одной стороны, и люди, с другой, у индогерманцев это не несравнимые и удаленные друг от друга существа, по крайней мере, у эллинов. Боги это бессмертные люди с великой душой (Аристотель, «Метафизика»), а люди как отпрыски благородных родов могут иметь в себе нечто божественное и претендовать на божественность своего рода («богоравный Агамемнон»). В сути самого человека, по воле божества, есть возможности предстать в виде «диогенес», происходящего от богов. Отсюда задача, которую живо воспринимал каждый индогерманский народ: воплощение всех благородных народных ценностей в человеческих родах (калокагатия).

Индогерманская религиозность это не рабство, не мольба растоптанного раба своему господину, а доверительное сообщество богов и людей. Платон говорит в своем «Пире» о «взаимной дружбе (филиа) богов и людей». Германец был уверен в дружбе со своим богом, которому он полностью доверял, а у эллинов та же уверенность выражалась словами «друзья-боги» (теойфилой в «Одиссее»). В индийской «Бхагавадгите» бог Кришна называет человека Арджуну своим другом. Даже когда высшее божество почитается, подобно Зевсу, как «Отец богов и людей», оно называется Отцом, а не Господином. Таковы же имена богов Дьяус питар у индусов и Юпитер у римлян.

При этом индогерманцы всегда осознавали безграничность божества и ограниченность человека. Эллины глубоко воспринимали зависимость от богов. В предостережении «Познай самого себя!», высеченном в Дельфах на входе в храм Аполлона, людям напоминали и об их ограниченности по сравнению с божеством. Пиндар в 5-й Истмийской оде предостерегал: «Не стремись стать Зевсом». Тот же жизненный и религиозный опыт мы находим и у Гете: «Не должен человек равняться с богами» («Пределы человечества»).

Соблазн и опасность человеческого самовозвышения индогерманцы осознавали особенно ясно именно потому, что они чувствовали свое приобретенное путем отбора наследственное превосходство над людьми других рас, свое наследственное благородство. Страх перед человеческим самовозвышением исходил из глубины эллинской души и противостоял этому человек своим включением в

мировой порядок. Это рок, при сильной воле и благородном порыве к свободе противостоять с человеческой ограниченностью безграничности богов, и этот рок ни одна порода людей не осознавала глубже, чем индогерманцы: великая трагедия в поэзии индогерманских народов рождена потрясением, вызванным этим роком.

Но совершенно неверно из взгляда индогерманцев на судьбу, «которая возвышает человека, размалывая его» (Шиллер, «Тень Шекспира»), делать такой вывод, какой сделал Бетке относительно германцев, будто «трагизм судьбы» означал для этих людей «заклятие» и вызывал «страх перед судьбой», который делал их созревшими для «спасения». Не бог судьбы, а бог-спаситель будто бы принес германцам «утоление их религиозной жажды». Так судить о германцах и индогерманцах можно только при взгляде со стороны, но не изнутри. Духовная сила индогерманцев – а именно она породила великую поэзию этих народов, прежде всего их трагедию – вызывала у них чувство глубокого восхищения перед роком, перед напряженностью между ограниченным человеком и безграничными богами. Ницше однажды назвал это чувство «любовью к судьбе». Духовно богатые люди индогерманских народов именно посреди ударов судьбы чувствовали, что божество одарило их великой судьбой и они должны оправдать возложенные на них надежды. Гете выражал подлинно индогерманские мысли, когда писал в письме графине цу Штольберг 17 июля 1777 года:

«Все дают бесконечные боги своим любимцам, и все бесконечные радости, и все бесконечные горести, всё».

Никогда это индогерманское восхищение судьбой не переходило в покорность судьбе (фатализм) и именно по той причине, что, даже предвидя гибель, индогерманцы помнили, что их наследственный характер это характер воинов. В «Бхагавадгите» бог Кришна говорит об этом Арджуне: «Одинаково относясь к радости и боли, обретению и потере, победе и поражению, вооружись для битвы и будешь незапятнанным». Позже этот бог еще точней определяет индогерманскую сущность: «Когда ты думаешь «Я не хочу сражаться», это твое решение тщетно: твой благородный характер принудит тебя к этому».

Таков индогерманский взгляд на судьбу, индогерманский восторг перед роком. Для индогерманцев жизнь и вера стали бы пресными, если бы какой-нибудь «бог-спаситель» отнял у них эти чувства.

Индогерманцы всегда были склонны к тому, чтобы ставить власть судьбы выше богов, особенно индийцы, эллины и германцы. Греческой Мойре соответствует германская Вурд (скандинавская Урд); паркам римлян и мойрам греков соответствуют норны германцев, богини судьбы, которые выступают в сходном облике

и у славян. Этот индогерманский взгляд на судьбу не имеет ничего общего с покорностью судьбе (фатализмом), а скорее показывает, из какого близкого к жестокой действительности ощущения жизни восходила к божественным высотам индогерманская религиозность. По всей своей натуре индогерманец не мог желать, чтобы его «спасли» от этого напряжения связанной с судьбой жизни. Ослабление этого напряжения означало бы для него в конечном счете и ослабление его религиозности. Связь с судьбой обуславливала величие индогерманского бытия. «Волны сердца не вспенивались бы так прекрасно и не становились бы духом, если бы им не противостояла старая немая скала, судьба». Эта уверенность, выраженная Гельдерлином в его «Гиперионе», звучит и в трагедиях Эсхила и Софокла и у каждого великого индогерманского поэта. Ту же уверенность в резкой форме выразил Шопенгауэр: «Счастливая жизнь невозможна; высшее, чего может достичь человек, это героическая жизнь» (Парерга и паралипомена, том II, гл. 14). Ясно, что религиозность, проистекающая из такого чувства жизни, никогда не может стать религиозностью для каждого. Религиозность героя означает в данном случае готовность к встрече с судьбой, которой подчинены и его боги. Таков же смысл шекспировских слов «Готовность это все» (Гамлет) и «Зрелость это все» («Король Лир»).

Говорят, что жизненный взгляд германца это «пантрагизм, такой взгляд, при котором все бытие и все происходящее в этом мире воспринимается на трагическом фоне». Но такой пантрагизм, бессознательно выраженный у настоящего германца Геббеля, присущ изначально не только германцам, но и всем индогерманцам. Он пронизывает и индогерманскую религиозность. Индогерманец становится зрелым человеком только благодаря своей жизни в напряженных отношениях с судьбой.

Те, кто подобно Бетке или Рюккерту считают, будто такое мировоззрение означает «неудовлетворительное решение вопроса о судьбе», или указывают, что такие люди «религиозно не готовы к решению вопроса о судьбе», понимают в данном случае, подобно постороннему наблюдателю, под «вопросом о судьбе» нечто совершенно иное, чем та решимость перед лицом судьбы, жить с которой и действовать исходя из которой индогерманцы считали своим призванием. Не в решении «вопроса о судьбе» в рамках идеи спасения может индогерманец выполнить свое предназначение – такое опасение могло бы показаться ему уклонением. Для него необходимо пройти испытание судьбой. «Это превыше всего: будь верен самому себе!» («Гамлет»).

В данном случае, как и при всех этих рассуждениях, вопрос не в том, «правильно» ли в научно-философском смысле понимали индогерманцы судьбу или с религиозно-научной точки зрения есть иные, более убедительные для нас се-

годня «решения вопроса о судьбе». Здесь говорится лишь о том, как жили индогерманцы, готовые к встрече со своей судьбой.

Мысль о роке не вызвала у настоящего индогерманца потребности в спасении, и даже если рок его глубоко потрясал, это никогда не приводило к подавленности или к страху перед грехом. Эсхил, исполненный эллинской религиозности и знающий силу богов, стоит перед ними, как настоящий индогерманец, прямо и при любых потрясениях без чувства греха.

Итак, индогерманская религиозность это не религиозность страха, самоосуждения, покаяния, а религиозность тех, кто хочет чтить божество, сохраняя себя в честь своего божества несмотря на тяготеющий над человеком рок…

Для индогерманцев религиозность включала в себя волю, несмотря на тяготеющий над человеком рок проявлять перед лицом друзей-богов все способности человека благородного происхождения, т.е. быть тем более благочестивым и исполненным божественной волей, чем сильней удары рока. Боги требуют от лучших именно стойкости под ударами судьбы.

Упрямое благочестие индогерманцев в юношеском возрасте, когда для испытания своей духовной силы требуется именно рок, Гете описал в своем стихотворении «Прометей». Позже Геббель удачно описал нордически-индогерманское благочестие юношеского возраста в стихотворении «К юношам». Индогерманская суть простирается от такого юношеского благочестия до более спокойного, самоотверженного и исполненного благочестия стихотворения Гете «Пределы человечества».

Индогерманцы никогда не думали, что можно стать более религиозным, отделив этот мир от того света и обесценив этот мир путем превращения его в юдоль плача, тоски по небесной родине и мечты слабых душ о спасителе, зато на том свете душа обретет полное блаженство, пока же она пребывает в этом мире, она должна всю жизнь быть устремленной к небесам. Американский религиовед Уильям Джеймс сопоставлял «религию душевного здоровья» и «религию больной души». Индогерманская религия была религией телесного и душевного здоровья, но не в том смысле, что ее мог исповедовать только телесно и душевно здоровый человек, а в том, что религиозная душа стремится возвыситься до божественного, опираясь на равновесие всех телесных и душевных сил человека.

В то время как не индогерманская, не нордическая религиозность часто тем больше возбуждается, чем больше верующий выходит из состояния равновесия, чем больше он «вне себя», индогерманская, нордическая религиозность стре-

мится к равновесию, самообладанию, сдержанности. Индогерманец доверяет только таким душевным силам, жизненные проявления которых также характеризуются уравновешенностью и рассудительностью. Он не доверяет и в области священного знаниям и опыту, полученным верующим в состоянии возбуждения. Очень характерно для индогерманской сути, что греки часто употребляли слово «эвсебейя» (религиозность) как синоним слова «софросюне» (рассудительность) и наоборот. В этом четко проявляется нордическая сущность подлинной эллинской религиозности. Религиозность выражалась у этих решительных людей в разумном поведении и только разумное поведение позволяло ощутить полноту божественного.

Этнология и расовая теория могут дойти здесь до корней индогерманской религиозности: это религиозность крестьянской аристократии нордической расы, религиозность родов, которым были присущи уверенное самосознание и сдержанность и которые сохраняли эти качества и перед лицом богов. В проявлениях индогерманской религиозности видна вся аристократичность крестьянской нордической сути, все те «фидес», «виртус», «пиетас» и «гравитас», которые составляли суть настоящего, т.е. происходящего от индогерманских предков римлянина. Но этим одновременно указывается и предел, о котором уже говорилось выше: индогерманская религиозность по своему происхождению и по своей сути никогда не сможет стать религиозностью для каждого.

То, что Ницше называл «великим здоровьем» и то, чему он придавал столь большое значение, – благородство: обе эти черты характеризуют и религиозную жизнь индогерманцев. Тому, кто судит о религиозности по возбуждению верующих, индогерманцы могут показаться нерелигиозными. Высшие достижения индогерманской религии доступны только тем, кто умеет приводить в равновесие свои душевные силы, и только в моменты такого равновесия. Индогерманец хочет предстать перед божеством как цельный человек со всеми своими силами, находящимися в равновесии, и божество требует от него именно сдержанности.

Ничто в своей сути порядочный человек не должен считать менее ценным с точки зрения богов, поэтому у индогерманцев нет разрыва между душой и телом. Этого не допускает и воля к сохранению равновесия всех человеческих сил. Индогерманец живет в условиях равновесия души и тела, хотя и знает, что они различны по своей сути. В общем, индогерманцы рассматривали тело и душу как одно целое, а германцы даже видели в теле выражение души. Во всяком случае индогерманцы, даже когда размышляли об ограниченном материальном теле и беспредельной нематериальной душе, не противопоставляли друг другу душу и тело. Вопрос о теле и душе не особо волновал их и они никогда не смотрели на тело, как на нечто более низкое, чтобы таким образом возвысить

душу. Они были далеки от представления, будто тело, привязанное к этому миру, – грязная тюрьма, из которой душа стремится вырваться в потусторонний мир. Даже если внутреннее и внешнее в человеке рассматривались раздельно, сознание верующего снова соединяло их в уравновешенном взаимодействии. Об этом может свидетельствовать молитва, с которой Сократ в конце платоновского «Федра» обращается к богам: «Даруйте мне внутреннюю красоту, и пусть моя внешность не противоречит внутреннему содержанию!»

Культ тела как видимого выражения результатов отбора был характерен для индогерманцев. Поэтому им была столь чужда всякая мысль об умерщвлении плоти (аскезе), они сочли бы это уродованием своей человеческой сути. Есть религиозность души, которая чувствует себя неуютно в этом мире и в своем теле. Она особенно присуща переднеазиатской расе, в несколько иной форме – и восточно-балтийской расе. Индогерманская религиозность это религиозность души, уютно чувствующей себя в этом мере и в своем теле. Для религиозных людей переднеазиатской расы и для жителей Запада, находящихся под влиянием переднеазиатского расового духа, индогерманцы это «дети мира сего», потому что не индогерманский дух обычно не может понять суть индогерманской религиозности и поэтому считает ее «неполноценной».

Индогерманцы и в самом деле «дети мира сего» в том смысле, что «этот» мир может дать им все необходимое для поклонения божеству. От почтительного отношения ко всему в мире и в человеческой жизни, от пантеизма индогерманская религиозность постоянно развивается вширь, вглубь и ввысь. Божественное всюду, как сказал Шиллер в стихотворении «Боги Греции»:

«Все смотрело посвященным взором,
Всюду след был виден божества».

Формы верований индогерманцев развились в политеизм с обильным количеством богов, но многие верующие одновременно подозревали или были уверены, что в конечном счете все эти боги лишь различные аспекты божественного. В культе горных вершин, рек, деревьев, солнца, начала весны, утренней зари, плодородной почвы и возведенных в полубоги предков – во всем этом выражалась посюсторонняя религиозность индогерманцев, их чувство безопасности в этом мире. Это чувство Хауэр назвал первоосновой индогерманской религиозности.

Если это так, то эта религиозность, при ее философском осмыслении легко превращается в пантеизм или пантеистические, но одновременно рассудочные, не экстатические и не агрессивные разновидности мистики. Примечательно, что индогерманцы первоначально не знали храмов как мест обиталища богов. Тацит

сообщает о германцах, что их представлениям о небесном величии не соответствовал обычай запирать богов в четырех стенах. Исходя из этого же убеждения персидский царь Ксеркс приказывал сжигать храмы в Греции. Греки к тому времени уже отклонились от изначальных индогерманских воззрений. И то, что индогерманцы первоначально не имели изображений богов, также соответствует религиозности космически мыслящих людей, изначально имевшей тенденцию к пантеизму.

При таком мышлении индогерманцы понимали мир со всеми властвующими в нем богами и живущими в нем людьми как великую взаимосвязь одного божественного порядка, который у индусов назывался «рита», а хранителями его были Варуна и Митра, у персов – «аша» или «урто», у греков – космос, у италиков – «рацио», а у германцев – Мидгард. Это индогерманское представление о рациональном мировом порядке впервые описал в своих трудах иенский юрист Буркхарт Вильгельм Лейст (1819-1906). Позже Вольфганг Шульц в книге «Счет времени и мировой порядок» (1929) подчеркнул, что эта идея рационального порядка среди всех народов Земли встречается только у индогерманцев.

«Боги определили меру всех вещей и цель человека на дарующей жизнь Земле», – говорится в «Одиссее». Здесь звучит та же идея божественного мирового порядка, что и в «Эдде»:

«Все святые боги собрались и держали совет:
они выбрали имена для ночи и новолуния,
назвали утро и полдень, сумерки и вечер,
чтобы можно было измерять время».

Семья, род, государство, богослужение и право, годовой круговорот и праздники, обычаи и духовная жизнь, пашня, дом и двор: все соотносилось с мировым порядком, и в этом порядке живет человек как член рода, постоянно возобновляющегося в череде зачатий, что у эллинов символизировала идея Гестии, а у всех индогерманцев – почитание священного очага. Таким образом, в рамки мирового порядка укладывалась эта череда зачатий для сохранения данного богами расового наследия в избранных родах; таким образом, забота о расе является непосредственным следствием и стимулом совокупности мирового порядка и непосредственным выражением индогерманской религиозности.

В индийской «Книге Законов Ману» сохранилось представление о порядке зачатий: «Царство, в котором происходят беспорядочные зачатия, быстро гибнет вместе со своими обитателями». Отсюда индогерманское освящение половой жизни, почитание хозяйки дома как хранительницы расового наследия; отсюда

культ божественных предков. Поэтому индогерманская религиозность выражалась в человеческом отборе, в тщательном выборе супружеских пар, в «эвгенейе», в стремлении родов к получению здорового потомства.

Индогерманские идеи Космоса и Мидгарда включают человека – а не приковывают его, как в восточных религиях с их астрологией и предсказаниями будущего (по внутренностям, по полету птиц, как у вавилонян, этрусков и т.д.) – в великую взаимосвязь разумного порядка; человек вступает в доверительные отношения со своим богом, сама суть которого взаимосвязана с мировым порядком, и задача народа сражаться вместе с этим богом против всех антибожественных сил, против Хаоса, против Утгарда. Земное пространство представляется индогерманцу полем своей крестьянской заботы; и растения, и животные, и люди – все они должны расти и созревать для самоутверждения во вневременном порядке. Вина человека – но не его «грех» – возникает во всех тех случаях, когда отдельный человек восстает против порядка из упрямства или гордыни и противопоставляет божественному разуму свое недальновидное своеволие или легкомыслие. Вина отдельного человека, по причине его гордыни, может создать для его народа опасность распада и вырождения, а для мирового порядка – угрозу Хаоса.

«Когда безрассудная толпа уродует природу,
вознеси хвалу Богу через посредство всего мира».
(фон Платен. «Песня парсов»).

С точки зрения индогерманцев, постоянно сражаются друг с другом божественная воля к упорядочению мира и жизни народа, к повышению уровня всего живого и антибожественная воля к разложению, к порче всех зародышей. Мидгард, мир разумного порядка, сохраняется и обновляется только благодаря постоянной отважной борьбе человека на стороне Бога против антибожественных сил, против Утгарда. Мидгард это совокупность разумного взаимодействия всех божественных законов и всей человеческой чести.

Именно идеи индогерманцев о мировом порядке показывают, что индогерманская религиозность была религиозностью с волей к возвышению жизни, религиозностью, к числу высших ценностей которой относились ценности роста, религиозностью, благодаря которой человек с великой душой мог предстать перед божеством как махатма, как мегалопсихос, с подлинно индогерманским великодушием, «сторменцка» исландцев, «Хохгемюте» немецких рыцарей. «Большое сердце и широкий взгляд», как гласит фризская пословица, характеризуют нордического индогерманца и с точки зрения его религиозности, благородной крестьянской религиозности.

После того, как мы дали общий обзор различных форм индогерманской религии, становится ясным, что многое из того, что и на Западе считается признаком особой религиозности, у индогерманцев «отсутствует» – «отсутствует» для тех, кто подходит к индогерманской религиозности с мерками, приложимыми к религиозности иного типа.

Смерть для индогерманцев не была явлением, побуждающим к вере и религиозности. Часто утверждают, что смерть дает стимулы философской мысли, а в сочетании с угрозой конца света и Страшного суда способствует укреплению веры и нравственности. К индогерманцам все это не относится. Смерть была для них значительным событием человеческой жизни, но мысли о ней не были особенно важны для силы и глубины индогерманской религиозности. Смерть была для индогерманцев элементом мирового порядка, они относились к ней так же, как и сегодня относятся лучшие из немецких крестьян.

Так как совершенная человеческая жизнь для порядочного человека возможна и на «этой» Земле, если он в процессе самоутверждения может раскрыть свою суть; так как к мировому порядку смерть отдельного человека относится в такой же степени, как и обязанность сохранения отборных родов; так как иной мир в верованиях индогерманцев не имел особого значения и мысли о нем не оказывали существенного влияния на верующих, смерть не была стимулом веры и нравственной жизни.

Бросается в глаза, сколь бледными были первоначальные индогерманские представления о жизни после смерти, такие как царство мертвых Гадес у греков или Хель у германцев. Сюда нельзя отнести представления германцев о Валгалле; это поздняя, отнюдь не изначальная, особая линия развития, порожденная не столько мыслями верующих, сколько поэтическим даром. В принципе смерть для индогерманцев была переходом к жизни, которая своими отдельными чертами походила на жизнь в мире живых, только была более спокойной и уравновешенной жизнью теней. Умерший оставался частью родовой души, как был ею и при жизни. Он никогда не становился одиночкой, а продолжал свое бытие вместе с бытием рода на его владениях. Как для части родовой души индивидуальная смерть не имела для него особого значения. И в царстве мертвых его интересовало процветание своего рода, его лошади и скот, поля и луга. Ахилл после смерти спрашивает сошедшего в подземный мир Одиссея: «Расскажи мне о моем прекрасном сыне!» и уходит широкими шагами, радостный, услышав о добродетелях сына.

Индогерманская религиозность никогда не вращалась вокруг смерти индивидуума. Мировой порядок был вне времени и на него не влияла гибель целых эпох и целых разрушенных по своей вине стран. Не ожидался ни конец мира, ни

пришествие все преображающего Царства Божия, ради приближения к которому люди и сегодня отрекаются от мира и думают о своем «последнем часе».

Пока благодаря борьбе человека на стороне своего бога против антибожественных сил сохраняется разумный порядок, идея спасения была для индогерманцев непонятной. Спасение от какого зла и ради какой иной жизни? Мидгард не был злом, от Утгарда нужно было защищаться в борьбе, но лучшей жизни, чем жизнь в дружбе с богом, чем самоутверждение в разумном порядке не могло быть. Так что спасение от чего и для чего? Для индогерманской религиозности идея спасения оставалась бессмысленной.

Поэтому у настоящих, изначальных индогерманцев отсутствуют образы спасителей, столь характерные во все времена для обширной зоны от Египта, Палестины, Сирии и Передней Азии до Индии. Самый ранний образ спасителя, Саошьянта, мы встречаем среди индогерманских народов у персов, несомненно, под влиянием переднеазиатской расы, которую Клаусс, исходя из ее душевных черт, назвал расой «людей спасения». И образ германского бога Бальдера относится к кругу переднеазиатских образов спасителей. Сюда относятся вавилонские сказания об Иштар и широко распространенные на Западе представления об умирающем и воскресающем боге. Бальдера по праву часто сравнивают с Христом; это образ спасителя, переосмысленный в германском духе, но в столь же малой степени изначально германский бог, как и ваны с их переосмысленными германцами переднеазиатскими чертами не являются исконно германскими богами и богинями, по крайней мере, оставшаяся наполовину переднеазиатской Фрейя. Для развития своей религиозности индогерманцам не были нужны спасители.

Индогерманской религиозности был чужд и образ спасителя как посредника между богом и человеком. Врожденная суть индогерманца заставляет его искать непосредственный путь к Богу. Поэтому у индогерманцев на начальном этапе не могло развиться духовенство как возвышающееся над остальным народом священное сословие. Священники как посредники между богом и людьми также противоречили индогерманской религиозности и дальновидные и решительные государственные идеи нордически-индогерманского типа были изначально направлены против господства священников.

Наоборот, священник как толкователь и завершитель передаваемого из поколения в поколение народного духа, как совершенствователь и творец наследственной религиозности соответствует индогерманской сути. Священника же, в пылу веры проповедующего особую религиозность и стремящегося к духовному господству над общиной верующих и к ее закрепощению индогерманцы не потерпят, потому что нордическая, индогерманская религиозность это религиоз-

ность с благородной, степенной манерой поведения и с сохранением физической и духовной дистанции между людьми.

Доведение самого себя до исступления, опьянения, экстаз, священные оргии, вмешательство в духовную жизнь других людей – таковы характерные черты переднеазиатской расовой души, а для нордической расовой души и изначальной индогерманской религиозности характерно соблюдение меры.

При наследственной предрасположенности к свойственной им религиозности у индогерманцев не могли развиться те формы верований, которые называются религиями откровения или религиями основателей. Индогерманской религиозности свойственно развиваться с самим человеком в той мере, в какой это допускают задатки и судьба этого человека. У самых верующих индогерманцев жизненный опыт, понимание взаимодействия сил в рамках мирового порядка и воли божества, а также споры с людьми определенных типов создают в итоге целостное мировоззрение, соответствующее их неизменной сути и приобретающее все большую полноту по мере развития самого человека. При такой религиозности не возникают или возникают лишь при внезапных поворотах судьбы состояния пробуждения, внутреннего перелома, обращения, причем этот процесс никогда не имеет судорожный характер. Внезапный переход собственной сути в совершенно иное состояние, преображение, которое воспринимается как новое рождение, стесняющее, а потом быстро срабатывающее откровение о чем-то, что раньше не действовало – такой «внутренний опыт» скорее характерен для восточной (пустынной) расовой души, такое легко случается на Востоке, дух которого определяется переднеазиатской и ориентальной расой.

Откровению – Клаусс называет ориентальную (пустынную) расу в соответствии с ее душевными чертами «людьми откровения» – соответствует основание религии пророком, а потом увлечение верующих новым учением. Эти явления не типичны для индогерманской религиозности. Возвышение «веры» самой по себе, веры ради веры, достохвальность веры как почти магического средства «оправдания» перед Богом (лютеровское «оправдание верой»): такая религиозность представляется индогерманцам искажением человеческой сути, той сути, которая по воле самого божества должна быть всецело человеческой. «Вера» сама по себе не может быть индогерманской ценностью, это ценность для людей ориентальной (пустынной) расы.

Увлечение верой побуждает к миссионерству, к стремлению обратить «неверующих», к утверждению, что только данная вера может «дать блаженство», к ненависти к другим богам и гонениям на тех, кто верует в них; этот дух фанатизма исходит от племен, главным образом, ориентальной расы и от их религиозной жизни. Все это для индогерманцев столь же чуждо, как вторжение в чу-

жую духовную жизнь, чем часто отличаются люди переднеазиатской расы. Чем тверже индогерманец в своей вере, тем противоестественней будет для него идея хвастаться перед чужим человеком своей верой, как единственно имеющей ценность для Бога. Индогерманская религиозность не знает откровения для неверующих. Можно только в ответ на вопрос рассказать, на чем основывается собственная вера. Отсюда и терпимость всех индогерманцев в области веры. В моей книге «Нордическая раса в индогерманской Азии» (1934) я писал:

«Для религиозности всех индогерманцев миссионерское рвение и нетерпимость всегда оставались чуждыми. В этом выражается нордическое чувство дистанции между людьми, нежелание вмешиваться в духовную жизнь других людей. Нельзя представить себе ни одного настоящего эллина, который стал бы проповедовать свои религиозные идеи варварам, ни одного германца, римлянина, перса или индоарийского брахмана, который захотел бы «обращать» других людей в свою веру. Для нордической расовой души вмешательство в духовную жизнь других людей это неблагородный поступок и нарушение границ».

Индогерманская вера немыслима без терпимости, невозможно себе представить индогерманскую веру, которая требовала бы «правоверности» или вступала бы в конфликт со свободным исследованием, с независимой мыслью. Если религиозное рвение вредит врожденной свободной любви к истине и врожденному благородству свободного человека, правоверность не может считаться религиозной ценностью. Все индогерманские формы верований, пока они оставались верны врожденному нордическому духу, не знали вероучений, догм и «откровений». С этим связано и то, что у индогерманцев на раннем этапе их развития не смогла образоваться прослойка теологов, вознесенного над остальным народом духовенства. С этим – и с другими чертами индогерманцев – связано то, что индогерманские общины верующих никогда не превращались в церкви. Оцерковление веры это опять-таки выражение духа ориентальной (пустынной) расы или результат взаимодействия расового духа ориентальной и переднеазиатской рас.

Церковь не могла возникнуть у индогерманцев и еще по одной причине. Церковь как священное и освящающее учреждение для живущей под властью духовенства своей особой религиозной жизнью общины людей, которой требуется оправдание перед Богом, – такая церковь могла возникнуть только при условии, что в «этом» мире, который «не свят» и влечет к «греху», возникла особая группа благочестивых людей, создано учреждение, которое освобождает изначально грешных людей из пут «этого» мира по милости своей и указывает им «путь к спасению».

Если же мир это разумный порядок и само божество радо порядочному человеку, то церковь не имеет смысла.

«Поклоняйся Богу, поклоняясь всему миру».

Поэтому общество верующих у индогерманцев никогда не вырождалось в замкнутую общину с особой религиозностью. Образованию общин в этом смысле препятствовало и стремление нордической расовой души к одиночеству, ярко выраженное у отдельных индогерманских народов. «Они живут сами по себе и обособленно», – так описывает Тацит образ жизни германцев, в котором выражалась не только привычка, но и душевный настрой германцев, радость соблюдения дистанции между людьми. При таких предпосылках возможно немногословное, доверительное сообщество верующих, но не образование общины, перед которой дух должен склоняться, в которой растворяется суть отдельного человека.

Не в церкви может получить чистое развитие индогерманская религиозность, а в действующем в правильном направлении государстве. В германских областях, в римских «цивитас», в греческих полисах, т.е. при порядках, созданных государственно-мыслящими людьми с наклонностями к обособлению, индогерманская религиозность смогла развиться в самом чистом виде. Отдельный индогерманец удалялся от людей, когда хотел молиться («Одиссея», 12, 333). Наряду с этим существовали общественные моленья – обе формы, кстати, без признаков похвальности, на чем делают упор семитские народы. У Ксенофона упоминается государственная молитва с просьбой к богам о «здоровье, жизненной силе, согласии с друзьями, военном счастье и благосостоянии». В данном случае религиозное сообщество идентично государственному и в таком земном царствии прекрасней всего расцветает индогерманская религиозность.

При предрасположенности к такой религиозности община верующих не может оформиться в виде церкви. Церкви как господству священников с принудительным исповеданием противостоит самоутверждающаяся свободная аристократия индогерманского крестьянства.

Гораздо легче чем в религиях спасения или откровения и легче чем в церковных формах врожденная индогерманская религиозность может развиваться в некоторых разновидностях мистики. Что влечет индогерманцев к мистике, это возможность непосредственных отношений с Богом, углубление вечно живого стремления к «взаимной дружбе между богами и людьми» (Платон) и тенденция к пантеизму. Индогерманцам чужда идея творения и именно в мистике она обычно отсутствует. Мистические воззрения индогерманцев мы встречаем у индусов в Ведах, в брахманизме, в буддизме, у эллинов – в идеях Платона (в неоплатонизме они ослаблены и пронизаны чуждым, не индогерманским духом). Если индогерманцы принимают чужеродные вероучения, то мистическое мышление потом снова прорастает через эти религии. Примеры – склонная к

пантеизму мистика персидского ислама в суфизме, а в западном христианстве мистика начала развиваться после того, как нордический, германский дух внедрился в заимствованную римско-христианскую религию. Самым ярким проявлением этого был Майстер Экхарт.

Но не во всякой мистике может развиваться индогерманская религиозность. Это не может быть мистика сверхчувственно-чувственных сексуальных настроений и посвящений. Это не может быть мистика подобного опьянению возбуждения, энтузиазма, при котором человек вырывается за пределы своего тела и хочет проникнуть в суть божества. Это не может быть мистика исчезновения всех границ и растворения в бесформенном. Всем подобным настроениям противостоит индогерманская воля к оформлению, индогерманский взгляд на оформленный мировой порядок и индогерманское чувство долга, обязанность принять участие в борьбе против всех хаотических сил, против Утгарда. Поэтому и мистика замыкания в себе, ухода от мира, бездействия и безволия, сентиментальная, мечтательная созерцательность, т.н. квиетистская мистика это не мистика индогерманцев. Для индогерманца много значит хладнокровие, но он не склонен к чистому созерцанию без волевого порыва: он не может отдаваться, самоутверждение глубоко укоренено в его сути.

Итак, индогерманская мистика это не замыкание в себе, а открытость, взгляд, устремленный вдаль.

«Над горами парит вечный дух, полный вечной жизни» (Гете).

В отдельные великие моменты индогерманская суть приходит к таким взглядам, как «одно и все» (хен кай пан), как все – единое, чему учили в Индии уже самые древние Упанишады. Та же религиозность пронизывает христианскую догму в «нордически немецкой мистике действительности», описанной Манделем.

Только если, доверяя действительности, заглянуть в свою собственную суть, во вневременное и в безграничную даль, только при таком взгляде возможна индогерманская мистика: при сознательном взгляде благородного человека, как говорил Майстер Экхарт. И мистическая религиозность индогерманцев может развиваться только на основании симметрии всех телесных и духовных сил человека. Так цельный человек перед Богом возвышается до уровня цельного человека в Боге.

Итак, самобытная религиозность индогерманцев может свободно развиваться лишь в такой форме, которую религиоведение называет «естественной религией». Но это значит, что индогерманская религиозность на Западе все время ложно истолковывалась, так как широко распространено мнение, будто тем

больше веры и религиозности, чем больше человек чувствует свою связь со «сверхъестественными» ценностями. Но вера и религиозность индогерманцев представляют собой «естественную религию» в более глубоком смысле, чем передается самим этим термином. Это естественное для нордического человека поведение, вытекающее из его почтительного нрава и героической силы мышления. Мощное, свободное мышление и почитание богов взаимно подкрепляют и углубляют другу друга. Чем содержательней становится человек, тем совершенней он в своей человечности и благочестивей. Здесь нет принуждения к поклонению Богу, нет душевных судорог, нет экзальтации верующих, нет страха, что для Бога сделано недостаточно. Свобода и достоинство, сохранение благородства даже при глубоких потрясениях – вот признаки самой чистой индогерманской религиозности. Поэтому такие цели, как «калок'агатиа» эллинов (красота и добродетель) и «гуманитас» римлян, в том смысле, в каком ее понимали во времена Римской аристократической республики, а именно «человеческая цельность» или «благородство» – поэтому такие цели героического совершенства являются как раз выражением индогерманской религиозности, той религиозности, в которой источником почитания всегда был героический дух.

НАРОД И ГОСУДАРСТВО В ИХ ОТНОШЕНИИ К НАСЛЕДСТВЕННОСТИ И ОТБОРУ

Лекция, прочитанная в Иенском университете
в феврале 1933 г.

«Чистота происхождения – загадка, которую не раскрыть даже в песне, ибо каким ты начинал, таким и останешься, сколь бы ни влияли на тебя заботы и воспитание. Большинство качеств – от рождения и от луча света, который встречает новорожденного».

Гельдерлин. «Рейн»

Факт наследственности, т.е. тот факт, что задатки предков передаются потомкам, не сможет отрицать никто, значение этого факта для народа и государства в древние времена часто даже подчеркивалось. Тысячелетиями занимаясь животноводством, человек всегда исходил из своих представлений о силе наследственности и из того, что улучшения породы можно достичь лишь отделяя животных, обладающих нужными качествами, от тех, кто обладает ими в меньшей степени, и ограничивая размножение только лучшими особями определенного вида. Чем глубже мы проникаем в прошлое народов, говорящих на индогерманских языках, тем больше обнаруживаем, какое внимание уделялось наследственности и отбору самих людей, а не только их домашних животных, тем

больше узнаем их убеждение в «устойчивой власти происхождения» (Тацит), в том, что происхождение имеет решающее значение.

Убеждение в силе наследственности было ослаблено в результате вторжения христианских идей с их упором на раздвоение тела и души, духа и плоти. Там, где индогерманцы более или менее сознательно и подчеркнуто воспринимали тело и душу как единое целое, восточные формы верований учили различать и отделять друг от друга тело и душу, плоть и дух. А поскольку телесные основы наследственности представляли собой более очевидную, более заметную часть ее проявлений, для обнаружения же наследственности душевных черт обычно требуется большая проницательность, более тонкое понимание психологии, возникло ходячее мнение, будто наследственность влияет только на физическую, но не на духовную сферу.

Восточно-христианское мышление всегда изображало телесное как нечто неполноценное по сравнению с духовным. Вследствие этого и сама идея значения наследственности была отнесена к низшим областям жизни, на которые «дух» должен смотреть свысока.

Подобные воззрения и сегодня мешают развитию исследований в области евгеники, причем среди т.н. интеллигенции больше, чем среди простых людей и крестьян. Требования евгеники и расовой гигиены встречают сопротивление интеллигентов, не обладающих специальными познаниями, для народа же речь идет не только о крепких костях и сильных мускулах, не об одном физическом здоровье. Следует с самого начала подчеркнуть, что евгеника как наука преследует ту же цель, что и народ – возвышение человека, притом человека, который – вопреки теории наследственности – представляет собой единство души и тела. Речь идет о том, чтобы дать нашему народу образец для отбора: человека немецкого типа, обладающего телесными и духовными качествами, достойными наследования. Согласно законам биологии, народ может удержаться на определенной высоте или достичь ее лишь в том случае, если он ощущает в себе некую тягу к этому образцу. И путь к единству народа может проложить лишь единодушное признание этим народом общего телесно-духовного образца благородного человека.

То, что я называю здесь образцом для отбора, считают своей целью животноводы. Но мы не должны стыдиться того неприятного для многих современных интеллигентов факта, что для людей действительны те же основные законы жизни, что и для животных. Это продолжает действовать средневековое церковное разделение тела и души, плоти и духа, когда сегодня многие интеллигенты презрительно говорят о евгенике как о «скотоводстве» или «собаководстве». Я никогда не мог понять, почему животное должно считаться чем-то настолько низ-

ким, что человека никоим образом нельзя с ним сравнивать. Евгеника должна основываться на том, чтобы в нашем народе снова пробудилось сознание достоинства всего живого, потому что только зная великие законы, которым подчинено все живое, можно создать такую систему образования и такую культуру, выражением которых будет поиск средств наследственного возвышения человека.

Как я уже сказал, внимание к явлениям человеческой наследственности, в особой мере присущее в древние времена всем народам, говорящим на индогерманских языках, было ослаблено вероучениями, пытавшимися отделить дух от тела. Но на Западе оно было только ослаблено, но не совсем вытеснено: как мы можем видеть, народное мышление западных народов вплоть до XIX века считалось с фактами наследственности. В деревне до сих пор сохраняются более или менее четкие и рациональные представления, с кем следует заключать брак, а с кем нет, представления, которые вступают в противоречие с обычными экономическими соображениями, но все еще дают о себе знать. Наоборот, образованные люди в городах обычно не испытывают потребности думать о наследственности и отборе. Мы бы не качали головами, говоря о выборе супруг многими т.н. высокообразованными мужами, если бы сегодня с «образованием» были бы еще связаны и кое-какие передаваемые в народе из поколения в поколение знания о силе наследственности.

Поэтический стиль Ницше кажется мне, в общем, столь же напыщенным, как и музыкальный стиль его противника Рихарда Вагнера, но в этой связи я хотел бы вспомнить одно изречение из «Заратустры», в котором точно подмечено невнимание многих образованных людей к вопросам отбора, например, при выборе супруги или при решении, сколько иметь детей:

«Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла Земли; но когда я увидел его жену, Земля показалась мне сумасшедшим домом».

Ницше, похоже, также заметил, что образованные женщины, как правило, лучше выбирают, чем образованные мужчины, и что они во многих случаях предпочитают лучше остаться одинокими, чем заключить брак с человеком ниже себя в смысле, конечно, наследственных задатков, а не богатства или обретенных знаний. Обретенное сплошь и рядом обманным путем выдается за врожденное. Распознать в человеке или в семействе благоприобретенное и отграничить его от врожденного и наследственного, обращать внимание на факты наследственности – вот чего мы желаем молодым людям, если они хотят вступить в брак в соответствии с законами жизни, в большем соответствии, чем это стало обычным с XIX века.

С XIX века всеобщее образование разрушило связь с традиционным, следующим законам жизни мышлением народа, особенно крестьян. В XVII и XVIII веках вызревали те идеи, которые привели к французской революции: идеи школы естественного права, т.н. эпохи Просвещения, потом идеи, которые наиболее эффективно выразил Руссо. Во всем этом мире идей были два представления, направленные против традиционного, основанного на опыте упора на наследственные задатки людей: идея равенства всех людей и идея возможности их обучения. Обе эти идеи соединились с излюбленными представлениями XIX века, которые характеризуются лозунгом всеобщего образования, распространение которого, как ожидалось, должно облагородить человечество.

Отметим для себя: человечество хотели облагородить не путем увеличения наследственных задатков для улучшения способности к обучению и к суждениям, а путем увеличения числа учебных учреждений и распространения знаний. При этом не обращали внимания на то, что в XIX веке семейства, которым удавалось подняться по общественной лестнице благодаря своей наследственной способности к обучению, были как раз семействами, имевшими мало детей. Одаренным ниже среднего уровня доставалось гораздо больше государственных средств, чем одаренным выше среднего уровня. Это делалось в надежде на то, что распространение образования и вложение в него средств облагородят человечество. Сегодня мы все лучше понимаем, что облагородить можно только благородных от рождения, что облагородить человечество или только наш немецкий народ можно лишь подготовив для этого основу в виде множества детей у лиц с лучшей наследственностью из всех сословий.

Государственные средства, расходуемые на обучение малоодаренных и слабоумных, будут снижать уровень образования народа, зависящий от наследственных задатков и их увеличения или уменьшения, до тех пор, пока законом не будут предусмотрены меры по стерилизации слабоумных. Уменьшение их плодовитости позволит высвободить большие средства, которые сегодня расходуются с целью снижения уровня образования, например, для субсидий на детей малоимущим семьям с хорошей наследственностью, т.е. семьям, которые несмотря на свою хорошую наследственность оказались в нужде.

Идеи равенства и возможности обучения всех людей привели к тому, что ослабло еще имевшееся чувство ответственности перед будущими поколениями, исчезла тяга к народному идеалу благородного, прекрасного и сильного человека, т.е. стремление подняться над действительностью к общепризнанной цели. Идеи равенства и возможности обучения всех людей оказали сглаживающее, кое-где примиряющее воздействие. Отдельным людям они пошли на пользу, но нанесли вред целому своим расслабляющим действием, своей уравниловкой. Каждый народ и каждое государство для своего сохранения и усиления нужда-

ется в иерархии ценностей. Это сравнение привел евгеник Виллибальд Хенчель: турбина работает благодаря падению воды сверху вниз; на водной глади неподвижного пруда не сможет работать даже самое маленькое колесо турбины. Искусственное выравнивание всех ценностей, которое принесла с собой идея равенства, превратило либеральное государство XIX века в стоячий пруд, загнивание которого мы сегодня наблюдаем.

Идея равенства тех, кто ее впервые высказал, в условиях умственного напряжения XVIII века была еще близкой к действительности и плодотворной для государственного права. У великих мыслителей XVIII века она означала всего лишь равенство всех граждан государства перед законом. «Равенство» у великих французских мыслителей никогда не обозначало ничего другого, кроме этой само собой разумеющейся идеи. У Вольтера в его «Трактате о метафизике», у барона фон Гольбаха в его «Системе природы» подчеркивается факт неравенства, различия задатков людей. Даже у Руссо, который больше следовал своим чувствам и желаниям, чем рассудку, можно найти места, где говорится о неравенстве задатков людей. Идея равенства всех людей, идея, будто все они имеют от рождения одинаковые задатки, а различия возникают лишь позже под влиянием среды, эта идея равенства, доведенная до конца, встречается, насколько мне известно, только у второстепенного французского мыслителя Гельвеция (1715-71), а позже у революционера и политика маркиза де Кондорсе (1743-94). У отдельных философов, в том числе и у Джона Локка, наблюдается тенденция видеть вещи в таком свете, будто на человека накладывают отпечаток внешние влияния на протяжении его жизни. Бросается в глаза тот факт, что «Декларация независимости» США 1776 года действительно утверждает в самом начале, что «все люди созданы равными». Но я подозреваю, что люди с прекрасным чувством реальности, составляющие Конституцию США, особенно Джефферсон, отрицали таким образом лишь претензии на «врожденные» сословные различия, а отнюдь не утверждали опровергаемую повседневным опытом идею равенства задатков всех людей.

Во всяком случае, в XIX веке, при всем развитии образования, ослабло напряжение мысли, увеличилось количество лозунгов, а идея равенства стала маниакальной до такой степени, что одно упоминание о наследственном неравенстве людей рассматривалось как отсталость, если не как гнусность, как осквернение идеи гуманизма. Великий Гобино был совершенно одинок, когда он в середине XIX века провозгласил «неравенство человеческих рас». Именно нечеткая формулировка термина «равенство» сделала этот лозунг весьма растяжимым. В нем смешиваются несколько не различаемых понятий: люди равны; люди должны быть равны; люди равны по своим задаткам и становятся неравными лишь под влиянием разной среды: богатства или бедности, образования или неграмотности, принадлежности к более высокой или более низкой общественной про-

слойке. Остается неясным, должно ли это утверждаемое или требуемое «равенство» распространяться также на духовную и нравственную сферу или оно скорее относится к общественной и государственно-политической сфере.

Но именно эта терминологическая неясность обеспечила действенность лозунга. Его воздействие привело в конечном счете к тому, что не только невежественные народные массы, но и лица, получившие т.н. всеобщее образование, сознательно или бессознательно исходят из предпосылки, будто все люди имеют от природы одинаковые задатки. Многие добавляют к этому «хорошие задатки», лишь влияние разной среды порождает неоспоримые различия. В пролетарском социализме такое понимание стало символом веры, впервые четко выраженным у Прудона. Сегодня есть отдельные марксисты, которые исходят из факта наследственного неравенства людей и требуют от государства проведения политики, стимулирующей здоровую наследственность. Здесь следует назвать таких людей, как недавно умерший Альфред Гротьян и Карл Валентин Мюллер, который недавно снова попытался перекинуть мост от антиаристократических воззрений социал-демократии к аристократической по своей сути евгенике (Мюллер. «Евгеника и социализм», цит. в книге: Юст. «Евгеника и мировоззрение», 1923, стр. 141). Но я боюсь, что по этому мосту никто не пойдет, потому что идейный мир марксистского социализма настолько же закоснел в представлениях XIX века о равенстве, как и демократический либерализм буржуазии. Основатели марксистского социализма задушили в зародыше любую возможность аристократического мышления. Один ведущий социал-демократ опасается, что евгеника проложит путь к возникновению новой родовой знати. Подобное воззрение не оставляет никакой надежды на дальнейшее обучение.

Как либерализм, так и марксизм связали себя в XIX веке с биологическими теориями, которые считались тогда научными и прогрессивными. К ним относится, прежде всего, ламаркизм, т.е. учение о решающем значении среды. С некоторым преувеличением можно сказать, что почти все мышление XIX века – это относится и к враждовавшим друг с другом идеологиям прошлого века – сознательно или бессознательно основывалось на ламаркистских воззрениях. Только благодаря господству ламаркизма, благодаря вере в решающее влияние среды и в возможность облагородить все человечество путем улучшения среды – только благодаря этому ламаркизму смогла развиться маниакальная вера XIX века в прогресс. Отсюда и огромное количество предложений по подъему школьного дела и в прошлом веке, и доныне, как будто иными способами можно создать иных людей. На сознательном или бессознательном ламаркизме основана жажда образования немецкого народа, вред которой для нашего народа стал осознаваться лишь в самое последнее время. Сюда же и к либеральной мании «равноправия» отношу я и такие требования, как обязательные академические курсы для учителей народных школ.

Естествознание сначала помогало популярному ламаркизму XIX века. Безграничный ламаркизм был возможен до Дарвина и Гальтона и, прежде всего, до Менделя. Дарвинизм, т.е. учение о решающей роли наследственности и отбора, утверждался очень медленно и получил более глубокое подкрепление только благодаря Менделю. Но результаты, полученные Менделем, оставались неизвестными и неиспользованными на протяжении жизни целого поколения, пока не были заново открыты в 1900 году. Только в этом году были созданы основы для развития евгеники.

Решение, привлекать ли для объяснения родовой истории организмов или для теории происхождения видов также ламаркистские или только дарвинистские представления, еще не принято, хотя никто больше не может серьезно оспаривать, что на судьбу всех живых существ решающее влияние оказывают наследственные задатки, а не среда. Я полагаю, что для объяснения родовой истории организмов можно привлечь и ламаркистские, и дарвинистские представления. Я бы подключил к этому делу и т.н. старых дарвинистов, которых у нас в Иене представляет профессор Плате.

Но если обнаружится, что для объяснения родовой истории организмов можно привлечь и ламаркистские представления, то ламаркизм с его упором на среду непригоден как поле поиска средств для усовершенствования человеческого рода. Если и есть «наследование приобретенных свойств», точнее, наследование свойств, вызванных приспособлением, свойств, которые приобретены отдельной особью на протяжении ее жизни в ответ на внешние воздействия, то занимают такие процессы целые геологические эпохи. Для наших народных и государственных целей, если мы будем оставаться в рамках наших возможностей, ламаркистские представления привлечь нельзя. Мы не можем ничего сделать для того, чтобы превратить в наследственные те или иные физические или духовные качества, приобретенные отдельной личностью путем упражнений. Хотя сотни улучшений среды могут пойти на пользу отдельным людям, значительного подъема народа в целом они не вызовут. Для наших целей остается только дарвинистский путь, т.е. отбор или устранение: пусть будет много детей у наследственно ценных людей из всех сословий и пусть будет мало детей или пусть их совсем не будет у наследственно неполноценных людей из всех сословий.

Пока различные виды социальной помощи не будут связаны со стерилизацией по закону наследственно неполноценных лиц, до тех пор любая социальная помощь будет только множить зло, которое она якобы должна предотвращать. Улучшение среды, как бы много оно ни давало отдельной личности, без одновременной стерилизации по закону наследственно неполноценных лиц будет способствовать размножению родов, которые в конечном счете станут таким

грузом для государства, что оно падет под их тяжестью. И право нескольких избирательных голосов для отцов семейств, предложенное недавно одним рейхсминистром, можно будет ввести как рациональную меру лишь в том случае, если предварительно, за несколько лет до этого, принять закон о стерилизации наследственно неполноценных лиц. Сегодня, как показывают соответствующие исследования, ситуация в Германии такова, что школьники, которые учатся в школах для умственно отсталых, имеют в среднем наибольшее число братьев и сестер, из чего явствует, с какими отцами семейств мы сегодня имеем дело и к чему привело бы предоставление им нескольких избирательных голосов.

К счастью, даже социал-демократ Гротьян ратует за сочетание социальной помощи со стерилизацией. Я сказал «к счастью», потому что большинство наших современников, оставаясь в путах либерально-индивидуалистического мышления, все еще считает подобные требования чем-то неслыханно-реакционным, вмешательством в права человека. Но государство должно научиться различать «право жить и право давать жизнь» (Мьёэн). Неограниченного права на брак и размножение в государстве, стремящемся к подлинному оздоровлению, не должно быть.

Нам следует вспомнить о том, что официальный запрет браков, основанный на древнегерманском понимании права, сохранялся до середины прошлого века. Эти законы ценны для нас сегодня не своим содержанием, а лежащим в их основе неиндивидуалистическим пониманием жизни, которое следует возродить, чтобы после упадка мог начаться новый подъем. Запрет браков сегодня, когда есть средства для предотвращения беременности и для стерилизации, был бы скорее мерой из области здраво-охранения, чем евгеники. Государство не будет ничего иметь против бездетных браков двух наследственно-неполноценных, но государство должно научить молодежь правильному супружескому выбору, и молодежь сама должна позаботиться о том, чтобы впредь девушки не выходили замуж за юношей, а юноши не женились на девушках, которые ниже их – я имею в виду браки с людьми из наследственно неполноценных семей. Такие браки должны читаться позорными.

Вспомним, кстати, о том, что «наследственно-неполноценные» во многих случаях одновременно означает вообще неполноценные, неполноценные и как индивидуумы; что «наследственно-неполноценные» во многих случаях означает и «анти-общественные». Среди наследственно-неполноценных можно найти и много «недочеловеков», если употреблять слово, впервые использованное Фонтане, т.е. наследственно неполноценных людей, отрицающих все ценности и подрывающих цивилизацию. Но вспомним, с другой стороны, и о том, что во многих случаях люди, имеющие высокую ценность как индивидуумы, могут

быть неполноценными как носители наследственности. Это может относиться и к небольшому числу высокоодаренных людей согласно изречению Сенеки: «Нет великого ума без примеси безумия». Здесь тоже нужно научиться различать ценность человека как индивидуума и как носителя наследственности. Значение, например, Канта ничуть не умаляется, когда говорят, что для его народа, вероятно, было бы лучше, если бы он не оставил потомства. Отдельные личности, высоко стоящие в духовном отношении, но неполноценные как носители наследственности, скорее осознают необходимость государственного регулирования супружеского выбора и закона о стерилизации, чем масса полуобразованных людей, для которых все еще дороги как «мировоззрение» индивидуализм и соответствующие ему либеральные лозунги. Мы должны задуматься над тем, что здравый рассудок, который скорее встретишь среди крестьян, чем среди полуобразованных горожан, осознает и признает наследственное неравенство людей. Когда говорят о равенстве или неравенстве людей, часто вспоминают изречение Паскаля: «Тупицы не видят различий между людьми».

Как я сказал, XIX век характеризовался своим сознательным или бессознательным, но в любом случае почти во всех своих духовных проявлениях ламаркистским мышлением с его упором на среду, а не на наследственные задатки. Достойно сожаления и продолжает наносить вред развитию немецкого духа и, прежде всего, немецкого государства, что философские учения, объединяемые общим термином «немецкий идеализм» в целом тоже соответствовали ламаркистскому мышлению, что, к сожалению, этот «немецкий идеализм» тоже охотно возносил дух над неполноценным телом и верил в возможность обучения всех людей. «Немецкий идеализм», таким образом, остался скорее разновидностью духовной философии, он не развился в философию жизни. Я говорю это, не очень хорошо зная философию и без претензии на правильность терминов. Во всяком случае «философия жизни» развивалась в какой-то мере обходя школу немецкого идеализма от Гете и т.н. натурфилософии романтиков через Шопенгауэра к Ницше и, как многие считают, к Людвигу Клагесу. Этим мыслителям присущ определенный дарвинизм, упор на врожденно-наследственное и предчувствие и сознание того единства души и тела, что соответствует древнеиндогерманскому мышлению, но подкрепляется современной биологией.

Вредным для развития немецкого духа и государства было и то, что «немецкий идеализм» отвергал подходы и методы тех мировоззрений, которые казались ему «натурализмом» или «биологизмом», что этот идеализм недостаточно понимал жизненность старых и новых вопросов, поднимаемых этими «натуралистами» и «биологистами».

Кое-кто из вас может удивиться, когда я говорю о XIX веке, что он следовал скорее ламаркистским, чем дарвинистским представлениям, и приписываю и

«немецкому идеализму» в целом ламаркистские представления. Именно «дарвинизм» кажется многим характерной особенностью различных плоско-натуралистических методов массового мышления XIX века; таким он казался и «немецкому идеализму». Но то, что в XIX веке друзья и враги называли «дарвинизмом» было лишь небольшой частью обширных произведений Дарвина, касавшейся происхождения человека и человекообразных обезьян от общего предка. Эти идеи развивали тогда Гексли и Геккель. Этими идеями воодушевлялся XIX век, ставя их на службу своей мании прогресса. Там обезьяны, здесь человек: для XIX века это было воодушевляющим примером. Но прежде всего для XIX века было характерно стремление как можно быстрей исследовать все существующие отношения на тот предмет, нельзя ли их как-нибудь «прогрессивно» улучшить. Учение о происхождении видов, из которого при рассудительном подходе можно было извлечь много полезного и для государственной жизни, странным образом соединилось в XIX веке с учением о демократическом прогрессе, за исключением более глубокого мыслителя, Фридриха Ницше, который сделал из нее аристократические выводы – только такие выводы из нее и можно сделать.

Весь этот «прогресс» от предшествовавших человеку существ до человека стал возможным только благодаря процессу отсеивания, которому природа подвергла человеческий род. Отбирались самые способные представители этого рода и уничтожались менее приспособленные к тяжелым условиям жизни. Возникновению человеческого рода способствовал ряд ухудшений среды. Никогда еще длительный прогресс не достигался «гуманными» средствами, если употреблять слово «гуманный» как банальный лозунг. Поэтому Ницше ожидал от победы прогрессивной демократии снижения уровня западных народов, «общего вырождения человека», выведения «совершенного стадного человека», «породы людей, наилучшим образом подготовленных к рабству». Ницше, исходя из своего знания истории и из учения о происхождении видов сделал правильный вывод для государств и народов: «Каждое возвышение типа «человек» было до сих пор делом аристократического общества – и так будет всегда».

Из учения о происхождении видов, вообще из всего учения о жизни, для государства можно сделать только аристократический вывод: признание образцом для отбора наследственно одаренного, благородного и прекрасного человека: «калокагатия» древних греков, создание родовой знати, образ жизни которой и выбор супружеских пар ориентируются на этот образец.

Демократически-прогрессивное мышление XIX века постоянно ссылалось на «научность» своих ученых мнений. Можно показать на многих примерах, что эта научность была обоснована не глубже, чем весьма поверхностная связь мании прогресса с учением о происхождении видов. Только благодаря этому в XIX

веке можно было похваляться своим «дарвинистским» мышлением, приписывая при этом решающую роль среде, а не наследственным задаткам и отбору, как Дарвин. Отто Аммон, баденский социал-антрополог (1842-1915) уже отметил, какую оценку можно дать нашему т.н. образованию, если германский Рейхстаг выслушал длинную речь Бебеля о теории эволюции – или о том, что Бебель под этим понимал, – и никто из народных представителей не смог противопоставить Бебелю самого Дарвина, правильно понятого Дарвина. В самом деле, все законы жизни говорят аристократическим языком, поэтому биологи и люди с народным образом мышления, такие как вышеупомянутый Отто Аммон и Александр Тилле (1866-1912) еще поколение назад требовали создания «социал-аристократического» германского государства.

Обновление немецкого народа зависит от того, сможет ли современная немецкая молодежь воплотить в жизнь такое «социал-аристократическое» государство. Обновление зависит от того, сможем ли мы после века уравниловки найти в себе мужество для решительного утверждения и воплощения идеи неравенства и покорно признать ценностную иерархию всего живого согласно божественным законам.

Для этого необходимо пробуждение в нашем народе сознания, ориентированного на аристократию, сознания, которое проявлялось бы у молодежи не только в образе жизни отдельных лиц, но прежде всего при выборе супружеских пар. Лозунгом оздоровления немецкого народа могут стать слова царя Леонида, сказанные им спартанскому народу, как завещание, когда он уходил на битву к Фермопилам: «Пусть сильные женятся и рождают сильных!» (Плутарх. «О недобросовестности Геродота»). Особенно следует сказать, вопреки нынешней мании образования, наследственно здоровым девушкам: для немецкого народа будет гораздо лучше, если они, выбрав соответствующего супруга, снова увидят свои наследственные задатки в куче своих детей, чем если они, развивая свои особые таланты, пойдут обычным академическим путем и умрут бездетными. Спартански строгое государство, вероятно, позволяло бы идти этим путем лишь девушкам, которые, несмотря на свою высокую ценность в качестве отдельных личностей вызывали бы сомнение как носительницы наследственности. В любом случае государство, которое стремится к подлинному оздоровлению, т.е. государство, которое не ограничивается оздоровлением отдельных людей и не впадает в модный в наше время официальный спортивный психоз, а старается увеличить количество ценных наследственных задатков, будет обращать внимание отдельных граждан на их наследственные ценности и учить их просеивать, исходя из убеждения в эффективности идеи отбора.

Каждое государство для своего сохранения и еще больше – для увеличения своей мощи должно опираться на достаточно широкий слой семей с наслед-

ственными качествами повышенной ценности. Государство германского типа должно опираться на родовую знать. Я не имею в виду титулованную знать и уж тем более не ту, титулы которой раздарил Вильгельм II. Семьи всех сословий с высококачественной наследственностью мы можем считать латентной аристократией нашего народа. Мы признаем, что немецкая титулованная знать – несмотря на браки по расчету в XIX веке – все еще может дать превышающее среднее число семей с высококачественной наследственностью. Мы знаем также, что благодаря переходу в более высокие слои одаренных и волевых семей низшие сословия могут дать меньше семей с высококачественной наследственностью, чем высшие. Об этом говорил и социал-демократ Гротьян. Но при всех этих рассуждениях речь идет не о титулах, не о т.н. старинных семействах, не о сословии или богатстве, а только о наследственных задатках.

Таким образом, вклад немецкой титулованной знати в создание немецкой родовой знати будет зависеть от того, сколько она даст семей с высококачественной наследственностью. Но как замкнутое сословие современная титулованная знать в государстве, основанном на законах жизни, не будет больше играть роли. Именно этого требует аристократическая идея, так как знать, основанная не на отборе высококачественных наследственных задатков, это просто бессмыслица, которая может превратиться в дурной анекдот. Когда, например, на аристократических свадьбах кучера и лесники выглядят людьми, ближе стоящими к образцу сильного, прекрасного и благородного человека, чем Их сиятельства – все становится ясным для тех, кто знает, на чем единственно может быть основана аристократия.

Германская аристократия, как и аристократия всех индогерманских народов первоначально основывалась на законах жизни. Равный означал в древние времена у этих народов имеющий такой же уровень наследственных способностей и столь же ярко выраженные черты нордической расы. Позже из такого исполненного жизненного смысла понимания возникло чисто сословное понятие «равного», противоречащее законам жизни, а еще позже герои стали жениться на «дочерях богатых мошенников», как писал Феогнид Мегарский о современной ему знати. В результате народ и государство пришли к тому, что хотя еще существовала какая-то титулованная знать, не было настоящей аристократии, способной руководить. Когда светловолосый, голубоглазый и, судя по сохранившимся монетам, принадлежавший к нордической расе Сулла из патрицианского рода Корнелиев вознамерился спасти государство с помощью остатков римского нобилитета, то вокруг него сплотился своего рода «мужской клуб», а не слой прирожденных вождей. Для Рима тогда было уже поздно.

Но от слоя «прирожденных», т.е. наиболее одаренных наследственно вождей зависит существование государства. Социал-демократ Гротьян писал: «Нам

нужна не только евгеника, но и аристогеника». Похоже, это знал и Наполеон I. Французская революция лишила прав родовую знать, которая частично еще оставалась настоящей аристократией. Революция провозгласила, что имеющееся от рождения больше ничего не значит. Результатом стало господство благоприобретенного, господство денег, которое еще хуже господства низвергнутой знати, и господство масс больших городов, которое хуже всего. Наполеон I, очевидно, предвидел эти последствия, потому что он сказал: «Создание народной аристократии необходимо для восстановления общественного порядка».

Необходима аристократическая идея вообще, идея господства самых способных и самых благородных. Сегодня достаточно много людей хотят и могут понять эту сторону аристократической идеи, пережив период либеральной демократии. Но эта идея не должна ограничиваться отдельными личностями, она должна по сути своей распространяться на предков и на потомков. Индивидуалистическое мышление никогда не сможет стать аристократическим в полном смысле слова. Здесь мы должны высказать свое несогласие и с некоторыми изречениями Ницше.

Государство при формировании руководящего слоя не может положиться на случайность, на то, что случайно появятся полноценные люди в результате благоприятного сочетания наследственных задатков двух не вполне полноценных семей. Возможен индивидуальный подъем на более высокий уровень, но наиболее велика вероятность того, что уровень потомства снова снизится. Государство должно создать сравнительно широкий и надежный слой семей с высококачественными наследственными задатками, от которого можно ожидать появления такого же потомства не в отдельных редких случаях, а как правило. Стимул такого развития – правильный выбор супружеских пар. Обычно это делается неосознанно, старая народная мудрость забывается. Теперь молодежь должна сделать это своей сознательной задачей. Пусть в этом заключается ее честолюбие и пусть данные ей образцы оказывают воздействие вплоть до низших сословий. Пусть каждый стремится возвысить свою семью и – будем произносить это слово без ложного стыда – выведет таких детей и внуков, которые будут достойными причисления к родовой знати немецкого народа.

Многие ли из немецких родов могут сказать сегодня о себе со спокойной гордостью словами Эврипида: «Происхождение от благородных предков высокой славой украшает жизнь?» («Гекуба»). Мы должны бороться за то, чтобы началась эпоха, когда представители многих немецких родов снова смогут гордиться своими благородными предками. Задача правильного выбора супружеской пары, если Германия снова станет Империей, встанет прежде всего перед императорским родом. Не может быть больше императорского рода, который не устанавливал бы сам для себя законы, основанные на евгенике и расовой теории,

отвергая сословные мнения «равных». Глупого выбора супружеской пары впредь надо будет стыдиться как нечистоплотного образа жизни, тем более тем, кого другие считают людьми высокого рода и от кого действительно зависит облагораживание (эвгенейя) государства.

Но я говорю здесь об аристократической идее не как о жизненной позиции одного лишь высшего слоя и отдельных, стремящихся к возвышению семей, я думаю не больше, не меньше как об усвоении всем немецким народом идеи отбора и аристократической идеи. Но для того, чтобы эти идеи дошли до самых низших слоев народа, пример должен быть дан сверху, из круга лиц с академическим образованием. Если в этих слоях утвердится мышление, основанное на законах жизни, аристократическое мышление, если из этих слоев будет распространяться новое, наполненное жизненным смыслом благородство, обладающее силой примера, то, как показывает исторический опыт, пример, поданный сверху, будет воздействовать и на низы. Понятое таким образом благородство может основываться не на благоприобретенном, например, на обладании большим количеством знаний, а только на врожденных качествах… Корни настоящей аристократии всегда врожденные, а лжеаристократия охотно хвастается благоприобретенным.

В заключение зададим вопрос: Как можно, создав новый слой руководителей, новую аристократию, защитить этот слой от вымирания? До сих пор культура каждого народа создавалась за счет вымирания способных к созданию и сохранению культуры родов. Культура это почти всегда результат жуткого процесса сгорания высококачественных наследственных задатков. Таким образом, перед нами стоит задача, найти такую форму культуры, которая одновременно способствовала бы сохранению или даже умножению таких семей, в которых рождаются создатели и носители этой культуры. Таким образом мы очертили круг вопросов, которые я хотел бы обозначить названием основополагающей книги моего друга Дарре «Новая аристократия крови и почвы» (1930). У народа германского корня не может быть аристократии без семейных земельных владений. Немецкое слово «Адель» («знать») происходит от «одаль», т.е. родовое владение, вотчина. Пока знать народов, говорящих на индогерманских языках, была здоровой, все ее понимание жизни было крестьянским. По-крестьянски думали «эвгенейс» древней Аттики, спартиаты, патриции и все сословие свободных германцев. Столь же характерно для них всех было отвращение ко всему торгашескому и презрение к богатству. Германское государство будет здоровым до тех пор, пока оно сможет творить, опираясь на наследственных фонд благородного крестьянства. Я здесь опять-таки имею в виду не сословие благородных землевладельцев, а весь круг отборных сельских семей, независимо от того, принадлежат они к титулованной знати или нет.

Только от такого благородного крестьянства может исходить подлинное обновление. Поэтому обязанность государства, стремящегося к оздоровлению, обеспечить отборные оседлые семьи наследственными владениями, чтобы они могли себя содержать. Эти владения должны переходить по наследству от отца к одному из сыновей. Но никто из оседлых земледельцев не должен получать государственной поддержки, если он не соответствует физическим и духовным требованиям, предъявляемым при наборе в армию. Государственные дотации должны быть также увязаны с правильным выбором супружеских пар. Государство до сих пор слишком много делало для «выведения массовых людей, неспособных к риску» (Иенсен). Теперь оно должно позаботиться о бедных семьях с высококачественным наследственным фондом. Государство должно также понять, что все, что оно делает для городов, идет на пользу умирающей жизни. Западные народы и государства выросли из деревень, в городах они разлагаются и вымирают. С точки зрения законов жизни смысл имеет только забота о крестьянстве.

Бисмарк однажды сказал, что одно лишь крестьянство – кормящее сословие, все остальные сословия – пожирающие. Так мог бы сказать и римский сенатор ранней эпохи. При изучении всех дорогостоящих государственных и городских мер, направленных на развитие городов, прежде всего, больших, а также всех городских достижений и их иллюстрированных описаний в прессе больших городов, я всегда вспоминаю стихи поэта фон Платена: «Столько трудов ради савана!» В том процессе сгорания, который мы называет культурой, именно люди, обладающие талантами руководителей, остаются холостыми, умирают бездетными или имеют мало детей. Именно поэтому отборному слою отборных сельских семей необходимы неотчуждаемые и неделимые земельные владения. Если потом вышедшие из этих семей «прирожденные» руководители будут обречены городской жизнью на безбрачие и бездетность, плодородная сельская почва сохранится. Род будет процветать и от связей отборных сельских родов будут снова и снова происходить потомки, способные стать руководителями народа, а народу такие прирожденные руководители нужны на десятках тысяч важных должностей и не только в высшем слое, но и во всех сословиях. Таково значение «крови и почвы». Подробности смотрите в книге Дарре.

Но из вышесказанного следует, что крестьянство для народного государства означает нечто иное, чем для либерального. Для либерального государства это одно из прочих сословий и его влияние зависит от того, сколько голосов оно может дать на выборах. Охотно говорят о «сельском хозяйстве» и это свидетельствует, как показал Дарре, о том, что и крестьянство вовлекается в т.н. экономическое мышление, т.е. в городскую погоню за прибылью, в «менталитет» биржи.

Но крестьянство это не одно сословие из прочих, это основа жизни народа и государства. Народ рождается в деревне и вымирает в городах. Это значит, что дальновидное германское государство должно видеть в своем крестьянстве первое сословие. То, что государство делает для крестьянства, оно делает для своего усиления. Другого постоянного средства его усиления вообще нет.

Но при этом мы не хотели бы выглядеть горожанами с романтическими представлениями о крестьянстве. Мы не должны скрывать, что части современного крестьянства, а во многих сельских местностях даже большинство населения непригодны для того, чтобы породить то, что я называю крестьянской аристократией. Мы видим, что энергичные люди и целые семьи уезжают в города, поэтому во многих сельских местностях обеднел высококачественный наследственный фонд. Тем настоятельней задача поселения на земле стремящихся к этому семей сельского и городского происхождения, обеспечение наследственно полноценных людей земельными владениями. Важно, чтобы лучшие из академической молодежи приобретали бы по возможности профессии, которые позволили бы им жить и создавать семьи в деревне. Необходим закон, чтобы как минимум один сын из лучших семей всех сословий мог получить наследственное земельное владение.

Но для распространения таких взглядов необходима определенная переоценка нынешних ценностей. Если XIX век придавал, хотя и мишурный блеск городской жизни, то теперь мы должны говорить о высокой ценности сельской жизни. Государство должно сделать деревню более привлекательной, а значение городов понизить. Для этого в будущем целесообразны: трудовая повинность городского населения, воинская повинность сельского населения (носить оружие для германца – великая честь), а позже – право на постоянное ношение оружия для ведущих самостоятельное сельское хозяйство отцов семейств (для германца только отец семейства – полноправный гражданин).

Аристократическое мышление может вырасти только из крестьянского мышления. Ницше был совершенно прав, когда с недоверием относился к понятию «аристократия духа», столь любезному сердцу многих наших интеллектуалов: «Когда говорят об «аристократах духа», обычно хватает причин для того, чтобы кое о чем умалчивать. Как известно, это любимое выражение честолюбивых евреев. Но один дух не может сделать благородным. Нужно еще кое-что, что делает благородным дух. Что же это? Кровь». Но эту кровь человек никогда не имеет как отдельная личность, а всегда только как потомок, с одной стороны, и как потенциальный предок будущих поколений, с другой. Для государства в конечном счете и в дальней перспективе источником крови могут быть только сельские семьи. Аристократическое мышление может развиться только из кре-

стьянского мышления и создание слоя «прирожденных» руководителей возможно только в деревне.

При таком взгляде многим нашим интеллектуалам придется пересмотреть свое понятие об «образовании». Нам нужно такое образование, которое выражается в повышенном внимании к законам жизни. В Германии все еще больше в чести дух, но, к сожалению, такой дух, который свысока смотрит на явления наследственности и отбора, который с издевкой говорит о «скотоводстве», когда речь заходит об улучшении человеческого рода. Но, в конечном счете, действительно плодотворен лишь такой дух, который укрепляет человеческую волю к улучшению рода, а названия культуры заслуживает лишь такая культура, которой удается воплотить присущие ей духовные ценности в образцовых родах. Основатель идеалистического мышления Платон знал об этом, отсюда его проекты законов, которые способствовали бы улучшению породы. Платон проявил в этом более глубокое понимание действительности, человека и жизни, чем те представители «немецкого идеализма», которые надеялись, что воспитание и образование облагородят род человеческий (Ганс Ф.К. Гюнтер. «Платон как хранитель жизни». «Идеи Платона об улучшении породы и воспитании и их значение для современности». 1928).

У нас есть основания не доверять различным вероучениям, которые делают упор, даже чрезмерный упор на «духе» и «душе», не указывая путь к воплощению духовных ценностей в человеческих родах. Если исходить из таких убеждений, недуховным кажется многое, что нам преподносится как духовное. Исходя из таких убеждений, наше государство должно обуздать обуявшее всех немцев помешательство на образовании, помешательство, следствием которого, согласно недавно изданной книге Хартнакке, может быть только «смерть народа». Хартнакке – один из немногих биологически образованных людей среди представителей нашей системы образования (Хартнакке. «Естественные пределы духовного образования». 1930. «Мания образования – смерть народа». 1932).

Но нужно не только дополнительно проверить учебные заведения, но также изменить само направление обучения. До сих пор в мешанине нашей системы образования там и сям еще остаются скрытые или наполовину скрытые ценности, враждебные жизни. Но для оздоровления народа и государства необходимо образование, целиком направленное на стимулирование жизни.

Если нас спросят о ценностях, которые должны быть ориентирами для здоровой и оздоровляющей немецкой системы образования, для оздоровления немецкого народа, его духа и его государства, то выяснится, что жизненные ценности

немецкого народа можно почерпнуть из образа жизни наследственно одаренных немецких родов, обитающих в сельской среде.

ВЫБОР СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ В БРАКЕ И УЛУЧШЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Ю.Ф. Леманс Ферлаг. Мюнхен-Берлин. 1941 г.

Введение. Неправильный выбор супружеских пар как одна из главных причин распада браков в наше время

В годы после Первой мировой войны книжный рынок был переполнен книгами, которые описывали разрушение брачной жизни у западных народов и либо указывали средство спасения брака и семьи на Западе, либо предрекали конец существующей формы брака и семьи. Могло показаться, будто в Германии, Франции и Англии, а также в США вдруг поняли, что с браком и семьей что-то неладно и либо они не соответствуют требованиям «нового» времени, либо вообще устарели. Если американцы Г. Гамильтон и К. Макгован еще задаются вопросом, что именно неладно с браком, то их соотечественник В. Калвертон уже пишет о «банкротстве» брака, а английский этнограф Р. Бриффолт в предисловии к книге Калвертона предрекает переход западного брака к матриархальным, более рыхлым формам. Следует отметить, что брак и семья стали считаться «проблемой» не только после Первой мировой войны. В 1893 г. когда «либеральный» порядок буржуазного мира еще казался незыблемым, итальянец П. Мантегацца писал: «Брак в его нынешнем виде является неудачной формой и требует радикальных изменений». Накануне войны, в 1913 г. барон фон Паунгартен выпустил сборник статей «Проблема брака в наше время», который свидетельствует о том, что эта проблема стояла уже тогда. Накануне войны еврейские писатели и писательницы вещали о «сексуальном кризисе», а марксисты, радикальные феминистки и разного рода «исправители мира» не только описывали крах «буржуазного брака», но и приветствовали этот крах во имя «освобождения человечества» и построения «общества будущего». Возникали группы, которые проповедовали «новую этику» и «новую сексуальную мораль».

Мировая война прервала эти дискуссии. Но вернувшиеся с войны солдаты обнаружили, что их жены им изменяли; другие вернулись с венерическими болезнями; тысячи скоропалительных браков, заключенных после войны, распались, когда безработица, жилищный кризис, лихорадочная погоня за удовольствиями стали разрушать общество, и для одних свой дом и семья стали недостижимой целью, а для других пережитком. В результате за 15 лет, прошедших после

войны, появилась огромная литература о браке и семье. В Англии принялись оживленно обсуждать вопросы, о которых в викторианскую эпоху не было принято говорить вслух. Правда, английские авторы не внесли заслуживающих внимания предложений относительно исправления общественных пороков, зато в США вышел ряд серьезных работ о смысле, ценности, кризисе и обновлении брака и семьи. Ни в одной европейской стране нет такой работы по истории семьи, как «Социальная история Американской семьи» А. Кэлхауна (3 тома, 1917-19)

Когда после мировой войны упадок нравственности и распад семьи стали явными, причем распад этот продолжается до сих пор и продлится еще многие годы, если не десятилетия, запестрели такие рубрики как «кризис брака», «кризис добродетели», «сексуальный кризис» и даже «сексуальная катастрофа». Врачи и судьи заговорили об «эпидемии абортов». Снижение рождаемости, которое началось в Германии в 80-х годах XIX века, после войны приняло форму резкого спада. Число разводов в этот период возросло настолько, что заговорили о «половодье разводов». В настоящее время больше всего разводов в США, за ними следуют Германия (с Австрией), Дания, Эстония, Латвия, Швейцария и Венгрия. В 1935-37 годах в Германии снова резко увеличилась частота разводов.

Одни рекомендовали в качестве противовеса открытый переход к свободной любви, к «дружбе», вошедшей в моду со времен мировой войны, и законодательную отмену всего, что еще оставалось от семьи и брака. Другие считали, что брак и семью можно спасти путем обучения «гигиене половой жизни» на практике. Некоторые ожидали, что «дружеские», «пробные» или «временные» браки сделают более чистой половую жизнь молодежи, нуждающейся в удовлетворении половой потребности, и вновь укрепят брак и семью. Подобные идеи внесли путаницу во все представления о половой жизни, браке и семье, которую нескоро удастся распутать.

Авторы многих книг на эту тему исходили из того, что брак и семья распались, поэтому лучше всего устранить то, что от них еще осталось. Эти авторы указывали на многие примеры несчастливых браков, но не замечали, что есть много и счастливых. Торстен Болин сообщает, что по данным опроса, проведенного в 1930 г. одной шведской газетой среди врачей и чиновников, ведающих разводами, более половины всех браков, заключенных в Швеции, следует считать несчастливыми. Один чиновник из Стокгольма сказал Болину, что в кругу своих знакомых он не знает ни одного счастливого брака. Болин возразил, что его собственный опыт говорит об обратном. Распад семьи в Стокгольме и других шведских городах еще не является свидетельством распада шведской семьи вообще. Ситуация в больших городах имеет свою специфику.

В своих лекциях о половой жизни, выборе супружеской пары и семье я стараюсь покончить с путаницей в этих вопросах, опираясь на идеи наследственности, отбора и улучшения породы. При этом я сознаю, насколько влияние современности и экономических условий угрожает семейной жизни и как трудно будет заложить основы нового порядка в половой жизни и семье. Причин современного распада семьи и несчастных браков так много, что никто не может предложить панацею для излечения всех недугов. Но у меня создалось впечатление, что одна из главных причин неудачи многих браков это **неправильный выбор супружеской пары**. Было бы больше удовлетворительных или счастливых браков, если бы двое, выбирая друг друга в супруги, действительно подходили друг другу, дополняли друг друга, могли осчастливить друг друга. Несчастье в браке, в значительной мере, – результат неправильного выбора, следствие встречи двух людей разного пола, из которых либо один вообще непригоден к браку, либо не может осчастливить своего избранника или избранницу. Не брак как таковой, а неправильный выбор делает многие браки несчастными. Это вытекает из анализа всех вопросов, связанных с разводами. Из частоты разводов в западных странах нельзя делать вывод о порочности брака как института.

Разводы

Вопрос о том, легко или нет добиться развода в случае неудачного брака, не вносит такой ясности, как рекомендации по правильному выбору супружеской пары с целью увеличения числа устойчивых и счастливых браков, для которых необходима более прочная основа. Это признает и Попноу («Развод и повторный брак с евгенической точки зрения», «Social Forces», т. 12, 1933-34 г.): для укрепления семейного духа и браков не так много следует ожидать от изменения законов о разводе, как от воспитательной подготовки молодежи к браку; молодых людей нужно учить правильно выбирать пару и поставить законодательные преграды на пути скороспелых браков.

Статистика разводов и повторных браков разведенных в разных странах позволяет сделать вывод, что большинство разведенных, исходя из собственного печального опыта не приходит к мысли, что они сами непригодны для брака, а приписывают свою неудачу неправильному выбору. В Англии 60% разведенных вступают в повторный брак, в США 50%. В числе не вступивших в повторный брак могут быть и люди преклонного возрасти или не нашедшие достойного партнера. Среди лиц, вступивших в повторный брак, преобладают мужчины, потому что у разведенных женщин среднего возраста меньше шансов. Попноу сообщает, что из 1000 людей, вступивших в повторный брак, две трети, по оценке их знакомых, живут счастливо.

Меньшинство разведенных развелись не потому, что сделали неправильный выбор, а потому что сами непригодны к браку. Попноу справедливо указывает, что группа разведенных по своей средней наследственной ценности ниже группы счастливых в браке: у них больше психических недостатков, меньше средняя продолжительность жизни, чаще бесплодие. Многие из разведенных сомнительны сами по себе, хотя они и ищут причину в неправильном выборе. Если больше всего разведенных среди актеров и музыкантов, то следует предположить, что в этой профессиональной группе больше, чем в других, людей, непригодных к браку. Если же речь идет о частых разводах молодых пар, то здесь главной причиной будет поспешный, неправильный выбор…

… В США на браки, распавшиеся в первые пять лет супружеской жизни, приходится 43,3% всех разводов. Наиболее часты разводы на четвертый год. Главная причина и в этом случае – поспешный, неправильный выбор. Этим объясняются и «волны разводов», регулярно следующие за «волнами браков» в начале и по окончании войны, а также после глубокого экономического кризиса. Отсюда следует заключить, что часто наблюдаемые у западных народов «брачные кризисы», частота несчастливых браков и частота разводов объясняются не недостатками института брака и законов о браке и не увеличением числа людей, непригодных к браку, а неправильным выбором супружеских пар. Поэтому важно поставить вопрос об условиях правильного выбора, т.е. такого выбора, который обеспечивает счастливый брак и улучшение породы.

Выбор супружеских пар как процесс отбора

Этот вопрос можно рассматривать в двух основных планах. Один из них касается самих супругов, другой – их возможного потомства. Я начну с отдельных людей, как таковых, а потом перейду к проблемам наследственности, размножения и отбора. При этом одну сторону нельзя четко отделить от другой.

Начнем с того, что евгеника, именно потому, что для нее желательны счастливые браки наследственно полноценных людей, уделяет много внимания тому, чтобы вступающие в брак не только хорошо подходили друг к другу как носители наследственности и могли породить хорошее потомство, но и тому, чтобы их уникальные, индивидуальные качества хорошо дополняли друг друга и счастливо сочетались. Поэтому для евгеники желательно, чтобы такие люди считали свой брак высшим благом и чтобы таких браков было как можно больше.

Направление отбора в народе определяется 1) выбором супружеских пар 2) чистом детей от заключенных браков. Таким образом, выбор супружеских пар означает для народа гораздо больше, чем полагает большинство людей. Этот

выбор – решающий шаг для будущего народа. Это подчеркивал английский естествоиспытатель А. Уоллес, современник и единомышленник Дарвина, в 1894 г. в статье «Прогресс человечества». Уоллес требовал, чтобы самые широкие круги научились осознавать свою ответственность за свои браки.

В моей книге «Формы и предыстория брака» (1940) я показал на разных примерах, что и в прошлом, и в наше время многие народы и племена осознавали важность выбора супружеских пар для улучшения породы. Такое сознание было особенно присуще индоевропейцам бронзового и железного века. У них выбор супружеских пар служил цели сохранения способных, благородных и красивых родов. Имелись соответствующие образцы для отбора. Сохранение рода символизировали вечный огонь очага, почитание Гестии у эллинов, Весты у римлян, культ домашнего очага у германцев.

Уже с обычаями сватовства у многих народов, часто бессознательно, а часто сознательно связан элемент отбора. Взаимные подарки показывают силу, смелость и искусность их изготовителей и изготовительниц, позволяют оценить качества хозяйки и хозяина дома. Во многих племенах Земли девушка, к которой сватаются, ждет от своего жениха проявления мужества и военной доблести. Как правило, лучшие девушки выбирают среди женихов самых смелых, искусных и красивых, хороших защитников и кормильцев, искусных охотников, рыбаков и тружеников. Поскольку женихи выбирают девушек по тем критериям, менее способным юношам достаются менее способные девушки. У многих первобытных народов такой выбор супружеских пар служит улучшению породы. Так благодаря отбору исторические народы древности и средневековья создавали высшие цивилизации, а позже, когда среди них возобладали наследственно-неполноценные элементы, это неизбежно приводило к упадку и краху. Одновременно идеал для отбора этих народов, образ способного, благородного и красивого человека, который определял выбор супружеских пар, позже поблек, и кончилось тем, что не стало никакого идеала.

Выбор супружеской пары по идеальным качествам

И среди народов западной цивилизации существуют более или менее четкие представления о качествах предпочтительных мужчин и женщин, по крайней мере среди крестьян отдельных местностей и частично – в средних и высших слоях. Для достаточно многих людей желательно то сочетание, которое снова рекомендовал Гальтон: здоровый дух в здоровом теле. Гальтон при этом подчеркивал, что одностороннее укрепление духовных сил за счет физических или физических за счет духовных обычно пагубно для тех и других. Если в начале XIX века больше внимания уделяли духу и пренебрегали телом, то с начала XX

века распространившееся из Англии увлечение спортом привело к пренебрежению духом и при выборе супружеских пар. По ясности и честности мышления XX век не сравнится XVIII-м.

Попноу в книге «Современный брак» (1929) приводит примеры того, как американские студенты обоих полов представляют себе будущего мужа или будущую жену. Из 250 опрошенных студентов 98 % хотели вступить в брак. Они называли такие качества, как порядочность, здоровье, определенные черты характера, определенный уровень воспитания и образования, природный ум, привязанность к семье, вера (в смысле принадлежности к определенной религии), способность вести домашнее хозяйство, честолюбие, красота, надежность, способности к изобразительным искусствам и музыке, общие духовные интересы, деловые качества, благосостояние, любовь к спорту, общественное положение, отношение к женскому вопросу.

Этот перечень начинается с наиболее часто встречающихся пожеланий, из которых видно, что большее значение придается врожденным, а не приобретенным качествам. В целом это совпадает с идеалами евгеники. Вопрос об отношении к женскому вопросу объясняется особенностями феминистского движения в США.

Опрос читателей одного физкультурного журнала дал следующий перечень качеств идеальной жены: здоровье 23%, привлекательная внешность 14%, способность вести хозяйство 12%, определенные черты характера 11%, материнские качества 11%, изворотливость 7%, прочие качества 5%. В этом случае представления менее ясные, чем у студентов, о которых говорилось выше.

Студентам Нью-Йоркского университета задали вопрос, какой они хотели бы видеть будущую жену: здоровой, красивой или богатой? Здоровой ответили 48%, красивой 15%, богатой – 12%. И в этом случае предпочтение было отдано врожденным качествам. Спрашивать о здоровье отдельно от красоты не совсем целесообразно, так как с точки зрения евгеники многое из того, что воспринимается как физическая красота, является признаком здоровья.

Согласно опросу американского журнала «Physical Health» девушки из разных слоев предпочитают такие качества будущего супруга: здоровье 20%, определенный уровень благосостояния 19%, отцовские качества 18%, красивая внешность 11%, определенные черты характера 8%, определенный уровень образования 8%, способность к ведению домашнего хозяйства 7%, богатство 6%, умение хорошо одеваться 3%.

Группа американских студенток при подобном опросе ставила на первые места такие качества как нравственная чистота, честность, здоровье, прирожденные способности, образование, трезвость, религиозность и привязанность к семье.

Роберт Хэнс спрашивал студентов и студенток Пенсильванского университета о желательных качествах будущих жен и мужей. При этом оказалось, что студентки имеют более четкие представления на этот счет, нежели студенты, вероятно, потому что они созревают раньше и больше думают о браке. Студент 23 лет как правило менее развит, чем студентка того же возраста. Студентки чаще всего называют желательными качествами здоровье, о котором можно судить по физическим чертам, чистоту и происхождение предков из того же народа. Далее следуют: утонченность, великодушие, одаренность и понимание женской сути. Реже принимается во внимание вероисповедание, но этот вопрос частично содержится в вопросе о предках, так как, например, ирландцы и их потомки большей частью католики, а англо-саксы, северные немцы и скандинавы и их потомки большей частью протестанты. Примечательно, что многие студентки, но ни один студент, назвали чувство юмора. Эти девушки правильно понимают, что чувство юмора помогает переносить жизненные невзгоды.

Ответы студентов отличаются от ответов студенток только меньшей ясностью. Выделяются такие качества как здравый рассудок, умение вести хозяйство и хорошо готовить. Студенты-евреи стараются избегать смешанных браков; для прочих студентов желательно одинаковое вероисповедание.

Идеалы американских студентов и студенток в целом совпадают с идеалами евгеники. Если бы браки заключались в соответствии с этими идеалами, было бы меньше браков, к которым можно было бы предъявить претензии с точки зрения теории наследственности. Идеалы молодых лет позже часто вытесняются видами на большое приданое или забываются под влиянием полового влечения, и молодой человек запутывается в сетях, которых он при здравом размышлении смог бы избежать. Наиболее частый случай отказа от идеала это брак по расчету. В Европе тенденция к таким бракам сильнее в тех областях, где меньше представлена нордическая раса. Но я не считаю, что следует упразднить обычай давать приданое. Это позволяет молодому человеку без средств, но со здоровой наследственностью создать семью.

С точки зрения евгеники желательно, чтобы молодые люди обоих полов еще в возрасте неопределенных мечтаний выработали идеал для брачного выбора. С той же точки зрения желательно, чтобы этот идеал становился все более определенным, чтобы, когда настанет время выбора, можно было руководствоваться им и категорически отвергать сомнительные кандидатуры. Взгляд должен быть обращен только на людей здоровых и как индивидуальности, и как носители

наследственности. Такой идеал нужно своевременно пробудить у молодежи, ибо, если молодой человек уже влюбился, доводы теории наследственности на него не подействуют.

Поэтому, чтобы заложить основы национального жизнеустройства, необходимо создать идеал способного, благородного и красивого человека, идеал, который будет определять направление отбора, по крайней мере, для семей, обладающих чувством самоуважения и стремящихся к улучшению породы. Национальное государство не должно оставлять выбор супружеских пар лучшими представителями нашей молодежи на волю случая, меняющихся настроений и страстей юности, а должно попытаться направить этот выбор в верном направлении. Разумеется, молодым людям нельзя предписывать, кого им любить, но тщательно продуманная система воспитания может помочь лучшим представителям нашей молодежи понять, кого им не следует любить, понять, что для них брак с теми, кто ниже их, будет позором и падением, падением не с сословного, имущественного или образовательного уровня, а с уровня их наследственных качеств.

Часть 1. Выбор супружеской пары для счастья в браке

Брачный возраст

Руководство по правильному выбору супружеской пары должно начинаться с вопроса о брачном возрасте и допустимой разнице в возрасте между супругами. Многие трудности при этом выборе объясняются тем, что люди европеоидной расы раньше созревают в половом отношении, чем в духовном. Европейские юноши приобретают способность к размножению уже в 14-16 лет, девушки – в 13-15. Европейские девушки уже к 16-17, а юноши к 19 годам уже созревают к брачной жизни физически, но не духовно. В духовном плане страдают как раз более одаренные люди, в той мере, в какой они созревают позже. В Германии девушкам можно по закону вступать в брак в 16 лет, юношам – в 21 год. Похоже, этот закон больше ориентирован на раньше созревающие расы Европы, для одаренной молодежи позже созревающих рас этот порог слишком низок. В годы после мировой войны было заключено много скороспелых браков между духовно незрелыми людьми, что повлекло за собой впоследствии волну разводов.

Таким образом, хотя евгеника высказывается за ранние браки наследственно высококачественной молодежи, здесь есть некий предел. В духовном плане девушки созревают не раньше 23-24 лет, а юноши – 26-27. При этом следует помнить, что для молодой девушки ранний брак означает, как правило, более тщательный выбор между женихами, так как чем девушка моложе, тем больше у нее возможностей выбора, а с годами этих возможностей станет меньше. Кроме

того, молодые женщины, рано вышедшие замуж, легче рожают, число выкидышей у них меньше. И, конечно, чем позже брак, тем меньше детей. При всем при этом наследственно неполноценные преобладают по темпам рождаемости, и даже если евгенические меры государства закроют для них десять путей, они найдут для себя сто лазеек.

Желательно, чтобы наследственно ценные люди женились в возрасте, когда они приближаются к полной духовной зрелости. Я не говорю, достигают ее, а приближаются к ней. Слишком ранний брак опасен именно для более ценных людей, но для них опасен и брак после достижения этой зрелости. Люди к тому времени обретают устойчивые привычки и становятся закоренелыми холостяками или, по крайней мере, менее пригодными к сосуществованию с другими людьми. Поэтому в брак нужно вступать до того момента, после которого человек превращается в неисправимого холостяка, т.е. тогда, когда еще не потеряна способность приспосабливаться.

Все эти трудности возникают только у людей с богатой духовной жизнью. Большинство «без проблем» следует своим необузданным инстинктам и желаниям, вступает в брак с кем попало и рожает детей раньше, чем те, кто принадлежит к более ценному меньшинству, делают свой выбор.

Разница в возрасте между мужем и женой

Жена должна быть моложе мужа. Но есть опасность ошибки на несколько лет при выборе пары, потому что молодые люди обоих полов испытывают мимолетные увлечения более старшими людьми другого пола. Многих молодых людей 21 года привлекают женщины бальзаковского возраста, а многих молодых девушек – «мужчины с висками, начинающими седеть». Если за такими увлечениями следуют браки, то через несколько лет после их заключения тот, кто моложе, начнет об этом жалеть.

Говорят, муж и жена должны быть одного возраста. Другое мнение – жена должна быть моложе мужа на 10 лет. Мне кажется более правильной таблица соотношений, которую дает Гуго Зелльгейм:

17 1/2	–	22 1/2
21	–	27
24 1/2	–	31 1/2
28	–	35
37 1/2	–	49 1/2
42	–	54
45 1/2	–	58 1/2
49	–	63

К. Штрац, занимаясь вопросом о разницах в возрасте между желающими вступить в брак, советовал учитывать, что на подъеме жизни женщина опережает мужчину на 2-4 года, но и склон жизни у нее наступает на 10-15 лет раньше. Однако число прожитых лет не столь важно, как индивидуальный возраст каждого человека, обусловленный его наследственными задатками. Один человек в 50 лет уже стар, а другой еще не стар и в 60; женщины одной расы в 35 лет еще молоды, а женщины другой к этому времени уже стары. Бросается в глаза сохранение молодости женщинами нордической расы, которые часто в возрасте 50-60 лет выглядят такими же «свежими», как женщины других рас в возрасте 35-40 лет.

Молодость и старость человека это этапы его жизни с колебаниями порядка нескольких лет. Поэтому при определении брачного возраста всегда приходится исходить из средних цифр.

Случаи явного несовпадения возрастов супругов довольно редки. Обычно если 25-летний молодой человек женится на 40-летней женщине, то он либо зарится на ее деньги, либо у него извращенные наклонности, либо этот брак распадется, как только этот молодой человек начнет проявлять понятную симпатию к молодой девушке. То, что такие браки остаются бездетными, только на пользу генофонду народа, потому что у большинства таких молодых людей налицо признаки вырождения.

Психоаналитики обращают внимание на то, что молодые люди, слишком привязанные к своим матерям, часто женятся на женщинах, слишком старых для них. Представление о женщине смешивается у них с представлением о матери. Так же молодые девушки, слишком привязанные к своим отцам и считающие их за образец или девушки, отцы которых, наоборот, были слабыми людьми и не отвечали представлениям об отце, выходят замуж за старых людей. Но эти отклонения объясняются не столько влиянием среды, сколько наследственными задатками.

Прослойка и сословие

Следует ли заключать браки в пределах своего сословия или вне его? В среднем, наследственная ценность сословий тем выше, чем выше сословие, но на уровне семей, а не отдельных лиц. Так что при выборе супружеских пар вопрос о сословии тоже небезразличен. С точки зрения теории наследственности различия между сословиями не столь важны, как раньше думала знать, но они важней, чем полагают либералы и социалисты.

Если человек среднего или высшего сословия заключает брак на том же уровне, причем выбирает жену или мужа не из семьи какого-нибудь нувориша, а из семьи, принадлежащей к данному сословию на протяжении нескольких поколений, то высокий уровень будет сохранен. Дети же нуворишей отличаются тем, что они выбирают, руководствуясь часто слепой страстью, людей с меньшей наследственной ценностью, поэтому их предки обычно опускаются на ту же ступень, с которой начинал свое восхождение преуспевший дед. Лучшее свидетельство наследственной доброкачественности семьи – ее постепенное возвышение. Сделать вывод об особой наследственной одаренности семьи можно в том случае, если ее многочисленные дети умеют утвердить себя, ставя перед собой такие цели, для достижения которых нужно не только богатство, но и талант.

При выборе супружеской пары важно учитывать благосостояние семьи, из которой происходит жених или невеста, причем опять-таки благосостояние на протяжении нескольких поколений. Если это семья нувориша, его успех может объясняться его отвратительными качествами. Благосостояние, достигнутое далекими предками семьи, свидетельствует о наличии хороших наследственных задатков. Это не значит, что нужно чтить благосостояние или богатство как таковое – это лишь признаки определенных наследственных задатков семьи.

Пролетарский социализм, возникший из теории среды XIX века, учит, что благосостояние семьи ничего не значит, и даже видит в нем нечто скверное. Те, кто так считает и воюет против капитализма, это в отдельных случаях мечтатели, стремящиеся улучшить мир, но в большинстве случаев – неудавшиеся капиталисты, антикапиталисты не из любви к народу, а из зависти к тем, кто умеет делать деньги. Будь у них самих деньги, они построили бы еще худший капитализм.

Таким образом, благосостояние и сословие значат при выборе супружеской пары больше, чем полагают либералы, социалисты и авторы многих романов, сочувствующие таким парам, браку которых мешает более богатая семья. Эти вопросы нужно решать с точки зрения наследственной ценности двух семей.

Выбор пары из низшего сословия допустим в том случае, если невеста или жених происходят из семьи, все члены которой являются исключением в своей среде благодаря своим особым талантам. Поскольку низшие слои многочисленны, такие исключения нередки. Если у всех членов семьи из низшего сословия есть хорошие задатки, эта семья близка к идеалу для отбора, и выбор невесты или жениха из такой семьи никогда не будет мезальянсом. Мезальянс это когда молодой человек из наследственно ценной, независимо от сословия, семьи же-

нится на дочке богача, семья которого далека от того, чтобы быть образцом для отбора.

Принц фон Изенбург исследовал проблему выбора супружеских пар в высших слоях, прежде всего, среди знати. Он установил, что мужчины из этих слоев в большинстве женились на женщинах ниже себя по рангу, поэтому в родословных по женской линии больше пробелов, чем по мужской, начало этих родословных теряется во тьме истории. Эта особенность объясняется тем, что женщины из высших слоев редко выходили замуж за людей ниже себя, предпочитая оставаться одинокими.

Сведения о графских семьях за 1870 г. говорят о том, что 25% графских дочерей оставались незамужними, а в Южной Германии, где многие дочери из знатных католических семей уходили в монастыри, – 32%. В Северной Германии 11,2% графов женились на женщинах из буржуазной среды, и лишь 5,8% графских дочерей выходили замуж за мужчин из этой среды. Цифры по Южной Германии соответственно 16,5 и 9,4%.

Сословное происхождение – фактор, который приходится учитывать наряду с евгеническими и расовыми аспектами. Брак девушки из высшего сословия с мужчиной, стоящим ниже на общественной лестнице, редко бывает счастливым. Многие девушки, которые заключают такие браки, отличаются странностями, чрезмерной чувственностью и необузданностью. Им нравятся брутальные, мускулистые мужчины из низов.

Но если разница в сословном уровне невелика, шансов на счастливый брак больше. Эту разницу легче преодолеть женщине, чем мужчине, потому что только женщина может возвысить своего супруга до себя.

Женщины из низов, выходящие замуж за мужчин из высших сословий, легче приспосабливаются к новому для них кругу, осваиваются в нем, становятся утонченными. Создается впечатление, что они были словно рождены для такой жизни. Особенно это характерно для женщин, у которых преобладает нордическая кровь. Мужчинам такое приспособление удается гораздо реже. Привыкнув к узкому, ограниченному, «буржуазному» образу жизни, они с трудом расстаются с этой привычкой, чувствуют себя внутренне неуверенными. Даже женщинам из высших слоев не удается в должной мере «отесать» таких мужчин, тогда как многие женщины нордической расы сами осваивают науку, как нужно вести себя в высшем обществе, к которому они первоначально не принадлежали. Девушки из высших слоев должны учитывать указанные выше особенности мужчин, занимающих более низкое, чем они, положение в обществе, прежде чем выходить за них замуж. Как правило, женщины всех сословий лучше умеют

устраивать повседневную жизнь. В период революции 1848 г. мужчины-радикалы хотели сделать все сословия одинаково посредственными, а женщины – благородными. У женщин, как правило, больше возвышающей силы.

Все эти вещи значат в повседневной жизни больше, чем обычно полагают, и гораздо больше, чем думает молодежь. Можно считать сословные предрассудки пережитком прошлого и смеяться над ними, но они останутся даже в бесклассовом обществе, потому что многое из того, что облечено в форму сословных различий, является на самом деле выражением наследственной способности чувствовать. Это доказывают наблюдения над сиротами павших на войне солдат и офицеров. Эти дети воспитывались в одном приюте, в совершенно одинаковых условиях, не зная о своих предках, но у них проявлялись черты характера, свойственные именно той прослойке, из которой они происходили.

Часть людей, в зависимости от своих наследственных задатков, живет стадными чувствами. Для этой части людей главное – влияние среды, задача государства, с их точки зрения, – улучшать эту среду. Другая часть людей, с другими наследственными задатками, отличается аристократизмом мышления, делает упор на неравенство людей и на наследственность. Этот образ мыслей имеет мало общего с обладанием собственностью, есть бедные «благородные люди» (Ибсен, «Росмерсхольм») и богачи с пролетарским мышлением. Есть наследственная сила и широта мышления, наследственная предприимчивость, которые позволяют пробиться даже в неблагоприятных условиях, и эти качества чаще встречаются в высших сословиях, потому что эти сословия состоят из потомков людей, обладавших такими качествами. Семьи, склонные к стадному мышлению, будут опускаться, семьи с благородным мышлением – подниматься, даже если они принадлежат к низам. Этими правилами отбора объясняется и распределение характерных черт среди упомянутых приютских сирот несмотря на одинаковую среду, в зависимости от сословного происхождения. Попноу тоже подчеркивал, что положение человека это не только внешнее качество. Положение семьи еще больше, чем положение отдельного человека, свидетельствует о наследственных задатках и еще меньше является чем-то внешним или случайным.

Так что вопрос о сословном происхождении это не праздный вопрос, он затрагивает коренную проблему наследственных качеств и должен подниматься при выборе супружеской пары, потому что с этой стороны может исходить угроза браку и потому что молодежь должна учиться видеть в уровне жизни семьи признак наследственных свойств.

Брак всегда означает вхождение в другую семью. Две семьи роднятся между собой. Что это значит, хорошо знают крестьяне, а городские люди об этом

больше не думают. Многие браки, которые могли бы стать счастливыми, распались из-за трений между семьями. При браках между представителями разных сословий число возможных трудностей увеличивается еще больше. Когда молодой человек женится на девушке низшего сословия, то лучше, если это служанка, чем работница с фабрики. У работниц свой менталитет: у них есть законное время отдыха, и в это время они «свободны» и им «никто не указ».

Биологический уровень и природное равенство

Здесь речь пойдет о собственной ценности отдельной личности и природном равенстве двух личностей, не обязательно тех, которые хотят вступить в брак. Качества отдельного человека относятся к качеству его задатков как фенотип к генотипу. Человек может иметь большую ценность как отдельная личность, но быть неполноценным как носитель наследственности. Взаимосвязи между биологическим уровнем отдельной личности и уровнем сословия менее ясны.

Подъем семьи на более высокий уровень зависит не только от силы воли и ума ее членов, но и от их честности и широты натуры. Упадок семьи вызывают не только слабоволие, болезненность и бездарность, но также бесчестность и бездушие. Для возвышения отдельного человека, который хочет занять определенное положение, сила воли и ума, конечно, важнее нравственных качеств. Но, поскольку сословия создавались семьями, возвышавшимися постепенно, а не внезапно (семьи внезапно возвысившихся охотников за успехом обычно снова опускаются), можно сделать вывод, что биологический уровень членов сословия тем выше, чем выше сословие.

Поскольку этот высокий уровень встречается в отдельных сословиях с разной частотой, но ни в одной не отсутствует совершенно, можно дать совет заключать браки с равными по рождению. Хороший брак это всегда такой брак, в котором качества одного человека дополняются качествами другого. Но хорошо дополнять друг друга могут только равные по рождению. Об этом говорит граф Кейзерлинг. Он предостерегает от того, чтобы видеть такое взаимное дополнение в «общности интересов». Я пока скажу лишь, что взаимное дополнение в счастливом браке исходит из глубоких слоев души, а не означает живое участие одного из супругов в деятельности другого. Из этих глубинных слоев исходят и душевные силы. Вероятно, граф Кейзерлинг прав, когда он утверждает, что немецкие мужчины не задаются этим вопросом. Образованные немцы чаще ставят вопрос о приобретенных знаниях. Мезальянсы случаются в Германии среди образованных сословий чаще, чем полагают. Чаще это происходит с мужчинами. Девушки во многих случаях предпочитают оставаться одинокими.

Мужчины же женятся на неровне столь часто, что, знакомясь с достойным человеком, всегда боишься познакомиться с его женой, вспоминая слова Ницше из «Заратустры»: «Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла Земли; но когда я увидел его жену, Земля показалась мне сумасшедшим домом».

Нынешняя немецкая молодежь должна отказывать в уважении тем, кто женится на неровне. Правильный выбор супружеских пар – одна из ее главных задач. Юноши должны иметь представление о настоящей хозяйке дома, женщине, которая создает атмосферу в доме и правильно воспитывает детей.

Юношам следует выполнить и старую мудрость: молодой человек должен сначала увидеть мать девушки, на которой собирается жениться. Дочери и в самом деле с годами по многим физическим и психическим признакам все больше становятся похожими на своих матерей. Если бы юноши чаще вспоминали об этом, можно было бы избежать многих несчастливых браков. Если, например, юноше нравится стройная девушка, а у нее тучная мать, это должно послужить для него предостережением, если только у девушки не преобладают черты, переданные по отцовской линии. Бывает и наоборот: полные девушки с годами худеют, как и их матери. Кроме того, по детям, по плодам материнского воспитания, можно судить о том, что представляет собой мать. То же относится и к отцам, но не учитывать качества матери при выборе супружеской пары опасней, чем не учитывать качества отца. В большинстве случаев матери имеют больше общих задатков с дочерьми и сыновьями, чем отцы.

Значение физической красоты с точки зрения законов жизни

Посмотрим теперь на физическую красоту с биологической точки зрения и укажем на ее значение для выбора супружеской пары. Враждебно к физической красоте относятся два мировоззрения: одно из них берет свое начало от восточного учения, разделяющего тело и душу, связанный с потусторонними ценностями «дух» и влекущую к греху «плоть». Согласно этому учению, красота человеческого тела не более чем мираж, сотворенный Диаволом. Второе мировоззрение восходит к различным «идеалистическим» философиям, для которых достоин уважения только «дух» как нечто внутреннее и нематериальное, а тело, как нечто внешнее и преходящее, не имеет значения. В этих философских учениях продолжает жить восточный разрыв между телом и душой, хотя уже не в церковной трактовке. Оба эти учения оказали отрицательное влияние на эволюцию, потому что отвергли образ способного, благородного и красивого человека как идеал для отбора. Народам, говорящим на индоевропейских языках, до внедрения восточного христианства было свойственно чувство красоты чело-

веческого тела, равно как и красоты животных, особенно коней и собак. Так как для этих народов тело и душа были единым целым, они не считали животных «неодушевленными» тварями, бесконечно далекими от человека. Ярче всего это чувство проявилось у древних греков.

Будущее немецкого народа зависит от того, удастся ли немецкой молодежи выработать немецкий аналог эллинской «калокагатии», единства красоты и моральных качеств, и ориентироваться на этот идеал в личной жизни и при выборе супружеских пар.

При этом выборе важна и духовная, и физическая сторона. Обращать внимание на физическую красоту особенно важно для юношей, так как оценка женской красоты это не то, чему учат поэзия и изобразительные искусства, а то, что присуще расам господ во всех частях Земли как наследственный инстинкт, который изначально способствовал возвышению этих рас. Можно даже сказать, что кровь благородной расы часто выражается в той радости, которую человек испытывает при виде красивых людей и животных. Можно также сказать, что людей, для которых эта красота безразлична, следует избегать при выборе супружеской пары. Если мужчина ценит в женщине красоту, он следует инстинктам, унаследованным от высших рас.

Посмотрим теперь на физическую красоту с биологической точки зрения. Такой подход был уже у Дарвина в «Происхождении человека», а также у Г. Спенсера. Я изложил его в лекциях, прочитанных мною в Высшей школе искусств в Веймаре (зимний семестр 1930-31 гг.).

То, что в народе считается «красивым», это идеализированный облик представителей самых выдающихся родов на протяжении ряда поколений среди народа довольно чистой расы или, по крайней мере, его руководящего слоя, сохранившего относительную чистоту расы. Спенсер указывает на то, что у чистой расы внешний облик человека совпадает с его внутренней сущностью. Различие между ними – результат скрещивания рас, хотя есть расы, которым такое различие свойственно изначально (пример – передне-азиатская раса). Первоначальная связь облика представителей выдающихся родов с представлениями народа о красоте ослабляется при скрещивании рас, потому что у каждой расы свой идеал красоты. У господствующих рас красота тела была признаком благородства рода. Упомянутая связь ослабляется еще и потому, что в результате скрещивания духовные черты господствующей расы могут начать ассоциироваться с физическими чертами подчиненной расы, которые многим не нравятся. Даже большая часть подчиненной расы заимствует свой идеал красоты у господствующего слоя. Возможен и такой результат скрещивания, что у человека с «благородной» внешностью проявятся совсем не благородные духовные каче-

ства. Но наследственные инстинкты воспринимают сочетание благородных духовных качеств с неблагородной внешностью как исключение из правила. Так в древней Греции смотрели на Сократа.

Противоречие духовных и физических черт, как у Сократа, яркий пример того, что в подсознании большинства людей и в более поздние времена физическая красота и моральные качества оставались связанными друг с другом более тесно, чем в сознательных оценках этих людей. Спенсер оспаривает широко распространенное мнение, будто физическая красота и моральные качества не имеют друг с другом ничего общего. Спенсер отмечает, исходя из своего опыта, что именно те люди, которые отрицают эту взаимосвязь, всегда удивляются, когда человек с благородной внешностью поступает неблагородно. Но даже в современной Европе, где продолжается скрещивание различных европейских рас между собой и усиливается влияние внеевропейских, есть еще много людей, у которых нелегко отделить внешний облик от морального. И даже те, кто отрицает связь между внешним обликом и моральными качествами, признают, что, хотя встречаются благородные люди с отвратительной внешностью, таких немного, и, хотя встречаются красивые, но аморальные люди, таких тоже немного. И эти отрицатели тоже хотели бы, чтобы их дети выбрали себе супружеские пары с приятной внешностью, а не только умных и порядочных.

Для большинства людей связь между уродливостью физических черт и болезненностью или порочностью более ясна, чем связь между красотой тела и моральными качествами. По оценке психиатра Эрнста Кречмера, «там, где мы встречаем скопление самых тяжелых форм психического вырождения, мы встречаем одновременно и самое большое скопление наследственных физических уродств». Вырождение чаще наблюдается в расово-смешанных семьях, а члены таких семей кажутся «безобразными» представителям каждой чистой расы, а многое из того, что они считают «безобразным» можно рассматривать как симптом болезненных задатков. Ощущение «безобразного» во многих случаях – результат действия инстинкта, который предостерегает о возможном наличии болезней или психических отклонений. Неверно, что красота это качество одной лишь внешности, – это качество всего организма. Люди сторонятся от физических уродов не из предрассудков или эстетической утонченности, а следуя здоровым инстинктам. Красота – важное свидетельство здоровья. Кроме того, как я уже говорил, идеалом красоты служили представители господствующей прослойки. В Центральной и Северо-Западной Европе прекрасными считаются такие физические и духовные черты, которые ближе всего к чертам нордической расы. В Германии вплоть до XVIII века красивым называли только человека с преобладанием нордических черт. До сих пор от бездетных супругов поступает больше заявок на усыновление светловолосых и голубоглазых детей, чем можно удовлетворить. Такого спроса на детей восточно-балтийской расы

нет: они тоже светловолосые и голубоглазые, но остальные их черты отталкивают, а именно черты, которые наиболее удалены от признаков нордической расы. В Англии такими чертами «низшей расы» (по Спенсеру) считаются выступающие челюсти, широкие скулы, убегающий назад лоб, широкий нос.

Мою теорию о происхождении идеала красоты разделяет и граф Кейзерлинг. По его словам, красота тела отождествлялась с совершенством расы, и во времена, когда люди руководствовались инстинктом, супружескую пару выбирали за красоту, заключались счастливые браки и рождалось здоровое потомство. «Для инстинкта дух и тело едины». Но эти правила действительны только для расово однородных народов. Однако и в современной Европе красивый человек, в котором мало осталось от духовной сущности высшей расы, обладает наследственной ценностью.

Пробуждение и воспитание чувства красоты

В Германии это чувство развито меньше, чем в других странах, что сказывается на выборе супружеских пар, который порой бывает ужасным. У германской молодежи нужно пробудить чувство красоты человеческого тела как признака здоровой наследственности. Этому лучше всего способствуют физические упражнения, но такие, как в греческих гимназиях и палестрах, а не как в римском цирке. Увлечение спортом в нынешней Европе часто свидетельствует скорее о недостатке чувства красоты человеческого тела. Есть виды спорта, весьма далекие от греческой «калакагатии». Для возрождения немецкого народа нам нужно учение о теле и духе как о целом. Вспомним слова Ювенала: «В здоровом теле – здоровый дух». Нам нужно избавиться не только от средневекового учения о греховности плоти, но и от такого спорта, при котором накачиваются мускулы, но не развивается дух. Гальтон не зря говорил о теле и духе, что пренебрежение одним означает вырождение того и другого.

При пробуждении чувства физической красоты важно научить понимать эту красоту как выражение здоровья и душевных качеств. Так можно и избежать опасности принять мнимую, пустую красоту за подлинную. Важна красота не только черт лица, но и всего тела. Евгеников радует, что сегодня молодежь обоих полов может совершать совместные прогулки, купаться и играть на пляже, когда можно видеть красоту всего тела в движении. Движение больше говорит о душевных задатках человека, чем состояние покоя.

Многих несчастных браков можно было бы избежать, если бы он или она обращали больше внимания на свободные движения другого человека во время совместных прогулок на свежем воздухе в легких одеждах или хотя бы на походку

другого человека при встрече. Опытному наблюдателю **походка** человека много говорит о его сути, даже о его меняющемся самочувствии и настроении. Если в походке обращает на себя внимание какая-то характерная особенность, это служит предупреждением для инстинкта, который разбирается в таких делах лучше, чем разум. То же относится и к другим свойствам, как к отдельным физическим чертам, так и к отдельным движениям человека. То, что воспринимается как нечто неладное, должно рассматриваться как предостережение. Ницше однажды сказал: «Больше разума в твоем теле, чем в твоей высшей мудрости». Нужно следовать только советам своего тела и советам наблюдений за телом другого человека. Ощущения, испытываемые при таких наблюдениях больше телом, чем разумом, более глубоки и надежны, чем мысленная оценка. Поэтому нужно учиться понимать смысл таких ощущений. Правда, нельзя забывать о том, что многие люди, особенно городские, либо утратили способность видеть в физических чертах признаки душевного своеобразия, либо настолько одурманены «современной жизнью», что их нельзя даже этому научить.

Тем же молодым людям, которые еще поддаются обучению, нужно объяснить, что походка человека, движения его бедер, плеч, рук и шеи многое говорят о сути этого человека. Так даже небольшая примесь внеевропейских рас у евреев, незаметная, когда фигура и лицо неподвижны, часто проявляется при движениях, особенно при движениях плеч, и мимике, особенно при смехе, а также при расслаблении от усталости. При выборе супружеской пары очень важно увидеть человека, **когда он устал**. В этом состоянии можно увидеть черты, которые до того неумышленно или умышленно скрывались, но которые могут быть внешним выражением неизменных качеств, определяющих сосуществование с другим человеком. Непривлекательные черты другого человека должны настораживать. Восточное учение, призывающее обращать внимание только на душу, было причиной многих несчастных браков. Но в признаках и движениях тела отражается душа – и ее убожество тоже, и человеческие инстинкты понимают это лучше, чем разум. И они обращают больше внимания на красоту.

Идеальный образ при выборе супружеской пары и красота

Значение евгеники никогда не поймет до конца тот, в ком нет художественного чутья. Евгеника не довольствуется тем, что считает идеалом для отбора здорового и способного человека, она добавляет, что человек должен быть еще и красивым. Немцы в прошлом слишком часто обращали внимание только на «дух», тогда как эллины и англичане в их творческую эпоху видели достоинство человека в сохранении баланса между устремленным ввысь духом и стремящимся к совершенству телом. В этой связи можно вспомнить о первых 17 со-

нетах Шекспира, в которых он советует своему другу, светловолосому английскому аристократу, жениться, чтобы было много похожих на него детей.

Современник Шекспира, английский поэт Овербери, писал, что мужчина не может выбрать сам себя, но он может выбрать жену, чтобы благодаря этому выбору улучшить свое потомство.

Евгеника стремится к тому, чтобы будущий немецкий народ, средневековых предков которого соседние народы славили как не только сильных, но и красивых людей, стал не только здоровым и порядочным, но и красивым и благородным народом. Даже простому здравому рассудку ясно, что среди благородных и красивых людей больше здоровых, умных и способных, чем среди честных, но неблагородных и некрасивых. Однако евгеника всегда проводит различие между оценкой человека как отдельной личности и как носителя наследственности. Многих людей можно высоко ценить, но не хотеть, чтобы они были отцами или матерями ваших детей или чтобы их выбрали себя в мужья или жены ваши дочери или сыновья. Евгеника никогда не ориентируется на отдельную личность как таковую, а всегда рассматривает эту личность только как носительницу определенных наследственных задатков.

Влияния, мешающие правильному выбору

Влюбленность

Есть влияния, которые мешают сделать правильный выбор ради будущего счастья в браке. К числу этих влияний относится, как ни странно, сама любовь, по крайней мере, некоторые разновидности влюбленности, безумного увлечения.

Не всегда любовь или страстная влюбленность гарантируют счастье в браке. Тогда было бы больше счастливых браков. Говорят, будто любовь инстинктивно ведет к правильному выбору. Но это верно лишь в том случае, если инстинкты не расстроены влияниями современной городской жизни. Горожанам редко удается их сохранить. У человека вообще меньше надежно действующих инстинктов по сравнению с животными. Обычно у живых существ инстинкты тем лучше развиты, чем меньше развита центральная нервная система. Многие горожане, притом как раз более умные, руководствуются больше рассудочными соображениями, чем наследственными инстинктами. Дарвин, наблюдая ослабление инстинктов у домашних животных, предположил, что вытеснение инстинктивных порывов рассудочными соображениями ведет к вырождению людей, воспитываемых в тех же условиях, что и домашние животные.

Поэт Петер Альтенберг пишет в книге «Проблема брака в зеркале нашего времени» (1931): «Кризиса брака, разумеется, нет. Есть только кризис идиотов и идиоток, которые под влиянием минутной сексуальной потребности или по чисто экономическим соображениям пытаются убедить себя и других, будто они созданы друг для друга». Таким образом, пресловутый кризис брака – результат неправильного выбора. Из двух причин, которые называет Альтенберг, брак по расчету таит в себе меньше угроз, чем брак вследствие слепой влюбленности, так как при браке по расчету не бывает такого разочарования, как во втором случае.

Я не хочу сказать, что любовь ничего не значит, но одна лишь любовь во многих случаях – недостаточная причина для брака. Каждый брак должен быть разумным, но отнюдь не в смысле брака по расчету. Брак по любви и разумный брак не следует рассматривать как исключающие друг друга противоположности. Если любовь дополняется рассудочными соображениями, вероятность счастливого брака больше. Слово «любовь» должно обозначать чувство, пронизывающее человека целиком, чувство, в котором страстное желание и разум не исключают друг друга.

Слепая влюбленность – недостаточно прочная основа для брака. Термин «слепая любовь» употреблялся еще в древней Греции. Кант писал: «Тот, кто любит, может при этом оставаться зрячим, но тот, кто влюблен, неизбежно слеп и не замечает недостатков предмета своей любви. Обычно он прозревает через неделю после свадьбы».

Характер влюбленности во многих случаях может служить предостережением. Любовная пара должна задуматься, если после любовных восторгов вдруг обнаруживается, что любовники не знают, что им делать вместе. Между двумя людьми, которые хотят пожениться, не должно быть пустых часов. В наш век многословия здесь необходимо оговорить, что «пустые часы» не означают «часы молчания». Наоборот, полнота чувств как раз проявляется в часы молчания. Благоприятное предзнаменование для будущего брака – именно такие моменты молчаливой влюбленности.

Есть, правда, пары, которые не замечают, как между ними образуется пустота. Такие люди – самые пустые. Пусть женятся – пустота их браку не повредит.

Опасность слепой влюбленности, за которой кроется душевная пустота, не раскрывают писатели. Большинство «любовных романов» заканчивается как раз там, где начинаются серьезные проблемы брака. Есть английская шуточная пьеса, в которой описывается брак между Ромео и Джульеттой. В этой пьесе брак, основанный на слепой влюбленности, кончается плохо. Брак предполага-

ет ответственность, пишет граф Кейзерлинг, но именно об этом страсть не хочет ничего знать. Поэтому признаком низкого, а не высокого уровня является брак, основанный на одной страсти. В браке, как бы сильна ни была страсть, сексуальная сторона быстро оттесняется на задний план другими проблемами повседневной жизни.

В столь же малой степени, как и слепая влюбленность, может служить гарантией счастья в браке одно лишь сексуальное влечение, и одним этим влечением нельзя объяснить ни происхождение брака, ни его суть и отдельные формы. Возможно взаимное сексуальное влечение двух людей, противоположных по своим духовным устремлениям. Если эти люди поженятся, они вскоре обнаружат, что то, что их разъединяет, сильней того, что их объединяет. Браки на такой основе чаще оказываются несчастливыми, чем браки при не очень сильном взаимном влечении.

Романтическая любовь

Экзальтированная, «романтическая» любовь – частая причина несчастных браков. Вторжение повседневной действительности в такую любовь является мучительным. Романтическое слияние двух людей, подобно Тристану и Изольде в изображении Р. Вагнера, невозможно. Полноценный человек должен своевременно понять, что для возвышенной жизни необходимо одиночество. Люди нордического типа и в браке соблюдают взаимную дистанцию. В наше время добрачных связей на это не обращают внимания, но, чтобы брак был счастливым, это должно быть заложено в обоих супругах. Ненордических супружеских пар это не касается. Если в браке одному из супругов требуется дистанция, а другому нет, такой брак под угрозой.

Романтическая любовь, поскольку она отвергает одиночество индивидуальной души, легко приводит к разочарованию в браке. Каждый человек болезненно воспринимает, когда тот или та, кого она или он любит, не сопереживает того, что целиком переполняет его самого. Волновые колебания состояний и настроений двух людей никогда полностью не совпадают. У людей разного пола при всем взаимном влечении моменты гармонии всегда чередуются с моментами диссонанса чувств. Цикл таких колебаний настроения у женщины 28 дней, у мужчины – 23 дня (В. Флис). Романтическая любовь не хочет об этом ничего знать. Один человек никогда не может найти в другом все, в чем он нуждается, как в дополнении. В стихотворении Мёрике говорится:

Принадлежать другому целиком, как хочется,
возможно ли? Искал ответ
Всю ночь я на вопрос и к утру понял: Нет.

Таков рок индивидуального бытия, с которым нужно либо смириться, либо как Тристан и Изольда у Вагнера попрать его своей смертью. Опасность романтической любви и романтического понимания сути любви в том, что романтическая любовь не хочет знать того, что граф Кейзерлинг называет «бременем повседневности».

Скоропалительные браки

Итак, для прочного брака недостаточно одной слепой влюбленности. Нужно узнать все основные черты характера своего избранника или избранницы, прежде всего, путем спокойного наблюдения за ним или за ней в минуты отлива любовной страсти. Такое спокойное, разумное наблюдение более возможно для влюбленных, чем полагают поэты. В романах и пьесах утверждается, что слепая, неодолимая страсть это правило, а сознательный выбор – исключение или признак безнадежного мещанства. Шекспир тоже повторил вслед за своим современником Марлоу: «Любил ли тот, кто не влюблялся с первого взгляда?» («Как вам это понравится»).

В действительности такая «любовь с первого взгляда» встречается отнюдь не так часто, как думают поэты, хотя им, понятно, интересней ее описывать. Но желательно, чтобы такие влюбленные лучше узнали себя в повседневной обстановке. Поэтому евгеника приветствует современную свободу нравов, когда молодые люди обоих полов могут ближе познакомиться друг с другом во время турпоходов, занятий физкультурой и т.п. Во время турпоходов они могут наблюдать друг друга в разных жизненных ситуациях и настроениях. Необходимо **полгода** близкого знакомства с совместным участием в разных мероприятиях. Предлагают даже установить законодательный срок во избежание скоропалительных браков. По американским данным, чаще разводятся такие пары, которые познакомились лишь незадолго до брака. Как известно, самые счастливые браки это браки между детьми соседей в деревнях и маленьких городах. Это браки людей, которые годами имели возможность наблюдать друг друга в повседневной жизни и оценить друг друга до того, как они стали смотреть друг на друга влюбленными глазами.

Однако осторожность при выборе не должна превращаться в боязливость. Врач Бьерре рассказывает о страхах своих пациентов перед свадьбой, того ли человека они выбрали и правильно ли вообще решение вступить в брак. Бьерре считает, что такие опасения обычно признак того, что решение и выбор правильны.

Попноу советует выбирать таких людей, которые никогда не надоедают. Имеются в виду не болтливые и суетливые люди – болтовня и суетливость могут очень сильно утомлять – а люди, которые постоянно заняты внутренней работой и которых хочется иметь рядом.

Городская жизнь

Городская жизнь расстраивает инстинкты выбора. То, что брак и семья в деревне прочней, объясняется рядом причин, одна из которых – сохранение этих инстинктов. Если горожанин в большинстве областей Центральной и Северо-Западной Европы умней крестьянина, то к действительности он в большинстве случаев меньше приспособлен. Крестьянин имеет дело с ограниченным кругом предметов и отношений и обдумывает их сам, горожанин – с более широким, который он не в силах охватить и оценивает под влиянием меняющихся мнений городских групп. Горожанин живет в искусственной, а не в естественной среде, он может быть умней крестьянина, но больше подвержен влиянию массовой души. Работа в городе, в удалении от природы, расстраивает инстинкты человека. Город заставляет человека быстро приспосабливаться к меняющимся условиям искусственной среды, деревня приучает к постоянству. Деревенская жизнь позволяет чувствовать себя в безопасности и принимать правильные решения. Поэтому крестьяне обычно правильно выбирают супружеские пары.

Расстройство инстинктов выражается в том, что человек часто стремится именно к тому, что ему противопоказано, и выбирает, в частности, мужа или жену, прочный брак с которыми невозможен. Это явление наблюдается чаще в городах, где выбор к тому же затруднен внешними условиями. Молодые люди обоих полов не имеют таких возможностей, как в деревне, познакомиться друг с другом в повседневной жизни, они наводят на себя блеск перед встречами, чтобы произвести впечатление. В деревне молодой крестьянин видит дочь соседа в работе, в хорошем и плохом настроении, в счастье и в беде. Такого всестороннего представления горожанин никогда не получит, поэтому в его выборе всегда больше риска.

Совместное обучение

По мнению Попноу, совместное обучение затрудняет впоследствии выбор супружеской пары. Оно тормозит развитие психических половых различий, тогда как именно в школьные годы мальчики должны становиться как можно более мужественными, а девочки – как можно более женственными. В эти же годы должны постепенно формироваться представления о женственности у мальчи-

ков и представления о мужественности у девочек. Это потом поможет правильно выбрать супружескую пару.

Родительский дом

Родительский дом может во многих случаях неблагоприятно повлиять на выбор супружеской пары выросшими детьми. Девочки, брак родителей которых был неудачным, получают вследствие этого психическую травму и либо стараются избежать брака, либо ошибаются в выборе. Такое бывает и с особо чувствительными юношами. Подобные молодые люди обоих полов могут быть также от рождения слишком нежными и пугливыми.

В изданной графом Кейзерлингом «Книге о браке» (1925) еврейский «индивидуальный психолог» Альфред Адлер пишет, что властность отца может побудить его дочь с опаской следить за своим супругом, нет ли и у него таких наклонностей. Подобные дочери склонны, став женами, неправильно толковать поведение своих мужей и от этого страдает брак. Таким девушкам может быть также нужен настолько добрый человек, что они не смогут найти себе подходящего мужа. Сыновья жестоких отцов начинают избегать женщин, а потом и вообще человеческого общества.

Как видим, Адлер и ему подобные «индивидуальные психологи» переоценивают роль среды и недооценивают роль наследственности. Да, можно предположить, что есть люди, на которых определенная среда действует таким образом, что они неправильно выбирают супружескую пару. Но в таких случаях следует учитывать и наследование родительских черт, например, властности и чувствительности, что может впоследствии осложнить супружескую жизнь.

Когда речь идет о людях, которые по своим наследственным задаткам легче поддаются влияниям, на которых среда больше влияет, чем на других, родительский дом может определить и выбор супружеской пары. Швейцарский психолог Карл Густав Юнг пишет о степени духовной связи с отцом или матерью и об их влиянии на выбор супружеских пар и брак. Он считает, что дети часто делают выбор в таком направлении, в котором они надеются найти компенсацию того, что осталось неосуществленным в жизни или браке родителей. Но такие пожелания можно объяснить и наследственными психическими задатками, которые вызывают у детей те же потребности, что и у родителей.

Юнг писал также о значении отца для судьбы личности. Правильному выбору супружеской пары дочерью может помешать ее духовная связь с отцом, а сыном – его духовная связь с матерью. Если отец оказывает сильное влияние на дочь,

то она может считать своего отца за образец при выборе женихов и отвергнуть именно того, с которым у нее был бы счастливый брак. То же самое может произойти с сыном, на которого слишком сильно влияла мать. Родителям в таких случаях следует умерить свое влияние. Молодые люди могут и сами сознательно противостоять этим влияниям. Это предохранит их от ошибок при выборе супружеской пары.

Разлад в сексуальных чувствах

Мучительное расстройство, которое встречается довольно часто и может сделать брак несчастным или заставить отказаться от брака, это разлад в сексуальных чувствах человека. Часть любовных желаний такого человека стремится к высшему, благородному человеку другого пола, а часть – к низшему, грязному человеку другого пола. Герман Хофман дал в книге «Характер и среда» (1928) такое определение подобным людям: «Когда они любят, они не вожделеют; когда они вожделеют, они не могут любить». У таких людей часть, устремленная ввысь, обычно слабей части, устремленной вниз. Такой разрыв характерен для многих второстепенных художников и художниц. У мужчин этому разрыву часто сопутствует комплекс неполноценности, такое чувство, что он не достоин благородной женщины (потому что имел грязные внебрачные связи). Такие мужчины ищут внебрачных или брачных связей с девушками, которые сознают их превосходство или по крайней мере делают вид, что сознают, даже если они сознают только, что этот мужчина занимает более высокое общественное положение. Каждый человек хочет, чтобы его где-то уважали; он будет искать отдельных людей или группы, которые его признают. Многие довольствуются тем, что восхищаются только их положением, кошельком или хотя бы складкой на брюках. Этими психическими причинами объясняются многие любовные связи высших с низшими. У мужчин такие отклонения часто приводят к унизительным и мучительным связям, внебрачным или брачным, или и к таким и к другим; женщины часто вообще отказываются от брака. Женщина, которая может уважать только равного ей мужчину, но испытывает сексуальное влечение к бродячим музыкантам, пользующимся дурной славой тенорам или бедным боксерам, будет тратить много денег на посещение подобных зрелищ, может иметь мимолетные связи с этими людьми, но результатом будет отвращение и отказ от брака вообще. Средства против такого сексуального разлада нет. Если такие люди заключают браки с равными себе, то эти браки обычно распадаются, потому что более сильное влечение к низшим подавить не удается.

Слишком мужественные мужчины

В человеке всегда должно быть хоть немного от противоположного пола, чтобы он вообще мог хоть в какой-то степени понимать духовную суть человека другого пола. Кое-что мужское в женщине и кое-что женское в мужчине необходимо для их взаимопонимания. Если мужчина обладает исключительно мужскими качествами, ему кое-чего не хватает для такого понимания. В отличие от мужчин с некоторыми женскими чертами, он не разбирается в женщинах, поэтому может сделать неправильный выбор или оскорбить выбранную им женщину своей мужицкой грубостью. Это может поставить под угрозу брак. Бьерре рекомендует таким мужчинам попытаться понять женщин хотя бы по книгам, хотя бы разумом, если у них атрофированы чувства. Я не согласен с Бьерре. Чтение книг, обучение и самообучение, как внешние влияния, эффективны лишь в таких крайних случаях, когда определенные задатки делают человека поддающимся обучению.

Слишком мужественные и добродушные мужчины могут сделать неправильный выбор и жениться на красивой, но глупой, даже слабоумной девице, приняв ее пустоту за женский веселый нрав. Даже ласкательные имена, которые такие мужчины дают своим любимым девушкам, часто свидетельствуют о допущенной ошибке. Бывает привлекательная женская глупость, которая может обольстить и мужчин другого типа и побудить их сделать неправильный выбор.

Самоотверженные женщины

Женский инстинкт помочь мужчине создать семью выражается во многих случаях в желании заботиться о другом человеке, чем-то жертвовать для него. Такие самоотверженные девушки и женщины могут связать свою жизнь с мужчиной, который их не достоин, достижения которого не стоят жертв. На такой женской самоотверженности основаны многие несчастные браки, когда достойная женщина связывает свою жизнь с пустым, бестолковым или опустившимся мужчиной, который выдавал себя за «художника», «философа» или «изобретателя» и сумел убедить эту женщину, что, заботясь о нем и прощая ему его грешки, она выполнит свою «жизненную миссию». Стремление многих женщин к самопожертвованию столь велико, что они сами намечают себе такую «миссию», и мужчине даже не приходится их уговаривать. Среди таких женщин много наследственно ценных, несмотря на склонность поддаваться самообману, женщин, которые в браке с другими мужчинами были бы счастливы и родили прекрасных детей, а из-за своей женской самоотверженности они не только несчастны в браке, но и наносят вред генофонду нации.

Противоречие между двумя идеалами

Опасностью для многих юношей является ошибка в выборе между двумя идеалами женщины: один из них это обычно «подруга», «спутница», «возлюбленная», у поэтов и художников – «муза», другой – «супруга» или «невеста». Многие браки разрушились из-за того, что молодой человек выбрал «возлюбленную», а не «супругу». Многим мужчинам удается найти «супругу» лишь во втором или третьем браке. Пример такого раздвоения – любовь Шиллера к сестрам Ленгфельд, более глубокая к Лотте, более бурная – к Каролине. Шиллер, следуя верному инстинкту, выбрал Лотту, которая являла для него идеал «супруги». Брак Шиллера с «музой» Каролиной скорее всего был бы несчастным.

Многих молодых людей привлекают два женских образа: черты одного из них навеяны чертами сестры. Это «возлюбленная», которую желают с всепоглощающей страстью. Мужчине кажется, что связь с этой женщиной открывает перед ним широкие возможности. «Возлюбленная», «спутница» или «муза» кажется молодому человеку женщиной, в которой он найдет все, чего хочет. Он надеется на исполнение своих желаний, а не на взаимное дополнение. Образ «возлюбленной» может обретать и черты гетеры. Психоаналитики полагают, что идеал возлюбленной для многих молодых людей определяется чертами первой женщины, которая оказала на них влияние, когда они были детьми. В этом толковании сказывается характерная для многих психоаналитиков вера во всевластие среды. Если на духовное развитие мальчика оказывает влияние женщина, то она должна быть такой, влиянию которой мальчик может поддаться по своим задаткам. Наследственные инстинкты играют в таких случаях гораздо большую роль, чем внешние влияния.

Обычно связь с «возлюбленной» для молодого человека, у которого есть второй идеал «супруги», быстро становится тягостной.

Нельзя описать общий тип «возлюбленной», поскольку у каждого молодого человека о нем свои представления. Одна и та же девушка может у одного юноши ассоциироваться с типом «возлюбленной», а у другого – с типом «супруги».

Психоаналитики полагают, что представление о «супруге» у многих мужчин навеяно образом их собственной матери. Это участливая женщина, которая может успокоить, дать совет, ухаживать за больным. «Возлюбленная» для ухода за больным не годится. С «супругой» мужчина чувствует себя в покое и в безопасности.

Бьерре считает, что большинство трудностей в браке связано с конфликтом этих двух идеалов. Брак мужчины, который женился на женщине одного типа, может

быть разрушен при его встрече с женщиной другого типа. Я не согласен с Бьеррe, что таких случаев «большинство». Во-первых, очень многие мужчины вообще не знают такого конфликта идеалов, во-вторых, у многих эти идеалы не конфликтуют между собой, а как-то сбалансированы. Большинство браков разбивается о быт.

У женщин тоже бывает такой конфликт идеалов, только он не столь ярко выражен, как у мужчин. Но для многих молодых девушек тип «друга», «возлюбленного» или «спутника» имеет иные черты, нежели тип «супруга». Такие девушки могут попасть в ситуацию, опасность которой описал граф Кейзерлинг: «Вступая в брак с подругой или другом, всегда можно стать жертвой непонимания». Брак с «другом» может разрушиться при встрече с «супругом». Разводы между «друзьями» бывают чаще, чем разводы между «супругами». Но и брак подходящих друг другу людей может разрушиться при встрече с «подругой» или «другом». Особенно часто уходит от «супруги» к «подруге» мужчина, хотя связи с «подругами» дают меньше счастливых браков, чем с «супругами». Наиболее безболезненным является тот случай, когда молодой человек разрывает внебрачную связь с «подругой» и вступает в брак с «супругой». «Подруги», кстати, легче переносят разрыв, чем «супруги».

Запутаться в противоречии между двумя идеалами человеку помогает, если он предрасположен к этому, и неправильное воспитание. Слишком заботливая мать может помешать сыну сделать правильный выбор. Из чувства противоречия он может выбрать женщину типа «возлюбленной» и потом пожалеть об этом выборе. Монтень писал: «Мало мужчин, которые, женившись на своих возлюбленных, не пожалели потом об этом». Здесь под «возлюбленными» понимаются женщины, которые вступают во внебрачные связи, лишены инстинкта семейной жизни и не могут дать мужчине счастья в браке. Большинство «легализованных» связей, т.е. таких, которые начались без намерения вступить в брак, кончается плохо.

Бездушная мать может толкнуть своего великодушного сына в объятия «возлюбленной», даже если его больше привлекает женщина типа «супруги». Встреча с женщиной типа «возлюбленной» может быть воспринята таким мужчиной как освободительная гроза. Обычно женщины с материнскими наклонностями воспринимаются мужчинами как «супруги», а женщины без этих наклонностей – как «возлюбленные». Поэтому брак мужчины с отцовскими наклонностями с «возлюбленной» кончается разочарованием. Если женщина относится к своему мужу слишком по-матерински, его встреча с женщиной типа «возлюбленной» может поставить брак под угрозу. Женщину с материнскими наклонностями легко распознать по несколько пренебрежительному отношению к своей внешности и по безвкусному подбору цветов одежды. Спустя некоторое время

после свадьбы такие женщины становятся нечистоплотными. Каждый человек до свадьбы больше держит себя в руках, чем после. Поэтому молодому человеку следует понаблюдать за матерью выбранной им девушки.

«Романтическая» любовь часто ориентируется на «друга» или «подругу». Такая любовь жаждет безграничного удовлетворения каждой душевной потребности. Как я уже сказал, в одном человеке этого не найти, тот, кто хочет жить, должен смириться с определенной долей одиночества. Если он нашел человека, который его, в основном, дополняет, то брак с таким человеком, по всей вероятности, будет более прочным, чем брак двух людей, которые ждут друг от друга постоянного удовлетворения любой своей душевной потребности. Молодой человек с «романтическими» наклонностями будет ждать удовлетворения своих желаний скорее от «возлюбленной», чем от «супруги». Но и он в браке с «возлюбленной» будет несчастлив с большей вероятностью, чем в браке с «супругой». Наилучшая рекомендация для выбора: ищите дополнение к основным чертам своего характера.

Принадлежность к разным вероисповеданиям, ханжество

Угроза для брака из-за принадлежности супругов к разным вероисповеданиям известна и говорить о ней особо не стоит. От вступления в такой брак следует предостерегать в тех случаях, когда речь идет не о чисто формальной принадлежности, а если оба супруга или один из них целиком живет этим.

Лабрюйер и Мантегацца не советовали жениться на ханжах. Это предупреждение распространяется и на мужчин-ханжей. По Люксенбургеру, такие люди часто имеют предрасположенность к эпилепсии.

Как мужчина и женщина взаимно дополняют друг друга.

Противоположные и сходные черты характеров

В изданной им «Книге о браке» (1925 г.) граф Кейзерлинг пишет: «Вступать в брак нужно только с тем, принимая кого в свою душу человек может преодолеть то, с чем он не в силах справиться в одиночку или то, что с его личной точки зрения кажется ему односторонним и несовершенным». Большинство прочных браков, по его мнению, заключается благодаря «осознанной потребности в дополнении».

Я думаю, что в большинстве случаев эта потребность неосознанная, но в целом я согласен с графом Кейзерлингом. Он поясняет, что под взаимным дополнением не имеются в виду «одинаковые интересы». Нельзя надеяться на счастливый брак на основе общности интересов. Взаимное дополнение лежит в более глубоких слоях души, чем «интересы».

Граф Кейзерлинг пишет, что хорошо дополнять друг друга могут только равные люди. И это верно, за исключением описанных случаев сексуальных расстройств с тягой к низам.

Недоумения начинаются с того момента, когда встает вопрос, как использовать рекомендации графа Кейзерлинга в конкретных случаях. Каковы в этих случаях предварительные условия взаимного дополнения? Этим вопросом занимался и психиатр Эрнст Кречмер. По его мнению, лучше дополняют друг друга «противоположности». Браки между сходными людьми бывают счастливыми только в тех случаях, если это люди т.н. «золотой середины», но и эти браки часто кажутся пустыми и скучными не только постороннему наблюдателю, но и самим супругам. Хотя многие такие браки протекают безмятежно, даже людям «золотой середины» нельзя рекомендовать всегда искать только себе подобных. Но точно так же нельзя опираться на одни лишь «противоположности», исходя из того, что «крайности сходятся». Против упора Кречмера на противоположности говорит тот факт, что супруги, особенно при счастливых браках, даже внешне больше похожи друг на друга, чем каждый из них на свою родню. Между супругами существует, как правило, более положительная корреляция, чем между ними и любыми людьми другого пола из их окружения. Б. Розинский отмечает ярко выраженную наклонность к «гомогамии», т.е. к браку между людьми, сходными друг с другом по некоторым физическим признакам. Люди, сходные друг с другом физически, имеют и сходные психические свойства. В том, что определенным физическим чертам соответствуют определенные душевные качества, сомневаться не приходится. «Человек таков, каким он выглядит», – сказал **Шопенгауэр**. Сам по себе этот принцип неоспорим, трудности начинаются при его конкретном применении.

В любом случае неверно считать одну лишь противоположность залогом счастливого брака. Хорошо, если есть кое-что противоположное, но и кое-что сходное. Попноу находит в счастливых браках чаще всего «несходство в сексуальных чертах и сходство в других». Хорошо подходят друг другу мужественный мужчина и женственная женщина. Хорошо, если в народе как можно больше таких мужчин и таких женщин, и плохо, если часто встречаются женственные мужчины и мужественные женщины, но, вопреки Попноу, браки между такими мужчинами и женщинами тоже часто бывают счастливыми, так что «правило» Попноу касается только определенного числа случаев, а значит, это вовсе не

«правило» и руководствоваться им нельзя. Ни Кречмер, ни Попноу не решили вопрос о взаимном дополнении.

Мы ближе подойдем к решению этого вопроса, следуя пути, по которому шли Гейнзе, Шопенгауэр, Вильгельм Флисс, Отто Вейнингер, Ганс Апфельбах и Бернард Шульце-Наумбург.

В счастливых браках больше противоположностей, чем сходств, но таких противоположностей, которые взаимно дополняют друг друга. Дополнение означает обретение цельности. Человек чувствует, что ему чего-то не хватает, испытывает потребность в дополнении. Платон в «Пире» высказывает мысль, что каждый человек это только половина первоначального цельного человека, он ищет свою недостающую половину и чувствует себя счастливым, когда находит ее. Романтический философ Франц **фон Баадер** писал в своих «Отрывках из эротической философии» (1828), что «лучшая любовь соединяет не созвучные души, а те, которые можно сделать созвучными». Таким образом, еще раз подчеркивается, что сходство имеет меньшее значение, чем гармония несходного. Этой гармонией и обусловлено чувство дополнения.

У каждого человека есть представление об определенном типе людей другого пола, который ему больше нравится. Если таких типов несколько, то они обычно имеют нечто общее между собой, даже при наличии двух идеалов – «возлюбленной» и «супруги». Зная человека лучше, можно примерно указать физические и психические черты двух его идеалов, даже если он сам об этом никогда не говорил. Каждый человек ищет человека другого пола, который, при определенной общности восприятия жизни обладает чем-то, чего ему самому недостает.

Счастливые браки возможны лишь тогда, когда выполнены эти условия сходства и взаимного дополнения противоположностей. Я говорил уже не раз, что цель евгеники – чтобы было как можно больше счастливых браков, особенно среди людей с ценной наследственностью. Не все люди и не все люди с ценной наследственностью настолько уверены в своих инстинктах, что могут безошибочно найти человека другого пола, который будет для них дополнением и обладает столь же ценной наследственностью. Поскольку такая надежность избирательных инстинктов, к сожалению, встречается редко, евгеника должна открыть признаки хорошего взаимного дополнения или хотя бы такие, которые предостерегали бы от неверного выбора. Обоснованное и легко понятное учение о взаимном дополнении помогло бы избежать многих несчастных браков.

Различные учения о взаимном дополнении

Обдумывая предпосылки хорошего взаимного дополнения, лучше всего исходить из представления, которое сегодня признано и наукой, а именно из того, что нет мужчины, который обладал бы только мужскими качествами, и женщины, которая обладала бы только женскими качествами, что в каждом человеке смешаны физические и психические особенности обоих полов. Эту идею впервые высказал писатель эпохи «Бури и натиска» Вильгельм Гейнзе (1749-1803) в своем романе «Ардингелло» (1-е изд. 1787, 3-е изд. 1820). Потом мы снова встречаем эту идею у Шопенгауэра в его «Метафизике половой любви» (1844), где он попытался также сформулировать теорию дополнения. Наиболее полно эту идею развил О. Вейнингер. Его продолжатель Ганс Апфельбах приписывает решающее влияние на выбор супружеской пары впечатлениям детства и юности, т.е. сводит к влиянию среды то, что зависит, главным образом, от наследственности. Она решает, какие события детства и юности окажут определяющее влияние на взрослого человека, а какие нет. Тот же упрек можно бросить различным «индивидуальным психологам» и психоаналитикам.

Отто **Вейнингер** (1880-1903) был высокоодаренным евреем, который покончил с собой в 23 года, может быть, потому, что ему стало невыносимо быть евреем, после того как он дал самое отталкивающее описание еврейской духовной сути в книге «Пол и характер», которая вышла в год его смерти. Эта книга сразу же вызвала сенсацию и бурю негодования. Она вышла многими изданиями и была переведена на многие языки. Может быть, эта книга стала бы еще более знаменитой, если бы не содержала болезненного для большинства евреев описания еврейской сути. Эту книгу, которую мог написать только рано созревший, но высокоодаренный человек, читаешь со смешанными чувствами, потому что этот человек был и душевнобольным. Женская суть описана в этой книге искаженно, автор вообще не считал женщину за человека, что вызвало негодование в женских кругах. Но, несмотря на все искажения и типично еврейские иллюзии автора, книга эта сохраняет свое значение. Евреи могли бы считать О. Вейнингера одним из своих великих людей, но они предпочли предать его забвению.

Вейнингер описывал явления женской духовной жизни, характерные для расово-смешанных больших городов с их вырождающимся населением. Но он ошибочно счел это сутью женщины вообще. Однако он предварил многие позднейшие выводы науки. Я остановлюсь только на его высказываниях по вопросу о взаимном дополнении. Вейнингер показал, что каждый человек состоит из мужских и женских элементов, M и W. Нет мужчин со 100% M и женщин со 100% W. В среднем мужчине примерно 85% M и 15% W, в средней женщине около 90% W и 10% M. В мужественной женщине 60% W и 40% M, в женственном мужчине

60% M и 40% W. Насколько это соответствует идеям Платона, мы здесь говорить не будем.

Вильгельм Флисс развил эти идеи, дополнив их наблюдениями над периодическими жизненными процессами, которые лежат также в основе болезней и духовного подъема. У мужчин этот период равен 23 дням, у женщин 28. В каждом человеке смешано как мужское, так и женское «вещество». Флисс проследил и признаки того, что в человеке количество вещества иного пола выше среднего. Так он полагает, что в мужчинах-левшах примешано больше женских черт, чем в правшах, а в женщинах-левшах соответственно больше мужских черт. Среди выдающихся людей, особенно художников, левши встречаются сравнительно часто. Флисс приводит такие примеры, как Микель-Анджело, Леонардо да Винчи, Гольбейн, Менцель, Ленбах. Б. Шульце-Наумбург считает, что примесь иного пола выше средней у тех мужчин, которые носят пробор справа, и у тех женщин, которые носят пробор слева. При оценке таких явлений нельзя позволять вводить себя в заблуждение мужественными поступками мужчины: этот мужчина может все равно иметь в себе много женского. Флисс ссылается на протокол вскрытия тела Наполеона I, который и в строении тела имел меньше мужского, чем большинство мужчин. Может быть, это характерно для многих выдающихся мужчин, что в них сравнительно больше женского, чем в средних мужчинах. При одностороннем развитии мужских черт, как уже говорилось, отсутствует способность проникнуть в психологию другого пола. У Расина и Гете было примешано больше женских черт, поэтому их женские образы более убедительны, чем у Корнеля и Шиллера.

Теорию бисексуальности применили к теории наследственности Э.Б. Вильсон, Карл Коренс и Рихард Гольдшмидт. На этом основана «качественная теория наследования половых признаков». Корренс в 1913 г. признал фактом, что каждый пол кроме собственных признаков может иметь и признаки другого пола.

Вейнингер высказал предположение, что идеальным был бы брак 100% M и 100% W. Мужчине с 80% M и 20% W для счастливого брака нужна женщина с 80% W и 20% M. Дополнение будет несовершенным, если у жены такого мужчины будет 90% W и 10% M или 70% W и 30% M. К этому должно добавляться равенство уровня и отсутствие слишком большой разницы в возрасте. Принадлежность к разным сословиям и религиям, разным народам и расам, разница в убеждениях и образе жизни могут испортить отношения между супругами или вообще сделать их брак невозможным. Есть люди, вообще не способные сосуществовать с другими людьми, их браки раньше или позже распадаются. Пример – Стриндберг. Если бы он лучше знал самого себя, он бы никогда не женился.

Несчастные браки, если они не распадаются под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств, как правило становятся несчастными из-за дисбаланса мужского и женского начал, в этом Вейнингер прав. Если бы можно было разложить двух людей, собирающихся пожениться, на доли M и W, можно было бы предсказать перспективы брака. Неизменная наследственность людей значит больше, чем меняющиеся внешние обстоятельства.

Б. Шульце-Наумбург исследовал возможность рассчитать степень взаимного дополнения двух людей разного пола, содержание M и W в каждом из них и суммарное соотношение, пригодность или непригодность их к браку и равенство или неравенство уровня. Он описал свой метод в книге «С кем вступать в брак?» (1935). Для определения взаимодополняющих качеств он пользуется графологическим методом Клагеса. Но при этом он указывает, какие качества человека нельзя определить по почерку.

Таблица. Взаимное дополнение (настоящее дополнение)
+ спокойствие
1) **Медлительность**
– флегматичность
+ внутренняя противоречивость
2) **Внутренняя противоречивость**
– раздвоение желаний
+ способность к различению
3) Абстрактность мышления
– педантичность
+ независимость
4) **Плохое понимание другого человека**
– безучастность
+ упорство
5) Своенравие
– упрямство
+ твердость
6) Постоянство
– неповоротливость
+ созерцательность
7) Малая активность
– инертность
+ рассудительность
8) Слабость чувств
– разочарованность
+ уход в себя

9) Неспособность к выражению чувств
– стеснительность
+ бойкость
Быстрота реакций
– возбудимость
+ цельность
Целостность
– отсутствие сомнений
+ самобытность
Непосредственность
– неясность
+ сочувствие
Хорошее понимание другого человека
– подверженность влияниям
+ приспособляемость
Отсутствие своенравия
– податливость
+ подвижность
Изменчивость
– управляемость
+ предприимчивость
Жажда деятельности
– беспокойство
+ импульсивность
Сила чувств
– необдуманность поступков
+ естественность
Способность к выражению чувств
– открытость

Выделенные в таблице жирным шрифтом основные качества дополнены положительными и отрицательными вариантами. Но главное для дополнения это не – или +, а только сила основного качества.

Пример кривой дополнения

Перечислены те же 9 качеств, что и в основной таблице.

Для каждого человека можно нарисовать кривую дополнения. Она заходит то на сторону M, то на сторону W, у мужчин больше на сторону M, у женщин – на сторону W. Если сопоставить две такие кривые, одну для мужчины, другую для

женщины, то при хорошем взаимном дополнении они будут зеркальными, а при плохом – параллельными. Таблицы воспроизводят счастливый брак Шиллера и несчастливый Фридриха Великого.

Б. Шульце-Наумбург рассчитал проценты взаимного дополнения: 80-100% хорошее дополнение, 60-80% достаточное, 50-60% – сомнительное, менее 50% – недостаточное. Браки при дополнении менее 50% распадаются или несчастны.

Б. Шульце-Наумбург приводит и исключительные случаи, на которые не распространяются общие правила. Бывают и кажущиеся дополнения. Мне известны и прочные браки, при которых совпадение не обнаруживалось. Но в таких случаях обе кривые показывают, что оба человека терпеливы, созерцательны, самоотверженны и участливы, при этом их характеры отличаются цельностью. Оба они умеют приспосабливаться. Такие прочные браки основываются не на взаимном дополнении, а на способности обоих супругов приспосабливаться. Но только взаимное дополнение может вызвать ту напряженность направленных на другого человека чувств, которая называется «счастьем» в браке.

Б. Шульце-Наумбург проверил свою методику на известных из истории браках, счастливых и несчастных, и на разводах, а также на браках ныне живущих людей.

Как избежать браков между людьми, не дополняющими друг друга

Таким образом, нам предлагается метод оценки перспектив брака. Я сомневаюсь, что он увеличит число счастливых браков, потому что вряд ли найдется много людей, которые накануне свадьбы будут вычерчивать кривые. Но я думаю, что с помощью этого метода можно избежать многих несчастных браков. Число разводов можно уменьшить не с помощью законов, а предотвращая такие браки, в которых отсутствует взаимное дополнение. Тот, кто не доверяет своим чувствам, кто сомневается в своих инстинктах, может прибегнуть к методу Б. Шульце-Наумбурга. Сопоставление двух **почерков** при отсутствии взаимного дополнения позволяет выявить такие пары, брак которых связан с риском. По почерку можно также приблизительно определить непригодность человека к браку. Тогда влюбленным придется обратить внимание на такие черты друг друга, которые они раньше из-за своей влюбленности не замечали.

Действие среды усиливается при неполном взаимном дополнении. Ее благоприятное влияние может укрепить брак, неблагоприятное – разрушить.

Итак, взаимодополняющие противоположности важней, чем сходства. Они тем более нужны для счастливого брака, чем больше своеобразны вступающие в

брак люди. Поэтому людям альпийской расы, как правило, гораздо легче найти себе пару, чем людям нордической расы. Кривые взаимного дополнения у нордических людей имеют более прихотливые формы, чем менее определенные кривые альпийских людей, для которых легче найти зеркальные соответствия.

Взаимное дополнение и одинаковый уровень

В целом противоположные черты в счастливом браке выделяются на фоне общих черт. До знакомства с методом Б. Шульце-Наумбурга я в своих лекциях о выборе супружеских пар называл такие условия счастливого брака: одинаковые или сходные жизненные ориентиры и цели, одинаковые или сходные вкусы и привычки, но методы достижения названных целей должны быть разными и взаимно дополняющими друг друга. Для настоящего взаимного дополнения необходим и примерно одинаковый уровень духовного развития. Не следует вступать в брак с человеком ниже себя.

Дух дома в гораздо большей мере определяется женщиной, чем мужчиной. Поэтому важно пробудить в немецком народе сознание того значения, которое имеет хозяйка дома. Эту задачу решить нелегко, потому что в жизнь немецкого народа с середины XIX века внедрилось много пролетарских ценностей. Пролетарское мышление всегда противилось признанию индивидуального идеала, а знало только общечеловеческий. Этот путь не ведет к признанию идеала хозяйки дома.

Идеал способного, благородного и красивого человека

Задача преподавания, поэзии и изобразительного искусства

В деле воспитания немецкой молодежи нужно сделать еще многое, чтобы усилить здоровые избирательные инстинкты и сделать более острым взгляд. Подготовку к правильному выбору супружеской пары можно начинать уже в школе с целью пробуждения соответствующих инстинктов, только ни в коем случае не делать из этого «предмет», что скорее усыпляет, чем пробуждает. Эту подготовку нужно начинать еще в возрасте неопределенных желаний, задолго до того, как придет время делать выбор. Идеал сильного, благородного и красивого человека нужно внедрять своевременно, чтобы наследственно ценный человек не мог влюбиться в больного и некрасивого – можно сочувствовать такому человеку, уважать его как личность, но не вступать с ним в брак.

Для воспитания этого идеала многое могут сделать поэзия и изобразительное искусство – только не по заказу, даже при благих намерениях. Великое искусство всегда возникало из полноты внутренней жизни художника, а не по заказу.

Образы девушек и женщин в произведениях Шекспира

Идеалами, одновременно привлекательными и возвышающими и к тому же близкими народу германского происхождения, могут служить образы девушек и женщин в произведениях Шекспира. Создать такие же мужские идеалы могла бы женщина. На эту тему я прочел в 1937 г. доклад в Шекспировском обществе.

Созданные Шекспиром образы девушек и женщин привлекают не только умы, но и сердца юношей. Я имею в виду такие образы, как Розалинда в «Как вам это понравится», Порция в «Венецианском купце», Оливия во «Что вам угодно» и Корделия в «Короле Лире», отражающие разные этапы душевного развития. Джульетта – образ, не типично шекспировский.

Особенно Порция из «Венецианского купца» со своим сочетанием застенчивости, силы чувства, ясного ума и уверенности госпожи может считаться идеалом в германском смысле. Такова же Оливия, настоящая леди по своим задаткам, еще не осознанным, но уже дающим себя знать даже в полуразвитом состоянии – сугубо германская черта. Себастьян удивляется, как Оливия управляется с грубыми парнями в своем доме, кузеном Тобиасом и его компанией, причем не корча из себя госпожу (корчить из себя господина или госпожу – совершенно не германская черта). У Корделии эти черты принимают форму суровой правдивости и непоколебимого великодушия.

Диапазон женских образов у Шекспира и их характерных черт очень широк, от простой веселости «Виндзорских проказниц» до спокойного величия Виргилии, жены Кориолана, и героической суровости Волумнии, матери Кориолана. И такие образы как жена короля в «Ричарде II» и Гермиона в «Зимней сказке» могут считаться идеальными, но прежде всего это Порция, жена Брута в «Юлии Цезаре», совершенное воплощение нордического возвышенного стоицизма.

Я понимаю, что эти образы для многих мужчин не являются наилучшим дополнением, но в целом женские образы Шекспира большей частью соответствуют тому идеалу, которым должны руководствоваться при выборе жен германские мужчины.

Идеальные образы можно, конечно, найти также в исландских сагах и в немецкой поэзии, но широким слоям немецкого народа более доступны сценические

образы. К тому же ни у одного из поэтов нет таких ярких женских образов, как у Шекспира.

Здоровое отношение Шекспира к сексу

Шекспировед Херфорд так характеризует шекспировское отношение к любви: «Насколько мы можем судить, Шекспир, в отличие от многих современных авторов, не рассматривал секс как ключ к человеческой жизни или как нечто, на чем зиждется Вселенная. Но если мы зададим себе вопрос, кто из поэтов соединил в равной мере соответствующее действительности изображение любви с оценкой открываемых ею возможностей, то место Шекспира среди величайших поэтов любви бесспорно».

Поэзия Шекспира пронизана духом «великого здоровья» (Ницше). И это «великое здоровье» чувствуется и в его описаниях любви. Как отмечает Херфорд, любовь героев Шекспира это не болезненная страсть, а здоровое и естественное всеобъемлющее чувство. Тема ссор и распада брака Шекспира не привлекала, в отличие от многих позднейших авторов.

Такими, как у Шекспира, мы и должны представлять себе любовные чувства в германском мире, еще не испорченном учением, отрывающим душу от тела, тем противопоставлением «духа» и «плоти» в пуританском исполнении, которое как раз и убило «добрую, старую Англию» Шекспира.

Шекспир, как и любой великий германский художник, дает немецкой молодежи наглядные идеалы, которые говорят молодой душе больше, чем рассудочные правила. Однако следует помнить, что идеал, даже если он своевременно внушен, редко указывает человеку, кого ему любить, но чаще – кого исключить из круга своего выбора. Редко человек ясно осознает, кого ему любить, но кого ему не надо любить, он должен понимать лучше.

Люди, которые не должны вступать в брак

Те люди, которые не должны вступать в брак, это одновременно и те, с кем не следует вступать в брак. Но я сначала хочу рассказать о тех людях, которые сами должны прийти к пониманию того, что им не следует вступать в брак. И в этом разделе речь пойдет о фенотипах, а не об идиотипах, т.е. больше о возможной или сомнительной удачности брака, чем о вероятных наследственных чертах потомства от этого брака.

Венерические больные

Венерические больные не должны вступать в брак, пока не излечатся. Такие браки запрещены сегодня законом в большинстве европейских стран.

Эти запреты соответствуют требованиям евгеники. Но из-за таких явлений, как передача сифилиса от матери будущему ребенку, нужно уточнять, произошло ли только заражение болезнью или она наследственная. Венерические болезни могут нанести ущерб наследственности. Они могут сделать человека бесплодным. Люди, собирающиеся вступить в брак, должны обмениваться свидетельствами о состоянии здоровья.

Люди с гомосексуальными наклонностями

Люди с такими наклонностями не должны вступать в брак, если речь не идет об отклонениях, которые встречаются у многих подростков, но потом исчезают. Иногда близкие люди убеждают таких людей вступать в брак, ошибочно полагая, что брак их исцелит. Таким людям следует ограничиваться узким кругом себе подобных. Наказывать их нужно не за их извращения, а только за совращение молодежи, здоровых молодых людей в том возрасте, когда их сексуальные чувства еще не сформировались. Даже непродолжительные противоестественные связи в этом возрасте могут сделать молодого человека неизлечимым на всю жизнь. Это погубило многих наследственно ценных молодых людей, как юношей, так и девушек. Поэтому совращение несовершеннолетних должно рассматриваться как нанесение вреда генофонду народа и караться особенно строго.

Известный еврейский исследователь сексуальных проблем Магнус Хиршфельд, один из самых рьяных сторонников свободы гомосексуализма, утверждает, что 45% взрослых мужчин-гомосексуалистов испытывают извращенное влечение к молодым людям в возрасте от 14 до 21 года. То же самое характерно и для лесбиянок. Таким образом, угроза здоровым молодым людям велика, и закон должен ее предотвратить. Но такие законы нелегко сформулировать и применить, потому что молодые плуты и плутовки могут использовать эти законы для шантажа людей, которые их якобы соблазнили. М. Хиршфельд называет «преследование» гомосексуалистов «позорным пятном нашей культуры». Преследовать их за сам их недуг, может, и не надо, но карать за совращение надо строго. И нужно закрыть доступ к официальным должностям.

Гомосексуалисты не должны вступать в браки, потому что браки с ними будут несчастными и потому что это извращение может передаваться по наследству.

Его происхождение нелегко проследить, потому что в одних случаях оно вызывается одним, в других – другим сочетанием задатков. Люди с гомосексуальными наклонностями часто происходят из семей, в которых уже встречались такие люди или немужественные мужчины и неженственные женщины. Т. Ланг и И. Дейссен убеждены в наследственной обусловленности настоящего гомосексуализма. Я не уверен, что эту наследственность можно объяснить с помощью «качественной теории» Р. Гольдшмидта. М. Хиршфельд полагает, что в немецком народе около 2% гомосексуалистов, среди рабочих – около 4%, среди студентов – около 6%. Х. Эллмс насчитывает в Англии тоже 2%, среди образованного среднего класса – 5% гомосексуалистов и 10% лесбиянок.

Те, кто ищет в браке средство исцеления

Не должны вступать в брак люди, которые воображают, будто брак исцелит тот или иной их недуг. Это относится не только к гомосексуалистам, но и к тем, которые сами питают такие надежды или которым подобные рекомендации дают близкие. На это часто надеются родные молодых девушек с отягченной наследственностью. Они воображают, будто брак излечит такую девушку от ее плохих настроений, припадков или душевных болезней, от которых страдают и она сама, и ее окружение. Но брак в таких случаях обычно показывает, что эти надежды были иллюзиями. Такого мнения и швейцарский психолог П. Хеберлин, автор книги «О браке» (1929).

Люди с расстроенными или грубыми сексуальными чувствами

Одинокими должны оставаться и описанные мною люди, склонные к платоническому обожанию высших людей иного пола и к сексуальным связям с низшими. Это раздвоение скорее можно преодолеть в браке с тем, кто ниже, чем с тем, кто выше, но счастливым этот брак все равно не будет.

Холостыми должны оставаться мужчины, которые способны видеть в женщине только существо другого пола. Развитые женщины ощущают это и чувствуют себя униженными. Брак быстро распадается.

Женщины, лишенные материнских инстинктов

Таким женщинам лучше оставаться одинокими. Часто они имеют еще один недостаток: плохо умеют приспосабливаться. Они непригодны для семейной жизни, хотя могут быть способными и ценными как индивидуальности. Брак здорового и мужественного мужчины с такой женщиной обычно несчастен. Муж по-

добной женщины должен быть уступчив, равнодушен, бесцветен или туп. Эти женщины – плохие матери, их дети от этого душевно страдают. Ценности брака и семьи остаются для них скрытыми, их собственный выбор супружеской пары может быть неверным из-за плохого влияния.

Духовные бродяги

Одинокими должны оставаться люди, часто творческие личности, которых называют «духовными бродягами», люди беспокойные и склонные к авантюрам, начиная от людей типа лорда Байрона и кончая лишенными корней людьми обоих полов, которым «везде плохо», но которые обычно предъявляют завышенные претензии к среде, исходя из своих действительных или мнимых талантов. Такие люди созданы для «свободной любви». Брак с ними можно сохранить только при необыкновенном терпении и уступчивости. Многие люди этого типа психопаты или близки к психопатии, так что их размножение нежелательно.

Кабинетные ученые, исправители мира, лутаники

Одинокими должны оставаться и покрытые книжной пылью кабинетные ученые, изобретатели «систем» мышления или технических и экономических методов, а также либо нелюдимые, либо непрерывно воодушевлено болтающие исправители мира, которые при этом часто вносят хаос в свое ближайшее окружение. Среди них много упрямых одиночек, которых не излечить никаким браком. Одинокими должны оставаться люди, у которых ум зашел за разум, которые всюду выискивают «проблемы», причем ставят вопросы и ответы с ног на голову и поэтому все оценивают искаженно. От таких людей, большей частью мужчин, лучше держаться подальше – для брака они не годятся. Среди них встречаются ранее богатые, но потом обедневшие люди, истратившие свое состояние на «дело своей жизни». Таким мужчинам можно сочувствовать, но ни одна девушка не должна выходить за них замуж.

Истеричные и невыносимые люди

Понимать свою непригодность для брака должны также многие истерики и истерички. Есть разные определения термина «истерия». Я имею в виду, кроме расхожего представления о явлениях истерии, не приспособленных к жизни людей, которых сравнительно безобидные события выводят из равновесия, они теряются и требуют от окружающих «понимания» вместо того, чтобы самим решить свои проблемы.

Люди, которые сами знают, что они невыносимы (к ним относятся и многие «шизоиды»), которые со всеми конфликтуют и которым кажется, что к ним плохо относятся, не должны воображать, будто в браке они обретут мир и спокойствие. Они должны понять, что причина их бед не вовне, а в них самих.

Сверхутонченные и сверхчувствительные люди

Одинокими должны оставаться и многие сверхутонченные люди, «эстеты», которые все хотели бы растворить в «духе» и «красоте», которые чувствуют себя более одухотворенными, чем другие люди, и испытывают отвращение к повседневному быту. Обычно у таких людей отсутствует чувство юмора. Это слабые люди, убегающие от жизни. Обычно их легко убедить, что брак им противопоказан. Бьерре рекомендует таким людям, особенно женщинам, создавать нечто вроде мирских монастырей. Такая искусственная среда будет лучше всего соответствовать их характеру.

Если такие люди обладают творческим талантом, что бывает нередко, желательно, чтобы приспособленный к жизни и способный к самопожертвованию человек другого пола вступил в брак с таким человеком, чтобы сохранить для народа наследственный талант. Ради этого можно мириться и с рядом связанных с талантом наследственных недостатков. Но необходимо и соблюдать осторожность. Можно ли было ожидать полноценного потомства, например, от Гёльдерлина, который потом сошел с ума, даже если бы он нашел себе здоровую жену? Гёльдерлин еще был вежливым и спокойным человеком, а многие люди этого типа – расчетливые эгоисты, для которых «дух» – дымовая завеса их подлинных намерений.

Наследственно неполноценные люди

Такие люди должны либо оставаться одинокими, либо вступать в брак только с такими же, как они, и не иметь детей. Они могут усыновить или удочерить полноценного ребенка.

Я не буду здесь перечислять наследственные болезни, препятствующие вступлению в брак. Здесь проблема выбора рассматривается с точки зрения отдельного человека и перспектив счастливого брака.

Люди, у которых есть небольшие наследственные недостатки, не должны из-за этого считать себя наследственно неполноценными. А то может получиться так, что умные и совестливые люди, наиболее способные понять последствия нежелательного для народа размножения, откажутся от потомства, а менее умные и

совестливые паразиты, рассчитывающие на помощь государства, беззаботно поженятся и заведут детей.

Люди, к которым нужно относиться с осторожностью, и люди, с которыми не следует вступать в брак

Теперь я хотел бы продолжить рассмотрение вопроса о желательных и нежелательных браках с другой стороны: с кем не следует вступать в брак? Я начну со случаев, которые не совсем безнадежны, но при которых рекомендуется соблюдать осторожность.

Венерические заболевания, рахит, диабет, тяжелые нарушения обмена веществ

Вступать в брак с венериками можно только после их излечения, убедившись, не повлияла ли болезнь на наследственность и не повлекла ли за собой бесплодие. Осторожность следует проявлять и в отношении многих других больных, болезни которых можно считать признаком сомнительной наследственности, а также людей, которые в детстве болели рахитом, потому что 1) возможна наследственная предрасположенность к этой болезни и 2) у женщин в результате перенесенного рахита может быть очень узкий таз, что делает трудными или даже невозможными роды. Предрасположенность в диабету также передается по наследству. Диабет, как и ряд других тяжелых нарушений обмена веществ, вроде ожирения, часто вызывает бесплодие. Согласно оценкам, примерно 50% диабетиков бесплодны.

Феминистки

Мужчины должны быть осторожны в отношении тех женщин, которые склонны делать упор на «женских правах». В таких случаях всегда надо проверять, что это: молодое упрямство, проходящее с возрастом, увлеченность идеями борьбы и соревнования между полами или постоянная черта характера. Подчеркнутый феминизм во многих случаях выражает неуживчивость и психические отклонения, качества, для выражения которых их обладательница может найти и иные обоснования кроме женского вопроса. Когда налицо такие качества, и женщина к тому же приводит причины, по которым она пренебрегает хозяйством и другими женскими делами, то жениться на ней может только спокойный, самоотверженный, покладистый и молчаливый мужчина, всем прочим следует дер-

жаться от нее подальше. В этих случаях важны не феминистские взгляды, а их психическая подоплека и способ их выражения.

Неженственные женщины

К таким женщинам мужчины тоже должны подходить с осторожностью. При этом следует помнить, что есть качества, которые у мужчин незаметны, а у женщин неприятны. В. Риль пишет об этом: «Пренебрежение моралью, которое у мужчины может сойти за оригинальность, у женщины будет воспринято как неженская черта». Оригинальные женщины или женщины, сознательно бунтующие против морали, притом не только в молодости, могут быть интересными как личности, но в жены они, как правило, не годятся.

Эгоцентричные люди

Эгоцентризм у людей обоих полов должен настораживать, если он слишком сильно выражен. Люди, у которых он проявляется слабей, кажутся привлекательными неэгоцентричным людям, и такие браки обычно бывают счастливыми. Опасаться нужно только чрезмерного эгоцентризма. Эгоцентристы все соотносят с собственной персоной. Их следует отличать от эгоистов. Эгоцентризм не означает черствость по отношению к другим людям. Многие выдающиеся люди были эгоцентристами. У неэгоцентричного человека события его жизни не вызывают такой душевной напряженности. Но чрезмерный эгоцентризм может поставить брак под угрозу: он требует от другого человека участия, самоотверженности, хладнокровия и веселого нрава.

Многие эгоцентристы стремятся к браку, потому что надеются найти человека, который их поймет, с которым можно обсуждать свои переживания и планы и смотреться в него как в зеркало. Многие эгоцентристы ищут людей, которые почитали бы их, даже молились бы на них. Такие люди могут быть очень утонченными и тоже укрываться плащом «духа». Душевные потребности таких людей могут быть очень велики, но это может быть и пустая декламация. Перед тем, как вступать в брак с такими людьми, нужно проверить степень взаимного дополнения.

Некоторые художники и художницы

Многие из них бывают ярко выраженными эгоцентристами, но умеют маскировать свой эгоцентризм и «во имя искусства» становятся семейными тиранами.

На публике они проявляют свои блестящие свойства, а в семье – свою раздражительность. Их тяготит «бремя повседневности».

С особым риском связан брак между двумя художниками. В таком браке скапливается слишком много искусства, слишком много своеволия и раздражительности, слишком много, мягко говоря, «темперамента». Доходит до того, что супруги бросают друг другу в лицо кисточки, дерутся смычками или жена ругает романы, написанные мужем, а он – написанные ею. Несмотря на это «горячая страсть» может сохраняться долго после медового месяца.

Особенно опасны браки между двумя музыкантами. Музыка часто служит сводницей и соединяет в браке людей, не подходящих друг другу. В вызванных музыкой настроениях часто расплываются своеобразие и границы своей и чужой сути. Слова о том, что одинаковые интересы – недостаточная основа для брака, в особой мере относятся к музыке.

Художникам и художницам лучше всего вступать в брак с великодушными людьми, очень терпеливыми и с коммерческой жилкой, по крайней мере тем, которые сами не отличаются спокойствием и снисходительностью. Ансельм Фейербах сказал: «Для брака художника требуется много любви, много понимания, много терпения и очень много денег. Мелкие заботы – смерть художественного творчества». При этом менее значительные художники и художницы обычно и менее пригодны для брака, они более претенциозны и раздражительны. Большие художники более пригодны для брака, но и браки с ними редко бывают счастливыми. Если они действительно великие творцы, то уместно вспомнить слова того же А. Фейербаха: «Искусство – строгая возлюбленная, всегда стоящая на пути земной любви, какая женщина сможет это понять и стерпеть?»

Сказанное о художниках относится и ко многим ученым, особенно тем, кто занимается философией. Есть ученые и философы, которые объясняют свою недостаточную любовь к ближним влиянием далеких звезд или «априорными» причинами.

Многие художники и художницы, особенно второстепенные, принадлежат к ранее описанному типу сексуально раздвоенных людей с духовным устремлением ввысь и сексуальным влечением к низшим. Женщина, которая не может этого понять и простить и не хочет пожертвовать собой ради «искусства», должна воздержаться от брака с таким человеком, тем более что во многих подобных случаях жертва себя не оправдывает. Как часто мы видим жен «художников», соблазненных блеском «великого имени» на трагический для них брак, жен-

щин, которые в другом браке были бы счастливы и могли бы иметь лучших детей.

Многие художники, особенно второстепенные, более пригодны для свободной любви, чем для брака, в отличие от действительно великих художников.

В романе Бальзака «Кузина Бетт» одна женщина дает хороший совет, к которому молодым девушкам следовало бы прислушаться: «Мы, женщины, должны почитать умных мужчин, но выходить за них замуж было бы ошибкой. Ими нужно восхищаться, как в театре, но жить с ними? – никогда, фу! Это все равно, что ползать в оперном театре по полу, вместо того, чтобы оставаться в ложе и наслаждаться оттуда прекрасной иллюзией». Сказано жестоко, если понимать под умными мужчинами действительно великих людей, но метко, если имеются в виду те многочисленные однодневки, которые часто заставляют больше говорить о себе, чем действительно великие люди. Но в состоянии влюбленности многие женщины и мужчины не могут отличить однодневку от великого человека.

Мужчины, которые быстро делают карьеру

Женщины должны опасаться мужчин, которые быстро богатеют и быстро достигают высоких постов, а также сыновей таких мужчин. Постепенное возвышение семьи обычно является признаком наследственных талантов и умения правильно выбирать супружескую пару. Быстрый взлет отдельной личности может быть следствием ее сомнительных качеств: карьеризма, умения спекулировать, интриганства, лицемерия, пронырливости, беспощадности к конкурентам и т.п. К нуворишам и прочим выскочкам, а также к их детям всегда следует относиться с недоверием, хотя случается, что быстро делают карьеру и достойные люди.

Неполноценные и антиобщественные элементы, люди с заразными болезнями

Я перехожу теперь к таким бракам, от которых в любом случае следует предостерегать.

Каждый умный человек понимает, что нельзя вступать в брак с лентяями, пьяницами, бродягами, преступниками и другими никчемными или асоциальными людьми, а также с грубиянами и слабовольными. Нельзя также вступать в брак с ярко выраженными эгоистами и зазнайками. Люди, которые на всех и на все смотрят свысока, особенно такие, которые презирают другой пол, это обычно духовные уроды, которым нужно чем-то выделиться на общем фоне.

Нельзя также вступать в брак с людьми, больными туберкулезом, и людьми, родители, братья или сестры которых болели туберкулезом, потому что эта болезнь заразна и передается по наследству. В неблагоприятных условиях туберкулезом может заболеть и человек из здоровой семьи. После того, как он вылечится, он может вступать в брак.

Чрезмерно замкнутые, чопорные и тяжелые люди

Нельзя вступать в брак с людьми, у которых сильно выражены черты, которые Э. Кречмер называет шизотимными или шизоидными: людьми, чрезмерно замкнутыми, чопорными, необщительными, людьми с тяжелым характером, которых раздражает все, что других не трогает, людьми, поведение которых кажется окружающим «неестественным», людьми слабодушными, бесцветными, скучными, вялыми, не радующимися жизни. Такие люди часто бывают импотентами. Вообще нужно относиться с подозрением ко всем чудакам и чудачкам.

При этом следует помнить, что у многих молодых людей описанные черты могут проявляться только в переходном возрасте. Наше предостережение относится к лицам обоих полов в возрасте 25-30 лет.

К шизотимной группе относятся и многие «прирожденные» холостяки и старые девы. Во многих случаях они просто боятся брака. Характерным примером этого может служить биография Грильпарцера.

Гесиоду казались одинаково рискованными и вступление в брак, и холостая жизнь. Сократ ответил молодому человеку, который спросил, жениться ему или нет: «Делай, как хочешь, все равно потом будешь жалеть». Но даже те, кто смотрит на брак и семейную жизнь с таким подозрением, должны согласиться, что жалеют о своем браке, как правило, те, кто сделал неправильный выбор, те же, кто не вступил своевременно в брак, будут жалеть об этом еще больше. Граф Кейзерлинг тоже говорит, что даже несчастный брак лучше пустого самодовольства многих холостяков. Поэтому многие холостяки, которые не отказываются от внебрачных связей, это люди со скудной наследственностью. Но есть и в самом деле прирожденные холостяки и старые девы. Их можно распознать уже к 25 годам. Среди них есть и разновидности шизотимного или шизоидного типов Кречмера. Для брака они не годятся.

Некоторые из этих прирожденных холостяков терзаются опасениями, когда перед ними начинает маячить перспектива брака. Сама по себе осторожность в этих случаях полезна, но она не должна переходить в страх – это уже болез-

ненное явление, признак эмоционального уродства. Такие люди тоже не годятся для брака.

Люди, которые считают себя непонятыми, духовно и душевно больные

Нельзя вступать в брак с такими людьми, которые вскоре после знакомства дают понять, что они «страдают». Особенно часто встречаются женщины, которые ходят с рассчитанным на внешний эффект выражением немого страдания на лице. К этому типу относятся и многие «непонятые» обоих полов. Но и в данном случае следует помнить, что это может быть явлением переходного возраста. С теми, кто сохраняет эти черты и в зрелом возрасте, вступать в брак могут только очень добродушные люди.

Многие из таких людей – больные или склоны к психическим заболеваниям, которые не только разрушают браки, но и передаются по наследству. Это либо шизоиды, близкие к психической болезни, либо истерики, негодные для брака. Напрасны надежды, что брак может исцелить таких людей. Знакомство с их генеалогией позволяет обнаружить наследственные заболевания вроде шизофрении.

Браки с подобными людьми тем более опасны, что, согласно Хюбнеру, среди людей с легкими формами слабоумия, гипомании (легкой формы мании с внезапными подъемами настроения и приступами деятельности), истерии и шизофрении есть много таких, которые строят брачные планы, охотятся за девицами с богатым приданным, часто руководствуясь холодным расчетом. Таких людей следует избегать. Брак с ними будет несчастливым, а их потомство – нездоровым.

Прожектеры и мошенники

Среди описанных Кречмером циклоидов, т.е. людей, склонных к маниакально-депрессивному психозу, нужно отметить таких, которые уже в годы развития проявляют склонность ко лжи, интригам и воровству. Со временем это может пройти. Но каждому, кто намерен вступить в брак, желательно знать о юношеских годах того, с кем он вступает в брак, и сделать свои выводы. Некоторые психические заболевания проявляются в годы развития в чертах, которые семья данного человека потом забывает или умышленно предает забвению, а вспоминает о них лишь потом, когда этот человек психически заболеет, а его брак развалится.

Среди тех, кому грозит маниакально-депрессивный психоз, есть нестойкие, неработоспособные люди, которые в приподнятом настроении строят планы, а потом энергично проводят их в жизнь, порой тратя на них больше денег, чем им позволяют средства. Часто такие люди спешат вступить в брак, причем семья, в которую они хотят войти, во многих случаях принимает их за предприимчивых и перспективных людей. Их болезненные черты могут превратиться в авантюризм и мошенничество, но те, кому чужда их сфера деятельности, этого не чувствуют, наоборот, питают надежды на их коммерческие, научные или творческие успехи, надежды, которые рано или поздно оказываются иллюзиями.

Слабоумные девицы

Совет не жениться на слабоумных девицах может показаться само собой разумеющимся, но многие замкнутые и добродушные мужчины любят глуповатых девиц. Они принимают эту глуповатость за присущую, по их мнению, женщинам ограниченность. Если глуповатая девушка к тому же нежна и прелестна, она привлекает многих мужчин, а женский ум, особенно при отсутствии ярко выраженных женских черт, их, наоборот, отталкивает. Для части мужчин женская глупость привлекательна, ею объясняются и многие ласкательные имена, которые мужчины дают женщинам. Например, «куколка» это женщина, ограниченность которой мужчину не раздражает, по крайней мере, сначала и если она сочетается с веселой послушностью. Но ограниченность может быть и легкой формой слабоумия.

Девушек и женщин предупреждать от брака со слабоумными мужчинами не нужно, поскольку они, как уже говорилось, реже, чем мужчины, вступают в брак с людьми ниже себя. Слабоумные мужчины порой вступают в брак, если они из богатой семьи, в противном случае они остаются холостыми или женятся на таких же слабоумных девицах. Против таких браков нет возражений, если предварительно произведена стерилизация. Желательно только, чтобы ответственные за это врачи не боялись видеть в повышенной степени глупости признак слабоумия.

Часть 2. Выбор супружеской пары для получения здорового потомства

Применение учения о наследственности в целях отбора

До сих пор говорилось о том, на какие человеческие черты следует обращать особое внимание, чтобы брак был счастливым. Теперь я хотел бы рассказать о том, как ориентировать выбор супружеской пары на улучшение наследственности.

Сначала следует назвать изученные болезни и наследственные недостатки, дальнейшей передачи которых по наследству нужно по возможности избегать. Но это был бы очень длинный перечень, особенно если к нему добавить еще и описание способа передачи по наследству. Поэтому я сошлюсь лишь на основную литературу:

Гротьян. «Гигиена человеческого размножения». 1926.

Барон фон Фершюр. «Наследственная патология». 1934.

Баур-Фишер-Ленц. «Учение о человеческой наследственности и расовая гигиена».

Макс Фишер. «Наследственность психических заболеваний». 1931.

Эрнст Рюдин. «Учение о наследственности и расовая гигиена в национальном государстве. Сборник статей разных авторов». 1934.

Иоганнес Шоттки. «Брак и болезни». 1940.

Закон о здоровом браке от октября 1935 г. запрещает вступление в брак людям, страдающим каким-либо из перечисленных в этом законе тяжелых наследственных заболеваний. Но речь в нем идет лишь о явно больных людях, а не о внешне кажущихся здоровыми носителях наследственных заболеваний.

Как избежать брака с наследственно неполноценными людьми

При выборе супружеской пары следует избегать не только людей, о наследственной неполноценности которых говорит уже их внешность, но в определенных случаях также их братьев и сестер, которые внешне кажутся здоровыми.

Это, например, братья и сестры слабоумных, братья, сестры и дети эпилептиков, шизофреников и лиц, страдающих маниакально-депрессивным психозом. Избегать нужно также психопатов всех типов, истериков, кретинов, слепых и глухих от рождения (но не тех, кто стал слепым или глухим из-за заразной болезни или несчастного случая). Внешне здоровые братья, сестры и дети наследственно неполноценных людей могут вступать лишь в такие браки, которые будут бездетными. Какие наследственные болезни исключают брак, зависит от требований к будущему потомству.

Одним из таких требований как к мужскому, так и к женскому потомству непременно должен быть ум. Мы видим, что мужчины довольствуются низким умственным уровнем своих будущих жен, а женщины – своих будущих мужей, и требования к умственному уровню в западных странах все ниже. С конца XIX века в школах стали перетаскивать двоечников из класса в класс, облегчать задания, и все это подкреплялось мнением, что важен не ум – важна пригодность к той или иной работе, важна «добросовестность». Но уже раздаются протесты: «Мы должны, наконец, избавиться от непомерного восхваления добросовестности и недооценки воли и знания». Мало одаренных, глупых и духовно ограниченных людей следует в любом случае избегать при выборе супружеской пары. Целью отбора должен быть не просто «приличный», а компетентный и безупречный человек. Браков с малоодаренными и духовно ограниченными, хотя и «приличными» людьми следует избегать еще и потому, что такие люди могут быть носителями предрасположенности к слабоумию. А в западных странах и так уже очень много дураков. По оценке Гротьяна, среди немецкого народа треть физически и духовно неполноценных людей.

Оценка наследственности семьи и отдельной личности

Я хочу рассказать о ряде факторов, затрудняющих «прогноз наследственности».

Никогда не удается получить полную картину наследственности семьи, с которой человек желает породниться. Доминантные признаки налицо, а рецессивные можно узнать только после обстоятельного знакомства с историей семьи, да и то не всегда. Процесс передачи по наследству физического недостатка или болезни часто бывает настолько запутанным, что нельзя сделать чистый (менделевский) прогноз наследственности, исходя из истории семьи и ее побочных ветвей. Соотношения, достаточно ясные в животном мире, у людей нельзя проследить, так как у них временной промежуток между поколениями гораздо больше. И потомков у одной пары людей недостаточно для того, чтобы определить весь круг наследственных задатков. Его оценка возможна только начиная с

четвертого ребенка. Кроме того, людей нельзя спаривать в экспериментальных целях. У людей всегда приходится принимать во внимание скрещивание с неизвестными или малоизвестными линиями.

Эрнст **Рюдин** надеется, что эти трудности будут преодолены. Его ход мыслей таков: Недостаточно знать, каким образом наследуется болезнь. Нужно также знать, какой «пробивной силой» обладает предрасположенность к этой болезни сравнительно с другими наследственными задатками и влияниями среды, которые могут оказывать как стимулирующее, так и тормозящее воздействие. Обычно родители с одинаковой доминантной предрасположенностью к болезни могут иметь только больных детей, но другие задатки и влияния среды могут изменить картину.

Но если только один из родителей является носителем предрасположенности к болезни, то расчет вероятности появления болезненных черт у детей затруднен или даже невозможен, даже если известна «пробивная сила» этой предрасположенности. Он возможен лишь в том случае, если внешне здоровый родитель сам происходит от таких же больных. В этом случае, «здоровый» родитель – только внешне здоровый, гетерозиготный человек, отсюда прогноз: 1/2 больных, 1/2 «здоровых» детей, часть которых снова будет носителями предрасположенности к болезни.

Если один из родителей болен, а другой внешне здоров, но о заболеваниях в его роду ничего не известно, нельзя сказать, идет ли речь о настоящем, гомозиготном здоровье или о гетерозиготном здоровье в кавычках. В таких случаях прогноз наследственности с менделевской точки зрения невозможен.

Возможности прогноза были бы лучше, если бы носителей гетерозиготно-рецессивных задатков можно было распознать по внешним признакам так же, как носителей гомозиготно-рецессивных задатков. Но это до сих пор было возможно лишь в случаях неполной рецессивности, а таких случаев мало. Распознание гетерозиготности – до сих пор не решенная задача.

Из-за этих и других трудностей, которые постоянно возникают из-за того, что неизвестен в полной мере генофонд семьи и отдельного человека, наука пошла не по менделевскому пути, а по пути статистического анализа наследственности. Этот путь был предложен еще Гальтоном. Изучается частота заболевания в кругу родителей человека, его братьев и сестер и дальних родственников. Рассчитывается, сколько больных потомков было у больных и здоровых родителей, сколько у одного здорового и одного больного, как часто близкие или дальние родственники болели одной и той же болезнью и т.д. При этом всегда нужно учитывать частоту предрасположенности к данной болезни в конкретном народе

и частоту браков между родственниками в нем. Если оставить эти вещи без внимания, то при статистическом анализе можно прийти к неверным выводам. С его помощью всегда можно определить только вероятность заболевания в процентах. Этим путем нельзя определить законы наследования признаков, а только правила для определенного круга супружеских пар. В Англии изучение наследственности долго страдало от того, что ученые вслед за Гальтоном шли статистическим путем, тогда как в США и Германии – по пути Менделя и Вейсмана. В будущем необходимо использовать оба метода.

Прогноз наследственности затруднен еще и тем, что болезненные задатки могут возникнуть снова в результате мутаций и идиовариаций.

Оценка средней наследственной ценности семьи

Для преодоления этих трудностей, которые не позволяют точно сказать, кто из членов семьи может быть носителем неполноценных задатков, а кто нет, рекомендуется при выборе супружеской пары обращать внимание на семьи, которые и в своих побочных ветвях не имеют дефектов. В любом случае нужно попытаться оценить среднюю наследственную ценность семьи, сначала родителей и детей вместе, потом родителей, детей и побочных родственников, причем последние не имеют такого значения, как родители и дети. Попноу рекомендует в таких случаях обращать внимание на здоровье и долголетие, на силу воли, энергичность, приспособляемость и самообладание. При этом не следует переоценивать значение одного знаменитого имени среди предков.

Обычно человек, который внешне выделяется из своей семьи, по своей наследственности ближе к ее среднему уровню. Арабская пословица гласит: «Ты можешь жениться на некрасивой девушке, если она единственный некрасивый человек в своей семье», а норвежская: «Никогда не женись на девушке, если она единственный красивый человек в своей семье». Так что нужно всегда различать генотип и фенотип, поэтому так важна средняя наследственная ценность семьи. Могут различаться также фенотип и генотип двух внешне равноценных людей. Об этом писал Гальтон: из двух одинаково способных молодых людей, из которых один происходит из семьи здоровых долгожителей, а другой – из семьи менее здоровых и недолговечных людей, государство для замещения должности должно выбрать первого. Такой же совет можно дать и при выборе супружеской пары. Гальтон приводит и такой пример: из двух равноценных людей один происходит из талантливой семьи, а другой в своей является исключением. Такие отклонения фенотипа от генотипа всегда возможны.

Рекомендуется также вступать в брак с человеком из многодетной семьи, потому что ценность только такой семьи можно оценить. Единственный ребенок или два ребенка могут быть как лучшими, так и худшими представителями своей семьи. Б. Франклин советовал искать себе жену среди кучи сестер.

Многодетность свидетельствует о жизнерадостности родителей. Среди британских чиновников в Индии лучше всего проявили себя выходцы из многодетных семей. В низших слоях многодетность свидетельствует о беззаботности родителей, о недостатке у них предусмотрительности и о паразитической надежде на помощь государства.

Как правило, наследственное сходство больше между матерями и дочерьми, чем между отцами и сыновьями, и больше между отцами и дочерьми, чем между отцами и сыновьями. Если взять сходство между отцами и сыновьями за 100, то сходство между матерями и дочерьми будет равно 170, между матерями и сыновьями 130, между отцами и дочерьми 112. Это связано с тем, что у матери и дочери всегда бывает общей одна из двух у-хромосом, которые у женщин всегда парны. Поэтому у них одинаковые задатки. У отцов же никогда не бывает общих с сыновьями х-хромосом и соответственно общих задатков. Зато матери с сыновьями и отцы с дочерьми могут иметь общие половые хромосомы. И по этой причине молодой человек должен обращать внимание на мать девушки, в которую влюблен.

Брак с наследницами

Гальтон предостерегает от брака с наследницами, единственными дочерьми или единственными оставшимися в живых после ранней смерти братьев и сестер дочерьми из богатых семей. Он насчитал в 17 случаях таких браков 16 бездетных. Возможно, это результат наследственно обусловленной неспособности к деторождению или наследственно обусловленного угасания семьи.

Браки между родственниками

О таких браках и связанных с ними опасностях говорилось в моей книге «Формы и происхождение брака» (1940). Браки между родственниками не рекомендуются в тех случаях, когда предполагается, что оба желающих вступить в брак унаследовали от одних и тех же предков одни и те же рецессивные болезненные задатки. При этом следует помнить, что рецессивные задатки, как хорошие, так и плохие, действующие в одном направлении, могут сойтись и в браке двух людей, не состоящих в родстве друг с другом, и оказать положительное или от-

рицательное воздействие, просто по законам вероятности такое схождение одинаковых рецессивных задатков в браках между родственниками встречается чаще. Но, поскольку составить полное представление о генофонде семьи удается очень редко, к плану брака между родственниками обычно следует относиться с осторожностью, если только с обеих сторон не засвидетельствованы предки с безупречными свойствами.

Если мы узнаём, что в какой-то группе населения часты браки между родственниками, но никакого вреда от этого не наблюдается, то возможны два объяснения. 1) Предки семей, связанных такими браками, отличались необыкновенно здоровой наследственностью, 2) В группе таких семей вследствие браков такого рода на протяжении ряда поколений тоже проявлялись рецессивные болезненные признаки, но они потом устранялись. У многих первобытных народов, у которых неполноценных детей уничтожают сразу после рождения или они, став взрослыми, не вступают в брак, и у которых нет «социальной помощи», способствующей сохранению и умножению неполноценных элементов, именно браки между родственниками, неизбежные в небольших племенах и изолированных местностях, способствуют улучшению наследственности.

Хорошие качества населения несмотря на частоту браков между родственниками показал Вуазен (1865) на примере общины, живущей на одном полуострове на р. Луара, Бюхнер (1892) – не примере общины Схокланд на Зёйдерзее (Голландия), Хат (1875) – на примере семей шотландских рыбаков. Как умножение неполноценных задатков, так и улучшение наследственности в результате браков между родственниками объясняется законами наследственности. Все дело в качестве материала. Но отрицательный результат все же бывает чаще, поэтому народная поговорка предрекает родственникам, вступающим в брак, раннюю смерть без наследников. Лёнер против браков между родственниками при современном состоянии народов Европы, «потому что у людей, как у одомашненной формы с невероятно широко распространенными рецессивно-патологическими задатками, от таких браков скорее можно ожидать вреда, чем пользы. К тому же непременная предпосылка положительного результата – истребление неполноценных особей, на что человеческое общество пойти не может». И законы Германского Рейха этого не предусматривают: стерилизация применяется лишь в самых безнадежных случаях.

Попноу допускает возможность браков между родственниками для благополучных семей. Я при современном состоянии народов Европы вообще бы их не рекомендовал, за исключением тех случаев, когда основательное изучение родословной не позволяет сомневаться в отменных наследственных качествах семьи.

В Германии число браков между кровными родственниками в последние десятилетия снижается. Это связано с урбанизацией. В Пруссии в 1910 г. на 1000 заключенных браков приходилось 4,2 брака между родственниками, в 1924 г. – всего 2,5. Из них 9/10 – браки между двоюродными братьями и сестрами.

Следует отметить, что мнение, которое распространяли в XIX веке либералы, марксисты и еврейские журналисты, будто браки между родственниками всегда ведут к вырождению, несостоятельно. В этом случае должны были бы уже выродиться почти все княжеские дома и почти вся аристократия. Евреи обычно добавляют к этому учению, что в той же мере, в какой вредны браки между родственниками, полезно скрещивание, особенно межрасовое. Поэтому благородным семьям рекомендуется родниться с еврейскими. Но, оказывается, талантливые люди рождаются именно от браков между родственниками. Даже браки между братьями и сестрами в семьях фараонов, отдельных родах персидской знати в эпоху Ахеменидов, македонских Птолемеев и правящего дома инков в древнем Перу не привели к вырождению.

Следует предостерегать от брака представителей двух семей с одинаковыми небольшими доминантными и рецессивными (которые трудней обнаружить) недостатками независимо от того, состоят эти семьи в родстве или нет. Если же речь идет о серьезных наследственных недостатках, то члены этих семей могут вступать в брак лишь при условии, что этот брак будет бездетным.

Наблюдения психоаналитиков за браками между родственниками показывают, что к таким бракам склонны слабые, трусливые мужчины, которые боятся приближаться к чужой девушке, а также мужчины с гомосексуальными наклонностями. Браков по таким причинам следует избегать. Говорят, от браков между родственниками рождается сравнительно много людей, остающихся холостыми. Я не знаю, но потомки вышеупомянутых трусливых мужчин могут унаследовать от отцов трусость и откажутся поэтому от брака.

Предотвращение брачного родства наследственно здоровых семей с наследственно больными людьми

Я уже сказал, что людям с небольшими наследственными недостатками не следует родниться с семьями, в которых встречаются те же недостатки. Они могут родниться со здоровыми семьями, но только если речь идет о незначительных, а не о серьезных наследственных недостатках. В общем наследственно здоровые должны заключать браки с наследственно здоровыми, а наследственно больные – с наследственно больными, потому что иначе может быть испорчен генофонд наследственно здоровых семей или могут родиться гетерозиготные, внешне

«здоровые» дети, генетические недостатки которых будут скрыты. В результате браков наследственно здоровых с наследственно больными может сначала уменьшиться число внешне больных людей, но неполноценные задатки будут распространяться, потому что они будут проявляться позже (в результате браков между внешне «здоровыми» людьми с одинаковыми рецессивными задатками болезни), но их проявления в больном потомстве не избежать.

Обмен свидетельствами о здоровье перед обручением

Желателен обмен свидетельствами не только о здоровье обрученных, но и о наследственных качествах их семей. Было бы большим прогрессом, если бы до государственного постановления о таком обмене в уважающих себя и заботящихся о своем потомстве семьях распространился такой обычай. Попноу даже считает, что обычай был бы лучше, чем закон.

Уже древнеиндийские юристы требовали перед браком доказательств безупречных качеств и здоровья. Они требовали проверки мужчины на безупречность его физических признаков и способность к деторождению, а также на физическую силу, быстроту ходьбы и бега, четкость речи и т.п. Индийские законы наказывали родителей, которые скрывали недостатки своих дочерей. Непригодными к браку считались дочери из семей без мужских потомков, болезненные, чахоточные, прокаженные и эпилептические девушки, горбатые, **рыжеволосые**, лысые, карликового роста и чрезмерно волосатые и, наконец, **болтливые**.

Томас Мор в своей «Утопии» (1516) предлагал, чтобы юноша и девушка перед тем, как вступить в брак, показывались друг другу голыми, чтобы не скрывать своих физических недостатков. Кампанелла в «Городе Солнца» (1636 г.) требовал, чтобы молодые люди доказывали свою пригодность для брака и размножения физическими упражнениями. Важные соображения о пригодности к браку, отборе и наследственности можно найти в произведениях давно забытого Иоганна-Петера Франка, особенно в его «Системе совершенной медицинской полиции» (1788). Франк требовал, чтобы обрученные заверяли под присягой, что у них нет наследственных болезней, и чтобы государства стимулировали браки между людьми с хорошей наследственностью и запрещали браки людям с плохой наследственностью.

Запреты браков вводились на основании того мнения, что брак и создание семьи нельзя отнести к «правам человека». Поэтому либерализм яростно боролся против таких запретов. Веку либерализма были чужды и ненавистны мысли о наследственности, неравенстве задатков и отборе. Идея об отборе среди жела-

ющих вступить в брак снова возникла в Германии лишь в 1908 г. когда «Союз монистов» внес в Рейхстаг законопроект о свидетельствах о пригодности к браку. Он обосновывался ссылками на успехи животноводства, но Рейхстаг отверг его, сочтя, что «человеководства» быть не может.

В 1911 г. Союз монистов организовал в Дрездене первую брачную консультацию. В США много таких консультаций было организовано в период с 1913 по 1929 г.

Международное Общество расовой гигиены с начала XX века постоянно напоминало о настоятельной необходимости введения свидетельств о пригодности к браку. В более узком кругу Немецкого общества расовой гигиены было решено, что такие медицинские свидетельства должны предоставляться до обручения. В 1914 г. это Общество потребовало ввести обязательный обмен свидетельствами о здоровье для пар, желающих вступить в брак. Официально эта мера была введена только в 1920 г., но она была половинчатой и запоздалой.

31 декабря 1931 г. был издан приказ по СС, согласно которому члены СС перед вступлением в брак проверялись на здоровую наследственность и принадлежность к нордической расе. Молодежный «Союз орлов и соколов» ввел у себя в 1932 г. взаимный обмен свидетельствами о здоровье для обрученных.

После 1933 г. был принят Закон о защите потомства с перечнем особо тяжких наследственных заболеваний, носители которых подлежали стерилизации; Закон о безопасности, который лишал неполноценные и антиобщественные элементы возможности размножения, а также законы, запрещавшие браки и половые связи между немцами и евреями. Были введены также запреты на браки для людей с заразными болезнями, угрожающими другим людям или потомству, для лиц, взятых под опеку, для умственно неполноценных и, наконец, для тех, кто подпадает под Закон о предотвращении появления наследственно больных детей.

Эти законы отвергают либеральную идею о предоставлении права на брак кому ни попадя, поскольку это «право человека». Брак перестает быть частным делом двух лиц, он касается всего народа, и предков, и потомков.

Введения свидетельств о пригодности к браку требовали с начала XX века во многих странах Европы и Северной Америки. К началу XX века только в штате Мичиган был закон, который запрещал браки душевнобольным, слабоумным и венерикам. Английский евгеник Леонард Дарвин в своей книге «Необходимость евгенической реформы» (1926) тоже предлагал ввести брачные свидетельства.

Методы медицинских обследований, которые необходимо пройти, чтобы доказать свою пригодность к браку, описал Анри Винь (1931). В английской Палате лордов за введение закона о брачных свидетельствах высказался в ноябре 1934 г. лорд Килмейн.

В Германии в октябре 1935 г. был принят Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа. По этому закону обрученные после медицинской консультации предоставляют свидетельство о том, что у них нет наследственных болезней, опасных для потомства, а также психических нарушений и заразных болезней. В Законе о предотвращении появления наследственно больных детей перечислены следующие болезни: 1) врожденное слабоумие; 2) шизофрения; 3) маниакально-депрессивный психоз; 4) наследственная пляска св. Витта; 6) наследственная слепота; 7) наследственная глухота; 8) тяжелые физические уродства. Этот закон касается только самых тяжелых наследственных дефектов, притом лишь тех, которые внешне проявляются в форме тяжелых болезней. Носителей задатков этих болезней, которые внешне выглядят здоровыми, данный закон не касается, равно как и ряда наследственных болезней, перенос предрасположенности к которым в здоровые семьи в результате брака нежелателен, так что этот закон – только начало.

Официальное свидетельство о пригодности к браку дает лишь приблизительный обзор самых явных наследственных дефектов. Поэтому желательно, как советует Попноу, дополнить его обычаем обмениваться боле подробными свидетельствами о здоровье и наследственности.

* * *

XIX век попал в тиски **ламаркистского** мышления, которое делало упор на влиянии среды и предполагало, что приобретенные признаки наследуются. Сегодня установлено, что этого не происходит, что возникновение и сохранение всех видов определяется наследственностью и отбором, а **не средой**. Человек тоже ничего не может добавить к своим наследственным задаткам. Овербери был прав: никто не может выбрать или изменить самого себя, но может путем выбора супружеской пары улучшить свое потомство. Изменения среды, от которых так много ждали «средовики» XIX века, могут быть благоприятными для отдельного человека, но они не могут вызвать улучшение вида. Подъем народа возможен только путем стимулирования размножения наследственно одаренных семей и воспрепятствования размножению наследственно бездарных людей, так что от выбора людьми супружеских пар будет зависеть, будут качества народа улучшаться или ухудшаться. Внешние условия могут быть благоприятными или нет для отдельного человека, могут возвысить одну семью на протяжении нескольких поколений, так что она будет казаться лучше, чем есть на самом деле,

и наоборот. Но на протяжении двух-трех поколений выбор супружеских пар будет решающим для определения положения семьи. Внешние условия могут сделать народ на два-три поколения более здоровым, способным, честным и красивым, чем он есть по своим задаткам, но в дальней перспективе эти качества сохраняются только благодаря ориентированному на них выбору супружеских пар и многодетности здоровых, способных, честных и красивых семей. Таким образом, выбор супружеских пар и количество детей – решающие факторы для будущего семьи, а через нее – и для будущего народа. Мощь германского государства и величие немецкого духа, поставленные под угрозу начиная с XIX века в результате размножения неполноценных элементов, могут быть укреплены только в случае признания идеалом для отбора способного, благородного и красивого человека и многодетности семей, созданных и живущих в устремлении к этому идеалу.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ВОСПИТАНИЕ

Из сборника статей «Воспитание аристократических родов
и формирование правящей аристократии»
Ю. Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен-Берлин, 1941

Я не могу говорить о несомненных выводах, к которым пришли ученые, изучающие наследственность, во-первых, потому что я не полномочен говорить от имени этих ученых, а во-вторых, потому что таких выводов пока нет.

Несомненно одно: тема «Наследственность и воспитание» стала сегодня вопросом, которым занимаются многие серьезные люди. Главный вопрос в рамках всего этого круга вопросов: насколько люди и группы людей обусловлены их наследственными задатками и в какой мере эта обусловленность может противодействовать воспитанию? И какие выводы, важные для воспитания и обучения, могут быть сделаны на основе такого понимания наследственной обусловленности людей.

В такой форме этот вопрос должен быть поставлен сегодня, когда исследования на близнецах показали необыкновенно сильную наследственную обусловленность людей. Если взвесить влияние наследственности и влияние среды, то наследственность всегда перевесит.

В XIX – начале XX века вопрос о возможностях воспитания ставился иначе. Широкие круги были убеждены, что человека физически и духовно может формировать среда, и правильное воспитание может сделать людей не только умней, но также нравственней и счастливей.

XIX веку, хотя т.н. всеобщее образование не сделало людей ни справедливей, ни умней, ни счастливей, был присущ «бессовестный оптимизм» (Шопенгауэр). Хотя еще Гете подчеркивал неизменность врожденной физической и духовной сути человека, Шопенгауэр придерживался того же мнения, а Кант учил, что врожденное сильней благоприобретенного, начиная с последователей Канта стала усиливаться вера в неограниченные возможности воспитания всех людей. Против течения шли только Шопенгауэр и Ницше. Аристократически мыслящие люди, такие как Гете, Шопенгауэр, Ницше, всегда делают упор на наследственных качествах, а массовое мышление городской демократии – на благоприобретенных, т.е. на влиянии среды. Именно таким был образ мыслей, преобладавший в XIX веке (я умышленно отделяю городскую демократию от крестьянской, т.к. последняя мыслит аристократически).

Естественные науки в XIX веке шли на поводу у этого массового мышления, пока не столкнулись с фактами, которые, если продумать следующие из них выводы до конца, опровергают гипотезу о всевластии среды. Геккель, которого демократы и социалисты безосновательно причисляют к своим, ясно говорил, что из теории происхождения видов и учения о наследственности можно сделать только аристократические выводы. Но суть любого аристократического мышления это упор на врожденных качествах. Поэтому Ницше так издевался над идеей «аристократии духа». На эту тему любили рассуждать еврейские интеллектуалы и другие люди, которые старались что-то скрыть в своей наследственной сути. Ницше говорил, что дух облагораживается «кровью», т.е. наследственно благородной натурой, которая существует раньше любых приобретенных качеств и утверждает свою ценность над ними.

Но такими же были убеждения лучших представителей всех народов, говорящих на индоевропейских языках, в эпохи их творческого расцвета. Это убеждение выразил Пиндар в третьей Немейской оде:

«Врожденная суть придает высшую ценность. Тот, кто обладает лишь тем, чему его научили, – темный человек… его шаги всегда неуверенны».

Люди таких убеждений не отрицают, конечно, ценность образования и духа. Убеждения Пиндара и Ницше не следует путать с враждебностью духу и образованию тех, кто ненавидит их, потому что не чувствует в своих наследственных задатках никакого духа и стремления к получению образования.

Как я уже сказал, естествознание XIX века пришло к результатам, из которых можно было сделать только аристократические выводы. Вследствие этого ламаркистское учение с его упором на влияние среды было вытеснено дарвинизмом с его упором на наследственности. Первыми сделали решающие выводы из

теории происхождения видов путем естественного отбора англичанин Гальтон, двоюродный брат Дарвина, немцы Отто Аммон и Альфред Плётц и француз граф Лапуж.

Гальтон еще в 1876 году обратил внимание на метод исследований, который сегодня дал удивительные результаты: исследования на близнецах. Эти исследования показали, что наследственные задатки играют определяющую роль вплоть до мелочей. При этом особенно поучительны случаи, когда люди с одинаковой наследственностью десятилетиями живут в совершенно разных средах и тем не менее одновременно заболевают одинаковыми болезнями или совершают одинаковые преступления. Эти наблюдения подтверждают слова Горация: «Ты можешь пытаться хоть вилами выгнать природу – она все равно возвратится назад». «Тот, кто за море уедет, по сути останется прежним, климат один лишь сменив».

Обратный пример: люди с разной наследственностью оказались после войны в одинаковой среде. Исследования детей в сиротских приютах показали, что в ребенке почти всегда развиваются характерные черты его семьи и даже сословия.

Теперь я перейду к выводам из ставшего сегодня несомненным знания того, что в жизни людей, как и всех живых существ, влияние наследственности сильнее слияния среды, – к выводам, касающимся воспитания.

Воспитание, с точки зрения биологии, это процесс приспособления. Жизнь это всегда конфликт наследственных задатков со средой. Историю народа я предлагаю рассматривать тоже как такой конфликт. Задача воспитания в этом свете – способствовать разрешению данного конфликта в интересах конкретной группы людей или отдельного человека. Воспитание это процесс приспособления, – сказал Ленц, а занимающийся изучением наследственности зоолог Юст выразил эту мысль следующим образом: воспитание это «планомерное создание стимулирующих и подавление вредных влияний среды».

Действие воспитания относится к области паратипического, а не генотипического, оно ничего не может изменить в генотипе народа, поскольку действует в области благоприобретенного, а не в области наследственности, а способность или неспособность к приобретению тех или иных признаков зависит опять-таки от наследственности.

Улучшить генофонд народа можно только путем отбора, а не воспитания. Для этого нужно, чтобы люди с лучшей наследственностью из всех сословий имели много детей, а неполноценные – мало или совсем не имели. Воспитание может

всегда ориентироваться только на отдельного человека. Это ограничение связано с тем, что нам, людям, не дано передавать по наследству приобретенные знания и способности. Например, математик, если он хочет, чтобы его дети унаследовали его способности, должен жениться на девушке из математически одаренной семьи.

В XIX веке маниакально верили в прогресс, верили, будто улучшив среду, в частности, обучение, можно сделать «род человеческий» более совершенным. От этой веры нужно отказаться. Нужно отказаться и от довольно распространенного заблуждения педагогов, будто каждого человека можно научить чему угодно, даже внушить ему любой образ мыслей, надо только найти подходящий метод. У меня создалось впечатление, что 9/10 педагогической литературы написаны с этих позиций, а все неудачи в ней объясняются тем, что еще не найден верный метод. Орава этих фанатиков обучения долго ловила мелкими сетями мелкую и бездарную рыбешку, пока не поняла, что улов будет больше там, где больше талантов.

Немногие учителя задумываются над тем, что есть пределы обучаемости, зато многие мучаются и винят себя в том, что из их учеников не выходит ничего путного. Хорошим учителям свойственно питать иллюзии насчет своих способностей. И знание силы наследственности не должно их обескураживать. Тот же Гете, который указывал на силу наследственности, сказал: «Человек это не только наследственные, но и благоприобретенные качества».

Хотя эти приобретенные качества не наследуются, и «прогресс» человечества не может быть достигнут таким путем, ни один разумный человек не станет отрицать, что ценность каждого человека как личности определяется его окружением в зависимости от его наследственных и приобретенных качеств. Учение о наследственности и евгеника рассматривают человека как носителя наследственных качеств и определяют его ценность для потомства, а педагогика рассматривает человека как личность и определяет его ценность для окружения. Евгеника обращает внимание на генотипические черты, педагогика – на фенотипические.

Но педагогика тоже не должна упускать из вида наследственность. Сначала нужно составить представление о неизменных, врожденных чертах подлежащего воспитанию человека; только после этого возможно осмысленное воспитание.

Вопрос стоит так: если наследственность имеет решающее значение, то как сделать воспитание осмысленным и в перспективе успешным? Чего можно достичь несмотря на наличие у воспитанника неизменных черт?

Сначала нужно установить, какие черты относятся к неизменной наследственной сути, а какие возникли под влиянием среды и могут быть изменены с помощью других влияний. Шиллер верно говорил о конфликте «неизменной сути» человека с меняющимися внешними условиями.

Вопрос решается сравнительно просто, если речь идет о способностях к определенному предмету. Такие наследственные способности обычно проявляются быстро, и от учителя не требуется особых усилий.

Труднее обстоит дело с учениками-середнячками, у которых нелегко понять, какие их способности врожденные, а какие возникли под влиянием среды. Здесь должно проявиться искусство воспитателя. Он должен понять, в каких пределах можно повлиять на ученика.

Может ли воспитание улучшить человечество или народ? Нет. Народ может улучшиться только благодаря многодетности своих высокоодаренных представителей и малому количеству детей у неполноценных элементов.

Может ли воспитание улучшить отдельного человека? В его неизменной сути оно ничего не может изменить. «Ты это ты и от себя не убежишь». Но искусное воспитание в определенных пределах может способствовать проявлению отдельных ценных свойств из неизменной сути человека, а другие свойства подавить. Хотя наследственную суть человека изменить нельзя, способность или желание изменить себя также заложены в этой сути, но это скорее крайний случай, который можно себе представить. Обычно же приходится иметь дело с чертами, которые не изменяются на протяжении всей жизни. Но в какой-то мере повлиять на их проявление можно…

Неправильное воспитание может испортить человека, но тоже в определенных пределах, отнюдь не в такой мере, как думают многие родители и учителя, часто испытывающие из-за этого ненужные угрызения совести.

Воспитание не может изменить суть человека, но оно может изменить в лучшую или худшую сторону воздействие этой сути на окружающих.

Опытный педагог может у каждого человека определить диапазон, в котором тот поддается влиянию. Графически этот диапазон можно изобразить в виде двух концентрических кругов, причем диаметр внутреннего круга относится к диаметру внешнего как 3:4. Внешний круг указывает диапазон, в пределах которого воспитание может изменить в ту или иную сторону проявление сути человека, очерченной внутренним кругом. В какую именно сторону, тоже зависит от наследственной сути. Изменение в какую угодно сторону невозможно.

Эта картина будет правильной, если мы предположим вместе с Попноу, что в поведении человека 75-80% зависит от наследственности и 20-25% – от влияний среды. Исследования на близнецах, вероятно, сделают степень влияния среды еще меньше.

Возможно и другое графическое изображение этих соотношений. Воспитатель может придать определенное направление развитию наследственных задатков, тоже в определенных рамках. Возможности такой ориентации будет тогда изображать параллелограмм сил, сторона наследственности у которого будет в 4 раза больше стороны влияния среды.

Этот диапазон разнится от человека к человеку, у одного он больше, у другого меньше. Один человек по своим наследственным задаткам более управляем, чем другой. От этих же задатков зависят и педагогические способности воспитателя. Воспитателей часто сравнивают с садовниками. Это сравнение очень верно. Подведем итог. Искусство воспитателя состоит в том, чтобы:

– оценить процент наследственных задатков и влияний среды в поведении ученика

– оценить диапазон возможного воспитательского воздействия, какие качества следует развивать

– оценить, насколько, не искажая характер ученика, можно придать его задаткам определенное направление. В педагогике не должно быть места лицемерию и иллюзиям.

Так выглядит искусство воспитания с точки зрения теории наследственности применительно к отдельному человеку. Что же касается воспитания народа и государства, то я могу пока что высказать на этот счет лишь несколько предварительных замечаний.

Какие качества учеников следует развивать, а какие подавлять, зависит от национального идеала. Этот идеал должен быть таким, чтобы он способствовал увеличению числа высококачественных задатков в народе, тогда как до сих пор образование, наоборот, способствовало вымиранию талантливых семей. Идеал и образование могут быть враждебными жизни. Многое в средневековом, да и в современном христианстве враждебно жизни. Идеал и образование могут стимулировать жизнь. Примеры этого можно найти в истории многих индоевропейских народов, особенно персов, эллинов, римлян и германцев.

В этом свете понятно, насколько ценно для народа определенное единообразие наследственных духовных сил, расово-психологических задатков. Слишком большое разнообразие этих задатков делает невозможным всеобщее признание одного национального идеала.

Необходимость признания национального идеала несовместима с «индивидуалистическими» методами воспитания, модными со второй половины XIX века. Нужен скорее баланс между ориентацией на национальный идеал и стимулированием развития личности в наиболее подходящем для нее направлении.

Индивидуальный подход к ученикам, если он становится самоцелью, не обеспечивает наилучшее приспособление учеников к среде. Такое приспособление достигается лишь в том случае, если при учете особых задатков своих учеников воспитатель учит их ставить выше всего общее благо нации.

Что касается вопроса о подготовке самих педагогов, то должна исчезнуть вера в ценность научного, прежде всего психологического обучения будущих учителей. Учителями рождаются, и педагогические академии не увеличивают число прирожденных педагогов. Я бы даже сказал, что академическое образование ни для одной профессии не опасно в такой степени, как для педагогов. Мы имеем уже во многих областях переизбыток специалистов, «образованных» выше своих умственных способностей. Переизбыток таких людей нигде так не опасен, как среди учителей. Именно здесь нужно найти способы выявить среди соискателей «прирожденных» учителей. Наследственное неравенство учащихся требует, чтобы к ним относились неодинаково, чтобы на всех этапах обучения одаренные и высоконравственные ученики были отделены от бездарных и безнравственных, чтобы последние своим балластом не мешали развитию первых. Наследственно лучшим желательно помочь и пораньше основать семью. И здесь из учения о наследственности и отборе можно сделать только аристократические выводы. Школа должна способствовать созданию руководящего слоя, слоя отборных семей, от браков между которыми можно ожидать появления высоко одаренных детей.

Инстинкты многих людей расстраиваются от «образования», они не могут получить образование, не став несносными и противными. Таких не следует допускать в высшие школы. Число тех, кто может получить образование и избежать при этом усиления своих сомнительных задатков, гораздо меньше, чем думают.

К высшему образованию следует допускать лишь тех, чей ум и характер благодаря их наследственным задаткам позволяют надеяться, что такое образование им под силу.

Аристократическое понимание сути и значения образования необходимо, прежде всего, нам, немцам. Не только наша система образования, но и наше понимание жизни вообще могут быть облагорожены, если наследственное, врожденное будет снова признано в своем высоком, а благоприобретенное – в своем ограниченном значении. Тогда удастся избавиться не только от унаследованного от XIX века маниакального стремления к образованию, но и от многих других маний. Это либерализм надеялся улучшить народы путем распространения образования. Образование еще никогда не делало никого умней, и ни одна эпоха в истории древней Греции не уделяла столько внимания «образованию», как эпоха носителей разложения – софистов. Мы должны отделаться от идеала городской демократии, идеала «образования», который гордится объемом приобретенных знаний и множит число учебных заведений, не задавая себе вопроса, какие задатки учащихся усилит «образование» – лучшие или худшие, во что они обратят полученные знания под влиянием своих наследственных задатков. Всему этому должно быть противопоставлено аристократическое понимание образования, исходящее из ценности наследственных качеств. Цицерон следующим образом сформулировал такое понимание образования и связанные с ним требования: «В кандидате важны благородство, порядочность, честность, а не плавность речи, не ловкость и не ученость». Такому же пониманию образования обязана своей мощью Британская империя.

В нашем народе тип «грекулуса», образованного болтуна, стал слишком многочисленным среди двух последних поколений, а тип тех, кто убеждает и воспитывает одним своим существом – слишком редким. Отбор должен исправить это положение. Национальный идеал таких образованных людей, которые убеждают одним своим видом, окажет на народ более сильное воспитательное воздействие, чем образование XIX века с его верой во всесилие среды.

Лучшее свидетельство воспитания и образования народа – воплощение ценностей образования этого народа во многих идеальных поколениях.

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И СРЕДА

4-е, пересмотренное автором издание
Издано Францем фон Бебенбургом в городе Пель в 1967 году

Посвящается памяти моей жены Магген Гюнтер, урожденной Блум (1893-1966)

Предисловие к 4-му изданию

Эта книга, сборник докладов и статей, которые представляются мне важными, называлась со времени своего 1-го издания в 1936 году «Создание правящей знати путем родового воспитания» (Прим. пер. Так это название переведено в предисловии к «Избранным работам по расологии» Ганса Ф.К. Гюнтера. Чтобы более точно передать его смысл. Придется построить более длинную фразу: «Воспитание аристократии вождей путем создания благоприятных условий для определенных родов»). Это название я не смог сохранить в данном, 4-м издании, после того как Адольф Гитлер, наш «вождь», столь роковым и чреватым тяжелыми последствиями образом не справился с выпавшей на его долю задачей – не создал умный, рассудительный и безупречный руководящий слой для своего государства и своей партии и не позволил выдающимся людям и знатокам людей создать его.

Изменение названия оправдывается следующими причинами:

Вскоре после того, как я выступил с перепечатанным здесь докладом о необходимости руководящего слоя для любого государства, статс-секретарь д-р Штуккардт, бывший похвальным исключением среди тех людей, которых выдвинул Гитлер, произнес на партийном съезде – не зная моего доклада, который был напечатан позже, – фразу, звучавшую прямо по-древнеперсидски или по-старопрусски: «Для НСДАП и III Рейха нет более важной задачи, чем создание путем отбора и воспитания единого в своем поведении, в своих мыслях и чувствах, в своем понимании чести, в безусловной личной чистоте, правдивости и справедливости и человеческого типа как слоя, на котором зиждется государство».

Как хитро усмехались про себя, слыша эти слова, те недостойные личности, которые уже тогда, ловко пользуясь обстоятельствами и тем, что Гитлер совершенно не знал людей, заняли высшие посты в государстве и партии! Может быть, Штуккардт, говоря это, намеревался предложить Гитлеру ту «чистку партии», о которой позже ходило много слухов? Но сколь велико было разочарова-

ние лучших и наиболее рассудительных немцев, когда люди, точнее нелюди, которые занимали высшие посты в партии и государстве и входили в ближайшее окружение Гитлера, не только оставались на своих местах – их даже повышали и награждали. Это были люди, не имевшие никаких предпосылок для того, чтобы войти в «слой, на котором заждется государство».

У «фюрера» не было основного качества государственного деятеля даже средней руки: знания людей. Этот гибельный недостаток не могли заменить ни его способность чувствовать душу городской массы, ни его неукротимое желание властвовать над этой массой. Каких людей предложил он своим беззащитным соплеменникам! Даже большее чисто талантливых и безупречных руководителей, чем то, сколько их на самом деле было среди его помощников, не смогло бы возместить нанесенный ущерб.

Когда примерно в 1935 году всем стало ясно, что назначения на высшие посты неудачны, многие из лучших членов НСДАП цеплялись за надежду – кто только ее сеял? – что вскоре будет проведена «чистка партии». Но ее не провели, а число неудачных назначений, наоборот, увеличилось. Когда я работал над вышеупомянутым докладом, я тоже, должен признаться, питал слабую надежду вразумить этим докладом руководство партии и государства. В этом смысле он и был понят многими слушателями и читателями.

Однако следует заметить в защиту Гитлера, что такова, по-видимому, природа любой диктатуры (кроме ограниченной во времени древнеримской): диктатора окружают самые недостойные соискатели постов, которым он в силу обстоятельств не может отказать. Это относится и к диктаторам, хорошо знавшим людей, таким как Сулла и Цезарь. Оба они вышли из аристократии, обученной руководить государством.

Английские и американские историки – «ревизионисты» уже опровергли глупую, умышленно распространяемую ненавистниками Германии ложь о Гитлере как единственном виновнике войны. Эта ложь опровергается государственными актами довоенного периода и того времени, когда началась война. С внешней политики Гитлера многие обвинения, таким образом, сняты. Но мы, немцы, и лучшие немцы будущего никогда не сможем простить Гитлеру многое в его внутренней политике, прежде всего, потому что он, не зная людей, не только не сумел создать «слой, на котором заждется государство», без которого никогда не может быть государственного порядка, но и потому, что он выбором своих сотрудников усугубил беспорядок, раздиравший Германию с 1919 года.

Многие немцы с задатками государственных деятелей с тревогой следили за этим. Я знаю это, потому что мне постоянно приходилось повторять мой доклад

1935 года о необходимости руководящего слоя по просьбе академических, прежде всего, студенческих групп и офицеров, находившихся на лечении в госпиталях. За докладом следовал серьезный обмен мнениями, причем не умалчивалось и об ошибках Гитлера при назначении на высшие посты в НСДАП недостойных людей. Меня тогда не раз с удивлением спрашивали, как я не угодил в концлагерь за мой доклад о руководящем слое.

Для нас, немцев, служит слабым утешением тот факт, что сегодня вообще не одно государство не в состоянии даже поднять вопрос о создании «слоя, на котором зиждется государство», как это сделал Штуккардт.

Из сказанного читателям должно быть ясно, почему я, как немец, не счел возможным сохранить название, содержащее слова «Аристократия вождей». В самой книге я заменил их словами «Правящая аристократия». В остальном книга претерпела мало изменений.

Я выбрал для 4-го издания название «Наследственность и среда», потому что я

1) как и каждый, кто знаком с работами по близнецам, благодаря им еще больше, чем под влиянием трудов Гальтона, убежден, что наследственные задатки, а не среда играют решающую роль, и потому что я

2) поражен тем, что самое позднее с XX века невежи сводили все человеческие пороки к влияниям среды: болезни, глупость и неспособность людей к обучению, равно как их «асоциальное поведение» вырождение, преступления и т.п. – все списывалось на среду, прежде всего, – на экономические и общественные условия. Соответственно завышалось значение воспитания и обучения, как будто они могут сделать людей нравственней и умней. Национал-социализм активно поддерживал это заблуждение, навязанное нам теперь из-за рубежа «перевоспитание» продолжает ту же линию…

Старое крестьянское убеждение, нашедшее свое отражение в забытой сегодня многими поговорке «Яблоко от яблони недалеко падает», указывает на наследственный характер семей. Теперь на смену ему пришла иллюзия, будто все дело – в улучшении среды и в обучении людей «без предрассудков» в духе теорий равенства. При этом не учитывают, что у молодежи все меньше силы нравственного сопротивления, все ниже уровень и одаренности и она все менее пригодна к воинской службе. У глупых и грубых людей больше детей, чем у приличных и умных.

В США, которые сегодня поучают народы всего мира, сомнительные метод расчленения души (психоанализ) венского психиатра З. Фрейда внедряется как

бесспорная основа психологии вообще. Но учение Фрейда признавало наследственные инстинкты человеческого рода, т.е. кое-что от наследственности еще оставалось. Сегодня в США «неофрейдизм» стремится избавиться и от этого остатка. Все человеческое поведение объясняется только влиянием среды, общественными условиями. Все зло исчезнет, если государство изменит эти условия и тогда будет достигнуто всеобщее равенство всех людей.

В предисловии к моей работе «Платон как хранитель жизни: Воспитательные идеи Платона и их значение для современности» (3-е изд. 1966) я объяснил, почему сегодня, прежде всего, благодаря неустрашимой деятельности специалиста по наследственности проф. д-ра Ганса Нахтсгейма, известного противника национал-социализма, в Западной Германии есть слабая надежда, что и государственные ведомства будут все более убеждаться в реалиях и фактах наследственности и в конце концов, по предложению Нахтсгейма, будет снова введен закон о предотвращении появления наследственно больного потомства. Государственные ведомства знают, какие огромные суммы тратит государство на наследственно больных людей и их потомство. Только введение этого закона, по словам Нахтсгейма, может предотвратить вырождение народа вследствие накопления неполноценных наследственных задатков.

Я помню, что писал в 1923 г. социал-демократ Альфред Гротьян: «Нация, которой удастся поставить все больницы на службу выпалыванию физически и психически неполноценных элементов, будет с каждым десятилетием все больше опережать все прочие нации». Гротьян при этом думал о «выпалывании» не людей, а неполноценных наследственных задатков. Он знал, что есть очень ценные люди, негодные, однако, как носители наследственности. Эти люди воспримут стерилизацию как благодеяние, так как сами не захотят обременить свой народ наследственно больным потомством. К сожалению, таких людей мало.

Социалистка Ода Ольберг сказала в 1926 году: «Для счастья нынешнего человечества было бы сделано гораздо больше, если бы его каким-нибудь волшебным словом избавили от вырождения, чем если бы его облагодетельствовали социалистическим общественным строем».

Я продолжаю употреблять в этой книге слово «фёлькиш» (Прим. пер. Это слово всегда ставило в тупик советских переводчиков. Вообще-то оно значит «народный», но немецкие «народники», в отличие от наших были не революционерами, а консерваторами), хотя осторожные люди сегодня стараются его избегать. Я называю «народным» такой образ мыслей, при котором ведется поиск средств к обновлению народа начиная с его основы, т.е. его наследственных задатков. В 1936 г. один человек из ведомства Розенберга просил меня не употреблять

больше слово «фёлькиш», а говорить только «национал-социалистический», потому что слово «фёлькиш» не нравится Гитлеру. Я возразил, что главный орган НСДАП по-прежнему называется «Фёлькишер Беобахтер» («Народный наблюдатель»).

Если слово «фёлькиш» употребляется в вышеописанном смысле – а в ином я его никогда не употребляю – только непонятливые или злонамеренные люди могут его неправильно понимать или толковать.

Ганс Ф.К. Гюнтер
Муррхардт, осень 1966

Новое понимание значения семьи в Германии

Для национальной мысли в период между 1919 и 1933 годами было характерно то, что действия людей стали объяснять не средой, особенно экономической, а, главным образом, наследственными задатками. Таким образом, одержали победу взгляды, которые высказывали во второй половине XIX века Гобино, Гальтон, Амон, Лапуж, Мендель и другие.

Они выступали против учений, которые пытались найти свое воплощение во Французской революции. В середине XIX века, этого века теорий равенства и среды, граф Гобино заговорил о неравенстве человеческих рас и отдельных людей, а теория эволюции Дарвина подвела научную основу под это утверждение о наследственном неравенстве. Тем самым демократии, как ее понимали в XIX веке, было противопоставлено аристократическое мышление. Как сказал еще Геккель, из теории эволюции можно сделать только аристократические выводы.

Для национального государства, которое черпает свою силу из органической концепции жизни, характерно то, что новые познания сразу же оказывают воздействие в разных направлениях. Это государство не может ждать, что народ поднимется и усилится в результате одного лишь улучшения среды. Оно должно стремиться к увеличению количества ценных наследственных задатков в народе и к уменьшению количества неполноценных задатков. Поэтому совершенно иное значение приобретает количество детей от браков между людьми разной наследственной ценности.

Государство, осведомленное в вопросах биологии, должно создать в народе новое, живое понимание сущности и значения семьи. О том, что семья это ячейка государства, в сегодняшней Европе почти забыли…

Во всем, что касается семьи, в Европе практически приходится начинать заново. Немецкая семья – реликт того, чем когда-то была индоевропейская семья. В XIX веке от семьи былых времен почти ничего не осталось, однако в некоторых немецких землях даже родовые союзы как правовые образования сохранились до XVIII, а в отдельных случаях – до XIX века.

Коммунисты хотели бы ликвидировать и последние остатки семьи…

О том, насколько мало государственные деятели, а также демографы, социологи и другие ученые обращали внимание не семью, свидетельствует хотя бы тот факт, что при переписях населения анкеты обычно составлялись в расчете не отдельных людей и их отношения вне семьи, так чтобы статистика населения не могла дать картину семейной жизни народа.

Даже науки, которые обязаны были заниматься семьей, не справились с этой задачей, по крайней мере, у нас, в Германии. Характерно, что не была создана фундаментальная история немецкой семьи по типу имеющихся историй американской и французской семьи. Именно в США появился ряд великолепных работ о семье и современных семейных отношениях, там же вышли первые книги, в которых семья рассматривается с точки зрения евгеники. Еще в 1887 г. в США была создана Национальная лига защиты семьи.

Если мы просмотрим немецкие труды по социологии, чтобы узнать, что в них говорится о семье, мы увидим, что их авторы пытаются сказать о семье что-то правильное, но почти нигде нет живого понимания семьи, ее значения для народа и государства и есть лишь догадки о значении семьи для повышения качественного уровня народа. Анализ распада браков в наше время не дает глубокого научного понимания сущности семьи.

Под влиянием успехов в изучении наследственности, сосредоточенного именно на семье, представители социологии, истории и других наук тоже начали обращать внимание на семью. Изучением семьи занимались Оттокар Лоренц, Армин Тилле, Фридрих фон Клокке и др. Церкви всегда держали семейную жизнь под контролем, и католическая церковь попыталась противодействовать распаду семей пастырским посланием собора епископов в Фульде в 1913 году. Протестантская церковь сделала это с запозданием.

В Германии нет единой традиции научного исследования семьи. Здесь приходится все создавать заново. Необходимо учредить институт или хотя бы научный кружок с целью исследования семьи.

Если мы поставим вопрос о том, кто лучше всех понял сущность и значение семьи, то я назову двух людей, двух последних значительных представителей органического мышления в социологии. Это Фредерик Лепле и Вильгельм Генрих Риль.

Конечно, есть и другие заслуживающие уважения ученые. У нас, немцев, это Юстус Мёзер, а позже Роберт фон Моль и Альберт Шеффле, у французов – Огюст Конт, но плодотворные и глубокие мысли, которые следует взять на вооружение, по-моему, есть у Лепле и Риля, особенно у Лепле. Поэтому необходимо сказать пару слов об этих двух людях.

Нормандец Лепле (1806-82), инженер, экономист, социолог, стал в 1840 г. профессором в Париже, а в 1867 г. сенатором. Наполеон III очень уважал его и наградил орденом Почетного легиона.

В 1870 г. вышла книга Лепле «Организация семьи» (3-е издание. 1884г.).

Лепле, подобно Гобино и Гальтону, нанес контрудар по идеям Французской революции. В устройстве деревенской жизни до этой революции он видел «разумность прошлого». В 1825 г. Лепле познакомился в Париже с двумя немецкими студентами, которые указали ему на основную ошибку Руссо, который утверждал, что «человек от природы добр», а его портят только общественные учреждения. Этот тезис заимствовал пролетарский социализм, который отвергал поэтому евгенику, так как она видела главное зло не в якобы несправедливом общественном строе, а в увеличении количества неполноценных наследственных задатков, чему, правда, способствует и общественный строй. Лепле все ясней понимал, что разложение семьи в сочетании с разрушительными законами о наследственном землевладении – главное зло в жизни западных народов.

Один из учителей Лепле, англичанин, указал ему на тогдашнюю Северную Германию, как на «страну мудрости», где еще можно найти здоровые порядки, и в 1829 г. Лепле поехал туда и изучал тамошнюю семейную жизнь, а также семейные отношения горняков на Гарус. С 1830 г. Он проводил целые годы в путешествиях и разработал свой метод описания семей, который он считал ключом к пониманию общества.

Наиболее важным он считал изучение рабочих семей. В 1855 г. Вышла его книга «Европейские рабочие», в которой он описал 57 показавшихся ему типичными семей, их доходы и расходы. «Рабочие» у него это все люди физического труда, не только промышленные наемные рабочие.

Благодаря своему методу Лепле стал основателем «школы Фредерика Лепле» в социологии, которая и тогда не привлекала общественного внимания, а сегодня почти забыта.

В 1833 г. Граф Райнераль, французский посол в Мадриде, указал Лепле на значение деревенского наследственного права. В разделе наследства поровну граф видел корень всех зол во Франции.

Лепле изучил этот вопрос глубже и посетил те области Европы, где еще сохранялось наследование неделимого имущества. Он быстро понял значение этого обычая, который с 1933 г. утвержден у нас Законом о наследственных дворах. Он понял, почему английский парламент, когда он захотел подорвать позиции католицизма в Ирландии, ввел в 1703 г. в Ирландии для протестантов право наследования неделимого имущества, как в Англии, а для «папистов» – раздел наследства поровну. Он понял, почему Законы Ману предусматривали для брахманов право наследования неделимого имущества, а для шудр – раздел наследства поровну «даже при наличии 100 сыновей». Он понял, почему на Венском конгрессе один английский государственный деятель, когда он не смог добиться дальнейшего уменьшения территории Франции, утеши себя словами: «В конце концов, французы уже достаточно ослаблены своим наследственным правом».

От раздела наследства поровну Лепле ожидал пролетаризации сельского населения и подготовки тем самым пролетарской революции и в деревне.

Этой опасности Лепле хотел противопоставить «родовую семью», которая остается жить вместе на наследном дворе. Ее уезжающие члены должны основывать новые «родовые семьи»… В результате, по мысли Лепле, должен был образоваться слой избранных семей, который он называл «элитой».

Идеал Лепле напоминает индоевропейские большие семьи, а его представления об основании новых семей – древний обычай «священной весны».

Суть учения этого великого нормандца такова: семья, а не отдельный человек, ячейка общества и основа государства. С нее, а не с поверхностных социальных мер должно начаться оздоровление государства. Лепле не разделял надежды XIX века на воспитание и обучение народа, врожденные качества значили для него больше.

До сих пор школа Лепле остается Единственной социологической школой, которая делает упор на семье.

Лепле умер в Париже в 1882 году. В 1867 году он передал Имение, которое купил, своему сыну, чтобы тот основал родовую семью.

В Германии последователем Лепле был Шеффле. В Европе о Лепле тогда почти забыли, потому что все заглушили споры вокруг марксизма. Но идеи Лепле продолжают жить во французском социальном католицизме. В Англии Лепле считают основателем «деревенской социологии», и в Англии есть Дом Лепле, штабквартира Союза социологических исследований.

Причисление Лепле к категории «географических детерминистов» показывает, насколько мало понимают до сих пор многие научные школы значение Лепле.

Фигуре Лепле во Франции у нас, в Германии, соответствует фигура Риля. К Вильгельму Генриху Рилю (1823-97) нам тоже надо обратиться, если мы хотим рационально обосновать изучение сущности и значения семьи. Я рад, что круг национальных мыслителей эпохи с 1918 по 1933 год, которому посвятил свою базельскую диссертацию Армин Молер, воздал по заслугам этому человеку и его трудам. Два немецких издательства опубликовали избранные работы Риля.

Риль создал т.н. «социальную этнографию». Вместе с экономистом Лоренцом фон Штейном он может считаться также основателем немецкой социологии. Риль и Лепле были современниками Маркса, но для немецкого будущего они значат больше, чем Маркс, потому что они осознали значение семьи и исходили в своих учениях от нее, а не от отдельного человека.

Риль и Лепле боролись против либерализма как разлагающей силы. То, что главное произведение Риля называется «Естественная история народа», показывает, что в центре внимания Риля были жизненные процессы в народе. Риль, как и Лепле, шел против господствующих тенденций своего века. Он ставил под сомнение почти все «достижения» нашей цивилизации с середины XIX века. Там, где другие видели прогресс, Риль видел все больший отрыв от корней.

В 1885 году вышла книга Риля «Семья», переизданная потом многократно, в 1925 издательством Кота. Работы Риля более художественные, Лепле – более научные… Риль тоже считал, что обновление народа может начаться только с семьи, все прочие меры – попытки исцеления внешних симптомов. Лепле говорил: «Какова сегодня семья, таким завтра будет общество». Риль считал, что создание настоящих семей может спасти немецких рабочих от пролетаризации. Большинство городских семей нашего времени Риль вряд ли счел бы «настоящими».

Риль придавал вопросу о деревенском наследственном праве такое же значение, как и Лепле. Это видно из его книги «Семья», где он сопоставляет ситуацию в деревнях с разделом наследства поровну и с наследованием неделимого имущества.

Но эти предостережения были у нас забыты, пока Зеринг не указал на право наследования неделимого имущества как на возможность сохранения нашего крестьянства и пока эту идею не развил Дарре, связав ее с вопросами наследственности и отбора.

Маркс заставил забыть Лепле и Риля. Под влиянием Маркса общественные науки во второй половине XIX века односторонне занялись вопросами государства и экономики, забыв о семье. В экономике ученые видели лишь состоящие из отдельных людей экономические группы и их чисто материальные интересы, а о государстве в их изображении Ницше говорил, что это «самое холодное из всех холодных чудовищ». Знание жизненных процессов в народе было утрачено, то знание, которым обладали Лепле и Риль.

Поэтому мы должны снова обратиться к их учениям, не для того, чтобы заимствовать из них какие-то догмы, а для того, чтобы глубже понять, как целое, жизненные процессы, развивающиеся в семьях. Риль также показал, какие внешние условия благоприятны для семьи, а какие нет. При высокой рождаемости в неблагоприятных условиях не следует ожидать, что увеличится количество наследственных задатков, которые будут способствовать обновлению немецкого народа. Для государства важна не рождаемость сама по себе, а только рождаемость в семьях с ценной наследственностью.

Этнография XIX века тоже не давала стимулов для углубленного понимания значения семьи. Распространенные мнения о происхождении брака и семьи, об отношениях родства и об их связи с экономическим укладом породили плоские представления о сущности семьи и не только у публики, но и у многих ученых. Концепция Бахофена-Моргана о формах семьи и родства, т.н. теория эволюции семьи и родственных отношений была заимствована пролетарским социализмом. В 1884 году вышла книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эта книга и после Мировой войны, когда ее теории, основанные на концепции Льюиса Генри Моргана, были опровергнуты этнографами, продолжала снова и снова издаваться – в 1928 г. вышло ее 23-е издание.

Свой вклад в распространение этих идей внес и Август Бебель своей книгой «Женщина и социализм», которая тоже все время переиздается. Сегодня благодаря многим исследованиям, в частности, работе Хобхауза, Уиллера и Гинсберга

«Материальная культура и общественные учреждения первобытных народов» (1930г.) установлено, что и на низших ступенях цивилизации экономика мало влияет на общественные отношения. Сравнительно небольшую зависимость государства и общества от экономики в истории западных народов показал Зомбарт.

То, что начал Эрнст Гроссе в 1896 году своей работой «Формы семьи и формы экономики», сторонники пролетарского социализма примитивизировали и объявили экономический уклад причиной появления различных форм семьи. В результате в широких кругах распространились релятивистские представления о браке и семье. Но, если действительно имело место развитие, то какова была его причина?

В моей книге «Формы и история брака» (3-е изд. 1951) я показал этапы развития от магии и анимизма через политеизм к монотеизму, от охоты к скотоводству и земледелию, от отсутствия собственности – к групповой и частной собственности, от общества равных через образование аристократии к монархии, от угнетения женщины – к ее равноправию, от похищения и покупки жен – к добровольному браку, в общем, весь путь развития цивилизации, от ее первых шагов до злокачественной стадии высокоразвитого капитализма, прилагая к этому характеристику особенностей семьи и брака на каждом этапе. Здесь развитие шло от промискуитета через кровнородственную семью, или, по Мак-Леннану, через многомужество – к групповому браку, а от него – к матриархальной семье (о чем мечтают современные феминистки), правда, сначала в форме многоженства, потом к патриархальной семье с многоженством и, наконец, к моногамии. Даргун хотел в своей книге «Матриархат и похищение жен и их реликты в германском праве и в жизни» (1883) проследить такое развитие от матриархата к патриархату и от похищения жен к добровольному браку и у германцев, но он плохо знал источники.

Все большее число ученых сомневается, была ли последовательность развития именно такой, а многие считают ее чистой выдумкой. Сомнения усиливаются по мере все более глубоких сравнительных этнографических исследований. Спор относительно обоснованности теории Бахофена-Моргана, т.н. эволюционной теории, в котором примет участие Мак-Леннан, сэр Генри Мэйн, Хартленд, Иозеф Колер, а позже Вестермарк, Лоуи, Риверс и П. Шмидт, привел к краху распространенных представлений о первоначальных формах брака.

Отказ от этих представлений желателен, потому что только после краха устаревших теорий можно выработать особые концепции брака и семьи для разных групп народов и потому что мышление семейными категориями может укоре-

ниться лишь в том случае, если для него есть почва. А развитие это непрерывное движение, почва все время будет убегать из-под ног.

Я уверен, что разные науки сегодня, после краха т.н. эволюционных теорий, смогут прийти к пониманию сначала зависимости форм брака и родства и экономических форм от расовой души, а потом характерных для нас и важных для нашего будущего особенностей половой жизни, брака и семьи. Для этого необходимо, чтобы созданный нордической расовой душой культурный круг индоевропейских народов был определен как культурный круг патриархальных крестьян-воинов с относительным равенством обоих полов. Я не верю, что этот культурный круг можно определить как баланс стимулов, исходящих от патриархальных кочевых скотоводов и от матриархальных земледельцев. Должно быть осознано, что индоевропейские патриархальные крестьяне-воины это особый и уникальный культурный круг.

Из этого можно вывести и характерную для нас особую концепцию семьи.

Если бы эти взаимосвязи были бы лучше поняты, у нас не могли бы возникнуть представления о мужских союзах как о зародыше и ядре государства (Густав Вюнекен, Ганс Блюер). Лили Вайзер выдвинула даже гипотезу, что и у германцев можно обнаружить нечто вроде мужских союзов, а в1935 г. где-то читал, что учение о мужских союзах должно стать ядром национал-социалистической концепции государства. Союзы молодых людей всегда играли в индоевропейских государствах вспомогательную роль, но мужские союзы в том смысле, какой придает этому слову этнография, никогда не могут стать ядром немецкой или германской концепции жизни и государства, потому что этим ядром является семья, а семья и мужской союз взаимно исключают друг друга.

Еще знаменитый этнограф Генрих Шурц, который в 1902 г. ввел термин «мужской союз», отметил взаимосвязь между мужскими союзами и матриархальными обществами. Позднейшие исследования показали, что мужские союзы были формой защиты мужчин от матриархального гнета.

Но все эти явления находятся вне индоевропейского круга, а если они проникают в него, то только из низших слоев или маргинальных групп. Особый случай – Спарта, где мужской союз образовался в позднее время как явление вырождения и застоя.

К сожалению, этнография после Шурца мало занималась сравнительными исследованиями мужских союзов. Шурц ошибался, когда предполагал, что все мужские союзы имели примерно одинаковое происхождение и примерно одинаковые основные формы и видел в них общий этап развития групповой жизни

людей. Он вовсе не был общим. Новейшие исследования не подтвердили и мнение Шурца, будто мужские союзы всегда возникают из возрастных классов. Наконец, Шурц связывал мужские союзы с государственно жизнью, а это были скорее общины верующих. Великий историк Эдуард Мейер хотел на основании теории Шурца сделать вывод, что вся государственная жизнь вообще развилась из доисторических мужских союзов. Но нам сегодня известны явно антигосударственные мужские союзы, вроде «союза леопардов» в Западной Африке, который, наподобие масонских лож, действует поверх границ между племенами.

В индоевропейском круге почти вся государственная жизнь развилась из семьи в соответствии с законами жизни, из благородной крестьянской семьи, в которой глава и хозяйка дома имели одинаковое значение, но не одинаковые права, так как мышлению индоевропейцев было чуждо представление об одинаковых правах полов, формы жизни которых столь различны. Из родовых союзов, а не из чего-то подобного мужским союзам выделялись вплоть до Средневековья мужские корпорации, а родовые союзы ослаблялись и превращались в мужские союзы лишь в тех случаях, когда налицо были особенности колониальных отношений.

Мы настаиваем: почти вся государственная жизнь индоевропейцев и их творческие времена, и германцев и немцев в частности, строилась на основе семьи. Этнография сегодня открыла для нас своеобразие концепций семьи и родства – одна группа народов более склонна к одной концепции, другая – к другой, в зависимости от того, какая расовая душа в ней проявляется – и это позволяет нам изучить основные черты той семейной жизни, из которой выросло индоевропейское и германское величие.

Индоевропейская семья была образцовым образом связана с законами жизни и выполняла многие из тех требований, которые сегодня расовая гигиена предъявляет к основанной на законах жизни морали. В изначальном индоевропейском мировоззрении семья включалась вживую взаимосвязь разумного порядка Мироздания, который индийцы называли «рита», эллины – «космосом», римляне – «ratio», а у германцев им соответствовал Мидгард. Но семья, осознававшая себя частью этого порядка, должна была соблюдать его и при выборе супружеских пар. Только этим объясняется появление в истории индоевропейцев выдающихся родов и величие индоевропейцев вообще. Величие народа всегда растет и падает вместе с наследственной ценностью его родов, обладающих способностями к руководству.

Лучшая часть немецкой молодежи должна позаботиться о том, чтобы ее большая часть осознала, что либерализм это враг возрождения государства, в том

числе и либерализм в вопросах брака и семьи. Как сказал Риль: «Реформируя наш дом, мы реформируем государство».

Государство должно позаботиться о том, чтобы родительский дом в Германии все больше брал на себя роль воспитателя молодежи и народа. А чтобы государство могло снова доверить ему воспитание, родительский дом сам должен обновиться. Как писал Альбрехт Тер в 1877 году в своей книге «Система сельского хозяйства»: «Школа важна, но семейная жизнь еще важней, и пренебрежительное отношение к ней имеет роковые последствия».

Необходимость руководящего слоя для государства

Тот, кто заговорит сегодня в Европе о руководящем слое, слое руководящих и способных руководить родов, т.е. не только о группе руководителей как об ограниченном во времени явлении, встретит непонимание и даже хулу во всех сословиях. Это объясняется тем, что наше западное мышление после 1789 года отказалось от благородных воззрений прежних времен. Я умышленно не говорю «аристократических», чтобы этому слову не придавали сословный смысл и не связывали его только с исторической знатью. Я понимаю под «благородными» все воззрения, которые делают упор на наследственной, «Врожденной» сути человека, а не на том, что он может приобрести, т.е. не на богатстве, знаниях, рангах и титулах. При этом указывается идеал для отбора: талантливый, благородный и красивый человек. Благородный образ мыслей несовместим с «индивидуализмом», который рассматривает отдельную личность как самоцель. Перед человеком ставится задача, чтобы он воплотил в своей собственной жизни все ценности и посредством правильного выбора супружеской пары по возможности передал их своим потомкам.

От такого благородного образа мыслей почти весь Запад отказался после 1789 года. Ему на смену пришло массовое мышление, которое ненавидит и преследует все ценности, которые возвышаются над средним уровнем. Наследственное, «врожденное» не должно больше иметь никакой ценности, чтобы никто не выделялся перед другими и не вызывал зависть. Все различия между людьми приписывались среде и благо для человечества искали в улучшении среды, а не в улучшении самого человека. До небес превозносили воспитание, обучение и здравоохранение и тешились иллюзией, что если всех людей одинаково обучать, кормить и одевать, начнется неслыханный прогресс и все еще остающиеся различия между людьми исчезнут.

Многие из знаменитых апостолов равенства XIX века могут служить примером того, как люди, делая особый упор на благоприобретенном, стараются скрыть какие-то собственные врожденные черты. На это указывал Шопенгауэр.

После того, как стали отрицать все, что можно было объяснить хорошими наследственными задатками, людям XIX века не оставалось ничего другого, кроме стремления к накоплению богатств или знаний или, если это не удавалось, – зависти к тем, у кого есть богатства и знания, и объединения в массы с целью поровну поделить отобранную добычу. Результатом была пролетаризация сознания всех сословий западных народов. Под этим следует понимать распространение такого образа мыслей, при котором отрицается ценность и решающе значение «врожденного», отрицаются все ценности, ориентированные на идеал, и признаются лишь массовые «ценности», ориентированные на посредственность.

Исходя из этих пролетарских представлений (здесь опять-таки не имеется в виду сословие), распространившихся по всей Европе в XIX веке, их сторонники боролись против любого воззрения, которое требовало признания образцовой человеческой сути. Образцовость казалась людям, когда речь не шла о стадных чувствах, чем-то затрагивающим их пролетарское сознание и «стремление к счастью».

Отказ от образцов, возвышающихся над стадными ценностями унифицированной посредственности, настолько въелся в сознание людей в прошлом и в нашем веке, что потребуется еще много времени, прежде чем большое число людей сможет воспринимать «благородные» цели жизни и государства без внутреннего сопротивления.

Сегодня этот образ мыслей еще совершенно чужд «широким массам», он ими не воспринимается. Но национальное государство не должно пугаться этого сопротивления, оно должно решительно идти по пути своего укрепления и повышения качественного уровня народа. Одно тесно связано с другим и немыслимо без другого, так как государство укрепится лишь в том случае, если ему удастся воплотить свои основные идеи в облике многочисленных руководящих или способных к руководству семей. Я говорю «семей, а не «отдельных людей», потому что только надежное хранение народных ценностей в наследственных задатках целых семей, из которых государство всегда сможет с достаточной долей уверенности выбрать руководителей среднего и высшего уровня, обеспечивает прочность государства.

Любое государство, особенно государство германского типа, когда ему нужно после чрезвычайных ситуаций вернуть жизнь народа в нормальное русло,

должно подумать о том, как обрести стабильность и одновременно стимулировать развитие. У всех индоевропейских народов, пока их жизнь была здоровой, стабильность и развитие были высшими государственными ценностями. Но нет лучшего способа соединить развитие и стабильность рациональным для германского государства образом, чем создание слоя способных к руководству семей, постоянно вбирающих в себя все новые таланты. Рим достиг своего величия именно благодаря существованию такого слоя, нобилитета, в состав которого включались хорошо зарекомендовавшие себя на государственных должностях «новые люди». Успехи Британской империи до начала XX века объясняются тем, что существовал слой избранных семей, от браков между представителями которых рождались способные к управлению государством люди преимущественно нордического типа. В состав этого слоя включались и новые семьи из других слоев, если они соответствовали тому образу, который отождествлялся с понятиями «джентльмен» и «леди».

Сегодня этот слой в Британской империи почти истощен. Он играл решающую роль в английской истории в период с 1689 по 1832 год. 73% министров в период с 1801 года по 1831 г. принадлежали к этому слою. После первой реформы, с 1832 по 1866 г. их было 64%, после второй, с 1867 по 1884 г. 60%, после третьей с 1885 по 1905 г. 58%. Разрыв с этой традицией произошел только в 1906 г. когда усилилась лейбористская партия. В результате число министров из прежнего руководящего слоя сократилось в период с 1917 по 1924 г. до 27%.

В XIX веке способности английского руководящего слоя снижались вследствие браков по расчету, из-за денег. Антонии Троллоп (1815-82) написал об этом в 1875 г. роман «Как мы теперь живем», а Артур Понсонби выпустил в 1912 г. книгу о вырождении английской аристократии. В высшем слое распространился низкий дух торгашества… История английского высшего слоя, руководившего страной благодаря своим наследственным способностям, кончается в 1905, самое позднее – в 1916 году. Этот слой понес большие потери на Мировой войне, а после войны Ллойд Джордж так придавил его налогами, что многим пришлось продавать свои имения…

… Удивительная стабильность правления в Англии основывалась на том, что единый по своему типу правящий слой избранных семей переносил одинаковый расовый стиль своих восприятий и действий в сферу управлении государством, тот расовый стиль, который в творческие периоды английской истории всегда оставался постоянным. Борьба за власть разных группировок внутри этого слоя ничуть не затрагивала убеждение в праве англичан претендовать на первое место среди народов земного шара. Обе враждовавшие группировки считали свою роль господ само собой разумеющейся. Благодаря этому обеспечивалась ста-

бильность государства, которое могло положиться на свои правящие семьи, хотя отнюдь не всегда они давали государству выдающихся руководителей. Сохранение отборных наследственных задатков в целом слое не только обеспечивало стабильность государства, но и позволяло хорошо руководить им даже в те времена, когда лучшее было невозможно из-за отсутствия выдающихся вождей.

В немецкой истории эта стабильность отсутствует; отсутствует она и в истории отдельных немецких государств прошлого. Для немецкой истории характерен общий крах после смерти выдающихся государственных деятелей. Примеры – Фридрих II и Бисмарк. Одна из причин этой нестабильности заключается в том, что не удалось создать слой избранных семей, как в Британской Империи. Такой слой мог бы предотвратить упадок после смерти выдающегося государственного деятеля, унаследовать его основные идеи, расовый стиль его действий и, благодаря таким же, как у него, расовым психическим качествам, хотя бы использовать его методы, даже если на протяжении нескольких поколений не появляются выдающиеся люди, способные к новому государственному мышлению.

Каждое государство должно создать слой таких семей, от которого оно, в соответствии с законами наследственности и отбора. Всегда может ожидать, что он выдвинет людей со способностями руководителей, а нередко и выдающихся людей. Лучшим является руководящий слой такого качества, что собрание глав его семей может показаться, как некогда римский Сенат царю Пирру, «собранием царей». Это закон истории народов и учения о душе народов, что народы испытывают наибольшее доверие и даже любовь к своим руководящим слоям, если они производят впечатление уже одним своим расовым поведением.

Из всего сказанного следует, что государство, особенно опирающееся на законы жизни национальное государство не может довольствоваться привлечением к решению своих задач все новых групп руководителей, т.е. формировать руководство из отдельных людей. Стабильность в этом случае сохраняется лишь до тех пор, пока эти люди могут работать.

Почему успехи и достижения одного человека недостаточны для отбора?

Прежде всего, потому что мы, люди, как правило, не можем ясно осознать внутренние побуждения к действию. Это удается лишь немногим знатокам человеческих душ. В истории всех государств много случаев, когда эти побуждения были весьма сомнительными. Опытные государственные деятели говорят, что политика портит характер. Это возможно лишь в том случае, если в характере, т.е. в наследственных задатках человека можно что-то испортить. Политика издавна привлекала к себе талантливых людей с «плохим» характером. Часто это

выяснялось только после их смерти. Во многих случаях это не умаляло заслуги данного человека перед государством. Но я не знаю ни одного примера, чтобы такие люди оставили достойных потомков. Обычно такие люди даже жену себе выбирают плохую еще чаще у талантливого отца с сомнительными задатками рождаются бездарные дети с еще более сомнительными задатками.

Более того: даже если определенный человек достиг многого с хорошими побуждениями, возможно, он представляет собой лишь удачное сочетание наследственных задатков в остальном бездарной семьи, т.е. исключение из правила, поэтому передавать по наследству он будет скорее не свои личные задатки, а задатки своей семьи. В подтверждение этого я могу привести две поговорки, арабскую: «Ты можешь выбрать некрасивую жену, если она единственная некрасивая в своей семье» и норвежскую: «Никогда не женись на девушке, если она единственная красивая в своей семье».

Индоевропейские народы в свои лучшие времена всегда уделяли особое внимание явлениям наследственности. Зная это, понимаешь, почему руководящие слои этих народов всегда сначала всячески препятствовали карьере «новых людей». Эти люди могли быть единичными талантами в своих бездарных семьях. Их могли принять в руководящую группу, но не в руководящий слой. Их лично могли уважать, но хорошего потомства от них не ожидали.

Поэтому при отборе руководящего слоя следует учитывать достижения отдельных людей и характер их семей. Дальнейшее, в случае положительной оценки в обоих случаях, зависит от правильного выбора супружеской пары.

Государство, которое формирует руководящие группы, может довольствоваться достижениями отдельных людей, а государство, которое ради своей стабильности хочет образовать руководящий слой, должно, кроме того, обращать внимание на характер семьи и выбор супружеских пар. Об этом писал и Дарре в своей книге «Новая аристократия из крови и почвы». Отдельные люди могут войти в руководящие группы, в руководящие слои могут войти только семьи. О наследственной сути человека его личные достижения еще мало говорят, о ней можно с достаточной уверенностью судить лишь зная характер его семьи. Отдельный человек может возвыситься в результате сомнительных махинаций, возвышение семьи основывается, как правило, на ценных задатках и правильном выборе супружеских пар. У преуспевших выскочек не бывает хорошего потомства.

Зададим еще раз вопрос, почему масса людей всех сословий настроена против подобных идей? Не будем обманывать себя: все эти представления совершенно чужды широким массам. Средний человек нашего времени относится к этим

идеям враждебно и в нем сразу же просыпается чувство зависти, которое воспитывали на Западе с 1789 года, хотя и постоянно пытались замаскировать.

Но уже такие люди, как Отто Амон (1842-1910) и Александр Тиле (1866-1912) требовали, чтобы немецкое государство было «социал-аристократическим» и говорили, что «основная идея природы» – аристократическая; уже взгляды Эрнста Геккеля на теорию эволюции и наследственность были такими, что его зря считают своим сторонники либерализма и пролетарского социализма.

Может быть, вопрос о создании руководящего слоя не воспринимался бы в Германии так серьезно людьми, мыслящими по-государственному, если бы в немецкой жизни высший слой играл такую же роль, как в Англии, т.е. если бы его достижения, достижения семей, возвысившихся благодаря способностям выше средних, не принижались так несправедливо, по-хамски. Чувство зависти, которое разжигается пролетарским социализмом, может быть, не стало бы столь ядовитым и не проникло бы так глубоко в душу немецкого народа, если бы чаще вспоминали, что высших слоях было очень мало семей, издавна бывших наверху, что почти все семьи этих слоев когда-то поднялись снизу благодаря своим талантам… Если бы чувство зависти, которое особенно распространено среди нас, немцев, вызвалось бы не столько наследственными задатками, сколько вдалбливанием социалистических учений, то сегодня было бы больше надежды на исчезновение этого чувства.

Я подчеркиваю: при современном уровне знаний нельзя больше сомневаться в более высокой – в среднем! – наследственной ценности аристократии и высших, точнее, возвысившихся сословий всех западных народов, и настала пора дать справедливую оценку этой наследственной ценности, хотя нас с XVIII века учили, что талантливых, здоровых и добродетельных людей следует искать внизу, а наверху люди бездарные, больные и порочные. Вопреки этому социал-демократ евгеник Гротьян установил, что из-за малого количества детей в высших слоях и большого в низших народ теряет наследственные способности и силу воли.

Если это правило действительно и для Германии, то у нас какие-то особые обстоятельства должны были помешать образованию такого руководящего слоя, какой есть в Англии. К числу эти обстоятельств следует отнести несчастную историю немецкой государственности с середины XIII века, раздробленность, религиозный раскол, истребление многих родов в 30-летнюю войну, а также вымирание ужасающе большого числа лучших родов в Средние века и лучших католических родов после Реформации вследствие безбрачия духовенства. Лапуж отмечает тоже явление в дореволюционной Франции. Уцелевшие роды из-за религиозного раскола и раздробленности не смогли образовать вместе с возвы-

сившимися буржуазными семьями такой слой семей со способностями к руководству, какой в иных, более благоприятных исторических условиях возник в Англии и Шотландии.

Но были и другие причины. В принципах немецкой аристократии происходили изменения, неблагоприятные с точки зрения законов жизни. Соответствующий этим законам смысл утратил принцип «равенства по рождению». У индоевропейских народов это понятие первоначально обозначало одинаковый уровень наследственных способностей при одинаковой чистоте или одинаково сильном преобладании нордической расы. Я доказывал это в моей книге «Аристократия и раса» (1927г.), а сегодня мог был доказать еще лучше. При таком понимании равенства по рождению в Германии мог бы возникнуть руководящий слой, в ценности которого никто бы не сомневался.

Но немецкая аристократия постепенно стала понимать под этим лишь принадлежность к одному сословию. В результате стали считаться равными по рождению и те роды, которые возводили во дворянство Габсбурга, сами неблагородные и возвышавшие неблагородных людей. В число равных по рождению попадали путем заключения браков и семьи чужеродного происхождения.

Тому, что английская аристократия ранних эпох лучше понимала суть отбора руководящего слоя, способствовали не только благоприятные обстоятельства, но и то, что английская концепция равенства по рождению не стала узкосословной, она сохранила свой древний смысл. Путь в ряды английской аристократии был открыт для всех семей, доказавших свою принадлежность к благородному нордическому типу.

Дарре показал, что отсутствие в Англии обычая давать приданое исключало материальный интерес при выборе супружеской пары… Браки заключались по любви, и это пошло на пользу нордическому типу…

…Если избранные семьи будут связаны с землей, с наследственными владениями, то государство вправе ожидать, что оно получит от таких семей столько людей со способностями к руководству, сколько ему нужно для решения всех его задач. А таких людей не хватает в Германии и сегодня.

Именно такой представляет «новую аристократию» и Дарре. Остается открытым вопрос о том, как связать существование исторической немецкой аристократии и создание новой аристократии по Дарре…

Государство, которое создает новую аристократию, должно обращать внимание на тип людей, если он ярко выражен, на способности выше средних и на пра-

вильный выбор супружеских пар. То, что может добавить историческая немецкая аристократия, как образец для этих семей, это примеры благородного образа жизни. Наследственные задатки физических и психических способностей – обязательное предварительное условие для любой группы, входящей в отборный слой, и наследственное, «врожденное» всегда будет важней благоприобретенного. Но наследственность это еще не все: нужно направлять хорошие задатки людей.

Ницше особенно болезненно воспринимал то, что в немецком народе под влиянием уравнительских учений исчезает чувство благородства и распространяется пролетарское сознание…

Для каждой отборной группы большое значение имеют благородные женщины. Дарре тоже подчеркивает их значение и ссылается на идеи, высказанные Ферреро в его книге «Жены цезарей» (1914г.). Для любой аристократии, и новой тоже, существование женин само по себе значит больше, чем множеств деяний мужчин. Речь идет, конечно, о благородных женщинах.

Испанский философ Ортега-и-Гассет написал небольшую статью «О влиянии женин на историю» (1929г). Написал он ее несколько манерно, для одной женщины, которая произвела на него большое впечатление, но это не умаляет ценность высказанных в этой статье основных идей.

Ортега-и-Гассет считает, что в сути благородной женщины есть нечто, действующее на человеческую среду медленно, как климат. «Два десятка женщин, занимающих прочное положение в обществе, женщин, которые воспитывают и совершенствуют себя сами, пока не достигнут безупречности произведений искусства, как своего рода камертон жизни, становится органом фантазии о более высоком будущем и делают для этого общества больше, чем все воспитатели и государственные деятели».

При выборе семей со способностями к руководству для создаваемого руководящего слоя должны оказать влияние не только государственные учреждения и группы представителей исторической аристократии, но также женщины из исторической и новой аристократии. Как уже говорилось, никогда нельзя ориентироваться на достижения одного человека, а всегда нужно также учитывать характер его семьи. А поскольку благородные женщины часто обладают хорошим чутьем характера людей, государство, знающее законы жизни, не должно отказываться от сотрудничества таких женщин, имеющих большой жизненный опыт, при принятии решений такого рода.

Время для мыслей, подобным высказанным здесь, еще не пришло, по той, в частности, причине, что воспитание, делающее упор на наследственных ценностях, должно сначала постепенно преодолеть чувство зависти, которое разжигали с XIX века либерализм и пролетарский социализм.

Humanitas

Слова «гуманность» и «гуманизм» многими мыслящими людьми воспринимаются негативно. Недоверие к обозначаемым этими словами ценностям можно проследить с конца XIX века, эпохи либеральных и социалистических идей. Вместе с гуманизмом многие отвергают и т.н. классическое образование, т.е. изучение истории, языка и культуры древних греков и римлян, но такая позиция просто вредна, потому что все лучшее в западной духовной жизни восходит к тому, что является общим для эллинов, италиков (римлян) и германцев и объясняется нордическими расовыми корнями этих народов, объединявшими их в Центральной Европе в эпоху неолита. Для того, чтобы получить полное представление о возвышающих нашу жизнь и культуру ценностях нашего индоевропейского прошлого, недостаточно знать лишь то, что относится к одни германцам, нужно знать также об индийцах, персах, эллинах и римлянах.

Ранние периоды истории древней Греции и древнего Рима, а также примеры все более редких впоследствии родов и отдельных людей показывают молодежи величие нордической индоевропейской сути, которое не понять, зная лишь одних германцев. Изучение доисторической эпохи никогда не окажет такого воспитательного воздействия, как биографии конкретных людей.

Эллинская и римская история, от героев Гомера до «Лаконских максим» Плутарха, от благородных римских крестьян, какими они были до победы над Карфагеном, до одиноких благородных фигур эпохи Империи, наглядно показывают нам те человеческие черты, которые могут заменить нам знание германской жизни эпох, известных нам лишь по раскопкам. Примеры из ранней истории греков и римлян должны рассматриваться как соответствующие германским, только германцам пришлось тратить больше сил на приспособление к более суровой среде, а греки и римляне могли в более мягком климате свободно развивать свою индоевропейскую суть. А примеры из поздней истории Греции и Рима расология и расовая гигиена могут использовать как предостерегающие. «Чисто естественные» учения о наследственности и отборе этих примеров не заменят.

В одном греки и римляне уникальны в качестве примеров для этих учений: присущая всем индоевропейцам благодаря их нордической расовой сути ориентация на талантливых, благородных и красивых людей как на образцы для отбо-

ра, их благородное стремление воплотить народные ценности в образцовых родах придавали особый блеск творческим эпохам римлян и особенно эллинов. Отблеск народного величия и великодушия отдельных людей, того, к чему стремились индоевропейские народы, как у греков, так и у римлян, исходит от жизнеописаний Плутарха, герои которых должны снова стать столь же близкими немецкой молодежи, как Фридрих II Шиллер. Выдающиеся роды в Греции и Риме постоянно выдвигали великих людей, еще более талантливых, чем их предки. Именно такие люди были и останутся образцами для нордической индоевропейской сути. И такая ценность, как «humanitas», относится именно к этим великим людям.

«Гуманность», которую отвергали и отвергают национально мыслящие немцы, не имеет ничего общего с той ценностью, которую греки и римляне понимали под словом «humanitas», а то, что эти немцы отвергают как «гуманизм» есть лишь восхищение тем, чем не стоит восхищаться, а именно наследием позднегреческого и позднеримского образования, вредное увлечение наследием эллинистической и позднеримской мешаниной знаний, рожденной в больших городах, а не тем нордическим и изначально индоевропейским, что было у греков и римлян. Индоевропейский нордический тип сильных и великодушных людей преобладал в Риме до Пунических войн: качества этого типа первоначально и обозначались словом «humanitas».

Эта идея проникла в Рим вместе с эллинским образованием. Проникновение идей других народов всегда опасно. В данном случае опасность, с одной стороны, нейтрализовалась общим нордическим происхождением эллинского и римского народов, а, с другой стороны, усиливалась вследствие тогда уже далеко зашедшей денордизации эллинов. В наибольшей степени этой опасности были подвержены низшие слои Рима.

Плебс, нувориши щеголяли греческими словами, чтобы похвастаться своей «Образованностью». «Употребление греческих слов было в Риме признаком элегантности дурного вкуса», – пишет Мейе в «Очерке истории латинского языка» (1928). Словарный запас, используемый в серьезных делах, был латинским, а когда речь шла об всяких удовольствиях, все чаще использовались греческие слова. Низы употребляли греческие слова, когда говорили о разных играх, а также любили ругаться по-гречески. Чужое образование под силу лишь немногим людям, имеющим крепкий внутренний стержень, а на большинство оно действует разлагающе. К временам Цицерона эта опасность, против которой воевал еще Катон, стала настолько явной, что брат Цицерона писал ему: «Наши люди похожи на сирийских рабов. Чем лучше кто-то говорит по-гречески, тем он развратней». Настоящий эллинский дух к тому времени, когда римляне познакомились с ним, был уже изрядно искажен системой образования эллинских городов.

Масса римлян заимствовала вместо него эллинизм, который в эпоху Империи стал просто предметом болтовни писателей и ученых самого разного происхождения.

Там, где эллинский дух заимствовали люди из знатных родов нордического происхождения, он не разлагал, а укреплял римский дух. Этого не могло бы случиться, если бы эллинский дух не был расово родственным римскому. Трезвая реалистичность ранних римлян сужала возможности, заложенные в индоевропейских народах. Многие римляне почувствовали это в эпоху Пунических войн. Они осознали, что в природе римлян заложено нечто большее, нежели то, что до тех пор проявилось. В эллинском духе видели средство обогащения и углубления римских народных добродетелей такие люди, как Лелии и оба Сципиона. Они понимали «humanitas» как ценность, включающую в себя старые римские ценности – верность, доблесть и благочестие плюс великодушие. Имелся в виду идеал индоевропейских народов, талантливый, благородный и красивый человек.

Катон казался в эпоху Сципионов и Лелиев уже слишком трезвым и узким. «Humanitas» означала «очеловечивание» традиционных ценностей римлян и одновременно – из углубление и утончение. Она включала в себя доброжелательство, чувство красоты, любовь к образованию и общительность. Человек, не обладавший этими качествами, считался варваром. Для поздних эллинов эти идеи были опасными, поскольку они были склонны ставить образование выше происхождения; они таили в себе опасность и для Рима, однако неверно думать, как это делают сегодня, будто эти идеи сами по себе были разлагающими с расовой точки зрения. Они стали такими вследствие их ложного толкования в XIX веке, но они не были такими для здоровых эллинов и римлян. Они приобрели враждебный жизни уклон только в сочетании с философией стоиков.

Поздние стоики в Греции и Риме ставили серьезные, нравственные цели, но перед отдельными людьми. В философии стоиков еще раз проявился нордический дух, но в условиях разложения, в денордизированной и выродившейся среде. Зная, в каких исторических условиях жили эти последние благородные люди эллинско-римского мира, легко понять, почему для них ничего не значили семья и народное сообщество, почему они проповедовали космополитические идеи: во всем окружающем их мире они видели только рассеянных, одиноких благородных людей. Humanites в сочетании с поздним стоицизмом включала в себя идеал безбрачия и этим способствовала угасанию многих ценных родов в Средние века и в новое время.

Но этот враждебный жизни уклон не был присущ самой идее изначально, он проявился лишь после того, как денордизация и вырождение в Риме зашли

настолько далеко, что для лучших людей отказ от всяких надежд стал своего рода предметом гордости. Первоначально и по своей сути эллинско-римская идея гуманности это стремление к идеалу, который воплощала в себе аристократия. Это была аристократическая идея, она требовала от человека победы над собственными низкими инстинктами, над стремлением к личному счастью, требовала не поддаваться «общественному мнении» и напрочь отвергала торгашеский дух.

Эта римская идея гуманности должна была оказывать воспитательное воздействие не только на отдельных людей, но и на руководящие роды, и оказала бы, если бы к периоду перехода от республики к Империи именно носители этой идеи не стали малодетными, а потом, в лице стоиков, вообще не отказались от семьи. Эта идея могла способствовать и отбору, потому что те физические черты, которые представлял себе римлянин, думая об идеальном человеке, всегда были в большей или меньшей степени чертами нордической расы, а с определенными физическими чертами обычно связан и определенный психический склад.

Римская идея гуманности относится к тому же разряду индоевропейских представлений о благородном человеке, из которых в Элладе с гораздо более тесной увязкой с идеями наследственности и отбора возникла идея «эвгенейи» и идеал «калокагатии». То, что римская humanitas не могла больше быть увязана с древнеиталийскими обычаями и законами расовой и наследственной гигиены, объясняется тем, что ко времени формирования этой идеи римляне начали отходить от своего прежнего общественного мышления и новые ценности могли быть поняты только как ценности индивидуальной жизни. Humanitas не могла больше стать идеей народного возрождения. Сегодня же эту идею снова следует понимать, исходя из совокупности индоевропейских ценностей, которые, чем ближе к истоку, тем больше направлены на возвышение жизни. То, что сделали из идеи гуманности денордизированные и выродившиеся римляне поздней Империи и XIX век, это искажения индоевропейского образа мыслей. Не имеющие ничего общего с настоящей humanitas.

К искажению этой идеи в Риме приложили руку иммигранты с Востока, особенно евреи. Они попытались превратить ее в учение о равенстве, согласно которому нет наследственного расового неравенства, а есть только «люди». В результате должен был исчезнуть идеал благородного, талантливого и красивого человека. Сторонники идеи «человечества» пытались ссылаться на древних греческих и римских мыслителей, особенно на стоиков, но с великими эллинами и римлянами их объединял уже только язык, но не расовый тип.

За это восточное искажение идеи гуманности ухватился демократический гуманизм XIX века. Но и он должен был, прежде всего, отказаться от идеала благородного человека, выражавшего определенный расовый тип. У Канта «быть человеком» это задача. У Шиллера еще прорывается аристократическая идея отбора. Корифеи нашей «классической» эпохи понимали «человечество» не как сумму всех живущих людей, а в смысле эллинско-римской гуманности, как стремление «достичь идеала в индивидуальности», как выразил эту мысль Вильгельм фон Гумбольдт, один из создателей нового гуманизма.

«Реальный гуманизм» начался с Карла Маркса. Он смотрел на человечество, как на биологический род, и не думал об идеале. Пролетарский социализм в XIX веке отрицал все ценности западных народов, возвышающиеся над отельными людьми, и оставлял лишь одну «ценность» – всеобщую, одинаковую посредственность. Образ человека, связанный пролетарским социализмом, представлял собой арифметическое среднее, выведенное из черт всех ныне живущих людей. Эти представления сочетались с теориями английских эвдемонистов: цель человечества – счастье как можно большего числа людей. Отсюда «любовь к людям вообще», известная под названием «гуманности».

Здесь уже не было места для идеала, основанного на отличении ценного от неполноценного, т.е. для аристократического идеала, каковым была некогда идея, известная нам в латинском варианте как «humanitas».

Когда немецкий дух начал осознавать самого себя и обратился к ценностям, которые были ему по природе ближе, чем ценности средневековых церковных догм, в Германии возник гуманизм, который создал аристократические идеалы. Это произошло в эпоху гуманистов и в эпоху Винкельмана, Гете и Гельдерлина. Германское начало ни в ту, ни в другую эпоху еще не было осознано и пришлось искать свое у эллинов и римлян. Даже через посредство французского классицизма Фридрих II воспринял индоевропейский Рим как родственный мир, а Гете решительно отвергал в немецком Средневековье все, что больше соответствовало церковным догмам, чем немецкой сути. Эти люди нигде не могли найти свое в более чистом виде, чем у греков и римлян. Густав Неккель однажды сказал, что в немецкой поэзии в «Ифигении» Гете впервые снова была показана нордическая суть в женском образе, а не в образах Гретхен и Кетхен.

Впоследствии работы историков и лингвистов открыли нам древнегерманский мир, но это не значит, что немецкая молодежь должна переучиваться и отказаться от греческих и римских ценностей. Наоборот, мы все более ясно видим, что любой индоевропейский народ создает идеалы способные послужить вдохновляющим примером. При всей нашей любви к германцам, мы не можем отрицать величие эллинов и римлян, ибо этим двум народам, как и персам, удалось

развивать свою наследственную суть в чистом виде до тех пор, пока не появились великие люди и не выразили ее в письменной форме. Корнелия, героиня стихотворения жившего уже в позднюю эпоху римского поэта Проперция, говорит о себе: «Природа дает мне законы через мою кровь». Это можно сказать обо всех великих греках и римлянах, отсюда их значение для нас, потомков германцев, родственных этим грекам и римлянам. Германцам не суждено было такое чистое развитие: как только они вышли на историческую арену, им пришлось скрывать от церковников или переоценивать заложенную в них от природы индоевропейскую humanitas. Им пришлось утверждать ее в долгой борьбе с церковными догмами. И немцы не должны забывать, что в эпоху Реформации и в эпоху Гете освобождающий дух греков и римлян помогал им в этой борьбе.

Humanitas, правильная понятая с учетом индоевропейских корней этой идеи, как идеал расового совершенства, а также как физический и психический идеал при выборе супружеской пары с целью улучшения рода всегда будет ценностью для настоящих немцев. Гуманизм в смысле более глубокого понимания величия эллинов и римлян, развитие которых было самобытным, не может быть вычеркнут из немецкой культуры без потерь для немецкого духа. Правильно понятый гуманизм может только укрепить немецкий дух.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТАЛАНТОВ В ЕВРОПЕ

Ферлаг Хоэ Варте-Франц фон Бебенбург, Пель, 1959 г.

Посвящается памяти Вильгельма Хартнакке (1878-1952)

Одним из первых, кто констатировал, что духовные силы Европы иссякают, был Карл Пирсон, ученик и последователь Ф. Гальтона. В 1904 году К. Пирсон писал, что в Англии чувствуется нехватка высокоодаренных людей во всех областях – в науке, искусстве, торговле, ремесле и государственной жизни; Англия стала рождать таких людей меньше, чем 50 или 100 лет назад. Менее одаренные и менее волевые люди имеют больше потомков, чем наследственно способные. Пирсон подозревал, что Англия, как и остальная Европа, переживает начало эпохи, признаком которой будет нехватка дарований. Пирсон, как и Гальтон, знал, что дарования могут быть только унаследованы от талантливых предков и никоим образом не могут быть развиты путем воспитания и обучения. Он подчеркивал, что психические качества людей наследуются по тем же законам, что и физические. Изучение наследственности на основе законов Менделя и наблюдения за близнецами подтвердили правильность взглядов Гальтона и Пирсона на все времена.

В 1911 году У. Уэтхем отметил, что в Англии умственно дефективные семьи имеют много детей, которые становятся обузой для государства, заполняя больницы и тюрьмы. В том же году У. Гилби и К. Пирсон указали на то, что дети из семей высших слоев умней, чем дети из низших слоев… В 1923 г. Остин Фримен заявил, что таланты в Англии исчезают из-за того, что у «унтерменшей» больше детей, чем в одаренных семьях.

В том же 1923 г. К. Бригхэм заговорил о снижении среднего умственного уровня в США… англичанин Р.Б. Каттелл в 1936 году доказал, что в Англии доля высокоодаренных учеников за одно поколение снизилась с 1,15% до 0,58%, а доля бездарных, наоборот, увеличилась с 1,56% до 2,10%. Каттел считал позорным тот факт, что до сих пор не ведутся официальные исследования этого тревожного процесса, о серьезности которого говорилось еще 25 лет назад. Правда, позже английское правительство создало комиссию ученых для изучения этого явления. О результатах ее работы лорд Бертран Рассел сказал: «В настоящее время вымирают самые умные группы людей западных народов»…

Впоследствии в США были опубликованы результаты обследования большого числа военнообязанных. Оказалось, что средний уровень одаренности солдат американской армии снизился в период между двумя мировыми войнами на 10%...

С 1948 по 1952 г. Альберт Хут, профессор Мюнхенского университета, опубликовал три работы о своих исследованиях исчезновения талантов в баварских школах… Исследования более ста тысяч детей, рожденных в войну или после войны, показали, что эти дети на 4-5% менее талантливы, чем довоенные. Говоря о причинах этого, всегда следует ссылаться на работу Вильгельма Хартнакке «15-миллионный дефицит талантов», написанную в 1939г. Хартнакке уже тогда указал на вымирание одаренных семей во всех сословиях.

В 1951 г. Карл Валентин Мюллер, руководитель Института эмпирической социологии в Ганновере, опубликовал результаты своих исследований в Нижней Саксонии, опять-таки свидетельствующие о несомненном снижении одаренности не только от поколения к поколению, но и из года в год…

Американец Роберт Кук приходит к выводу: «Если число слабоумных удваивается, а число талантливых наполовину уменьшается, такой народ уже находится на пути к превращению в народ слабоумных от рождения». Ильзе Швидецки заявила на конференции социологов в Майне в 1950 г., что «мы все становимся наследственно более глупыми»… Но, боюсь, мы теряем из года в год не только таланты, но и нравственность… Молодежная преступность растет в Англии и США, в Швеции и Германии.

В 1954 году трем тысячам немецких подростков в возрасте от 14 до 18 лет были заданы те же вопросы, которые использовались для определения общеобразовательного уровня в 1939 году. Оказалось. Что половина 17-летних учащихся не знает сегодня, кто был Валленштейн; многие считают его «знаменитым поэтом». В Бисмарке видят «знаменитого полководца, который победил русских в Первую мировую войну». Большинство учеников не знают, где течет Одер, где находится Данциг. Две трети всех ответов были неправильными, тогда как 20 лет назад 90% опрошенных учеников отвечали правильно…

Особенно позорными были ответы соискателей мест в промышленности и торговле, о которых сообщила летом 1956 года одна боннская газета. Молодые люди не знали, что чего делают сыр – то ли из витаминов, то ли из картофеля. Одни говорили, что Сталин это епископ Берлина, другие – что Папа живет во Фрайбурге и т.д.

Когда пресса сообщает о подобных вещах, их всегда пытаются объяснить влияниями среды. Вопрос о наследственном уменьшении одаренности почти никогда не ставится…

Но подобные результаты сегодня нельзя больше приписать лишениям военного и послевоенного периода, они являются свидетельством давно предсказанного Хартнакке исчезновения талантов, с чем, судя по всем признакам, связано и исчезновение нравственной силы.

Те же самые явления наблюдаются и в университетах. В Англии число студентов из года в год растет, а их средняя одаренность из года в год снижается… Вильгельм Хартнакке называл этот процесс «инфляцией образования».

Преподаватели, боясь, что недостатки учеников будут объяснять несостоятельностью учителей, сводят эти недостатки к вредным влияниям среды, особенно послевоенных условий. Но условия теперь улучшились, а дефицит талантов, наоборот, увеличился. Он наблюдается и среди народов, не затронутых войной. В Швейцарии с каждой европейской войной растет благосостояние, но ухудшаются физические данные военнообязанных, чего никак не припишешь влиянию среды. Нас приучили все объяснять этим влиянием, поэтому для обвиняемых всегда находятся «смягчающие обстоятельства». Только верующие в среду могут объяснять исчезновение талантов плохим качеством преподавания.

Умный наблюдатель Вальтер Ратенау предвидел нынешнее состояние Европы: «Все излишнее, ничтожное, вредное, презренное накапливается в огромных магазинах, ненужные модные безделушки, несколько дней сияющие ложным блеском, средства для опьянения, возбуждения и наркоза, отвратительные ду-

хи, безудержное и бессмысленное подражание художественным образцам, приспособления, предназначенные не для использования, а чтобы пустить пыль в глаза, нелепые изделия, которые служат разменной монетой, когда люди заставляют себя обмениваться подарками, все эти никчемные вещи заполняют магазины и склады и ежеквартально обновляются».

Остин Фримен еще в 20-х годах отметил, что журналы для умных читателей прекращают существование и появляется пресса для дураков, что свидетельствует о начале поглупения Европы. И сегодня не могут выжить газеты, содержание которых не рассчитано, большей частью, на дураков.

Если многие люди не замечают сегодня этого исчезновения талантов, приличия и вкуса, это можно объяснить самим этим исчезновением, так как нужен определенный дар, чтобы замечать подобные процессы. Как сказал Мартин Хайдеггер: «Духовный упадок зашел настолько далеко, что народам грозит потеря последней духовности, которая позволяет им хотя бы видеть этот упадок и расценивать его как таковой».

Вальтер Ратенау говорил об уменьшении способностей не только масс, но и их руководителей, об «ухудшении качества» членов парламента. Это можно сказать о депутатах от всех партий парламентов всех европейских стран со времен Бисмарка. И среди зарубежных государственных деятелей сегодня редко встречаются личности, такие как Неру. Проницательный Пауль де Лагард еще в 1878 г. писал, что в немецком народе все больше исчезают любовь к одиночеству, независимость духа и человеческое своеобразие. Эдуард Шпрангер назвал этот процесс в 1941 году «прогрессирующим уплощение внутреннего мира», духовным обеднением, которое Шпрангер приписывал тогда последнему столетию. Он считал всю духовную жизнь Европы с XIX века «больной». При этом Шпрангер, опытный преподаватель высшей школы, похоже, потерял надежду на способность академической молодежи к духовному обновлению. Предвидел ли он «закат Европы»? Он был убежден: «Западному человеку никогда не угрожала такая опасность, как теперь. Это угроза гибели». Но Шпрангер надеялся на духовные традиции, на идеи, которым можно научить, которые можно пробудить, а значит, не видел настоящих причин упадка, как не видели его почти все прежние «носители духа». То, что будет сказано ниже, призвано в противоположность этому доказать, что «старая культура» жила только благодаря наследственным задаткам высокоодаренных семей и что никакие идеи, которым можно научить, не могут пробудить или заменить эти наследственные задатки, если высокоодаренные семьи вымирают или уже вымерли. Культуры живут не благодаря определенным духовным ценностям, а благодаря наследственным задаткам тех, кто руководствуется этими ценностями. Запад гибнет, потому что вымирают семьи, которые руководствуются западными духовными ценностями.

Неевропейские народы уже заметили «прогрессирующее отупение» Европы и Северной Америки и внимательно следят за нравственным упадком «христианского Запада». Индийский ученый Аурананда говорит о «полном отупении» народов Европы и Северной Америки. Признаки этого он видит в содержании иллюстрированных еженедельников, которые занимаются почти исключительно скандальными историями всех народов, извращениями и преступлениями, в фильмах, в спорте, который развивает только физические силы, а не духовные, в отупляющей музыке, заимствованной у низших народов. Аурананда удивляется, что «ведущие умы в Европе и Америке совершенно не думают обо все большем отупении их народов», хотя ему со стороны видней. Но и Аурананда видит в описанных им явлениях скорее причины отупения, чем его следствия.

Умерший весной 1954 г. антрополог Эрнст Хутон из Гарвардского университета переносит кульминацию развития человека и его духовных способностей на 30.000 лет в прошлое. С тех пор человек не развивал свои способности, а терял их, особенно за последние 6-8 тысяч лет. Человек создает все новые и новые машины, но сам он опускается на дочеловеческую ступень. Тот, кто знаком с пещерным искусством европейского позднего палеолита и с достижениями тогдашних людей в послеледниковых условиях, вряд ли станет возражать американскому ученому. На опасность вырождения человека указал еще Ганс Ф.К. Гюнтер в своей работе «Урбанизация». Люди, летящие на Луну, гораздо худшие представители человеческого рода, чем люди эпохи мезолита.

Отупение Европы и Северной Америки можно объяснить процессом истребления наследственно одаренных родов, который мог начаться еще в бронзовом или железном веке, но ускорился только в XIX столетии. Может быть, человечество в неолитической Центральной Европе, на прародине индоевропейских народов, достигло своей вершины, той высоты, которая еще сохранялась в Индии в эпоху Вед и Упанишад, в Иране в эпоху Ахеменидов и возвышенного маздеизма, в Элладе в эпоху Гомера и досократиков, в Римской аристократической республике до ее победы над Карфагеном, у германцев, когда они творили божественный мир азов, сохранившийся в «Эдде». Это наследие послужило основой и для «эпохи расцвета» Афин, когда немногочисленное население породило столько выдающихся людей, как позже ни один другой народ в мире, и для могущества македонской знати. Наоборот, «прогрессивный» XIX век настолько ускорил исчезновение талантов, что даже такие далекие от точки зрения наследственности мыслители, как Э. Шпрангер, заговорили об опасности «гибели».

Отупение и параллельное ухудшение нравов – главные проявления того, что после Освальда Шпенглера называют «закатом Европы». Этот процесс ускорился с середины XIX века. Так что средняя одаренность на Западе с каждым поколением все больше снижается. Духовное преимущество Европы перед неевро-

пейскими народами будет потеряно уже около 2000 года, а после 2000 года Европу перегонит сначала Азия, а потом Африка, так как среди народов этих континентов, может быть, уже сегодня неспособных людей меньше, чем в Европе… Следует всегда помнить о том, что с XX века во всех «культурных странах» идет процесс, который Иенс Паульсен назвал «воспитанием неспособного к риску массового человека путем социального обеспечения». Процесс этот можно ограничить лишь предоставив подобным людям право на бездетность.

Любое бездумное поощрение увеличения численности населения, чем грешило и национал-социалистическое государство, ведет в густонаселенных странах только к размножению бездарных людей и тем ускоряет «закат Европы».

Отупение Европы и Америки сказывается и на политике. Усиливается обюрокрачивание государства, растут полчища чиновников. Немногие умные и честолюбивые люди умеют в этих условиях навязать массам определенное «общественное мнение». В книге «Усиление государства – гибель человека» (1952г.) М.Т. Фертинг указал на эту опасность, правда, не зная ее биологические причины. Европейцам и американцам грозит утрата всякого человеческого достоинства в обюрокраченных государствах. Отупевшим массам как раз и требуется государство-Молох, бюрократическая диктатура. В своей работе «попытка определить границы эффективности государства» Вильгельм фон Гумбольдт в 1792 году защищал человеческое достоинство от посягательств государства. Тот, кто сегодня перечитает эту работу, сразу же осознает, каким высоким был уровень одаренности народа, который хотел жить в государстве, где уважается человеческое достоинство, и насколько этот уровень снизился теперь, когда подданные подчинены сотне ведомств, которым дают указания немногие умные и честолюбивые политики.

В другой своей книге М.Т. Фертинг пишет, что почти все страны Европы находятся на пути к «всевластию государства», имея своим образцом Советскую Россию… Эти государства не замечают при этом, что и средний умственный уровень «полчищ чиновников» тоже из года в год снижается, поэтому даже учреждения, созданные с лучшими намерениями, становятся «бесчеловечными». Пришествие обюрокраченного, бесчеловечного государства предвидели еще в XIX веке Алексис де Токвиль, Доносо Кортес, Бруно Бауэр, Иоганн Якоб Бахофен и Якоб Буркхардт…

И «гибель античного мира», как подчеркивают немцы Ото Зеек и Ганс Ф.К. Гюнтер и американец Тени Френк, была вызвана вымиранием, а в конце существования Римской республики также истребление одаренных семей. Талантов и силы воли становилось все меньше, поэтому не только в Италии, но и в провинциях при Антонинах, во II веке возникло государство всеобщего благо-

состояния, где бюрократии становилось все больше, а человеческое достоинство падало все ниже. Своими подачками это государство само способствовало размножению малоодаренных и экономически несостоятельных семей. Дальнейшая деградация привела к возникновению деспотии Диоклетиана. Чиновничество в ней превратилось в наследственную касту…

Гибель античного мира еще Ойген Фишер объяснял вымиранием нордической расы в эллинском и римском народах. «Блестящие периоды античности» и «средневековые эпохи расцвета» романоязычных народов он приписывал влиянию нордической примеси в этих народах. Исчезновение этой примеси ведет к регрессу, к потере народом своего значения, к утрате им идеализма и способности к самопожертвованию. Сегодня (Фишер писал это в 1910 году) это случилось с французами, а потом то же несомненно произойдет и с немцами. Тогда же то же самое писал об исчезновении нордической примеси в народах Европы Вальтер Ратенау. Он воспринимал это как трагедию и как начало гибели.

Сегодня это понимают и в англоязычных странах. Созданное в них международное объединение «Нордическая лига» взяло на вооружение учение Гобино о значении нордической расы.

Одаренность и правильный выбор супружеских пар всегда способствуют возвышению семьи. Благодаря этому возвышению наследственно одаренные семьи переходят из низших слоев в высшие… Этот процесс длится до тех, пока все потомки одаренных семей низкого происхождения не перейдут в верхние слои. После этого начинается упадок.

Факт этой циркуляции долго отрицали, отдавая предпочтение гипотезе о «неизрасходованной крови» низших слоев народа, которые являются «источниками омоложения» народов… С XVIII века постоянно утверждали, что высшие сословия «вырождаются», а низшие остаются «источниками омоложения». О крестьянстве, еще составлявшем тогда в Европе большинство населения, в начале XIX века еще можно было говорить как об «источнике омоложения», зато теория о вырождении высших сословий всегда была лжетеорией. В конце XVIII века еще могло казаться, что такие высокие дарования, как Фихте и Эккерман, выходцы из мелких крестьян, не являются исключениями в своей среде. Могло казаться, что талантливые люди появляются в равной мере во всех сословиях. Люди всегда склонны замечать скорее исключения, чем правила, им трудно мыслить средними величинами, а именно такое мышление необходимо для понимания данной книги.

В недавнем прошлом лжеучение о вырождении высших сословий проповедовал Гитлер, который имел привычку, особенно 1 мая, обрушиваться на эти сосло-

вия, на «образованных» и «интеллектуалов», вероятно, потому что старшее поколение этих сословий относилось к национал-социализму более недоверчиво, чем остальной народ. Гитлер, очевидно, полагал, что присущие ему талант и сила воли, как правило, встречаются среди низших слоев, а высшие слои вырождаются. На него явно влиял «социализм завистников», настроение, характерное для социал-демократических партий начала века.

Мнение о вырождении высших сословий – предпосылка идей Руссо и Французской революции, но не Просвещения в его первоначальном виде. Английские деисты и французские просветители, особенно Вольтер, отказывали толпе в способности к суждениям и к просвещению. Лорд Болингброк объявил поздних английских теистов чумой человеческого общества за то, что они пытались популяризировать идеи Просвещения. Философ Шефтсбери считал, что для простых людей надо сохранить церковную веру. Только с Руссо, с основателей теории среды начали утверждать, что низшие сословия здоровы телом и душой, что в них следует искать «неизрасходованную кровь», здравый человеческий рассудок и вообще все добродетели человеческого рода, а в высших сословиях царят вырождение, разложение и порок. Низшие слои – источник обновления любого народа, «освежения крови», их надо, прежде всего, просвещать.

Когда Франция, следуя этому учению, послала знать и зажиточных буржуа на гильотину, она лишила себя самых наследственно одаренных семей, как показал Ипполит Тэн. Тогда началось снижение до того высокой одаренности французского народа и пролетаризация его сознания.

Учение о неполноценности высших сословий было воспринято в XIX веке либерализмом а через него – пролетарским социализмом. Оратор, пропагандирующий подобные идеи во время февральской революции 1848 года, описан Флобером в романе «Воспитание чувств». Пролетарский социализм XIX века усилил все завистливые чувства, так что завидовать стали даже наследственным талантам. Поэтому В. Хартнакке мог говорить в 20- годах о государстве как о «большой организации всех завистливых чувств», а О. Шпенглер указывал, что на эти чувства ориентируется налоговая политика европейских государств. К зависти бездарных людей к «умникам» взывал в своих первомайских речах и Гитлер. С этими чувствами связано и отрицание пролетарским социализмом учения о наследственности, что привело в Советской России к официальному подавлению этого учения и провозглашению тезиса о «наследовании приобретенных качеств».

Вернер Зомбарт в своей книге «Пролетарский социализм» показал, что вожди этого социализма вынуждены были скрывать кое-какие свои наследственные задатки. Еще Шопенгауэр охарактеризовал тех, кто отрицает наследственность

и пытается объяснить все влияниями среды: «У этих господ, очевидно, есть веские причины приписывать как можно больше воспитанию и образованию, но полностью отрицать врожденные таланты и любыми средствами сопротивляться той истине, что каждый человек таков, каким его сотворила природа, и все зависит от того, какой отец его зачал и какая мать его родила».

Этими же чувствами объясняется и ненависть к «дарвинизму», т.е. к учению о решающем значении наследственности и отбора. Среди вождей пролетарского социализма, как показал Зомбарт, сравнительно мало способных к руководству выходцев из низших слоев, большей частью, это отбившиеся от своего класса и питающие ненависть к нему представители высших и средних слоев. Герцог Луи Филипп Орлеанский, который из-за своего аморального образа жизни держался вдалеке от двора своего брата Людовика XVI, в 1972 г. отказался от титула, назвал себя революционером «Филиппом Эгалитэ», примкнул к якобинцам и голосовал в Конвенте за казнь своего брата, – пример такого «народного вождя». «Народ» отблагодарил его, послав на гильотину…

О неизрасходованности низших сословий можно было еще говорить в XVIII веке, когда к ним причисляли средних и мелких крестьян. В XIX веке, по мере индустриализации, наиболее одаренные крестьяне стали переселяться в города, а их потомки попадали в высшие слои. Крестьянство перестало быть «источником омоложения»…

Почву из-под ног лжеучений о вырождении высших и непорочности низших сословий начало выбивать с 1900 года изучение наследственности. В эпоху господства социализма завистников лишь немногие отваживались выступать против этих лжеучений и классовой ненависти. Мнения Гротьяна и Карла Валентина Мюллера замалчивались социал-демократической партией, к которой они принадлежали. В 1910 году вышла в немецком переводе работа итальянского социолога Альфредо Ничефоро «Антропология неимущих классов». В этом исследовании Ничефоро, который отрекся от распространенной тогда веры в прогресс и впал в «героический пессимизм», пришел к совсем иным выводам, чем можно было ожидать согласно расхожим тогда мнениям. Среди людей одного возраста в каждом поколении представители низших сословий европейских народов имеют в среднем меньший вес, рост и объем груди, более слабые мускулы рук, меньший объем головы, более низкий лоб и меньшую емкость черепа, причем как среди долихокефальных, так и среди брахикефальных групп. В низших слоях сравнительно часто встречаются: плагиокефалия, убегающий лоб, различные аномалии черепа, прогнатизм, асимметрия лица, слишком большая нижняя челюсть, неправильные формы ушей, словом, черты, которые можно считать признаками вырождения.

Ничефоро оставил открытым вопрос, являются ли эти черты наследственными или вызваны ухудшением среды… Он больше интересовался средними величинами по сословиям, зато К.В. Мюллер – средними наследственными величинами по сословиям. В своей книге «О расовой и общественной биологии промышленных рабочих» он искал объяснение скорее в наследственности и отборе, чем в среде. О выводах его последней работы «Одаренность в социальной действительности» В. Хартнакке сказал, что это «распределение 6 разных типов характеров по 6 ступеням одаренности». О возрастании нравственной ценности группы населения вместе с ее умственным уровнем писал и сам Хартнакке в своей работе «Естественная обусловленность умственного уровня». Англичанин сэр Годфри Томсон и американец Льюис М. Термен установил такую же корреляцию между одаренностью и нравственной ценностью… Отупение Европы соответственно означает падение нравственности, о чем свидетельствует рост молодежной преступности. И следует поднять жгучий вопрос о тех молодых людях, которые отвергают приличия и совесть из-за своих наследственных задатков, а Э. Шпрангер писал, что «самая прекрасная демократия ни к чему, если люди не живут по совести, а может быть и не имеют совести». Насколько среди писателей и журналистов, охотно величающих друг друга «духовными руководителями», исчезла так необходимая для демократии совесть, показал Курт Цизель в своей книге «Потерянная совесть» (4-е издание, 1958г.).

В послевоенные годы рост молодежной преступности объясняли «чрезвычайной ситуацией». Но потом произошло «экономическое чудо» а молодежная преступность тем не менее продолжает расти. Многие, следуя модным психологическим теориям, ищут причину в «комплексе неполноценности» и часто оправдывают этим преступления, сваливая вину на родителей и на упущения в воспитании. Все это попытки снова свести к влияниям среды то, что можно понять только исходя из наследственных задатков. То, что ряды преступников пополняют именно дети трудновоспитуемых родителей, не удивит никого, кто хоть немного знаком с процессами наследственности и отбора…

Но в данной книге речь идет, главным образом, о снижении умственных способностей западных народов, а не об уменьшении их физических сил и потере совести. Но более обстоятельные исследования могут выявить и все большее разложение всех физических и духовных сил этих народов…

В связи с исследованиями средней одаренности отдельных сословий следует отметить тот примечательный факт, что среди самых знаменитых специалистов по наследственности в начале XX века были социалист, даже члены социал-демократической партии, например Альфред Гротьян и родоначальник расовой гигиены в Германии Альфред Плётц. Социалистка Ода Ольберг, занимавшаяся наследственностью, открыто говорила, что главное зло, от которого страдают

европейские народы, не несправедливый общественный порядок, а увеличение числа неполноценных наследственных задатков. «Для счастья нынешнего человечества было бы сделано больше, если бы его избавили от вырождения, чем если бы ему дали социалистический общественный строй».

Отто Амон, другой поборник расовой гигиены, выступил в 1891 году против социал-демократии, когда она стала использовать по-своему понятый дарвинизм как орудие классовой борьбы. Для биолога Амона дарвинизм был учением о решающей роли наследственности и отбора, а «борьба за существование» для Амона, как и для Дарвина определялась только количеством потомков, а не успехами в жизни отдельных людей. По мере индустриализации и урбанизации условия настолько изменились, что люди, казавшиеся победителями в «борьбе за существование», на самом деле были проигравшими из-за своего безбрачия или позднего брака, отсутствия или малого количества детей. Настолько неправильно были поняты всеми слова Дарвина о «борьбе за существование».

Только теория наследственности дала однозначное определение термина «вырождение». Это «увеличение числа неполноценных наследственных задатков», т.е. данный термин не может применяться к чертам и поведению отдельных людей.

К неясным, можно сказать, «доменделевским» представлениям о «вырождении» относится и большая часть направленных против знати и княжеских домов утверждений о «старении родов», «усталости семей», неизбежном истощении или упадке всех высоких родов и отдельных людей. Подобные мнения распространяются враждебными знати сторонниками буржуазного либерализма и пролетарского социализма, хотя достаточно лишь немного подумать, чтобы понять, что все семьи одинаково «стары».

Если сторонники теории «истощенной крови» думают, будто богатые семьи «вырождаются» быстрее других, то примеров они привести не могут. Наоборот, доказано, что высшие слои, т.е. потомки поднявшихся из низов благодаря своим дарованиям семей, дают несравненно больше высокоодаренных людей, чем низы, что является признаком накопления хороших задатков способностей, силы воли и здоровья в результате того, что одаренные семьи поднимаются из низов и роднятся с одаренными семьями верхних слоев. В Англии и США, где в XIX веке была открыта дорога для способных людей из всех сословий, указанная пропорция не меняется. Еще Отто Аммон писал, что для одаренных людей из низов никогда еще не было таким легким, как сегодня, возвышение по общественной лестнице благодаря своим способностям. Амон приписывал перевес высших слоев по части дарований именно этим процессам отбора. Но средняя одаренность народа вследствие малодетности поднявшихся наверх семей быст-

ро снижается. В марте 1949 г. в Англии был опубликован доклад официальной комиссии, согласно которому т.н. коэффициент интеллекта народа снижается с каждым поколением на 2 пункта. Но эти процессы будут ускоряться не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

Такими же темпами исчезают одаренные люди в Германии… Они ограничивают число детей в своих семьях, зато повсюду в Европе множится та порода людей, которая видит в государстве всеобщего благодетеля, который прокормит и большие семьи. Когда национал-социалистическое государство, бездумно пропагандируя повышение рождаемости, ввело надбавки на детей, экономически несостоятельные, глупые и ленивые отцы семейств начали прикидывать, сколько нужно детей, чтобы получить надбавку за них, а не за работу… В результате подобной политики средний уровень способностей европейских народов снижается и начинается «закат Европы».

Ф.А. Вудс показал, что в Англии за истекшее столетие еще более увеличился разрыв между верхним и нижним слоем по количеству выдвинутых или талантливых людей.

Вспомним слова В. Зомбарта о том, что низы не могут выдвинуть из своих рядов даже руководителей социалистических партий. Национал-социализм стремился ставить на руководящие посты «людей из народа», а заслуженных чиновников преждевременной убирали на пенсию как «реакционеров», но это привело всего лишь к образованию прослойки бонз.

Лучшим примером служит Америка. Там, в отличие от Европы, к людям низкого происхождения относились без предрассудков и старались создать одинаковые исходные возможности для всех. Можно было бы предположить, что наследственные таланты гораздо реже, чем в Европе, были здесь причиной успеха. Однако Ф.А. Вудс показал, что и в Америке главной причиной возвышения в обществе была наследственность.

Все исследования сословного происхождения высокоодаренных людей доказывают, что низкая оценка ценности и достижений высших сословий в XIX веке была несправедливой. Тот, кто знает факты, скорее станет апологетом высших сословий, но правильней сказать, что он будет прославлять выходцев из таких семей, которые благодаря своим способностям возвысились из низов…

…Для подкрепления мнимой истины, будто те, кто плохо учился в школе, часто достигают успеха в жизни, постоянно ссылаются на немногочисленные исключения, на тех знаменитых людей, которые имели плохие отметки по крайней мере по отдельным предметам. Но в последнее время в ряде стран были прове-

дены исследования того, как соотносятся школьные и профессиональные успехи, чего достигли бывшие первые ученики, которых их одноклассники обычно считают неприспособленными к жизни «пай-мальчиками». Как и следовало ожидать, процент преуспевших в своих профессиях оказался выше всего в тех группах, которые достигли лучших успехов еще в школе, и что неудачников серди бывших первых учеников ничтожно малое число – как правило, они преуспевают. В утешение менее одаренным ученикам и их родителям часто повторяют, что Наполеон, Шиллер, Александр фон Гумбольдт, Бисмарк, Дарвин, Либих, Сименс и Вагнер учились плохо и, тем не менее, стали великими людьми.

Во времена господства теории среды, которая в конце XIX – начале XX века была почти непререкаемой, пытались объяснить лучшие способности детей из высших слоев лучшим воспитанием и питанием, а худшие способности детей из низших слоев – нуждой.

Но тогда невозможно объяснить появление в условиях крайней бедности каких людей как Эккерман, Фихте, Фарадей, Фридрих Геббель и Дитрих Шеффер… Изучение близнецов особенно убедительно показывает, что среда всегда имеет меньшее значение, чем наследственные задатки. Разлученные однояйцовые близнецы, один из которых вырос в бедности, а другой в хороших условиях, проявляют одинаковые умственные способности. В соответствии с теорией среды, дети-сироты в приютах должны быть более похожи друг на друга, чем их более счастливые сверстники. Но Б. Кэмпбелл, который изучал сиротские приюты в Техасе, установил, что дети в них такие же разные.

Д.Г. Паттерсон пишет, что худшие школьные показатели детей из бедных кварталов американских городов объясняются не бедностью, а наследственными задатками их родителей, которые бедны именно из-за своих наследственных дефектов. К числу этих дефектов Р. Джонсон относит и экономическую несостоятельность, которая проявляется в склонности к бессмысленной трате денег. Большинство тех, кто в официальных документах значится как «нуждающиеся», нуждаются не вопреки своим хорошим наследственным задаткам, а из-за неполноценных задатков…

…Учение о «вырождении» высших слоев включает в себя и расхожее мнение, будто высокоодаренные люди часто имеют разного рода отклонения. Первым эту мысль выразил Чезаре Ломброзо в книге «Гений и безумие» (1864г.). К этой же мысли склоняются сегодня и те, кто некритически читает работу Ланге-Эйхбаума «Гений, безумие и слава» (1928г.). Этот автор слабо различает психические болезни, приобретенные, например, в результате заражения сифилисом, и обусловленные наследственные задатками, экзогенные и эндогенные причины. Кроме того, он не пытается сравнить частоту психических отклонений

и заболеваний среди высокоодаренных людей и людей со средними и малыми дарованиями. Действительно ли в первом случае она выше? Как уже говорилось, люди более склонны замечать исключения, чем правила, мышление средними величинами их трудно дается.

Эрнст Рюдин, обследовав 113 художников и 181 ученого, людей высокоодаренных, установил, что в семьях этих людей бездарность и слабоумие встречаются реже, чем в среднем в народе. В этих семьях также меньше преступников, чем среди остального населения. В семьях ученых шизофрения встречается реже, чем среди остального населения, зато в этих семьях маниакально-депрессивные явления наблюдаются чаще, а в семьях художников, наоборот, реже.

Эпилепсия, по данным Рюдина, встречается среди высокоодаренных людей с такой же частотой, что и в среднем в народе. Высокоодаренные люди более склонны к шизофрении и маниакально-депрессивным психозам, а малоодаренные – к слабоумию и эпилепсии. Данные, полученные Рюдином, опровергают гипотезу Ломброзо о тесной связи между гением и безумием. Так что нет оснований считать, что «вырождением» сильнее захвачены именно высшие слои…

…Ганс Люксенбургер дал обзор того, как распределяется предрасположенность к психическим заболеваниям среди отдельных слоев населения. Он различает 4 слоя: верхний, два средних и нижний. Из этого обзора явствует, что те отклонения, концентрацию которых расхожее мнение приписывало верхнему слою, встречаются в нем гораздо реже, чем в средних слоях, и немного реже, чем в нижнем слое…

Может показаться странным, что в нижних слоях эта предрасположенность меньше, чем в средних. Но надо учитывать, что в нижних слоях много детей умирает, не дожив до того возраста, когда болезнь может проявиться.

Обзор частоты психических заболеваний в отдельных слоях показывает, что нельзя искать большинство неполноценных задатков в высших слоях, как это делали начиная с XVIII века…

…Есть еще одно расхожее мнение: конечно, в том, что в высших слоях часто встречаются одаренные люди, сомневаться не приходится, но многие из них настолько «выродились», что их физическое состояние просто жалкое, так что сильный дух большей частью обнаруживается в слабом теле. Однако Ф. Гальтон выявил среди знаменитых европейцев лишь небольшую группу физически слабых, недолго живших людей, в большинстве же своем это были сильные люди и жили долго. Хавелок Эллис сопоставил данные о росте 216 знаменитых людей из разных европейских стран: 142 из них были высокими, 74 среднего и 145 –

маленького роста. Питирим Сорокин установил, что выдающиеся люди в среднем живут дольше своих современников и соотечественников. Бартон Холл утверждает, что одаренные дети физически здоровей менее одаренных и меньше нервничают. Б. Кемпбелл того же мнения.

Подобно тому, как нет «вырождения», связанного с принадлежностью к высшим слоям, нет и «старения» достигших успеха семей. Неверно и расхожее мнение, будто возможно «освежение старой семьи», если кто-то из ее представителей возьмет в жены первую попавшуюся девушку неизвестного происхождения. Это возможно лишь при наличии у девушки хорошей наследственности, а такие девушки есть не только в ранее неизвестных «новых» семьях. Законы наследственности одни и те же для «старых» и для новых семей…

… «Старение» или вырождение семей не являются также следствием браков между близкими родственниками как таковых, которые считали «кровосмешением» и причиной вырождения аристократических и крестьянских семей те, кто враждебно относился к знати и крестьянству. Но мы знаем, что роды фараонов, персидской знати, македонских Птолемеев и инков даже при браках между братьями и сестрами не теряли своих необыкновенных способностей. Дело не в этих браках, а в соединении одинаковых рецессивных задатков физических или психических или и тех, и других дефектов.

Пантус Фальбек утверждает, что в т.н. «старых» семьях чаще, чем в остальном народе, встречается бездетность и тенденция к рождению одних девочек. В результате этого вымерли многие аристократические роды в Швеции. Но эти исследования будут показательными лишь в том случае, если распространить их на другие страны и сословия.

Такой же проверки требует и утверждение Ф. Гальтона, согласно которому семьи высшего слоя Англии часто вымирали в результате того, что заслуживший титул пэра мужчина из талантливой семьи, делая карьеру, женился на богатой «наследнице».

Многие «старые семьи вымерли из-за безбрачия духовенства. Так в дореволюционной Франции, как сообщает Жорж Ваше де Лапуж, половина сыновей и две трите дочерей французской знати закончили жизнь в безбрачии в рядах духовенства. То же можно сказать и о немецкой католической знати после Реформации. Другими причинами вымирания «старых» семей были ранняя смерть сыновей на войне или на дуэлях, в заморских экспедициях, а также от пьянства и кутежей, наконец, те, кто промотал свое состояние, кончали с собой – все эти события в высших слоях происходили чаще, чем среди «маленьких людей».

Часто приходится слышать, будто в высших сословиях, особенно у людей, сделавших карьеру, настолько «изнашивается» нервная система, что из-за этого ослабевает «жизненная сила» семей. В этом случае «наследование приобретенных свойств» надо бы дополнить наследованием приобретенных недостатков. Подобных гипотез никогда не будут выдвигать те, кто, основательно изучив высшие сословия, установил, что они как раз отличаются способностью выше средних и большей длительностью жизни. Поднимаются по общественной лестнице, как правило, только талантливые семьи, а среди отдельных людей, сделавших карьеру, тоже преобладают – хотя и мерзкие задатки при большой силе воли и уме гарантируют успех – талантливые, а не пронырливые и бессовестные.

Рассмотрим сначала причины успешного возвышения отдельных людей, а не семей. Мнения на этот счет самые противоречивые. А. Ничефоро упоминает некоторые из них. Одни считают причиной успеха случай, другие – хорошие качества человека, а третьи, наоборот, плохие; многие думают, что успеха чаще всего достигают умеющие приспосабливаться посредственности. Герцог де Ларошфуко так и не смог решить, какая из этих причин главная. Лабрюйер описывает конкретные случаи, но и он больше обращает внимание на исключения, чем на правила. Лучше всего правила признания одаренных людей описаны у Шопенгауэра в его работе «Об оценке, критике, аплодисментах и славе».

Ф. Гальтон задался вопросом, насколько успеху человеку способствуют благоприятные обстоятельства, а насколько его задатки. Он тоже подчеркивал, что люди всегда больше обращают внимание на исключения, чем на правила, и говорил, что по-настоящему одаренный человек достигнет больших успехов и при неблагоприятных обстоятельствах. В Америке, где путь открыт для всех талантливых людей независимо от их происхождения, не больше выдающихся личностей, чем в Англии, где так много значит происхождение, а меньше.

Если рассматривать успех или неудачу с точки зрения теории наследственности, придется признать, что успех основывается, главным образом, на одаренности выше средней, как отдельного человека, так и – в еще большей степени – группы таких людей. Успеху отдельного человека может способствовать случайное стечение обстоятельств, но этот успех будет недолговечным. Достаточно указать на судьбу деятелей, возникших на политической арене в 1918, 1933 и 1945 годах, на судьбу всех тех «новых» семей, которые были обязаны своим успехом тому, что отцы семейств искусно использовали политическую ситуацию. Но быстрая карьера проходимцев или быстрое обогащение в результате сомнительных афер привлекают больше внимания, чем постепенное возвышение семей и постепенное улучшение их благосостояния. В целом, однако, и среди отдельных людей, делающих карьеру, преобладают ценные люди, так как посто-

янно везет, по словам Мольтке, только способным. Применительно к отдельным людям это может быть не всегда верно, но только талантливым семьям везет на протяжении двух-трех поколений…

…Согласно старым и новым исследованиям, во всех странах Европы возвышающиеся семьи и высшие сословия, а во многих областях и города (в результате миграции предприимчивых людей из деревни) имеют более сильную по сравнению с сельской местностью примесь нордической расы. Исследования, проведенные в США, показали, что большинство высокоодаренных людей либо выходцы из Северо-Западной Европы, где сильное всего примесь нордической расы, либо евреи…

…Свойственный нордической расе индивидуализм, отсутствие тесных связей между людьми этой расы отмели и К.В. Мюллер при исследовании больших групп нижнесаксонских школьников: стройные и высокие школьники не только одаренней в среднем, чем коренастые и низкорослые, – среди них гораздо меньше «стадных людей»…

Лучшее понимание процесса пополнения высшего слоя семьями, возвышающимися из низов, должно помочь утихомирить зависть и классовую ненависть, если только эти чувства сами не вызываются наследственными задатками, а не недостатком образования.

Жорж Ваше де Лапуж тоже занимался вопросом о средней наследственной ценности сословий и пришел к тем же выводам. В целом, расслоение народа на сословия основывается на обусловленной наследственными задатками способности его семей к возвышению. Лишь очень немногие семьи столетиями принадлежат к высшим слоям. Почти все, что сегодня наверху, раньше было внизу. Эта циркуляция элит будет продолжаться, пока внизу будет больше детей, чем наверху, и пока низы не будут полностью истощены – тогда, лет через сто, наступит «закат Европы».

Ваше де Лапуж показал, что ни одна семья со способностями выше средних не останется внизу, а если остается, то весьма вероятно наличие у нее наследственных дефектов. Отдельный человек, если он талантлив, может остаться внизу лишь при крайне неблагоприятном стечении обстоятельств.

Известна автобиография историка Дитриха Шеффера. Трудно представить себе более гнетущую атмосферу, чем та, которая окружала маленького Дитриха в школьные годы. Его родители были из мелких ольденбургских крестьян, отец рано умер, а мать работала уборщицей и не каждый день могла сварить обед своему ребенку. Однако Дитрих по умственным способностям намного опережал

одноклассников. Он им не завидовал – чувство зависти не может развиться, если оно не заложено в наследственности…

С точки зрения теории среды, именно трудности, которые приходится преодолевать бедняку, если он талантлив, стимулируют его волю, а в «Высших слоях» этого стимула нет. Эндрю Карнеги, преуспевший американец шотландского происхождения (1835-1919), который начинал рассыльным на телеграфе, пишет в своих воспоминаниях, что дети из семей «честных бедняков» благодаря своему происхождению имеют большое преимущество перед детьми богатых. При этом следует сделать упор не на бедности семей, а на их «честности» – это указание на наследственные задатки нравственного поведения. Таков же опыт Бруно Бюргеля, который был строительным рабочим, а благодаря своему таланту и силе воли стал астрономом.

Влияние среды богачей может преодолеть лишь человек, обладающий необыкновенной силой нравственного сопротивления… А люди, быстро делающие карьеру, легко теряют душевное равновесие, становятся жестокосердыми и склонными к насилию, как отметил Ваше де Лапуж. С другой стороны, он показал, что люди, обладающие даром быть руководителями, выходят, большей частью, из семей, в которых многими поколениями вырабатывались качества, позволяющие не потерять голову, получив власть. Как мало людей, наследственно способных выдержать испытание властью, можно было наблюдать в Германии после 1918, 1933 и 1945 года. Многие люди из бедных семей теряли душевное равновесие сразу же, как только достигали ранга, по которому им полагался служебный автомобиль.

Отправленный в отставку в 1936 г. английский министр Колоний, выходец из рабочих, являет собой пример человека, не доросшего до своего поста. С другой стороны, лорд Сноуден, член Лейбористской партии, тоже из простой семьи, в отличие от названного министра, и на высоком посту сохранил простоту прирожденного джентльмена…

Платон писал, что, по его мнению, выдающиеся люди зрелого возраста, отцы семейств, из землевладельцев, лучше всего подходят для управления государством… Хорошие примеры пополняемого снизу руководящего слоя дает история Англии до 1832, в меньшей степени – до 1916 года.

Артур Слоггер показал, что Швейцарская конфедерация была основана вовсе не «простыми крестьянами и пастухами» как гласит легенда, а потомками старых руководящих семей.

Власть и богатство опасней всего для тех семей, для которых они внове. «Новые» аристократические семьи XIX века происходили, в основном, из городской среды и вымерли быстро после их приема в ряды аристократии. Похоже, легче подняться наверх, чем удержаться наверху. Часто быстрая деградация новых семей объясняется неправильным выбором брачных пар…

Хавелок Эллис изучил сословное происхождение всех великих людей Англии начиная с елизаветинской эпохи. 63% этих людей вышли из высших слоев, которые составляют 4,46% населения Англии.

Альфред Одэн исследовал сословное происхождение знаменитых писателей Франции в период с 1300 по 1825 год. 25,5% происходили из знати. 30% из семей чиновников, 23% – из семей представителей свободных профессий. Но знать в те времена была очень тонким слоем, так что в расчете на душу ее доля в несколько раз больше других.

Исследования Одэна также показали, что большинство писателей Франции родилось к северу от линии Женева – устье Луары, т.е. в тех областях, где более сильна примесь нордической расы. Л. Вольтман подсчитал цвет глаз у 218 знаменитых французов, цвет волос у 196 и рост у 142. Среди них оказалось 160 светлоглазых, 52 кареглазых, 130 светловолосых, 46 шатенов и 20 брюнетов, 84 высокого роста, 34 среднего и 24 маленького. В Великобритании, по данным Джона Беддоу, шотландцы и северные англичане, т.е. люди из областей с самой сильной нордической примесью давали и дают больше всего знаменитых людей. Главные британские полководцы времен Первой мировой войны тоже были шотландского происхождения. Однако нордическая раса в Европе вымирает быстрее других. Если около 1900 года число блондинов в английских городах относилось к числу людей с другим цветом волос как 2:5, то перед Первой мировой войной эта пропорция была уже в Глазго 1:4, в Манчестере 1:5, в Лондоне 1:7…

Из низших слоев происходили шотландский поэт Роберт Бернс (1759-96) и Джон Баньян (1628-88), автор книги «Путь пилигрима».

По данным Ст. С. Вишера на 1922-23гг. из 18400 известных в США людей более трети были детьми представителей свободных профессий, 35% детьми бизнесменов и 23,4% детьми фермеров.

Фриц Маас исследовал происхождение 4421 знаменитого немца, родившихся после 1700 и умерших до 1900 года. 83,2% этих людей вышли из высших слоев, составляющих 20% населения.

Более 60% известных американских писателей также вышли из слоев, составляющих меньшинство населения.

Питирим Сорокин обобщил результаты изучения наследственных различий между сословиями:

1) Высшие сословия в среднем выше ростом, тяжеловесней, имеют более емкий череп, физически более красивы, имеют меньше отклонений.

2) Высшие сословия сильней, здоровей и долговечней, смертность среди них меньше.

3) Если не считать эпохи упадка, высшие слои состоят из людей, более способных к суждениям.

Эту характеристику следует распространить и на семьи, поднявшиеся из низов. Кроме того, как показывает история Греции и Рима, в эпохи упадка верхние слои быстро заполняются богатыми выскочками из низов. Римляне эпохи упадка были, большей частью, потомками бывших рабов.

Однако сравнительные оценки сословий не позволяют отличить наследственные способности от приобретенных знаний. Поэтому подсчеты поэтов и художников более показательны, чем подсчеты ученых. Достижения Фарадея и Геббеля, двух выходцев из низших слоев, следует рассматривать раздельно. Поэтому трудно сделать на основании подобных подсчетов безупречные выводы о средней наследственной ценности сословий.

Но в более высокой средней наследственной ценности высших сословий нельзя больше сомневаться после введения методов исследований, позволяющих отличить наследственные способности от приобретенных знаний… Но следует еще раз подчеркнуть: речь идет о выводах о средних величинах, сделанных на основании исследования больших групп…

Занимаясь всеми этими вопросами, надо научиться мыслить средними величинами, отличать правила от исключений. Это очень трудно, особенно для неопытных молодых людей. Но только такое мышление может защитить от классовой ненависти и предостеречь вождей от поношения «образованных» и высших сословий, к которому прибегал Гитлер…

Многие из тех, кто яростно нападает на капитализм, это люди, которым помешали самим стать капиталистами…

С другой стороны, понимание процессов отбора предостережет и людей из высших сословий от высокомерия, ибо своим богатством они обязаны не столько самим себе, сколько наследственным талантам и умному выбору жен их поднявшимися из низов предками…

Чем больше возможностей образования и чем лучше методы обучения, тем меньше высшие слои пополняются талантливыми семьями из низов, так как рождаемость в этой прослойке снижается… Американец Роберт Кук не преувеличивал, когда он на основании исследований, проведенных в разных странах, пришел к выводу, что вследствие исчезновения талантов «культурные народы» со временем превратятся в массы «слабоумных от рождения»… Таким населением сможет управлять только деспотическое государство вроде той деспотии, в которую превратил Диоклетиан гибнущую Римскую империю. «Подъем Запада» был вызван многодетностью наследственно талантливых семей, его «закат» начался с малодетности этих семей во второй половине XIX века.

Можно ли остановить отупение и «закат Европы» или даже повернуть процесс вспять? Предложение, как предотвратить грозящую опасность, поступило из Англии. Лейбористская партия согласилась с предложением Королевской комиссии, которая представила результаты исследований исчезновения талантов в населении Англии. Эта комиссия предложила уменьшить налоги и увеличить надбавки на детей для многодетных семей всех сословий…

В Германии тоже обратили внимание на снижение рождаемости как на угрозу… Но парламенты всех стран, кроме Англии, стесняются открыто обсуждать такие вопросы. Конгресс США побоялся публично сделать выводы из результатов исследований исчезновения талантов, опасаясь неудовольствия избирателей. Р.Б. Каттелл сожалел о том, что в законодательных органах вопросы евгеники всегда будут смешиваться с экономическими соображениями, затуманенными политическими страстями. Вильгельм Хартнакке в небольшой, но важной статье «Как остановить исчезновение талантов в подрастающем поколении?» внес предложения по демографической политике Германии, которые не были услышаны, как и те, что ранее внес Фриц Ленц.

Я не могу разделить надежды тех евгеников, которые, как и вышеупомянутая Королевская комиссия, ожидают в современной Европе значительного увеличения потомства семей благодаря надбавкам на детей. Р.Б. Каттелл отметил, что гораздо трудней сделать многодетными талантливые семьи, чем с помощью определенных мер уменьшить число детей в бездарных семьях. Наследственно бездарные семьи рассчитывают на государственную помощь, а на следственно талантливые ее отклоняют, не желая получать «милостыню».

Бездарным семьям всех сословий, особенно экономически несостоятельным семьям, следует предоставить право на бездетность. Герман Кнаус предложил свой метод расчета безопасных дней для женщин. От таких рекомендаций в популярных газетах до официальной рекомендации противозачаточных средств – всего один шаг.

Папа Пий XII проявил интерес к методу Кнауса. Может быть, римско-католическая церковь перед лицом угрозы перенаселения Земли изменит свои прежние взгляды, в частности, по вопросу о предусмотренной законом стерилизации, так как сегодня многие женщины в католических странах добровольно идут на стерилизацию. Американский евгеник Роберт Кук сообщает, что в Пуэрто-Рико идут на это после родов 60% женщин. Но стерилизация без разбора, как добровольно, так и по закону, имеет негативные последствия. Женщинам с хорошей наследственностью ее не следует рекомендовать, им надо помогать в трудные времена.

Те государства, которые, по примеру США, ввели стерилизацию по закону, могут распространить ее на те случаи, когда налицо слабоумие или крайняя степень глупости. Государства тратят большие средства на помощь таким матерям и на воспитание их неполноценного потомства. Поэтому в Германии специалисты по наследственности и общественные деятели выступают за то, чтобы снова ввести стерилизацию, хотя бы добровольную, доказывая тем самым, что отмененный в 1945 году Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства вовсе не был «нацистским законом». За его восстановление выступает и д-р Ганс Нахтсгейм, противник национал-социализма. Гизела Лемме пишет: «Настанет время, когда и Германия, которая всего несколько лет назад была ведущей страной в области биологии наследственности и евгеники, осознает эту культурную необходимость и у нас евгеника снова пойдет в ногу с прогрессом техники, экономики и промышленности».

Герхард Хеберер, главный специалист по наследственности в современной Европе, высказывается в том же плане: Необходимость практической евгеники признают многие известные биологи, Жан Ростан во Франции, Джулиан Хаксли в Англии, Мюллер в США, Г. Нахтсгейм в Германии и другие… Должны быть приняты меры, препятствующие дальнейшему размножению наследственно больных семей и стимулирующие размножение семей со здоровыми задатками. Сегодня демографическая политика на практике такова, что происходит обратное… Лауреат Нобелевской премии Мюллер доказал, что происходит непрерывное ухудшение генофонда человечества. Жан Ростан предупреждает, что генетический уровень рас в цивилизованных странах будет и дальше снижаться».

В США и Европе должны понять, что **глупость** это **плохая_наследственность**, и они смогут выиграть соревнование с другими народами Земли лишь в том случае, если будут опережать их по числу талантов. Заслуга Рейнхарда Демолля в том, что он в своей книге «Цепи для Прометея» (1954г.) показал, что глупость это тоже наследственный порок.

Демолль предрекает народам Европы и Северной Америки мрачное будущее. Сомнительно, можно ли еще остановить ухудшение генофонда этих народов. Успехи медицины позволяют сохранить жизнь все большему количеству неполноценных элементов, а те потом еще и размножаются.

Мрачную картину будущего цивилизованных народов рисует и Эрнст Хасс в своей книге «Трон человека шатается» (1955г.), которая имеет подзаголовок «Естественнонаучная критика современной жизни». Он пишет, что из-за заботы государства о неполноценных «среднее качество граждан из поколения в поколение ухудшается» и кончится тем, что прирост населения будет давать один люмпен-пролетариат. Средство защиты от этого Хасс видит в стерилизации и ставит в пример Японию, которая ввела ее законом. В нем перечислены 55 наследственных болезней. В 1955 году в Японии поэтому закону были стерилизованы 11403 человека. Подобные меры – единственный способ избежать «господства неполноценных».

Джулиан Хаксли, бывший глава ЮНЕСКО, показал в ряде своих работ процесс саморазрушения человеческого рода, особенно в тех государствах, где «естественному отбору» мешает «социальная помощь». Вслед за Ф. Гальтоном, Хаксли сегодня тоже призывает народы сделать евгенику своим высшим религиозным долгом.

Если европейские народы хотят избежать отупения, они должны больше прислушиваться к тому, что говорят евгеники. Кроме того, они должны бороться с принижением разума, характерным для «общественного мнения» этих народов в XX веке, соответствующим исчезновению талантов в этих народах. Слишком часто повторяется ложь, будто для совместной жизни людей «добрые убеждения» важней ума. Официально первым стал восхвалять «убеждения» в ущерб уму национал-социализм, взывавший к массам. Американский теолог Джон Эрскин считает принижение разума особенностью англоязычных народов и противопоставляет этому «нравственную обязанность быть умным».

Мнение Эрскина и других теологов может способствовать тому, что разум хотя бы частично вновь обреете то значение, какое придавалось ему в XVIII веке. Если сегодня в Северной Америке и Европе посредственность считается «демо-

кратической» добродетелью, значит, их народы, которые в XVIII веке были в среднем умными, вскоре станут глупыми.

Народам и государствам необходим определенный уровень разумности, уровень, которого сегодня многие европейцы и американцы уже не достигают. В 1930г. Фриц Ленц согласился с А. Гротьяном, который считал неполноценными людьми треть немецкого народа. В США в том же году насчитывалось 6 миллионов слабоумных. Я полагаю, что в США и Европе на деньги налогоплательщиков жили миллионы людей, которые по умственному уровню были ниже взрослых шимпанзе. Среди первобытных народов неполноценные элементы не могут размножиться до такой степени.

Гизельхер Вирзинг предлагает создать наряду с парламентами государственные органы для решения «долгосрочных задач», вопросов отбора. Неважно, к какой партии будут принадлежать евгеники, которые войдут в этот орган, поскольку евгеники всего мира согласны во мнениях. Любой государственный закон должен проверяться на его соответствие законам отбора.

Но нельзя говорить о слое или слоях высокоодаренных людей. Высокая одаренность (может быть, за исключением эллинов и македонцев) никогда не бывает представлена в целом слое…

«Закат Европы» кажется неотвратимым, поскольку законы наследственности и отбора неумолимы.

Во всех «культурных народах» с конца XIX века происходит тот же процесс, который в Римской империи со времен Антонинов давал все больше возможностей основывать семьи и размножаться ни к чему не способным людям… Но любая помощь без разбора всем многодетным семьям оказывает разлагающее влияние. Нужно различать семьи, которые заводят детей, полагаясь на свои таланты, и семьи, которые заводят детей бездумно, полагаясь на помощь государства. Следует также различать людей, которые попали в нужду, несмотря на свои хорошие задатки, и тех, кто нуждается из-за своих плохих задатков…

«Закат Европы» может быть отсрочен только в результате осмысленной «семейной политики», исходящей из фактов наследственности и отбора, только в результате ограничения размножения бездарных и безнравственных людей и семей, стимулирования размножения талантливых семей и правильного выбора супружеских пар.

Упомянутый Джулиан Хаксли обратился в марте 1950г. на состоявшейся в Лондоне международной конференции ученых с призывом к государственным дея-

телям всех стран, который в сжатой форме выражает тот Вывод, который следует сделать из данной работы: «Настало время обосновать всемирную демографическую политику, которая будет больше обращать внимание на качество, а не на количество людей, в противоположность тому, что делали государственные деятели на протяжении последних 40 лет».

Посетите Библиотеку Велесовой Слободы, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> **Новости сайта Велесова Слобода**.